

Демоны Вебера

Денис
Кучеренко

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Денис Кучеренко Демоны Вебера

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69860986

SelfPub; 2023

Аннотация

Видения Вебера не просто реалистичны, они неотличимы от реальности. Они – это кошмар наяву. Продавая свой талант за деньги, предсказатель Верго Вебер получает возможность раз и навсегда покончить со своими финансовыми трудностями, но для этого ему придется впутаться в кровавую авантюру по смене власти в дикарском княжестве, вновь встретившись с давно забытыми отголосками прошлого. На пути к своей цели он столкнется как с чудовищами, порожденными человеческой алчностью, так и с теми ужасами что кроются в глубинах его памяти. Вопрос лишь в том, удастся ли ему дойти до конца этого пути, сохранив свой рассудок и свою человечность?

Содержание

Глава 1. Худший из контрактов	4
Глава 2. Угрюмые достопримечательности	45
Глава 3. Увертюра кошмара	87
Глава 4. Братья наши меньшие	122
Глава 5. Люди и их нравы	172
Глава 6. История Верго Вебера	216
Глава 7. Его величество – ужас первобытный	311
Глава 8. Наперегонки со смертью	352
Глава 9. Где-то в закулисье	403
Глава 10. Слабость рода человеческого	437
Глава 11. Что скрывается под маской?	478
Глава 12. Ставки сделаны	520
Глава 13. Когда торг неуместен	557
Глава 14. Предложение от которого не отказываются	622
Глава 16. Кровь и снег	709
Эпилог	775

Денис Кучеренко

Демоны Вебера

Глава 1. Худший из контрактов

Эта история берет свое начало в промозглых землях княжества Помонт – покинутой всеми богами земли на самом краю цивилизованного света. Поговаривают, что хуже отвратительной погоды и холодных скалистых гор в этих краях только их же обитатели, но, как известно, людская молва отнюдь не всегда заслуживает доверия.

Негостеприимных земель княжества едва-едва касался свет столь далекого солнца, здесь он безусловно справлялся со своей работой, разгоняя тьму, но вот тепла давал немного. И неудивительно, ведь ближайшее светило находилось на расстоянии не менее ста километров, навеки застыв на небе в одном месте, не уползая за горизонт и не меняя своей яркости.

Злые языки болтают будто бы когда-то солнце бороздило небеса, время от времени прячась от пристального людского взора, но никто таким сказкам уже давно не верит. Главный источник света здесь испокон веков был своеобразной и совершенно незыблемой частью небес.

Но на этот раз речь пойдет не о солнце, и даже не о при-

чинах его неподвижности. Эта история посвящена одинокому человеку, и, быть может, одному захудалому княжеству.

С недавних пор в Помонте все пропахло переменами, и многие из них не сулят его гражданам ничего хорошего. В воздухе повисло едва заметное напряжение, а люди нервно засуетились, словно предчувствуя неладное. И никому из них и в голову бы ни пришло, что их судьба в этот момент доверчиво легла в руки одному бессовестно опаздывающему путнику. Даже он сам об этом еще не догадывался.

Ворох унылых мыслей и смутных опасений уже почти что целый час не покидал головы этого человека, с переменным успехом спасая того от скуки. Последний, из себя представлял скорее невыразительную тень, едва различимо бредущую в потемках соснового леса. И без того хмурая местность, затеняемая горным кряжем, буквально утопала в молочном тумане, столь не вовремя спустившимся с ближайшей горы. Темно-серые стволы деревьев грозно обступали мужчину, уходя корнями глубоко в подзол, едва укрытый слоем полусгнивших иголок. На стволах не виднелось обрамленных зеленью веток вплоть до самой верхушки, и только там, на высоте полутора десятков метров, раскидистые кроны озарялись мягким солнечным светом. Ни один солнечный луч не достигал земли, не оставляя и шанса закрепиться на подзоле чему-то кроме мха. И мало того, что лес был мрачным сам по себе, казалось, что даже всякая живность его избегала: на протяжении стольких часов блужда-

ний человек ни разу не услышал ни птичьей трели ни хотя бы волчьего воя, при том что волки, согласно молве местных, этими местами не брезговали.

Поспешно переставляя ноги, попутно выискивая блуждающим взглядом едва заметную тропу, путник достал из многочисленных складок бурого кафтана выдавшие виды карманные часы, блеклая цепочка которых уходила глубоко в прокладку его одежд. «Заниженные ожидания никогда не приведут к разочарованию», – гласила надпись на откидной крышке. Откинув ее, одного брошенного на циферблат взгляда было достаточно чтобы понять – путник уже изрядно опаздывает.

Несколько неразборчиво брошенных ругательств едва ли помогли быстрее сократить дистанцию до его цели. Наконец, ветер (будучи единственным спутником человека) донес до него обрывки людских фраз. Чем дальше по тропе он продвигался, тем чаще ему доводилось слышать разнообразные звуки чьей-то волокиты: треск ломаемого хвороста, гулкий звон от ударов о металлическую поверхность и довольно хаотичный топот. Тем временем, ноги таки вывели путника к искомому им месту.

Из-за длинной череды деревьев, от вида которой у пришедшего неприятно рябело в глазах, выступали маленькие домики с побеленными стенами и забавно скошенными соломенными крышами. Будто монарх, обступаемый своими подчиненными, в самом центре крохотного селения стоял

непомерно громадный особняк, окруженный ветхими домишками. Шесть этажей напыщенного высокомерия возвышались над лесом, и каждый был впечатляюще массивен. Острая черепичная крыша венчала поместье, высясь даже над верхушками вековых сосен. Фасад сего творения, весьма красивое произведение и, быть может, гордость архитектора, было не разглядеть из-за тумана. Во всех окнах горел свет. Недалеко от входа был расположен массивный колодец, давно поросший мхом. Ряд подвешенных тут и там ламп освещал поселок, не позволяя ему окончательно утонуть в молочной мгле.

– Действительно. Мимо такого не пройдешь, – задумчиво пробормотал путник вглядываясь в неясные силуэты то тут, то там шныряющие меж домами. Туман чудесно скрывал детали, мешая разглядеть лица людей что поспешно что-то собирали и перетаскивали.

Всего десяток шагов отделял пришедшего от ближайшего дома, украшенного причудливой росписью. У самого входа, на железной подложке стояла керосиновая лампа, освещающая часть стены приятным желтоватым светом. Многочисленная кладь и россыпь небольших ящиков отбрасывали на стену свои тени. Одна из теней, резко отделившись от своих собратьев направилась в сторону путника, быстро обретая очертания человеческой фигуры.

– Кем будешь? – прохрипел необычайно низкий голос. Его владельцем был среднего роста старик, кутающийся в выдав-

ший виды безвкусный темно-синий костюм. Неясного цвета брюки скрывались в высоких заляпанных грязью кожаных сапогах. Под верхней одеждой проглядывалась белая рубашка со стоячим воротничком и туго накрахмаленными манжетами. Тощая шея, казалось с трудом удерживает иссохшую, широколобую голову, из-под густых бровей которой на путника смотрели огромные карие глаза. Не смотря на гармоничность наряда, старик выглядел нелепо и неопрятно, такого рода одежда определенно ему не шла к лицу.

– Вебер, Верго Вебер. – Немного покопавшись во многочисленных карманах дорожной сумки путник продемонстрировал неопрятному старику письмо, испещрённое вязью мелких букв. В самом его низу красовалась крупная печать – фирменный знак отправителя. – Я прибыл по приглашению. Если я правильно понимаю, это ведь поместье Риганцев?

Несколько секунд посверлив глазами письмо, старик энергично закивал головой. Поморщившись он перевел взгляд на Верго, будто что-то сопоставляя в уме. Две громадные седые брови в пылу размышлений практически сошлись в одну сплошную линию. В конце концов, видимо удостоверившись в чем-то ясном только ему одному, старик развернувшись неспешно зашагал в сторону особняка, бросив одну лишь фразу:

– Иди за мной.

– В ваших краях не очень-то хорошо обстоит дело с гостеприимством? – в шутку заметил Вебер, засеменяв за ста-

риком.

– Видимо не лучше, чем в ваших с пунктуальностью, – грубый старческий голос неприятно резал слух гостя.

Верго прикусил язык – верно было подмечено. Путешествие выдалось долгим и главной причиной тому была его природная медлительность. Впрочем, он предпочитал называть это свое свойство не иначе как неспешностью. Будто одно единственное слово могло выдать прискорбный недостаток за вальяжную особенность. Пускай и можно бы было добраться сюда быстрее, Верго не сильно жалел о упущенной возможности. Девять долгих дней, проведенных в повозке и не меньше шести часов блужданий в окрестностях, – он действительно даже не догадывался, что дорога через лес займет столько времени.

– Письмо застало меня в... крайне далеких землях. Не один день ушел чтобы сюда добраться, так и лес сам по себе весьма...

– Попридержи свои оправдания, мне то они ни к чему. Сейчас встретишь хозяина, вот ему то и расскажешь, – старик говорил с заметным раздражением. Он определенно не был настроен на душевные беседы.

По мере того как эти двое приближались к шестиэтажному гиганту, Верго безуданно провожал взглядом снующих в округе работяг. Мужчины и женщины не самой приятной наружности таскали тюки с увесистым добром и разного размера свертки. Будто потревоженный улей, поселок

гудел. Казалось, что все местные жители заняты делом. И все же, некоторые силуэты держались в отдалении от занятых трудяг, безмолвно наблюдая. Такие одиночки натачивали короткие клинки или же лениво копошились в своих увесистых сумках, будто проверяя все ли необходимое они взяли с собой.

Подойдя к главному входу, заученным движением старик раскрыл большие двери из лакированной темной древесины. Они сильно отличались от остального внешнего убранства, будучи прагматично пустыми – ни тебе вычурного рисунка, ни других элементов декора на них не было. Двери скрывали за собой длинный залитый светом коридор, увешанный сюрреалистичными картинами. По обе его стороны виднелись ведущие в подсобные помещения арки. У самого входа лежал свернутый, великолепный темно-оранжевый ковер. Некогда устилаемый своеобразной дорожкой к изящному лестничному проему, ныне же, паркетный пол, более не прикрытый ковром, был усеян грязными следами сапог.

Но вовсе не ковер и не безобразные следы ботинок привлекли внимание Верго. Свет. Вся комната была замечательно освещена, при том что характерное мерцание пламени, как и какие-либо следы гари на стенах и потолках полностью отсутствовали. В воздухе не витал отвратный запах керосина. Из-под развешенных на стенах дорогих плафонов разливался приятный и стабильный теплый, желтый свет.

– Электричество? Здесь? Неужели вам каким-то образом

удалось протянуть сюда линию электропередач? Во дворе я не заметил ни одного провода!

– О, это гордость нашего господина. – Старик будто расцвел вглядываясь в лампы. Морщины на лбу расправились, а брови снова разошлись в разные стороны. – Конечно никакая линия сюда не ведет. Посреди леса мы как-никак. Господин лично обустроил угольный генератор в подвале.

Верго слабо представлялось как это такая громадина может уместится в обычном подвале. Впрочем, немного поразмыслив, он пришел к выводу что подвал стало быть у такого то дома должен быть соответствующих размеров. Все больше вопросов возникало к личности его нанимателя. Возможно, стоило ранее более подробно расспросить о нем у местных.

Внутри поместья было ожидаемо хорошо натоплено. Поток теплого, пускай и слегка спертого воздуха, окружил Верго, донося до него целый ворох разнообразных запахов: пряные ароматы тмина и кардамона, доносящиеся из ближайшего дверного проема сильно контрастировали со стойким духом дубленой кожи, витавшим у лестницы. Чуть погодя, общую картину дополнили и другие чужеродные запахи.

– Здесь ведь не всегда такой бардак? Вы к чему-то готовитесь? – не без интереса спросил Верго, поднимаясь по загаженным дубовым ступеням.

– Мы почти на месте. Там то тебе все и расскажут.

С трудом переставляя костлявые ноги, старик с упорством

горного козла взбирался на второй этаж. Внезапно выскочивший из-за лестничного пролета молодой парень, одетый в грубый кожаный жилет, едва не налетел на престарелого дворецкого. В последний миг уклонившись, парнишка засеменил вниз по ступеням, едва слышно пробормотав извинения.

Верго мог бы поклясться, что в этот миг он услышал скрип старческих зубов. Одной этой мелочи было достаточно чтобы просветлевшее лицо дворецкого вновь превратилось в сморщенную недовольную гримасу. Что-то Веберу подсказывало, что настроение старика было испорчено задолго до его пришествия.

Поднявшись на второй этаж, эти двое стали свидетелями редкостного балагана. Просторный зал, предназначенный для приема гостей, был заставлен разного рода коробами и свертками, среди которых неспешно бродили важного вида вооруженные особы. Усеянные примитивными нашивками кожаные жилеты, дорожные сапоги и другие, вразброс подобранные предметы гардероба, чьими единственными общими чертами были удобство и обилие застегивающихся карманов, с головой выдавали контингент наемников. Но выдавали не больше чем отборная ругань, тщательно перемешанная с малопонятным чужакам, по-деревенски простоватым говором, приправленным толикой военизированного жаргона.

Слегка поодаль от копошащихся солдат, у стола устланно-

го ворохом бумаг стояла разительно отличающаяся от окружающих троица. Именно к ним подвел Верго дворецкий. Едва приблизившись, старик безмолвно сделал невразумительный жест – то ли слегка поклонившись, то ли незначительно присев, на манер королевской прислуги, он подытожил:

– Господин, мистер Вебер к вашим услугам.

Верго был слегка уязвлен такой наглостью. Без малого десять минут панибратского и откровенно говоря нахального обращения при одном только виде владельца поместья чудом преобразается в вежливое «мистер». Временами ему казалось, что лицемерие и подхалимство едва ли не главные спонсоры чудес в сколь-нибудь приличном светском обществе.

Самый высокий член троицы, с иголки одетый в белоснежно-белый пиджак и расшитые золотом, не менее белоснежные сапоги, заметил гостя, расплывшись в широкой улыбке. Столь дорого одетого кареглазого блондина с аккуратно ухоженными бакенбардами и вправду можно было принять за представителя королевских кровей, настолько величественна была его стать.

– Стало быть вы тот знаменитый мистер Вебер, о котором мы столько слышали? Должен признаться я уже начал побаиваться что вы не придете! – Блондин с энтузиазмом пожал руку Верго. – Рад что мои опасения не подтвердились! Я ваш наниматель, Самюэль Риганец. Вы могли не слышать обо мне, но уж точно хотя бы раз слышали о моем предприятии.

Являюсь главой «Комптон» – энергетического конгломерата. – Самюэль слегка повернулся в сторону своего более низкорослого спутника. – Позвольте представить, это мой дражайший друг и самый верный соратник, Филипп Голдберг. – На этот раз руку Верго протянул седой полноватый мужчина крепкого телосложения. Он носил пышные усы, почти полностью прикрывающие рот и плавно перетекающие в короткую, хорошо ухоженную бороду. Крепыш выглядел довольно дружелюбно и что немаловажно – дорого. Из-под накинутого льняного плаща проглядывало странное одеяние, отдаленно напоминающее парадный мундир. Риганец тем временем перевел свой взор на хмурого, усталого безобразными шрамами мужчину средних лет, стоящего от него по правую руку. Тот был одет в меру практично, не сильно отличаясь своим убранством от суетящихся неподалеку наемников. – Этот же серьезный джентльмен...

– Мое имя Остин, – перебив Самюэля, грозно заявил последний член троицы. – Я командир отряда гвардии «Вольного Помонта». Это все что вам нужно знать обо мне.

Каждая из трех стоящих перед гостем особ была по-своему колоритна. Не нужно было иметь семи пядей во лбу чтобы заметить порождаемый их собранием контраст. Интеллигентный и чрезмерно аристократичный Риганец, всем своим видом походя на особу голубых кровей, сильно выделялся на фоне грубого и нахального Остина, что скорее смотрелся бы гармоничнее в казарме, чем в таком роскошном особняке.

Усатый Голдберг, будучи особой весьма приятной наружности, и вовсе походил на дельца – было в нем что-то от торговца, слишком уж манерно он держался.

– Можно сказать, мистер Вебер, – вновь перехватил инициативу блондин, – что вы успели в последний момент. Приди вы на час позже, так ваш путь сюда оказался бы напрасным! Уж поверьте, какой бы ни была причина вашей задержки, это уже совсем не имеет никакого значения. Главное, что вы здесь. И, прежде всего, хотел бы я уточнить, что именно вам поведал мой адъютант в письме? Видите ли, в свете последних событий я был вынужден дать ему указания о крайней сдержанности сообщения.

– Письмо и правда было исчерпывающим. – Верго демонстративно раскрыл свое приглашение. – Если я все верно понял, вы, мистер Риганец, совместно с мистером Голдбергом желаете нанять меня на сопровождение некой молодой особы до ближайшего административного центра – Ганои. Моим приоритетом будет безопасность сопровождаемого. Как вы и сказали, детали в письме отсутствуют. Но что здесь написано не двусмысленно так это сумма вознаграждения, полагающаяся за мою работу. Я бы хотел уточнить, речь действительно идет о семидесяти кратах?

Престарелый дворецкий, видимо посчитав свое дело завершенным, неуклюже поклонившись удалился в сторону лестничного спуска. Никто из троицы даже не обратил на это внимание. Их пытливые взгляды целиком и полностью были

сосредоточены на Верго.

– Все верно. Семьдесят крат за сопровождение, и что не маловажно: сумма увеличивается на двадцать дополнительных крат... – Риганец несколько помедлил, подбирая нужное слово, – в случае каждого эксцесса. И тут, пожалуй, мне придется зайти издалека.

Несколько свыкнувшись с новым окружением и пристально оглядев своих нанимателей, Верго стал обращать внимание на некоторые любопытные мелочи, скрытые от менее пытливого взгляда: улыбка Самюэля была натянутой – растягиваясь, губы блондина обнажали белоснежный ряд зубов, в то время как его верхняя часть лица оставалась неподвижной, ни один мускул выше рта даже и не думал двигаться, глаза застывали не сужаясь, улыбаясь он переставал моргать. Сама же подобная маске улыбка, оставалась на его лице чрезмерно долго, вызывая странное, весьма неприятное чувство. Подобное ощущение дискомфорта возникало и при его излишне натянуто-радостных восклицаниях. И зачем только кому-нибудь так неестественно кривляться?

– Слыхали ли вы о недавней кончине князя Ремуса Пальмонтского?

– Мне редко доводится бывать в Помонте, и, говоря по правде, я не очень то интересуюсь местной политикой, – поспешно, в меру вежливо отозвался Верго.

– Понимаю, – Риганец деловито кивнул, словно одобряя подобный подход, – мало кто захочет по доброй воле оста-

ваться в нашем княжестве. Как бы ни было это горько признавать. Но все же, и в нашем болоте случаются перемены. Не так давно, в следствии продолжительной лихорадки, а может быть и с чьей-то помощью, наш несменяемый правитель отошел в мир иной. И земля ему пухом!

– Не то что бы кто-то будет по нему сильно скорбеть... – донеслось со стороны усатого Голдберга.

– Пускай и прозвучит цинично, но для нас это известие открыло немало дорог. И принесло немало головной боли. – На этот раз глава конгломерата удосужился убрать с лица натянутую улыбку. – Уже шестнадцать лет как под этой крышей растет юное дарование, воплощение наших надежд, и по совместительству будущий князь Помонта. Да, да мистер Вебер, под моим крылом крепчает настоящий единокровный наследник – сын Пальмонтского, Марк. Мальчик уже достиг необходимого возраста и может претендовать на престол! Даже более того, будучи ближайшим кровным родственником мужского пола он является по совместительству главным претендентом. Главным, но не единственным.

С каждой секундой все продолжающегося разглагольствования блондина выражение лица Остина отражало все больше безразличия. В какой-то момент он, сложив руки на груди, отвернувшись устался в окно. Самюэль же, оставив это незамеченным начал сопровождать свои речи неспешной жестикуляцией: то разводя руки в стороны, то складывая их вместе, подобно молящемуся монаху.

– Не прошло и дня с кончины князя, как проблемы посыпались на нас одна за другой! Кухарка, проработавшая у нас не менее шести лет, подсыпала отраву в пищу наследнику. Это чудо, что слуга по своей наглости отведал похлебку первым! – цинично заметил Риганец, громко восклицая. – В тот же день, всего-то пять часов спустя одна из мои самых доверенных служанок, нянчившая парня на своих руках десятков лет назад, попыталась зарезать его во сне. Благо, после первого инцидента я побеспокоился о его безопасности в достаточной степени. Вы можете это себе представить? Два покушения за один день, со стороны людей, которым я доверял столько лет...

– Выходит другие наследники не очень то миролюбивы, – заметил Верго, стараясь выказать свою заинтересованность предметом разговора. Впрочем, дело и взаправду было не самым заурядным.

– В такие моменты следует поступать решительно, и уж точно не позволительно медлить. В Помонте есть одна занятная специфика передачи власти: чтобы мальчишка стал князем, ему необходимо всего лишь прибыть в Ганою и пройти обряд инициации. С момента принятия клятвы и до последнего своего вздоха он будет князем. Естественно, убийство правящей особы не то же самое что и убийство неизвестного мальчугана – федерация очень сурова в вопросах власти. Безопасность мальчику будет обеспечивать хотя бы тот факт, что убийцу посягнувшего на святое, из-под земли достанут и

публично накажут, в назидание остальным. И под убийцей я подразумеваю вовсе не исполнителя, но заказчика. Желаящие смерти моему фавориту прекрасно понимают, что парня им нужно устранить пока он не прибыл в Ганою. Я же, в свою очередь, желаю его туда как можно быстрее и безопаснее доставить. Вот здесь и потребуетесь вы со своими особыми умениями, – Риганец сделал паузу, демонстративно оглядывая Верго.

– Одним мной вы не ограничитесь, ведь так? Эти наемники, – Верго указал рукой на хмурых солдат, раскладывающих припасы по карманам, – они ведь тоже будут его сопровождать?

– Вы должны понимать, мистер Вебер, я не могу излишне рисковать, от слова совсем, – проговорил блондин, смотря Верго прямо в глаза. – От своего друга, да что там, от целого ряда деловых партнеров, я наслышан о ваших способностях. И все же, полагаться только на вас было бы неразумно. В особенности учитывая тот факт, что раньше мы с вами вместе не работали.

– К слову о работе... – в очередной раз встрял Голдберг, неспешно поднимая с рядом стоящего письменного стола одну из многочисленных бумаг. – Самюэль, не пора ли нам ознакомить гостя с условиями того на что он подписывается? Я конечно говорю о контракте. Вам ведь не впервой работать по контракту, мистер Вебер?

Усач протянул Верго длинный пергамент, заполненный

несколькими десятками абзацев текста. Только взяв его в руки Вебер испытал целый букет ненавистных чувств в отношении княжеской бюрократии. Ему конечно же доводилось работать по контрактам, но не по формальным бумажкам, составленным профессиональным юристом с такой скрупулезностью. Количество мелких надписей и раздражающих сносок просто зашкаливало. Переборов свое раздражение, мужчина внимательно вчитался в условия. Да какие условия!

– Прошу прощения, – робко начал Верго спустя несколько минут чтения, – согласно восьмому параграфу, в случае серьезного ранения или же гибели наследника, я должен буду выплатить сумму предназначавшегося мне вознаграждения. Я? Я должен буду ее выплатить?!

– Прекрасно понимаю ваше негодование, но хочу отметить что если хотя бы половина того что о вас говорят правда, то для вас не составит труда выполнить наше поручение, – будто пытаясь загладить несовершенный проступок, Риганец проговорил это тихо, почти ласково. – Как я уже сказал, раньше мы не сотрудничали. Семьдесят крат это немалая сумма, боюсь, как предприниматель, я вынужден предусмотреть некий, если позволите, компенсационный механизм. В параграфе двенадцать сообщается, что в случае каждого покушения, или любого другого предоставляющего опасность для наследника происшествия, что было предотвращено вами, сумма вашего вознаграждения увеличивается на тридцать крат. Естественно это не распространяется на прежде

оговоренные штрафные санкции. Иными словами, в случае вашего фиаско, вы выходите в плюс всего то при трех самолично предотвращенных «инцидентах». Надеюсь до такого не дойдет конечно.

– Всего то... – несколько ошеломленно повторил за блондином Верго. – А кто в таком случае будет следить за моей работой? Кто сможет гарантировать что меня ни в чем ложно не обвинят, не припишут себе плоды моего труда?

– Лично я. – Голдберг гордо похлопал себя по груди. – Я тоже принимаю участие в этой аванюре. В сопровождении двоих телохранителей, разумеется. Не могу же я оставить мальчишку на эту мутную наемничью свору!

Остин, все с таким же безразличным видом стоявший неподалеку, казалось никак не отреагировал на колкий комментарий, все так же разглядывая невесть что за окном. Быть может, даже не смотря на всю свою грубость и нахальство он понимал, что сорится с заказчиками из-за такой мелочи не лучшая затея. А может и вовсе не слушал разговор, погрузившись с головой в свои мысли. Его выражение лица мало о чем говорило.

– Вы, ваша охрана, группа наемников... Сколько вообще человек участвует? – Верго говорил не отрываясь от чтения контракта, его глаза жадно пожирали абзац за абзацем, в то время как мозг тщательно анализировал прочитанное.

– С учетом вас, пятнадцать человек, – сухо продекларировал Риганец.

Глава конгломерата на пару со своим другом устался на Верго, ожидая, когда тот закончит чтение контракта и огласит свое решение. На минуту, в кругу собеседников воцарилось неловкое молчание. Гость быстро поглощал мелкие строки одну за другой, дочитывая документ.

– Хотел бы я, чтобы мы с вами, мистер Вебер, могли себе позволить праздно побеседовать за чашечкой ароматного мятного чая. Так сказать, обсудить вопросы насущные. Но боюсь, нас поджидает время. С вами, или без вас, группа выступает в течении часа. Я не могу больше медлить, а посему, вынужден просить вас о принятии решения в кратчайшие сроки, – на сей раз Риганец звучал несколько обеспокоенно, даже нетерпеливо.

Наконец, Верго закончил свое чтение. Несколько секунд он нелепо пялился на исписанную бумагу, оценивая все за и против. Спешный мыслительный процесс вскоре перетек в решение – решение о котором он еще не раз пожалеет.

– Я согласен. Будьте добры, передайте перьевую ручку с чернилами. Надеюсь кровью подписываться нет нужды?

– Обычной подписи будет достаточно, – Риганец совершенно не оценил шутки, пропустив ее мимо ушей, видимо будучи слишком озабоченным согласием Верго. – Рад что вы решили участвовать! Действительно досадно, вы только с дороги, а уже опять пора в путь!

Самюэль ловко подметил, лицо Верго вовсе не светилось энтузиазмом. Провести столько времени в пути, чтобы после

узнать, что тебя ждет еще не менее нескольких дней унылых странствий – известие не из приятных. Но деньги того стоили. Он бы согласился даже если бы валился с ног от усталости, слишком уж велика была сумма.

Уныло наблюдая за вялыми, уже практически готовыми к пути наемниками, Верго последовательно задавал ряд существенных, пускай и второстепенных вопросов. Вопросы имели профессиональный характер – только конкретика, непосредственно касающаяся дела. Ему как никому другому было известно, как сильно смутные заказчики не любят расспросы о своих мотивах и помыслах. Его наниматели явно о многом умалчивали, что, впрочем, не так и удивительно.

Изуродованный шрамами глава наемников шустро подключился к разговору, как только троица затронула тему грядущего пути. Он отвечал быстро и лаконично, будто докладывая важные военные сведения своему сослуживцу. Безусловно, суровая профессия не лучшим образом сказалась на характере и повадках этого человека.

Прояснившиеся детали были довольно ожидаемыми: главой их группы будет Остин, именно он ответственен за решения о смене маршрута, остановки для привалов и защиту наследника. Они будут избегать главных трактов, как и оживленных дорог в целом. Ввиду перемещения по преимущественно пересеченной местности, идти придется пешком. Карта маршрута составлена единолично Остином, никто другой ее не видел, и не увидит – ведь не известно есть

ли еще в особняке предатели. Места для отдыха будут выбираться в последний момент, ситуативно, чтобы у недоброжелателей не было и шанса предугадать расположение группы и застать их врасплох. Дорога до Ганои может занять от четырех до шести дней, в зависимости от обстоятельств и погоды.

Еще какое-то время поразговаривав с троицей, Верго, попрощавшись с Риганцем спускался на первый этаж, всецело погружившись в свои мысли. Сзади слышались тяжелые шаги. Стоило задумчивому Веберу оглянуться как на него из-под толстых бровей уставились два бледно-зеленых глаза. Голдберг видимо не считал, что их разговор окончен. Крепыш поспешно преодолел несколько последних ступенек, поравнявшись с задумчивым Верго. Только сейчас, стоя в шаге от усача Вебер заметил, что друг Риганца ниже его почти на голову. Слишком поглощенный обдумыванием условий контракта он практически не обращал внимание на детали внешности окружающих его людей. Да настолько, что от него ускользали совсем уж очевидные вещи.

– Что думаете, мистер Вебер? – тон Голдберга был неподдельно дружелюбным.

– Думаю, что если у Бога и есть чувство юмора, то это ирония. Насколько же наивными были мои предположения о том, как пройдут ближайшие несколько часов. А ведь я так надеялся на хоть бы и небольшую, но передышку! – задумчиво проговорил Верго, сверяя время по своим часам. Нане-

сенная на них надпись будто насмеялась над неудачливым путником. – Я бы где-то посидел перед дорогой. Что скажете, мистер Голдберг? Полагаю, жалкий остаток отведенного нам на отдых времени, что я проведу на какой-нибудь скамейке, без труда развяжет мне язык, и я с удовольствием удовлетворю ваше любопытство...

– Скамейка значит? Предпочитаете свежий воздух затх- лому духу этой развалины? Понимаю. – Оторвав взгляд от Верго, усач подозрительно быстро оказался у выхода из поместья. – Прошу за мной.

Свежий прохладный воздух мгновенно взбудрил Вебера, слегка разморенного теплом особняка. Тем временем суматоха на улице подошла к своему логическому завершению: все необходимые припасы были подготовлены, наемники тихо о чем-то болтали у одного из домов, а местные, из числа которых во дворе оставалось лишь трое, взволнованно об- суждали новоприбывших, с опаской поглядывая на их ору- жие. Большинство дверей были наглухо закрыты, то же от- носилось и к ставням окон. Люди что были вынуждены соби- рать провиант и снаряжение к путешествию наследника еще десятков минут назад, сейчас трусливо отсиживались по до- мам, побаиваясь хмурых гвардейцев. Вероятно, не без при- чины.

Верго доводилось ранее иметь дело с солдатами. Кон- трактные войска, ополчение или же гвардия, нет никакой разницы – все они из одного теста сделаны. Вечно сулящие

неприятности, обозленные дурацкими приказами и пьянеющие от одного только запаха крови, мародеры. Именно такими они запомнились Веберу. Путешествуя по Помонту, ему не раз и не два доводилось встречать следы их пребывания: разоренные деревни, разграбленные хозяйства, обесчещенные женщины. Для бедного княжества, чьими главными источниками заработка были торговля сырьем и оружием, изобилие варварских отрядов солдатни было, пожалуй, единственным способом удерживания своих же граждан от восстания. Если не хочешь кормить чужую армию, что ж, будешь страдать от своей – вот какие идеи скармливала местная власть своим гражданам. Верго был уверен, что после выполнения работы – это княжество стоит покинуть как можно скорее. У него по крайней мере хотя бы была такая возможность.

«Вольный Помонт – так они себя называют? Уморительно», – усмехнулся про себя Вебер, следуя за идущим к окраине поселения Голдбергом.

– Так как вы это делаете? Вам нужны карты или кости? Быть может молитва какая, или предпочитаете тихо медитировать? – нетерпеливо донимал своего спутника усач.

– Ничего не нужно. Я ведь вам не гадалка на ярмарке.

– Не обижайтесь, просто очень уж мне интересно. Ведь в нашем обществе с давних пор образованный люд считает разного рода предсказателей и ведьм обыкновенными шарлатанами...

– И правильно делают. Одетая в рвань старуха у рынка едва ли сможет своей ворожкой принести вам богатство. Было бы у нее такое умение – на базаре б не стояла. Хочу вас уверить, если бы я был мошенником, то явно бы не согласился на такие условия контракта, в особенности учитывая отсутствие аванса. – Последнее замечание прозвучало несколько грубее чем Верго хотелось бы. Внезапно озаботившись тем, не кажется ли он со стороны обиженным, Вебер поспешил перевести тему. – К слову о профессиях обычных и не очень, кажется мне мистер Риганец не упомянул о вашем роде занятий.

Тем временем эти двое неспешно отделились от особняка, оказавшись в небольшом устланном галькой дворике. Учитывая размеры поселения (что и деревней назвать было сложно), количество таких дворов было крайне невелико. Отгороженное тремя крохотными домами пространство было старательно облагорожено: у стены одного из домов стояла пускай и выдавшая виды, но вполне себе красивая резная лавка, характер древесины которой, ввиду слабого освещения определить было нельзя; по правую сторону от нее рос совсем еще молодой верес, его тонкий ствол был аккуратно подвязан к воткнутой в землю жердине; стены же домов покрывало нечто плетущееся, и чем бы оно ни было, судя по обрезанным стебелькам – за его ростом внимательно следили. Единственная лампа во дворе крепилась железными шарнирами к стене таким образом, чтобы можно было

регулировать направление света, поворачивая лампу к скамье, или же наоборот отворачивая к выходу со двора. Сам же тусклой свет керосиновой лампы вовсе не спешил разгонять никуда не девшийся туман, искажаясь, проходя через молочную дымку он немного размывал очертания объектов, навевая гротескно-хмурую атмосферу, но даже она не смогла подпортить то облегчение с которым Вебер уселся на ветхой скамье, сняв наконец и отставив в сторону свою походную сумку. Еще внутри особняка его слегка разочаровало отсутствие каких бы то ни было стульев или кресел. Видимо, в суматохе подготовки к путешествию они все были где-то припрятаны. Вот только зачем? Будто просто отодвинуть их к стенам было недостаточно.

– А кого я вам собственно напоминаю? – кряхтя поинтересовался присаживающийся рядом Голдберг.

– Честно говоря, чем-то вы походите на торговца. Но вот судя по вашей одежде... Нет, слишком уж вычурно и дорого вы одеты. Да и сложно забыть о кругах в которых вы вертитесь, мне даже сложно предположить кто вы. Быть может крупный предприниматель, на манер Риганца?

– Торговец? Это вы славно заметили. – Голдберг невесело улыбнулся. – Тогда уж торговец смертью. Дело всей моей жизни – продавать другим людям то, чем жизни лишают. И по моему костюму, думаю вы уже догадались что я не стою у прилавков и не доставляю тюки с товаром.

– Торговец оружием, значит?

– Помилуйте. Неужели вы меня не слышали? Называй люд торговцами оружием тех кузнецов что его куют, или тех доходяг что его поставляют, меня не причислить ни к первым ни ко вторым. Они в конце концов простые ремесленники, что не берут на себя ответственности за пользование товара. Они просто зарабатывают деньги. Я же торгую без малого человеческой кончиной. Именно я подписываю контракты по которым в объятые пламенем княжества ввозят мечи, арбалеты, баллисты и даже яды. Радостные мятежники, ополченцы, дезертиры, с готовностью закупают орудия на которые их же вскоре и насадят. И было бы в высшей степени лицемерно утверждать, что то что делают моим оружием меня не касается. Будьте уверены, по крайней мере половина всей крови что была пролита в Помонте за последние пару лет, была пролита моим оружием.

– Вы довольно откровенны, – ошарашенно пробормотал Верго. Он не единожды работал с по-настоящему ужасными людьми, будь то криминальные авторитеты или же беспринципные коррупционеры, но ему никогда не доводилось встречать человека что говорил бы о своей столь ужасной деятельности так горделиво. Голдберг не просто признавался в чем-то жутком и постыдном, он этим искренне гордился.

– Ха-ха! Я знаю, о чем вы думаете! Правда знаю. У вас можно сказать на лице написано. – Голдберг пригладил усы, слегка наклонившись в сторону собеседника. – Я отвратительный человек, так? Но и вы ведь работаете не на святош.

Я был очарован тем как вы задавали вопросы, там в зале. Отчужденно, сухо, профессионально, ни единого лишнего слова. Вы даже не поинтересовались почему это Самюэлю так важен этот наследник! Вам не было дела до того, кто именно мог совершить покушения! О да, я верю в ваш талант. Кем бы вы ни были, колдуном или предсказателем, у вас есть понимание как тут воротятся дела. У вас определенно есть со мной по крайней мере одна общая черта – ваша совесть глуха по отношению к малознакомым людям! Именно поэтому я думаю, что мы с вами сработаемся. В конце концов, не такие уж мы и разные.

– Позвольте. Я спасаю человеческие жизни, а не гублю их.

– Боюсь, мистер Вебер, вы забыли задаться вопросом кого вы спасаете. Кабы не вышло что спасли чудовище. – Усач облокотился об спинку скамьи, уставившись на верхушки видневшихся вдали сосен. – Но вас ведь не это беспокоит. Ведь так?

Верго не счел нужным ответить на провокационный вопрос. Он предпочел хмуро глазеть на покрытые неизвестным растением стены. Ему даже стало казаться что форма листка соответствовала хмелю, не так ведь много растений может жить в подобном полумраке, список подозреваемых был не столь велик. Почему же он предпочитал мысли о подобной несущественной чепухе, ответу Голдбергу? Возможно, ему нечего было ответить.

– А знаете, что бы изменилось если бы я выбрал другой

жизненный путь? Если бы стал торговать, скажем, бакалеей? Ничего. Ничего бы не изменилось, и вместо такого красавца меня, моими делами бы заведовал какой-то другой щегол, способствуя пролитию уж поверьте не меньших объемов крови. Ну а я бы прозябал в нищете, – Голдберг проговаривал все это со все тем же задумчивым взглядом, устремленным вдаль. – Войны, ублюдки и дураки были всегда, и будут всегда. Разница лишь в том, заработаешь ли ты на них, или станешь их жертвой. Я свой выбор сделал. Да и вы, похоже, тоже.

Верго, закинув ногу за ногу, медленно облокотился на спинку скамьи. Он внимательно оглядел своего собеседника. В мерцающем свете тусклой лампы усач выглядел совсем не так как прежде: черты его лица казались более грубыми и бездушными; тени, обволакивая пухлые щеки и глубоко запавшие глаза придавали ему довольно грозный вид. Проглядывающее из-за походного плаща нечто, что Вебер ранее принял за камзол, при более близком рассмотрении оказалось пиджаком, пошитым из необычайно толстой и грубой ткани. То, что еще пять минут назад виделось украшениями, не имеющими практического применения, сейчас представлялось небольшой сетью золотистых ремешков с застежками; в недрах плаща вероятно скрывалось и то к чему они крепятся. Забавно, насколько грозным может выглядеть Голдберг при плохом освещении. Лишь сейчас, на пару мгновений он обрел, как считал Верго, вид подобающий заправско-

му торговцу оружием.

– Оружие не изготавливаете, у прилавка не стоите, но лишь курируете и организовываете. Близ столицы, таких как вы называют оружейными баронами. Этот термин как нельзя лучше вам подходит. Как считаете?

«Барон» – с секунду подумав Вебер пришел к выводу что такое прозвище его спутнику и вправду подходило. Полноватый, невысокий, богато одетый, обладатель ухоженных, довольно пышных усов и аккуратной бороды, настоящий сгусток горделивого самодовольства – именно таким набором характеристик в представлении Верго и должны обладать бароны. Вероятно, потому что настоящих членов этого сословья ему никогда встречать не приходилось, стереотипы и домыслы – вот все чем он мог довольствоваться.

– Не буду лгать – мне льстит, когда меня так называют! Это звучит серьезно, звучит величественно! И, по правде говоря более благозвучно чем «торговец смертью». – Голдберг-барон расплылся в, казалось, искренней улыбке. Столь добродушное выражение его лица мгновенно развеяло хмурый образ. Слишком уж добродушное для человека его профессии.

– Раз уж мы здесь так откровенничаем, не поделитесь ли причиной, по которой человек наделенный такими деньгами, рискует собственной жизнью направляясь в Ганою, в группе мутных наемников и не менее мутного меня? Уж вы то могли бы и послать кого другого за место себя. Особенно

в свете последних событий...

– Эх, стоило только расхвалить ваше умение не задавать лишних вопросов, как оно тотчас исчезло. Но верите ли, мои мотивы достаточно прозрачны. К моменту прибытия наследника в треклятое кубло всех интриг нашего княжества, мне уже следует быть там. Ведь именно я стану его правой рукой, и именно на мои больные плечи ляжет бремя укрощения местной элиты. Без меня пацаненка там заживо сожрут. А раз уж мне нужно там оказаться, то нет более безопасного пути чем проследовать туда в окружении целого отряда вооруженной до зубов солдатни, в сопровождении горячо расхваленного моими коллегами предсказателя. С вами я стало быть в наибольшей безопасности, никто ведь даже не знает нашего маршрута, вы же слышали. Я думаю, что наше небольшое путешествие пройдет тихо и без неприятностей.

– Надеюсь, что вы правы.

Последующие двадцать минут прошли довольно скоротечно: Голдберг празднично рассуждал о несурезицах местной политики и глупости невежественной общественности под молчаливое согласие Верго. Последнего мало волновали местные интриги и проблемы, его голова была занята мыслями о грядущем пути. Он прикидывал, как долго им предстоит брести по пыльным, разбитым дорогам Помонта до первого привала. Это было известно только Остину, и разглашать такие сведенья тот не спешил.

Тем временем, у входа в этот уютный дворик объявилась

высокая, грозная фигура. Пришедший носил длинный походной плащ (подозрительно похожий на тот что был у Голдберга), слегка подпорченные временем потертые кожаные сапоги и длинный походной костюм, насыщенного черного цвета. Его одежда изрядно напоминала фрак, за тем лишь исключением что была лишена фалд и всяческих декоративных элементов, в том числе и пуговиц. Рот и нос высокого гостя были прикрыты мягкой тканью, на манер шарфа. На сидящих на скамье мужчин устало поглядывали два широких голубых глаза. Их обладатель, не сказав и слова коротко кивнул в сторону Голдберга.

– Это мой человек, – пробормотал Барон вставая со скамьи. – Нам пора идти, мистер Вебер. Надеюсь вы успели хоть немного отдохнуть.

Верго оставалось только последовать примеру Голдберга, сопровождая это действие затяжным вздохом. Перекинув сумку через плечо он направился за удаляющейся dvojцей. Они покинули двор, неспешно проследовали между несколькими домами, чьи жители с любопытством и опаской глядели на чужаков сквозь щели в ставнях. Все поселение будто бы затаило дыхание, и вот, со стороны входа в особняк донесся шум пылкого спора. По мере того как расстояние между идущими спутниками и источником шума сокращалось, до них доносились все более осмысленные обрывки фраз:

– ...совершенно необходимо! Вам ведь и так известно,

что...

– ...испытываешь мое терпение! Дерьмо! Даже речи быть не может!

– ...с будущим князем Помонта! И даже... Не пристало преодолевать такие... Это неслыханно!

Из казавшегося малосвязанным набора слов выстраивался все более внятный диалог. Подойдя достаточно близко, Вебер стал свидетелем ожесточенных пререканий юного лакея с Остином. Последний слегка побагровел от наглости прислуги, но изо всех сил старался держать себя в руках. И все же внимание Верго привлекли вовсе не крики: неподалеку от лакея, нервно переминаясь с лапы на лапу, стоял (если это слово можно применять к ползающему существу) громадный выучный жук. По размерам его можно было сопоставить с каретой, что была к нему прикреплена. Огромный темно-синий панцирь красиво отражал свет висящих неподалеку ламп. Из-под защитного хитинового слоя с каждой стороны насекомого выглядывало по четыре увесистых, мясистых лапы, покрытых крупными ворсинками и твердыми шипами. Панцирь скрывал хрупкие полупрозрачные крылья, что приходились существу скорее ненужным рудиментом, за ними располагался мягкий, раздутый торакс. На передней же части существа едва умещалась крупная голова, увенчанная огромными фасетчатыми глазами, ниже которых виднелись острые мандибулы, что по незнанию, несведущими людьми нередко назывались жвалами.

Не смотря на грозный вид жука, Вебер хорошо знал, что их не следует бояться – это был представитель касты «принцев». Единственной целью громадины в улье его собратьев было оплодотворение фертильных самок. Выработав свой ресурс в течении сезона, такие вот насекомые отвергаются своим же племенем. Имея лишь одну задачу в жизни, они были совершенно не приспособлены для выживания в одиночку – эти существа крайне пугливы и глупы. Их зачастую подбирают фермеры, спасая от голодной смерти. Хорошо обученный и запряженный качественной сбруей жук-принц – отличное вьючное животное. Они хорошо справляются с работой в поле и перевозкой крупногабаритных грузов, нередко же их запрягают и в повозки.

Даже в обнищавшем Помонте вьючные жуки не были редкостью, и удивило Верго не столько наличие у его заказчика такого существа, сколько загруженность насекомого: сбруя опоясывающая массивный панцирь была увешена несколькими десятками сумок, и мало того, крепящаяся к жуку карета везла на себе парочку увесистых тюков, каждый размером с самого Вебера. Теперь то было понятно, куда ранее тащили всю ту поклажу местные.

Головы жуков не сильно преуспевали в выражении эмоций, ведь предельно сложно выразить что-либо, когда у тебя нет мышц лица, кожных покровов, зрачков в глазных яблоках и, собственно, век, не говоря уже о губах. Как правило они выражали чуть больше чем ничего. И все же настрой ве-

ликана можно было определить по его крупным, торчащим из головы усикам. Казалось, опустить их еще ниже того где они уже находились можно было только вырвав с корнем. И даже не до конца было ясно что именно портит жуку настроение – тяжеленный груз, отвратная погодка, или же разворачивающийся в нескольких метрах спор, а может и все вместе.

Верго было жалко безмолвного гиганта, столь величественное насекомое во всей этой сети из ремешков и сумок выглядело комично и нелепо. Единственное что могло послужить утешением, так это беспросветная недалекость этих созданий. Глупым живется проще, как известно, ведь они не в состоянии осмыслить и половины своих проблем.

Тем временем в спор Остина и безымянного лакея решил вмешаться Голдберг. Барон осведомился о причине раздора сухо и не без раздражения:

– Мы не успели еще тронуться в путь, и у нас уже возникла проблема?

– Господин, вам конечно известно о непригодности юного господина Марка к тяжестим такого длительного путешествия, – быстро зашебетал лакей, не дав вставить Остину и слова. – Конечно мы не можем отправить его в изнурительную дорогу без соответствующего экипажа.

– Что за бред ты несешь?! Мы будем двигаться по забитой глухомани. Качественными дорогами, да что там, и просто дорогами там и не пахнет! Тащить с собой балласт что застрянет в первой же яме просто лишено смысла. Вся на-

ша группа идет исключительно пешком, – главарь наемников проговаривал это так сдержанно, как только мог. Было видно, что он старательно подбирает слова находясь перед своим нанимателем.

Голдберг с задумчивым видом оглядел сначала карету с запряженным в нее жуком, а после раздраженного Остина. Что-то прикидывая Барон поспешно пригладил свои усы, наконец удостоив взглядом лакея.

– То, о чем вы говорите конечно не лишено смысла, вот только, говоря по правде, наследник и впрямь не очень то вынослив. Он будет неслабо тормозить наше шествие. Неужто мы будем пробираться через непроходимые заросли и дремучие леса? Я что-то таких в Помонте и не припомню. Даже здесь, посреди леса, от дерева до дерева не меньше трех метров. Да и полузабытых дорог до Ганои – пруд пруди. Уж по ним то экипаж и проедет. В конце концов посмотрите на стальную ось кареты и обратите внимание на этого красавца, – Голдберг нежно похлопал по толстому панцирю озадаченного жука.

– Даже если каким-то чудом он нигде не застрянет, как вы это все себе представляете? По-вашему, роскошная карета с запряженным жуком-принцем, что, не будет привлекать внимания? Да его за версту видно!

– Думаю привлекать внимание она будет не больше чем отряд до зубов вооруженных гвардейцев, – беспечно парировал Барон. – И если мы уже затронули тему незаметности...

Просто скажите на милость на кой ляд вы вообще притащили с собой самострелы? Мы же не на осаду крепости собираемся!

Верго бегло осмотрел находящиеся неподалеку гвардейцев, его взгляд умело скользил по их предметам гардероба, поспешно огибая походные сумки и простые отделанные темной кожей ножны. Наконец он зацепился за нечто любопытное, – сразу из нескольких сумок торчали закутанные в плотную ткань продолговато-плоские предметы. Вебер прикинул возможный размер арбалета, сопоставляя с выглядывающими из сумок силуэтами – как раз впору.

Остин с Голдбергом тем временем были поглощены спором. Каждый попеременно приводил свои аргументы разной степени существенности и объективности. Барон по ведомой только ему причине быстро проникся идеей взять с собой экипаж. Неужто собирался ехать в нем, в то время как остальные члены группы будут безудержно вытаптывать ногами пыль помонтских дорог? Верго становилось дурно от одной только мысли о ожидающей Голдберга тряске. Сам бы он не согласился ехать в карете по местному бездорожью даже за деньги (хотя смотря конечно за какие).

Стоящий в шаге от экипажа довольный лакей наблюдал за заваренной кашей, о его довольстве свидетельствовала не только дурацкая натянутая ухмылка, но и неистовое кивание головы, что сопровождало каждое сказанное Голдбергом слово. Нужно было отдать парню должное – будучи на голову

ниже Остина и выходя скорее, как несчастный мальчик для битья, чем гордый слуга будущего князя, он смело держался, находя в себе достаточно мужества чтобы пререкаться со столь грозным главой наемников. Воистину, внешность бывает обманчивой.

Остин гнул свою линию порядка десяти минут, но поспешно исчерпав все свои доводы и утратив всякую надежду образумить Голдберга, махнул рукой:

– Да чтоб эту гробовозку черти побрали! Тащите ее, если охота. Но в первой же яме где она застрянет, она и останется. Никто ее вытаскивать не будет.

– Чудно. Вот видите, и все довольны, – будто насмехался пропыхтел Голдберг. Он определенно не был удивлен исходом. Человек его профессии без сомнений лучше других знал избитую истину – кто платит, тот и музыку заказывает. Ему оставалось только и всего что добавить – «и зачем весь этот цирк было устраивать?» Но все же Барон промолчал.

С трудом согласившись на сопровождение экипажа, Остин все же потребовал разгрузить жука, сняв избыток провианта и большую часть упакованных одеяний наследника, и в этом вопросе он уже на шел на уступки.

Когда требование было выполнено и усы воспрянувшего не только духом, но и всеми своими лапами, хитинового гиганта радостно возвышались над его головой, группа таки отправилась в путь. Верго не видел, чтобы кто-то сел в карету, но приметив уверенность и спокойствие окружающих

предполагал, что наследник уже находится внутри. Риганец же даже не соизволил выйти из особняка, хмуро выглядывая из красиво декорированного, старинного оконного проема. Сложно было представить, что можно оттуда разглядеть сквозь столь густой туман.

Чем дальше импровизированный отряд отдалялся от скрытого в лесах поселения, тем больше мелких капель покрывало панцирь вьючного насекомого. Полупрозрачная дымка не только раздражающе ограничивала обзор, но и пропитывала собой одежды путников. Кафтан Верго довольно быстро увлажнился, в то время как россыпь крохотных капелек уже покрывала его безрадостное лицо. Вначале он пытался протирать лоб рукавом, но вскоре бросив эту затею, заметив, что только размазывает воду насквозь промокшей тканью. Забавно, но эта проблема не беспокоила его по пути в поместье, из чего можно было сделать вывод что туман тогда лишь набирал обороты.

Стоило их процессии отойти на пару десятков метров от последнего из видневшихся домиков, как по бокам кареты зажглись лампы, и что немаловажно – лампы электрические. Их яркий белый свет знатно контрастировал с мерцающим керосиновым освещением поселения.

«Сразу видно о ком тут заботятся больше», – хмуро отметил про себя Вебер.

Погруженный в свои мысли Верго размышлял о краткой беседе что состоялась между ним и Остином, незадолго до

того, как их группа выступила. Обладатель обезображенного лица и не самого большого запаса терпения недвусмысленно высказал свои мысли касательно участия Вебера в их путешествии. Бывалый солдат выложил все прямо, без сложных аллегорий и запутанных намеков, за что следовало отдать ему должное – не многие способны столь ясно выразить свои мысли. Всю суть его речи можно бы было заключить в двух коротких предложениях:

«Понятия не имею кто ты и зачем тебя вообще во все это вовлекли, но ты мне не нравишься. Договоримся об одном – ты не создаешь проблем мне, и я не создам их тебе».

Верго уже давно перестал обращать внимание на недоверие и презрение окружающих, он привык игнорировать доносящиеся в спину насмешки, закрывать глаза на унижительные шутки о его работе. Глубоко в душе ему даже льстило что все эти невежественные крестьяне, считающие себя вершиной благоразумия и остроумия, изводились желчью в попытках уязвить его. Ему нравилось смотреть на то как завистливо и ненавистно искажались их лица стоило им только услышать о его гонорарах. Он, столь презренный и «униженный», зарабатывал за одно дело больше чем многие из них за полгода тяжелой работы. Окончив дело, Верго всегда радостно покидал места обитания своих недоброжелателей, оставляя их один на один с собственной злобой и завистью. Его ждали роскошные отели, дорогие вина, общество прелестных дам, таких, что и не взглянули бы на нищего и

неграмотного представителя низшего сословья. Но до этого, ему приходится замарать руки, пускай и не долго, но все же повозившись в той же грязи что и его завистники. Самое поразительное что он находил некий шарм в бытии таким вот мучеником-изгоем. Во всяком случае, ему хотелось в это верить.

Пытаясь занять себя хоть чем-нибудь, в стремлении хотя бы на секунду забыть о вездесущей промозглости и осточертевшем тумане, Вебер занялся внимательным изучением их группы: ведущим был, как не сложно догадаться, Остин, уверенно шествующий через сумрачный лес; все солдаты с виду сторонятся его, будто боясь подходить ближе чем за несколько метров, все, кроме одного – стройная фигура шествовала по правую руку от своего командира, что-то увлеченно ему рассказывая; в пяти метрах от них шло трое здоровенных детей, периодически браня своего менее массивного товарища, чей рот не закрывался ни на секунду; скачущий на ухабах экипаж в сопровождении двух солдат ехал следом, сразу за ним брели Верго с Голдбергом и одним из его телохранителей, второй же вел карету, умело управляясь с вожжами и громадным созданием к которому они крепятся; караван замыкали двое особенно отчужденных наемников, они совсем не общались друг с другом, даже не обменивались многозначительными взглядами, а это, как известно всякому кто слышан о умудренных жизнью, бывалых бойцах, – святое.

Мгновенья муторного пути складывались в секунды, те

формировали собой долго тянущиеся минуты, что плавно переходили в мучительно длительные часы. Где-то значительно позже тянущихся минут, но недостаточно поздно, чтобы успели пройти те самые мучительно длительные часы, Вебер всерьез стал задаваться вопросом целесообразности постройки селения в столь отдаленной глуши. Ну серьезно, как туда доставляют пищу и строительные материалы, вообще без каких-либо дорог?

Глава 2. Угрюмые достопримечательности

Театрально тяжелый вздох Верго ознаменовал окончание шестого часа их пути. Уставшие ноги, болевшие еще час назад, сейчас просто гудели сделавшись ватными. Отсутствие толковой передышки между его поисками оставшегося где-то позади особняка и началом затяжного путешествия все чаще напоминало о себе. Дорожная пыль, забиваясь в рот и нос неумолимо раздражала иссохшую глотку. Глоток из старой алюминиевой фляги лишь ненадолго улучшал ситуацию – десяти минут для здешнего сухого воздуха было достаточно чтобы вновь надругаться над горлом. Единственным облегчающим обстоятельством был исчезнувший туман, что рассеялся получасом ранее. Но что хуже, практически безвредная дымка, или ледяные, прошивающие насквозь порывы ветра? Разумеется, вопрос риторический.

Тем временем декорации соснового леса сменились голыми, скалистыми, гранитными образованиями то тут, то там выглядывающими из земли россыпью мелких острых камней, коими был устлан каждый квадратный сантиметр горного склона, и редкими облезлыми елями, непонятно как пробившимися своими корнями до грунта сквозь толстый каменный слой. Самые высокие из них доходили Веберу до

плеч. Изредка, из-под очередного булыжника проглядывались темно-зеленые ростки непонятных трав, чьей живучести бы позавидовали даже самые закоренелые коррупционеры Помонта, что умудрялись уже пятую смену власти удерживаться на своих местах. Солнце закономерно пряталось по ту сторону горного хребта, навеки оставляя местный небольшой мирок в умиротворяющей полутьме. Одиноким теплым лучам кое-где все же находили себе путь сквозь далекие горные расщелины, бездарно растрачивая свою живительную силу на разогрев безучастных камней.

Давящую на уши тишину прерывали вызываемые восходящими потоками нередкие порывы ветра, да непродолжительное шепуршание среди камней, – хоть местная природа и выглядела безжизненно, все же некоторым созданиям удалось выживать и здесь. Небольшие дикие коты, обладатели пушистых хвостов и неприметного серого окраса, безудержно подкарауливали загадочных обитателей, скрывающихся в отдаленных норах и расщелинах. Верго не знал кого именно выслеживают усатые охотники, но предполагал, что это какие-нибудь кролики, а может, не очень крупные птицы, что предпочитают гнездиться в скалах. Он пристально вглядывался в каждое темное отверстие мимо которого проходил, но раз за разом обнаруживал в них лишь непроглядную темноту.

Дорога давалась путникам с трудом. Всякий кто хоть раз в жизни держал путь через пологие склоны гор с их прене-

приятнейшими ветрами и рассыпчатой фракцией камня под ногами прекрасно знает, насколько это тяжелое занятие. Даже сравнительно ровные и открытые участки в сухую погоду вызывают заметные трудности при их пересечении. Отдельной проблемой можно считать разряженный воздух, что сбивал дыхание, вызывая изматывающую отдышку. В таких условиях пройти даже пятнадцать километров, не сделав длительного привала для сна – настоящее достижение. При этом всем путникам приходилось тащить не самое легкое обмундирование, походные сумки и запасы провизии, а также периодически выталкивать экипаж из очередной дождевой ямы под испепеляющий взгляд Остина, не говоря уже о необходимости регулярно подкручивать ослабевающие болты транспортного средства. Такую дорогу аж никак было не назвать приятной прогулкой.

За последние несколько часов, бредущий неподалеку Голдберг успел задать Веберу больше вопросов чем кто-либо за прошедший месяц. Большинство из них касались работы предсказателем, меньшая часть была расспросами о мыслях Верго касательно этого дела. Усач бодро вышагивал, покуривая толстую и невероятно вонючую папиросу, вероятно подумывая о том, какой еще нелепой формулировкой можно вытащить из спутника мнимые вселенские тайны. Вебер, порядком уставший от затянувшейся пытки, собравшись с мыслями решил нанести упреждающий удар:

– Ваш особняк расположен довольно далеко от... От чего

угодно, пожалуй. Неужели у вас так много врагов?

– Это не мой особняк, в нем я лишь гость. Что касательно Самюэля – врагов у него всегда было предостаточно, – Барон говорил неспешно, вдумчиво, будто пытаясь что-то вспомнить. – В нашем княжестве вы уже не первый день, скажите, как часто вы встречали здесь электрическую иллюминацию?

– Сложно сказать. Сейчас, когда я об этом задумался – пожалуй не так и часто. Может видел несколько ламп накаливания в крупных отелях, да и только. К чему вы ведете?

– В том то и беда. Через биржи и торговую палату Помонта проходят тысячи крат ежедневно, сотни тонн угля и железной слюды вереницей тянутся к столице, выжимая все соки из многочисленных шахтерских поселков, а электричеством здесь и не пахнет. Промышленная революция погибла еще на подходах к нашей богом забытой родине. Вдумайтесь, Ганоя – не просто административный центр, но сердце этого ресурсного придатка федерации, до сих пор освещена лишь газовыми и керосиновыми лампами, говорить о паровом отоплении тут и вовсе не приходится! – Голдберг закашлявшись затушил окурок о ближайший валун. В его голосе проскальзывали странные нотки обиды и затаенной злобы.

– Но мистер Риганец конечно не может закрыть глаза на такую несправедливость. Прогресс прежде всего, – Верго намеренно бросил колкое замечание. Он интуитивно чувствовал куда клониться разговор и понимал, что рассуждать ка-

тегориями морали с человеком вроде Голдберга затея глупая и абсурдная. «С волками жить, по волчьи выть», – промелькнуло у него в голове.

– Оставьте свои насмешки. Мы с Самюэлем не претендуем на звания альтруистов. Будучи дельцом, мой друг уже не первый год пытается протолкнуть идеи электрификации в массы, конечно цели при этом он преследует вполне себе прозаичные – прибыль, в частности. Но позвольте, кому от этого будет плохо? Обычным работягам, для которых появятся рабочие места, или экономике Помонта, что наконец перестанет быть сугубо ресурсно-ориентируемой? Наконец в княжестве начнут производить хоть что-нибудь.

– Убедили, убедили. Говоря по правде я до сих пор недоумеваю, как за столько то лет невидимая рука рынка не решила этот вопрос? В то время как здесь все еще целые поселения освещают свечами к столице через месяц уже двенадцатую линию телеграфа протянут. Если еще не протянули...

– Монополия, мистер Вебер. Думаю, вам знакомо и слово и весь тот контекст что за ним следует. Видите ли, весь газово-угольный бизнес Помонта сосредоточен в руках трех корпораций. Да, всего лишь трех! Не в их интересах пускать на рынок более дешевую и выгодную альтернативу своих продуктов. Говоря по правде, я считаю, что принятые Самюэлем меры чрезмерно рискованны. Его филиалы расположены в нескольких княжествах, но он, рискуя своей жизнью

предпочитает оставаться здесь, борясь до последнего. Еще совсем недавно не было даже намека на надежду – почивший князь был в крайне хороших отношениях с упомянутыми мною корпорациями. За определенную долю он потакал им во всем. Но теперь, правила игры могут измениться.

«Понятно. Так вот зачем они растили и спонсировали наследника. Риганец с самого начал планировал сместить конкурентов, буквально заняв их места. Не удивлюсь если выяснится что к гибели Пальмонтского он успел приложить руку. Это бы объясняло зачем ему прятаться ото всех в лесах». – Верго слегка поежился, чувствуя, как кусочки пазла собираются в единое целое. В любом случае, его дело это доставка наследника в Ганою. Остальное его слабо касается. Закончить работу, получить гонорар и покинуть наконец треклятое княжество – вот все что было важно.

На мгновенье погрузившись в свои размышления слишком глубоко, Вебер запнулся о небольшой каменный выступ, торчавший из-под земли, и едва не налетел на едущую впереди карету. Вышеупомянутый экипаж, казалось, прилагал все усилия чтобы попадать колесами на каждый мало-мальски крупный булыжник, из разу в раз грузно подпрыгивая и периодически опасно кренясь на одну ось. Промашка Верго как раз совпала во времени с очередным «подпрыгиванием» кареты, и его подбородок на секунду смачно соприкоснулся с одним из закрепленных сзади коробов. Неуклюжий пострадавший тотчас схватился за место удара, издавая за-

бавные шипяще-охающие звуки в следствии прикушенного языка. Наверное, будь он немного понаивней так принял бы произошедшее за карму, преследующую его за злорадство и поклеп, но предсказатель не желал верить ни в судьбу, ни в промысел божий, что было вдвойне иронично при его то профессии.

– Вот черт! Мистер Вебер, с вами все в порядке? Как же вы так умудрились? – озабоченно залепетал Голдберг, вытаскивая из-под плаща сложенный чистый платок. – Вот, вытрите кровь с подбородка.

Верго поспешно прошепелявив невнятную благодарность и ухватился за платок, неловко вытирая кровоподтёк ведущий к уголку рта. Заметив досадное происшествие, один из наемников (самый щуплый и низкорослый), поспешил протянуть флягу со спиртным:

– Прополщите рот вот этим, это прижжет место укуса и остановит кровь, – обратился к униженному Веберу обладатель совсем еще юношеского голоса. Этот самый обладатель показался предсказателю знакомым. Да, именно этот гвардеец как-то раз уже привлек внимание Верго. Это был тот самый парень что едва не налетел на престарелого дворецкого в особняке. Сейчас, имея возможность рассмотреть его поближе, в глаза предсказателя сразу бросилось множество забавных деталей: парнишка едва ли был старше восемнадцати лет, обмундирование наемников буквально висело на нем, как на тонкой вешалке в гардеробе; при своей столь скром-

ной комплекции он умудрялся тащить сразу две увесистые сумки, что не шли ни в какое сравнение с небольшой кладью Верго. Сам же юноша имел ярко-рыжие волосы и внушительную россыпь укрывающих его щеки веснушек, что было довольно необычно для обитателя Помонта. Будучи практически неотличимым (преимущественно благодаря одежде) от своих братьев по оружию на расстоянии, вблизи парень контрастировал с ними даже слишком сильно, будто выбиваясь из общего стиля наемничьей банды. Он был хлипким саженцем среди рассады внушительных дубов-гигантов.

– Шасифо, не нушфо, – активно жестикулируя отказался Вебер, с трудом ворочая израненным языком. Он не имел ни малейшего желания брать в рот непонятно что из чужой фляги.

– Да нет же, я уверен, что это вам поможет! Это отменный самогон, сам не раз... – Парень все никак не хотел сдаваться, настойчиво размахивая флягой у самого носа Верго.

– Полагаю, мистер Вебер ударился не столь сильно. Вот, кажется кровь уже и не идет, – поспешно встрял Барон пытаясь спровадить неугомонного юношу от потерпевшего. Кровь тем временем останавливаться и не собиралась. – Но готов поспорить, он очень благодарен тебе за предложение. Тебя то как зовут парень?

– Блиц Юнгфернмилх, – мгновенно отрапортовал рыжий наемник.

– Юнгфермль-кто? Боже, ну и повезло тебе с фамилией! –

Голдберг быстро отвел парня в сторону, не давая подобраться к болезненно охающему Верго. Старый торговец за считанные секунды навязал свои правила игры, начав незамысловатую беседу, и быстро уведя ее в дебри несущественных баек и докучливых расспросов. В этом он был мастер.

Без малого десять минут Вебер брел в гордом одиночестве, не отнимая рук от подбородка, и в конце концов кровотечение остановилось, оставляя отвратный привкус железа во рту и быстро блекнущие следы на некогда белоснежном платке Барона. Десять минут ушло на то чтобы остановить кровь, и не менее получаса на мысленную самокритику. На протяжении всего этого времени он безостановочно вслушивался в беззаботную трескотню Голдберга, изредка прерываемую робкими фразами Блица. В какой-то момент Верго уже не был более уверен в том, кто из них двоих страдает больше – рассказы Барона могли докучать не хуже раны. Но их новый рыжий знакомый на удивление держался довольно бодро, казалось его и взаправду интересовали небылицы торговца смертью.

Надкушенный язык, практически онемевшие ноги и навеванный холодными горными ветрами легкий озноб – путешествие не задалось с самого начала. О грядущих нескольких днях пути Верго старался не думать. Мужчину утешали только мысли о кругленькой сумме прописанной в контракте.

Внезапно его начали слегка раздражать непринужден-

ность и оптимизм, царившие в их группе: наемники, за-
благовременно тепло приодевшись и отдохнувши в поме-
стье, бодро вышагивали, делаясь друг с другом безвкусны-
ми историями и похабными шутками; Барон, найдя себе но-
вую жертву, в приподнятом настроении откровенничал, по-
вествуя о невероятной сделке, заключенной в дальних кра-
ях; даже жук-переросток с любопытством огибал поросшие
мхом валуны, заинтересованно ощупывая их длинными уса-
ми. Единственным человеком кто разделял уныние и недо-
вольство Вебера был Остин. Впрочем, было не до конца яс-
но, способно ли лицо последнего вообще принимать хоть
сколько-нибудь довольное выражение.

Устав разглядывать безусловно красивые, но несколько
однообразные горные пейзажи, что порядком приелись за
столько часов пути, Верго безо всякого интереса стал вслу-
шиваться в нескончаемую беседу Голдберга и его нового зна-
комого.

– Так значит вы и в столице бывали? – с огнем в глазах
пролепетал Блиц. Вероятнее всего ему никогда не доводи-
лось покидать пределы княжества, оттого он смотрел на до-
вольного пристальным вниманием к своей персоне Барона
с особым трепетом. – Скажите, а правда, что наше солнце
крепится там на здоровенной башне? И что любой желаю-
щий может подняться по ней на самый верх, оглядывая всю
федерацию прямым из светила?

– Глупости, юноша. Солнце висит там с незапамятных

времен, многие сотни, а может и тысячи лет, и провисит еще не меньше. А башню построили... В каком же это было году? Мистер Вебер, не напомните? – заметив прислушивающегося Верго, обратился к тому Голдберг.

– Точно не скажу. Ну, не больше ста лет тому, полагаю.

– Вот, вот, относительно недавно. Башня – это просто «средство национальной безопасности». Да и не пускают никого к ней. Только самые доверенные ученые мужи и самые надежные караульные имеют право на ее посещение.

– Средство национальной безопасности... – как заведенный вторил Блиц.

– Сдалось тебе то солнце, ну сфера себе и сфера, метров шестьсот в диаметре, ничего интересного. Вот слышал ли ты о торговле изогнутыми, волнистыми клинками на западе? На профессиональном жаргоне их лезвия еще называют «фламберг». Вижу, что не слышал. Вот тут есть, о чем поговорить. Не смотря на то, что клинок в нескольких местах изогнут, благодаря тому, что острие остается на уровне рукояти им все еще можно наносить и рубящие и колющие удары. Да какие удары! Даже после небольшой царапины плоть от них начинает гнить безо всякого яда! – погрузившись в любимую тему, Барон искусно демонстрировал длину, ширину и даже некоторые конструктивные особенности клинка поспешной жестикуляцией. Находясь в своей стихии, его слова приобрели характерные купеческие возгласы и ударения, приправленные соответствующими интонациями. – И как спе-

циалист заявляю – никакого чуда в этом нет. Суть в том, что благодаря своей форме лезвие способствует попаданию грязи и кусочков кожи глубоко в рану. И тут не нужно быть врачом, чтобы понять к чему это приводит. Но самое интересное, что на полях боя делают с военнопленными, владельцами таких клинков. Сначала, пока они еще живы...

Совершенно неуместные, отвратительные подробности, перемешанные с непроверенными слухами, посыпались на еще не умудренного жизнью рыжеволосого юношу. Верго поморщившись отстранился, будто соприкоснувшись с чем-то предельно мерзким. Он обратил внимание на то, как Барон получал удовольствие, смакуя гадкие подробности. Пытаясь прогнать скуку, он стал пристально вглядываться в дальние скопления громадных булыжников. Вебер все надеялся увидеть у них хоть что-то интереснее рыскающих в поисках пропитания маленьких птиц, или выслеживающих их длиннохвостых представителей семейства кошачьих, что всегда держались от путников на благоразумном удалении. Скучная живность вовсе не спешила развеять уныние предсказателя оживленным действием, напротив, казалось, что природа замерла, стараясь не дышать в его присутствии. Но все же, длительное наблюдение принесло свои плоды.

Практически по той же тропе, которой следовала группа Остина, плелась вереница непонятных существ. Их силуэты были едва различимы среди высоких камней. Определенно можно было сказать только одно – это были не люди. Суще-

ства отличались низким ростом и передвигались на четвереньках. Очередной поток горного ветра неприятно хлестнул Верго по глазам, против воли вызывая поток слез. В расплывающейся картинке ему было сложно идентифицировать бредущих вдали гостей. Понаблюдав еще с десяток минут, он пришел к выводу что таинственными созданиями оказались самые что ни на есть обычные волки, ну или собаки, вдали их и не различишь. При детальном рассмотрении среди черных силуэтов выделялись хвосты, четыре тонкие лапы, и характерно торчащие уши. Но было в этих силуэтах нечто странное, что-то вызывающее смутное беспокойство. Как Вебер не всматривался, он так и не смог понять, что. И даже если принять мысль о том, что это обыкновенная собачья стая, сам собой назревал вопрос – откуда им тут взяться? Ни собаки, ни волки, определенно не обитают в этих гиблых предгорьях.

Обратив на это внимание парочки бредущих рядом наемников, Верго встретил только безучастные взгляды и полное недопонимание со стороны спутников. – «Ну волки, и что? На нас все равно не нападут, нас много, мы хорошо вооружены».

Последовав примеру спокойных сопровождающих, Вебер перестал забивать себе голову таинственными гостями, вновь глубоко погрузившись в свои безрадостные мысли.

Чем больше группа отдалялась от пустынных сосновых лесов, тем более крупные им на пути встречались камни, –

на фоне некоторых вековых замшелых валунов, что весили не меньше нескольких сотен тонн, даже вьючный жук выглядел крохотным недоразумением. Невольно пропитываешься уважением к столь грозной силе, что смогла отколоть необъятных гигантов от гор, испустив их к подножью. Петляя между ними, пускай и не на долго, но путники были защищены от свирепых горных ветров.

Верго с небывалым интересом разглядывал разветвленные трещины, что обнажали нутро каменных великанов. Иногда, в глубине особо крупных громадин можно было разглядеть чьи-то кости, оставшиеся от неудачливых жертв местной хищной фауны. Что было более интересным, так это небольшие с виду, но довольно глубокие на деле выемки, расположенные под острыми углами. Отдельно взятые камни были испещрены ими вдоль и поперек. Сложно было сказать что-то о их происхождении – Веберу не раз доводилось видеть работу каменщиков в детстве, но едва ли кто-нибудь стал бы тратить свое время и силы на резьбу здешних бесхозных булыжников, и в то же время ему не верилось, что животное способно сотворить такие аккуратные отверстия в граните. Быть может валуны в далекие времена были частью чего-то большего? Громадных сооружений что некогда высились в горах, внушая смертным чувство защиты и немого благоговения? Всего пару минут спустя Верго беззаботно отбросил эти мысли прочь, подобно ненужному балласту, наблюдая за тем как крупный бежевый орел, красиво спикиро-

вав вцепился мертвой хваткой в нечто шустрое и мелкое вдали. Попавшийся зверек сопротивлялся недолго – двух ударов могучим клювом было достаточно, чтобы загасить теплившиеся в нем искорки жизни. Такова была суть здешних мест – безжалостные хищники и безучастные камни.

Несколько раз за всю дорогу, резко и непредсказуемо, Остин останавливался, оглашая привал. Бредущая за ним вереница утомленных людей радостно валилась на ближайшую гладкую каменную поверхность, или же просто на рассыпанную под ногами гальку, понимая, что передышка не продлится долго. Уставшие путники быстро опустошали фляги, благо, горных ручьев в округе было предостаточно. Главарь наемников строго запретил разводить костры во избежание привлечения ненужного внимания со стороны, а оттого все чем их группе приходилось довольствоваться, так это прохладное содержимое фляг и бурдюков, и не менее стылая пища, что была всю дорогу сокрыта в глубинах заплечных сумок. Рацион путника ожидаемо скуден: солонина, сухари, иссохшая вяленая треска, пересоленный угорь, неприятного вида галеты. Все это было завернуто в грязную конопляную ткань, или в лучшем случае в заштопанную льняную.

Верго с ужасом оглядывал припасы его спутников-дикарей, с теплом вспоминая столичные консервы. Он все больше убеждался в том, что ни один атрибут современной цивилизации, за исключением неустаревающей жестокости, так и не добрался до Помонта, и это уже действительно начинало

походить на один из тех полу-вымышленных заговоров о которых талдычил Голдберг, – ладно уж электричество не провели, бог с тем паровым отоплением, вот что действительно удручало так это дикарская культура питания.

На восьмом часу уже всем осточертевшего пути их группе встретилось хоть что-то выбивающиеся из общего однообразия: на сравнительно ровном горном склоне располагалась небольшая деревушка, точнее располагалось там то, что от нее осталось. Изломанный частокол, выбитые двери пустующих домов, разбросанные вещи и многие другие безрадостные детали невольно бросались в глаза путникам. Любой житель федерации с детства слышал рассказы о безнравственном, жестоком и мародерском Помонте, но не многим доводилось узреть доказательства этого воочию.

Населенный пункт не выказывал никаких признаков обитаемости. Было похоже, что все, кто только мог давно уже его покинули. Дожди и сильные ветра успешно справились с очисткой следов жизнедеятельности: между домами не видать ни одного следа человеческой ноги, только череда отпечатков лап неизвестного маленького создания, что однажды решило заглянуть в поселок-призрак. В широкие поилки для скота, что стояли у разбитых загонов, были сложены кости, возможно человеческие, никто из группы так и не решился подойти чтобы проверить.

Покошенные дома, состоящие из сложенных особым образом сосновых бревен и потрепанных соломенных крыш,

несли на себе множественные следы произошедшего когда-то кошмара: зарубки от холодного оружия, следы копоти, несколько торчащих арбалетных болтов. В одном из оконных проемов, зацепившись за уцелевший осколок стекла мельтеша развивался обрывок ткани, бывший некогда частью праздничного, а может и ритуального женского наряда.

Но самой страшной была тишина. Верго мрачно отметил про себя как некомфортно находиться у поселения из которого не доноситься вообще никаких звуков, за исключением противно скрипящей на ветру, уцелевшей оконной ставни. Даже ручей протекающий через деревню нисколько не выдавал себя звуками.

Отвратный аккомпанемент из завывающего ветра и мерзкого скрипа давно не смазываемых петель дополнился тягучим молчанием группы – никто из пришедших не проронил и слова с тех пор как они приблизились к деревне. Было ли то совпадением, или какой-то непонятной Веберу солидарностью обитателей княжества, но все как один держали рот на замке, хмуро поглядывая на мертвый поселок. Их группа не остановилась, даже не сбавила ход, продвигаясь мимо поселения будто и не заметив следов зверства.

К удивлению Верго, наемники не опустились до мародерства, безразлично окинув пустующие дома не менее пустыми взглядами. Быть может, они просто понимали, что ничего ценного в хибарах уже не найти, а может и правда, умудрились не смотря на тяготы своей работы сохранить в себе

остатки человечности. Лишь юный Блиц грустно вздохнул проходя мимо арки что некогда обрамляла ведущие в деревню ворота. Веберу хотелось верить, что этот вздох был вызван сочувствием бывшим жителям поселения, а вовсе не желанием пошарить по обветшалым постройкам.

Встреча с подобным свидетельством ужасов Помонта что-то затронула в Верго. Удаляясь от мрачных домов он никак не мог отделаться от ноющего чувства. Оно отдаленно напоминало ему помесь обиды и вины. Говоря по правде, оно преследовало его уже не первый год, но резко обострилось последними днями. Конечно, умом предсказатель понимал, что никакого отношения к местным бедам не имеет, но легче от этого не становилось. Помонт во истину ужасен – само нахождение рядом с его кошмарами вызывало мерзкое ощущение причастности.

В последующий час пути ничего любопытного с их уставшей группой не приключалось, если конечно не учитывать темные силуэты маячащих в отдалении четвероногих, что периодически мерещились Веберу. Будучи не столько спокойным, сколько безразличным, ввиду своей изнуренности дорогой, Верго упорно не обращал на них внимания. Как и ранее, силуэты не спешили сближаться с бредущими людьми, а потому и особых опасений у двуногих не вызывали.

Если раньше ноги утомленного предсказателя интенсивно гудели, выражая свое крайнее недовольство выпавшей на

их долю нагрузкой, то теперь сделались ватными, навевая их владельцу неприятные мысли о грядущей крепатуре. Не раз и не два он с надеждой и вполне себе нескрываемым желанием пялился на едущую впереди карету, и даже отвратная дорога, изобилующая мелкими камнями, ямами и ухабами более не пугала его. Когда ты столь измучен – ехать, хоть и с тряской, всяко лучше, чем натужно переставлять ноющие и запинаящиеся ноги. И раз за разом Голдберг почти извиняясь пояснял что это невозможно, ведь наследник, будучи персоной весьма юной и своеобразной, не потерпит присутствие малознакомых ему людей в карете.

Стоило упомянуть и о самом виновнике их похода. Наследник (чье имя Верго забыл еще в самом начале пути) весь день безвылазно просидел в экипаже. Он не покидал его даже во время привала, лишь приоткрывая иногда окно чтобы проветрить свое обиталище. В какой-то момент Вебер всерьез задумался о том куда мальчишка ходит в туалет, и пораскинув мозгами вспомнил вместительные, закрывающиеся утки, которые ему давным-давно доводилось видеть в одном военном госпитале. Что могло заставить парня так отсиживаться, пренебрегая собственным комфортом? Барон не мог внятно объяснить его поведение, ссылаясь на то, что для наследника это большой стресс и ранее ему никогда не доводилось покидать пределов той крошечной деревеньки в лесах.

В очередной раз моргнув, Верго обнаружил что ему не так

то просто вновь разомкнуть слипающиеся веки – он устал, и не он один. Было очевидно, что группа с трудом волочит ноги, и пора было объявлять привал достаточно длинный чтобы можно было нормально поесть и отоспаться, но Остин все медлил будто чего-то ожидая. За последние пол часа он уже четырежды доставал и пристально рассматривал имеющуюся у него небольшую карту, что солдаты в свою очередь недвусмысленно трактовали как знак близящегося привала.

Стараясь хоть как-то отогнать одолевающую его сонливость, Вебер решился заговорить с Голдбергом, подозревая что вскоре может об этом пожалеть:

– Знаете, первые несколько часов пути я упорно считал, что мы двигаемся по пускай и подозрительно проходимому, но все же бездорожью. Но теперь, когда я вижу, что наш экипаж спустя столько времени нигде не завяз, у меня возникают вопросы. Наш маршрут ведь вовсе не случаен, не так ли?

– Это старый тракт контрабандистов, насколько мне известно. Сколько я его помню, они придерживают его в... Приемлемом состоянии. Проехать можно, если конечно не сезон дождей. Предвосхищаю ваш вопрос – нет, ранее я им не пользовался. Можете ли вы в это поверить, или нет, но моя деятельность абсолютно легальна. Мне нет нужды ездить по богом забытым дорогам. Во всяком случае не было до сегодняшнего дня...

– Так вы не знаете куда она ведет?

– Напротив, прекрасно знаю. Эта дорога ведет к поселе-

нию с крайне неоднозначной историей, поселению где мне доводилось работать. Но все же эту историю я предпочту вам рассказать, когда мы будем на месте.

– Не томите, скажите хоть скоро ли мы туда прибудем?

– Ну, если нашему провожатому не придет в голову резко свернуть с пути – нам осталось не больше часа. Я полагаю, что остановится и передохнуть там как раз-таки входит в его планы. Готовьтесь, мистер Вебер, вам предстоит повидать настоящую легенду Помонта. Каждый житель княжества хоть раз да слышал байки о Глари.

– Жду не дождусь. – Радости Верго не было предела, но радовала его вовсе не перспектива знакомства с местными легендами. Всего лишь жалкий час отделял его от заветного и столь желанного отдыха.

Вскоре, как и было предсказано Голдбергом, из-за очередного горного склона выглянул долгожданный признак цивилизации – довольно длинная кирпичная стена, высотой не менее пяти метров. С далека было сложно оценить ее протяженность, но находясь на некой возвышенности в виде поросшего мхом валуна, Вебер отметил, что стена бережно обхватывает около восьмидесяти домов, и речь шла вовсе не о хлипких хижинах, встреченных им ранее, – за каменной кладкой ограды простирались десятки отменных широких крыш, вымощенных сланцевым шифером. Из каждой такой крыши торчало по крупному дымоходу, но вот дым, что довольно странно, ни из одной трубы не шел.

Вблизи стена представляла из себя крупную опрятную кладку из ровных, почти что отшлифованных, серо-зеленых диоритовых кирпичей. Материал очевидно добывался неподалеку, но даже в таком случае страшно было представить каких трудов, и что немаловажно, денег, стоило возведение подобного защитного сооружения в местах, далеких прямо-таки скажем от чего угодно. Из того же раствора что скреплял слегка шершавые вырезанные куски породы состоял и внушительный фундамент, бесцеремонно вгрызающийся в каменистый грунт. Конечно, горы берут свое, безо всякой жалости пороча раскидистыми трещинами и сколами рукотворную конструкцию. Но даже не смотря на это, стена, венчаемая причудливо завитой колючей проволокой, надежно защищала скрывающихся за ней обитателей Глари. Точнее говоря, защищала бы, если бы увесистые, оббитые железом сосновые ворота не были бы настежь открытыми. И ни одного часового не виднелось у входа. Жуткое попуститель-ство.

Не встретив никакого сопротивления (если конечно не принимать за сопротивление гадкий запах протухшей рыбы и немых портков) группа вошла в одно из самых известных мест Помонта.

Гларь – поселок что самим своим существованием демонстрирует разницу между словами известность и слава. Славой тут и не пахло, разве что самой дурной. Описывая поселение, для пушнего эффекта стоило бы начать с положитель-

ным сторон, благо их было не очень то много. Прячущиеся от жестокостей предгорья двухэтажные дома действительно были внушительными: надежная кирпичная кладка, крепящаяся на несущих деревянных балках, слегка выступающих из стен; широкие застекленные окна, умело ограненные лакированными рамами; толстые, надежные двери, оббитые по канту железными заклепками. Дома были расположены ровной чередой, как под линейку, и каждая дверь выходила аккуратно на дорожку, пронизывающую все селение. Сама дорога, адским трудом выровненная по уровню фундамента построек, безусловно заслуживала отдельного упоминания, – шестиугольная брусчатка была невероятно плотно подогнана, создавалось впечатление что между отдельными плитками не припихнешь и мизинца; по обе стороны от дороги были симметрично высажены крохотные пихты, образуя чудесные зеленые ряды высотой по пояс; вечнозеленые крохи наступались только чтобы освободить проход к очередному дому, также изредка огибая резные каменные клумбы. Сама же Гларь располагалась напротив крупного горного разлома, и будучи всегда освещенной столичным солнцем не нуждалась в фонарях или любых других рукотворных источниках света.

Конечно, когда-то все именно так и было – симметрия, ухоженность, безупречные фасады. Но неизвестная беда сумела добраться до Глари, навсегда оставляя на ней свой след. Подобно тому как сладкий сон развеивается с пробуждением, горная сказка поспешно рушилась с каждой секундой то-

го как Верго вглядывался в окрестности. Громадные, без малого роскошные дома были изуродованы – побелка стерта, а фасады бессовестно изгажены оскорбительными надписями и бездарными рисунками. Сильнее же всего досталось окнам, ведь во всем поселке, и половина стекол не сохранила своей целостности.

Но на одних только домах все не заканчивалось, вандалы, видимо посчитав содеянное недостаточно масштабным, решили уничтожить и некогда восхитительную брусчатку – во многих местах не хватало плиток, а там, где их численность осталась неизменной, немалые усилия были приложены чтобы просто раздробить хрупкий камень. Тут и там лежали осколки, и, как оказалось, именно ими горе художники расписывали стены. Досталось конечно и пихтам – несколько деревьев были выкорчеваны, множество не пойми зачем сожжено. Оставшиеся в живых хвойные растения служили сушилками для изорванных одежд местного люда. Именно от таких вот сушащихся портков, носков и другой, куда как хуже сохранившей свою форму одежды и доносился отвратный запах что встретил группу наемников. Картина довершалась кучами мусора, сваленными под стены домов. Копытающиеся в этих кучах крысы периодически выбегали на раскрошенную дорогу, с интересом глаза на пришедших. Кажалось, они совсем не мешали местным жителям, что бесцеремонно перешагивали через сваленные горки отходов, занимаясь своими повседневными делами.

Верго был обескуражен. Если бы кто-то попросил его дать комментарий о увиденном ему было бы сложно подобрать подходящие слова. Помойка? Бардак? Гетто? Припомнив изречения Барона о известности Глари и обратив внимание на спокойную и даже несколько обыденную реакцию наемников он пришел к выводу что по каким-то причинам данному месту и надлежит быть в столь убогом состоянии. Но столько вопросов приходило в голову! Кто построил все это? И что же здесь случилось? Пожалуй, это был первый раз, когда Веберу захотелось послушать историю Голдберга. Усач загадочно улыбался, поглядывая на предсказателя с самодовольным выражением. Он определенно был доволен недоумением последнего и так и ждал чтобы его завалили расспросами.

Не смотря на возникший интерес, чувство усталости на пару с отвращением пересилили, подвигая Верго в первую очередь найти пригодное для отдыха место, желательно, подалеже от висящих на ветвях зловонных портков местных обитателей.

По ходу своего продвижения вглубь Глари наемников плотно окружил витавший в воздухе дух прелого уныния, и неблагоприятные запахи жизнедеятельности местных тут были ни при чем. Десятки обозленных пустых взглядов впились в путников, забираясь им в полупустые кошельки и увесистые сумки, заглядывая в уставшие лица, завистливо скользя по одежде. Стоило только любому такому взгляду усмотреть под толстым слоем накидок и жилетов силуэты ножен,

как он тут же терял к гостям интерес, возвращаясь к своему безразличному состоянию, будто его владелец осознавал – ловить тут нечего. Казалось, что каждый здесь оценивал все что происходит вокруг лишь с точки зрения выгоды или источника неприятностей, словно трата своего времени на что-либо другое была недопустимой роскошью.

Несколько чумазых попрошаек, молчаливо отвергнутых пришедшими, с надеждой плелись за Бароном и другими курящими из числа группы Остина, вероятно надеясь уцепить окурок чтобы продать остатки табака. Одета в лохмотья свора ребятни с садистским задором гоняла невесть как забредшего сюда полуметрового кольпа. Бедный жук, принадлежащий к низшим кастам Роя, совершил самую большую и вероятнее всего последнюю ошибку в своей жизни, в процессе поиска съестного попавшись в руки обозленным тяжкою судьбой отрокам. Покрытое гладким мягким хитином тельце величиной с небольшую собаку уже скоро станет частью чьего-то супа, но не раньше, чем с ним навеселятся дети.

Небольшое семейство, облаченное в штопанную конопляную ткань, сшитую на манер роб, занималось чисткой рыбы прямо среди куч валяющегося тут мусора. Они приспособили обломки кирпичей со стены в качестве орудий для сдирания чешуи, выдавливая острыми осколками камней зловонную требуху. Вид рыбы разглядеть не удавалось – вся она была невероятно мелкой, будто кто-то нарочно вылавли-

вал совсем еще неокрепших мальков. Создавалось впечатление, словно любое неосторожное движение при очистке может значительно сократить объем тщедушного улова, видимо именно поэтому семья была поглощена процессом с головой, тщательно отмеряя силу и скорость своих движений.

Седой растрепанный старик с голым торсом размеренно соскабливал острой костью оставшуюся побелку с пустующей клумбы всего в нескольких метрах от занятого семейства. Стоящие рядом, плохо сбитая бадья и расшатанная стиральная доска недвусмысленно намекали на цель полуголового старца – вероятно побелка неплохо мылилась и могла быть использована в качестве простого щелочного средства для стирки немногочисленной одежды.

Верго медленно шел по разбитой улице с интересом и толикой отвращения рассматривая местный быт. Жители Гла-ри довольно быстро перестали обращать внимание на пришедших, вернувшись к своим незавидным делам, только попрошайки продолжали виться следом, все еще на что-то надеясь.

Жизнь поселка походила скорее на театр абсурда – заключил про себя Вебер. Интересы ради он пытался припомнить хоть кого-нибудь из числа вольных людей кто выглядел бы более убого в сравнении с местными доходагами. За-всегдаи нищих кварталов дальних провинций федерации, обитатели портовых канализаций, полубезумные старатели с небезызвестных Полых Хребтов, и даже извечно потрепан-

ная жизнь пехтура с западного фронта – все они по крайней мере были счастливыми обладателями одежды. Потрепанной, грязной, но одежды. Не смотря на тяготы и лишения они старались держать место своего обитания хотя бы в подобии чистоты; имели минимальное представление о гостеприимстве, или по крайней мере испытывали интерес ко всему новому и неизведанному, пускай и бредущий в одну ногу с опаской.

Стараясь не смотреть местным в лица, следуя за Остином, Верго дошел до конца некогда красивой улицы. Нехотя окинув взглядом изуродованный кирпичный кров, Вебер с удивлением уставился на странную кучу, нагроможденную на остатках небольшого сокрытого между уцелевшими пихтами каменного фонтана. Бесформенное с первого взгляда скопление досок, дырявых башмаков, гвоздей и множества других сваленных предметов при повторном осмотре обрело осмысленную форму. Вырисовывались несколько подобий пьедесталов, старательно покрытых гладкими камнями. Они были окружены торчащими заточенными палицами, на остриях которых возвышались нанизанные мелкие существа, тельца которых Веберу рассматривать очень уж не хотелось. Несколько зажженных восковых свечей красовалось на вершинах пьедестала, добавляя странной композиции жуткого свечения. У подножья капища лежало крупное деревянное блюдо на котором в качестве пожертвований возлагались ценные по мнению местных безделушки: поблек-

шие медные запонки, разноцветные бусины, осколки цветного стекла, мелкие порванные цепочки и иные блестящее в свете свечей мелочи.

– Мерзкие язычники, – негромко пробормотал один из наемников проходя мимо Верго.

Последний про себя невольно согласился с утверждением. С трудом оторвав глаза от языческой кучи подношений он прибавил шаг. С самого детства в школе Веберу не раз талдычили о несостоятельности любых теорий касательно незримых и неосязаемых божеств, он же в свою очередь относился к чужим верованиям с неким безразличием – не придавая особого значения заморочкам других до тех пор, пока они не начинали касаться его лично. За всю свою жизнь ему так и не удалось заполнить пустоту своего сердца верой в незримых демиургов, но это несколько не мешало ему наслаждаться величественными многоярусными храмами столицы, чудесными расписными южными часовнями, красочными приморскими барельефами и выразительными религиозными фресками столичных подземелий. Согласно убеждениям предсказателя, искусство, как и чувство прекрасного в целом, не имеет ни национальности, ни возраста, ни иных догмат, – каждый выражает свою красоту души как может, называя это когда религией, когда философией, а когда и того проще – прекрасным. Но что же можно сказать о душах, чье самовыражение ущербное уродство? За долгие годы своей работы Верго убедился, что на каждый восхитительный

собор в мире приходится не меньше сотни отвратных поделок. А ведь в былые времена каждый храм был если не вековым шедевром, то приятной усладой глазу. Да, измельчали души.

Грязные улочки привели уставших путников к стоящему поодаль крупному одноэтажному строению, что с виду чем-то напоминало банковское хранилище. В отличии от других построек Глари, данное архитектурное чудо имело узкие решетки на окнах и тяжеленные литые металлические двери, оберегающие то что сокрыто в глубине, от полудиких язычников. Внимательно оглядев здание можно было заметить что расположенная сверху открытая площадка, заменяющая собой крышу постройки, была воздвигнута постфактум. Обнаженные кирпичи, неравномерно уложенные в прерывающиеся ряды свидетельствовали о том, что возводившие это здание люди планировали достроить еще несколько этажей, но по неясным причинам свернули строительство, поспешно воздвигнув подобие террасы. Эта постройка была разрисована пуще прежних, а в нескольких местах на стенах и вовсе виднелись следы гари. Не смотря на это, окрестности здания придерживались в относительной чистоте, а опоясывающие строение остатки газона были тщательно подстрижены и очищены от осколков брусчатки.

По периметру недостроенного «банковского хранилища», в двух десятках метров от стен, неизвестным благодетелем на манер скамеек были аккуратно уложены громад-

ные каменные блоки, некогда служившие здесь строительными материалами. Как следует из описания, постройка была несколько отделена от остальной части деревни, будто сторонясь творящегося в ней безумства этот ухоженный островок спокойствия надежно дистанцировался от изгаженных дорожек и ободранных клумб. Не решаясь нарушать сложившихся традиций, отдаляясь от своих зловонных обиталищ и уродливого капища, местные также сторонились странной постройки. Пожалуй, во всей деревне это было единственное место где почти ничем не воняло.

Остин постучал вмонтированным в дверь железным кольцом, исполненным в виде длинного змея, пожирающего собственный хвост. Долго ответа ждать не пришлось, всего через пару минут увесистая дверь приоткрылась, позволяя пробившемуся лучу солнца тонкой полосой осветить лицо хозяина. Это было самое приятное лицо в этой деревне. По крайней мере оно было чистым, лишенным отпечатка злобы и усталости. Два полных жизни ярко-голубых глаза медленно курсировали взглядом между припавшими дорожной пылью наемниками и замершим у лужайки запряженным выучным жуком. Наконец, любопытный взгляд остановился на лице Остина, после чего дверь широко отворилась, выставляя на показ хозяина, а точнее, хозяйку, недостроенного дома.

Светловолосая обладательница голубых глаз выглядела чересчур опрятно для здешних мест: простое серое пальто

идеально подогнанное под ее небольшой рост было тщательно выглажено и выстирано, виднеющиеся под ним багровые башмачки недавно натерты едва ли не до блеска. Ее вид застал Верго врасплох, вызывая в нем некое чувство стыда за свой грязный, помятый, месяцами не стираный кафтан, давно утративший пристойный вид.

Как выяснилось – Остин и белокурая прелестница давно были знакомы. Гвардейцам уже доводилось когда-то здесь останавливаться, оттого-то вид местных уродств их более не удивлял.

Не более пяти минут ушло на переговоры касающиеся оплаты, и вот, волочащие ноги солдаты заносят свои походные сумки внутрь помещения, радостно стаскивая с себя тяжкую ношу и деловито суется, предвкушая скорый сон.

Облегчению Вебера не было предела, когда он вальяжно развалился на импровизированной каменной скамейке, лениво наблюдая за готовящими ужин солдатами. Поставив рядом сумку он принялся старательно стряхивать с полов одежды пыль, пытаясь пальцами оттереть пятна засохшей грязи.

– Не идете внутрь? – поинтересовался Голдберг присаживаясь неподалеку.

– Туда еще нужно дойти. Кажется, стоит мне сделать еще пару шагов и мои ноги попросту откажут. Я пока посижу здесь, переведу дух, так сказать.

– Как же я вас понимаю, путь взаправду выдался нелег-

ким, – с выдохом, едва слышно пробормотал усач. – Сколько мы были в пути? Семь? Восемь часов?

– Не меньше десяти. – Пошарив в складках одежды, Верго достал карманные часы, выцепив взглядом положение стрелок на циферблате. Пользуясь моментом он бережно и неспешно завел дорогой механизм, совершив четыре полных оборота серебряной головки.

– Занятная вещица. Заниженные ожидания никогда не... Ха! Должно быть человек начертавший это был не в меру остроумен. – Лицо Барона посветлело после прочтения надписи на крышке часов.

– Это подарок друга.

Голдберг с нескрываемым интересом пожирал взглядом часы, словно оценивая их подобно какому-нибудь редкостному оружию из чужой коллекции. Не успело пройти и пяти секунд, как усач скучаяще отвернул голову, пытаясь найти себе отраду в разнообразных надписях, выскобленных на ближайших стенах. Предсказатель раз за разом убеждался в странностях поведения своего спутника. Последний проникался интересом к вещам (равно как и к людям) чуть ли не быстрее чем этот интерес к ним терял. Едва ли эта его черта была профессиональной особенностью торговца оружием. Такая рассеянность внимания никому не пошла бы на пользу.

– Если подумать, не советовал бы я вам светить тут такими дорогими аксессуарами. Не забывайте – вы сейчас в По-

монте, и далеко не в самой цивилизованной его части. Не успеете глазом моргнуть как часы уведут, и повезет еще если лишитесь только их. Тут убивают и за меньшее.

– Учту, – сухо ответил Верго пряча часы обратно в прокладку одеяний. Какое-то время он еще пытался привести замаранный кафтан в порядок, но вскоре бросил это дело, без интереса разглядывая окрестности и наслаждаясь долгожданным отдыхом. – Вы кажется обещали поведать мне о истории этого поселения. Как так вышло что в отменных, каменных апартаментах ныне обитают дикари?

Голдберг задумчиво почесал нос, собираясь с мыслями. Морщины на его лбу сформировали каскад изогнутых линий, а толстые брови поползли вниз, сместившись к переносице. Выдержав значительную, практически драматическую паузу, и не забыв достать из латунного портсигара особенно пахучую папиросу, он начал свой рассказ:

– Неправильные вы вопросы задаете, мистер Вебер. Те, кого вы назвали дикарями жили здесь задолго до того, как были построены эти дома. Еще каких-то сорок лет назад не было здесь ни одной каменной кладки, ни кирпичика, только деревянные скрипучие хибары да разваливающаяся хлипкая изгородь. Гларь была заурядной дырой, и слышали о ней разве что местные. Но «повезло» в этом месте родиться одной крайне предприимчивой особе по имени Провий Фанно. Ну, быть может и не Фанно, но вот имя его я точно правильно вспомнил. Провий был человеком амбициозным и в

свои двадцать лет уже выбился в люди – стал сборщиком податей в Ганое. Это было неслыханно, чтобы совсем еще юный мальчишка из такой глуши да занял... – Барон повернул голову, снисходительно окинув взглядом кивающего носом сонного Вебера. – Вы меня слушаете? Выглядите сонным, наверное, вам все-таки лучше пойти спать к остальным, историю могу рассказать и попозже.

– Нет, нет, – Верго слегка потряс головой, отгоняя сон, – пожалуйста продолжайте, мне и правда интересно что там с этим Прокеем случилось.

– Провием, – поправил Голдберг, продолжая свое повествование. – На чем я там остановился? В общем, парень быстро взбирался по карьерной лестнице, быстрее чем кто-либо из его сверстников. Вероятно, потому что безжалостно ступал по их же головам. На двадцать восьмом году жизни он уже уверенно восседал в торговой палате, благодаря ли взяткам, запугиваниям или полезным знакомствам – не суть. Но со временем одолела Провия ностальгия. Говорят, утратил всякий сон и душевное спокойствие, да все о родной деревне справлялся. Буквально был одержим Гларью.

– Наивные сказки, что-то мне слабо верить, что вырвавшись из грязи и нищеты стал бы он грустить о прошлом, – борясь со смыкающимися веками промямлил Вебер.

– Да вам я посмотрю не знакома тоска по дому?

– Мой дом там, где хорошо платят. Во всяком случае пока не накоплю на особняк у моря. А о том месте где я родился...

Что ж, о нем мне грустить не приходится.

Барон хотел что-то возразить, но быстро передумал, лишь его усы на мгновение заходили ходуном. Так и не издав ни звука он вытащил из глубокого кармана тесненную серебряную зажигалку, заправленную скипидаром. Задумчиво хмыкнув, усач зажег сигарету что все это время мял в руках, с удовольствием втянув в себя горький дым.

– История не выдуманная. За это я ручаюсь. Да и Провия я знал лично, выкупил он у меня однажды крупную партию кое-чего. Так вот, подзаработав денег, так чтобы и детям, и внукам хватило, решил он и для своей деревни благое дело сделать. Хлипкие лачуги были снесены, а на их месте возвели застройку не хуже, чем в Ганое. Нанял он опытных архитекторов и дорогуших художников, и им удалось сотворить чудо – свет цивилизации пролился на всеми забытую Гларь.

Воцарилась продолжительная пауза в ходе которой Голдберг старательно осмотрел ближайшие строения, вспоминая то ли их прежний облик, то ли то что им предшествовало. В этот момент сильный порыв ветра, чудом пробившись через высокую стену и стройный ряд домов, старательно снес весь выдыхаемый Бароном дым прямо Верго в лицо, побудив того протяжно закашляться.

– Что-то ваша история умалчивает о случившемся здесь катаклизме, – откашлявшись заметил предсказатель, раздраженный воцарившейся тишиной.

– А катаклизма и не было. Просто человеческая природа

взяла свое. Обитатели деревни, никогда не видевшие ничего кроме камней и грязи, не оценили намерений Провия. Каково же было его удивление, когда вместо благодарностей он получил в свой адрес укоры и претензии! Видите ли, жители Глари были возмущены жуткой несправедливостью, когда семья из шести человек получила такой же пятикомнатный дом что и семья из двух. «Мы хотим в два раза больший!» – требовали они. Но ими все не ограничилось, ведь площадь дома одного семейства как оказалось зашла на землю, «исконно» принадлежавшую другому. А как вам нравится претензия о окнах выходящих на запад, что как выяснилось возбранялось не то их верованиями, не то традициями. К концу строительства «справедливое» негодование обитателей этой чудесной деревни дошло до невероятных масштабов: из зависти и жадности семьи поджигали дома соседей, портили лужайки, выкорчевывали невинные соседские пихты, и конечно не забывали о конструктивной критике друг друга, осуществляемой преимущественно путем нанесения надписей на стены чужого дома. Ах, а это чудесное здание позади нас! – Барон указал дымящимся окурком на постройку в которой отдыхали гвардейцы. – Исходя из того факта, что его даже не дали достроить, угадаете ли вы кому оно предназначалось?

– Стало быть, Провию. – Верго цинично усмехнулся. Теперь для него и взаправду все детали Глари обрели осмысленный вид.

– Не сложно было догадаться, ведь так? По-видимому, таким способом местная голь решила выразить благодарность своему спонсору. И думаю вы заметили – этого им оказалось совершенно недостаточно. В самом разгаре строительства работники решили убрать здоровенную кучу мусора, располагавшуюся аккурат в центре деревни. К несчастью бедняги не знали, что нагромождение зловонных помоев было языческим святилищем. На следующее утро после его сноса на месте одного из очаровательных фонтанчиков жители возвели новое капище, на сей раз украшенное головами строителей. На этом собственно все работы и свернули. Сами понимаете, никто больше не согласился что-либо здесь доделывать, или хотя бы поддерживать в надлежащем состоянии. Как вы можете видеть, язычники приложили максимум усилий чтобы их новые жилища выглядели на манер старых – такими же убогими и обшарпанными.

– Да, человека из грязи можно вытащить, но вот грязь из человека – никогда.

– Интересный вы человек. Начали с неверных вопросов, а кончили неверными выводами.

– Что же я сказал не так? Разве вы не к этому вели? – полусушутя парировал Верго, прямо перед тем, как сделал несколько больших глотков из фляги.

– Скажите, в чем по-вашему состояла главная ошибка Провия? – азартные нотки вмиг заиграли в голосе Голдберга, косвенно указывая собеседнику на наличие некоего замысла,

подвоха в вопросе.

«Что бы я не ответил, он все равно скажет, что я не прав. Самолюбивый дед, тебе так важно самоутвердиться?» – быстро пронеслось в голове у Верго.

– Если он действительно желал жителям блага, то должен был построить им не дома, а школу, или же предоставить рабочие места. Но ведь именно такого ответа от меня вы и ждете? Вижу по глазам что угадал, а потому отвечу иначе – он вообще не должен был вмешиваться в их жизнь, навязывая свои порядки.

– Bravo, мистер Вебер, вы не безнадежны, – отрапортовал Барон с несколько угасшим интересом. Излишне громко закричав он поднялся с каменного блока, болезненно потянувшись. Пару мгновений простояв в раздумьях, Голдберг вновь обратился к собеседнику, на сей раз с интонацией почти полностью лишённой жизни. – На этом вынужден откланяться. Один мой старый знакомый еще проживает здесь, хотелось бы его повидать до того, как мы покинем Гларь. Советую вам пойти отоспаться, право слово, на вас лица нет.

– Дельный совет. Вскоре так и сделаю.

Докуривая сигарету, Барон медленно направился вглубь замусоренных улочек, меланхолично созерцая окружающую его разруху. Позади него тенью брел верный телохранитель. Верго и не заметил, что тот все это время был поблизости – у этого человека определенно есть талант оставаться вне поля зрения. Его собрат отсутствовал, то ли персонально оберегая

наследника, то ли мастерски скрываясь неподалеку.

Нужно было признать, как для ветреного скалистого предгорья, в Глари стояла достаточно неплохая погода. Каменная инфраструктура бережно заслоняла собой хлипкие людские тела от ветреных потоков; столичное солнце бесперебойно освещало деревню, не забывая попутно нагревать любые каменные поверхности, делая их необычайно приятными на ощупь; слегка облачное небо не содержало в себе и единой тучки. Мерзкие запахи, на пару с не менее мерзкими людьми старательно обминали выбранный Остином для привала небольшой островок цивилизации. В этом сухом, тихом и солнечном месте тяготы тяжелого дня казались чем-то далеким: туманы, мрачный лес, пыльная дорога – все это осталось где-то там, позади. Впервые с момента прибытия в деревню, Вебер почувствовал себя быть может и не в безопасности, но в состоянии умиротворяющего спокойствия.

Удивительной особенностью ежедневного быта местных была бесшумность. В Глари было по-настоящему тихо, настолько, что можно было расслышать крики ястребов, вившихся где-то в вышине, что гармонично переплетались с отдаленными завываниями ветра. Не настолько мертвенно-тихо как в разграбленной деревеньке по дороге сюда, но все же единственным сколь-нибудь существенным источником шума оставались немногие бодрствующие наемники – большая же часть их собратьев уже спала. Оставшиеся на ногах бедняги были вынуждены нести вахту, с трудом заставляя свои

уоставшие головы описывать по дуге траекторию, высматривая что-либо подозрительное.

Говоря о подозрительном, – наследник так и не покинул экипаж, даже не вышел осмотреться. Его карета, отцепленная от притомившегося жука, мирно стояла у входа в здание что Верго успел для себя окрестить недостроенным «банковским хранилищем». У входа в экипаж было пусто, но Вебер был уверен, что второй телохранитель Барона таиться где-нибудь неподалеку, слишком уж был важен наследник, чтобы оставлять того без присмотра.

Каменный блок на котором сидел предсказатель был специально сколот так, чтобы оставшаяся его верхняя часть образовывала подобие спинки. Поерзав на теплом камне, Верго таки смог найти позицию в которой острые края сколов не кололи в спину. Он наконец облокотился на грубо обработанную верхнюю часть блока как на спинку кресла. Удобная поза вмиг вызвала затяжной зевок, после которого всякие остатки желания встать и идти куда-нибудь бесследно испарились. Лениво разлегшись на грубом сиденье, Вебер халтурно пытался не заснуть, сквозь слипающиеся веки разглядывая пустынную лужайку, неспешно патрулируемую такими же сонными горе-вахтерами.

Невольно ускользя в страну сновидений, предсказатель на мгновенье прикрыл глаза собираясь сделать небольшую передышку и через секунду вновь возобновить нелегкий труд созерцания, но за секундой шла другая, они складыва-

лись в неуловимую череду мгновений что неумолимо выливались в минуты, а может и часы. Последним кто Веберу запомнился перед окончательным погружением в сон был нечто озадаченный Блиц, ковыляющий к своим собратям с двумя ведрами, полными воды. Мир Верго погрузился в столь сладостную тьму.

Глава 3. Увертюра кошмара

Любой человек знает, как сложно вспомнить сны – казалось, еще секунду назад все порождаемые подсознанием невероятные фантазии были перед глазами, и даже образовывали некую цельную, не лишенную смысла картину, и вот уже ты проснулся, силясь припомнить хотя бы парочку фрагментов из уплывшего сновидения. Если в первые минуты бодрствования и теплиться некая тень воспоминаний, почти полностью лишенных смысла, то к концу дня даже этот хлипкий остаток канет в Лету. Подумать только, сколько фантазмагорических сюжетов было нами утрачено за целую жизнь, бесследно растворившись в нашей памяти поутру.

Предсказатель резко вздрогнул от раздавшегося неподалеку трескучего звука. Сквозь застилающую глаза расплывчатую пелену до него медленно пробиралось осознание того факта что он уже не спит. Потерев глаза и затаенно зевнув, Вебер приподнялся со скамьи плавно потянувшись. Хруст в суставах и неприятная тяжесть в спине быстро напомнили ему, насколько плохая идея засыпать на жестких каменных блоках. Разминая затекшие конечности, Верго небрежно закинул сумку на плечо и потянувшись к скрытым в складках одежды часам резко замер, болезненно сморщившись от внезапно возникшей мысли – по своей халатности он в одиночестве заснул в диком городе, переполненном нищими, край-

не обозленными на жизнь язычниками, явно небрезгующими воровством.

Смешанное с легким страхом, чувство досады мгновенно отогнало остатки сна, заставив напуганного предсказателя ошалело осматривать содержимое своей сумки и карманов. Трехминутная ревизия принесла успокоение: все вещи были на своих местах, не было и следа чужого поползновения на его добро. Справедливо отчитав себя за вопиющую халатность, Вебер торопливо достал карманные часы, пытливым взглядом фиксируя расположение их стрелок. Стоял без семи минут полдень, а значит он провалялся тут не меньше трех часов!

Разобравшись с состоянием своих карманов и узнав время он оказался озадаченным целым ворохом отрезвляющих мыслей, каждая из которых все сильнее разжигала в мужчине обиду на своих спутников. Почему никто не разбудил его? Неужели за три часа Барон так и не вернулся к их временному убежищу? А если вернулся, то почему не попробовал растормошить своего спутника?

Как известно – винить других в своей халатности, дело не только бесхитростное, но и весьма приятное. Пламя праведного гнева вмиг взбодрило Верго, порывая его отыскать и допросить «виновников» своей оплошности. Но беглый осмотр окружения быстро погасил разошедшийся огонь, ведь куда не погляди, нигде не было ни души.

Ошалело озираясь, Вебер невольно ущипнул себя, стара-

ясь убедиться не находится ли он все еще во сне. Вход в их временное пристанище предательски пустовал, и хоть дверь и была распахнута настежь, из здания вообще ни доносилось каких бы то ни было звуков, даже выучный жук куда-то запропастился. Обернувшись, оглядывая изгаженную Гларь, Верго остолбенело лицезрел вымерший, абсолютно пустой город по улицам которого еще недавно слонялись десятки невымытых язычников. Чувство тревоги ужасными темпами росло, вытесняя собой все содержимое головы предсказателя.

Сорвавшись с места он засеменял к стоящей в нескольких десятках метров карете. С каждым шагом пульсирующий страх учащал его дыхание. Разошедшееся в своем биении сердце будто подгоняло Вебера, разгоняя кровь по недавно пробудившемуся телу. Ближе к экипажу, фактически перейдя на бег, предсказатель заскочил на вспомогательную ступень, проворно вцепившись в хлипкую деревянную дверцу. Распахнутый кусок лакированной древесины обнажил изящную пустующую кабину: мягкие, покрытые тонким шелком темно-фиолетовые сиденья горделиво несли на себе крупные расшитые золотом подушки, и ничего более. И никого более.

«Провал, – громогласно пронеслось у Верго в голове. – Все произошло прямо у меня под носом!»

– Схаррат! – грязно выругался Вебер. Он нервно топтался у кареты, анализируя все увиденное перед сном и перебирая в голове всевозможные варианты событий. Неподалеку

вновь раздался трескучий звук. Повернув голову в его сторону предсказатель раздосадовано прыснул, так как источником звука оказались рыскающие у сложенного под стеною хвороста собаки. Не менее четырех черных облезлых псин копошилось среди полу-высохших еловых веток что-то там вынюхивая. Конечно, в глаза ему бросилось сходство непрощенных гостей с преследовавшими его группу силуэтами, но Верго прекрасно понимал, что стая собак никак не могла быть причиной исчезновения хорошо вооруженной группы опытных гвардейцев.

Не став дальше рассматривать четвероногих, обеспокоенный предсказатель кинулся к распахнутым дверям их недавнего пристанища, по пути выкрикивая те немногие имена солдат что запомнились ему в дороге. Оказавшись на пороге здания он едва сдержал рвотный порыв – до невозможного омерзительный запах забился ему в ноздри. Дыша ртом, закрыв большую часть лица плотной тканью кафтана, Вебер ступил вовнутрь, тщетно пытаясь осмотреться. В здании царил непроницаемая тьма – именно так ему показалось после пребывания во дворе, столь ярко освещенном солнцем. В попытке усмотреть ближайший светильник или лампу мужчина изо всех сил напрягал глаза. Ему хотелось утихомирить бешенное сердцебиение глубоким дыханием, но из раза в раз приходилось отгонять эту мысль, поскольку пара неосторожных глубоких вдохов вполне могла вывернуть ему желудок наизнанку.

Бросив попытки что-либо разглядеть в непроглядном мраке, Верго решительно брел на ощупь, придерживаясь стены. Шаг за шагом, вдох за вдохом он углублялся в тревожную неизвестность. Единственным ориентиром для него в этот момент выступала холодная шершавая стена. Размашисто водя по ней рукою, Вебер не оставлял надежды нащупать настенный светильник, что определенно должен присутствовать в столь темном коридоре. С очередным напряженным шагом под ногами предсказателя что-то неприятно чавкнуло.

«Просто иди вперед. Иди, и даже не смей думать над тем что это было», – повторял у себя в голове Верго, заставляя тело двигаться дальше.

Мгновения тянулись предательски долго, в то время как сердце, напротив, с завидной частотой отбивало в ушах предсказателя гнетущую барабанную дробь. В какой-то момент он бросил до этого придерживаемую у рта складку ткани, принявшись наспех ощупывать стены обеими руками. И вот, наконец левая рука задела нечто, своими очертаниями напоминающее потухший масляный светильник. Нащупав в сумке коробок спичек, Вебер на ощупь зажег одну из них, озаря бледные стены неярким тепло-желтым светом.

Гуляющий в доме сквозняк в мгновенье погасил зажженную деревянную щепку, вновь погрузив взволнованного Верго во тьму. Вторая попытка оказалась удачнее, и постепенно разгораясь, крепящееся на латунной подложке ма-

ленькое светило начало озарять ближайшее пространство, оголяя все те ужасы что скрывала за собой тьма.

С трудом унимая дрожь в руках Вебер снял лампу с подложки, освещая то что было у него под ногами. Вереница черных склизких следов тянулась по паркету аккуратно к месту где таинственное нечто чавкнуло под ногами перепуганного предсказателя, упираясь в лишенный всякой формы кровавый ошметок. Почерневшая будто от недельного гниения плоть более не могла быть опознана. Чем или кем бы это ни было, установить было уже невозможно.

Тошнота подступила с небывалой силой, и с трудом оторвав взгляд от ужасного почерневшего месива, Верго устремился в ближайшую комнату. Более он не ожидал увидеть здесь кого-либо из выживших, им двигало чистое любопытство. В его голове не укладывалось, как непостижимые ужасы могли происходить в нескольких десятках метров от него, пока он мирно спал. Как подобный кошмар мог не потревожить его? Неужели не было ни криков, ни предсмертной суеты, ни звуков боя?

Он оказался в крупной комнате уставленной рядом грубо сколоченных стульев и одним безалаберно сделанным столом. Пол устилал толстый пыльный ковер с неразборчивым узором, а стены были увешены связками сушащегося чеснока и пахучего перца. Безоконная комната, еще недавно служившая соратникам предсказателя трапезной, ныне же представляла местом воплотившегося в реальность кошмара:

на стульях, будто выросши в них, сидели неподвижные фигуры в которых с трудом, но таки проглядывались человеческие очертания. Покрытые язвами оплывшие лица безмолвно встретили Вебера оскалом гнилых зубов, заметно проступающих из-под остатков десен. Вздувшаяся кожа лоскутами сползла с уродцев, обратившись полосками и нитями, оплетающими их сиденья.

Верго застыл, он не мог оторвать взгляда от ужасной картины. Останки его товарищей нелепо сползли с мебели, устилая собой пол. Немыслимый кошмар против воли вырвал у Вебера безумный, совершенной неуместный смешок. Единственный звук, разорвав тишину эхом разнесся по безжизненным комнатам, ставшими отныне гробницей. Комок неумолимо подступал к горлу, сообщая предсказателю что тому жизненно необходимо выбраться на свежий воздух.

Будучи в состоянии шока, Верго попытался сделать несколько неуверенных шагов в сторону дверного проема, и болезненно запнувшись о порог комнаты, выпустил лампу из рук. Хитроумная конструкция мигом погасила перешедший в горизонтальное положение фитиль, оставляя Вебера в темноте, наедине с плачевным осознанием ситуации, в которой он оказался.

Внезапно, отвратительный сладковатый запах гнили повалил предсказателя на пол, провоцируя неукротимые рвотные позывы. Ошарашенный Верго с теперь уже опустошенным желудком полз, с трудом разбирая путь. Сумев выбрать-

ся из комнаты, он вскочил, ринувшись в сторону освещенного солнечными лучами дверного проема что вел на улицу. Вебер более не обращал внимание на гадкое чавканье, его более не угнетала тишина, не мешала даже сгустившаяся тьма. Каждый шаг приближал Верго к выходу из здания. Все о чем он только мог думать, так это о невыносимом запахе, что вытеснял собой любые другие мысли. Вебер знал – он должен вдохнуть свежий воздух, должен наконец освободиться от оков жуткого смрада, для него это вопрос жизни и смерти.

Глубоким вдохом был ознаменован момент, когда мертво бледный предсказатель таки покинул здание, оставляя останки своих недавних спутников позади. Каждая секунда, проведенная на свежем воздухе влияла на него благотворно, спутанные в клубок мысли начали постепенно выстраиваться в подобие логической цепочки, а сердце понемногу замедляло свой темп. Несмотря на умиротворяющую тишину и отсутствие видимых угроз ощущение опасности все никак не покидало Вебера. Он чувствовал себя зверем, проснувшимся в тесной клетке.

Только что пережитые им потрясения, многочисленные странности, опустевший город – все это никак не укладывалось в одну картину. Верго будто очутился в иллюзорном кошмаре, вот только в жутких снах кульминация обычно ведет к пробуждению. Хотел бы и он сейчас проснуться, очутившись в окружении сварливых и неприветливых но все

же живых наемников. Этот кошмар просто обязан оказаться сном.

В нескольких метрах от озадаченного предсказателя раздались шаги, вкупе с шелестом травы, привлékшие его внимание. Обернувшись, Вебер встретился взглядом с нею – долгожданной кульминацией этого кошмара. Только теперь он понял, что преследовало их группу в предгорьях. Лишь вблизи стало ясно, что вовсе не стая собак посетила треклятую Гларь. Силуэт неспешно приближался, с интересом разглядывая остолбенелого Верго.

В других обстоятельствах можно было бы принять это за галлюцинацию, жуткое видение, навеянное помутившимся рассудком. Предсказатель до крови впился ногтями в кисть левой руки, пытаясь убедиться в том, что это все происходит наяву. Мираж не развеялся, напротив, с каждой секундой становясь все более убедительным.

Облезлое, угольно черное собачье тело, покрытое множеством язв и болезненных припухлостей, неестественно ставя разъезжающиеся лапы, ковыляло к предсказателю. Массивная, непропорционально большая голова заканчивалась не собачьей мордой, но подобием человеческого лица. Верго не мог поверить в реальность приближавшегося к нему нечто: два черных глаза, небольшой нос, густые брови, обветренные губы; хоть поросшая редкой собачьей шерстью кожа и была темна, несомненно, она покрывала человеческое лицо.

Вмиг лицо монстра исказилось гримасой. Не то обозлив-

шись, не то разочаровавшись увиденным, создание прохрипело:

– Посторонний... Не наш!

Спустя пару мгновений тот же возглас раздался позади Вебера, а потом и вовсе из дверного проема. Целая стая уродцев окружала предсказателя, как заведенные неизменно скандируя одну фразу.

«Посторонний... Не наш...» – доносилось отовсюду. Хриплые голоса чудовищ сливались в отвратную какофонию, столь непривычную для царившей здесь тишины.

Как зачарованный, Верго не мог оторвать взгляда от невероятных уродцев. Из состояния оцепенения его вырвало лишь особо громкое восклицание чудища, раздавшееся буквально в полшаге от него. С собачьим визгом один из выродков подобранный наиболее близко, вцепился черными от гнили зубами предсказателю в ногу. В глазах побелело, а мир заполнил нарастающий звон в ушах.

Белая пелена резко спала с глаз, громкий шум в ушах исчез так же быстро, как и появился. Слегка сбитый с толку Вебер обнаружил себя целым и невредимым, восседающим на грубой каменной скамье неподалеку от уродливого, недостроенного «банковского хранилища». Вдалеке сновали занятые своими безобразными делами немые язычники, обрывки разговоров которых изредка долетали до обескураженного предсказателя. У дверного проема здания,

еще недавно привидевшегося ему могильником, крутилось несколько уставших гвардейцев, а из-за закрытых ставнями окон доносился приглушенный грохот кухонной утвари. Кошмар, как и полагается всякому отвратному сну растаял, не оставив и следа.

– Не идете внутрь? – раздалась знакомая фраза.

Голдберг тяжело плюхнулся на каменный блок, предварительно стряхнув пыль и засохшую грязь с поверхности. Он вел себя совершенно естественно, будто ничего и не случилось.

– Туда еще нужно дойти, – не задумываясь выпалил Верго нахмурившись.

– Как же я вас понимаю, путь взаправду выдался нелегким. Сколько мы были в пути? Семь? Восемь часов?

– Не меньше десяти, – бросил Верго, даже не удостоив своего собеседника взглядом. Часы он таки достал, не глядя заводя их механическими, отточенными движениями. Ему не было нужды смотреть на циферблат, ведь время хорошо было ему известно.

– Вы нехорошо себя чувствуете? На вас лица нет! – Барон озабоченно разглядывал предсказателя. Не заметить бледность последнего было трудно.

– Мистер Голдберг, в то что я вам сейчас расскажу будет трудно поверить, это будет сложно даже воспринять всерьез. И все же я попрошу меня внимательно выслушать не перебивая. От того что я сейчас скажу будут зависеть наши жиз-

ни. Я постараюсь быть последовательным. . . – Реплика Верго прозвучала чрезмерно строго, даже в некотором роде грозно. Усач явно был застигнут врасплох столь резкой переменной в голосе и манере речи спутника. Он ничего не ответил, всем своим видом демонстрируя готовность выслушать уготованные для него сведения.

Медленно, но уверенно, сохраняя серьезное выражение лица, Вебер поведал Барону о своем видении. Некоторые моменты он сознательно упустил, другие же избавил от, как ему казалось, излишних подробностей. Весь рассказ был донельзя сдержан и формален, будто описание военной операции, в последствии сведенное к сухому безжизненному рапорту. Предсказатель вовсе не хотел напугать Голдберга, и уж тем более не желал, чтобы его рассказ был принят за страшилку, или и того хуже – шутку.

Пересказывая свои воспоминания, Верго мысленно возвращался к недавно пережитому кошмару. Вероятно, любой оказавшийся на его месте человек был бы в неконтролируемом состоянии шока, по крайней мере будучи до смерти перепуганным. Такая реакция была бы естественной, но Вебер оставался дьявольски хладнокровным. Его мысли были заняты не загадочной природой своего видения, но скрупулезным составлением плана. И никакого секрета в том не было, ведь разумеется подобные видения были для него не в новинку – он назывался предсказателем не ради красного словца. Долгие годы выматывающей работы, десятки и даже сот-

ни жутких видений возможного будущего давно выдавили из него былую наивность и впечатлительность. Покушения, облавы, несчастные случаи, массовые убийства, – чего только ему не доводилось видеть. До сегодняшнего дня он считал, что его уже ничем не удивить, но даже будучи сбитым с толку загадочными происшествиями, Верго не мог себе позволить потерять жизненно необходимую решительность. От его действий зависят не только жизни его спутников, но и его собственная, а значит права на трусость у него нет. В конце концов, каким бы ужасным не было будущее, его всегда можно предотвратить. В тот день ему особенно хотелось в это верить.

Начал свой рассказ предсказатель словами о загадочном знакомом Барона, проживающем в Глари. Не забыл он упомянуть и о былых деловых связях усача с Провием. Сталкиваясь со своими видениями не в первый раз, Верго прекрасно осознавал алгоритм необходимых действий. Первое что нужно было сделать, так это любыми способами на основании доступной информации убедить заказчика в правдивости предсказания. Доверие со стороны нанимателя – основа основ. Совершенно любые неудобные для последнего факты, истории, знакомства, имена, и что бы там ни было еще, подходят для убеждения.

Праздно настроенный Голдберг по началу едва заметно улыбался, но услышав о своих поделщиках мигом поник. Его лицо приобрело весьма озадаченное выражение, усы

опустились, а густые брови поползли вверх. Следы недурственных мыслительных процессов не покидали его сморщенного лба. Пытаясь припомнить мог ли он ненароком поведать предсказателю что-либо о своих делах с местными он пришел к неутешительным выводам. Глубоко вздохнув, Барон отвел взгляд от Вебера, всматриваясь куда-то вдаль, его лицо разгладилось, и брови приняли привычную для них позицию. Его голос прозвучал на удивление мягко и спокойно, видимо сказывался многолетний опыт работы торговцем смертью:

– И все-таки хорошо, что вы пошли с нами, мистер Вебер. Я верю вам. Серьезно. Не смотря на мой возраст у меня определенно нет проблем с памятью. За весь наш путь я и словом не обмолвился о своем знакомстве с Провием, да и о моих здешних подельниках вы никак знать не могли... Страшно представить, что вы еще усмотрели в своих видениях. Остается только полагаться на вашу добросовестность. Хотя, я все же предпочитаю опираться на условия контракта. Как вы естественно помните, за каждое предотвращение покушение ваш гонорар увеличивается. Покуда вы держите ваше слово, я буду держать свое. Если благодаря вам мы покинем Гларь в целости и сохранности – можете быть уверены, вам это зачтется.

– Мы должны выбраться отсюда как можно скорее. В запасе у нас в лучшем случае несколько часов. Мне греет душу тот факт, что вы мне поверили, но, боюсь Остина так же

легко убедить не получится...

– Разве вы не можете рассказать ему парочку сногшибательных фактов из будущего, также как вы рассказали их мне?

– За наш недолгий совместный путь я успел убедиться, что он не самый впечатлительный человек, и что куда печальнее – мне так и не удалось узнать что-либо личное, или же необычное о нем. Для него у меня нет козырей, а потому мне понадобится ваша помощь.

– Что-ж, – с досадой выдохнул Голдберг вставая с каменного блока, – значит нам предстоит не самый приятный разговор.

Предводителя гвардейцев они застали отдыхающим в кухонном помещении. Эта комната уже была знакома Верго из видения. Он слегка поежился переступая ее порог, на секунду ему даже показалось что она все еще пропитана сладковатым зловонием подгнившего мяса. Тем не менее, часть наемников беспечно спала, соорудив из пары поставленных впритык стульев своеобразные лежанки. На полупустых столах (помимо закинутых ног) лежали грязные рваные тряпки, служившие своеобразной подстилкой измазанной сажей чугунной посуде. В углу комнаты из грубо отлитой буржуйки не переставая валил пар, беспрестанно покрывая потолок помещения изредка скапывающей испариной. Царившая на кухне невероятная духота давала о себе знать. Какой умник додумался сделать из безоконного, плохо вентилируе-

мого помещения кухню? Все в этом княжестве было продуманно из рук вон плохо.

Попробовав проверить с Остином тот же фокус что и с Бароном, Верго с нарастающим разочарованием лицезрел свое фиаско. Каждая секунда его рассказа, казалось, стоила главарю гвардейцев невероятных ментальных усилий. Закончив, предсказатель взглядом встретился с двумя покрасневшими, полными раздражения и усталости глазами. Остин размеренно встал со стула, потянувшись, он сделал несколько шагов в сторону Вебера, буквально нависнув над мужчиной.

– Очень любопытно, – саркастично усмехнулся Остин. – Да тут у нас целая остросюжетная история. Да такая, что лучшие столичные писаки позавидуют!

– Все чего я хочу, так чтобы эта история не воплотилась в жизнь. – Верго слегка поморщился, прекрасно понимая, как жалко и неубедительно звучат его неподкрепленные фактами заявления.

– То есть ты мне говоришь, что не имея доступа к плану нашего пути, каким-то чудом выследив нас в горах и при этом не попавшись нам на глаза, невиданное нечто всех нас не весть каким образом перебьет, а наши остатки достанутся демоническим псам? Я правильно понимаю? Да уж, звучит очень правдоподобно. Но я все же рискну и останусь. Если твои фантазии так тебя напугали – тебя здесь никто не держит.

– Было бы мне наплевать на заказ, потраченное время, и свою репутацию, я так бы и сделал. Если вы желаете тут умереть, это дело ваше, но от жизни наследника зависит и мое вознаграждение.

– Кажется был между нами небольшой, но очень существенный устный договор. В нем, если мне память не изменяет, шлось о том, что мы постараемся не создавать ненужных проблем друг другу, – не дав вставить Верго и слова, Остин продолжил. Колеблющаяся тональность его голоса с лихвой выдавала возрастающее раздражение. – И что я слышу? Чудесные предсказания сулят нам скорую кончину! Знаешь, в деревне где я вырос тоже был один такой предсказатель, прям как ты, все время талдычил о скором конце света. Надо ли говорить, что его занятные предсказания почему-то почти никогда не сбывались? Но когда-таки происходило чудо, и что-то из его слов совпадало с реальностью, он вопил об этом громче всех, и односельчане даже ему верили. И однажды, этот дряхлый недоносок после очередного своего видения сказал моей болеющей сестре принять перемолотые семена ипомеи. И что хуже того, моя недалекая родня решила последовать совету. Когда сестра в предсмертном бреду билась у меня на руках он заявил, что ипомея не помогла из-за нехватки каких-то там веществ в ее организме, в основном железа. Ооо, видимо недостаток железа имелся и в его организме тоже. Но я по доброте душевной его восполнил – нашпиговал выродка железом по самое горло! Может

и тебе, предсказатель, недостаток железа на мозг давит?

– Остин! – громкий возглас донесшийся из дверного проема прервал грозную тираду. Вебер поспешил обернулся в направлении резкого звука. Удивительно, но от чумазой особы, одетой в характерные темные тряпки наемников доносился без всяких сомнений женский голос. Внимательно присмотревшись предсказатель узнал вошедшую, это был тот самый «гвардеец», что сопровождал главаря наемников, шагая по одну руку с предводителем их недавнего шествия.

Широкая перевязанная бандана скрывала коротко стриженные русые волосы. Высокий воротник, сейчас будучи расстегнутым, ранее успешно прикрывал добрую половину лица. Разглядеть женскую фигуру за мешковатым плащом и вовсе была задача не из простых. Оказывается, все это время в их команде была женщина. Верго мог бы поклясться, что на протяжении всего пути ни разу не слышал женского голоса. Неужто завышенный воротник так сильно искажал ее звучание, или же дама от природы была столь немногословна? Тем временем, сама жертва столь тщательного зрительного анализа гневно подскочила к своему главарю, в два шага преодолев половину комнаты.

– Его наняли так же, как и нас, мы на одной стороне, а ты осыпаешь его угрозами?!

– Ты хоть слышала, о чем идет речь? Да как такую чушь вообще можно спокойно слушать? Сорваться с места, выбиться из графика и спать где-то в лесу только потому что

ему что-то привиделось? – понизив голос стал оправдываться Остин. Мгновение тому, столь грозный и волевой, теперь он выглядел жалким уставшим работягой, желающим лишь отдохнуть в спокойствии. Вебер все больше задавался вопросом, кем же приходится таинственная дама главарю наемников?

– Тебе не хуже моего известно, что за человек наш наниматель, – практически прошипела девушка, с упреком бурывая Остина взглядом. – Неужели ты допускаешь что господин Риганец мог бы нанять обыкновенного шарлатана? Я слышала, что не меньше трех его деловых партнеров посоветовали этого предсказателя. Думаешь такие люди позволили бы водить себя за нос? Нужно дать ему хотя-бы шанс.

– Арчи... – начал было Остин, сделав продолжительную паузу. Несколько секунд он молчал, то ли собираясь с мыслями чтобы дать отпор, то ли осмысливая услышанное.

Уцепив момент, Верго решил, что самое время действовать. Кем бы ни была девица, сумевшая утихомирить старого вояку, ее вмешательство было весьма к месту. Ему Остина так не заткнуть, а второго такого шанса высказаться могло больше и не представиться:

– Подумайте сами, ну даже если моя репутация для вас пустой звук, и авторитетность моих нанимателей вам ничего не говорит, вы же прекрасно видите, что я едва стою на ногах. Неужели мне сейчас действительно так уж беспричинно захотелось покинуть теплый сухой кров и отправиться в

дальнейшее путешествие по этим чертовым горам без минуты отдыха? Ну не враг же я себе в конце то концов!

– Конечно контракт вы подписывали с Самюэлем, а не со мной, – наконец включился в беседу Голдберг, – но нам с вами уже сотрудничать приходилось. Похоже, что мистер Вебер не лжет, уж что-то он таки увидел. Десять минут назад он рассказал мне такие вещи, о которых знать мог только я, да от силы пара человек на весь Помонт. Если после стольких лет сотрудничества вы мне хоть немного доверяете, доверьтесь же и ему хоть раз.

Главарь гвардейцев продолжал угрюмо молчать, вены на его широком, покрытом шрамами лбу неслабо вздулись, белки глаз покраснели, но не смотря на все это ему все же удавалось сохранять видимое спокойствие. Сидящие вокруг наемники отложили свои дела с интересом наблюдая за сложившейся неприятной ситуацией что спешила перерасти в полноценный конфликт.

Неизвестно чем бы закончилась эта напряженная дискуссия, если бы их в очередной раз не потревожили. У входа в комнату возник слегка растрепанный гвардеец, привлекая внимание своего командира взмахом руки, минуя все возможные прелюдии, он выдал решающий аргумент в расплавленном споре:

– Остин, возможно у нас проблемы. Только что ко мне прибежал Блиц, весь в соплях, клянется, что видел у ворот псину с человечесьей рожей, да не одну, а целую стаю. Говорит,

что это могут быть те самые твари что следовали за нами по предгорью...

– Схаррат! Да вы что все стоворились? Уже и пацану голову задурили? Хотя это конечно вряд ли, меня он боится больше любых предсказаний. – За несколько секунд с главарем наемников произошли дивные метаморфозы. Его лицо разгладилось, раздраженные интонации испарились, а взгляд вновь наполнился прежним туманным безразличием. – Ну, допустим я поверил. Ладно. Арчи, буди всех. Десять минут на сборы, и мы выходим. Пускай приготовят оружие, но не светят им особо. Кто сейчас в карауле? Дай им по самострелу, и пусть глядят в оба. Собак, обычных или нет, к дому и экипажу не подпускать. Мистер Голдберг, пусть ваш человек охраняющий экипаж, подгонит его к черному выходу. Вот же скотство, даже отдохнуть толком не успели...

Не смотря на обильное недовольство солдат, сборы прошли достаточно быстро. Плотнo поужинав и знатно разморившись в преддверии скорого сна в теплом и сухом доме, наемникам требовалась стальная воля чтобы покинуть только-что обретенное убежище, отправившись в дальнейший путь. Стальная воля и несколько нагоняев от их главаря.

Вскоре слухи о виновнике их столь поспешного ухода распространились среди всех гвардейцев, вызывая у них то, что можно было бы назвать крайним недовольством, и может даже «легкой озлобленностью». Обычно, Веберу не было дела до мнений окружающих, если только этими окружающи-

ми не были заказчики, но когда ты испортил отношения с людьми с которыми тебе предстоит еще не один день идти в группе – появляется веский повод к опасениям. В последние минуты их сборов предсказатель наслушался нелестных комментариев в свой адрес. Голдберга и Блица, не смотря на непосредственное в случае первого, и косвенное в случае второго, участие в недавних дебатах, осуждение обошло стороной. Как же несправедлив мир по отношению к честным предсказателям. Воистину, нагадай он наемникам славу и богатство – никто бы и не жаловался.

Немногим меньше двадцати минут потребовалось их группе, чтобы окончательно покинуть Гларь. Еще при их прибытии в поселок Остин раздобыл у одного из язычников старинную карту местности, сделанную из куска иссохшейся кожи, натянутой на лакированную деревянную раму. Не смотря на свою древность, диковинная вещица вызывала у всех явно больше доверия чем запутанные, и подчас противоречащие себе же рассказы местных. Конечно, примерный план пути был составлен главарем гвардейцев еще в поместье Риганца, но знать где какие родники, тропинки и подлески все же не помешает, а расположение всех расщелин и впадин и вовсе, одному только Богу известно. Следовать карте всяко надежней.

Главной проблемой при расшифровке карты стала ужасная манера ее создателя сокращать названия и подписи до совсем уж неразборчивых аббревиатур. Удивительно, как

столь нервному человеку как Остин, хватало терпения скрупулезно разбирать донельзя укороченные каракули.

Тем временем Верго вновь оказавшись в пути мигом вспомнил о своей накопившейся усталости и невыносимой крепатуре. Очень жаль, что обвиняя его в обмане, Остин не осознавал, что предсказатель же больше всех и пострадает от отсутствия отдыха. Краем уха услышав что им предстоит всего лишь «небольшой» маневр на полтора часа ходьбы, Вебер совсем уж пал духом. В иных обстоятельствах он даже мог бы подумать, что таким образом Остин ему мстит.

Мысленно перебирая все возможные варианты развития событий что только могли привести к представшему ему в видении будущему, Вебер поймал себя на легкой дрожи вызванной вовсе не усталостью. Его не покидало скверное предчувствие и не смотря на довольно беспечную атмосферу их продленного похода, тревога только нарастала. Верго хотелось бы верить, что безосновательно.

Пытаясь унять дрожь, отвлекшись от хмурых как закоулки Ганои мыслей, он стал вслушиваться в разговор беззаботно шествующей у экипажа солдатни. Двое увлеченно обсуждали меланхолично перебирающего лапами вьючного жука:

– Ну и тварь конечно! Как только богатеи содержат у себя такое?

– Брось ты, нормальная животина. Глуповатая конечно, но от них ума и не надо. В упряжке никак не хуже целой дюжины дрессированных псов будет. Батка мой, помниться,

одним таким красавцем за день по три поля вспахивал!

– У тебя такая зверина в селе жила? Да что ты мне втираешь! Откуда деньги на такого здоровяка?

– Ну так, как отец к мамке моей со службы вернулся, по увольнению неплохую сумму ему на руки дали. Он человек был деловой, решил, что лучше уж в хозяйство вложиться чем все деньги на выпивку просадить. Ну и встал перед ним выбор: купить паровую рухлядь на четырех колесах, или такого вот красавца.

– Лучше б трактор купил, ей-богу.

– На это ведро с болтами запчастей не напасешься, да и не сведущ он был в вопросах техники сложной.

– Да у вас это семейное.

– Кто ж спорит? Ну так значит и стал жить у нас жук. Прозвали мы его Паскуда.

– Так и назвали?

– Весь день зараза ползал, терпел, а только его в стоила заводили сразу гадил. Да так, что не меньше часа требовалось на уборку.

– Действительно паскуда.

– Если на этот факт глаза закрыть, то жук замечательный. Хоть и здоровый, но пугливый, управляется просто, авторитет в тебе признает быстро. Они в Рое несамостоятельные, а оттого легко внушаемые. Поставишь воз тащить – будет тащить. Оставишь в стойле стоять – без малейшего возмущения будет стоять. Еще бы не гадил где жил...

– Так и что, он у бати твоего до сих пор поля вспахивает?

– Да что там, подход давно.

– Я то думал они долго живут, ну никак не меньше лет тридцати...

– По правде говоря, помер он по моей вине. В один прекрасный день отец с мамкой поехал на ярмарку что проходила раз в год. Я остался один на хозяйстве. Гуси, заготовка дров, помол, – все на мне. Когда со всем управился то с ног валился от усталости. Думал, что наконец-то выплусь, но у Паскуды были другие планы.

– Так что выходит, он сбежал?

– Меньше перебивай и узнаешь! Жук мирно заснул у себя в стойле, да только храп его... Ну совсем невыносимый был.

– Храп, у жука?

– Он малость дефективный нам попался, но за это батя даже цену смог соскочить. Во время своей работы Паскуда неистово сопел, какая-то чертовщина у него с дыхательными каналами была. А стоило ему заснуть, так начиналась такая эпопея! Ну и как ты уже понял, в тот день он мне особенно спать мешал. Решил я разбудить громилу, взял кастрюлю побольше и черпак железный. Прокрался в стойла, и как вдарил со всей дури. Думал, что он просто проснется, ну и даст мне фору минут на двадцать, чтобы я заснуть смог.

– Ну а помер то как?

– Я конечно знал, что жуки-принцы трусливые, но не думал, что да такой то степени, – Паскуда вскочил, расправил

свои обрезанные крылья, затрещал что есть мочи, и слег за-
мертво. Сердце видать не выдержало.

– Меня бы в детстве за такое батя вместо жука в поле за-
пряг.

– Ну мне потом знатно досталось. Но ремень от отца это
еще пол беды. Жалко мне Паскуду. Выходит, в смерти ни-
чем неповинной животины только я был виноват. Добрый он
был, послушный, а я его до кончины довел...

Заслушавшись, Вебер едва не налетел на здоровый валун.
Драматичных историй о громадных жуках ему еще слышать
не доводилось. Впрочем, байка действительно помогла ему
хоть немного расслабиться, очистив голову от угнетающих
мыслей. Ему пришлось признать для себя тот факт, что из
имеющейся у него информации события из видения даже
теоретически не могли сложиться в единую картину. Слиш-
ком уж многих фрагментов пазла не хватало. А если уж ис-
тину размышлениями не установить, то и забивать ими себе
голову не стоило.

Часы помогли определить, что они были в пути уже не ме-
нее часа. За это время произошло предельно мало интерес-
ных событий, если конечно не причислять к оным одно каж-
дый раз, когда кто-то спотыкался о выступающие из каме-
нистой почвы булыжники, или поскользнулся на влажном
мхе. Ноги уставших путников неохотно обминали многочис-
ленные, плохо различимые в горных потемках камни. Не
так давно сгустившиеся тучи грозили нерадивым наемникам

крайне несвоевременным дождем, окончательно скрывая едва проглядывавшие из-за скалистых горных вершин, немногочисленные солнечные лучи. За какие-то двадцать минут в предгорьях сильно потемнело, и хотя это не очень то и повлияло на температуру воздуха, и без того мрачные горы стали нагонять первобытной жути.

Вся местная фауна попряталась в преддверии дождя. Птицы вернулись в свои гнезда, бродившие среди скал коты засели в глубоких норах, а изредка попадавшиеся жуки-кольпы забрались в... Что ж, они забрались в те места где во время дождя следует сидеть жукам-кольпам, пускай и никто из бредущей группы не знал, что это за места такие. Даже ветер слегка утих, оставляя наемников в неудобной тишине, прерываемой только звуками шагов и негромкими разговорами.

Еще на старте их начавшегося у границ Глари, незапланированного перехода, к Верго подошла загадочная подружка Остина. Девушка с любопытством выспросила подробности видения предсказателя, реагируя на его рассказ на редкость сдержанно. В следствии их запоздалого знакомства, применив весь арсенал своих навыков красноречия Вебер так и смог разузнать кое-какие секреты ее личности. Арчи Панкрайц – так звали его новую собеседницу. Носительница редкой фамилии оказалась единоутробной сестрой Остина, естественно не той что погибла в его истории. Как выяснилось, предводитель гвардейцев был выходцем из крайне многодетной семьи: три брата и пятеро сестер. Верго с

трудом верилось, что в вопиющей нищете Помонта кому-то могло прийти в голову завести стольких детей. Дальнейшие слова девушки и вовсе походили на жуткую надуманную историю. Из восьми отпрысков до своего совершеннолетия дожили только двое! В частности, Арчи и Остин пережили всех своих родственников. И это было нормальной практикой для княжества. К этому моменту Вебер про себя зарекся, что по окончании работы больше никогда ногой не ступит на эту всеми богами забытую землю. В его голове как-то не укладывалось, что в то же время как в столичных регионах у каждого мало-мальски крупного поселения была проложена полноценная канализация, а от берегов Блеклого моря до крупнейших промышленных центров федерации достраивали пассажирскую ветвь поездов, в недрах Помонта до сих пор царил самое что ни на есть настоящее средневековье.

Сопоставив некоторые озвученные Арчи факты, Верго с удивлением пришел к выводу что девушке не наберется даже двадцати лет. Суровое бытие наемников заметно ее состарило: ломкие короткие волосы, обветренное лицо, лопнувшие на щеках капилляры и растрескавшиеся губы визуально добавляли ей порядка десятка лет. Задумавшись о перспективах ее будущего, предсказатель невольно вспомнил о своих недавних мечтах, и крупных сбережениях что способствовали их воплощению. То, что ему казалось едва приемлемой оплатой, для любого из этих наемников было бы целым состоянием, позволяющим обеспечить себя едой и кровом до

самой старости. Не то чтобы Вебера стала мучить совесть после их разговора, но он определенно стал испытывать к своим спутникам чувство смутно напоминающие сострадание, и это чувство его пугало.

И вот, голодные, уставшие, и порядком замерзшие путники пришли к месту, намеченному для привала. В дороге Остин с десятков минут совещался с Арчи, пытаясь расшифровать таинственное сокращение «Е.Р.», фигурировавшее на карте. В процессе тщательнейшего анализа и перебора вариантов ими было установлено что надпись вероятно расшифровывалась как «Еловая Роща». Куда больше вопросов вызывало соседствующее с рощей «Чс.М.», и здесь уже гении криптографии были загнаны в угол – не было озвучено ни одного реалистичного варианта. Неизвестно, повлияло ли желание этих двоих докопаться до истины на выбор места привала, или это было совпадением, но вот уже две минуты как их группа мялась у предполагаемой точки таинственного «Чс.М.». На деле, странная комбинация букв указывала на небольшое деревянное строение, и в последствии была расшифрована как «Часовня Маленькая». Со стороны автора карты называть данное рукотворное нечто часовней было бы достаточно опрометчиво – это скорее был небольшой вырезанный из дерева алтарь, прикрытый тонким подобием крыши, крепящейся к вколотым в землю толстым жердинам. Поверхность деревянного алтаря покрывали множественные грубо вырезанные, и не менее грубо разукрашенные лики бо-

жеств. Общее качество исполнения было настолько отвратительно, что разобрать принадлежность ликов к какому-либо пантеону не представлялось возможным.

С минуту полюбовавшись убогой часовней, Голдберг авторитетно заявил, что она просвещена тем же божествам, которым поклонялись язычники Глари. Спорить с ним никто не стал. Все были слишком уморены длительной дорогой, чтобы впустую растрачивать свои силы. Определившись с окончательным местом своего отдыха, группа поспешно располагалась, раскладывая спальные пледы и размещая на земле многочисленную кладь.

Слишком утомленный для чего бы там ни было Верго сполз по ближайшей ели к ее массивным, выступающим из-под земли корням. Устраиваясь среди них поудобнее, он подложил свою дорожную сумку под голову, уместив ее на манер подушки. Единственный раз, когда ему удалось поспать за последние тридцать часов, и тот был навеянной видением иллюзией. Желание сна пересиливало все, смыкая тяжелые веки, притупляя все чувства, в том числе беспокоившее предсказателя чувство тревоги. Доверившись своим не самым приветливым, но куда как более выносливым спутникам, и вооружившись слабым лучом надежды что дождь таки не пойдет, Вебер уснул.

Не смотря на чудовищную усталость, спалось ему плохо, холод и сырость явно не способствовали качественному отдыху. Твердые корни заставляли Верго часто ворочаться, в

попытке устроиться поудобнее. Время от времени ему казалось, что он и вовсе не спит, лишь имитируя этот процесс. Подобные наваждения почему-то злили предсказателя. Нестабильный сон щедро осыпал его визуальными образами, что преимущественно состояли из мешанины его же мыслей, и в меньшей мере из воспоминаний о жутком видении. Обрывки наваянного кошмара принимали вид его товарищей, с той лишь разницей что их лица были заменены собачьими мордами. Дивные уродцы гнались за предсказателем, безуданно скандируя неуместную чушь. Больше всего Веберу запомнился собакоподобный Блиц, что все норовил напоить его таинственной жижей из фляги. Сюрреалистичные сновидения все никак не желали отпускать попавшегося к ним бедолагу, озадачивая его все более невероятными гибридами человека и собаки. Креативный хаос преследовал предсказателя до самого момента его пробуждения.

Резко встрепенувшись, Верго усердно протер глаза стараясь отогнать неохотно отступающие образы. Нарастающая боль в щеке заставила его со всего маху вклепить себе пощечину, попутно окончательно разрывая нити, связывающие его сознание с миром сновидений. На ладони остался раздавленный, но все еще дрыгающий лапками комар – истинная причина пробуждения предсказателя. Разминая слегка закоченевшее тело Вебер с интересом осмотрелся, оценивая обстановку. Большинство наемников еще спало, устроившись тут и там у подножий деревьев. Несколько часовых хмуро

топтались у кареты, пытаясь согреться. Костер никто так и не развел, а значит, Остин все же опасается преследования.

К немалому удивлению предсказателя Барон уже бодрствовал, на пару со своим телохранителем попивая дымящуюся жидкость из металлических чаш. Заприметив проснувшегося Верго, Голдберг поманил его рукой, приглашая на беседу. Задубевшему предсказателю немедля была вручена горячая чаша с мутным содержимым. Он сделал несколько больших глотков, позволяя горячему грибному вареву приятно прогреть желудок. Чудотворное тепло казалось согревало не только тело, но и душу, на глазах подымая настроение.

– Как вы это разогрели без огня? – наконец насытившись, спросил довольный Вебер.

– Негашеная известь. Еще будучи совсем сопляком, когда я путешествовал по федерации в поисках достойных заработков, один добрый путник показал мне этот трюк. – Усач демонстративно подбросил в руках небольшой мешочек с чем-то сыпучим.

– Что за трюк?

– Стоит развести этот порошок водой, как он тут же ее разогреет, да как разогреет! И никакого дыма, никакого огня. Крайне полезная в дороге вещь. Да и раздобыть на любом крупном рынке мел трудов не составит. Прожарьте его дома на костре, и чудодейственное средство готово. Главное смотрите чтобы на руки или в глаза не попало.

– Нужно будет взять на вооружение. Вот уж действительно, на редкость полезный трюк, – задумчиво пробормотал Верго с неподдельным интересом внимая словам Барона. Оказывается, и Голдберг иногда мог сказать что-то полезное.

На секунду внимание предсказателя привлек треск ветвей со стороны часовни. У самого алтаря мирно стояла невысокая особа, укутанная в плотный кашемировый плащ с замысловатым белым узором. Длинный шерстяной шарф, аккуратно опоясывающий шею незнакомца, своими мягкими пастельными тонами желтого замечательно гармонировал с высокими замшевыми сапогами, на которых не виднелось и следа грязи. Богатые одежды нежданного гостя совершенно не вписывались в картину окружающей спящих наемников дикой и безжалостной природы. Таким нарядам было место в лучших домах мод столицы, но никак не в скалистых предгорьях Помонта.

Заметив на себе нежеланное внимание, модник поспешил отвернуться, накидывая на себя облаченными в белоснежные перчатки руками изящно скроенный капюшон плаща. В ответ на беспокойство своего протеже, невесть откуда выскочивший второй телохранитель Голдберга поспешно подобрался к укутанной фигуре, перекинувшись с нею парой слов. Минуту поглазев на пугливую особу, Вебер с легкой улыбкой отвел от нее взгляд, негромко обратившись к Барону:

– Так это и есть тот самый наследник, что прятался от нас

всю дорогу? Не считите за грубость, но пускать ко власти человека что боится любого косого взгляда...

– За грубость не сочту. В конце концов, ко власти его никто и не пустит. Скажем, предыдущий князь и сам был не очень то самостоятелен в своих решениях. И тайны из этого никто не делал. Это наша маленькая местная традиция – курировать перспективные, неокрепшие умы. – Заулыбался в ответ Голдберг.

– Так, некоторые умы могут и вовсе, никогда не окрепнуть.

– В любом случае, не ваша это забота, – мягко, но с ноткой укора парировал Барон.

Какое-то время они сидели тихо, занимаясь опустошением своих мисок с еще не до конца остывшим супом. Особая атмосфера окутала лагерь наемников, за приглушенным храпом нескольких гвардейцев проступали зачаровывающие звуки природы: вдалеке ветер со свистом проносился по горным вершинам, а многочисленные хвойные члены роци негромко похрустывали в такт его порывам; откуда-то доносились беззаботные птичьи трели; неподалеку от часовни умиротворяюще журчала вода. Под такие звуки и правда неплохо спалось, только лишь досаждающие насекомые изредка мешали наемникам.

Словно стараясь разрушить чудесную идиллию, снующая у человеческих лиц мошкара стала все больше и больше интересоваться перспективой своего пропитания. Особо круп-

ные москиты умудрялись прокусывать даже толстую ткань плащей, оставляя после себя покрасневшие припухлости. Даже закутавшись в тряпки было сложно сохранить спокойствие, вынужденно слушая несмолкающее жужжание у уха. Раздражающие насекомые придавали неплохой стимул покинуть это место, но к сожалению Верго, большинство наемников еще спало.

Как ему удалось выяснить при помощи верного карманного часового механизма, он провел в царстве Морфея чуть более семи часов. Долгий сон помог освежить рассудок, хоть и не смог полностью убрать последствия накопившейся в ногах усталости. В целом, Вебер чувствовал, что готов к дальнейшему пути. Но было и кое-что не дающее настроиться на позитивный лад...

– Тихо здесь. Слишком. Что-то мне неспокойно. Тревожит меня что-то, мистер Вебер. Я ведь не один это ощущаю? – негромко проговорил Барон глядя предсказателю прямо в глаза.

– И правда. С того самого момента как мы покинули Гларь паскудное чувство меня не покидает. Я будто бы знаю, что что-то недоброе приближается. И самое печальное, я даже представить не могу что.

Глава 4. Братья наши меньшие

Вопреки многочисленным опасениям путников дождь так и не пошел. Взмывавшийся ветер резкими порывами умело разогнал тучевой покров, оголив слегка оранжевый небосвод. С первого часа своего злосчастного приезда в Помонт, Веберу изо дня в день приходилось наблюдать свинцовую мглу, сплошной пеленой застилающую небо. Все княжество, подобно змею, обползающему камни, вилось у подножий горных хребтов, изредка заползая своими крохотными деревушками поближе к их вершинам. Постоянно находясь на возвышенности, и без того безрадостные обитатели Помонта почти что круглый лунный год были лишены солнечного света, а виновником того выступали нескончаемые полотна облаков, укутывающие верхушки горных массивов, да осточертевшие местным туманы, регулярно спускающиеся со скалистых вершин. Упомянуть о том, что немалая часть княжества располагается за разного рода возвышенностями ландшафта, а оттого навечно была сокрыта в тени, и вовсе не стоит.

Чистое небо здесь – сродни редкому явлению. Торговцы, курьеры и сборщики податей, неведомыми невзгодами вынужденные пересекать территории этой недружелюбной земли вынужденно пользовались вычурными приспособлениями, что позволяли им не сбиться с пути. По таинственным для большинства причинам, компас упорно отказывался ра-

ботать в пределах княжества, безустанно вращая стрелкой. Меньшинство же, слыхало что-то краем уха о крупных залежах магнетита, что по слухам и оказывали столь сильное воздействие на чувствительные устройства. В любом случае, на замену всем привычного приспособления пришел новый, многими неведомый герой – прозрачный шпат.

Едва ли хотя-бы каждый десятый образованный житель федерации сможет объяснить, как можно ориентироваться на местности при помощи камня, а точнее минерала. Что иронично, так эту премудрость исправно преподают в школах вот уже который год, и ничегошеньки сложного в этом нету. Как известно, в условиях неподвижного солнца, извечно занимающего свое законное место в самом центре столицы, определение местоположения оного является залогом успешного ориентирования на местности. Достаточно хотя-бы приблизительно знать в какой части федерации ты находишься, иметь при себе хоть какое-то подобие карты или атласа, и узреть неизменное положение солнца чтобы быстро определить где ты, и куда тебе нужно идти даже в крайней степени незнакомых для тебя окрестностях. Проблемы начинались, когда все указанные на карте ориентиры пропадали из виду, а солнце, на зло всем путникам скрывалось за облаками. Компас на территории федерации исправно работал дай бог чтобы на половине земель, а значит, в такие моменты пробивал золотой час легендарного минерала. Одного единственного кусочка было достаточно для решения всех

этих проблем. Одного единственного кусочка, которым как на зло, мало кто умел пользоваться.

Любой достаточно прозрачный шпат, привозимый из дальних приморских регионов позволял эффективно разделять рассеянный, поляризованный свет, и обычный, прямой – солнечный. Достаточно было расположить кусок минерала перпендикулярно небу и между ним и небесной высью разместить что-нибудь с небольшим отверстием, к примеру ткань. Сквозь призму прозрачного шпата, вопреки всем ожиданиям будет виднеться уже целых два отверстия. При этом яркость их будет сильно различаться. Вращая кристалл, можно добиться совпадения яркостей, что ученые мужи заумно называют «точкой деполяризации». В этот самый момент, кристалл своей длинной диагональю и указывает на солнце. Получив первую линию, повторив процедуру неподалеку и мысленно дорисовав вторую, в точке их пересечения пытливым умом и будет обнаружено скрывающееся солнце.

Запутанное в теории, и крайне простое на практике, это средство активно применял Остин, лавируя из стороны в сторону, придерживая двумя руками изодранный дырявый платок и мутный, слегка треснувший камень. Необходимые для ориентации линии все никак не желали сходиться, упрямо расплываясь раз за разом. Сложно было сказать, что этому способствовало больше: малопригодный образчик шпата, или буквально рассыпающийся в руках платок. Барон на па-

ру с Верго с любопытством следили за данным действием, изредка его комментируя. Первое время терпевший это командир гвардейцев, к седьмому совету нешуточно вспыхнул, доходчиво призвав «посторонних» не вмешиваться в его профессиональные методы.

Собственно, ко всем махинациям с минералом Остин пришел в следствии небольшой консультации с Арчи и Голдбергом, результатом наблюдательности которых выступило неожиданное заявление – они находятся совсем не там, где им полагалось быть согласно карте! При внимательном рассмотрении обветшалой карты было замечено отсутствие нескольких крайне важных ориентиров, и что гораздо хуже – наличие излишних. И чем бы ни были злополучные обозначения «Е.Р.» и «Чс.М.», как выяснилось, группа наемников к ним так и не приблизилась. Был ли резной алтарь на карте как-то обозначен? Что могло значить «Е.Р.», если только не еловую рощу? Для путников это так и осталось загадкой. В течении получаса тщательного изучения чудовищно неточной карты, ничего похожего на окружение лагеря гвардейцев так и не было найдено. Учитывая неразборчивость каракулей, можно было бы даже предположить, что сам язык обозначений карты был определен неверно, если б только не тщательно выведенная заглавными буквами надпись «Поселок Гларь», красующаяся в самом углу полотна.

Занятен был тот факт, что по пути к месту их стоянки большинство ориентиров отлично соответствовали действи-

тельно встречаемым путниками объектам. Крупные скалы, заросли кустарников, причудливые камни, – Остин был уверен, что карта надежна, и их группа следовала как раз туда куда он полагал. Воистину, дьявольские совпадения. Теперь же, утратив всякую веру в злосчастную вещицу он всеми силами и навыками пытался определить где именно они находятся.

Верго, будучи ранее уверенным что Остин знал эту местность пускай и не как свои пять пальцев, но достаточно неплохо, находился в приподнятом настроении духа, про себя потешаясь над безалаберностью их лидера. Он еще даже не подозревал, что большинство членов группы связывает их затруднительное положение именно с его недавним предсказанием, предполагая, что стоило им придерживаться плана, отринув спешку, и подобной ситуации можно было бы избежать. Накопившееся напряжение пока лишь выливалось в косые взгляды и неловкое молчание, но предсказатель уже чувствовал себя неуютно, без задней мысли списывая все свои предчувствия на недавние переживания.

Не весть уже какой по счету хлопок по шее ознаменовал дюжину обезвреженных вредителей, активно летающих к открытым участкам кожи Вебера. Устав постоянно отбиваться от мелких поганцев (к числу которых за последние пол часа примкнули оводы, странного вида шершни и еще парочка малоизвестных предсказателю летучих созданий), мужчина стал нетерпеливо нарезать круги вокруг покорно ждущего

вьючного жука, в надежде хоть как-то уберечься от кровососущих гадов. Новая стратегия не очень то помогала, но все же, активные движения позволяли худо-бедно согреться. В такие моменты предсказатель нешуточно завидовал сопровождаемому ими наследнику, что после первых же укусов скрылся в недрах теплой и уютной кареты. Туда то не проникали ни холодные ветра, ни отвратные москиты – настоящая сказка в суровых горных условиях. Про себя Верго уже не раз фантазировал, как неуклюжий экипаж таки застрянет где-нибудь между камнями, вынуждая их груз голубых кровей продолжать путь на своих двоих, на тех же условиях что и его сопровождающие.

Замечтавшись, предсказатель не сразу заметил движение в вытаптываемом им подзоле. Пролегающая со стороны рощи смесь из трухи, пожелтевших хвойных иголок и насыщенной маленькими камнями грязи определенно шевелилась. Заинтересованный Вебер присел на корточки, с любопытством разглядывая темно-коричневую субстанцию. Между ее составляющими, образуя длиннющие цепи ползли целые полчища мелких членистоногих поганцев: сколопендры, бежевые жуки усачи, чрезмерно крупные мокрицы, разноцветные клопы, вся эта братия неспешно, но организованно надвигалась на удивленного соглядатая. Прочесав взглядом почву и вовсе создавалось впечатление, что сам верхний слой грунта ожил, решив сместиться поближе к путникам. Стволы деревьев, булыжники, разбросанный ветром валеж-

ник – все это понемногу покрывал уверенно наползающий покров насекомых. Особенно крупный жук листорез, достигавший в длину восьми сантиметров, расправив крылья оторвался от лежавшего неподалеку камня, в полете угодив на рукав зазевавшегося предсказателя. Одного взгляда на крупные жвала насекомого хватило, чтобы мужчина неистово затряс рукой, сбрасывая непрошеного гостя.

Поспешно отойдя от надвигающейся массы, Верго хотел было уже позвать Остина, громогласным воплем намекнув ему на серьезность ситуации, как с обратной стороны кареты (где собственно и располагались наемники), достаточно громко вскрикнув, его кто-то опередил. Всего несколько секунд отделяло предсказателя от крайне неприятного зрителя: сразу несколько сбитых с толку наемников окружали беспрестанно махавшего руками Блица. Лицо паренька опухало на глазах, отекавшие веки неумолимо закрывали собой глаза, изо рта бедняги еще мгновение назад издавшего крик, вырывались лишь беспомощные хрипы. На тыльной стороне ладони до смерти перепуганного юноши красовался активно набухающий след укуса. Раздувшиеся до ненормальных размеров щеки и пурпурные растянутые губы странно подергивались, издавая нелепый, хлюпающий звук. Вся его физиономия превратилась в жуткую одутловатую гримасу, свойственную скорее нарисованному персонажу с гипертрофированными чертами лица, нежели живому человеку.

Подбежавший Вебер быстро сориентировался. Ему уже

доводилось иметь дело с подобным, хоть и было это крайне давно, еще во времена его службы. На лицо ключевые признаки анафилактического шока, выразившиеся в стремительно прогрессирующем отеке. Первый раз, когда ему пришлось столкнуться с этой невзгодой, потерпевшего ему так не удалось спасти – всего за несколько минут опухшее горло лишило его сослуживца возможности дышать, обрекая доходягу на ужасную смерть от удушья. Жуткий, оплывший труп в свое время надежно врезался в память предсказателя, подвигнув его в последствии досконально ознакомиться с загадочной грозой аллергиков. Верго хотелось верить, что проведенные за медицинским атласом и несколькими ветхими трактатами часы не были потрачены напрасно. Он знал, что следует делать. В теории.

– Тонкую и длинную трубку. Раздобудьте тонкую и длинную трубку. Быстро! – прикрикнул на толпящихся наемников Вебер, наспех накладывая представляющий из себя грязную тряпку, импровизированный жгут выше места укуса.

Сработало ли мифическое солдатское взаимопонимание, или решительность и расторопность Остина дали о себе знать, но без лишних вопросов и пререканий лидер их группы быстро выпотрошил одну из сумок и кинул предсказателю скрученную трубку из дубленой кожи. Несколько уверенных, но слегка неровных движений ножом подготовили материал, оставляя ровно столько, сколько нужно. Одной рукой удерживая изделие, второй, предсказатель уложил стра-

дающего Блица, запрокинув тому голову.

«На дезинфекцию и подгонку, да что там, банальную очистку от грязи нет времени», – грустно констатировал себе же Вебер, бережно проталкивая наспех перевязанную трубку через полость рта и гортань. Чудом не застряв в районе голосовых связок, кожаная трубка проникла в трахею. Отчаянное хрипение терявшего сознание пациента быстро перешло в сиплое, неровное, но дыхание.

– Теперь что? Как ему помочь? – сухо спросил Остин с тревогой в голосе.

– Честно говоря, никак. Если я правильно помню, ему нужна инъекция эпинефрина и какой-нибудь надежный антигистаминный препарат. – Досадно покачал головой горе-спасатель.

– Антигиста-кто? – донеслось от кого-то из подоспевших гвардейцев.

– Вот и я об этом. В этой глуши ничего такого не сыскать. А у вас едва ли что полезней мази от лишая найдется, – иронично пробормотал Верго, перебирая в голове варианты. – Можно попробовать что-то из природных анти-аллергенов. Скажем, череда, сушеная рябина, крапива, ну хоть что-то из перечисленного? Хотя даже если что такого рода и будет, эффекта явно не хватит чтобы погасить столь сильную аллергическую реакцию...

– То есть, ничего не поможет? – раздался угрюмый голос Остина, разорвав образовавшуюся ненадолго тишину.

– Все плачевно, но пока он может дышать, есть шанс что его организм справиться, – машинально ответил Вебер. Приподнимая ноги Блица, он подложил под них чью-то сумку, после чего повернул голову парня на бок. – Под любым предложением не давайте ему пить. Дать этот совет – это все что я могу сделать. Без необходимых лекарств, вся надежда только на его организм.

Внезапно, болезненно всхлипнув, один из гвардейцев принялся ожесточенно тормошить свои волосы. Парочки резких движений хватило, чтобы вытрусить из них озлобленного шершня, что тут же взвился ввысь, спасаясь от справедливой расправы. Не прошло и нескольких секунд, как уже другой наемник вступил в неравный бой с проворной многоножкой, успевшей забраться ему под штанину. Тут и там, ведомые неестественной для них кровожадностью, мелкие паразиты безжалостно набрасывались на уже порядком искушенных путников.

– Что за чертовщина твориться? – донеслось с одного края лагеря.

– Эта сволочь меня уже третий раз кусает! – возмутился кто-то с другой стороны.

– Схаррат! Да они сожрут нас заживо! – подытожил особо раздраженный Голдберг, отмахиваясь от своры moskitov.

Заслоняясь складками холщевого плаща, один из путников подозвал Остина, не сказав, скорее отчаянно промычав что-то нечленораздельное, указывая на надвигающуюся сво-

ру насекомых, что за время спасения Блица подобралась к лагерю вплотную. Несколько секунд лидер их группы стоял неподвижно, силясь поверить в абсурдную, совершенно невероятную угрозу, после чего приказал всем как можно скорее соорудить факела.

Жуткая новость о ползучей напасти разошлась по лагерю молниеносно. С трудом верящие собственным глазам солдаты трясущимися руками мастерили из валежника основы, крепя к ним пропитанные алкогольными настойками тряпки. Отовсюду слышалась отборная брань, кто-то же тихо молился. Никто старался лишний раз не бросать взгляд на подбирающуюся массу, изобилующую мелкими амбассадорами преисподней.

Долго ждать не пришлось, и вот, первые факела были пущены в ход. Раздуваемый ветром огонь неплохо поджаривал ползучих гадов, и даже слегка помогал отмахиваться от летучих. Проблема состояла в том, что на место каждого десятка погибших напозало не менее сотни их собратьев. Самые разные насекомые, вне зависимости от своих пищевых предпочтений, позабыв про вражду с сородичами и даже про инстинкт самосохранения упорно ползли, будто мнимые возможностью впиться в людскую плоть.

Черный покров полностью окружил небольшой лагерь, все плотнее сжимая свои границы он заставлял обороняющихся безуданно пятиться. Один особо отчаявшийся гвардеец бросив свои позиции попытался убежать, ступая по жи-

вому слою насекомых. Пробежав порядка семи метров он упал, схватившись за изжаленные ноги. Покров быстро поглотил беглеца, забираясь поверх он образовал черный, еще содрогающийся холмик. Последовать примеру бедняги никто более не решился.

Разбушевавшийся выучный жук, стряхивая с себя скопления своих братьев меньших, в несколько мощных порывов разорвал путы которыми он был привязан к ближайшему дереву. Едва не опрокинув стоящую рядом карету, великан неистово помчался вдаль оставляя своих бывших спутников наедине с окружающей их угрозой.

Загнанные путники судорожно искали выход из сложившейся ситуации: вариант с карабканьем по деревьям был отброшен сразу, так как стволы и так уже были покрыты налепившими вредителями. Даже при условии, что деревья были бы чисты от мошкар, надолго бы это наемников не спасло, ведь насекомые отменно умеют карабкаться по отвесным поверхностям. Самое печальное было то, что других идей и не было. Наспех скрученные факела один за другим тухли, а ресурсы для создания новых уже иссякали. Попытки полива надвигающихся насекомых горючими настойками с их последующим поджогом помогали, но, как и все хорошее, алкогольные напитки имели тенденцию заканчиваться. Отчаянные же потуги наемников в том, чтобы давить мелких членистоногих подручными средствами и вовсе не приносили существенных результатов.

Свободный от покрова насекомых круг, что еще десять минут назад был довольно широк, ныне же составлял не больше пяти метров в диаметре, заставляя испуганных людей отчаянно жаться друг к другу, передавая из рук в руки те немногочисленные факела, что еще окончательно не истлели. Несколько менее удачливых гвардейцев уже осело на землю, тяжело хватая воздух раздувшимися от анафилактического шока губами. Они угасали на глазах, в попытках рассмотреть через слипающиеся веки как близко подобралась ползучая смерть. Пытаясь защитить себя и еще стоящих на ногах товарищей, оставшиеся путники из последних сил размахивали горящими палицами отгоняя летающую свору и по возможности замедляя стремительно сужающийся круг. Никто уже не верил ни в победу над насекомыми, ни в бегство, но страх смерти заставлял их до последнего хвататься за жизнь, оттягивая неизбежное.

Пять минут назад в лагере отовсюду доносились выкрики и ругательства, ну а теперь, угрюмое молчание и звуки тяжелого дыхания правили бал, их прерывали лишь странные булькающие восклицания тел что уже были покрыты слоем кровожадных гадов.

Стоявший по правую сторону от Остина наемник внезапно взревел, выхватил из сумки самострел, направляя острие болта себе в голову. Одно лишь нажатие спускового крючка, и его спутники забрызганы еще свежей кровью, а внезапно утративший ко всему интерес гвардеец падает в черную гу-

шу.

«Ему еще повезло», – пронеслось в головах у его товарищей. Жаль, что самострелов не хватало на всех, ведь большинство взведенных машин были порядка десяти минут как погребены под шевелящимся покровом. Не все могли рассчитывать на такую легкую смерть.

Верго не знал, было ли в нем больше страха за свою жизнь, или гнева за изжаленное тело. Каждый укус сильно болел и нестерпимо чесался, но обстоятельства не позволяли отвлекаться на что-либо кроме выживания.

Вытянувшаяся позади рука, внезапно схватившая предсказателя за шиворот, сильным рывком утянула его в недра покоящейся в шаге кареты. Вслед за недоумевающим Вебером дверца наглухо захлопнулась, отрезая маленькую группу прячущихся внутри людей от отчаявшихся бедолаг снаружи, брошенных на верную гибель.

В угрюмом полумраке, с лицом искаженным целым ворохом эмоций восседал Голдберг, по правую руку от него неразборчиво бормоча молитвы трясся наследник, два сиденья напротив занимали сам Верго и один из телохранителей Барона. Небольшие окошки были прикрыты гладкими велюровыми занавесками, скрывающими творящийся кошмар от глаз напуганной четверки. Никто не горел желанием отдернуть их, чтобы убедиться в и так очевидном. Будто оцепенев, оставшиеся в живых трусливо ожидали конца в удушающем молчании.

Какое-то время снаружи еще слышались звуки борьбы за жизнь, плавно переходящие в противные хрипы и скрежет ногтей сдирающих лакированную облицовку кареты. Гораздо хуже стало, когда и они утихли, ведь им на смену пришла Она. Отвратительная помесь шелеста и шороха, с которой насекомые перебирали своими маленькими лапками. Параллельно с этим раздавались глухие удары о корпус экипажа, чем-то они напоминали звук с которым град тарабанил по крышам домов теплыми вечерами в сезон муссонов. Вот только источником этих постукиваний были вовсе не кусочки льда, падающие с небес.

Побелевший Барон трясущимися руками расстегнул один из ремешков своего пиджака, доставая плотно закупоренную стеклянную капсулу, с десятком таблеток внутри. Небрежно встряхнув ее, он высыпал покоившееся в ней содержимое себе на ладонь, печально рассматривая сероватые кругляши.

– Трех будет достаточно. Смерть наступит в течении нескольких минут.

Наследник, чье худое юношеское лицо было едва видимым в царящем полумраке, негромко взвизгнул, с небывалым страхом смотря на протягиваемый Голдбергом яд. Он тяжело дышал, струйки пота стекали по совсем еще молодому лбу, буквально заливая глазницы с большими, высоко посаженными бледно-зелеными глазами. Тонкая полоска губ вмиг искривилась, белокурый лоскут, отсоединившись от длинной челки беспомощно прилип к мокрой, побледнев-

шей щеке. Парень упрямо покачал головой смотря куда-то сквозь Барона.

Телохранитель с Голдбергом без излишнего малодушия проглотили таблетки. Недолго думая, Вебер последовал их примеру. На удивление яд был сладок, от него распространилось приятное онемение, охватывающее сначала гортань, за ней желудок, впоследствии быстро расходясь волнами по всему телу. Слегка закружилась голова, в мыслях появилась небывалая легкость, притуплявшая страх до той поры, пока от переживаний не осталось и следа. Немного покалывало сердце, но недостаточно сильно чтобы вырвать из общего состояния эйфории.

Первым по стенке кареты сполз Голдберг, попутно стянув судорожно сжатыми пальцами занавеску. За окном бушевало даже не море, но океан, – черный океан тянущийся до самых краев мира. В нем царил практически полный штиль, лишь крохотные волны время от времени ударялись о дверь экипажа. В последние мгновенья своей жизни Верго показалось что жуки каким-то образом проникли внутрь кареты, вероятно пробравшись в небольшие дверные щели, но его это уже не волновало. Весь мир заполнил умиротворяющий звон.

– Тихо здесь. Слишком. Что-то мне не спокойно. Тревожит меня что-то, мистер Вебер. Я ведь не один это ощущаю? – проронил Голдберг, вырвав предсказателя из оцепе-

нения.

Голова не переставала кружиться, а звон в ушах, все никак не унимаясь вызывал болезненные ощущения в области висков. Как и всегда, видение покидало разум Верго оставляя за собой болезненное послевкусие. Общее ощущение страха и дезориентации напоминало ему хорошо знакомую по прочитанным медицинским трактатам паническую атаку. Он даже не сразу обратил внимание на сбитое, чрезмерно частое дыхание, не говоря уже о том, чтобы сознательно попытаться его утихомирить.

Разумеется, изо всех сил борясь за свою жизнь в окружении полчищ насекомых он догадывался, что это всего лишь иллюзия, морок навеянный тенью грядущего будущего. Проблема была в его реальности, в живости ощущений, чрезмерной реалистичности всего происходящего. Каждый шаг, каждый вдох, и каждая царапина воспринимались как настоящие: укусы вполне реалистично болели, а сердце, обманутое скрупулезной подделкой, в страхе стремилось покинуть пределы грудной клетки. Пускай это и был лишь крайне убедительный сон, испытывать на себе кошмарную смерть от поглощения ползучими гадами, пускай и только в сверхреалистичном видении, Верго отнюдь не горел желанием.

И все же, сон вполне мог стать явью. Сначала кошмарные гибриды собаки и человека, теперь же чем-то или кем-то созванная армия насекомых – наблюдалась странная, абсурдная, зловещая закономерность. Таких совпадений не бывает.

Нечто крайне ужасное и могущественное хотело отправить их группу на тот свет, и арсенал этой загадочной силы был крайне широк. Очевидно, что ни предсказатель, ни кто-либо из его спутников, никогда не имел дело с чем-либо похожим. Ему не доводилось даже слышать о подобных дьявольских проделках, разве только в глупых сказаниях, передаваемых невежественными селянами из уст в уста. Что ж, более у Верго не было желания смеяться над такими историями.

Не обращая внимания на все еще ожидавшего ответа Голдберга, что в неловком молчании поглядывал на собеседника, предсказатель с головой ушел в свои мысли, один за другим перебирая возможные исходы в столкновении с грядущим нашествием. Банальное бегство, столь заманчивое и многообещающее, было отброшено в числе первых: каким-то образом мелкие кровососы смогли выследить их вне всяких поселений, не смотря на непредсказуемый маршрут пути, а значит, жуки найдут путников где угодно. Как показала практика, дать нескончаемым ордам бой, не лучшая затея. Ресурсы наемников ограничены, и даже если они заготовят факела заранее и разведут несколько крупных кострищ, это лишь оттянет неизбежное. А значит, следует искать более креативные варианты.

Немного пораскинув мозгами, Вебер пришел к выводу что их спасением мог бы выступить любой достаточно крупный водоем. Не нужно быть энтомологом, чтобы понимать, что крохотные жуки не способны форсировать большие вод-

ные пространства. Конечно, сооруженный плот, или даже удачно найденная лодка не спасут от летающих гадов, но от них можно попробовать заслониться толстой тканью, пропитав ее...

– И все-таки я, можно сказать убежден, что вы что-то подхватили. Еще в Глари вы неважно выглядели, но вот ваша нынешняя бледность... – растерянно проговорил недоумевающий Барон, сверля взглядом белоснежное лицо предсказателя, что будто разом лишилось всей крови до последней капли, превратившись в мертвенно-бледную маску. – Пока мы не выдвинулись, я бы посоветовал вам прилечь.

Наперекор словам спутника Верго резко поднялся, намереваясь твердым шагом направиться к Остину, но вот его вестибулярный аппарат имел совсем другие планы. Завертевшийся в глазах мир вынудил его усесться обратно, попутно хватаясь за разболевшуюся голову. Решив переждать столь несвоевременное головокружения сидя на твердой и надежной поверхности еловых корней, Вебер обратился к обеспокоенному усачу:

– У меня было видение.

– Как, опять?!

– Я только что хотел поговорить о нем с Остином, но как видите ноги меня в этом не поддержали. Может оно и к лучшему, если так подумать, навряд ли он мне сейчас поверит. Я даже не уверен поверите ли вы мне, а потому хочу лишь у вас спросить, как далеко находится ближайший водоем?

– Теряюсь в догадках для чего вам эта информация, но ничего существенней крохотного ручейка вы здесь не найдете. Все местные были вынуждены выкопать в своих селения колодцы, чтобы иметь доступ к сколь-нибудь пригодной для питья воде. Стекающей с этих гор гадостью только звери да наши с вами спутники не брезгают. Это я уж знаю наверняка. До ближайшей реки, что говоря между нами, тоже своими размерами не славится, больше суток ходу.

– Это очень плохо. В таком случае, боюсь, я все-таки вынужден поведать вам о том, что видел. Но, перед моим рассказом позвольте еще один вопрос. Зачем вы носите с собой в стеклянном пузыре дюжину пилюль с ядом?

Запустив руку в один из кармашков пиджака, Голдберг достал уже знакомую Верго колбу, демонстративно вытягивая ее перед собой.

– Говоря о пилюлях вы вероятно имели в виду это? Что же вы там увидели, что приняли это за яд?

– Разве эти таблетки не отравы? Я готов поклясться, что приняв парочку таких гарантированно повидаешься со своими предками.

– Любое лекарство знаете ли, может стать ядом, все зависит от дозы. В данном случае и пол таблетки будет достаточно чтобы отправить мужчину вашей комплекции в страну снов.

– Так это снотворное?

– Нет, сильнодействующий анестетик. Вы же человек

начитанный, знаете, что это такое? Конечно же, приняв несколько таблеток за раз вы уже никогда не проснетесь. Что до причины по которой я ношу с собой эту колбу, скажем так, это необходимые профессиональные издержки. Никогда не знаешь, что может случиться в долгом пути, и столь универсальное снадобье, способное как унять боль, так и усыпить, может много где пригодиться.

Предоставленный Бароном ответ был в меру логичен, хотя и не до конца удовлетворял любопытство Вебера. Иронично, что торговец оружием постоянно носящий при себе столь опасное лекарство вызывает больше подозрений чем фармацевт, не расстающийся с оружием. Закрыв глаза на странное обстоятельство, предсказатель коротко и без излишних подробностей пересказал свое жуткое наваждение. Несколько раз усач прерывал его, стараясь выудить мерзкие детали, столь тщательно сокрытые рассказчиком. Верго все никак не мог взять в толк как его спутника в преддверии смертельной опасности может интересовать детальное описание поглощения человека роем насекомых. Голдберг и раньше демонстрировал излишнее пристрастие к разного рода подробностям гадких страшилок и нарочито пресыщенных отвратными действиями историй, но сейчас его нездоровый интерес действительно пугал Вебера. Интересно, это торговля оружием наложила на Барона свой отпечаток, или он всегда бы таким?

Под самый конец рассказа, прямо позади предсказате-

ля звучно треснула ветка выдавая приближающегося Блицца, что все это время неподалеку зашивал прорехи в рубахе старой костяной иглой. Будучи малограмотным и не самым проницательным слушателем, к тому же пропустив начало истории, юноша беспечно принял все услышанное за странную байку. Присоединившись к обществу обеспокоенного рассказчика и его усатого слушателя, парнишка поспешил немедля встрять в разговор:

– Так, а что это за история такая?

– Если не повезет, то наша эпитафия, – угрюмо пошутил Верго дивясь собственному цинизму.

– Это как-то связано с теми страшными собаками? – Блицц благополучно пропустил комментарий предсказателя мимо ушей, по всей видимости даже не осмыслив его сути.

– Нет, собаки на этот раз нам не угрожают. Ты вот что, парень, надень какие-нибудь перчатки, да прикрой получше шею.

– А это зачем? – по-детски удивился юноша совершенно не сопоставляя просьбу с только что услышанной историей.

– Ты жить хочешь? – встрял Голдберг допивая содержимое своей чаши.

– Хочу.

– Тогда делай что велено и не задавай лишних вопросов, – раздраженно приказал Барон, силясь очистить пропитавшиеся супом усы.

Порывшись в своей походной сумке, Вебер выудил

несколько пузырьков с красной мутноватой субстанцией, тщательно запечатанной восковыми пробками. На крошечных емкостях, изначально предназначенных для микстур, отсутствовала какая бы то ни была маркировка. Грубые восковые печати с головой выдавали ручную работу, ведь ни одно серийное производство не работало столь топорно. Один пузырек Верго протянул Голдбергу:

– Я тут подумал, это должно помочь. Когда отбиваться от летучих мразей станет совсем уж нестерпимо, облейте этим. Это настойка из Пасцилина, она на спирту, а оттого надолго ее не хватит – испариться минут за пять-десять.

– Зачем вы их с собой носите? Вы употребляете нефилтрованную настойку из Красного Гриба? – Вмиг нахмурился Барон. Он тщательно, и с некой опаской разглядывал багровое содержимое, плавно переведя взгляд на слегка пристыженного Вебера.

– Сугубо в медицинских целях, – молниеносно ответил Верго, прекрасно понимая, что в настолько очевидную чушь никто в здравом уме не поверит. Он надеялся лишь на сдержанность и благоразумие Барона, что не позволят продолжить неудобные расспросы.

Быстро переведя разговор в русло обсуждения надвигающейся опасности, предсказатель смог уйти от щепетильной темы, предчувствуя что в обозримом будущем к этому разговору еще придется вернуться. Ведя беседу с Голдбергом, Верго безудержно задавался вопросом – действительно

ли Барон верит всему сказанному? Учитывая обстоятельства его собеседник вел себя несколько странно, совершенно не выказывая беспокойства по поводу грядущих событий. И все же он вполне серьезно оговаривал с предсказателем будущее нападение, хладнокровно перебирая возможные варианты действий.

Тем временем лагерь понемногу просыпался. Все больше отдохнувших наемников неспешно принимались за скудный завтрак, ожидая приказаний от своего командира. Одна за другой детали видения воплощались в жизнь, неумолимо приближая путников к печальному исходу. Ни о чем не догадывающиеся Арчи с Остином увлеченно разбирали каракули на карте, постепенно подбираясь к мысли о ее несостоятельности. То ли пытаясь избежать лишнего внимания, то ли спасаясь от все прибывающих полчищ москитов, наследник поспешил убраться в столь привычную ему клетку на колесах. Каждое действие, безвкусная шутка, едкий комментарий – все это было уже знакомо Веберу, служа тревожным напоминанием что пережитый кошмар был отнюдь не просто его фантазией.

Разминая затекшие конечности предсказатель встал, попутно задумчиво стряхивая покров пыли с полов кафтана. Прислонившись спиной к широкому, слегка потрескавшемуся стволу старой ели, он методично проследовал взглядом по всему лагерю, пытаясь высмотреть хоть что-то, что могло бы спасти их от скорой напасти. Блеклая зелень хвой-

ных деревьев окрашивалась в яркие тона немногочисленными солнечными лучами, пробравшимися сквозь внушительных размеров рощу. На фоне этих ярких пятнышек света все пожитки их группы выглядели более чем уныло. Будто вбрав в себя всю суть Помонта, его обитатели всячески избегали мало-мальски приятных глазу декораций. Будь то грубая ткань одежд, сумка из мешковины, или чей-то оберег: все выглядело одинаково серо и безвкусно. Яркие солнечные лучи казались чем-то инородным на территории княжества, нагло выбиваясь из общей картины. Как и ранее, недостаток солнца мешал Верго подробно рассмотреть вещи спутников.

Удивительно наблюдать за тем, как люди в шаге от своей гибели беззаботно играют в кости, с упоением обсуждают нелепые шутки и недостоверные слухи, упиваются заплесневелыми сплетнями, всячески убивая последние минуты жизни. Естественно, им не было дано знать свое будущее, для них это и к лучшему. Даже услышавший часть беседы предсказателя с Бароном Блиц быстро утратил интерес к малопонятным ему страшилкам, предпочитая занимать себя кормежкой скучающего вьючного жука. Рыская в небольшом отдалении от их лагеря, юноше удалось найти среди деревьев небольшие скопления съедобных грибов, напоминающих внешне сыроежки. Наемники брезговали подобной снедью, а вот жук в отличии от разбалованных двуногих с небывалым энтузиазмом уплетал таинственные грибы. Всем своим видом гигант демонстрировал щедрому па-

реньку свою благодарность, старательно суя свои длинные усики подростку в лицо. Каждой принесенной охапки хватало лишь на несколько быстрых движений мандибулами, но Блиц не собирался сдаваться, упрямо выискивая для жука все больше провианта.

Царствующая мирная идиллия, прямо как затишье перед бурей, невыносимо давила на Вебера. Вопреки всем позывам здравого эгоизма он чувствовал, что несет ответственность за всех этих людей. Он единственный видел, что их ждет, а значит и спасти положение следовало ему. Как на зло, все здравые идеи упорно сторонились его головы. Не смотря на внешнюю сосредоточенность и не покидавшие его лица следы мысленных потуг, в голове у предсказателя было совершенно пусто. Ни одной оригинальной мысли, никакого внятного плана, лишь горькая усмешка: он намеревается спасти всех этих неотесанных варваров, не смотря на все их презрение, на все оскорбительные шутки, раздающиеся у него за спиной. Что-то внутри него желает помочь этим людям. Но людям ли, или себе? Вопрос что неожиданно возник действительно озадачил Верго – чувствует ли он ответственность за их жизни, или просто боится провалить свое задание, боится за свою шкуру? Быть может и все разом.

– Уж не знаю насколько это уместно, но все же я думаю, что должен рассказать вам кое-что, – обратился к предсказателю Голдберг, зажигая только-что покинувшую портсигар папиросу. – Если речь идет о столь сверхъестественных и

мистических событиях, то моя история, я полагаю, лишней не будет. Видите ли, с того самого момента как мы покинули Гларь, меня не покидает мысль об одном очень странном обстоятельстве. И я даже предполагаю, что это самое обстоятельство может послужить ключом к разгадке ожидающих нас событий.

– Я весь внимание, – без особой надежды пробормотал Вебер.

– На заре моей карьеры я самолично занимался торговлей разного рода орудиями убийств, и помимо привычных всем палашей, офицерских кортиков и паскудного качества стилетов, нередко мне приходилось иметь дело с вещами крайне... экзотическими. Тут можно распинаться часами: чудные яды, встраиваемые в подошву клинки, заморские гарроты и многое другое. Но иногда, мне попадались вещи совсем иного толка. Вещи, для подавляющего большинства людей, существующие только в детских сказках и полузабытых легендах. Я говорю о предметах способных творить настоящие чудеса. Не смотря на весь объем проходящих через мои руки безделушек, такие вот артефакты я встречал порядка десяти раз за всю свою жизнь, не больше. Конечно, на их перепродаже можно было сколотить целое состояние, но я зарекся работать с этим чудотворным бараклом. И поверьте мне – вовсе не безосновательно. Кто, или что бы их не создало, природа этих вещей чужда человеку, и ему не стоит с ними играть. Вот только один мой деловой партнер, с

которым я тогда многое воротил, был совсем иного мнения. Однажды он смог выторговать странного вида сферический сундук, весь в резных орнаментах. Стоило оставить в нем семена какого-либо растения, или срезанную ветвь, как за считанные минуты они проросли, без воды и света обзаводясь корневой системой и листвой. Будто бы эта штука вдыхала в них жизнь. Если бы я не видел этого своими собственными глазами – никогда бы не поверил. Забавная игрушка задержалась у моего товарища надолго, и в один прекрасный день, изрядно напившись, он решил засунуть в эту коробку только что забитого молочного поросенка, интереса ради. Не знаю, что у него было в голове, когда он запихивал в ту чертову хрень еще теплый кусок мяса. Никто уже и не узнает – утром его нашли растерзанным. Нечто, выбравшись из коробки вспороло ему брюхо, растащив внутренности мертвецки пьяного бедняги по всей комнате, а после скрылось через открытое окно.

– Невеселая история.

– Не то слово. Пол города тогда спать боялось, опасаясь что эта тварь еще бродит где-то в округе. Были с такими вещами и другие прецеденты, но не хочу затягивать свой рассказ, учитывая обстоятельства. Никогда больше в жизни я не притрагивался к такого рода артефактам. Каких бы денег они не стоили, жизнь всяко дороже. Так вот, о чем бишь я? У всех этих побрякушек была одна общая особенность. Стоит приблизиться к такой вещи, как появляется

дивное ощущение, будто дух перехватывает, и невольно замечаешь какое-то странное напряжение в воздухе. Будто стоишь рядом с работающим высоковольтным трансформатором. И это точно не мои выдумки. Когда ко мне приносили очередной артефакт, еще до того, как продавец успевал открыть свой рот и начинал описывать свою находку, я уже чувствовал ее. Была ли она замотана в ткань, запечатана в бумагу, сокрыта в сейфе – совершенно неважно! Каждый раз я содрогался от этого инородного присутствия. И знаете что, мистер Вебер? Еще с самого начал нашего пути я ощутил это... То самое, незабываемое чувство. Его ни с чем не спутаешь. И что страннее, когда мы пришли в Гларь оно многократно усилилось. Это – не совпадение. После этого, сколько бы мы не шли, оно не пропадало. И даже сейчас... Оно становится только сильнее. Сейчас я уже уверен, что недолгая остановка в Глари дорогого нам стоила.

– Думаете, что покинув селение мы забрали оттуда что-то, что и стало причиной наших бед? Скажите, как мог бы выглядеть подобный предмет? От него же можно как-то избавиться, или же уничтожить? – поинтересовался Верго. Сложив руки на груди он с нескрываемым нетерпением искренне внимал словам Барона, впервые за долгое время.

– Кто его знает... Это вы здесь эксперт по всякого рода сверхъестественным вещам. Я полагал что вы как раз сможете рассказать мне об этом больше, но вот же ирония – кажется, вы и сами об этом ничего не знаете. Исходя из мое-

го не самого богатого в данной сфере опыта, такие предметы могут иметь какую угодно форму. Как знать, может даже живое существо способно обладать такими свойствами? Конечно нельзя утверждать наверняка о всех подобных артефактах, но те что встречались мне вполне себе можно было уничтожить самыми что ни на есть тривиальными методами. Мне известно лишь то, что они крайне опасны. Однажды я видел, как одному перекупщику оторвало руки, когда он...

– Прошу вас, мистер Голдберг, избавьте меня от ваших жутких историй, мне и без того страшилок хватает, – прервал Барона Вебер, стремясь всеми способами избежать так горячо любимых Голдбергом описаний гадостей.

– Знаете, что вам нужно? – Барон вальяжно протянул собеседнику раскрытый портсигар. – Выкурите сигаретку, успокойтесь, и сами удивитесь, как быстро к вам придет хорошая идея.

– Не курю.

– Это зря, в наше время все состоятельные люди курят. Здесь стоит даже не вопрос предпочтений, но некая социальная норма. Честное слово мистер Вебер, в здоровом обществе вас не поймут.

Верго не мог поверить в нахальность Голдберга. Будучи неестественно спокойным перед лицом гибели, раз за разом смакуя ужасные рассказы о убийствах и ранениях и при этом совершенно искренне гордясь своей отвратительной профессией, этот человек нагло рассуждал о «нездоро-

вых» привычках Вебера с совершенно невозмутимым видом. Его лицемерию позавидовали бы даже самые красноречивые и бессовестные политики, обитавшие в столичных кулуарах.

Ничего не ответив, предсказатель направился в сторону увлеченно исследующего карту Остина, с твердым намерением сделать хоть что-нибудь. Вебер и близко не имел понятия как подступиться к решению приближающихся проблем, но бездействовать больше было нельзя. По его расчетам до пришествия орд насекомых оставалось меньше получаса. Каждая прошедшая минута тяготила его, безмолвным упреком непозволительной растраты времени оседа в сознании предсказателя.

Остановившись в нескольких метрах от главаря гвардейцев, Вебер замер. Мертворожденные слова застряли у него в глотке. Ни один убедительный аргумент так и не пришел ему на ум. Прекрасно осознавая, что без каких-либо доказательств он лишь нарвется на неприятности, усложнив себе этим жизнь, Верго с горечью и небывалым облегчением отказался от мысли о разговоре с Остином. Бесцеремонно оторвав Блица от сбора грибов, Вебер быстро привлек парня к сооружению из валежника основы для кострища, что полумесяцем окружала бы карету. Тем временем, сам предсказатель тщательно привязал несколькими веревками раздосадованного прерванной кормежкой выючного жука к широким стволам деревьев, держа в голове грядущий по-

бег недоумевающего насекомого. Несколько раз перепроверив узлы, Верго принялся формировать самодельные факела. Хоть толковый план ему придумать так и не удалось, но это не должно было помешать более тщательной подготовке. Предсказатель надеялся, что выигранного времени ему будет достаточно для того чтобы придумать какое-нибудь решение.

Недолго думая, Барон присоединился к формировке будущего кострища, попутно отбиваясь от уже неслабо досаждающей мошкары. Слаженные действия этой троицы быстро привлекли внимание отдохавших наемников, совершенно не понимавших причины такой суматохи. Насмешливые возгласы и едкие комментарии быстро переросли в озадаченные вопросы и легкое волнение. Наконец, сам Остин заинтересовался происходящим в лагере, с тяжким сердцем оторвавшись от исчерченной карты.

– Какого черта вы творите?

Барон лишь слегка усмехнулся, пригладив усы. Блиц беспомощно пробубнил несколько неуверенных оправданий, указав на сосредоточенно мастерящего факела Вебера. Будучи поставленным своей горе-командой в позицию крайнего, последний таки удостоил Остина ответом, при этом не отрываясь от своего дела и на секунду:

– Боюсь, что бы я ни сказал, вы ведь все равно мне не поверите, так ведь? Можете считать, что я окончательно сошел с ума и возвожу пылающий монумент своему безумию.

Не ожидавший столь дерзкого и в то же время невнятного ответа, главарь гвардейцев уже было открыл рот чтобы извергнуть ушат ругательств на одержимо трудящегося предсказателя, но Верго предусмотрительно опередил его, решив-таки прояснить мотив своих действий:

– Через небольшой промежуток времени, около десяти минут, сотни тысяч мелких, но крайне кусачих исчадий ада придут по наши души. Шершни, оводы, осы, клопы и Бог знает кто еще. Вот и вся правда. Впрочем, я даже и не надеюсь, что мои слова вас в чем-то убедят.

– Больные убудки. Да вы что сбрендили? Обожрались грибов каких?! – прорычал Остин все ближе подбираясь к предсказателю.

– Пока вы не решили выбить из меня все дерьмо, будьте так добры, задумайтесь, почему за весь наш путь мы встречали от силы несколько безобидных мошек, а уже пол часа как воздух гудит от обилия кровососущих гадов?

– А ведь он прав Ост, – вмешалась подоспевшая Арчи, накидывая на себя капюшон в попытке защититься от выющегося над ней крупного овода. – Твориться какая-то чертовщина, столько насекомых здесь отродясь не было. Ты же сам это не хуже меня знаешь.

Будто пытаясь подтвердить только что озвученное утверждение, нарезавший над Арчи круги овод внезапно спикировал в сторону главаря наемников. Реакция не подвела опытного солдата, и одного меткого взмаха руки хватило

чтобы отправить обнаглевшее насекомое в неконтролируемый и крайне непродолжительный полет в направлении земли. Проследив взглядом за падающим вредителем и скрупулезно осмотрев кишачий летающими гадами лагерь, Остин грустно вздохнул:

– Да вы издеваетесь... Но что правда, то правда – даже в самые теплые вечера у побережья рек не встретишь столько кровососов. Никогда такого не видел. Эх, беда. Разведем костер, и вся округа будет знать где мы, но если этого не сделаем, то нас просто сожрут заживо. Вот дерьмо. Тащите сюда хворост!

Вебер едва не выронил охапку палиц из рук. Уж чего он точно не мог ожидать, так это одобрения Остина. Он до последнего был уверен, что убедить главу гвардейцев на этот раз точно не получится.

С легкой руки их вечно недовольного предводителя, все бездействующие гвардейцы были мигом задействованы в сборе хвороста. Возлагая большие надежды на спасительный огонь, подгоняемые болезненными укусами насекомых наемники и не нуждались в большей мотивации. Конечно, даже будучи вовлеченными в оборонительные приготовления, никто кроме Верго и Голдберга в полной мере не осознавали серьезности ситуации. Гвардейцы полагали, что стоит развести костер, как дым и жар мигом заставят летучих вредителей убраться прочь. Иронично, что именно их наивность и помогла избежать паники.

Несколько минут суеты с огнивом, и вот, первые языки пламени жадно поглощают сухие пожелтевшие иголки, лежащие вперемишку с древесной стружкой. Разрастающееся пламя в считанные секунды распространялось по сложенным в форме шалаша веткам. Белый дым повалил из кострища, действительно разгоняя слетающуюся мошкару. Слишком близко подлетевшие шершни на пару с крупными москитами были вынуждены удалиться от распяляющегося источника жара. Яркий свет озарил округу знаменуя победу людей над силами природы, к несчастью, лишь временную.

К этому моменту треск сгорающих веток в кострище был едва слышим за вездесущим жужжанием, заполнившим воздух. Множество мелких летучих созданий наматывало круги вокруг спасительного для наемников костра, боясь подлететь ближе. Хоть покрова ползущих гадов еще не было видно, Вебер знал, что до его появления оставалось совсем немного времени. С нарастающим беспокойством он наблюдал за гвардейцами, соорудившими на скорую руку подобие большого сачка из нескольких жердин и грязных тряпок. Радостно взмахивая им раз за разом они выуживали из выщегося роя десятки, а может и сотни насекомых, давя их сквозь ткань, как только топорное орудие опускалось на землю. Несмотря на небывалый энтузиазм, их изобретательные действия не приносили заметных результатов – в рядах летучих гадов только прибывало за счет прилетающих собратьев. Тем временем обороняющиеся люди уже начинали чувствовать

неслабый дискомфорт от подпирающего их сзади жара. Хоть насекомые и не выносят высоких температур, люди в этом от них не сильно отличаться.

Кашляющий от дыма предсказатель с трудом пробирался через практически прижавшихся к костру товарищей. Прикрывая руками лицо от жара он выискивал силуэт дородного усача. Найдя наконец Барона, Верго безо всяких прелюдий выложил свои мысли:

– В Глари мы ни с кем не торговали, практически даже не контактировали, но все же, что-то что привлекает насекомых оказалось среди нас. Больше восьми часов за пределами поселка эти скоты нас не беспокоили, а значит это нечто действует не сразу, и оно вполне могло все время нашего пребывания в Глари находиться неподалеку, совершенно не выдавая своего присутствия. Я практически уверен, что оно не связано с теми странными псами, которых видел Блиц, им бы не было резона дожидаться нашего прибытия в селение, напротив, выгоднее было бы призвать насекомых, когда мы были без какой-бы то ни было защиты на пустынных предгорьях. Я думаю, что некий предмет подкинули нам, когда мы покидали Гларь. Возможно это сделала хозяйка того недостроенного дома. Но, учитывая постовых и несколько бодрствующих человек, едва ли она смогла бы засунуть что-нибудь наемникам в одежду. А значит...

– То, что мы ищем либо прикреплено к карете, либо лежит в чьей-то походной сумке! – прервал предсказателя Гол-

дберг, попутно подбрасывая скудные запасы хвороста в костер. Оторвавшись от своего занятия он одарил Вебера хмурым взглядом, властно продолжив. – Я, так и быть, проверю экипаж, заодно вытащу оттуда сопляка. Займитесь сумками!

Не сказав более ни слова, Барон поджег один из факелов и в сопровождении своего телохранителя ринулся в сторону стоявшей в десяти метрах от костра кареты. Летучие паразиты уловив момент мигом оцепили Барона, но усач на удивление резво размахивал пылающей головешкой, успешно отгоняя непрощенных гостей. Его спутник избрал другую тактику, тщательно закутавшись в плотные одежды он напролом мчался за своим господином, периодически стряхивая с воротника и капюшона налипших кровососов.

Верго несколько секунд морально готовился к предстоящим поискам, выискивая взглядом разбросанные сумки товарищей. Вооружившись только что подожженным факелом и поплотнее закутавшись в чей-то сброшенный из-за жары плащ, предсказатель уверенно двинулся к ближайшей котомке.

Жуткая помесь отвращения и брезгливости вторглась в его рассудок с первыми же тварями, сумевшими пробраться к его лицу. Хоть мощная оплеуха и лишила их жизни, но никак не спасла от их же размазанных ошметков, оставшихся тонким слоем где-то на уровне лба. Насекомые действовали на редкость умно, проползая между складок ткани и выискивая более легкий доступ к телу. Вебер, тоже будучи не лыком

шит, принял соответствующие превентивные меры, заранее одев походные перчатки и перетянув лоскутами ткани рукава и штанины. Единственным незащищенным местом оставалось лицо, безустанно оккупируемое кусачими тварями.

Первая же выпотрошенная сумка своим содержимым озадачила предсказателя: странные, перевязанные тонкими конопляными веревками свертки, несколько фигурок напоминающих примитивных идолов, не самое чистое белье и коллекция самодельных игральных карт, в перемешу с крохотными пучками высушенных трав. Все мало-мальски подозрительные вещи незамедлительно отправились в костер. Не став дожидаться какого бы то ни было эффекта, Верго, отплеываясь особо наглой мошкаррой отправился за следующей мишенью, до этого момента мирно покоившейся у старой иссохшей ели.

Несколько раз искусанному предсказателю удалось успешно проэкзаменовать заплечные мешки и сумки товарищей, забрасывая разнообразные идолы и фетиши в пламя, но на пятом заходе он был бесцеремонно остановлен здоровенной детиной. Будучи на голову выше Вебера, наемник мертвой хваткой вцепился ему в предплечье, налитыми кровью глазами наблюдая за сгорающими свертками и фигурками. Переведя свой остервенелый взгляд на виновника, он буквально прорычал предсказателю в лицо:

– Ты что творишь, скотина?!

Поток направленной на него ругани, вперемешку с выле-

тающими изо рта гвардейца каплями слюны, вынудили Вебера прищурить глаза похлеще чем от любой мошкары. Возможно дело дошло бы и до рукоприкладства, но праведный гнев рослого бугая был прерван донесшимся со стороны воплем. Источником продолжительного и довольно высокого звука оказался покинувший карету наследник, что стоя подле Барона указывал вытянутой рукой на нечто, судя по его реакции довольно жуткое.

– Пресвятой Людвиг, помоги нам... – ошарашенно промямлил агрессивный наемник моментально изменившись в лице. Проследив куда указывает наследник, он в считанные секунды забыл про Верго. Со стороны обороняющихся донесся тревожный ропот.

Уже на этом моменте предсказатель отлично знал, что именно напугало его спутников. Обернувшись он лицезрел как черный покров медленно, но уверенно обволакивал собой все сущее, неумолимо приближаясь к их костру. Несколько гвардейцев едва не впали в состояние шока, забывая отмахиваться от никуда не девшихся летучих гадов – настолько их впечатлило увиденное.

– Достаньте из сумок все что может гореть! – немедленно приказал Остин.

Бросив линию обороны, сцепив зубы и игнорируя наносимые им многочисленные укусы, гвардейцы бросились к своим сумкам, самые дальние из которых уже покрывал слой крошечных хватчиков. Круг свободной от насекомых по-

верхности безостановочно сужался, заставляя наемников со спасенными пожитками пятиться все ближе костру, что так нестерпимо обдавал жаром спины загнанных людей.

В то время как гвардейцы из последних сил жгли горючей выпивкой и факелами все никак не редуемые скопления крошечных супостатов, Голдберг со своими телохранителями бесцеремонно копошился в сумках. Никто уже и не возражал, всем было не до этого.

Несколько крупных тварей длиной не меньше указательного пальца, расправив полупрозрачные зеленые крылышки метко спикировали Верго на рукав, вцепившись жвалами в грубую ткань. Присев, предсказатель со всей дури ударил тыльной стороной руки о землю, раздавив источник угрозы. Подняв руку выяснилось, что жвала мертвых насекомых крепко-накрепко вонзились в его одежды, никак не желая разжиматься. Сделав несколько шагов в бок, намереваясь поджечь край длинной палицы, он услышал противный скрип и хруст под сапогами – это первые, особо быстрые ползучие жуки уже добрались к позициям гвардейцев, всячески стараясь зацепиться за штанины.

Обороняющееся путники начали вынужденно подпрыгивать и переминаться с ноги на ногу, чтобы лишить насекомых возможности вскарабкаться по штанинам. На смену быстро закончившимся факелам и спиртовым напиткам пришли менее эффективные влажноватые ветки и грязные тряпицы. Некоторые наемники снимали с себя верхнюю

одежду, чтобы поджечь хоть что-нибудь. Яростная брань понемногу перетекала в отчаянные мольбы.

«Как будто это поможет, – цинично подумал про себя предсказатель, стряхивая очередного названного гостя с кафтана. – Может нам попросту суждено умереть здесь? Какая же на редкость гнусная смерть...»

Верго успел утратить свой энтузиазм. Он выпотрошил все сумки к которым только смог добраться, спалив все что хотя бы теоритически могло подходить на роль мистического манка насекомых. Неужели как выход остается только бегство? Подлое, трусливое бегство в одиночку? Неужели придется бросить наследника, Барона, Остина с сестрой, на верную и столь ужасную смерть, какую и врагу не пожелаешь? Все чаще Вебер с горестью убеждал себя что другого выхода, вероятно, попросту не существует. Пускай его спутники и не были ему родней или друзьями, но бросать живых людей на столь кошмарную расправу ему все же не хотелось. Впрочем, ничего другого не оставалось.

Вяло отбиваясь от нескончаемых орд, предсказатель морально готовился. Если уж здесь его ожидает конец, то это вероятнее всего лишь очередное видение, и чтобы прервать его ему осталось дожидаться только одного – смерти. Хоть изредка видения и заканчивались на гибели окружающих, был лишь один способ гарантированно прервать их. Сама мысль о неизбежном ужасала Верго. Работая на мафию, помогая богатым политикам и воротилам большого бизне-

са в видениях он неоднократно встречал свою смерть. Пожалуй, мало кто из еще живущих на свете может заявить о чем-то подобном. Он погибал от яда, истекал кровью, был прибит копьём к столбу, повешен, и не раз забит до смерти. И пускай это и было невыносимо больно, все же все это ни шло ни в какое сравнение с несоизмеримо более ужасной смертью от роя насекомых. Стоило только подумать о сотнях жвал, что вскоре безжалостно вопьются ему в плоть, о отвратительном щекоте тысяч лап что он будет ощущать внутри и снаружи, как по всему телу пробегала дрожь, ноги неконтролируемо подкашивались, а зубы начинали дребезжать. Невольно, Вебер начал выискивать глазами взведенный самострел. Он попросит кого-нибудь пристрелить себя. Такая участь была бы предпочтительней.

Ручка арбалета, торчащая из походной сумки в десятке шагов, неумолимо манила его обещаниями быстрой кончины. Не обращая внимания на живой ковер под ногами, предсказатель двинулся к своему столь желанному концу. Страх перед более жуткими вещами не сковывал, но даже наоборот, побуждал его.

Шаг. Еще один. Несколько болезненных укусов в районе лодыжки. Что-то ползет меж лопатками. Все это больше не имело значения, был важен только один объект, слегка прикрытый выцветшей поделкой на деревянном каркасе. Небрежным движением Вебер отбросил преграду, скинув ее подобно подношению тысячам голодных членистоногих. За

несколько секунд до того, как они сомкнули свои ряды на пожелтевшем атласе, перед его затуманенным взглядом промелькнула единственная различимая надпись, что вырвала его из одержимого состояния.

«Поселок Гларь», – громким эхом пронеслось у Верго в голове. Это была карта, та самая приобретенная в поселке, странная, старинная карта что и послужила причиной тому что они заплутали. Все нити недавних размышлений, бережливо протянутые его разумом сошлись воедино. Неужели это то что он искал?

Предсказатель беспомощно оглядел свои покрытые гроздьями мелких насекомых руки, мысленно проверив карманы. Вздох отчаяния, разочарования и обиды сорвался с его губ – при нем не было ничего, ни чтобы изрезать, ни чтобы сжечь предполагаемый источник их бед!

Непроницаемый черный покров, слегка запаздывая за своими более быстрыми, но менее многочисленными собратьями, как раз дополз к сброшенной карте. Будто деревянный брусок сброшенный в слегка взволнованное море, карта всплыла на поверхности темных вод, уносимая прочь многочисленными мелкими созданиями. Словно очарованная ею, черная гуща, изначально поглотившая предмет, теперь же заботливо освободила его желтоватую поверхность, приподнимая и волоча его вслед за собою.

Смертельный покров напознал неравномерно, отрезая предсказателя от его товарищей. Последнему оставалось

только беспомощно смотреть на все удаляющуюся перспективу их спасения. До гула в ушах сжав зубы, предсказатель из последних остатков самообладания, предназначенных на выживание самострела, породил крик настолько громкий, насколько это вообще было возможно:

– Карта! Кто меня слышит, сожгите чертову карту! КАРТУ!!!

Проведением, простым совпадением или же чудом, но он таки был услышан. Черный от множества клопов, ухверток, мух, и еще бог знает какой гадости, Голдберг принялся отчаянно выискивать карту, спустя десяток секунд поисков выцепив ее взглядом. Ползучая смерть уже почти поглотила доведенных до остервенения путников, часть из которых последовав примеру Вебера, в страхе тянулась за самострелами, готовясь как можно скорее сбежать от этого ужаса. Почти потухший костер уже совсем не сдерживал летучие орды, и голодные исчадия ада безжалостно набрасывались на испуганных людей.

Барон, заслоняя рукавом лицо попытался выцепить злосчастный артефакт, но как на зло, предмет сменил направление своего движения, начав отдаляться от кострища. Помедлив с секунду, Голдберг запустил голую руку в еще разгоряченные угли, вытаскивая объятую огнем головешку. На редкость меткий бросок отправил пылающую деревяшку прямиком в карту. Секунда шла за секундой, но все никак не разгорающаяся карта только поспешно удалялась. Сотни

мелких гадов не жалея своей жизни обволакивали собою за-
тухающий кусок дерева, лишая его доступа к воздуху, а в
следствии и к кислороду, без которого не могло обойтись не
одно пламя. За облаками всевозможных паразитов и крово-
сосов Верго не мог рассмотреть лица торговца оружием, но
все же был уверен, что оно искажено горькой досадой. По-
следняя попытка что могла все изменить, и та обернулась
крахом.

В ярости Барон громогласно закричал, подобно безумцу
замолотив по себе руками в попытке раздавить поедающих
его заживо насекомых. Но даже этот могучий порыв гнева
стал сникать, так и не принеся существенных результатов.
Запустив искусанную и обожженную руку в карман он из-
влек ту самую емкость с настойкой из грибов, что дал ему
предсказатель ранее. Видимо желая вылить ее на себя что-
бы хотя бы ненадолго отогнать насекомых (тем самым облег-
чив свои страдания), он занес руку над головой, в последний
момент остановившись. Его рука содрогаясь от боли и гнева
плавно перешла за спину, готовясь к очередному, последне-
му броску.

Пузырек медленно вращаясь устремился ввысь, прогры-
зая себе путь в плотных потоках летучих насекомых. Сде-
лав несколько полных оборотов он приземлился аккуратно на
крупный валун в десятке сантиметров от почти погасшей го-
ловешки. Разбившаяся емкость в одно мгновение выпусти-
ла все свое проспиртованное содержимое, обрызгивая жу-

ков, тухнувший кусок дерева и саму карту. Даже нескольких последних искр было достаточно чтобы мигом поджечь все что было смочено. Ярко-желтые языки пламени радостно взвились ввысь, выжигая одержимых насекомых. Как только с защитным слоем из хитиновых уродцев было покончено, пламя принялось жадно поглощать антикварную вещицу. За считанные секунды бумага почернела, скукожившись, преподнося ненасытному огню остатки своего каркаса.

Громкий треск с которым падают вековые деревья разнесся по роще. Сложно было сказать, что именно послужило источником этого неестественно громкого звука, – казалось он доносился отовсюду. Он напоминал треск сухих веток на ветру, что можно услышать в старом сосновом бору с той лишь разницей, что его громкости было бы достаточно чтобы разбудить целый город. За звуком сразу же последовали перемены в поведении насекомых. Армии мелких убийц, до того действовавшие слаженно, рассеянно улепетывали, перепуганные переизбытком своих же сородичей. Черный покров в считанные секунды обзавелся солидными проплешинами, прощаясь со своей грозной формацией. Летучие кровососы растерянно вились у деревьев, вмиг позабыв про наемников они старательно облетали столбы дыма, поднимающиеся вверх от затухающего громадного кострища.

Вскоре отчаявшимся людям пришло осознание того, что угроза миновала. Искусанные, перепуганные, загнанные бе-долаги по инерции смахивали с себя дезориентированных

жуков. Они тщательно, можно даже сказать яростно, вытаптывали беспомощно расползающиеся орды недавних обидчиков. В этом уже не было особой нужды, и наемники в глубине души это прекрасно понимали. Это была месть за весь тот кошмар что им довелось пережить. Даже тщательно перепроверив карманы, выпотрошив сумки, расправив все складки на одежде и вытрусив сапоги, они все еще время от времени вздрагивали, резким взмахом руки сиюсь раз-мозжить несуществующих фантомов. Страх перед мелкими ползучими существами останется у многих из них до самого конца жизни. И это, безусловно, особенный страх, нечто инстинктивное, заставляющее резко одергиваться и смахивать рукой любой источник раздражения, щекочущий кожу. Пускай кошмар и закончился, но с особо впечатлительными он останется навечно, заставляя вскакивать посреди ночи, судорожно ощупывая шею и спину.

Даже Верго, не являясь особой впечатлительной, еще не раз словит себя на странном, дискомфортном ощущении, возникающем в непосредственной близости от безобидных бабочек и надоедливых мух, не говоря уже о их жалящих собратьях. Предсказатель напряженно провожал глазами каждую встречную мошку, пока его группа достаточно не отдалась от места их позорного сражения.

Он успокоился лишь тогда, когда все крохотные создания окончательно покинули его поле зрения. Постепенно, его тревожность и волнение начали сменяться удовлетво-

нием и небывалой радостью за свое спасение. Ветер, до того неприятно продувавший одежду теперь же, казалось, нежно, пускай и несколько настойчиво овевал разгоряченное от множественных укусов тело, приятно остужая его. Каждый вдох наполнял Вебера небывалой жизнерадостностью. В его голове безуданно вертелась одна и та же мысль, никак не желая униматься: «Я жив. Не смотря на все это, я жив!»

Радостное состояние почти что граничило с эйфорией, и судя по виду окружающих его людей, в этом он был не одинок. Их изжаленные, окровавленные, измазанные убитой мошкаррой лица буквально озарялись целым спектром жизнерадостных эмоций. Оказавшись на краю, практически распрощавшись с жизнью, но будучи спасенными, наемники жадно упивались каждым мгновением, подобно дикому измученному жаждой животному что наконец нашло реку, наслаждаясь живительной влагой ее вод.

Как жаль, что столь приятные ощущения не длятся долго – не прошло и двадцати минут, как чешущиеся, болезненные укусы перетянули все внимание на себя. Мази, травяные повязки и походные компрессы закончились в мгновение ока, принося долгожданное облегчение немногочисленным счастливым. Остальным же приходилось сжав зубы терпеть, высматривая в подлесках подходящие целительные растения. Как же велико было их разочарование, когда за целый час пути им встретилось от силы несколько чахленьких кустиков полыни. О широколистных подорожниках или мяг-

ких листках мяты, что могли бы унять зуд, оставалось только мечтать.

Большая часть путников (как и до последнего державшийся Верго) спустя час мучений сдалась, бессовестно расчесывая места укусов, прекрасно зная, что за мимолетное облегчение они заплатят немалыми неудобствами в будущем. Дольше всех держался Остин, стойко дуя на чешущиеся припухлости, но и он к концу часа решил пустить руки в ход.

Должно быть вся их команда выглядела чрезвычайно жалко в своем нынешнем состоянии, о чем не преминул напомнить Голдберг при первой же возможности. Ему то целебная мазь как раз-таки досталась как почетному герою, внесшему вклад в их спасение. Участие же Вебера, пускай и было замечено, все же было очернено фактом сожжения им целого ряда пожитков его сопартийцев. Пускай он и объяснил свои мотивы, тем самым оправдавшись за самоуправство, неприятный осадок таки остался. Единственным существом, пережившим нападение без каких-либо повреждений, даже самых малых, был выучный жук. Его поведение не выказывало и малейших следов стресса, в чем ему очень даже завидовал Верго. Заприметив раздраженный взгляд Вебера, не покидавший высоко поднятых усиков великана, Барон смеясь буркнул что-то о взаимосвязи уровня интеллекта и беззаботности существ. Его комментарий не то что бы сильно помог. К удивлению Голдберга, некоторые наемники даже нашли его обидным.

Обогнув рошу, их группа устремилаь вдоль маленького горного ручейка вниз по склону близлежащей скалы, чья раздвоенная вершина грозно нависала над натерпевшимися беднягами. Подгоняемые ветром, они все больше отдалялись от Глари, беспрестанно обводя угрюмое окружение подозрительными взглядами. В связи с последними событиями даже самые беспечные и самоуверенные путники настороженно озирались, опасаясь новых проблем. Но едва ли кому-нибудь из них приходило в голову, что пережитый ими ужас был лишь прелюдией, призванной испытать наемников на прочность.

Глава 5. Люди и их нравы

Время лечит, – достаточно спорное утверждение, особенно учитывая тот факт, что оперируя им никто и никогда не указывает конкретных временных рамок. Вебер готов был поклясться, что с каждой прошедшей минутой укусы чесались все сильнее. Тем не менее, за неимением подходящего лечащего средства ему приходилось полагаться только на чудотворные свойства времени. В такие моменты в них особенно хотелось верить.

Расчесывая слегка распухший подбородок он обратил внимание на Остина, уже с минуту молчаливо вышагивающего по правую руку. Верго хорошо осознавал какого рода разговор им предстоит и нещадно разрывался на части между желанием насытить свое эго и желанием проложить товарищеские отношения с гвардейцем. Внутренняя борьба плавно перетекла в некий компромиссный вариант, впитавший в себя преимущества и недостатки обеих опций:

– Так теперь, стало быть, вы мне верите?

– Сложно было бы не поверить после увиденного. Великая тьма! За всю свою жизнь я и близко ничего похожего не видел. Когда эти твари подобрались совсем уже вплитык, я подумал, что мы покойники. Вы с Голдбергом буквально вытащили нас с того света. – Главарь наемников выглядел озадаченно, манера его речи, обычно будучи суровой и бес-

компромиссной, сейчас смягчилась, будто Остин извинялся. – Должно быть и там в поселке ты не лгал. Не пойми меня неправильно, моя цель – довести наш груз и своих людей до Ганои, в целости и сохранности. Я всего лишь пытался... Схаррат. Пытаюсь действовать осторожно и предусмотрительно. Еще день назад я бы рассмеялся в лицо любому, кто сказал бы что может заглянуть в будущее. Кто же знал, что из хреновой кучи шарлатанов и лживых недоносков нам попадешься именно ты – человек действительно способный на что-то подобное?

– Можете поверить, мне не впервые доводится слышать такие слова, – сухо бросил Вебер, даже не повернувшись в сторону собеседника.

– Если уж ты на самом деле можешь предсказать будущее, то ответь, кто или что пытается свести моих людей в могилу?

– Понятия не имею.

– Сначала псы, теперь жуки. Когда нам ожидать следующей напасти?

– Как только мне станет известно – сразу скажу.

– Но ведь это еще не конец?

– Не знаю.

– Тогда что ты блять знаешь? – Смесь недоумения и раздраженности нашла свое отражение на искаленном лице Остина, искажая его еще сильнее. Не нужно было иметь третий глаз во лбу, чтобы понять какие мысли вились в голове главаря гвардейцев в тот момент. Удивительно, насколько

быстро его извиняющийся тон сменился неприкрытым разочарованием, враз с тем, как витающий в воздухе упрек обрел форму столь резкого вопроса.

– К сожалению мои предсказания не работают на заказ, в противном случае меня бы здесь с вами не было. – Намерения Верго вести доброжелательную дружескую беседу бесследно улетучились, уступив место накопившемуся раздражению и гнетущей обиде. – Сидел бы сейчас в лучших игорных заведениях Равии, попивая полусладкое семьдесят пятого года и лениво соря тысячами крат. Но нет, мне приходится рисковать своей шкурой в богом забытой земле, выслушивая ваши упреки. А ведь на этом все не ограничивается, я вынужден распинаться, изо всех пытаюсь не дать вам всем погибнуть. А мое непосредственное начальство, то бишь мой наниматель, коим вы, к слову, не являетесь, даже не удосужилось наделить меня, если позволите, соответствующими полномочиями. И теперь я, не то консультант, не то менталист, должен что-то всем доказывать. Вот бы мне кто объяснил какого черта тут происходит и что я, чтоб его, должен с вами всеми делать!

Вебер был готов (по крайней мере морально) к самому что ни на есть невыгодному для него обороту беседы, прекрасно отдавая себе отчет о сказанном. В его мыслях все озвученные претензии имели куда как более грубую форму, но даже будучи разгневанным наглостью и требовательностью своего спутника он был сдержан в своих высказываниях, и причи-

ной тому послужил вовсе не страх перед собеседником, чье физическое превосходство было неоспоримо, но высокомерие и предусмотрительность предсказателя. Он не мог позволить себе упасть лицом в грязь, даже перед невежественным воякой это было недопустимо. На протяжении всей своей карьеры, одним из немногочисленных качеств что помогали Верго сохранять самоуверенность и веру в светлое будущее, была его гордыня. Именно взгляд сверху вниз на тех с кем ему приходилось работать, позволял дистанцироваться, возвыситься над ними в собственных глазах, обесценивая их насмешки и претензии. Снизойти до уровня общения обычного солдата, перейдя на язык ругани и грубых вульгаризмов для него было равносильно потере того самого преимущества, утрате незримой спасительной защиты в которой он так нуждался. Для себя предсказатель давно решил, что не смотря на обстоятельства, он не выйдет за рамки культуры общения, и именно потому даже сейчас он всячески смягчал свои претензии.

И все же, не смотря на поддерживаемую со скрежетом в зубах культуру общения, Вебер вовсе не старался избежать конфликта, напротив, он сознательно насытил свой ответ упреками, хорошо помня о суровом нраве Остина. Где-то глубоко в душе он даже хотел задеть своего собеседника. Едва скрывая свое довольство, предсказатель внимательно посматривал на идущего рядом главаря гвардейцев, он был готов к практически любому развитию событий, от разгне-

ванной словестной конфронтации, до вполне себе физических нападков со стороны собеседника. Он жаждал встретить гнев Остина ехидной улыбкой на все тридцать два зуба, пускай это и грозило потерей одного из них. Но к удивлению предсказателя, главарь наемников молча проглотил его ответ, и даже более того – просветлел в лице. Образовавшееся молчание продлилось до минуты, в течении которой Верго с опаской следил за спутником, последний же, в свою очередь задумчиво вглядывался куда-то за горизонт.

– Это все что ты хотел сказать? – наконец прервал молчание Остин. Его голос был холоден, буквально лишен каких бы то ни было эмоций. Единственное что в нем читалось так это усталость.

– При нашей первой встрече вы сказали, что я вам не нравлюсь. Что ж, вы мне тоже не нравитесь. Не вяжется у нас ни сотрудничество, ни разговор. Но мы и не должны ладить. Мы оба просто наемники, делаем что умеем за деньги. И так уж сложилось что нам обоим заплатили за одну работу – доставить наследника живым. Вы делаете что в ваших силах, то же можно сказать и обо мне. Не могу вам пообещать, что не создам проблем в будущем, но могу гарантировать, что если узнаю о этих проблемах до их возникновения, вы будете первым кому о них станет известно.

– Надеюсь, что так, – тихо сказал Остин обращаясь скорее к своим мыслям, чем к предсказателю.

Покончив с неприятным, но необходимым разговором,

Верго облегченно вдохнул, втягивая распухшим, не избежавшим участи быть ужаленным, носом холодный горный воздух. Впервые с того момента как их группа покинула Гларь он заприметил существенные перемены в окружающем ландшафте. Нет, жутковатого вида скалистые горы оставались на своих законных местах, как главная достопримечательность Помонта все так же заслоняя столичное солнце от периодически подмерзающих путников. Но вот вид и содержание предгорий теперь радовали Вебера все больше, – на смену россыпи мелких острых камней пришли громадные, утопленные в землю валуны и еще большие каменные плиты, поросшие мягким бледно-бирюзовым мхом. После труднопроходимых дорог, что тянулись от самого леса с поселком Риганца и подчас пугали не хуже рассказней о неизменно высоком уровне преступности в княжестве, мягкий ковер, тщательно устилающий каждый сантиметр пологих каменных масс походил на дорогу мечты. Больше всех разницу прочувствовал едущий в карете наследник, которого наконец перестало подкидывать на каждом попавшем под колеса камне.

К этому моменту путешествия, гнущиеся металлические спицы кареты и звуки скрипящих пружин амортизации стали уже обыденностью. Не смотря на баснословную цену экипажа, к горным путешествиям он едва ли был предназначен.

Ряды деревьев постепенно редели, обнажая голые склоны гор, столь пригодные для пути, но столь же непригодные для

того чтобы разбить лагерь, – более не было места где можно было бы спрятаться от ветра. Ледяные порывы доставляли хлопот пуще прежнего, вынуждая путников отчаянно кутаться в многослойные одежды. Впрочем, у открытой местности были и свои преимущества. Необъятные просторы, лишённые чего-либо за чем можно было укрыться, прекрасно обозревались, исключая возможность встречи неожиданных гостей.

По истечению пары часов пути за внимание Вебера сражалось сразу несколько источников раздражения: внезапно напомнившая о себе ломота в мышцах на пару с болезненными мозолями оккупировала ноги предсказателя; расчесанные до крови укусы заставляли не только с опаской оглядывать каждую пролетающую мимо мошку, но и постоянно одергивать руки от распухшего лица; и наконец, чрезмерно жизнерадостный Голдберг, решивший, что предсказателю как раз не хватает занимательной истории о его коллеге, о том самом, что однажды потерял обе руки. Как же быстро исчезло ощущение радости жизни после нелегкого спасения. Жаль, но боль и зуд не исчезли вместе с ним.

Сознательно пропуская большую часть всего сказанного Бароном мимо ушей, Верго неустанно выискивал хоть что-нибудь что могло бы отвлечь его от давящих невзгод. Его скучающий взгляд пронёсся между летающими у скалистых вершин громадными кондорами, лениво обогнул череду невзрачных горных расщелин и наконец остановился на

пустом панцире кольпа, мирно покоившимся у устья кристалльно чистого ручья. Насколько предсказателю было известно, эти прихвостни Роя не линяют, а значит шероховатый каркас из хитина, служивший однажды жуку защитой, теперь выполняет роль надгробия. Как и всегда, предгорья были до жути безжалостны к своим обитателям.

Подойдя к своей находке Вебер без интереса заглянул в отверстия панциря, убедившись в полости останков – кто-то давно уже выел все содержимое. Не то что бы предсказателя интересовала анатомия насекомого, но мертвый жук дал ему повод хоть ненадолго отдалиться от неумолкающего Голдберга. Последний, не тратя время попусту быстро нашел себе новую жертву, переключившись на простодушного Блица.

Присев на корточки, Верго оглядел засохшие фасеточные глаза создания, задумчиво проведя по шероховатой поверхности хитинового скелета рукой. Еще совсем недавно тысячи подобных, но куда как более мелких тварей пытались сожрать его, целеустремленно пробираясь между складок кафтана. Противный шелест их ног отдавался неприятным щекочущим чувством по рукам, спине и ногам. Жуткие жвала впивались в кожу, а длинные ядовитые жала пронзали то, что под ней. Но вот большие жуки в отличии от своих крохотных собратьев не вызывали у него эту непередаваемую смесь жути и отвращения. Возможно все дело было в размере.

Сильный поток ветра, пробиваясь сквозь многочислен-

ные отверстия панциря вызвал негромкий свист, вырвавший предсказателя из потока воспоминаний. Неспешно поднявшись тот направился обратно к своим слегка отдалившимся спутникам. В такие моменты, не смотря на обилие людей вокруг мужчина бы по-настоящему одинок. Наедине со своими мыслями.

Убедившись, что никто за ним не наблюдает, Вебер позволил своей руке проникнуть в походную сумку даже полностью не раскрывая ее. На ощупь пробираясь сквозь нехитрые пожитки, изжаленные пальцы впились в хорошо знакомый флакон. Восковая печать была молниеносно сорвана, и владелец цепких пальцев пустым взглядом впился в мутновато-красное содержимое стекляшки. Он колебался не более нескольких секунд – горькая проспиртованная жидкость проложила свой путь через рот и глотку, стекая прямым в желудок. Тепло разнеслось по всему организму и уже через минуту исходящие из живота приятное онемение начало распространяться по всему телу, изгоняя следы усталости, обезболивая укусы, что уже было приятно само по себе, но наибольшее облегчение коснулось рассудка. Гудевшая от переизбытка мыслей и переживаний голова быстро очистилась, сделалась легкой и воздушной, как по мановению волшебной палочки. Умиротворяющее спокойствие пронизывало все естество предсказателя.

Он закрыл глаза, глубоко вдыхая свежий горный воздух. Столп разноцветных искр пронесся среди непроницае-

мой тьмы. Вновь раскрывая веки Верго смотрел уже не на те ненавистные ему ландшафты Помонта. Нет. С окружающим его миром произошли существенные перемены: небо, став ярче и насыщенней чем когда-либо, нависало значительно выше обычного; редкие холодные лучи солнца теперь выглядели такими теплыми и мягкими; даже подножный мох заиграл новыми красками, разукрашивая живописные предгорья. Мир стал чуточку теплее, заигрывая своими мягкими тонами с покрасневшими глазами предсказателя. И лишь где-то очень глубоко, куда глубже чем следовало, тихий внутренний голос осуждающе нашептывал столь оскорбительные обвинения. Вебер предпочитал притворяться что он их не слышит.

– Ну и проигрался я тогда! А он, сволочь такая, наверняка краплеными картами не брезговал! Ох и не нравилась мне его семерка. Было в ней нечто подозрительно... – Блиц увлеченно и при том совершенно беспечно рассказывал Голдбергу постыдные подробности своих давнишних картежных проигрышей, совершенно не замечая тихо подобравшего сзади Верго. – Ну думаю уж вы то меня поймете. Ну не так что-то было с той картой! Она мне сразу подозрительной показалась. И я еще подумал...

– Послушай парень, как тебя там... Блиц, – бесцеремонно вмешался предсказатель, будто и не замечая эмоционального накала парнишки. – У меня тут вопрос созрел, хотел бы я уточнить кое-что. Вы... Ну в смысле ваша группа ведь

«Вольный Помонт» называется, верно? Хорошо. Ваше дело это наемничий промысел. Но при этом друг друга гвардейцами кличете, в чем здесь смысл, не подскажешь?

Барон с подозрением посмотрел на довольного, излишне жестикулирующего предсказателя, что так нагло ворвался в их беседу. Вне всяких сомнений, будь Верго трезвым он бы обязательно заметил недобрые огоньки, промелькнувшие во взгляде настороженного усача. Пускай нездоровый румянец и можно было списать на безжалостно хлещущие щеки путников порывы ветра, но вот покрасневшие глаза и столь непристущая предсказателю вопиющая бестактность, выдавали его с головой.

– Ну, как вам сказать, в дне пути отсюда расположен небольшой город. Брют, слышали о таком? – быстро сменил тему своей истории Блиц, совершенно не замечая несвойственного предсказателю поведения. Вебер на секунду задумался, театрально закатив глаза, после чего разочарованно покачал головой, ожидая пояснений от юнца. – На самом деле ничего особенного он из себя не представляет: чуть больше сотни домов, маленький рынок, несколько плавилен, есть даже одна кузница. Главной его особенностью без сомнений является громадная фортификакс... фортифакц... фортификаца... В общем, высоченная стена опоясывающая город. Поговаривают, что стена эта старше самого княжества будет! И никто уже и не помнит зачем ее построили, просто так вышло что первые поселенцы что нашли ее решили, что жить

за нею то побезопасней будет. Сама стена странная до жути, угольно черная, гладкая, ни кирпичика не различишь, а прочная то какая! Ну так вот, за такой стеной как за... стеной, и разные зажиточные граждане смекнули что к чему, ну и начали в Брюте железную слюду да уголь собирать да хранить перед продажей. Такой вот вышел буфер.

– Буфер, – поправил парня внимательно слушающий Голдберг.

– Да, он самый. Пока руды не накопиться достаточно чтобы забить тюки каравана нужно чтобы кто-то ее... Ну, охранял. Сами знаете какой у нас люд тут. Ну и как-то так повелось что организовали у нас городскую гвардию. Работы где не нужно спину рвать было не шибко много, а оттого желающие быстро нашлись. Конечно, по бумажкам всяким гвардейцы должны были весь город защищать от этих... Как там их? Внешних враждебных факторов... Вроде верно сказал. Но на деле, защищали они только руду да барахлишко тех самых зажиточных граждан, от граждан... менее зажиточных. Так все и шло год за годом, пока не начали гвардейцам под самыми разными предложениями недоплачивать. Терпели они это месяц, два, а может и три, меня то лично там не было, и точно сказать не могу, но в конце концов терпение у них кончилось. Устроили они протест, да не простой, а такой, что заблокировали доступ к рудным хранилищам. Продолжалось это все около недели, пока из столицы не прислали Карателей...

– Что, тех самых, о которых столько слухов ходит? – удивленно поинтересовался Верго.

– Судя по тому, что им хватило часа чтобы всех гвардейцев вышвырнуть из города – самых что ни на есть настоящих прислали! А за ними уже прибыли солдаты что на казенных харчах сидят, им то о голодной семье волноваться не нужно. Они там и поныне находятся, а гвардейцы, точнее то что от них осталось, приблизиться к городу более не имеют права. Вот и приходится им чем попало на жизнь зарабатывать. Когда наймут караван сопровождать, когда выкурить шайку подонков из корчмы, а когда... Лучше вам и не знать, чем нам подчас приходится заниматься, – закончив свою речь Блиц слегка поник, нахмурившись так, будто вспомнил про себя что-то крайне неприятное.

– Так, а ты то как к ним присоединился? – все не унимался предсказатель. После поглощения мутного содержимого пузырька история казалась ему необычайно интересной. Он буквально сгорал от желания разузнать всевозможные подробности и думать позабыв о недавних неудобствах.

– Я бросил церковно-приходскую школу, когда мне исполнилось двенадцать. Сначала приходилось работать грузчиком, после и вовсе, перебивался случайными подработками. Как-то меня черт дернул поучаствовать в одном игровом мероприятии. Карты, сигары, деньги, вот это вот все. Понимаете, была там такая особая атмосфера, будто на миг ты выпадаешь из своего гадкого мирка в настоящую, элитную

жизнь. Решил я значит поставить немного. Все ставили, и я решил попробовать. Вот же дурак, а думал ведь тогда: «Если уж кому и должно повезти, то явно же не этим жирным зажиточным ублюдкам. Ну хоть раз в жизни удача улыбнуться то должна?». – Поморщившись, Блиц содрогнулся, уставившись себе под ноги. – Думаю, вы и так уже догадываетесь что произошло – я поплатился за свою глупость. Я был в долгах, в адских долгах, и нужно было найти хоть какой-нибудь способ чтобы регулярно платить, иначе проценты бы убили меня, похоронили бы под тем подпольным казино. – Будучи обычно жизнерадостным, с каждым погружавшим его в прошлое словом Блиц мрачнел, лишь легкая натянутая улыбка не желала покидать его губ. – Вначале перспектива примкнуть к наемникам меня пугала, но как выяснилось, с ними не так и плохо. За счет того, что мы всегда работаем в команде, шанс оказаться со вспоротым брюхом после очередной работенки не очень высок. А зачастую, нам и вовсе не приходится пускать чью-то кровь, мы сопровождаем, или же запугиваем. Сказать по правде, я жалею, что не примкнул к ним еще раньше.

– А зачем школу бросил? Если бы имел образование, может и не пришлось бы... – беспечно начал разглагольствовать Верго. Его затуманенные мысли упорно не желали поспевать за языком.

– Мистер Вебер, мне кажется, что вы забыли где мы сейчас находимся. Если в ваших краях ребенок может спокойно

и беззаботно учиться, оставляя тяготы финансового вопроса на родителей, то я очень рад за вас. Вот только в Помонте мало кому так везет, – на удивление резко осадил предсказателя Голдберг. Его голос был мягок, но в нем определенно проскальзывали обвиняющие нотки.

Верго уже готовился ответить, открыв рот, но окончательно спутавшись в клубок, его мысли решили устроить кошмарную диверсию, элементарно выбив уже готовую реплику ответа за пределы чертогов разума мужчины. Остатки здравого смысла заставили предсказателя тактично промолчать.

Он задумался – может ли Помонт предстать перед ним в еще более худшем свете? Наверняка у всего же должен быть свой предел. Предсказатель медленно осмотрел горные силуэты, что таились в полумраке, искренне недоумевая, кому вообще пришло в голову селиться в этой каменистой пустыне? Два вопроса плотно заняли собой все место, предназначенное для размышлений, а может и для сожалений, на пару.

Цветной мох красиво облагораживал предгорные пустоши, радуя усталые, слезящиеся от ветра глаза. Говоря по правде, необходимость постоянно напрягать зрение чтобы различать в вечной тени гор возможные угрозы и просто интересные особенности ландшафта неслабо утомляла глаза путников. Должно быть поэтому наемники не сразу заметили появившиеся из-за холма силуэты. Настороженно заерзав под полами плащей оружием, солдаты продолжили свой прежний курс, вынужденно сближаясь с неожиданными гостя-

ми.

После нападения жуков путникам не раз еще привиделись тени страшных псов, рассказы о которых любезно предоставил Блиц. К счастью, при ближайшем рассмотрении оные из раза в раз оказывались то булыжниками причудливой формы, то потрепанными местными погодными условиями изогнутыми растениями. В итоге, ни одной подозрительной человеко-лицей зверюги так и не было замечено.

Когда же Верго поинтересовался, почему наемники не желают использовать старый добрый бинокль, предпочитая проверять возможные угрозы лично, он лишь встречал полные недоумения взгляды, за которыми следовал один и тот же вопрос: «А что за бинокль такой?»

Насколько же это иронично, что обитатели Помонта, обуздавшие премудрости деполяризации света кристаллами шпата, так и не освоили основы оптики. Чудаки, одним словом.

Разведчик (направленный Остином осмотреть приближающихся чужаков) запыхавшись вернулся обратно к своей группе. Едва отдышавшись он выдал из себя лишь одно слово – ловакийцы. Как пожар – это слово охватило всех и каждого, оставляя за собой привкус смеси презрения и опасений. Только Вебер с навеянным настойкой оптимизмом добродушно отнесся к этой новости. Его же ближайшее окружение было решительно не согласно с такой позицией.

– Богомерзкие дикари, – прошипел сквозь зубы Блиц. –

Лучше бы оставались и дальше в своих проклятых пустынях!

– Верно, выродкам не место в федерации, и тем более в Помонте! – подхватил идею юноши конвоир кареты.

Нелестные комментарии и далеко не самые приятные пожелания посыпались со всех сторон, нагнетая обстановку. Вдоволь наворчавшись, наемники принялись с небывалым энтузиазмом делиться с друг-другом любопытнейшими рассказными о Ловакии, знатно приправляя и без того искаженные факты очевидными выдумками:

– Когда мой дед служил, то довелось ему как-то побывать там, – с деловитым видом рассказывал наемник, демонстративно поглаживая припрятанный под плащом меч. – Деда своими глазами видел, как это дикарское отродье закапывало своих усопших под порогом, в фундамент дома. Так, якобы духи мертвых будут хранить дома этих паскуд. Только подумать, закопать свою мертвую родню, вместо всеблагого сожжения! И это даже без песночтений и погребальных обрядов! Как тогда их душам добраться до чистилища?

Предсказатель чуть не рассмеялся с негодования спутника, с трудом, но все же сдержавшись в последний момент, – слишком свежа еще была память о сожженных фетишах гвардейцев, чтобы вновь портить с ними отношения. Благой акт терпимости остался незамеченным, и вот, уже другой гвардеец сам того не ведая бросает вызов испорченному чувству юмора Верго:

– Это еще что! А ты слышал, как они лечат хвори? Слышал

может историю о медовом человеке? Старики, предчувствуя свою смерть начинают в громадных количествах жрать мед, пока даже их испражнения не начинают источать медовый запах и принимать... эту, как ее? Схаррат, слово из башки вылетело! Ну в общем, и выглядеть начинают как засахаренный мед тоже! А когда-таки подышают от такой жрачки (что немудрено), то их тела засовывают в здоровые, заполненные медом бочки, оставляя настаиваться. Спустя несколько лет, от засахаренных останков отламывают кусочки и принимают как лекарство от всего на свете. Как после такого с этими сволочами вообще за руку здороваться можно? Как знать, помыл ли вонючий дикарь лаптю после того как сожрал свою засахаренную бабку?

– Да они вообще не моются. Откуда им в пустыне то воду взять? – донеслось откуда-то сзади.

Хотевший поначалу втихую осмеять все эти байки, Верго содрогнулся от отвращения, изо всех сил стараясь отогнать навеванную его разумом картинку медового человека. К несчастью, грибная настойка отлично стимулирует воображение, обеспечивая предсказателя весьма детализированной и живописной картинкой. Мужчина принялся глубоко дышать носом, подавляя рвотные позывы.

– А ведь история про медовую консервацию правдива, но практикуют это только на юге Ловакии, да и то, отщепенцы-староверы, – не преминув воспользоваться случаем вставил свой комментарий Голдберг. Вебер даже и не сомневал-

ся, что именно эта история привлечет внимание торговца оружием.

Тем временем караван туземцев неспешно сближался с группой наемников. Те в свою очередь вынужденно притихли. Группа чужаков состояла из девяти мужчин, высоких, смуглых, мускулистых как на подбор. Ловакийцы кутались в непривычные им теплые одежды, определенно малые для их комплекции: короткие рукава и штанины оголяли уязвимые части тел на радость свирепым ветрам, в то время как сами меховые одеяния едва сходились на широких плечах мужчин. Некоторые из них и вовсе носили накиннутые поверх голого торса меховые шкуры, что не стесняли движений и лучше защищали щиколотки и кисти от холодов Помонта.

Каждый пришелец был надежно экипирован длинным копьем со сплюснутым острием, покрытым множеством зазубрин, и коротким изогнутым мечем, лишенным желоба, как и всяких декораций. Лезвия диковинных клинков сохраняли одинаковую ширину почти до самого острия, на манер ятаганов. Гарды таких мечей были донельзя практичными, идеально прямыми. Рукояти – короткими, с небольшими углублениями под пальцы.

Вебер с интересом разглядывал необычные орудия убийств, искренне недоумевая зачем вообще рубящему мечу столь характерной формы гарда. Она явно не была предназначена для парирования. Но для чего тогда? Едва поднеся вопрошающий взгляд на Голдберга, кто, казалось, един-

ственный не был впечатлен оружием ловакийцев, предсказатель услышал желанное объяснение, выскользнувшее из-под усов Барона:

– Судя по всему это охотники. Да уж, такое оружие вообще не предназначено для сражения с людьми. Судя по ширине клинка можно сказать что подобными мечами перерубают лапы насекомых, – самое оно для их сегментированных конечностей. Если уж таким клинком удастся проникнуть сквозь твердую защиту жука, то гарда не позволит мечу уйти слишком глубоко. Я не раз видал подобное оружие у охотников, хотя у нас, конечно, такие инструменты не производят – спроса нет. А на копье гляньте, сконструировано как раз так, чтобы хорошенько застрять в зазорах хитиновых панцирей. Надо бы Остину сказать кто они такие, чтобы не подумал чего...

С собой чужаки везли несколько грубо сколоченных телег, запряженных псами. Белошерстые упрямы с энтузиазмом тащили свою ношу, высунув наружу длинные розовые языки. Собачьи хвосты были коротко обрезаны, но не смотря на это четвероногие умудрялись радостно вилять обрубками при виде незнакомцев. Как выяснилось при ближайшем рассмотрении, внутри телег покоились крупные тушки насекомых, преимущественно рабочих Роя, чьи полутораметровые панцири и массивные мандибулы (предназначенные для разрывания грунта) продолжали внушать страх даже при отсутствии теплившейся в них жизни. Крупные тела рабочих

были практически полностью прикрыты слоем темно-синих кусков раздробленных панцирей кольпов. Из замыкающей обоз повозки едва не вываливались длинные перепончатые крылья метровых воинов. Сложно было даже представить каких трудов стоило убийство таких дьявольски подвижных и опасных тварей. Теперь же, наиболее смелые путники имели возможность заглянуть в их фасетчатые глаза, безразлично отражавшие далекие горы в своих темных ромбовидных фрагментах.

Позабыв о столь ненавистных туземцах, наемники с интересом глазели на тела крупных прихвостней Роя, живо обсуждая размер созданий. А вот псы, получившие наконец возможность отдохнуть, с добродушной собачьей грустью, свойственной лишь представителям их вида, недоумевали: почему никто не спешит приласкать их, предпочитая столь славному делу разглядывание жучьих останков?

Обе группы, невероятно разных, но по мнению Вебера одинаково диких и невежественных людей, остановились на почтительном расстоянии друг от друга. Остин в компании своей сестры отправился на переговоры с ловакийцем назвавшимся главой туземцев. Даже будучи навеселе и туго соображая, Вебер быстро смекнул что неприятностей от гостей ждать не придется, – их лица выражали лишь усталость и безразличие, они совершенно не были заинтересованы в противостоянии группе до зубов вооруженных наемников. Люди Остина спустя пару минут наблюдений за своим лиде-

ром тоже пришли к подобному выводу, убрав наконец руки с рукоятей мечей, но вот свои жадные взгляды с добычи ловакийцев они убирать не спешили.

До наемников долетали лишь обрывки фраз, по которым было сложно судить о сути разговора. В отличии от молчаливых гвардейцев, ловакийцы безо всякого дискомфорта обменивались между собой потоками мало разборчивой трескотни, что едва напоминала человеческую речь. Никому из путников не был ведом их язык, а оттого оставалось только догадываться, о чем переговариваются смуглые туземцы.

Изнывающий от затянувшегося ожидания мозг Верго стал невпопад припасовывать к каждой услышанной реплике чужаков занятный перевод, вероятно имеющий мало общего с реальным значением их слов: «Мы отрезать их грязный бледный голова и использовать как приманка для жук. Так, Сын Земля? – озвучил одного из туземцев внутренний голос Вебера. – Да, Высокий Трава, наша поймать много вкусный жук, есть жук, сушить голова», – тот же мысленный голос мастерски перевел речь уже другого чужака. Увы, одурманенного воображения предсказателя хватило только на подобные стереотипные домыслы. По крайней мере в тот момент его это забавляло.

Озвучивал бы Верго туземцев и дальше, если бы не шальное слово, вылетевшее из уст ловакийца. Вопреки всем языковым различиям это слово было предсказателю знакомо, даже более того, оно было хорошо знакомо любому жителю

Равии.

«Анкота» – как много ассоциаций пробуждало это слово, ведь именно так называлась столица федерации, во всяком случае формально. Ни один уважающий себя коренной житель любого ее уголка никогда бы не произнес это слово в слух. Это своего рода слово-табу, позволяющие безошибочно определить приезжих иноземцев и, возможно, злобных иностранных агентов, что уже менее вероятно.

За последние семьдесят лунных лет название столицы успешно сменили не менее пяти раз. Начиная от благородного Нижнего Вальхэлма, и заканчивая безвкусной Анкотой. Для всех же обитателей федерации, столица оставалась неким собирательным образом, поэтическим воплощением незыблемого и могучего колосса, что не может быть осквернен мирскими названиями. Так же как церковь Единого смертельно обижалась одной только идее присвоить вездесущему, единственному и неповторимому богу какое бы то ни было имя, предпочитая лаконичное и незамысловатое слово «бог», жители федерации готовы были зубами перегрызть горло обидчику, посмевавшему посягнуть на светлый и непоколебимый образ столицы. Само слово давно уже стало нарицательным. Даже в захолустье вроде Помонта эта истина была хорошо известна. Вместе с предсказателем наемники демонстративно поморщились, услышав злосчастное название.

К облегчению обеих сторон, встреча главарей групп не

продлилась долго.

Как прояснилось вскоре, переговоры были не более чем актом солидарности путников. Лидеры групп обменялись разного рода информацией о погоде, наличии угроз, безопасности путей и достоверности последних слухов. По прошествии десяти минут вялотекущего разговора наемники и туземцы миролюбиво разошлись. Каждый продолжил путь в своем направлении.

Сладостно мечтая о том, как он потратит сумму своего вознаграждения, полагающегося за работу, Верго не сразу обратил внимание на Барона, обеспокоенно обсуждавшего что-то с Остином. Логично было бы предположить, что их активная дискуссия как раз-таки касалась туземцев. В ожидании чего-нибудь занятного предсказатель поспешил подойти к этим двоим, в конце концов, любая информация что только могла вызвать у его спутников такую настороженность относилась к нему в не меньшей степени.

Последний разговор Вебера с Остином не прошел бесследно: стоило Верго оказаться перед лицом главаря наемников, как последний, выражая всем своим видом что делает одолжение предсказателю, прервал свой рассказ, деликатно начав его с самого начала. Что же, это большой прогресс, днем ранее он бы Вебера и взглядом не удостоил.

– Это охотники из Ловакии, они выслеживают здесь отбившихся от стаи членов Роя и убивают их по квоте выданной федерацией, – облизнув потрескавшиеся губы прогово-

рил Остин, снимая железную флягу с пояса.

– Да, сенат любит решать свои проблемы чужими руками, – не удержался от комментария Верго.

– У нас никто не станет заниматься сбежавшими насекомыми-ренегатами, пусть уж лучше ловакийцы отлавливают этих тварей. И так каждый год десятки людей пропадают без вести рядом с глубокими норами и пещерами. Их родичи находят только пятна крови. Даже костей для похоронных ритуалов не остается, – присоединилась к разговору не отходившая от своего брата ни на шаг Арчи.

– Ловакийцев привлек наш выучный жук. Они подумали, что мы тоже ведем охоту на насекомых, что нам удалось захватить в плен тварь покрупнее, — продолжил Остин после глотка из фляги.

– Вот мне интересно, неужели они там у себя не используют «принцев»? Получается, что только отлавливают и убивают их? – вопросы Арчи, казалось, не адресовались никому конкретно, но ее взгляд упал именно на поправляющего свои седые космы Голдберга. Болтающего без умолку старика с богатой жизненной историей она расценивала не иначе как ходячий справочник.

– Хитин этих созданий дорого цениться что у нас, что у них. В Ловакии плодородных земель днем с огнем не сыщешь, да и с дорогами беды. Должно быть эти великаны им ни для сельского хозяйства, ни для перевозок не нужны, – подытожил Барон, наконец управившись с растрепанными

ветром волосами.

– С дорогами беды? – с трудом сдерживая смех переспросил предсказатель. – То есть даже хуже, чем в Помонте? Они там что, шипами покрыты?

– Почесать языком сможете позже. Охотники принесли с собой тревожные вести, – хмуро прервал праздные разговоры спутников Остин. – Со стороны Ганои приближается чертовски густой туман.

– Ну туман, и туман. Что с того? – пробормотал Верго, слегка опечаленный тем, что никто не оценил его шутки.

– Ловакийцы верят, что это не просто туман, аделки Камезиды. Как я понял это что-то вроде одного из их божеств. Конечно, в обычных обстоятельствах я бы не придавал их суевериям особого значения, вот только они утверждают, что издавна видели в дымке странных псов с неестественными мордами. Учитывая последние события, это вам ничего не напоминает? – продолжал нагнетать зловещую обстановку Остин. – Я не стану рисковать группой. Мы остановимся в ближайшем поселке и с места не сдвинемся пока туман не рассеется. И плевать мне, мистическое его происхождение, или вполне себе естественное. Туман – это отличное подспорье для засады.

Несколько секунд потребовалось присутствующим чтобы в полной мере осознать услышанное. Робкие многозначительные взгляды встретили друг друга. С трудом пережив жуткий кошмар, не прошло и дня как они узнают от встреч-

ных туземцев о возможном приближении новых проблем такого же толка. По спинам путников пробежали мурашки, за исключением, пожалуй, одной только спины Вебера, – благодаря грибной настойке он вообще слабо чувствовал все что находилось ниже шеи.

– Ближайший поселок значит? И долго до него? – поинтересовался Верго.

– С этим, – Остин указал пальцем на подскакивающую на ухабах карету, – не меньше часа. Молитесь чтобы мы успели добраться туда раньше, чем это сделает туман.

Главарь гвардейцев прибавил шаг, слегка оторвавшись от своих спутников, тем самым намекая что разговор окончен. Перед тем как отвернуться от собеседников он бросил на предсказателя крайне красноречивый взгляд из-под опущенных густых бровей. Безо всяких слов было ясно его значение: «Если ты увидишь хоть что-нибудь, любую странную мелочь – немедля дай мне знать».

Сам того не осознавая, Вебер упивался тем, что группа, а в частности Остин, наконец признали его значимость. Как бы он себе не лгал, но ощущение собственной весомости дорогого стоит. Быстро позабыв и о тумане, и о недавней встрече, он радостно вытаптывал помонтский мох, погружаясь в свои далекие, но столь прекрасные мечты о беззаботном досуге. Пускай до конца их пути еще было далеко, но его разум уже рисовал ему картину счастливой жизни, что ждет его после получения гонорара. Сладкие мечтания буквально поглоти-

ли предсказателя, утягивая его из не столь сладкой действительности.

К несчастью, ему так и не дали вдоволь пофантазировать. У мирно ехавшей впереди кареты им было замечено какое-то движение. Ее дверца приоткрылась, а из нее ловко выскочил Баронов телохранитель, лавируя между наемниками он приближался к Веберу. Наконец, в нескольких метрах фигура остановилась, практически вытянувшись в позерскую стойку:

– Его сиятельство желает вас видеть.

Предсказатель не сразу сообразил о ком идет речь, и на стойка на этот раз была ни при чем. Подумать только, какое в их группе могло быть сиятельство? Никого доселе так еще не называли в присутствии Верго, и он уже даже собирался переспросить, но, наконец, осознание личности подразумеваемой персоны пришло к нему. Речь безусловно шла о наследнике. Вебер напрягся, изо всех сил пытаясь вспомнить как его зовут. Марк – кажется именно так Риганец называл живой груз что им приходится конвоировать.

Проследовав к карете, Вебер вскочил на запятки, потянув лакированную дверцу на себя. Дверка легко отворилась, обнажая скрытое содержимое экипажа. Предсказателя встретили уже знакомые ему темно-фиолетовые сиденья, что были покрыты нежной шелковой тканью, не менее известные ему велюровые занавески приглушили свет, как только он прикрыл за собой дверцу. Весьма необычная атмосфера,

формируемая пресыщенным дорогими парфюмами спертым воздухом и давящим полумраком окутала вошедшего.

Сиденья, достаточно широкие чтобы на них можно было не только усесться вчетвером, но даже и лечь вразвалку, были тщательно уложены пышными подушками с затейливыми золотыми узорами. Верго уселся на пустующее сиденье, прямо напротив скрывающейся в полумраке фигуре Марка.

Пускай в своих виденьях предсказателю уже доводилось бывать здесь, но рассмотреть внутреннее убранство кареты в подробностях, в спокойном состоянии, он имел возможность впервые. Риганец явно не пожалел денег на покупку данного дормеза, об этом кричало все, начиная от непомерно дорогих декораций и пушистого устилающего пол ковра, заканчивая вмонтированным в потолок электрическим светильником и сетью небольших коморок-шкатулок, скрывающейся за откидной спинкой сидений. Особенно впечатляла высота экипажа – в нем можно было спокойно стоять в полный рост, что было редкостью для подобных транспортных средств. Из-за размеров выючного жука создавалось обманчивое впечатление что сама карета была вполне себе стандартных габаритов, насколько же оно было обманчиво снаружи, настолько же неправдоподобно внутри.

Юный Пальмонтский нервно восседал у самого окна, перебирая собственные побледневшие пальцы. Немного прищурившись можно было разглядеть безвкусные бежевые штаны и неясного цвета длинную тунику, что на себе носил

наследник. Поскольку в карете царила духота (чему изрядно способствовали закрытые наглухо окна), парень мог себе позволить подобную легкую одежду. Предсказатель же, будучи укутанным в весьма теплые одеяния довольно быстро начал чувствовать себя подобно молочному поросенку, запекающемуся в печи. Максимально расстегнув ворот кафтана он с нетерпением смотрел на затаившего молчание наследника, ожидая, когда же тот начнет свою речь. Надолго его терпения не хватило:

– Мог бы хотя бы проветривать здесь иногда.

– Я хотел поговорить с вами о кое-чем, – пропустив его реплику мимо ушей отозвался наследник.

Верго демонстративно развел руками, показывая свою готовность к грядущей беседе. Бледно-зеленые глаза Марка наконец оторвались от занавески, сфокусировавшись на собеседнике.

– Я слышал, что именно вы предсказали недавнее... нападение. И именно с вашей помощью нам всем удалось избежать гибели. Вы действительно можете видеть будущее?

– Ну, бывает, – Вебер намеренно дал как можно более расплывчатый ответ, ему не нравилось куда шел разговор и его особенно раздражал сидящий напротив сопляк, что весь их путь подобно трусливому кролику скрывался ото всех, а теперь нагло вызывает его на подобные беседы. Все еще находясь под действием настойки, предсказатель невольно позволял самым отвратительным чертам своего характера най-

ти выход через свое поведение.

– А вы... могли бы как-то заглянуть в мое будущее? Я конечно заплачу. Заплачу сколько скажете! Пускай я не могу сделать этого сейчас, но вскоре я стану князем и у меня будут очень большие финансовые возможности, – ломающийся юношеский голос противно корежил слова, лишая собеседника всякой веры в серьезность сделанных заявлений.

– Марк, как ты думаешь, – плавно начал Верго, намеренно растягивая слова, стараясь придать им как можно больше весомости и убедительности в противовес блянную юнца, – если бы я мог по своему желанию видеть будущее любого человека, да что там, хотя бы свое, нужно ли мне бы было на краю света заниматься твоей защитой?

– Полагаю, что нет.

– Верно. Привыкай самостоятельно отвечать на свои вопросы парень, это полезный навык для будущего князя. Если у нас с тобой на этом темы для разговора исчерпаны, тогда откланиваюсь, а то что-то соскучился я по свежему воздуху за последние пару минут.

– Вам ведь просто плевать на меня? Для вас я ценный груз, и только.

– У-ля-ля. Нет, что ты, как только меня наняли я преисполнился к тебе любви и сострадания, мальчик что вырос в шелках в окружении десятка слуг, – не сдерживаясь съязвил Вебер. – Это ведь именно так работает. Так что? Хочешь пожаловаться, как тяжело соблюдать нормы этикета,

когда поедаетшь послеобеденный десерт, или, быть может, как же непросто выбрать оттенок туники что соответствовал бы твоему глубокому внутреннему миру. Ты подожди пару секунд, думаю мне следует позвать несколько ребят из числа тех что тебя сопровождают. Пускай ненадолго отвлекутся от своих проблем и послушают о тяготах их будущего князя.

– Так вот значит, что вы обо мне думаете, – голос парня преисполнился слезливых ноток, но он стойко старался удерживать интонацию спокойной. Будь тому виной плохое освещение, или нет, но казалось, что его лицо приняло довольно отрешенное выражение. Он откинулся на спинку сиденья, глубоко вздохнув. Вздох был даже слишком глубок, едва не театрален, таким вздохом разочарованная мать укоряет безответственного сына. Подобный, вне всяких сомнений, осмысленный жест, неслабо задел предсказателя.

– Я то? О, мною это не ограничивается. Так о тебе думают абсолютно все, не обманывай себя. – Верго резко расхотелось покидать карету. Едва привстав, он самодовольно плюхнулся на подушки, вызываяще оглядев наследника. – И даже не смей говорить, что не знаешь почему так происходит. Как считаешь, насколько хорошая идея принципиально не знакомиться с людьми что рискуют ради тебя жизнью, притворяться что их не существует? Скрываться от них в этой коробке, трусливо боясь выйти, даже чтобы справить нужду? Какого отношения после этого ты к себе ждешь?

– Как будто я лично просил вас о чем-то подобном, – оби-

женно воскликнул парень.

– Как будто тебе бы хватило духу выбраться из своего кокона и нанять кого-то себе в защиту. Я надеюсь ты успел сказать спасибо своему опекуну, потому что если бы не он, ты был бы уже мертв, а может и чего похуже, – самодовольно парировал предсказатель.

– Да что ты знаешь?

– Я знаю, как солдат на южном фронте заживо съедает грибок. Знаю, что средняя продолжительность жизни в Помонте едва достигает двадцати трех лет. Знаю, как змеевики откладывают свои личинки в еще живых людей, а потом отпускают на волю, чтобы те могли распространять эту заразу. Я своими глазами видел вещи куда как более ужасные, чем любые, даже самые страшные истории что тебе доводилось слышать. Я знаю уйму людей у которых есть настоящие проблемы. И сейчас я вижу перед собой избалованную трусливую плаксу. Ну так скажите мне, ваше сиятельство, в чем я не прав?

Марк ошалело глядел на своего наглого собеседника, не отводя взгляда, не моргая. Кровь прилила к его лицу, все тело парня будто оцепенело, костяшки пальцев мертвецки побелели. Он испустил нервный смешок, за которым последовал второй и третий. Негромкий, но очень даже мелодичный смех разнесся по карете, немного озадачивая Верго. На первый взгляд, порыв веселья не нес в себе ни обиды, ни угрозы, это был просто ритмичный тихий смех, неестественно

пустой. Предсказатель даже испытал небольшой дискомфорт вслушиваясь в то, как непривычно звучит хохот, лишенный всяких эмоций. Растяни юноша его еще подольше, и Вебер начал бы задаваться вопросами о вменяемости наследника. Но все же смех затих, позволяя парню отдышаться.

– Забавно, поверите вы мне или нет, но вы первый кто высказал мне это в лицо, – признание прозвучало на удивление холодно, все плаксивые нотки вмиг исчезли из голоса юноши. – Не то что бы я этого не знал, но, пожалуй, из уст другого человека это звучит куда болезненней. Да уж, если бы я был героем какой-то второсортной сказки, то мне следовало бы поблагодарить вас за такую прямоту. Даже те, в чьем окружении я вырос до последнего пичкали меня льстивыми баснями и пустыми обещаниями, а вы высказали все при первой же встрече. Вы довольно прямолинейный человек, мистер Вебер.

– К чему весь этот цирк? – устало пробормотал Верго, не придавая большого значения эмоциональным переменам юнца. После стольких лет его нелегкой работы, юношеская переменчивость уже не могла удивить циничного предсказателя.

– Я не привык что мне говорят правду. – Наследник расслабленно осел на подушки. Отвернувшись от Вебера он уставился на тонкую серую щель окна, проглядывающую из-за занавесок. – Может смелостью и не отличаюсь, но я не идиот. Скажите мне, прямолинейный человек, если бы вас

с самого детства запирали в своей комнате наедине, годами изолируя от сверстников и окружающего мира, вы бы людей не опасались?

– Бедняжка, мне поплакать? – издевательски протянул Вебер, устраиваясь среди подушек поудобнее, на манер собеседника.

– Что же, если моего будущего вы не знаете, то можете быть свободны, – вздохнул парень кивком указывая предсказателю на дверь.

Уже разлегшийся Верго неслабо опешил от такой наглости. Терпеть подобное высокомерное обращение от своего живого груза он не был намерен. Духота кареты многократно усилила эффект настойки, что донельзя расслабила тело и ликвидировала все остатки желания вытаптывать каменистые тропинки Помонта. Слегка повернув голову, предсказатель попробовал углядеть бесстыжие глаза Марка, но в царящей полутьме смог увидеть только чудом пробившийся тонкий лучик света, белой полоской отпечатавшийся на щеке наследника.

– Знаешь, что-то я притомился. Полагаю, я останусь здесь, и не думаю, что тебе хватит храбрости пожаловаться на меня, для этого ведь придется покинуть эту роскошную безопасную карету и выйти в страшный неприветливый мир снаружи. Готов поспорить, ты этого не сделаешь. Можешь рассматривать меня как часть твоей терапии по социализации, – сонно проямлил предсказатель. Единственное за что

он корил себя в этот момент, так за то, что не рискнул обратиться в экипаж ранее.

– В таком случае вам не избежать моего нытья, дражайший терапевт, – шутя пригрозил Марк. Он совершенно не ожидал такого поворота и теперь тщательно прощупывал почву дозволенного, наблюдая за реакцией Верго.

– Я смотрю ты таки хочешь услышать мои комментарии по поводу твоих «немыслимых терзаний». Ну, если уж мы тут с тобой надолго, то я все же приоткрою окно, а то на еще один час кислорода может и не хватить. – С трудом привставая, Вебер попробовал надавить на маленькое вентиляционное окошко, отделенное от основного окна тонкой деревянной рамкой. Вопреки всем усилиям злосчастный механизм все не желал поддаваться.

– На себя, – негромко подсказал наследник. Последовав его совету, предсказателю удалось повернуть прямоугольное стеклышко, пуская внутрь поток живительного свежего воздуха. Усевшись обратно, он вызывающе заложил ногу за ногу, ожидая нового повода для ехидных шуток. Несколько секунд они оба сидели в тишине, пока Марк наконец собравшись с мыслями не начал говорить:

– Разумеется мне не доводилось бывать на фронте, и я не встречал змеевиков. Я даже не знаю, что это такое. Но не думайте, что моя жизнь сахар да развлечения. С момента своего рождения и до самой смерти я был, есть, и буду лишь инструментом в руках ваших нанимателей. Моя жизнь

стоит ровно столько, сколько они готовы за нее заплатить. Для господина Риганца я просто удачная инвестиция. Как какой-нибудь хорошенький трофей, он содержал меня в своей коллекции. При нем у меня нет своей точки зрения, нет своих желаний, и даже нет своего будущего, только будущее его драгоценного конгломерата, чьей частью я и являюсь. И вот, для инструмента пришло время выполнить свое предназначение. Когда вы закончите свою работу и получите за мою сохранность плату, то будете вольны отправиться куда пожелаете. Но не я – для меня есть лишь одна дорога.

– Какая чушь. Сынок, ты без пяти минут князь. – После поистине ужасного сна в лесу и долгой утомительной дороги, Верго приходилось прикладывать усилия чтобы не уснуть на мягком и теплом ложе. Даже тряска кареты не была в состоянии развеять сладкие чары послеобеденной дремоты, что вновь и вновь накатывали на предсказателя. Зевнув, он заставил себя принять сидячее положение, не желая сдаваться сонному царству. – Даже если сейчас у тебя возможностей не много, в очень скором будущем это измениться. Это уже ты будешь в том положении, чтобы ставить Риганцу ультиматумы и навязывать свою волю. Только не говори мне, что не знаешь, как работает феодализм.

– Вы не понимаете. В Помонте у князя нет реальной власти, это не более чем марионетка крупных корпораций. Здесь это каждому известно. Если я не буду устраивать воздвигнувшую меня силу, меня быстро заменят. Князь Кли-

мент на охоте крайне не вовремя выпал из собачьей упряжки, прямо на довольно острый сук, а его предшественник при загадочных обстоятельствах утонул в достаточно неглубокой реке недалеко от Ганой, там буквально воды по пояс. Придворный врач списал все на судорогу. О судьбе моего отца вам и так известно.

– Мне известно, что федерация горой стоит за своих ставленников. «Всякая власть от бога», – было бы их возлюбленным девизом, если бы сенат сплошь не состоял из безбожников, – наконец на полном серьезе подошел к вопросу Вебер. Со скрипом зубов, но ему все же приходилось признавать силу аргументов юноши, не смотря на это, предсказатель не был намерен проигрывать эту словестную дуэль. Признание правоты наследника выставило бы его идиотом, а этого трезвеющий Верго допустить не мог.

– Это справедливо только для ставленников политического большинства княжества. Сенат не станет портить отношения со своим главным ресурсным прииском из-за потери лицеприятного им кандидата. Пока есть другие наследники, я очень даже заменим.

– В таком случае, как только ты придешь ко власти, в твоих же интересах будет значительно сократить число своих родственников. Чужого человека Риганец на престол поставить не сможет, это уж точно. Или ты у нас миролюбивый пацифист?

– Моя родня ничего для меня не значит. Я даже не знаю их

лиц. Маловероятно что они бы пощадили меня, будь у них возможность потеснить главного кандидата. Но даже если я буду единственным Пальмонтским, это все еще не гарантирует мою неприкосновенность. Что помешает господину Риганцу взять с улицы безымянного бродягу, разодеть его, и объявить утерянным наследником, незаконнорожденным бастардом? С этим конечно будет немало мороки, но вы же не думаете, что народу княжества действительно есть дело до того, кто именно их грабит? – ловко парировал Марк, вызывающе глядя на ерзающего на подушке Вебера.

– А его конкуренты, стало быть, с радостью закроют глаза на такой произвол?

– Вы же понятия не имеете как все устроено. Может вам и ведомы ужасы фронта и жуткие пограничные твари, но вот с политикой княжества вы очевидно не знакомы. Думаете конкуренция здесь это добросовестное соперничество? Как бы не так, – крупные компании, сбиваясь в тресты выдавливают всех кто помельче, а после распределяют сферы влияния. Они не конкурируют вообще. – Порывшись за спинкой сиденья парень вытащил толстый меховой плед, поспешив в него укутаться. Принесший предсказателю облегчение прохладный свежий воздух на юношу действовал не столь благотворно. – Мне даже интересно, что господин Риганец сказал вам. Неужели пожаловался что ему не дают вести дела, забыв упомянуть что речь идет о делах на чужой доле рынка?

– Говоря по правде, мой наниматель был не то чтобы

очень многословен, по крайней мере по части подробностей, – задумчиво выдавил из себя Верго. Их встреча с Риганцем состоялась только вчера, но сейчас казалось, что уже прошло не меньше недели – настолько много событий произошло. Припоминая их разговор во время заключения контракта, предсказатель мысленно пробежался по запомнившимся ему репликам друга Голдберга. Напряженный умственный процесс на удивление быстро отрезвлял, вытесняя состояние приятного пустоголового блаженства, на смену которому пришли его старые приятели: боль в ногах и зуд от укусов. Ценой столь печальной утраты Вебер смог восстановить картину той злосчастной встречи, расставив все в хронологическом порядке. Тогда, из уст Риганца не донеслось и слова о проблемах его бизнеса. Многим позже, уже Барон решил просветить нанятого предсказателя, приоткрыв завесу тайн над мотивацией друга.

Верго отвесил себе мысленную оплеуху за доверчивость. Глупо было верить на слово торговцу смертью, так же глупо, как и верить на слово кому угодно. Неужели за годы своей работы предсказатель так и не усвоил что следует поддавать сомнению все и вся? Как показывает практика, если взять наихудший вариант развития событий, и наилучший, истина как раз и будет посередине. У него нет резона доверять каждому слову наследника, но аргументы того стоило бы включить в общую картину событий, как один из возможных вариантов. Впрочем, какое до всего этого дело человеку что

оберегает любой, даже самый прогнивший изнутри человеческий груз за деньги?

– Ну, похоже, что тебе придется провести остаток своей жизни в шелках и роскоши, в окружении прислуги. Пускай и в роли марионетки, это не худшая жизнь, поверь мне.

Карета резко подпрыгнула враз с попавшим под колесо крупным камнем. Ось транспортного средства на несколько мгновений накренилась, чего хватило, чтобы задумчивый Верго, не успев за что-либо ухватиться всем своим весом повалился на дверцу, умудрившись болезненно удариться головой даже не смотря на наличие тонкой мягкой обивки. Это уже второй раз за их путешествие, когда громоздкий экипаж безжалостно травмирует предсказателя, – по злой иронии последний вновь слегка прикусил язык. На сей раз обошлось без стекающей с подбородка струйки крови, но неприятный привкус металла во рту все же о себе напомнил. Потирая ушибленный лоб, Вебер задумался о том, что ему следовало бы рассмотреть вероятность существования кармы.

Наследник, видимо уже привыкший к подобным встряскам, умело удержался в вертикальном положении, схватившись за спинку сиденья. Предсказатель мог бы поклясться, что за пеленой полумрака юноша снисходительно усмехнулся, наблюдая за неуклюжим соседом. Слегка наклонившись, мальчишка заговорщицки прошептал собеседнику:

– Собственно, я вот подумал, если уж мне не уклониться от своей судьбы, можно было бы попробовать внести в нее

кое-какие коррективы. Как вы смотрите на то, чтобы работать на меня после того как я стану князем? Если вы сможете уберечь меня от гнева Риганца и ему подобных, я озолочу вас. С такой защитой я смогу попробовать...

– Отказываюсь, – не дослушав, прервал юношу предсказатель. Своим взглядом он впился в недоумевающего Марка, что так и застыл на полуслове, не зная, продолжать ли ему, или попробовать увести беседу в другое русло. Недвусмысленный вопрос повис в воздухе, и Верго не стал долго затягивать с ответом. – По окончании этой работы у меня наконец будет все необходимое для спокойной жизни, и мне больше не будет смысла рисковать жизнью ради кого-то вроде тебя. Но что самое важное, даже желая обогатиться, а я весьма алчный человек, в чем каюсь, я бы не стал сотрудничать с тобой. У тебя нет воли, нет мужества, нет внутреннего стержня. Если уж кого и поддерживать, то господ вроде Риганца и Голдберга, именно за такими будущее. Сопляки и неженки ничего и никогда не добиваются сами. Думаю, мой ответ был достаточно исчерпывающим.

– Вот как, – вмиг поник Марк. Его мимолетный триумф, вызванный недавним казусом, исчез без следа. Теперь юноша вновь походил на того запуганного мальчишку, которого увидел перед собой предсказатель только забравшись в карету. Надувшись, малец промямлил:

– И все же, вам просто не понять, как это тяжело – противостоять судьбе, когда все против тебя.

Вебер рассмеялся. Нет, это трудно было назвать обычным смехом, ведь это был скорее громогласный хохот, столь громкий, что его можно было услышать и за пределами кареты. Подобно непрекращающемуся спазму, смех выбивал из предсказателя остатки дыхания, не позволяя вымолвить и слова. Юный Пальмонтский испуганно вжался в подушки, боясь даже шевельнуться в коконе из разномастных тканей и мехов. Наконец, предсказатель смог себя утихомирить, слегка посмеиваясь сквозь сжатые зубы.

– Сынок, вся моя жизнь – это противостояние судьбе. И пускай погаснет солнце, если я не в шаге от конца этого кошмара! – он сделал драматическую паузу, пустым взглядом пробуравив вентиляционное окошко, сквозь которое иногда пробивались одинокие солнечные зайчики. – Хорошо, раз уж мы тут друг другу душу изливаем, то и я расскажу тебе одну историю. Историю с весьма прозаичной, но оттого не менее актуальной моралью, – на секунду умолкнув, Вебер задумался о чем-то крайне туманном и далеком, продолжив нехотя, с трудом подбирая слова:

– Начало эта байка берет в старой части федерации, в республике Танголла. Славный солнечный край, полный сельскохозяйственных угодий, но лишенный долгосрочных перспектив. В тихом затхлом захолустье, в небольшой семье родился мальчик, назовем его Нил. Нил де Голль. В той убогой деревушке откуда Нил родом, не было ни школы, ни даже толковой работы, если конечно не считать за таковую работу

в поле. Но мальчик не хотел закончить жизнь бедным убогим фермером, и он нашел один выход, возможность выбиться в люди – военная служба. Армия Равии не только способ получить бесплатное образование, но и какая-никакая карьерная лестница. Едва дождавшись пятнадцатилетия, де Голль оставил отчий дом и отправился отдавать долг родине. Как жаль, что он тогда не знал насколько велика была его задолженность...

Глава 6. История Верго Вебера

Шел славный 903 лунный год, запомнившийся большей части Равии как год отличного виноградного урожая, что не могло не сказаться на изготовлении уже не столь отличного, но все же довольно крепкого алкоголя, который впоследствии можно будет встретить практически в любом питейном заведении еще не менее двух десятков лет спустя.

Молодому, но крайне амбициозному Нилу, пребывающему по долгу службы на юге у дальних границ федерации, этот год запомнился по совсем другим причинам. Тропический ад в который он угодил сильно выделялся на фоне всего что юному де Голлю доводилось видеть в своей жизни. Даже изнурительный учебный лагерь, что неспешно, с особым садистским удовольствием пережевывал новоприбывших курсантов, не шел ни в какое сравнение с местами его нынешнего пребывания.

Говорят: «Тяжело в учении – легко в бою», – к сожалению, к третьему месяцу пребывания в Као эта избитая истина казалась юноше насмешкой. Самопровозглашенная республика встретила уставшего от непомерно длительной дороги Нила невыносимой духотой и фантастически высокой влажностью. Солнце практически никогда не проглядывало из-за облаков, но его не прямые лучи все равно умудрялись доводить солдат до бессильного бешенства. На улице все время

парило, каждый сантиметр кожи покрывался чередой мелких капелек пота и испарины. В помещениях же не имело смысла прятаться, поскольку там попросту не было чем дышать.

Высокая влажность не лучшим образом сказывалась на хранении припасов. Постоянно что-то портилось и начинало преступно гадко вонять, привлекая мошкарку. Вышестоящее начальство не придумало ничего лучше, чем сжигать все накапливающиеся отходы на регулярной основе, благодаря чему каждое утро вблизи казарм стоял трудновыносимый смрад горящего мусора. Периодически запах становился настолько отвратным, что сослуживцы полушутя выдвигали свои версии о сжигаемых на кострах трупах. Самое страшное, никто не знал куда девались трупы на самом деле.

Наибольшим откровением для Нила стало обилие мертвых тел что проходило через лагерь: пять-шесть мертвецов в неделю считалось здесь нормой. Как он сразу заметил, не смотря на всю свою отвратность, юг был тихим местом, здесь не устраивали крупномасштабные баталии, не проводили осады. Как правило все заканчивалось бесшумной резней. И трупы продолжали поступать: большие, маленькие, вонючие, и еще более вонючие. Иногда было сложно сказать от кого воняло больше, от немых потных дневальных, или от уже разлагающихся тел.

Лишь спустя месяц с момента своего прибытия де Голль более-менее прояснил для себя что их отряд вообще тут де-

лает. Начальство всегда было скупо на комментарии, и все чего от них можно было дожидаться так это донельзя формальные приказания, поступающие ежедневно по телеграфу. Короткие сообщения обычно информировали о необходимости передислокации, потребности в очередном складе, отстойнике или еще чего в этом духе. Вполне возможно, что к приказам таки шли какие-никакие пояснения, но, видимо, их прапорщик не считал нужным делиться такими мелочами со своими подчиненными.

От более опытных сослуживцев Нил смог разузнать чего ради тут все это устроили. Группа местных экстремистов (крайне недружелюбных по отношению к нынешней власти) провозгласила часть территорий федерации независимой республикой, требуя суверенитета и соответствующего уважения, во всяком случае такова была официальная повестка. О реальных причинах экспансии тропического пекла оставалось только догадываться. Что неудивительно, руководство Равии щедро обеспечило Као всем требуемым уважением, пять батальонов чистейшего уважения, если быть точным.

Сложно было сказать против кого именно они все воевали, и воевали ли вообще, – пребывание в Као больше походило на выживание и борьбу за целостность своего тела. Те курсанты которым посчастливилось провести здесь около полугода объяснили Нилу как можно легко вычислить матерого солдата, прозябающего здесь уже давно: легче всего это

было сделать по наличию обильно разросшегося плетоядного грибка на стопах, помимо этого, неплохим показателем также служила постоянная апатия, – пробывшие здесь слишком долго солдаты более не отмахивались от насекомых, не протирали ежесекундно лоб от пота, даже не закрывали нос от тошнотворного запаха по утрам. А запах, между тем, становился все более невыносимым. В целом, не возненавидеть новообразованную республику новоприбывшим было просто невозможно.

Прибыв в Као в составе санитарного корпуса, Нил был приставлен помощником к врачу части, прочно обосновавшемуся в пределах лагеря. Де Голль всем сердцем был благодарен что ему не приходилось осуществлять вылазок во враждебные тропики, но в то же время проклинал судьбу за необходимость целыми днями заниматься болячками солдат.

Врач, будучи непосредственным начальником Нила, практически всегда отсутствовал, и парню приходилось неумело врачевать недуги нескончаемого потока бойцов своими силами, не отрывая глаз от многочисленных медицинских трактатов (благо они хотя бы были). Сыпи, подкожные паразиты, аллергические раздражения, незаживающие ранения – таково было поле боя разрывающегося на части Нила.

Малоопытность новоиспеченного санитаря едва ли кого волновала. Пускай коллеги де Голля и помогали ему по мере возможности, у них определенно не было времени на полно-

ценное обучение парня. Скучных медицинских знаний что юноша получил в учебном лагере только и хватало что на оказание первой медицинской помощи да ассистирования более опытным врачевателям.

Конечно больным не очень нравилось, когда их лечащий врач в наглуую вычитывал о особенностях их хвори перед самым их носом, но что примечательно, особого выбора у них все равно не было.

Постоянные стрессовые условия постепенно превращались в рутину, а медицинские знания Нила довольно быстро множились, сопровождаемые немалой толикой бесценного личного опыта. К концу третьего месяца своего пребывания в южной республике де Голль научился мастерски вскрывать гнойники и вполне себе сносно сшивать ранения. Одного только взгляда на кожное новообразование ему хватало для постановки диагноза и последующего назначения соответствующего лечения, хоть беря во внимание скудность медицинских запасов их части, долго выбирать из возможного ассортимента лекарств не приходилось.

В свободные от изнурительной работы часы, Нил теперь мог позволить себе беспечно прогуливаться по лагерю, мечтая о будущем обучении в медицинской академии, что он сможет себе позволить по окончании службы. Двухлетнего жалования как раз должно было на это хватить. Да, однажды он сможет наконец покинуть эту дыру, выучится на настоящего доктора и жить припеваючи где-нибудь в центре боль-

шого провинциального города федерации. Из объятий столь сладких мечтаний его неустанно вырывала отвратительная вонь сжигаемого мусора, что теперь появлялась и ближе к вечеру. Шутки про сожженных мертвецов более не казались ему смешными.

Стоило сказать пару слов и о их лагере: грубый, наспех стянутый двухметровый частокол полукругом опоясывал древнее строение прилегающие к высоченному горному склону. В центре лагеря располагался не то храм, не то фортификация – громадное угловатое нечто, состоящее из крупных каменных кирпичей, по всей видимости тут же и добытых. Из лагеря вела всего одна дорога свободная от раскидистых крон терминалий и бамбуковых зарослей.

Начальство целыми днями не выбиралось из приятной прохлады каменного храма, в то время как обычным воякам приходилось скрываться от плотоядной мошкары по душным тканевым палаткам, расставленным ровными рядами в некотором отдалении от частокола.

Все спасались от жары как могли, все, за исключением небольшой группы солдат, обливающихся потом у входа в лагерь. Это был отряд быстрого реагирования, в любую секунду готовый к бою, хотя по их полуобморочному виду так и не скажешь. Туда попадали провинившиеся перед офицерским составом бедняги, вынужденные не менее восьми часов стоять в полном кожаном обмундировании, молясь про себя о тепловом ударе что освободил бы их от мук. Не ме-

нее десяти килограммов дубленой кожи, полуторакилограммовые стальные мечи и весящие не многим меньше ножны, на пару с тяжелой опоясывающей сумкой – вот их Сизифов камень. Помимо группы проштрафившихся бедолаг у самых ворот стояли полусонные часовые, неуклюже опирающиеся на свои копыя. Именно они раздвигают створки, когда в лагерь приезжает очередной конвой.

Недавно прибывший в Као человек может удивиться: если столичное солнце столь далеко отсюда, еще и прикрыто облачным покровом, какого же черта тут всегда так жарко? Всему виной была незаурядная геотермальная активность, буйствовавшая у ничего не подозревающих солдат под ногами, в подземной глубине. Треклятый жар, вместе с паром и пылью поднимался с поверхностей скал и земляных разломов, разогревая тропический воздух. В отличии от не жаростойких людей, растения и насекомые чувствовали себя здесь вполне-таки вольготно. Людской ад был самым настоящим раем для разнообразных кровососов. Да что там, некоторые солдаты, утратив веру в мази и природные средства, от отчаяния обмазывались обыкновеннейшей грязью, спасаясь от прожорливых полчищ.

Во всем этом мраке армейской обыденности таки был один лучик света – пища. Стоило признать, кормили действительно недурно. Поставки продуктов осуществлялись на регулярной основе, и что самое удивительное, вместо настоящей легенды солдатского рациона, в ипостаси квашен-

ной капусты с жесткой вяленой рыбой, раз за разом приходили действительно качественные консервы, разбавленные свежими овощами, фруктами и выпечкой из ближайшей деревни. Сослуживцы Никола не переставали вглядываться в маркировки жестяных изделий, но вопреки их опасениям со сроком годности все было в порядке. Небывалая щедрость федерации удивляла даже больше исчезающих куда-то трупов. Конечно, в расклеенных по большинству поселков Равии патриотических листовках упоминалось качественное трехразовое питание, но даже самый законченный оптимист не решался воспринимать их всерьез.

Большая часть консервов представляла из себя крупные, литровые жестяные оболочки, скрывающие в своем нутре что-нибудь из грибного меню. Для большинства солдат, в кругу их семей грибы и так были привычной пищей, так что никто особо не жаловался. Грех было возмущаться такому славному разнообразию: грибные зразы с золотистой корочкой, поджаренные с лучком шампиньоны, грибные запеканки со сливочной подливой, маринованные сыроежки с томатами, но вот вершиной этого гастрономического чуда оставался неповторимый жульен из лесных грибов. Никогда в жизни де Голль не поверил бы что консервы могут быть такими вкусными. Каждый прием пищи становился маленьким праздником, сопровождаемым почти что детской нетерпеливостью – что за вкуснятина будет на этот раз? Что до остальных продуктов, по крайней мере повар хотя бы старался сде-

лать свою стряпню съедобной. Увы, на фоне содержимого чудесных жестяных вместилищ грибного счастья все его по-туги оставались практически незамеченными.

Помнится, в те далекие времена Нил даже еще слегка уважал свое начальство, что обеспечивало столь отдаленный боевой пункт дорогостоящим съестным. Жаль только, что на остальные припасы это не распространялось: телеги рассыпались от старости и перегруза, униформа редко кому подходила по размеру, а треклятых ламп вечно не хватало. Электричество было особенно болезненной темой. Пускай лагерь и был оснащен собственным генератором на основе целой кучи скрепленных вокруг печки термопар, его производительность оставляла желать лучшего. Мощности прибора едва хватало чтобы запитать покои офицерского состава. Обычным смертным о гулких вентиляторах несущих благоговейную прохладу и мечтать не приходилось, не говоря уже о ультрафиолетовых манках для насекомых, заботливо расположенных в спальне штабс-капитана. О таком чуде инженерии здесь никто даже и не слышал, увидев подобное, вероятно, ефрейторы бы приняли прибор за странную непрактичную лампу, да и выкинули бы от греха подальше.

Новости доходили до служивых с изрядным опозданием, если конечно речь идет о настоящих новостях, а не федеративной пропаганде, вливаемой в уши личному составу каждое утро при построении. Солдаты жадно вчитывались в обрывки газет, в которые заворачивали доставляемые продук-

ты. Впрочем, нередко оказывалось что использующиеся вместо упаковки бумажные издания к моменту прибытия в часть теряли свою актуальность.

Самое забавное, что существовала вполне себе недвусмысленная директива, запрещающая поставлять военнотружущим любой новостной материал не прошедший соответствующую цензуру. На деле же, никому не было дела до того что солдаты читают в свое свободное время. Чем бы дитя не тешилось, лишь бы не саботировало.

К концу шестого месяца своего пребывания в Као, Нил перестал считать следы от комариных укусов на своих руках и лице, равно как и перестал мазать кожу какими-либо средствами – все равно ничего не помогало.

Армейская жизнь, казавшаяся раньше худшим из возможных кошмаров, превратилась в серую репетитивную обыденность. За все это время ему так и не довелось побывать в реальных боевых действиях, так как медики в их части были на вес золота. Умелых рук, способных аккуратно стянуть края раны и быстро снять воспаление, – вечно не хватало. Да что там, за целых полгода он лишь дважды покидал лагерь, чтобы по необходимости оказать помощь тяжелобольным в близлежащей деревне – Тархат. Это был тот самый поселок, с которого они каждую неделю получали свежие продукты в виде фруктов и выпечки. Милое место, в сравнении с остальными достопримечательностями республики конечно. Не смотря на свою отдаленность и труднодоступность,

деревня, представляющая из себя чуть больше сотни бамбуковых домиков на жердинах, была электрифицирована, через нее даже проложили линию телеграфа, разумеется сугубо по военным нуждам.

Побывав в Тархате редкий путник не умилился бы красоте местных дам. Низкорослые прелестницы со смугловатой кожей и длинными, заплетенными в косы черными волосами сновали тут и там, хлопоча по хозяйству. Лишь изредка эти трудолюбивые создания останавливались на мгновение, чтобы одернуть традиционную короткую зелено-желтую юбку, под которую все норовили заглянуть проходящие мимо солдаты. Неудивительно что мечтой каждого новоприбывшего было проскользнуть в деревню на денек другой. Но лютый прапорщик был непреклонен, с особым садистским удовольствием карая тех, кто осмелился покинуть лагерь без разрешения. С каждым привозом новоиспеченных солдат, страдающая от жары неподалеку от ворот группа провинившихся военнослужащих пополнялась новыми членами.

Помыслы Нила были где-то там, в деревне со столь пришедшимися ему по душе девицами, когда он впервые встретил источник своих будущих проблем. Уставший парень лениво выслушивал жалобы очередного пациента, осматривая наросты на коже, пока не поймал себя на мысли что еще не встречал подобных симптомов. Он еще раз внимательно осмотрел розоватые припухлости на которых росло что-то вроде колоний вируса папилломы.

Со слов больного, все это началось после очередной разведывательной вылазки, наросты нестерпимо чесались и множились с пугающей скоростью. Днем ранее их количество не превышало пяти, сегодня же не менее сотни мелких папиллом торчало из воспаленной кожи. Помимо этого, пациент жаловался на странную слабость и обильное потоотделение. Симптомы не были похожи ни на что из ранее описанного в медицинских трактатах. Озадаченный де Голль успокоил солдата, заверив что ничего страшного это заболевание из себя не представляет, после чего посоветовал мазать наросты концентрированным спиртом и пить разбавленный хинин несколько раз в день. Не смотря на внешнее спокойствие Нил был взволнован столь стремительно прогрессирующей заразой, после приема он несколько раз помыл с мылом руки и лицо, чтобы обезопасить себя от возможного заражения. Не забыл он и взять немного образцов с нароста с целью позже показать их доктору.

С того самого приема почти все мысли парня были о странном заболевании. Его смутное беспокойство начало активно перерастать в серьезную озабоченность, когда через день к нему пришел еще один человек с такими симптомами. К этому моменту Нил уже был серьезно встревожен долгим отсутствием доктора. Разумеется, его руководитель пропал и ранее, но как же это было не своевременно в этот раз! Тем временем по лагерю поползли мрачные слухи.

На той же неделе в санитарный корпус заглянул престаре-

лый обезображенный многочисленными войнами лейтенант, он выдал указания касательно нового заболевания: при первых же характерных признаках этой болезни санитары должны отправить больного ко входу в каменный храм, сопроводив личным делом и выпиской, свидетельствующей о подтверждении диагноза. Также лейтенант приказал по возможности минимизировать контакт с зараженными и использовать как можно больше средств личной защиты. С того самого дня все медицинские работники были обязаны приходиться на личный медосмотр к главному врачу части, каждые двое суток.

Ввиду отсутствия других комментариев, как и каких бы то ни было пояснений, в кругу санитаров началась если не паника, то запущенная паранойя. Закутавшись в медицинские одежды и обмотав нижнюю часть лица пропитанным травяной настойкой лоскутом ткани, они теперь предпочитали избегать тактильного контакта с пациентами, во всяком случае, когда это было возможно. Подобное поведение не осталось незамеченным, солдаты без конца спрашивали о причине таких мер предосторожности, но медики лишь нервно ссылались на новые директивы от начальства, – никто не хотел распространять панику, равно как никто не хотел отчитываться о своих неаккуратных заявлениях перед лейтенантом.

Количество заболевших таинственной хворью множилось катастрофически быстро, и возможно именно поэтому спу-

стя десятков дней с момента первого выявления болезни в лагерь прибыла команда врачей из столицы. Эти ребята не на шутку перепугали солдат: их белоснежные длинные одеяния с черными полосами на рукавах и манжетах, вкуче с видоизмененными респираторами, закрывающими почти все лицо, придавали прибывшим поистине устрашающий вид. Специалисты вели себя очень скрытно, они группами прочесывали лагерь, изредка осматривая личный состав. Отказываясь отвечать на любые вопросы, белые фигуры мрачно переговаривались о чем-то, иногда указывая на каменный храм. С момента их прибытия охрана лагеря удвоилась, патрули ходили теперь не только у частокола, но и вблизи храма у входа в который теперь на постоянной основе стояло не меньше шести человек.

Обязательные медицинские осмотры, начавшиеся с санитаров, теперь стали обыденной частью жизни всего личного состава лагеря. Перемены затронули даже расписание вылазок. Теперь группы покидали лагерь не чаще двух раз в неделю. Но все же самым страшным аспектом этой новой обыденности стала пропажа людей, – ни один отправившийся к храму зараженный так и не вернулся.

Начальство утверждало, что все больные находятся под строгим карантинном и должны быть отделены от основной массы сослуживцев ради общего же блага. Вот только отвратительный запах сжигаемых органических отходов с тех пор стал доноситься из-за частокола еще чаще. Солдаты уже по-

просту боялись озвучивать свои мысли на этот счет.

Какое-то время спустя Нилу посчастливилось наткнуться на человека что таки смог приподнять завесу над этой тайной. К концу своей рабочей смены, уставший и замученный духотой де Голль осматривал неглубокое ножевое ранение заглянувшего к нему сержанта, прибывшего напрямиком из разведывательной группы. Угрюмый мужчина с растрепанной шевелюрой пустым взглядом буравил ткань палатки. Свет исходящий из керосиновой лампы, недурно освещавшей запекшееся ранение, формировал на лице сержанта длинные глубокие тени, подчеркивая его и без того резкие черты.

Закончив зашивать края раны и смыв водою засохшую кровь, Нил устало протер лоб, убирая скопившиеся там капельки пота.

– Скорей бы уже это все закончилось. Не терпится снять с себя чертов балахон и забыть все это как страшный сон, – пробормотал юный санитар ополаскивая рабочие инструменты.

– Можешь на это не рассчитывать. Зараженных будет только больше, – гулким басом огласил сержант, растирая затекшие от пребывания в неподвижной позе конечности.

– С чего бы?

– Это очевидно. Весь лагерь уже заражен. Это лишь вопрос времени, когда проявятся симптомы. Все мы закончим в тех ямах для сожжения тел.

Нил похолодел. Не смотря на то, что сержант не предоставил никаких доказательств, и вероятно просто озвучил свои мысли, заявление прозвучало очень даже жутко. Подпитываемый неумемной фантазией и последними нерадостными событиями страх подобного исхода изо дня в день креп в юноше. Сглотнув, санитар решил навязать разговор, интереса ради:

– Откуда же такая уверенность?

Привставший с кушетки сержант отхлебнул из припрятанной фляги, после чего полил зашитое ранение небольшим количеством спиртного, изрядно поморщившись, но не проронив при этом ни звука. Стойкий вояка слегка наклонил голову в сторону Нила, оценивающе окинув санитаря взглядом.

– Думаешь там наверху ничего не знают? – Вместе с запахом перегара и удушающим смрадом недельного пота до де Голля долетел снисходительный смешок сержанта. – Ты, чертила, работаешь с этим каждый день и должен понимать, что никакой это не вирус.

– Грибок. – Нил демонстративно держался отстраненно, стараясь не выдавать своей заинтересованности. – Что-то вроде плесени. Разумеется, я изучал образцы в лаборатории.

– Даже местные никогда не видели ничего подобного. Это дерьмо не из этих мест.

– Из этих или нет, не думаю, что штабс-капитан сгноит весь лагерь. Сюда ведь даже прислали команду врачей из сто-

лицы. – Де Голль нащупал в карманах санитарной формы блок дешевых сигарет. В те далекие времена он еще курил, нередко и в присутствии пациентов. Последние зачастую были довольно безразличны к этому факту, – не курить в армии сродни героическому подвигу. Большинство и вовсе было не прочь задымить на пару с санитаром, хоть уставом и строго-настрого запрещалось курение в помещениях и наметах. Затянув густой горький дым из папиросы без фильтра, Нил не сводил глаз со своего гостя, облокотившись о стоящий рядом грубо сбитый деревянный стул.

– Это не врачи, – еще раз противно хихикнул сержант. – И они приехали сюда вовсе не спасать наши шкуры. Сынок, хочешь знать истинную причину по которой мы здесь подохнем?

– Допустим.

– Грибок притащили сюда жуки, чтобы защитить от нас свои земли. Видимо приняли весь этот военный фарс за наступление на, мать их, свои жучьи права, – проговорил вояка с придыханием. Искажавшие лицо сержанта тени податливо отступили с его переносицы, когда он внезапно сделал шаг в сторону де Голля.

– Великий Рой? – Вопреки тому, что юноша был одновременно напуган и заинтригован, санитар старательно сохранял свой невозмутимый образ, не поведя и бровью при приближении собеседника.

– Нет. Местные, южные ренегаты. Эта часть ползучих га-

дов давно откололась от Роя. Они жестче, хитрее, безжалостней. Эти сволочи где-то раздобыли грибок и теперь растаскивают его по лесам. Они помечают закопанные грибницы феромонами, чтобы обезопасить своих. Даже псы не всегда могут учуять эту гадость. Мы и подавно. Достаточно просто наступить ногой на странный мягкий холмик, и все эти споры... – Сержант плавно закатал штанину, открывая взору Нила нелицеприятную картину. Сигарета беспомощно выпала изо рта санитаря, но тот даже не обратил на это внимания. Его глаза были прикованы к ноге посетителя. Каждый открывшийся ему сантиметр кожи, что только был виден в свете керосиновой лампы, покрывала тонкая белая пленка, скрывающая под собой неестественно розовую плоть. Подобно грибам, поднимающимся из-под опавшей листвы после дождя, из множества лопнувших участков белой пленки торчали крошечные гроздья наростов. Создавалось впечатление что нога была садом для этой чужеродной человеку формы жизни.

Де Голль так и застыл с открытым ртом. Он хорошо знал, что должен был делать в такой ситуации согласно правилам, но все еще раздумывал о возможных последствиях для своего здоровья. Если он попробует позвать на помощь или даже задержать сержанта самостоятельно, то велик шанс что чудной вояка может выкинуть что-то, например, бросившись со своей насквозь проеденной грибком конечностью на санитаря. Нил стиснул кулаки, но так ничего и не предпринял. На-

прыгнувшись всем телом он был готов в любой момент рвануть прочь из палатки. Но что-то удерживало его, уж точно не вера в человечность собеседника, что-то более похожее на неутолимый интерес.

Сержант подошел еще на шаг ближе. Наконец свет лампы осветил его глаза: нечто темное и ужасное, это были пустые глаза человека не просто смирившегося, но уже принявшего свою смерть. Два темно-карих колодца, что проглядывали из-под густых черных бровей, утягивали в себя все внимание Нила. У живых людей, по крайней мере тех, что еще считают себя живыми, такого взгляда быть не может.

Вопреки всем опасениям санитаря сержант отступил, опустив свою штанину. Вояка явно был доволен тем как сильно смог напугать Нила, о чем свидетельствовала расплзшаяся по его лицу глупая ухмылка. Еще раз отхлебнув из фляги, тот вразвалку отправился к выходу из палатки.

– Все мы там будем, – уходя заявил сержант. – От этой хвори, или же от их опытов, это уже не важно...

Дивный гость покинул юного санитаря, оставляя парня в смешанных чувствах. Нил хотел бы расспросить безумного солдата о упомянутых опытах и том, откуда он все это знает, но все же решил сдержать свои позывы, ради собственного же блага. Тщательно помыв лицо и руки с мылом, парень отправился докладывать о необычном происшествии. Войны, даже такие вялотекущие, ломают людей. Нил не был уверен стоит ли верить словам человека, едва дружащего с

собственным рассудком, но беда то была в том, что верить сказкам начальства хотелось еще меньше.

Направляясь к офицерскому шатру, морально подготовившись к написанию пояснительного рапорта, де Голль застыл на мгновенье, заметив необычное оживление у входа в каменный храм. Последнее время привратники храма выходили из своего оцепенения только когда к ним приходил сдаваться новый зараженный. С самого начала эпидемии, когда люди начали пропадать в недрах древнего строения, солдаты стали всячески избегать его входа, подсознательно страшась неизвестной участи. И вот, кто-то потревожил охрану, выводя их из сонного состояния.

На роль их сегодняшнего гостя Нил мог ожидать кого угодно, только не своего нового знакомого. Приоткрыв рот и вопросительно изогнув брови он наблюдал как охрана записывает в реестры и забирает личные вещи у того самого сержанта. Этот безумец добровольно пришел к ним сдаваться с поличным! Юный санитар с трудом верил своим глазам – что творилось у этого вояки в голове?

Тем же днем пошел сильный дождь, это был один из тех типов тропических дождей, что не приносит облегчения от царящей духоты, но еще больше повышает влажность воздуха, вызывая столь ненавистный служивыми парящий зной. Поднимающаяся от земли испаряющаяся влага загнала всех, кто был не занят делом в свои палатки. Тропинки в лагере настолько размыло, что группе инженеров, не вовремя по-

павшейся на глаза вечно злому лейтенанту, пришлось наспех укладывать проходы между рядами наметов длинными обтесанными досками, позволяя жильцам лагеря хоть как-то передвигаться, не боясь увязнуть в грязи.

Время шло ко всеми ожидаемой команде «отбой». Всеми, за исключением одного бледного санитаря, что сидя подле своего рабочего места после долгого и плодотворного рабочего дня выкуривал одну сигарету за другой, стараясь унять дрожь пальцев. От клубов едкого табачного дыма витавших в палатке, у Нила слезились глаза, но он все никак не мог найти в себе силы и желание чтобы встать и содрать пропитанную льняную ткань что плотно загораживала выход, не пропуская сквозь себя ни теплый влажный воздух Као, ни плотный горький дым. Парень раз за разом оглядывал свои руки, задирали полы халата чтобы осмотреть лодыжки, силился заглянуть себе за пазуху. Не могло пройти и пяти минут, чтобы ему не почудилось что какая-то часть тела неестественно чешется, но оголяя ее, он с облегчением убеждался в отсутствии видимых симптомов хвори.

«Тебе просто кажется. Ты совершенно здоров. Кожа чешется, но в этой дьявольской тропической дыре она всегда чешется. Грибка на ней нет», – проносилось у него в голове пока юноша скрупулезно осматривал свои запястья и бедра. Он уже сбился со счету того, сколько раз за день вымыл руки с мылом. Кожа на них определенно не скажет ему за это спасибо, но сухость и шероховатость кожных покровов – это

последние невзгоды что волновали Нила в этот миг. Больше всего на свете он боялся обнаружить на себе до боли знакомые наросты.

Говорят, что страх и нервы ослабляют иммунную систему, быть может это и послужило причиной того, что спустя двое суток обомлевший де Голь обнаружил порозовевшую кожу на собственном локте. Из-под нее маленькими наростами пробивались крошечные грибы.

Может нервы тут и не при чем, и заражены в лагере если не все, то по крайней мере большинство. Это Нила уже не интересовало, в его голове за считанные секунды формировались и обращались в прах планы, рассыпались надежды и мечты, оставляя за собой горькое послевкусие, такое же горькое как сигаретный дым, которым уже успела пропахнуть вся одежда юноши.

Идеи о дезертирстве отпали сразу. Он отлично помнил длинный деревянный постамент возведенный на подходах к Тархату. На нем возвышались сбитые из бамбуковых жердей трёхметровые виселицы. Не меньше десятка тел раскачивалось там в такт порывам ветра, когда он еще только прибыл в республику. На груди каждого повешенного болталась табличка. Надписи на таких таблицах варьировались от банального «грязный дезертир» или «трус» на равийском, до и во все, неразборчивой вязи местных диалектов. Но посыл всегда оставался предельно ясен, вне зависимости от надписи. Даже если Нилу и удастся проскользнуть через охрану и ка-

ким-то чудом выжить в столь враждебных для человека тропических лесах, болезнь ведь все равно не позволит ему уйти сильно далеко.

Взвесив свои шансы и оценив навыки выживания, де Голль неутешительно вздохнул. Он покинул свое рабочее место и принялся не спеша собирать личные вещи. Парню хотелось, чтобы это процесс занял его хотя бы на пол часа, но увы, вещей у него было не так уж много: несколько комплектов одежды, потертый бурдюк, заштопанная конопляная сумка, жестяная тарелка с чашкой и ложкой, кошель. Закончив с этим нехитрым делом парень уселся писать письмо, используя свое колено как опору для сложенных в стопку пожелтевших листов бумаги.

Слегка кривоватым подчеркиком длинные строки быстро и уверенно ложились на прямоугольную бумагу. Банальные донельзя слова, безвкусные формулировки, кучка нелепейших синтаксических ошибок – с каждой секундой письмо становилось все хуже. Написав примерно половину от запланированного, Нил остановился, рука с перьевой ручкой плавно отделилась от листа, оставляя на нем несколько крупных чернильных пятен, что мгновенно пропитывали и те листы что были за первым.

С отвращением оглядев написанное, юноша скомкал горе-письмо, отправляя его прямиком в пламя керосиновой лампы. Какое-то время он просто сидел перед пустой, слегка измаранной чернилами бумагой, собираясь с мыслями.

«Слова скорби? Нелепый стих? Пафосное прощание с жизнью? – самокритично рассуждал угрюмый де Голль. – А может сразу попросить мамашу приехать и забрать меня отсюда? Какой же позор...»

Нервно хихикнув он отложил стопку бумаг, пряча перьевую ручку в надлежащий футляр. В случае его гибели годовалый оклад вместе с теми деньгами что он уже заработал и так будут отправлены его родне. Парень пришел к выводу что это и послужит наилучшей эпитафией, тем самым единственно верным прощанием – иногда недосказанность красноречивей всякой лирики. Отбрасывая сентиментальную бессмыслицу, он не знал, о чем еще можно было бы написать своим родителям. Его уезд в армию и так был принят в штыки всем семейством.

«Негоже поколению земледельцев отходить от своих традиций и пытаться прыгнуть выше головы», – такие слова доносились ему в спину. Не получив ни одного письма от родных за целое полугодие пребывания в этом аду, юноша горделиво сдерживал все порывы написать им что-либо, не желая уступать своим принципам даже сейчас. Зайдя так далеко с высоко поднятой головой он не мог себе позволить столь дешево давить на жалость близким. Пускай же его уход будет безмолвным.

Раздав свой запас сигарет и алкоголя недоумевающим сослуживцам, среди которых за полгода он так и не смог назвать другом ни одного человека, Нил ухватив свои скром-

ные пожитки и направился напрямиком ко входу в каменный храм. По мере приближения к массивному сооружению его бодрый темп ходьбы довольно быстро замедлился, и вскоре его едва можно было назвать движением. На ватных ногах санитар неуверенно подобрался к сучающим привратникам.

Заприметив парня один из них неспешно подобрался к Нилу, придерживая одной рукой самодельную папиросу, второй зачем-то поглаживая крепящиеся на бедре ножны небольшого ножа.

Ничего не сказав, де Голль закатал рукав, обнажая зараженный участок кожи. Стражник кивнул отходя в сторону, его коллега забрал у юноши пожитки и личные документы, что-то отмечая у себя в бумагах. Стоя все это время в непосредственной близости от привратников, Нил с легким удивлением разглядывал их уставшие, покрасневшие от дыма и труднопереносимой жары глаза – он рассчитывал увидеть в них хоть какие-то эмоции, быть может раздражение, сочувствие, или даже насмешку. Но глаза служивых были на удивление пусты, в них не отражалось абсолютно ничего, кроме скуки. Их лица также не выражали никаких чувств, словно перед санитаром были не живые люди, а кем-то управляемые куклы, что выполняли поставленные им задачи без какой-либо вовлеченности.

Наконец закончив с бумагами, солдат указал рукой на крупного увальня по правую руку от себя, и тот с глубоки вздохом повел Нила вглубь здания. Санитара немного удив-

ляло что никто из охранников не имел особых средств защиты от хвори, лишь длинные штанины и рукава, да плотные рабочие перчатки из кожи. При этом привратники вели себя рядом с зараженным совершенно спокойно. Неужели они совсем не опасаются этого грибка?

Проведя Нила по плохо освещенному коридору, уставленному деревянными ящиками и уложенному холщевыми мешками вдоль стен, увалень оставил юношу у входа в один из многочисленных узких лазов, по всей видимости выполняющих здесь роль дверных проемов. Бледно-голубой тусклый свет доносился из небольшой газоразрядной лампы, висевшей аккурат над расщелиной в стене, отбрасывая длинные тени на шероховатости и неровности каменной кладки храма и немного освещая нутро лаза, по потолку которого тянулась вереница переплетенных между собой одноцветных проводов. В нос парню ударил запах характерный для влажных заплесневелых помещений (такой можно встретить в старых винных погребах с покрывающими пол грунтовыми водами и зеленовато-бирюзовой плесенью, оккупирующей стены).

– Ваши документы, – донеслось откуда-то со стороны. Оглянувшись, де Голль усмотрел малозаметное в сумраке подобие сторожевого поста, сконструированного из грязных тряпок, десятка ржавых гвоздей и фанеры. Внутри небольшой коробки и сидел некто обратившийся к парню. Вероятно, по причине эпидемии окошко, через которое сидевше-

му внутри полагалось контактировать с пришедшими, было завешено полупрозрачным полотном, смоченным чем-то пахучим. Ткань закрывала отверстие не очень плотно, и через небольшие щели было видно еще один источник света, равно как и через текстуру ткани, пускай и в меньшей степени. Желтая лампа накаливания внутри будки была куда как ярче скудного освещения коридора. Оно и неудивительно – попробуй поработай долго с бумагами в плохом освещении.

Видя недоумение Нила, таинственный обитатель будки повторил просьбу, но уже громче:

– Ваши документы, и поживее!

Де Голль вложил свои бумаги в окошко, и когда ткань на мгновенье приоткрылась, чтобы морщинистая рука могла их забрать, юноша смог разглядеть скрывающегося за ней бюрократа. Таинственный голос принадлежал низкому лысоватому мужчине, который даже не смотря на наличие предательски сползающих с кривого носа очков, безуданно шурился.

«Ну и физиономия», – подумал Нил разглядывая морщинистое ссохшееся лицо, покрытое рядом давних рубцов в области подбородка. Владелец незavidного лица порядка пяти минут всматривался в документы где текста было в лучшем случае на минуту медленного чтения. Покончив с этим, лысое недоразумение стало расспрашивать парня о симптомах и сроках их возникновения, попутно занося неразборчивые каракули во взятый из стопки бланк.

– Проходите, – указал бюрократ на ближайший лаз, возвращая юноше его документы. – Вам прямо, не заблудитесь, там вас осмотрят.

– Почему меня оставили без охраны? Я же заражен, возможно опасен... Разве вы не боитесь что я могу натворить чего? – пробормотал в окошко де Голль, будучи немного сбитым с толку происходящим.

Морщинистый заложник будки как-то нездорово вздохнул, после чего принялся заполнять свои бумаги, так и не удостоив Нила ответом. Решив не переспрашивать, юноша направился напрямик в лаз, не преминув возможности ударится головой о низкий свод прохода – без этого никак.

Пройдя десяток метров по кривоватой расщелине, потирающий только что набитую шишку парень выбрался в довольно просторное помещение, уставленное койками, железными столами, высокими стеллажами и целой кучей медицинских приспособлений. Покрытые мягким желтоватым материалом толстые каменные стены отлично гасили звуки, и вот, юноша еще минуту назад стоявший почти что в полной тишине, оказался в гудящем от бормотания врачей месте. На койках и столах лежало не меньше десятка пациентов, а вокруг них суетились те самые странные доктора, приехавшие из столицы.

Стоявшие у входа, одетые в белые балахоны мускулистые ребята тут же подхватили Нила под мышки, без лишних вопросов и комментариев уложив его на холодный железный

стол, чем-то напоминающий операционный. Стоило юноше попытаться расспросить о происходящем, как ему оперативно велели закрыть рот и не двигаться. В этом месте никто никого не спрашивал, все как один, лежащие хранили могильное молчание. Прерывало тишину лишь их сиплое дыхание да зловещее бормотание, доносившееся от докторов. Респираторы, надетые на каждого из приезжих, заставляли их голоса звучать как-то по недоброму.

Два мускулистых санитаров быстро стащили с де Голля одежду, и подоспевший доктор стал молча осматривать его тело, особенно фокусируясь на молниеносно запримеченном зараженном участке локтя. Врачеватель нанес пахучий раствор на пораженное хворью место и почти мгновенно злосчастный локоть нестерпимо зачесался. Юноша стойко сдержал позывы, последовав совету крайне убедительных санитаров, в частности, озвученному ими: «не двигайся».

Не желая навлечь на себя гнев пугающе молчаливого врача, Нил старался не то что не двигаться, но по возможности не дышать. Последний тем временем брал пробу крови из пальца неподвижного пациента. Пометив ампулу именем и инициалами Нила, доктор задумчиво устался на пробирку. Пару секунд спустя его глазки-бусинки вновь переключились на де Голля, буравя взглядом локоть юноши.

– Что, в лазарет его, или сразу в камеру? – негромко спросил еще один подошедший врачеватель, протирая свои перчатки спиртом.

– Менее пяти процентов поражения, и судя по его карте, – первый доктор потряс документами Нила, – этот из крепких. Ни одного больничного за первые полгода.

– Думаешь выдержит инфьюзию? – второй скептически покосился на нагого парня, не переставая натирать свои руки спиртовой настойкой.

– Ему же лучше, чтобы выдержал, – садистски подытожил первый. Отвернувшись он отдал некоторые указания одному из санитаров, после чего тот за руки поднял де Голля и повел его прочь даже не дав одеться или же забрать документы. Попробовав что-то возразить, юноша получил неприятный тычок под ребра, благоразумно умолкнув. Происходящее в этом храме все больше волновало парня, но особого выбора у него все равно не было.

Последующие несколько часов Нил провел в небольшой узкой каменной камере, оборудованной лишь выдолбленным в камне лежаком да небольшим отверстием в полу, отведенном под человеческие нужды. Вход в это крохотное помещение закрывала массивная стальная дверь, сквозь специально сделанные прорезы которой в камеру проникали бледные лучи газоразрядной лампы. Внутреннего источника света в комнатуске не было.

Поскольку данное помещение мало того, что располагалось глубоко в храме, так еще и было погружено под землю метров на шесть, внутри царила достаточно неприятная прохлада. Хоть одежду юноше и оставили, после полугода пре-

бывания в нечеловеческой жаре, длительное нахождение в таких условиях явно не способствовало крепкому здоровью.

Парень безудержно растирал руки и ноги находясь в центре камеры, всячески стараясь не соприкоснуться с холодными каменными поверхностями. Он вслушивался в каждый шорох, искренне надеясь, что его заберут отсюда еще до того, как у него разовьется пневмония. Несколько раз кто-то прошел за дверью, единожды из-за стены донеслись довольно громкие скребки, и вот, наконец, ключ зазвенел в замочной скважине. Конечно де Голль был рад что его не оставили тут плесени на съедение, но вот опасения за свое будущее никуда не исчезло, даже более того, неведомое ранее предчувствие внушало юноше поистине необузданный страх, он с трудом сдерживал дрожь в руках.

Несколько слегка помятых жизнью солдат молча сопроводили Нила в среднего размера помещение, находящееся где-то в центре храма. Ноги парня предательски подкосились стоило ему только увидеть убранство комнаты: не в меру высокие своды, украшенные жуткими, малоразличимыми ввиду недостатка освещения барельефами; стены хаотично измаранные темно-красной краской были дополнительно покрыты сетью черных узоров, состоящих преимущественно из завитков и спиралей; пол был выложен неисчислимым множеством гладких речных камней, чуть крупнее гальки, на некоторых виделись следы неизвестной красноватой жидкости. В качестве источников света в помещении исполь-

зовались закрепленные на крупных старинных канделябрах черные свечи, в свете которых все окружающее выглядело особенно жутко. Но худшее было впереди – в самом центре комнаты стояло вколоченное в пол кресло с множеством кожаных ремешков. Стоящий у его изголовья человек, одетый в уже знакомые Нилу белые мантии, черные перчатки, и респиратор, заботливо протирал сиденье от все той же красной жидкости.

«Это конец. Прав был тот сержант, сейчас тут я и помру. Лучше бы попробовал сбежать из лагеря, тогда протянул бы хотя бы с десяток дней», – болезненно заворочались у Нила в голове мысли. Их поток, не найдя себе надлежащего выхода, вырвался в виде негромкого стога, полнящегося отчаянием.

Осознав всю плачевность своего положения, парень подобно загнанному в угол животному решил до конца сражаться за свою жизнь. Собравшись с силами, он со всей дури зарядил одному из своих палачей в кадык, второму он намеривался ударить коленом в область паха, но, слегка промахнувшись, попал по печени, точнее попал бы, если бы ему вовремя не скрутили руки. Единственный пострадавший схватился за горло, пытаясь то ли откашляется, то ли вдохнуть. Слегка отдышавшись он от души прошелся серией ударов по солнечному сплетению юноши. В глазах Нила заплясали яркие звездочки, дыхание болезненно перехватило, жуткий спазм свел все его нутро.

– Вот сука, – прокряхтел солдат, держась за кадык как за

свое главное сокровище. Он замахнулся для еще одного удара, но был остановлен молчаливым жестом странного доктора, стоявшего все это время у деревянного кресла.

– Не стоит сопротивляться, юноша, – прохрипел врачеватель. – В конце концов это ваш единственный шанс выжить. Воспринимайте все это, – врачеватель демонстративно обвел руками помещение, – как часть вашего лечения.

– Все готово, – донеслось из того же прохода с которого приволокли де Голля. Невысокий ассистент врача в расстегнутом медицинском халате и затертой туникой под ним, прикатил в комнату громоздкий медицинский воз, заполненный разнообразными склянками, ампулами и всевозможной стеклянной тарой.

– Чудно, тогда нечего оттягивать. Усадите пациента, – властно приказал солдатам доктор. Подобравшись к возу он претенциозно осмотрел крупную емкость с темно-красным содержимым. – Я надеюсь, на этот раз проба прошла все стадии перегонки?

– Лично проследил, – нервно выпалил ассистент, копошась во множестве стекляшек.

Нила силой усадили в кресло, крепко-накрепко затянув кожаные ремни, обхватывающие его руки, грудь, ноги, и даже голову. Как и ожидалось, парень не мог пошевелить ничем кроме языка, век и губ, но и это тут же исправили, заткнув его рот связанными между собою кожаными ремешками. Юноше оставалось только беспомощно смотреть на про-

исходящее, стараясь отдышаться после избиения при помощи одного только носа.

– Нил де Голль, шестнадцать лет. Чистокровный равиец. Группа крови А, резус положительный. Крепкое здоровье и никаких врожденных пороков. Очень многообещающе, думаю все пройдет гладко, – слегка затягивая гласные бормотал доктор пока осматривал бумаги связанного юноши.

Помощник экспериментатора подошел к Нилу вплотную, держа в руках тканевую связку из пяти шприцов, заполненных одинаково бесцветными жидкостями. Протерев запястье парня спиртом, он установил крупный катетер, закрепив его на руке бинтами. Одно за другим содержимое шприцов было вкачано посредством железного приспособления в кровеносную систему де Голля. Последний не чувствовал какой-либо боли или жжения, только холод охлажденных медикаментов плавно распространяющийся по его жилам. Сердце юноши работало в бешеном темпе, еще больше ускоряя процесс.

Еще никогда в своей жизни Нил не был настолько беспомощен. Его охватила смесь отчаянья и обиды, обиды на мир, на несправедливую судьбу, на заразивший его грибок, что и привел парня в это ужасное место. Все тело юноши охватила дрожь, он не мог сказать были ли этому причиной введенные лекарства, или же просто первобытный страх за свою жизнь. Может его родители действительно были правы? Может ему следовало усмирить свои амбиции и жить тихой и мирной

жизнью в Танголле? Увы, уже поздно было что-либо менять, да и для сожалений, казалось, осталось не так уж много времени.

Все присутствующие надели необычные очки с прорезиненной оправой и темными матовыми стеклами. Доктор щелкнул вделанным в стену малозаметным тумблером и в тот же миг десятки мелких фиолетовых ламп зажглись где-то у сводов помещения. Ниспадающий с них свет явно не был обычным – под его лучами на стенах и мелких камнях, лежащих на полу начали проступать сотни неказистых символов, напоминающих совмещенные простейшие геометрические фигуры. Все активней проявляясь, они сплетались, образуя один громадный узор, тонкой сетью оплетающий всю комнату.

– Тревор, надень ему повязку. Если он и дальше будет так пялиться, то повредит сетчатку, – приказным тоном обратился к ассистенту врачеватель. Повинуясь, помощник нацепил плотный лоскут ткани Нилу на глаза.

Мир юноши поглотила тьма, но даже она не могла вытеснить нечеловеческий страх, что пожирал его рассудок. Де Голль попробовал помолиться, хотя бы в мыслях призывая всех известных ему богов себе на помощь, но ответом ему послужили лишь странные скрипы и позвякивания стекол, доносившиеся со стороны экспериментаторов. Парню оставалось только вслушиваться в окружающие его звуки и прислушиваться к собственному телу, отдавшись на милость

своим мучителям.

– Следи за пульсом, если перескочит за двести – сразу вводи лидокаин, – донесся знакомый голос доктора. Его помощник утвердительно хмыкнул и Нил почувствовал, как два липких и холодных пальца легли ему на второе запястье, свободное от катетера.

Кто-то более массивный подошел к парню, вероятно это был врачеватель. Тот же человек (судя по звуку), начал откручивать металлическую крышку неизвестного средства. Юноша узнал этот звук потому что и сам не раз скручивал эти крышки, характерные для летучих веществ, вроде спирта или масла.

Ноздрей де Голля достиг резкий и крайне неприятный запах, вызывающий сильную головную боль. Учитывая силу запаха можно было предположить, что его источник подсунули парню прямо под нос. Сознание поплыло под напором невыносимой вони и запредельного стресса.

– Ну, посмотрим, как ты понравишься нашим... – кому он должен был понравится, Нилу так и не удалось расслышать, равно как и определить кто именно это сказал. Юноша обрел долгожданное облегчение, потеряв наконец сознание. В последние мгновенья его бодрствования, в глубинах разума пронеслась одна единственная мысль:

«Ну почему я?»

Нил очнулся от громкого звенящего звука. Неприятный

запах невымытых тел ударил ему в нос. Приподнимая свою на удивление тяжелую голову с подушки он обнаружил себя лежащим на простой армейской койке, довольно жесткой и неказистой, но после условий холодной каменной камеры и странных медицинских экспериментов даже эта лежанка казалась маняще теплой и уютной. Парню пришлось приложить немалые усилия чтобы наконец встать и осмотреться. Спереди и сзади, по десять метров в каждую сторону простирались койки подобные той, с которой он только встал, на многих неподвижно лежали люди. Рядом с каждой такой лежанкой стоял небольшой железный столик, донельзя прагматичный: четыре ножки, намертво прикрученные к полу, поддерживали плоскую круглую основу. На большинстве таких столиков сушилась чья-то одежда, по всей видимости она принадлежала лежащим тут людям.

Юноша резко повернул голову чтобы лучше осмотреть помещение, но его намерения прервала резкая головная боль, заставившая парня плотно зажать виски и ненадолго прикрыть глаза. Он поспешно осел обратно на койку. Каждый удар сердца отдавался гулким звуком, доносившимся из области висков, и вызывал целый фейерверк болезненных ощущений, что вкупе с общей слабостью сковали все тело парня. Это был первый приступ мигрени в его жизни. Первый, но далеко не последний.

Нил не чувствовал себя так плохо с тех пор как переболел малярией в детстве. Около получаса он просидел на кой-

ке, обхватив руками раскалывающуюся от боли голову, пытаясь спокойным глубоким дыханием усмирить свои страдания. Все это время вдалеке что-то все так же продолжало навязчиво звенеть.

Наконец, вновь раскрыв слегка опухшие глаза, де Голль плавно, не делая резких движений, осмотрел место своего заточения. В стенах не было никаких прорезей и тем более окон. Все освещение порождалось двумя крупными лампами с лакированными металлическими плафонами, подобно своеобразным клеткам защищавшими источники теплого желтого света. В помещении было два дверных проема, один был накрепко закрыт массивной стальной дверью, на манер той, что парню посчастливилось недавно повидать в крошечной подземной камере, второй же прикрывался хлипкой деревянной дверцей, украшенной одинокой надписью – «уборная».

Сколько Нил не пытался в последствии вслушиваться и бродить по комнате, источник звона он так и не смог обнаружить. В конце концов парень пришел к выводу что звон раздается только у него в голове. Он слышал ранее что у некоторых солдат на нервной почве могут возникать подобные симптомы. Что же, учитывая недавние события такой побочный эффект вовсе и не удивителен.

Попытки привлечь внимание лежащих товарищей по несчастью не увенчались успехом, – большая их часть совершенно не реагировала, даже когда парень тормозил их

самым бессовестным образом. Те редкие особы что подавали признаки жизни лишь что-то невнятно бормотали. В их словесных обращениях (не смотря на общую неразборчивость) безошибочно угадывались не самые гуманные пожелания юноше. Лежачим явно не нравилось, что их беспокоили.

Когда де Голль подошел к очередному плавно дышащему телу, нечто необычное бросилось ему в глаза: торчащая из-под одеяла рука незнакомца была покрыта чем-то вроде черной татуировки. Присмотревшись повнимательнее парень с трудом подавил рвотный позыв. Руку лежачего покрывал густой маленький лес черных грибочков, за ним уже почти не проглядывалась покрасневшая, воспаленная кожа. Осмотрев и другие тела с большим вниманием к деталям, бывший санитар осознал почему большинство лежачих даже не шевелилось, а те немногие что еще были в состоянии отвечать на расспросы, бессильно возлегают на своих койках, не желая даже перекинутся парой слов с новоприбывшим. Все они были не просто больны – грибок уже практически поглотил их тела. Организмы несчастных солдат бросали все свои резервы на борьбу с инородной заразой, и бесславно проигрывали в этой неравной битве.

То, что юноша при первичном осмотре принял за плотную щетину, гематомы, черные родинки и грязь, по большей части оказывалось островками грибка, прорастающими сквозь человеческие тела. Чувство неопишуемой жути сковало пар-

ня. Пятясь как от прокаженных, он с трудом доковылял до своей койки, где скрючившись замер в позе эмбриона. Обхватив слегка болящую голову руками, пустым взглядом он уперся в потолок, стараясь по крайней мере избавиться себя от зрелища неподвижных больных.

«Выздоровел же хоть кто-нибудь? Ну хоть кто-то должен был», – со слабой надеждой промямлил Нил у себя в голове. Ему не были известны болезни от которых умирали абсолютно все зараженные. Даже для самых опаснейших хворей было в порядке вещей оставлять не меньше одной десятой зараженных в живых. Но то что он не знал таких болезней, еще не значило что их не существует. На пару с затихающим звоном в ушах, увядала и надежда парня на выздоровление.

Поскольку в таком импровизированном бараке не было ни окон, ни часов, оставалось только гадать сколько времени прошло с момента попадания сюда юноши, да и сам момент он не помнил, будучи тогда незванным гостем в царстве Морфея. Со временем, скука переборола отвращение, и Нил вновь стал бродить между койками, высматривая то, что могло бы его занять.

Некоторые койки пустовали, но вот на столиках по соседству при этом обычно лежала одежда, да и постельное белье их было в довольно растрепанном состоянии. Что бы это могло значить? Часть больных уводят на какие-то процедуры, или сразу же отправляют в могильные ямы, поленившись даже выбросить их вещи? Оставалось только гадать.

Не смотря на то что к комнате примыкала небольшая уборная с резервуарами с водой и небольшими отверстиями под природные нужды, под каждым койко-местом располагалась заботливо оставленная утка, довольно большой емкости. Большинство уток, при этом, не пустовало.

Изредка кто-то из больных болезненно всхлипывал, или начинал неестественно посапывать, сопровождая это свистящим придыханием. Занятен был то факт, что почти никто не храпел. Пару раз Нил замечал, как до того смиренно лежавший солдат плавно принимал полу-сидячее положение, чтобы справить свою нужду в утку, после чего обратно занимал неподвижную лежачую позу. В такие моменты юноше не очень то и хотелось его о чем бы то ни было расспрашивать. Также, случалось, что недомогающий с кряхтением и стонами поднимался, чтобы попить воды в уборной и тут же вновь упасть на манящую лежанку. Таких едва переставляющих ноги бедолаг, Нил тоже решил не доставать распросами.

Какое-то время спустя (довольно длительное по прикидкам юного де Голля), ведущие в их тюремный барак железные двери со скрипом отворились, и двое грозно выглядевших санитаров в белых потрепанных одеяниях и стареньких респираторах поспешно внесли еще одного больного, уместив его на пустующей койке. Новичок, подобно Нилу при его прибытии, был без сознания. Попытавшись заговорить с санитарями юношу встретили два очень красноречивых, но

недоброжелательных взгляда, сопровождаемых коротким:

– Разговоры с пациентами строго воспрещаются.

Железная дверь захлопнулась так же быстро, как и отворилась, оставляя Нила единственным бодрствующим человеком в пределах барака. Не зная, чем себя занять, юноша улегся спать, вслушиваясь в неравномерное дыхание своих соседей.

Пробудился он только тогда, когда из-за все так же скрипящей двери, с громким шарканьем вышла целая группа санитаров, везя за собой среднего размера тележку с увесистым котелком супа и столовыми принадлежностями. Те немногие что еще были способны есть самостоятельно, безрадостно принялись за изничтожение содержимого котелка. Остальных, безвольно лежащих, кормили через силу. Пришедшие все так же хранили могильное молчание, лишь изредка перекидываясь между собой короткими фразами, на манер: «подсоби» или «приподними ему голову». Когда с трапезой было покончено, санитары ожидаемо покинули больных.

С момента как Нил очнулся в этом бараке, его жизнь стала походить на мучительную агонию. Нет, его никто не мучал, кроме, пожалуй, безжалостной скуки, пожирающей юношу изнутри, да отсутствия сигарет, что было для парня особенно болезненным нюансом. Еда, сон, поход в туалет, и все по новой – вот на что были похожи его дни. Бывало, что санитары приносили к ним новеньких, а бывало уносили ко-

го-то, и далеко не всегда унесенный возвращался обратно. Апатия, однообразие и отсутствие табака убивали де Голля быстрее отвратной похлебки, что в неизменном виде подавалась тут изо дня в день. Даже разговоры с новенькими, поначалу сносно скрашивавшие досуг, перестали разгонять скуку. Скучные новости, нескончаемая череда вопросов и унылые рассказы о родных местах не могут развлекать вечно.

Давнишние пациенты по понятным причинам едва ли были заинтересованы в развлечениях, предпочитая целыми днями отлеживаться в мокрых от пота простынях, но вот непривыкшие к столь длительному безделью новички на пару с Нилом искали всяческие способы себя развлечь. Насобирав припрятанного от санитаров хлебного мякиша, старательно утрамбовав его, вставив внутрь маленький камушек на манер грузика и разметив стороны получившегося изделия облезшей краской со стен, новопривыкшим заключенным удалось смастерить подобие игральных костей, что такки смогли ненадолго скрасить гнетущее однообразие. Увы, интерес к подобного рода играм иссяк уже по истечению нескольких дней «безудержного веселья».

Говоря о днях, временные промежутки измерялись только лишь по внутреннему ощущению заключенных – проверить свои догадки о пройденных часах не представлялось возможным. Единственным исчерпывающим источником информации о времени были слова новопривыкших, но и они быстро утрачивали свою актуальность. По мере все возрас-

тающей длительности своего заключения, де Голль все больше свыкался с мыслью, что вероятно никогда больше не увидит голубого неба над головой.

Его болезнь тем временем только прогрессировала.

«Мои дни перед кончиной даже более унылые, чем вся моя безвкусная жизнь. Подумать только, ничего не добился, ничего не достиг, даже сожалеть не о чем», – неспешно ворошились в голове мысли, в то время как Нил неспешно, с некой долей безразличия осматривал практически полностью поросшую грибок руку. Из потрескавшейся кожи между пальцами постоянно сочилась липкая прозрачная сукровица, что доставляло ему немало неудобств. Она же, крохотными подтеками покидала его тело через лущающуюся розоватую перепонку, наросшую в области локтя. Хуже этого зрелища были только темные корневидные наросты, безудержно образующиеся под ногтями, слегка приподнимая их, и даже высовываясь из-под кутикулы. Тошнотворное зрелище.

Что успокаивало так это полное отсутствие болевых ощущений, вместо них рука периодически чесалась, заставляя юношу снова и снова тормозить крохотный грибной лесок, уверенно оккупировавший поверхность кожи.

Парень даже находил нечто ироничное в том, что сейчас он, человек всю свою жизнь поедавший грибы, сам поедает грибами. Такая вот жестокая шутка как раз была в стиле той жизни, к которой юноша привык. Может так влиял на людей

грибок, а может военная служба закалила людские нервы, но никто из зараженных не паниковал и не устраивал истерик. Ни в одном храме мира не найти такого смирения, какое царило в этом подземном бараке. Все чаще юноша, безмятежно сдирая с руки лоскуты отслаивающейся кожи, устало ложился на свою койку, подолгу неподвижно раскинувшись на ней. Он рассматривал растрескавшийся потолок, позволяя своему воображению собирать пятна, потертости и трещины в разнообразные узоры до тех пор, пока уставшее от подобного занятия сознание не утаскивало его в длинный изнуряющий сон. Нил все больше уподоблялся постоянно лежащим соседям.

Однажды, очередной его затянувшийся сон был бесцеремонно прерван группой пришедших санитаров. Сильные руки подняли юношу с койки, уверенными движениями поставив его на ноги. Убедившись, что парень еще способен ходить самостоятельно, пришедшие нацепили на его голову повязку, связали безвольно повисшие руки за спиной, и несильными толчками в спину направили юношу в неизвестность, изредка сопровождая свои действия комментариями о необходимости пригнуться, либо же переступить порог. По ощущениям парня, его поход занял не более десяти минут. Теперь повязка снята, что позволило де Голлю осмотреться.

Безо всякого интереса он неспешно оглядел помещение где оказался – это был все тот же зал, где его осмотрели по прибытию в храм. Стеллажи, шкафы, металлические койки,

все это было на прежних местах, лишь некоторые инструменты и пробирки поменяли свои полки. Доктора в знакомых одеждах и респираторах деловито сновали меж пациентами, тихо переговариваясь о своем, врачебном.

Слегка повернув голову Нил заметил тот самый проход по которому он сам пришел сюда. Определенно, этот проход вел к выходу из храма, к лагерю на свежем, лишенном издаваемой больными мерзкой вони, воздухе, под голубым, пускай и слегка закрытым облаками небом. Юноша сам удивился с каким безразличием думает обо всем этом. Ему не хотелось даже лишний раз пошевелить ногами и руками, не говоря уже о возможном побеге. Вне всяких сомнений – эта апатия была неотъемлемой частью пожирающей его хвори.

– Ааа, стало быть де Голль, Нил, – мягко пролепетал подоспевший врач, держа в руках документы юноши. – Ну-с, сильная прогрессия на лицо. Плохо конечно, плохо.

– Чего тут удивляться, вся партия была дефективной. Все этот кретин Клаудий виноват, это он отошел от утвержденной процедуры, – надменно, и не без раздражения заявил его коллега.

– Цыплят по осени считают, и пока я не вижу поводов для паники. Посмотрите, молодой человек дошел сам, а значит центральная нервная система еще порядочно функционирует, по крайней мере пока, – возразил первый доктор методично сгибая и разгибая зараженную руку Нила, периодически постукивая маленьким железным молоточком ровно по

локтю, что заставляло всю руку вздрагивать, слегка сгибаясь.

– Да если бы не львиная доля антибиотика что им скармливают с похлебкой, мы бы сейчас имели дело в самом лучшем случае с сепсисом, ярко выраженным расстройством моторики и очень даже возможно с бессознательным состоянием пациента. Ваш оптимизм неуместен, очевидно же, что затягивание с утилизацией бесперспективно, – стоял на своем второй врачеватель.

– И все же я выпишу ударную дозу стрептоцида. Посмотрим, быть может прогрессию еще удастся обернуть вспять, – добродушно заявил первый врач, помещая в стеклянную плоскую колбу небольшой образец, взятый с руки юноши.

– У меня ведь почти нет шансов? – все же решился задать вопрос Нил.

Оба доктора вопросительно уставились на парня, будто впервые осознав, что имеют дело с разумным, мыслящим существом, а не с очередным безмолвным образцом в пробирке.

– Кто знает, юноша. Заявить, что выздоровевших нет – было бы преувеличением, но и напрасно вас обнадеживать я не стану. Скажем так, это зависит от ваших качеств в большей степени, чем кажется, – абстрактно ответил более оптимистичный врач. – Скажите, вам случаем не снилось в последнее время что-то странное?

– Что-то странное? – Нил переспросил, боясь что неправильно расслышал. А сны то здесь причем?

– Ну нет, так нет, – поспешно зататорил все тот же доктор. – Если не снилось, то и не забивайте себе этим голову. И вовсе, тут я закончил. Отметьте в карте еще семь календарных дней, и можете возвращать его в изолятор, – закончил врачеватель, своей последней фразой обращаясь уже к стоящим по обе стороны от юноши санитарам. Те незамедлительно выполнили данные им указания.

Без какого-либо сопротивления Нил позволил отконвоировать себя обратно в укрытый от посторонних глаз барак. Минувшее посещение доктора мало что прояснило для парня, перспективы выздоровления были все так же туманны, но теперь он узнал, что инфицированных по крайней мере пытаются лечить, до этого юноше и в голову не приходило, что в их пище содержатся лекарственные препараты. Ранее он думал, что их оставили в изоляторе на произвол судьбы, подкармливая из жалости, или же во избежание бунта.

Этим же днем, вместе с приемом пищи Нила заставили проглотить горький белый порошок со странным послевкусием.

«Должно быть это и есть тот стрептоцид, о котором они говорили», – подумал парень запивая неприятную горечь водой. Тот же порошок ему нанесли на поросшую грибком руку, перевязав ее и настрого запретив парню трогать тугие бинты. Говоря по правде, юноша и не горел желанием лишний раз тормозить жуткие заросли, раскинувшиеся от его запястья и до самого предплечья. Перевязка неплохо скры-

вала вид этой мерзости, позволяя наконец де Голлю смотреть на свою руку без прежнего отвращения.

Так бы и проходили дни Нила в попытках удержаться от почесывания зудящей под бинтами руки, да бесконечной полудреме на жесткой койке, если бы не необычный гость, прибывший в барак спустя примерно сутки с момента осмотра. Как правило новоприбывших вносили в помещение без сознания, но на этот раз новичок сам уверенно переставлял ноги, пускай и не без легкого прихрамывания.

Как только новоприбывший разместился на своем новом месте, и санитары покинули плотные ряды коек, скрывшись за массивными железными дверьми, де Голль с трудом поднялся чтобы слегка размять затекшее от длительного сна тело и поприветствовать необычного новичка. Пробравшись к его месту, юноша застыл в нескольких шагах от своей цели, вытаращив глаза и поспешно облокотившись на ближайшую стену – он знал этого человека! Это не был его бывший коллега или начальник, но лицо определенно было знакомым. Вероятно, за неприятной, отторгающей миной скрывался один из множества его пациентов, но почему тогда это лицо вызывало у Нила такое напряжение?

Резкие черты лица, густые черные брови, характерного вида переносица, – два больших темных глаза уставились на де Голля, заглядывая юноше прямо в душу, выдергивая не самые приятные воспоминания из глубин его сознания. По мере того как Нил вспоминал пугающего чужака, лицо при-

бывшего расплывалось в противной ухмылке, наконец, губы, достаточно искривившись, извергли слова, облаченные знакомым юноше низким голосом:

– Я же говорил тебе – все мы тут будем.

– Ты тот самый сержант. Это ты пришел ко мне зараженным, вся твоя нога уже тогда... – Нил покосился на ногу старого знакомого, оценивающим взглядом пройдясь по тугим виткам бинтов, опутывающим всю конечность под рваной штаниной. Бывший санитар продолжил свою речь:

– Уже тогда была покрыта этой гадостью.

– Славно, я бы обиделся если бы ты меня не запомнил. Сложно забыть того, кто едва не заставил тебя надеть штаны, правда? Ты присаживайся, в ногах, как известно, правды нет, – странно пошутил сержант, кивая на койку напротив.

– Я постою, – сухо ответил де Голль.

– Да как хочешь. Думаю, мы, ну или по крайней мере я – здесь надолго. Можешь звать меня Хэдес, или просто обращаться на ты, если выговорить нормально не сможешь, но вот имя мое коверкать не смей.

– Ты само дружелюбие. – Нил не был рад их встрече, но интерес к персоне собеседника разгорался все сильнее. Где все это время был Хэдес, если не в изоляторе, и почему он столь бодр и полон сил, хотя был инфицирован задолго до де Голля?

– Ты не заслужил дружелюбия, даже зашить рану нор-

мально не смог, – сержант тыкнул грязным волосатым пальцем в плохо затянувшийся след от ножевого ранения, что ранее обрабатывал Нил. – Она начала сочится гноем спустя сутки после твоей работы.

– Не нужно было туда тыкать пальцами, – огрызнулся юноша, все не отрывая взгляда от ноги Хэдеса. – Особенно такими немывтыми.

На пару мгновений лицо сержанта потемнело, мускулы в области уголков рта странно задергались, а брови опустились довольно низко, почти закрывая собой глаза. Внезапно, он громогласно рассмеялся, настолько громко, что не менее дюжины лежачих больных резко вздрогнули, ненадолго выпадая из царства снов.

Взгляды со всей казармы устремились на источник такого непривычного для этих мест звука, – в царившей здесь атмосфере уныния и скуки, и скудной улыбки не дождешься, не говоря уже о таком раскатистом смехе. Издаваемый Хэдесом хохот был настолько громок, что даже железная дверь приоткрылась, пропуская в помещение обеспокоенную голову санитаря, желающего убедиться, что все в порядке и идентифицировать источник внезапного шума. Но так же быстро как смех странного сержанта разорвал гнетущую тишину, он и затих, сменяясь хриплым тихим разговором, почти что шепотом:

– А ты все такой же забавный. Метр шестьдесят роста, одна кожа да кости, едва на ногах держишься, а все так же мне

хамишь. Ты либо очень храбрый, либо очень глупый.

– Я одной ногой на том свете, думаешь мне еще есть смысл бояться кого-нибудь вроде тебя? – четко и уверенно сказал Нил, посмотрев сержанту прямо в глаза. – И как бы ты тут других не пугал, и не храбрился, Хэдес, тебя ждет та же участь что и нас всех. Не забывай об этом.

– О чем это ты? – театрально закатил глаза сержант. – Я тут не помру. Моя инфьюзия прошла более чем успешно. Еще неделю назад грибковая погань жрала меня едва не целиком, а теперь отступила обратно к ноге, и продолжает уменьшаться изо дня в день. Один из тех недомерков из столицы и вовсе сказал, что еще дней двенадцать и меня отсюда выпустят. А вот судя по твоей руке, дорогуша, у тебя большие проблемы.

– Инфьюзия? О чем ты говоришь? Они дают тебе какие-то особенные лекарства? – вмиг оживился де Голль, мгновенно утратив остатки бывшего хладнокровия.

– Ха-ха, ты ведь ни черта не знаешь, верно? Ни зачем в Као на самом деле разместили войска, ни что они с тобой сделали по прибытии в храм? Отборное пушечное мясо, ничего не скажешь. Что ты с ним не делай, ни вопросов задавать не будет, ни мозгами шевелить. Ты действительно можешь гордо зваться настоящим солдатом Равии! – едко проронил Хэдес, устраиваясь поудобнее на своей койке. – Видимо судьба у пехтуры такая –дохнуть в грязи и неведенье.

– Как же иронично что ты оказался взаперти с нами, в од-

ной банке с целой кучей столь презираемого тобой пушечного мяса, Хэдес. Что такое, твой дражайший дедушка, будь он подполковником, или кем он там был, даже не сумел обеспечить тебе местечка потеплее чем в подземном изоляторе забытой богом республики? – недовольно прокряхтел один из солдат, разбуженный громким хохотом сержанта. Последний не удостоил пробудившегося и словом, лишь бросив полный презрения и отвращения взгляд. Казалось, эти двое давно знают друг друга.

– Похоже на то что твой гонор никого здесь не впечатлил, сержант, – подтянулся к разговору еще один уязвленный больной, привставая со своей койки и грозно нависая над Хэдесом. – С подобным отношением, ты отсюда можешь не то что через двенадцать дней, а и вовсе и не выйти...

– Если этот ублюдок еще раз так загогочет, я ему самолично устрою особое лечение! – гневно донеслось с задних рядов.

– Ты хочешь казаться умнее чем есть на самом деле, сержант. Но не учитываешь одного факта – эти люди уже не один десяток дней сидят здесь взаперти, отчаявшиеся, напуганные, обреченные. Им уже нечего терять, а в лице этого парня ты обидел их всех, – тихим ровным голосом проговорил привставший с обок стоящей койки старый офицер, угрожающе заглядывая в прикрытые густыми бровями темные глаза наглого новоприбывшего. – И даже более того, по своей глупости ты брякнул лишнего, – он многозначитель-

но обвел руками собирающихся вокруг сержанта солдат. – Но думаю, для тебя еще есть выход из ямы что ты сам себе вырыл. Ты расскажешь нам, расскажешь все что знаешь. И лучше бы фактам из твоей байки складно сходится воедино, в первую же очередь, лучше для тебя. . .

Хэдес изо всех сил старался сохранить внешнее спокойствие, но вздувшаяся венка на лбу на пару с предательскими стекающими у висков каплями пота выдавали его испуг не хуже слегка сбившегося зловонного дыхания. Сержант молчаливо сжал кулаки и оценивающе оглядел стягивающихся со всех сторон солдат. На нехарактерный для этих мест источник шума, казалось, собрались все, кто еще мог ходить. Больные буквально взяли его в круг. Де Голль, почувствовав поддержку приблизился еще на шаг ближе к своему бывшему пациенту, не забыв нацепить на лицо наглую самоуверенную ухмылку, пародирующую недавнее выражение физиономии Хэдеса.

– Все на одного? Да, храбрости вам не занимать, бойцы, – недовольно прошипел сержант вжимаясь в койку. – Хорошо. По рукам. Ваша взяла – расскажу я вам почему вы здесь, и смотрите не попадайте с ног от удивления, – глубоко вздохнув и негромко прочистив горло, Хэдес начал свой рассказ, сопровождаемый тихим аккомпанементом в виде сипения и крихтения изнывающих от любопытства больных. – Вот задумайтесь на секунду. Као давно находится под крылом федерации, и не менее давно находятся те, кто желают абсо-

лютной автономии. Ну никак не меньше двух десятков лет. Вот незадача, почему тогда все это дерьмо с освобождением республики началось именно сейчас? Да и от чего ее освобождают? Местным властям хватало ума платить налоги и выполнять директивы, да и численность этих чертовых повстанцев не превышает и двух сотен. Это так, небольшое террористическое движение, не более. Если бы в столице пожелали – уже завтра этих подонков бы здесь не было. Но какой же это все-таки удобный повод для ввода миротворцев, не находите? Хоть батальон солдат сюда отправь, никто ничего и не спросит.

– Хватит ходить вокруг да около! Говори по делу! – не выдержав заговорщицких размышлений сержанта прорычал один из солдат.

– Это место было адаптировано под нужды армии отнюдь не как перевалочный пункт – это центр испытаний. И испытания тут проводят на вас, —сделав особенный акцент на последней фразе, Хэдес вызывающе повернулся в сторону пациента что посмел прервать его речь. – Высшим чинам было нужно безропотное мясо, что с радостью само полезет в пробирки, и сенат с широкого плеча его выделил. А если кто в процессе помрет, или, скажем, решит сопротивляться указам, родным придет душещипательное письмо о храбрости их сына, героически погибшего в тропическом говне, в очередной схватке с «жуткими и опасными революционерами». Разумеется, подопытным крысам совсем не обязатель-

но знать такие подробности. Хотя, справедливости ради, чисто технически боевые действия таки ведутся. Одно другому не мешает.

– Но что они испытывают? – Придвинулся еще ближе Нил. – Это же как-то связано с той процедурой в зале, где каждого из нас привязывали к креслу, и чем-то обкалывали?

– Не так давно кто-то из северных партнеров Равии продал сенату особую технологию. Даже я, – сержант горделиво указал на себя большим пальцем, как если бы он был важной персоной, после чего продолжил:

– Не знаю всех подробностей. Но это как-то связано с военным делом, вне всяких сомнений. Здесь, в заднице мира, они пытаются наладить производство «*eximius vir*» – так они это называют. Сама процедура представляет из себя что-то вроде контролируемого вызова одержимости. Эти живодеры подселяют нечто в человека, нечто... охренеть какое инородное.

– Что за бред? Ты нас совсем за идиотов держишь? – вспылил один из слушателей.

– Будь я проклят, каждое сука слово – это правда, – огрызнулся сержант, после чего сделал небольшую паузу, и нехотя продолжил. – Раньше у них не было толкового способа чтобы гарантированно проверить успешность подселения. Единственное что могло хотя бы косвенно указывать на позитивный результат, так это странные сны да видения, иногда посещающие пережившего инфьюзию. Но эффективность та-

кого метода, как вы я надеюсь сами понимаете, оставляла желать лучшего. Но вот с появлением этого, – Хэдес ткнул грязным пальцем в поросшую грибок ногу. – Все изменилось.

Собравшиеся вокруг мужчины многозначительно переглянулись. С задних рядов пополз недоверчивый шепот. Бывалым солдатам, никогда в жизни не видевшим чудес, было очень нелегко поверить в такую небылицу. Но рассказчик не стал дожидаться их взвешенного вердикта, как ни в чем не бывало продолжая свою историю:

– Ренегаты из Великого Роя облюбовали эти места, и им не понравилось, что двуногие стягивают сюда войска. По всей видимости хитиновые ублюдки восприняли это как военные вторжения на их территорию, и в кои то веки поступили по уму, раскидав грибницы со спорами по всей округе. Грибницы отмечены феромонами – жук в них не ползет, а вот человек очень даже может. О заразности и опасности грибка мне вам говорить не нужно, вы и так все ощутили на собственной шкуре. Не стану скрывать – болезнь смертельна. Ни антибиотики, ни антисептики не помогут, они лишь оттянут неизбежное.

– И как это все связано с военными экспериментами? – де Голль отчаянно пытался сплести все услышанное у себя в голове воедино.

– Самым прямым образом. Если инфьюзия прошла успешно, и в тебя им удалось запихнуть то что они хотели, то

новый гость твоего тела сделает все чтобы уберечь своего носителя от столь глупой гибели. Не из альтруистических побуждений разумеется – эта штука тоже хочет жить не меньше твоего, и ее выживание напрямую зависит от состояния твоего тела. Исцеление от грибка – вот главный критерий, свидетельствующий о успешном завершении процедуры. Всем вам тут что-то да подсадили, по крайней мере попробовали посадить, и если попытка была удачной, то вы еще выйдете отсюда живыми. Если же болезнь продолжает прогрессировать, не идя на спад... Начинайте молиться своим богам, скоро вы с ними встретитесь. Собственно, это все что я узнал от деда. Слово солдата. Мне больше нечего сказать, – подытожил сержант, не без удовольствия наблюдая за замешательством окружающих.

В бараке воцарилась тишина, лишь редкие всхлипы и неуверенное покашливание изредка прерывали ее. Но довольно быстро общее замешательство переросло в громкие споры, наполненные более чем уместной критикой, ведь рассказанная сержантом история была мягко говоря не очень то правдоподобной. Большинство солдат, не смотря на свою совершенно искреннюю веру в самые разношерстные суеверия, напрочь отказалось верить словам новоприбывшего о одержимости и тайных экспериментах правительства. Несколько ветеранов, проливших не один десяток литров пота на знойных землях Као, божились что взаправду воевали с повстанцами, число коих, по их же словам, сержантом

было сильно преуменьшено. Сама идея того что все боевые действия были лишь прикрытием для секретной около-мистической деятельности федерации казалась им абсурдом, не достойным даже осмысления.

Более молодые члены солдатской общины подвергали критике совсем другой аспект байки. Один из новоиспеченных врачей уверенно утверждал, что подобные меры столь нестандартного лечения, включая связывание пациента, насильственное введение лекарств и последующее облучение ультрафиолетовыми лампами ему доводилось видеть в одной столичной консерватории. Якобы именно такими методами ученые мужи уже не один лунный год борются с сифилисом.

Уверенной манерой речи и парочкой заумных медицинских терминов, которыми этот парень рад был обогатить своих новых знакомых, ему удалось убедить в своей правоте не меньше десятка юных умов, что жадно внимали каждому сложно произносимому слову. Выслушав подобные аргументы, Нил лишь усмехнулся про себя, представив, как быстро бы он удирал от подобного врачевания на гражданке.

Особая категория скептиков еще не меньше часа третиговала Хэдеса расспросами. Не отличаясь особым терпением и сдержанностью, раздраженный сержант неистово материл каждого растяпу, осмелившегося повторить уже заданный единожды вопрос. Хэдес быстро смекнул что ему удалось смягчить обстановку, и что побоями ему больше не

угрожают. Пользуясь моментом, дерзкий сержант позволял себе довольно резкое обращение со своими новыми соседями. Вскоре он и вовсе умудрился перевести тему обсуждения с причины их заточения на описания храбрых подвигов своего деда, совершенно позабыв о своем недавнем положении. Позабыл он и о де Голле, тихо обдумывавшем услышанное в стороне.

У истории были свои белые пятна и небольшие несоответствия, и все же, перебирая все произошедшее с ним за последние полгода, Нил раз за разом проверял структуру байки на прочность. Тщательно припомнив слова докторов и комментарии начальства он так и не смог найти ни одного аргумента что напрямую бы ломал логику сказанного, напротив, известные де Голлю детали отлично вписывались в историю.

Дилемма непознанного встала перед юношей как никогда остро — свидетельствует ли отсутствие видений и постоянно ухудшающееся состояние о его скорой гибели? Закончит ли он здесь свою жизнь? Неужели он исчезнет с лица этого мира даже не успев оставить и следа в истории? От таких размышлений у парня довольно быстро разболелась голова. Шум жужжащего от возбуждения улья, в который ненадолго превратился их барак, лишь усугублял болезненную барабанную дробь, разбушевавшуюся где-то в области висков юноши.

Снова свернувшись в позе эмбриона на своей койке и прикрыв уши руками, Нил постарался уснуть, надеясь, что креп-

кий сон избавит его от этой новой напасти. Ослабленный хворью организм не заставил себя долго ждать, и уже через десять минут юноша провалился в глубокий, болезненно долгий сон.

Шло время, и шло оно по ощущениям парня все быстрее. С каждым пройденным днем все больше времени де Голль проводил без сознания, с трудом ворочаясь на насквозь пропитанных потом простынях. Грибок, оперативно поглотив поверхность руки парня, жадно захватывал грудь и живот. Ежедневные перевязки, как и львиные доли лекарств совершенно не помогали. Слабость охватила все тело Нила, даже привстать с кровати самостоятельно он более не мог.

Очередной объявившейся напастью стал новый постоянный спутник юноши – сильный жар, заставляющий тело парня беспрестанно дрожать, не смотря на то насколько тщательно он укутывался одеялом. Все тело изрядно ломило, а глаза, прикрытые иссушенными жаром веками, как будто жгло огнем. Пытаясь охладить не в меру горячие глазные яблоки, Нил периодически смачивал веки водой из рядом стоявшего кувшина, но процедура надолго не помогала. Жжение возвращалось уже спустя несколько минут.

Ворочаясь в бреду, де Голль уже едва отличал сон от реальности, периодически всхлипывая, когда очередной поток спутавшихся мыслей, воплотившись в образе кого-то из его знакомых обращался к нему прямиком из мира грез. Ему

казалось, что мать, причитая о чем-то несуразном часами бродит у его койки. Негромкие голоса давних друзей доносились напрямиком из глубин сознания. Необычайно крупная фигура отца, сторбившись над изголовьем молчаливо всматривалась в полуприкрытые, раскаленные глаза сына.

Вот опять, парень как будто вновь лежит у себя дома в кровати, как в былые времена мучась от испепеляющей горячки в кругу близких. Мать хлопочет где-то поблизости, а отец тихо переговаривается с доктором в соседней комнате. На секунду он даже вновь ощутил во рту вкус той самой горькой микстуры, напрямиком из детства. Ничего, несколько дней поваляется, попьет чай с малиной, испробует гадкие снадобья из чемоданчика врачевателя, и все наладится. Иначе и быть не могло.

«Это все потому что ты снова гулял без шапки. Вот же бестолочь», – донесся раздраженный голос матери. Отец негромко поддакнул, заваривая очередную порцию травяной настойки.

– Я одену шапку ма... И про шарф больше не забуду... – куда-то в пустоту прохрипел Нил, бессознательно цепляясь за остатки рассеивающегося образа, сотканного из его воспоминаний. С каждым разом эти видения были все убедительнее, и не нужно быть доктором чтобы понять, что это плохой знак.

Иногда Нилу удавалось выныривать из потока бреда и видений, ненадолго обуздав свои мысли он беспомощно ози-

рался, пытаясь выяснить что за время его беспамятства произошло с товарищами по несчастью. Все койки были заняты, хоть на большинстве из них и красовались новые лица. Эпидемия закономерно прогрессировала, и такой роскоши как пустым местам в бараке больше не было места. Юношу интересовало что случилось с покинувшими изолятор, излечили ли их, или просто освободили места для более перспективных пациентов? К сожалению, у парня не осталось сил чтобы спросить это у кого-нибудь из своих соседей, да и кто ему ответит? Нил с горечью осознал, что сам стал частью тех молчаливых, ни на что не реагирующих пациентов, что испугали его, когда он только прибыл в изолятор. Еще печальнее было осознавать другое – это значило что скоро придет его время. Осталось ждать недолго.

Очнувшись в очередной раз, юноша застал перед собою еще одну навеванную бредом картину: высокий светлый образ женщины с размытым лицом. Она была одета в ярко-желтое платье в черную крапинку, а ее длинные светлые волосы венчала широкополая соломенная шляпа. Создавалось впечатление, что враз с лицом незнакомки расплывается и все вокруг, – люди, развешенная для сушки одежда, бледные облупившиеся стены, все расплывалось, ускользая из вида. Лишь необычайно яркое платье оставалось предельно четким, приковывая к себе взгляд полумертвого де Голля.

Приоткрыв глаза по шире парень взгляделся в то что изначально представилось ему черными крапинками на жел-

том полотне. Это были маленькие, округлой формы символы, чем-то напоминающие морской якорь. Как только юноше удалось рассмотреть их получше, эфемерный поток невесть откуда тут взявшегося ветра всколыхнул одежды таинственной особы, заставляя мелкие символы мельтешить на ткани.

Гостя заговорила, точнее издала череду звуков что едва могли быть приняты за речь. Нил лишь беспомощно созерцал странное видение, не в состоянии разобрать и слова. Как будто заметив это, девушка умолкла, неспешно протянув к юноше руку. Она нежно погладила его по голове, так, как это делала в детстве мать де Голля, когда ночами сидела у кровати больного ребенка. В этот момент Нил мог бы поклясться, что почувствовал, как нечто воздушное коснулось его волос. Грустно вздохнув фигура растаяла, оставляя после себя приятное чувство покоя. Давно де Голь не чувствовал себя так умиротворенно, даже страх смерти, что невидимой петлей сжимал его горло все это время, казалось отступил.

«Какое странное видение, – подумал Нил, продолжая пятлиться в то место где еще пару секунд назад стояла незнакомка. – Неужели это она? Предвестница моей гибели?»

Откуда-то из-за пределов поля зрения де Голля появилось еще несколько фигур, но на этот раз вполне себе материальных. Пара санитаров в порядке ежедневного обхода осматривала пациентов, наполняя кувшины с водой, меняя перевязочный материал, кормя тех, кто не мог уже держать ложку в руках самостоятельно, и опорожняющая полные зловонного

содержимого утки.

Подобравшись к лежанке Нила, двоица крупных увальней молчаливо переглянулась, сверившись со своими записями. Что-то изменилось. В этот день они вели себя не так как обычно: проверив пульс и оценив масштабы поражения грибком один из здоровяков плавно склонился над безвольно лежащим юношей.

– Эй, ты меня слышишь? Можешь проследить глазами за пальцем? – нарочито громко проговорил санитар водя пальцем перед самым носом Нила.

Де Голль все так же смотрел в точку где еще недавно была навеянная затуманенным рассудком нимфа, совершенно не реагируя на действия здоровяка. Заданные ему вопросы пролетели мима ушей Нила, оставшись где-то на задворках сознания. В ответ на бездействие пациента санитар аккуратно оттянул веко юноши вниз, обнажив желтые, покрытые лопнувшими капиллярами склеры. Осмотрев глаза он резко причмокнул, словно подытоживая что-то понятное только ему.

– Готов. Грузим его, – ответил на причмокивание его спутник.

Быстро принеся к койке Нила выдавшие виды носилки, здоровяки слаженными движениями переместили на них неподвижное тело де Голля, скомкав и сложив постельное белье вперемешку с одеждой ему под ноги.

Его понесли. Перед глазами парня мелькали длинные ка-

менные стены, грубо выдолбленные в них проходы, бледно-синие лампы и длинные провода, подобно крошечным капиллярам пронизывающие артерии-коридоры храма. Запутанные ходы и узкие проходы кишели жизнью, тут и там сновали фигуры в белых балахонах, подле них крутились вечно измученные солдаты, таская тяжеленные ящики с неизвестным содержимым, либо же толкая небольшие медицинские тележки, заполненные колбами, ретортами, и замысловатого вида инструментарием. Это был первый раз, когда Нил покидал изолятор без прикрывающей глаза повязки. В повязке больше не было надобности.

Юношу принесли в уже хорошо знакомую ему комнату – кабинет где его осматривали по прибытию, тут же его инспектировали жуткие врачи какое-то время назад. Но сейчас это место сильно изменилось, на смену высоким стеллажам и сложному оборудованию пришли многочисленные металлические столы, которыми здесь было уставлено практически все свободное место, от входа и до выхода. Между столами были образованы едва позволяющие протиснуться, узкие проходы. Сновали по ним не врачи, но многочисленные санитары, грубо стаскивающие или перекладывающие неподвижные, либо же еще барахтающиеся тела на многочисленные металлические поверхности. Помещение заполнял противный сладковатый запах, от которого в обычных обстоятельствах у де Голля сработал бы рвотный рефлекс. Самое страшное в этом всем было то, что выложенные неровными

рядами на столах еще живые люди не издавали абсолютно никаких звуков, за исключением тихого хрипа, что сопровождал их тяжелое дыхание.

Нил быстро оказался на очередном металлическом пьедестале смерти, в окружении чрезмерно ярких ламп и донельзя безучастных лиц. Холод железной поверхности неприятно контрастировал с исходящим из оголенных рук и ног юноши жаром. Тело парня уложили таким образом, что голова его была повернута к стене, лишая его возможности посмотреть на столпившихся вокруг него людей. Все еще пребывая в странном оцепенении, будучи не в состоянии пошевелить и пальцем, он мог только слушать голоса вершителей его судьбы:

– Черт, а ведь инфьюзию он перенес нормально. Да и из его потока почти половина выжила. Обидно, – констатировал молодой юношеский голос, сопровождаемый скрипящими звуками, что издает карандаш при чрезмерно усердной писанине на дешевой и некачественной бумаге.

– Да чего тут жалеть? Посмотри на него – безвольное трусливое ничтожество. Он ведь сам сюда пришел, трусился как дворняга и пискнуть лишний раз боялся, только перед самой инфьюзией попытался что-то выкинуть, и то облажался. Неудивительно что эгрегор его отвергнул. Пришла пора освободить его койку. У меня сегодня последнее поступление, понадобятся свободные места, – жестоко парировал другой, более низкий голос, отдающий металлом и полным

отсутствием эмпатии.

– Яма почти заполнена, утилизировать будем ближе к девяти часам. Подождете пока мы все подготовим? – пропыхтел неразборчиво кто-то издалека.

– Сука, ждать аж до девяти? Ну ладно, нет смысла тянуть его обратно, пускай лежит здесь. Вколи ему морфия, и двигай побыстрее в лазарет, мне нужны там рабочие руки, – вновь принял эстафету владелец низкого, жестокого голоса.

Вот так за несколько коротких фраз была решена судьба живого человека. Смертельный приговор был вынесен и невидимые куранты неумолимо отбивали последние часы жизни де Голля. Без каких-либо успехов и достижений, без славы и чести, так просто и нелепо его жизнь закончится здесь. Если бы Нил еще был на это способен, он бы заплакал, но слезы отказывались литься из практически остеклевших глаз.

Недавние собеседники разошлись кто-куда, оставив де Голля в окружении таких же малоподвижных бедолаг, безвольно возлежающих на железных поверхностях. Вернувшийся вскоре санитар чем-то шебуршал за спиной Нила, спустя минуту положив заполненный мутной жидкостью стеклянный шприц рядом с головой юноши, прямиком на переносную металлическую тару для хирургических инструментов. Издалека прозвучал оклик, и пробормотав себе под нос пару ругательств, медбрат поспешил удалиться, совершенно позабыв о своей жертве и уже готовом орудии убий-

ства.

Боковым зрением, сквозь застилающую глаза туманную пелену де Голль мог видеть шприц. Вероятнее всего внутри был упомянутый морфий, естественно, смертельная доза. Что же, по крайней мере смерть не будет мучительной – мирно и безболезненно заснуть чтобы никогда больше не проснутся, это не худший способ уйти.

На склизкой от испарины стене висел чей-то короткий указ, выведенный на толстой бумаге большими жирными буквами: «Утилизация подопытного материала допускается исключительно в бессознательном состоянии (полная анестезия, кома или клиническая смерть). Нарушение данного предписания влечет за собой административную ответственность для младшего мед. персонала; криминальную ответственность для старшего мед. персонала, включая лиц ответственных за совершившего нарушение».

Вместо подписи, в нижнем правом углу красовалась тщательно выведенная, особо крупная буква «Л». Неизвестный обвел эту букву чем-то красным, по всей видимости подчеркивая важность указа.

Позади раздались звуки шагов, за которыми последовала негромкая волокита. Подоспевший санитар судя по всему очень спешил, желая побыстрее закончить с неприятным делом. Мирно лежавший шприц быстро взмыл в воздух и всего через секунду приятная прохлада его содержимого уже растекается по венам юноши, поднимаясь от запястья до пред-

плеча и, наконец, сердца, разносясь оттуда по всему телу. Утомленный борьбой организм не сопротивлялся, беспрепятственно позволяя увлечь разум Нила в сладостное забытьё.

Забвение от ударной дозы столь сильнодействующего средства совершенно не похоже на сон, – сознание утекает сквозь пальцы вне зависимости от желания человека, в то время как надвигающаяся тьма всецело лишена каких бы то ни было сновидений и образов. Худшей частью всего этого всегда будут ужасные симптомы, сопутствующие пробуждению. В отличие от приятной расслабленности после долгого сна, наркоз болезненно третирует организм, мешая координации движений и затуманивая рассудок. Каково же было удивление де Голля, когда он ощутил эти эффекты на себе.

«Разве я не должен быть в отключке? Какого черта?» – невольно пронеслось в голове у парня. Точнее пронеслось что-то отдаленно похожее, так как после подобной дозы морфия о чистоте мысли и мечтать не приходилось.

Тьма расступилась перед взором Нила, оголяя реальность что в пору было спутать с кошмаром: прямо на парня смотрела пара намертво застывших, остекленевших глаз, низко посаженных в ссохшихся глазницах бледного как снег лица. В десяти сантиметрах от юноши лежал, вне всяких сомнений – настоящий труп. Де Голль попробовал вскочить, или по крайней мере отодвинуться от мертвеца, но ноги и руки не слушались его, даже повернувшись туловищем он был не в со-

стоянии. Ударивший в голову адреналин помог слегка очистить сознание, но так и не смог убрать остаточное влияние наркотика. Тело юноши было абсолютно обездвижено.

Тяжело дыша, парень мгновенно ощутил противные нотки трупного смрада, витающие в воздухе. Они знакомы каждому ребенку, что хоть раз находил на улице слегка разложившуюся крысу или птицу. Комок подступил к горлу, а моментально подскочивший пульс громкими толчками отдавал в висках. Неистово вращая единственной частью тела, что еще была ему подвластна, Нил к своему ужасу открывал для себя все больше жутких подробностей, заставляющих его кровь холодеть в жилах. Поверх трупа были грубо набросаны и другие тела, их скрюченные руки и оголенные ноги торчали во все стороны. Прислушавшись к ощущениям своего тела де Голль осознал, что и сам лежит на чем-то подозрительно мягком и холодном. В то же время нечто по тяжести примерно сопоставимое с мешком песка давило на него сверху.

Не смотря на то что дышал парень все чаще, кислород, как ему казалось, только убывал. Юноша отчаянно задыхался, давясь своим же беззвучным криком, но при всем при этом он даже не мог приоткрыть рот.

– Давай лей, новых тел сегодня уже не будет. Чем раньше начнем, тем меньше придется дышать этой гадостью, – донеслось откуда-то сверху.

Где-то загремели канистры, вслед за чем характерный

звук откручиваемого вентиля сменился размеренным бульканьем вытекающей жидкости. Что-то холодное стекая с расположенных повыше тел смачивало Нилу одежду, заливая лицо. В нос ударил сильный запах керосина. Вонь горючего была настолько сильна что она мгновенно перекрыла собой все трупные запахи. До де Голля довольно быстро дошло что это все могло значить.

«Нет, нет, нет. Я же еще живой! Сволочи, я же все чувствую! Действие морфия прекращается, доза была недостаточной! – отчаянно бился в клетке своего сознания перепуганный до смерти Нил. – Только не так! Только не огонь!»

Не смотря на все препятствия, расположенные между юношей и его убийцами, де Голль отчетливо услышал щелчок откидывающейся крышки военной зажигалки и последовавший за ним звук высекаемой кремнем искры. Жар начал распространяться почти мгновенно. Быстро раскалившийся воздух не позволял сделать и единого вдоха, болезненно обжигая нутро. Глаза заслезились от повалившего дыма, но жар от огня быстро испарил сочащуюся влагу. Невыносимо горячий воздух обжигал не хуже еще не добравшегося до кожи юноши пламени, в то время как никуда не девшееся оцепенение надежно сковывало его движения.

В своих мыслях Нил бился в агонии, вопя и стона, но в реальности не мог издать и звука громче невнятного мычания. Вся жуткая картина стоявшая у парня перед глазами стала поспешно сужаться, сжимаясь в единую точку,

предшествующую тьме смерти. Вопреки ожиданиям юноши не сладкая тишина встретила его, но разрывающий мысли в ключья звон. Он заполнил собой абсолютно все. Череду мелких белых пятен забрезжила перед взором де Голля, завертевшись в завораживающем хороводе. Растягиваясь в длинные нити и вращаясь все быстрее, пятна сплетались, подобно струнам резонируя под стать нарастающему звону.

«На этом твой путь не оборвется. Борись за право жить – вырви эту привилегию своими руками», – пропели нити устремившись к источнику звона. Сложившиеся в слова звуки были невыносимо громки, едва различимы на фоне царившей какофонии, но Нил слышал их. Лежа на своей койке в каменном бараке-изоляторе он разобрал каждое слово, с разинутым от ужаса ртом и широко открытыми глазами бывший санитар что есть мочи завопил, созерцая недавние фрагменты своей гибели. Этой выходкой он не на шутку перепугал мирно спавших соседей.

– Еще один крикун. Нам тут что, больного на голову сержанта мало? – недовольно встрепенулся пробудившийся солдат в нескольких койках от Нила.

Де Голль погиб, и в этом не было никаких сомнений. Он собственным глазами видел свою смерть, чувствовал губительный жар, вдыхал смрад горящих тел. Это не было сном и не было галлюцинацией. Видение столь реальное, столь болезненное, что неотличимо от жизни. Нет, оно и было жизнью.

Часто дыша, намертво вцепившись побелевшими пальцами в скомканную и мокрую от пота простынь, Нил растерянно оглядывался, убеждаясь, что все еще находится в месте своего заключения. Он испуганно осмотрел руки и ноги, грудь и живот, но нигде не виднелось и единого следа от ожогов. На нем была сальная военная майка и широкие спальные штаны, рука и часть груди замотаны в уже привычные бинты. Еще одним удивительным открытием стала чудесная подвижность: пускай и с трудом, но он мог худо-бедно двигать своими конечностями. Ему даже удалось самостоятельно усесться на кровати, – это действие, смехотворно простое для ребенка, совсем недавно было непосильно для измученного хворью юноши. Как необычно было после столь долгого оцепенения вновь управлять своим телом.

– Три пятерки! Да уж, Бройли, сегодня точно не твой день, это уже четвертая моя победа кряду. Еще две, и готовься отдавать сапоги! Ха, ха! Я вам еще всем дам прикурить, сукины дети! – негромко, но довольно выразительно прокрихтел ушлый игрок в кости с довольно специфическим прозвищем Ключа. Невероятным везением, а быть может и чуть более вероятной ловкостью рук он освобождал уже третьего новичка от груза личных вещей.

Дойдя до де Голля, невинное хвастовство чуть не привело к еще одному воплю и без того зашуганного юноши. Три пятерки и четвертая победа, грязная вонючая пара сапог и довольное урчание обогатившегося Ключи – Нил готов

был поставить свою жизнь на то, что он уже слышал все это. Выныривая из навеянного лихорадкой бреда, множество раз он вынужденно выслушивал нытье, сплетни и байки местного контингента, и эта самая победа шулера ему неплохо запомнилась. Тогда, в последние часы вменяемости перед тем как впасть в оцепенение, де Голль наслушался возмущенных претензий солдат, поймавших за руку мошенника на его шестой победе. Может ли быть, что это просто совпадение? Парочка наивных новоприбывших опять попалась на уговоры коварного Ключи, усевшись играть с ним в единственную доступную тут настольную игру и вновь повторила весь этот смехотворный сюжет с невероятной удачей, возможно ли это?

Весь мир перестал существовать для Нила. Всем своим естеством он сконцентрировался на идущей игре, жадно вслушиваясь в доносящиеся комментарии и безудержное бахвальство Ключи.

Серия новых бросков опять окончилась победой шулера, и стоило сказать с немалым перевесом – пятнадцать против семи. Де Голль напрягся, прижавшись лбом к прохладному железу каркаса койко-места. Он мучительно ожидал возможной развязки, следя за каждым движением участников игры: изысканная ругань пока еще ничего не подозревающей жертвы сменилась мольбами адресованными малоизвестным богам; дрожащие руки бросили на пол несколько костей, выпала девятка; ехидный смешок улыбающегося

Ключи перерос в уверенный бросок, окончившись ожидаемой победой. Раздосадованный оппонент негромко взвыл, бормоча проклятья, как вдруг его спутник протяну руку, указывая на оттопыренную штанину мошенника.

– Смотрите, там еще одна кость! А ну давай ее сюда! – недовольно бросил товарищ игрока, ловким движением выхватывая у зазевавшегося Ключи припрятанную игральную кость. – Ах ты погань, да тут же значений меньше четверки нет! Быстро возвращай сапоги, лживая скотина!

Прогрессировавший далее конфликт уже мало интересовал Нила, он ошарашенно застыл, не в силах поверить своим ушам.

– Но ведь так не бывает. Да не может такого быть. Почему все повторяется? – едва слышно пробормотал юноша, силась осмыслить все услышанное. – Так или иначе, я пережил смерть. Она выглядела как настоящая, ощущалась как настоящая... И что теперь? Мне что, придется перенести это еще раз?!

«На этом твой путь не оборвется», – вспомнились Нилу таинственные слова. Значит ли это что он может выжить, избежать этого всего? Парень грустно осмотрел поросший на нем грибок, вынужденно признав, что меньше тот не стал. Это значит, что вскоре за ним придут санитары и его судьба вновь покатится по уже намеченным рельсам.

Из барака не сбежать, особенно при нынешнем состоянии де Голля. О выздоровлении остается только мечтать. Спра-

вится со здоровыми (во всех смыслах этого слова) санитарам ему тоже не удастся. Вся ситуация выглядела как тупик. Юноша уселся поудобнее, обхватив голову руками. В такой позе он просидел не меньше двадцати минут, напряженно размышляя.

«Может я вскоре и помру, но точно не такой жуткой смертью. Уж это я, надеюсь, в силах изменить», – окончательно решил Нил, слегка свесившись со своей койки. Он начал водить рукой по полу, ощупывая гладкую каменную поверхность в местах где койка крепилась к каменной плите. Пара минут поисков принесла свои плоды – в руках у де Голля был крошечный острый камушек, отколовшийся когда-то от стен храма. Повертев находку в руке, Нил удовлетворенно плюхнулся на кровать. Этого должно хватить для его замысла.

В соответствии с планом юноши, как раз пришло время для долгого и чертовски тягостного ожидания. Вслушиваясь в размеренный шум барака, он неспешно перебирал в голове каждый запомнившийся ему момент еще не наступившего будущего. Де Голль решил отодвинуть вопросы о причине и природе пережитого им опыта на потом, ведь сейчас у него были дела поважнее.

Выделившийся адреналин потихоньку утихал в жилах Нила, забирая с собой недавнюю бодрость и неожиданный прилив сил. Знакомая слабость и сонливость вновь накатывали на парня, тяготеея затуманить и без того не самый ясный разум, но на этот раз юноша был к этому готов. Каждый раз,

когда коварно подбирающийся туман – предвестник фатального оцепенения, напознал на рассудок, готовясь сковать де Голля, утянув его в разверзнувшиеся пучины предсмертного бреда, парень изо всех сил сжимал кулак с камнем, вынуждая острые края находки болезненно впиваться в плоть. Боль была велика, больше было лишь желание бросить все это, отдавшись на волю увядающего тела, но все же она очищала сознание, вырывая юношу из объятий губительного тумана.

Еще в первые дни своей службы Нил наслышался разных историй. Байки о доблестных, почти наверняка не существовавших героях, о гнусных предателях и злобных врагах. Красивые сказки, призванные погрузить новоприбывших в нужную начальству атмосферу. Больше всего де Голлю запомнилась история о лейтенанте оказавшемся в окружении ловакйцев. Хитрые, в меру истории злобные дикари отчаянно пытались выкурить отряд лейтенанта из занятого укрытия. Злыдни окурили своими травами все окна и щели крепкого кирпичного дома, надеясь усыпить оборонявшихся солдат, чтобы впоследствии застать их врасплох. Лишь догадливый герой байки сумел додуматься до нанесения себе несерьезных увечий, болью удерживая себя в сознании. Было ли в этой сказке хоть что-то от реальности – Нилу только предстояло это выяснить.

Затянувшаяся борьба за трезвость рассудка чем-то напоминала череду попыток не уснуть, будучи сонным и утомленным: веки предательски слипались, мысли так и норови-

ли перерасти в смертельно опасные сны-видения, каждое новое «пробуждение» требовало жертвы в виде резкой боли в руке.

Рискованное противостояние с собственной слабостью затянулось. Пытаясь хоть как-то облегчить себе участь, Нил прибегнул к хитрости, решив занять затуманенный рассудок математическими вычислениями – взяв за основу число семь, он стал раз за разом прибавлять к этому значению девятку, занимая мозг несложными, но все же требующими концентрации вычислениями.

«Семь, шестнадцать, двадцать пять, тридцать четыре, сорок три... Опять сорок три, – резкая боль в руке и вот ряд чисел вновь проносится в сознании. – Пятьдесят два, шестьдесят один, семьдесят», – продолжил высчитывать де Голль. В совокупности с терапевтической болью, гимнастика для ума неплохо удерживала его в сознании, хоть это и стоило, как ему тогда казалось, титанических усилий.

И вот борьба со сном подошла к концу. Когда счет Нила перевалил за три тысячи, двое уже знакомых парню санитаров заглянули в барак, поочередно осматривая пациентов. Мрачная двоица подобралась к нему и де Голль применил абсолютный максимум своих актерских способностей, очень глубоко и при этом медленно дыша, демонстративно смотря немигающим, пустым взглядом куда-то вдаль.

Сверка с записями, проверка пульса, осмотр крохотных зарослей грибка – все шло в точности как в недавнем ви-

дении. Каждый маленький аспект, каждое невольное движение, каждый многозначительный взгляд были для де Голля не новы.

– Эй, ты меня слышишь? Можешь проследить глазами за пальцем? – будто вновь репетируя уже просмотренную Нилом пьесу, громко бухтел санитар, вода своими толстыми пальцами в десяти сантиметрах от лица застывшего де Голля.

Неприятно оттянув веко юноши, не позабыв с умным видом осмотреть пожелтевшие склеры и раздражающе причмокнув, санитар вопросительно покосился на своего коллегу.

– Готов. Грузим его.

«Даже не заметили подвоха? Они же проверили мой пульс. Ублюдки, да им же просто наплевать. Неужели меня забирают вовсе не из-за моего состояния, а просто по графику? Если бы к этому моменту я еще мог ходить, они бы тоже поволокли меня на убой, как скотину, чье дальнейшее содержание экономически невыгодно?» – Почему-то этот факт особенно задел юношу, он сильно сжал кулак с камнем, стиснув зубы до звона в ушах. Резкая боль слегка освежила голову юноши, позволяя сохранить трезвость рассудка в то время как его подобно тяжелому багажу тащили на носилках через бесчисленные коридоры храма.

Нилу приходилось и дальше играть роль чтобы не вызвать ненужных подозрений. Осторожно осматриваясь он с лег-

ким любопытством разглядывал внутреннее убранство своей тюрьмы, подмечая любопытные детали. Бледный свет газоразрядных ламп озарял великое множество разнообразного медицинского оборудования и необычной разборной металлической мебели, доверху забитой колбами, мензурками и исписанной печатной бумагой. Все стены были буквально уставлены походными сумками из которых виднелись сборные части вышеописанного инструментария. Примерно половина стеллажей и шкафов лежала в разобранном состоянии на полу. Между всем этим множеством оборудования, мебели и бюрократической макулатуры сновали десятки молодых ребят, утаскивающих полные сумки и приносящих пустые. По всей видимости начальство очень спешило покинуть это место, забрав с собой все что только можно. О причинах такой спешки оставалось только догадываться, но у де Голя не оставалось и малейших сомнений что треклятый грибок имел к этому непосредственное отношение.

Лишь единожды в процессе переноски юноше пришлось прибегнуть к своей болевой терапии – вблизи места назначения, приглушенный свет, вместе с царившей здесь приятной прохладой начали неумолимо склонять парня в сон, очаровывая его взор переплетающейся сетью проводов у стен да глубокими темными туннелями, что изгибами уходили в неизвестность. Неприятные болевые ощущения в районе ладони быстро напомнили ему о плачевности своего положения.

Нила принесли в «зал последнего осмотра» – так он называл его про себя. Резкий запах микстур, попеременно с вонью невымытых, слегка подгнивающих тел, заставил парня едва заметно содрогнуться, вдыхая ртом, дабы хоть частично избавиться от еще одной пытки. И вот уже железо хирургического стола неприятно холодит его едва прикрытое простыней тело. Несколько уже известных ему вершителей судеб незаинтересованно характеризуют и обсуждают его, как если бы он был куском мяса, выставленным на продажу. Все заканчивается откровением одного из местных работников о том, что скоро яму с трупами будут поджигать – осталось подождать до девяти, и целая куча человеческой массы перестанет быть проблемой.

Разбредшиеся по своим делам доктора и санитары оставили Нила без присмотра, жалким и беспомощным существом он лежал среди таких же неподвижных тел, ожидающих своей незавидной участи. Возящийся позади него медбрат наполнил шприц морфием, и тут же положил его на железный поднос, как только его позвали из соседнего помещения.

«Впервые в жизни я признателен медицинским работникам за их непрофессионализм», – горько усмехнулся про себя де Голль потянувшись за шприцом, сразу после того как убедился, что на него никто не смотрит. Он выдавил примерно треть содержимого под стол, аккуратно вернул стеклянный шприц обратно на место и вновь принял неподвижную позу эмбриона.

Подоспевший вскоре санитар, как и ожидалось не заметил подвоха, голова его явно была забита совсем другими вещами. Едва успев сделать инъекцию он быстро засеменял в другую сторону, увлеченно бормоча себе под нос некий список, предположительно содержащий то, что ему еще предстояло сделать по поручению своего начальства.

Как и в прошлый раз, де Голль не сопротивлялся наступлению наркотического сна. Если все пойдет согласно его плану, уменьшенная концентрация наркотика позволит ему пробудиться несколько раньше и даст шанс выбраться из жуткой ямы, полной мертвых тел. О том, что будет дальше, Нил пока предпочитал не думать. После всей этой многочасовой борьбы со сном, морфийное забвение виделось юноше настоящим блаженством. Это была его последняя передышка перед финальным забегом, и де Голль искренне наслаждался ею, помня, что пробуждение будет не из самых приятных.

И взаправду, выход из наркоза был тяжелым, намного тяжелее чем он парню запомнился. Быть может тогда оцепенение сыграло свою роль, а может из-за стресса Нил не обратил должного внимания на свое состояние, но в этот раз юноша очнулся с жутким головокружением, тошнотой и небывалой слабостью. Его встретил оскал мертвецки бледного лица, столь знакомый, сколь и пугающий. Просыпающееся тело юноши все больше ощущало вес мертвецов, наваленных на него кучей. Невыносимая вонь окутала де Голля. Бес-

престанно вращающаяся перед глазами картинка выхватывала сплетения скрюченных конечностей и очертания кошмарных лиц. Судя по виду, некоторые тела лежали здесь никак не меньше суток. Духота вместе со смрадом мертвечины – это незабываемый коктейль, обладающий выдающимся свойством выворачивать содержимого желудка.

Вкупе с головокружением, вонь едва не вынудила Нила извергнуть остатки своего давнишнего, уже дважды переваренного завтрака. Крепко-накрепко закрыв глаза, дыша через рот, парень попробовал освободить затекшие руки. Неожиданная дрожь и онемение обесценили его жалкие попытки. Под грудой тел юноша попросту не мог понять, как именно расположены его конечности, чтобы высвободить их. Свои члены он практически не чувствовал.

Вторая попытка оказалась успешнее – правая рука плетью ударила парня по его же лицу, будучи выдернутой откуда-то снизу. Сотни маленьких иголок впились в конечность, знаменуя собой возобновившийся приток крови, оживляющий руку. После удара на щеке осталось ощущение чего-то мокрого. Де Голь насильно увел свои спутанные мысли от обдумывания природы вещества что измарало его лицо.

При помощи правой руки удалось освободить и левую, вытянув ее из-под чьей-то особенно волосатой ноги. На ощупь выставив перед собой ладони, Нил ухватился за что-то массивное прямо перед ним. Держась за обхваченную опору и активно двигая корпусом он понемногу выскальзы-

вал из объятий мертвецов. Почти освободившись он резко одернул руку, явственно почувствовав чье-то прикосновение. В тот же миг открыв глаза, де Голль недоумевающим взглядом уставился на собственные дрожащие конечности, будто подпрыгивающие на еще мягкой мертвечине.

«Наверное, дернувшаяся рука задела кисть трупа», – убеждал себя Нил едва связными мыслями. Словно пытаюсь опровергнуть это утверждение, нечто вновь дотронулось до предплечья юноши, заставив его негромко взвыть, отчаянно дернувшись в хитросплетении человеческих останков.

Не смотря на свое состояние и крутящуюся картинку перед глазами, де Голль отчетливо разглядел движение – торчащая из людского завала ладонь самостоятельно сжалась, слегка задев юношу. Худшие догадки парня подтвердились: не было никакой ошибки, он был вовсе не единственным еще живым человеческим существом, брошенным в эту яму.

Все внутри Нила сжалось, на секунду ему показалось что он падает, падает вглубь нескончаемой бездны, в самую преисподнюю, куда его утаскивают тянущиеся отовсюду руки томящихся грешников. Они обхватывают его, затаскивая в самую глубину водоворота тел. Де Голль с трудом сглотнул комок подобранный к горлу, усилием отгоняя навязчивые бредни. Вновь закрыв глаза, он изо всех сил пополз, хватаясь за все что только могло послужить опорой. Его не останавливало ни редкое хлопанье, ни жуткие звуки, с которыми газы выходили из уже остывших тел. Он сдавливал мягкие тка-

ни и хватался за окоченевшие конечности, проползая через жуткую бездну, что была страшнее любых его кошмаров.

Даже ощущение чужих прикосновений более не останавливали его. Стиснув зубы юноша полз в одном направлении, боясь открыть глаза, боясь увидеть во что мягкое и еще теплое влезли его дрожащие пальцы на этот раз.

«Это ад, сама преисподняя. Если я открою глаза, если посмотрю на них – они меня утащат, я стану частью этого места...» – невольно пронеслось у него в голове.

Навевянные его опьяненным наркотиком разумом образы врывались в охватившую его темноту. Очертания протянутых к нему рук не иначе как чудом прорывались сквозь барьер закрытых век. За всепожирающим ужасом Нил не чувствовал ни усталости, ни боли. Царапаясь о острые ногти и зубы мертвецов он слепо полз, боясь остановиться.

Кошмар закончился лишь тогда, когда его исцарапанные и измазанные телесными жидкостями руки уперлись во влажный и мягкий грунт края ямы. Боязливо приоткрыв глаза, де Голль обнаружил себя смотрящим на возвышающийся выступ, высотой чуть больше метра. Над ним, подобно очертаниям рая виднелось голубое небо с россыпью длинных перистых облаков. Порыв ветра из-за края ямы принес порцию свежего воздуха, на мгновенье вытеснив собой трупную вонь.

Еще один комок подступил к горлу. Одним залпом Нил изверг из себя поток желчи, вместе с ним оставляя в этой

яме тянущиеся к нему руки мертвецов-грешников с огненной геенной, дышавшей ему в спину.

Пускай юноша и нашел твердую опору, слабость и дрожь в ногах так и не позволили ему встать. Он попытался ухватиться за края ямы, но те, в свою очередь, тут же обвалились, оставляя в руках парня комья земли с травой. Нил вцепился в земляную стену, переводя дух и готовясь для еще одной попытки. В этот момент со стороны донеслись звуки ходьбы. Увесистые сапоги гулко отбивали вытоптанную землю у края ямы. Сверху послышался грохот полных канистр.

– Вот свиньи. Как мы должны сжечь эту кучу имея на руках так мало горючего? Опять завсклада гос. имущество у нас за спинами втридорога загоняет. Крыса чертова! – донеслось издалека недовольное ворчание солдата. – Сержант, заливаем, или подождать еще следующую партию? – на сей раз громко и четко проговорил служивый.

– Давай лей, новых тел сегодня уже не будет. Чем раньше начнем, тем меньше придется дышать этой гадостью, – ответил ему обладатель на редкость низкого тембра.

Де Голль прильнул спиной к стенке ямы, старательно отводя взгляд от россыпи мертвых тел и прилагая максимум усилий чтобы не издать ни звука он пополз вдоль грунтовой поверхности, отталкиваясь от нее локтями. Ему страшно было даже подумать, что сделают с ослабевшим беглецом солдаты, если они его поймают. К счастью, притащившая канистры с керосином к яме двоица стояла как раз на выступе, по

внутренней стороне которого полз Нил, и не была в состоянии увидеть парня, скрываемого выпирающими вовнутрь краями этой братской могилы.

Сильный запах, сопровождаемый звуками расплескивающейся жидкости сопутствовал литрам керосина, выливаемым в яму. Де Голль двигал едва слушающимися конечностями изо всех сил, едва сдерживая отдышку. Яма своей формой напоминала утопленный в землю параллелепипед, к углу которого так спешил Нил. Он чутко внимал каждому звуку, опасаясь услышать раньше времени роковой щелчок зажигалки.

Оказавшись наконец у самого угла, де Голль собрал остатки своего мужества в кулак и переведя наконец взгляд на кучу трупов, ухватил одного из них под мышки. Тихо пыхтя, парень подтащил задубевшее тело к краю ямы, расположив его на манер лестницы. Даже вопиющее отвращение не могло сравниться в этот момент с волей к жизни юноши.

«Будь что будет, но здесь я не сгорю», – напомнил себе парень, карабкаясь по скользкому телу. Встав коленями на плечи мертвеца, ему удалось ухватиться за крепкую зелень папоротника, слегка свисающую из-за края ямы. Напрягшись всем телом, сжав зубы от небывалого усилия, Нил медленно вытаскивал себя из смертельной западни, оперативно хватаясь за все новые, удачно подвернувшиеся побеги растений.

Порядка десяти секунд зверских усилий, и дело было сделано. Тяжело дыша, де Голль возлегал в тени широких па-

поротниковых листьев, безразлично вслушиваясь в окружающий мир. Взглядом он бороздил разверзнувшиеся над ним бескрайние голубые небеса. Адский кошмар остался где-то там, глубоко внизу, пожираемый неумным пламенем.

Треск огня, шипение испаряющейся влаги и шелест суккоживающейся коры на бревнах что лежали глубоко под слоем тел, с лихвой заглушили звуки дерзкого побега. Уставшие солдаты, измученные ранними побудками и обилием работы так и не соизволили обратить внимание на странное мельтешение у края могильной ямы. Слишком увлеченные спасением от все нарастающего жара, они наспех уносили пустые канистры, не забывая попеременно обливаться водой из быстро пустеющих фляг. Побег удался.

Какое-то время спустя Нил смог найти в себе силы чтобы отползти на пару десятков метров на запад, найдя небольшой ручей и временно обосновавшись в тени густых зарослей. Насытившись живительной влагой, парень погрузился в глубокий сон, столь необходимый измученному организму.

На удивление, после всех пережитых ужасов ему снился далеко не кошмар. Во сне он стоял на пустой пристани всеми позабытого морского острова. На связанных просоленной веревкой досках красовался оставленный кем-то якорь, в то время как во все стороны простиралась бескрайняя морская ширь, испещренная маленькими, едва заметными волнами. Где-то высоко кричали чайки. Никогда еще во сне юноша не чувствовал себя так легко. Особенно занятным фактом бы-

ло то, что парень за всю свою жизнь не видел водоема крупнее небольшого озера, – моря и океаны ему доводилось созерцать лишь на картинках, но здесь, в реалиях сна все выглядело таким настоящим. Казалось, протяни только руки, и ты ощутишь морскую прохладу, ритмичные колебания воды, приятный морской бриз.

Впоследствии еще не раз де Голль задумывался над тем откуда его сознание могло почерпнуть столь реалистичную картину того, что ему видеть не доводилось, и мог ли быть тот сон как-то связан со спасшими его видениями.

Пробудившись юноша с удивлением обнаружил себя полным сил (разумеется по меркам еще недавно увядавшего существа). Он даже смог встать, пускай и придерживаясь за ствол невысокого дерева. Давно де Голль не чувствовал себя столь живым, равно как и столь голодным. В поисках съестного парень все дальше отдалялся от своей тюрьмы, неспешно оглядывая местность в надежде углядеть фруктовое дерево или хотя бы ягодный куст.

Несколько часов поисков одарили его лишь сильной головной болью да встреченным, шустро курсирующими между деревьями кольпом, за которым Нил так и не смог угнаться. Почти утратив надежду, он таки набрел на небольшую скрытую в бамбуковых зарослях охотничью хижину. Внутри была обнаружена связка вяленых бычков, что тут же пошла на прокорм изголодавшемуся беглецу. Помимо этого, в хижине удалось найти несколько бадей с уже застывшим кау-

чуком, целую коллекцию охотничьих ножей и простое льняное облачение, пришедшееся очень кстати нагому путнику.

Такой подарок судьбы не на шутку взбодрил де Голля. Он решил сделать хижину своим временным убежищем. С тех пор юноша еще не раз отдыхал в ней, запирая дверь изнутри. В моменты бодрствования он изучал окрестности в поисках новых источников провианта. За несколько дней ему удалось обнаружить пару хлебных деревьев, одну крупную саподиллу, прославленную своими восхитительными фруктами, и даже дынное дерево, более известное как папайя. В купе с собираемым подножным кормом все это неслабо разбавило рацион Нила.

С трудом веря своим глазам, юноша наблюдал как после каждого долгого сна на его теле остается все меньше грибковой хвори. Силы быстро возвращались к нему, и уже вскоре он мог безо всяких проблем проходить не менее десятка километров тропических зарослей в день. Увы, качество сна эти позитивные изменения не затрагивали. Парень нередко пробуждался от собственного вопля – кошмары стали его частыми спутниками. Не раз и не два ему снилось как руки бесчисленных мертвецов утаскивают его в глубины огненной геенны. Просыпаясь в холодном поту юноша до дрожи боялся вновь оказаться в ужасном мире сновидений. К великому сожалению, сладкие сны о бескрайнем море более его не посещали.

За все время своего пребывания в новообращенном убе-

жище де Голль так и не встретил гостей крупнее небольших кольпов. Хозяева хижины также не навевывались к своему пристанищу. Может их и вовсе уже не было в живых.

По какой-то причине разведотряды и патрули обминали бамбуковую рощу стороной, что было довольно странно, так как она находилась лишь в нескольких часах пути от военного лагеря. Перед сном Нил тщательно осматривал мягкий грунт и нежные листки бамбука вокруг хижины, но не находил никаких следов пребывания здесь других людей.

Истошив в течении недели все доступные источники пропитания, юноша пришел к выводу что оставаться в роще и дальше не имеет смысла. Собрав свои нехитрые пожитки он решил наконец покинуть ставшую ему столь ненавистной республику, взяв за ориентир единственное место, путь к которому он знал – военный лагерь. Нил понимал, что здоровой мыслью будет держатся от своей недавней тюрьмы на безопасном расстоянии. Он намеривался подобраться к ней только чтобы выйти на дорогу к ближайшей деревушке.

Вновь приближаться к месту что принесло ему столько страха и боли было по крайней мере волнительно. Всю дорогу де Голль нервно оглядывался, будто опасаясь слежки. Чем ближе он подбирался, тем больше пота ему приходилось смахивать с лица, размазывая вездесущую тропическую грязь, что всегда умудрялась оказываться на руках.

Встреча со столь значимым для него местом повергла юношу в шок, разверзнув для него целую пропасть вопро-

сов. Военный объект, или же то, что еще недавно им было, стоял полностью заброшенный. Покошенный частокол с настежь открытыми воротами скрывал за собой изрядно вытопанную сотнями ног грязь, с небольшой россыпью оставшихся плоских досок, используемых ранее в качестве тропинок. Все палатки, тонны ящиков и тюков исчезли, обнажая изрытую и изувеченную лысую землю. Громадный каменный храм одиноким гигантом возвышался над образовавшейся пустошью, но даже он выглядел пустынным и бесхозным – в его недрах стояла непроглядная тьма, а у входа ровным счетом ничего не располагалось.

В грязевых завихрениях, бороздя образованные из влажного грунта траншеи и колеи, рыскал десяток местных, облаченных в вещи, самым точным описанием которых стало бы слово лохмотья. Бродяги искали чем бы поживится, разгребая оставленный на земле мусор.

У главных ворот со внутренней стороны, намертво вбитой в землю стояла увесистая деревянная таблица длиной порядка двух метров. Этот кусок древесины был знаком де Голлю, – ранее ее использовали как подложку для агитационных плакатов и разных объявлений. Сейчас же всю ее поверхность занимал один огромный полусорванный лист бумаги, заполненный сотнями имен и приставленных к ним приписок.

«Отдавшие жизнь за родину. Вечная память героям!» – гласила жирная надпись сверху этого списка.

Заинтересованный Нил углубился в чтение, предполагая, что может встретить здесь имена сослуживцев. Каково же было его удивление, когда примерно в середине списка он обнаружил свое собственное имя!

«Нил де Голь – погиб в сражении с превосходящими силами противника», – не мог поверить своим глазам юноша. Запредельный уровень цинизма произвольно вызвал у него нервный смешок. Его не просто записали в погибшие, но использовали как очередной элемент пропаганды. Федерация не изменяла себе даже в таких мелочах.

– Оно и к лучшему, по крайней мере меня вычеркнули из всех реестров, а значит и спросу с меня никакого. Я не существую... Теперь официально, – едва слышно озвучил Нил свои мысли, позволив легкой улыбке охватить собственные уста. Шорох позади тотчас привлек его внимание.

– Эй! Эй ты! Парень, хочешь немного заработать? Мне тут надобно подсобить с погрузкой и перевозкой, сам я не управлюсь, – окликнул юношу неизвестный ему старик, что вез в телеге мусор, по всей видимости представляющий для местных немалую ценность. Телегу незнакомец тащил на своих же плечах. Обернувшись к нему, недолго думая де Голь кивнул.

– Чудно! Тебя как зовут то? – расплылся в беззубой улыбке старик.

– Ни... – чуть не поперхнулся собственным именем юноша. На мгновенье замерев он поспешно пораскинул мозгами

– так ли разумно использовать и дальше свое настоящее имя, учитывая дела в которые он еще недавно был вовлечен? Согласно реестрам Нил де Голль ведь уже мертв. Пускай старик и не вызывает опасений, но не лучше ли перестраховаться? Парень пробежался глазами по содержимому телеги старика в поисках вдохновения. Ему приглянулась пустая банка из-под грибных консервов. Это были те самые жестянки, содержимое которых так расхваливал де Голль еще будучи санитаром.

«Вердо Вердер Корпорэйшн», – бросилась ему в глаза тесненная надпись производителя. Про себя юноша усмехнулся иронии, в конце концов эта надпись была частью того немногочего что ему нравилось в это месте, быть может даже того единственного. Он слегка поигрался буквами, пока результат не стал удовлетворительным. С легкой улыбкой парень сказал:

– Верго, меня зовут Верго Вебер.

Глава 7. Его величество – ужас первобытный

Многие считают Помонт достаточно красивым местом, речь конечно же идет вовсе не о его культурных артефактах и инфраструктуре, скорее, заявляя подобное подразумевают живописные лесные виды и захватывающие дух горные массивы. Занятно, но подобные комментарии отпускают сугубо приезжие толстосумы, наслаждающиеся пресловутыми видами из дорогущих отелей и бронированных экипажей, что окружены охраной. Местный люд нечасто поднимает взгляд с пыльных дорог и разбитых мостовых, вполне возможно они слишком заняты выживанием чтобы оценить убийственную красоту безжизненных скал и замшелых горных завалов.

Как бы там ни было, каждое людское поколение княжества стабильно снабжало гостеприимную федерацию подрастающими убийцами, мародерами и ворами, в то время как с художниками, скульпторами и музыкантами было слегка туговато. Добропорядочным гражданам Равии хотелось верить, что власть имущие терпели потоки недружелюбных мигрантов сугубо по причине шедшим с ними в придачу совершенно необъятным количеством каменного угля, железной слюды и алмазов. Было все же что-то фундаментально неправильное в том, что богатейший природными ресурса-

ми член федерации был по совместительству наибеднейшим в финансовом плане.

Сложно было сказать, что именно власти княжества делали не так, ведь судя по скорости обогащения их родственников и размерам циклопических имений несложно было заметить, что предпринимательская жилка у этих ребят имела. Можно было бы указать на их вопиющую непорядочность, но у кого поднимется язык чтобы упрекнуть двенадцатикратного победителя конкурса «Лучший Предприниматель Помонта» в нечестности?

Наиболее сознательный гражданин княжества, невероятно успешный акционер и просто нечеловечески «принципальный» предприниматель – Олаф Гедройц, так сильно верил в святые для каждого капиталиста принципы честной рыночной конкуренции и здравого невмешательства, что попросту не посчитал нужным как-либо поддерживать деревушку, выходцем из которой он и был. Ныне же рыбацкая деревенька Поркень, прославившаяся порождением известного магната, ветшала, прозябая в нищете. От нескольких сотен жителей тут осталось в самом лучшем случае пару десятков бедолаг, с трудом удерживающих совместными усилиями дюжину хлипких построек от обрушения. Ни близость к реке, ни удачное расположение на солнечном склоне горы не спасало поселение от скорого забвения. Вполне символично что путники ведомые подуставшим Остином стали последними живыми людьми, посетившими это захолустье.

Заприметив остановку своих спутников, выючный жук резко убавил ход, заставляя карету с и без того расшатанными рессорами резко дернуться. Ощутимый толчок тотчас пробудил мирно дремавшего Верго, раскинувшегося на удобных подушках. Быстро оклемавшись сонный предсказатель потянулся, разминая затекшие плечи. Его уже привыкший к полумраку блуждающий взгляд остановился на скучающем наследнике, высматривающем что-то сквозь небольшой просвет в прикрывающей окно вычурной занавеске.

– Уже приехали? Даже обидно как-то. Я бы еще поспал пару часов, – небрежно проронил Вебер отодвигая занавеску чтобы выглянуть в окно.

– Я бы тоже не прочь поспать, но с вашим храпом об этом пришлось забыть, – обиженным голосом пробубнил безрадостный Марк. – Приличия ради я не стал вас будить, хоть вы и заснули прямо в разгаре повествования своей истории.

– Серьезно? Вот черт, старею! – шутя отозвался предсказатель, не без интереса разглядывая видневшиеся из окна деревянные лачуги. – В разгаре повествования говоришь? А на чем я там остановился, не напомнишь?

– Столько жути нагоняли, но остановились вы на рассказах о недурственной консервированной пище. И что-то я не понял, чему именно я должен был внимать и сочувствовать – тому что вы потеряли пару лет в военном лагере на юге? Боюсь вас огорчить, но вы не единственный такой в своем роде. Многим солдатам Помонта приходилось и похуже, – юноша

надменно окинул собеседника холодным взглядом, скрестив руки у себя на груди.

– Так значит я заснул говоря о консервах? И о том, что со мной произошло после первого полугодия службы рассказать не успел? – туманно вопрошал Верго совершенно не обращая на наследника внимания. Мысли его были крайне далеки от текущего разговора. – Что же, оно и к лучшему.

– К чему вообще была вся эта театральщина? Зачем вы всем представляетесь как Верго если вас зовут Нилом? – озвучил давно витавший в воздухе вопрос Марк.

– Н-да, если твоя женоподобная внешность может кому из придворных и приглянется, то мозгами ты точно не вышел. Сам подумай, если я ото всех скрываю свое имя, с какой радости мне сообщать его тебе? Нилом звали... – На секунду Вебер умолк, напряженно о чем-то размышляя. – Да почему звали? Зовут! Зовут так одного моего хорошего знакомого. Уж не думаю, что он сильно обидится что я позаимствовал его имя для одной истории. Учись читать между строк, без пяти минут князь.

– Не удивляйтесь, если первым же своим указом я запрячу вас за решетку, за такие то слова! – озлобленно выпалил наследник. На его щеках заиграл румянец, брови рассерженно наползли на глаза, а губы выровнялись в тонкую едва изогнутую вверх линию. Слова о внешности определенно задел юношу. С секунду помедлив тот все же грустно добавил:

– Хотя, едва ли это когда-нибудь произойдет. Чудо что мы

еще живы, и я сильно сомневаюсь, что нам удастся добраться до Ганои.

Губ Верго коснулась легкая улыбка. Юнец, впервые показавший ему зачатки того что можно было бы назвать характером, одним своим видом поднял предсказателю настроение. Про себя Вебер отметил что возможно, только возможно, с сопляком не все так и печально. Риганец знатно постарался чтобы сделать из наследника безвольную зашуганную мышку, готовую безропотно выполнить любое приказание, но именно будучи загнанными в угол, мыши подчас и обнажают свои неожиданно острые зубки. Верго это было известно, как никому другому.

История, что так и не была рассказана до конца Марку, несла в себе совсем другую цель, никак не связанную с развлечением наследника. Прокрутив давние события в голове Вебер напомнил самому себе, через что ему уже удалось пройти. Ни страшные видения Глари, ни полчища насекомых и рядом не стояли с тем кошмаром что ему пришлось пережить. Он перенес ад, выжив благодаря собственной смекалке и силе воли, не без руки помощи свыше, разумеется. Осознание значимости пройденного, подпитываемое надеждой о том, что это последние серьезные трудности с которыми предсказателю придется сталкиваться перед досрочной, пускай и заслуженной пенсией, наполнило Верго до краев, насыщая его долгожданной самоуверенностью.

– Глупости. Что бы за тобой не пришло, пускай это бу-

дут даже демоны из самого ада – живым и по большей части невредимым ты доберешься до Ганои. Ведь с тобой не абы кто, а человек бесчисленное количество раз бросавший вызов смерти, выигрывая раз за разом. Яды, покушения, засады и даже чудовища – ничто из этого не мешает мне выполнить свою работу, – проговорил Вебер с трудом веря, что это он сам так уверенно произносит столь пафосные речи. Появившаяся самоуверенность буквально вскружила предсказателю голову, предавая его словам особую убедительность. Бросив на собеседника не то ободряющий, не то пренебрежительный взгляд, разошедшийся горе-оратор привстал с подушек, отворяя дверцы кареты навстречу яркому солнечному свету. – Справься с внутренними демонами парень, а уж тех что придут за тобой наяву оставь мне.

Выскочив из остановившейся кареты предсказатель благоговейно вздохнул полной грудью, позволяя в меру прохладному ветерку окончательно пробудить его. Новое поселение вызывало у Верго смешанные чувства: здесь определенно не воняло так как в Глари, да и гор мусора было не видать, но все же десятки покошенных и развалившихся лачуг создавали тревожное ощущение заброшенности этого места. Жилым считался лишь самый центр поселка, удерживаемый хоть в сколько-нибудь приемлемом состоянии. Посреди немногих уцелевших хижин, на деревянных жердинах, позаимствованных из крыши чьего-то сарая, сушились рыболовные сети от которых неприятно несло несвежей рыбой

и тиной.

Слегка заросшие тропинки оплетали все видневшиеся здания, сходясь вокруг единственной на всю деревню мельницы, которая по виду уже лет десять как не функционирует. Немногочисленные постройки выглядели мягко говоря ненадежно. Примерно половина из них была подперта крупными бревнами, уберегающими от обвала обветшалые древесно-глиняные стены. За мельницей виднелся старый скотный двор, стоящий впритык к деревянным лавкам рынка. Сказать, что обе эти структуры знавали лучшие времена – это ничего не сказать. Чудом был сам факт того что они еще не сложились карточным домиком под напором суровых помонтских ветров и проливных дождей.

Вебер уже был готов признать Поркень очередной деревянной гробницей Помонта, как вдруг заметил движение к западу от мельницы. Там, неподалеку от крохотной, сбитой из досок церквушки, располагался старый, но довольно крепкий каменный колодец. Стоящий у него мужчина средних лет с немалым упорством зачерпывал из колодца воду ржавым железным ведром. В качестве второй емкости незнакомец использовал крупную канистру со срезанным верхом. Наполнив оба вместилища он нацепил их на древнее как сама деревня коромысло, подняв которое засеменил в направлении одной из лачуг.

– Это вам конечно не уютные улочки Ганои, – заметив уныние Верго подначил того Голдберг.

– С каждым разом поселения все хуже и хуже, стало быть, в следующий раз остановимся на погосте? – безвкусно отшутился Вебер, совершенно не скрывая своего разочарования. После долгого пути, неудачной остановки у леса и всех тех невзгод что ему довелось перетерпеть в этом путешествии, предсказатель надеялся хоть раз отоспаться на мягкой перине в каком-нибудь придорожном гостевом доме. К сожалению для него, таким ожиданиям не суждено было сбыться. Похоже, что лучшее что его ждет, это холодная грубая лавка вместо кровати да протекающая дырявая крыша, сквозь щели в которой будет безустанно прорываться ветер. Верго тихо вздохнул, брезгливо оглядев несчастную Поркень еще раз.

Остин тем часом решил не терять времени зря, уверенной походкой он направился к хибаре где скрылся таинственный водонос. Арчи быстро последовала вслед за своим братом, негромко напевая малознакомую Верго мелодию себе под нос. Скрывшись внутри старой постройки они оставили своих спутников на улице, уставших и голодных. Не прошло и десяти минут как эта двоица вновь прытко возникла на крыльце, взмахом руки подзывая всех к дому.

Силой солдатской прямолинейности и парой звонких монет главарь наемников обеспечил свою группу кровом и пищей. Стоило отдать ему должное – он умел быстро договариваться.

Обрадовавшись привалу, гвардейцы энергично затаскива-

ли свои сумки и увесистые клады в дом, покончив с этим они принялись разгружать поклажу выючного жука, пытаясь отыскать среди бесчисленного множества припасов кухонную утварь. Самого жука надежно привязали к крупной деревянной балке в стойлах пустующего скотного двора, предварительно открепив от него карету. Животное взволнованно засуетилось, осознав, что его оставляют наедине, но быстро успокоилось заприметив три ведра припасенного для него Бароном овса. Пускай скотный двор и располагался вдали от того дома где остановилась группа Остина, лишь там были достаточно массивные балки чтобы выдержать столь крупную животину. Привяжи наемники жука к древесным подпоркам крыльца, и здание бы рухнуло при первом же неуклюжем движении насекомого.

Совершенно не обращая внимания на суету гвардейцев, Вебер неторопливо осматривал окрестности, заглядывая в темные прямоугольники окон и затененные дверные щели, сквозь которые при желании вполне себе можно было бы шпионить за жильцами. Было все же что-то странное в глухой тишине деревни, разбавляемой лишь возней новопривывших. Скрупулезно осмотрев весь центр поселения (по крайней мере его уцелевшую часть), предсказатель так и не наткнулся ни на одну живую душу. Даже его редкие оклики не привлекли ничьего внимания.

Свисающие со стен практически любого дома рыболовные снасти зловеще оплетали собой деревню, раскачиваясь

на ветру словно подрагивающая паутина в которой вот-вот увязнет нерадивая жертва. Разумеется, никто из жителей не был обязан собственноручно приветствовать гостей деревни, да и отсидка в поселке вовсе не способствует увеличению улова рыбаков. Не было исключено что те немногие граждане не что еще не покинули Поркень, были заняты выловом пропитания, или же, например, спали – многие отдаленные поселения по всей федерации имели собственные расписания рабочего дня, бодрствуя, когда столица спит, и отсыпаясь, когда лежебоки Анкоты заканчивали с полдником и приступали ко второму обеду. Благо, безудержно светящее солнце это позволяло.

Мрачно разглядывая развалины покинутых избушек, Верго вытер влажный лоб. На сей раз удаленная влага вовсе не была потом, это обыкновеннейший конденсат, вызванный чрезмерной влажностью воздуха. Уже как с пятнадцать минут притихший ветер перестал двигать воздушные массы, циркулировавшие в легочной системе Поркени. Поселок задышался тысячами мелких капель, плотной взвесью оседающими в воздухе. Рыболовные сети, до того развевавшиеся на ветру, бездушно осели. В воздухе воцарился устойчивый запах тины.

Восприняв перемены не иначе как сигнал свыше, Верго неспешно направился к дому, надеясь хоть там спрятаться от появившейся рыбацкой вони. Прямо у входа в хибару он застал Барона, беспокойно переминающегося с ноги на ногу.

– Впрочем мы прибыли сюда, мистер Вебер. Опоздай мы хотя бы на пол часа, и пришлось бы нам плутать в дымке. Только посмотрите, еще недавно чистый горизонт знатно побелел! – указал Голдберг на спускающиеся с гор молочно-белые клубы тумана.

Предсказатель утвердительным кивком ответил на реплику Барона, с любопытством и легкой тревогой наблюдая как быстро туман поглощает склоны, обтекая скалы и пожирая немногочисленные, чудом не засохшие ели. Не став дожидаться пока величественное стихийное явление дойдет до деревни, Верго скрылся внутри здания. Смесь запахов пряных трав, чеснока и вяленой рыбы, многократно усугубленная дымом, паром от готовки и духотой, заполнила ноздри предсказателя. Не удержавшись, Вебер громко чихнул, едва успев прикрыться рукавом кафтана.

Внутри покошенного здания оказалось уютнее чем он себе представлял. Помещение было вытянуто слегка изогнутой буквой «Г», встречая гостя с порога весьма странным, но на удивление гармоничным убранством: увешенные чем-то вроде бурых потрепанных ковров стены обступали лакированный деревянный пол, балки перекрывающие своды крыши несли на себе десятки закрепленных пучков сушащихся трав, среди которых проглядывались беленькие ромашки, пахучая лаванда, связки чеснока и душистая полынь. Под всем этим растительным разнообразием располагался сбитый из обожженных еловых досок, крупный лакированный

стол и пара разукрашенных традиционными помонтскими узорами лавок, стоящих от него по обе стороны. Помимо прочего в доме присутствовала крупная грубо побеленная глиняная печь, пригодная как для приготовления пищи, так и для обогрева филейных частей владельца дома холодными ночами. Ближе ко входу стоял непомерно здоровый платяной шкаф, содержащий в себе, по всей видимости, годовой запас пыли. Обок этого гигантского пылесборника располагался длинный, адаптированный под еще одну скамью ларец, устланный тонкой, слегка закопченной тканью. Самый дальний угол дома, будучи уставленным разной утварью на манер лопат, удочек и вил также служил слегка укрытым входом в небольшую кладовку.

Еще до пришествия Верго наемники уверенно оккупировали все пригодные для сидения поверхности, с нетерпением ожидая готовности запекающегося в печке картофеля. Пуская слюни и громко переговариваясь, бойцы наполняли нутро здания приятным и успокаивающим гулом своей беседы. Чем-то здешняя атмосфера определенно напоминала предсказателю царящий в тихих уголках федерации дух вечно переполненного кабака. В хорошем смысле.

Между гостями из стороны в сторону бродил хозяин. Это был щуплый бородатый мужчина средних лет, облаченный в мешковатую льняную рубаху, лишенную какого бы то ни было узора, как и различного цвета, да в пару на редкость измаранных штанов, почти полностью закрывающих надетые

на босую ногу лапти.

Как выяснилось впоследствии, этот обладатель низкого сиплого голоса звался Раус, с ударением на первый слог. По мнению Верго, суровое имя отлично подходило заросшему рыбаку. Хозяин оказался немногословным и довольно неловким человеком, пытающимся угодить всем и сразу, но при этом скорее путающимся под ногами, нежели приносящим реальную пользу. Его слишком уж краткие советы, скудные любезности и попытки подсобить вконец осточертели собравшимся в доме людям уже к концу первого получаса, едва не вынудив Остина высказать Раусу в лицо в своей классически-жесткой манере что он о нем думает. Напряженную ситуацию разрядила вовремя вмешавшаяся Арчи, уведя хозяина в дебри полу-философских рассуждений о тяжбах жизни в Поркени.

Барон неподвижно восседал у самого окна, все эти пол часа хмуро и молчаливо наблюдая за окружающим деревню туманом. Иногда он слегка оборачивался, бросая на предсказателя быстрый и многозначный взгляд, и каждый раз у последнего складывалось ощущение что вот-вот, и усач заговорит с ним своим привычным дружелюбно-заговорщицким тоном, но вновь и вновь Голдберг тревожно обращал свой взор к окну, словно не находя нужных слов для беседы.

Верго все понимал. Их с Бароном разговор о предчувствиях был в меру информативен. Если на пути к поселению усач еще пытался поддерживать бодрый вид, отшучиваясь и тра-

ва свои многочисленные байки, то здесь, почти что физически ощутимая угроза, застывшая в жарком воздухе, выдрала из Голдберга все его остатки самоуверенности и жизнерадостности.

Предсказатель все еще испытывал на себе приятные седативные последствия от выпитой какое-то время назад настойки. Будучи в состоянии поднятого духа, навеянном спонтанным самовоодушевлением в карете, он небрежно отмахивался от тревожного чувства, аргументируя себе же свое спокойствие отсутствием каких бы то ни было видимых угроз. Пускай он и не был доволен остановкой в столь жутком месте, излишне паниковать Верго тоже не желал.

Туман тем временем полностью поглотил всю деревню. Видимость на улице уже составляла не более двадцати метров, и уверенно продолжала падать. Окрашиваемые пробивавшимися с горных пик лучами солнца, клубы молочной взвеси принимали темно бурый цвет. Веберу доводилось слышать о розоватых туманах на берегах единственного моря федерации, что звались местными «кровоавыми», хоть и не несли в себе угрозы, но вот о бурых дымках до этого дня он и слова не слышал. Впрочем, чрезвычайно активный Раус поспешил заверить что для их глубинки это не что иное, как обыкновеннейшее явление. Наемники с умным видом закивали, пускай и отпустив пару комментариев о недобром знаении, да только мрачная мина их предводителя дала знать, что Остина слова хозяина не очень то успокоили.

Волнение Голдберга передалось главарю наемников, да в такой мере, что тот соизволил самолично подойти к Веберу, поинтересовавшись все ли в порядке. Предсказатель заверил Остина, что пока любое волнение беспочвенно и при первом же видении тот будет извещен в числе первых.

Задумчиво осмотрев сквозь окно клубы тумана, тот все же приказал затащить внутрь дома притаившегося в карете наследника и понадежнее захлопнуть все ставни.

Хозяин дома добродушно разрешил гостям брать из дома любое съестное что они только найдут. Какой же щедрый малый этот Раус! Такого гостеприимства от обитателя Помонта Вебер никак не ожидал. Изголодавшихся наемников, раззадоренных запахом печеного картофеля дважды просить не пришлось – мужики за обе щеки улетали любую попавшуюся на глаза снедь, чудовищно быстро опустошая запасы вяленой и сушеной рыбы. Недолго думая, Верго присоединился к ним, задорно отделяя рыбы головы и отплеываясь острыми костями. В конце концов к трапезе приступили все за исключением одного только Марка, стеснительно вжимавшегося в самую отдаленную скамью. Вытянутый наконец из своей раковины парень здесь явно чувствовал себя не в своей тарелке.

Как это не печально, все хорошее, как ему и положено, всегда заканчивается: отправленная за водой двоица наемников, в числе которых был Блиц, уже почти пол часа как отсутствовала. Путь к колодцу, даже с учетом самой неспеш-

нейшей из возможных неспешных походок, занимал никак не больше нескольких минут, да и процесс набора воды был не из самых долгих. Взведенный будто арбалетный болт перед боем Остин, тихо рычал о том, что он сделает с юным обладателем непрогнозируемой фамилии в случае если задержка состоялась по его вине. Подождав еще пять минут он досадно огласил о необходимости сформировать отряд, что будет направлен вслед за пропавшими. В доме воцарилась неуютная тишина.

Не успел Остин огласить список всех входящих в группу поисков людей, как ведомый неумным любопытством, добровольцем вызвался Вебер, перетянув очумелые взгляды наемников на себя. Удивленный главарь гвардейцев впился глазками-бусинками в самодовольного предсказателя. С секунду простояв с невысказанным вопросом, застывшим у него на устах, он поспешил осадить Вебера:

– Ты нужен мне здесь.

– Зачем? – иронично усмехнулся Верго. – Какой от меня толк здесь? Мои видения, которые вас так интересуют, здесь, в безопасности и покое не возникнут. Увы, но чтобы вам хоть как-то помочь я вынужден лезть в самое пекло. Таков уж характер моих сил, и я с этим ничего не поделаю. Не стоит за меня беспокоиться, если там есть что-то действительно опасное, то мне то оно грозит как раз меньше вас всех, а вот своевременно идентифицировать угрозу – бесценно. Позволь мне выполнить свою работу.

– Индетенфицировать... – с трудом ворочая языком, исковеркал слово один из гвардейцев, сидевший по правую руку от предсказателя. Пускай краткая речь Вебера и адресовалась сугубо Остину, большинство присутствующих, пускай и с некоторыми оговорками, но довольно хорошо поняли, о чем говорил Верго.

Главарь наемников с подозрением оглядел лицо предсказателя, словно пытаясь заглянуть за невидимую маску, за которой скрывались истинные его намеренья. Спонтанное рвение Верго смутило Остина, и тот перебивал в раздумьях, взвешивая все за и против. Наконец собравшись с мыслями он таки дал добро авантюрному Веберу на то, чтобы тот отправился вместе с группой, в которую, помимо него вошло еще четыре человека.

Не теряя времени зря, пятерка бодро, но все же осторожно выдвинулась, покидая свое теплое и уютное убежище. Группа двигалась слитно, заключив предсказателя в квадрат, согласно указаниям своего лидера. Гвардейцы, еще пару дней назад возмутившиеся бы подобному приказу, сейчас выполняли его четко, без малейшего намека на ворчание и жалобы – слишком уж хорошо запомнилось им вмешательство Вебера, спасшее их шкуры во время нашествия жуков.

Быстро и молча перебиралась пятерка к колодцу. Оберегающие предсказателя наемники двигались повернувшись к нему спиной, зорко осматриваясь в поисках любого возможного источника опасности, заранее обнажив короткие мечи.

Верго тоже прытко крутил головой, да только мало было от этого толку, поскольку видимость в густой бурой дымке была почти нулевая. Неспешно завиваясь, клубы тумана облегли абсолютно все предметы в пределах своей досягаемости, оставляя на них россыпь мелких капелек влаги. Стоячий жутко влажный воздух неприятно душил шествующих мужчин, заставляя их особенно часто дышать. Лишенная возможности что-либо разглядеть, вся группа двигалась практически на ощупь, ориентируясь скорее по памяти, благо идти до колодца было взаправду недалеко.

Когда каменные очертания искомого таки возникли перед ними, один из гвардейцев, заметив что-то восседающее на кладке колодца остерегающе поднял руку, остановив движение отряда. Жестами приказав остальным оставаться на своих местах и ждать, он медленно приблизился к выделявшемуся на фоне зацементированных булыжников небольшому объекту, неподвижно покоившемуся у опрокинутого ведра.

Гвардеец ступал плавно и в то же время уверенно, планомерно приближаясь к своей цели. Верго затаил дыхание от нетерпения. Он быстро заметил что остальные тоже замерли на его манер, терпеливо ожидая команды своего коллеги. Выдержка и профессионализм наемников приятно удивили предсказателя, еще во время встречи с полчищами насекомых он убедился, что его спутники были не из робкого десятка, но сейчас, наблюдая за солдатами в их стихии предсказатель невольно восхищался слаженностью и проду-

манностью их действий, даже без Остина они что-то да из себя представляли. По всей видимости единственной причиной по которой эти ребята так и не смогли толково организовать оборону в борьбе с насекомыми, была крайняя неординарность положения – они попросту никогда не имели дела с чем-то подобным. Сейчас же, находясь в мало-мальски привычной для себя ситуации, гвардейцы умело и без лишних слов делали то что должны, так, как тому были обучены.

Вебер уже готов был их про себя похвалить, как тут же был спущен с небес на землю зрелищем полным вопиющей некомпетентности. Подобравшись к таинственному объекту вплотную, наемник громко взвизгнул, отшатнувшись в страхе он обрушил вес всего своего обмундированного, защищенного дубленой кожей зада на несчастное деревянное ведро. Предательски громко затрещав, сельский инструмент беспомощно рассыпался. Темный объект, оказавшись небольшой птицей, расправил крылья и вспорхнул, скрывшись в туманной дали. Один из гвардейцев пустил невинный смешок, другой выдал парочку отменных ругательств.

– Что, принцесса, портки обмочил от вида птахи? – язвительно усмехнулся конвоир Верго, подавая руку своему сидящему на земле собрату.

– Череп! – зашипел перепуганный бедолага.

– Чего?!

– У паскуды был вместо башки голый череп! – излишне громко запричитал униженный гвардеец, вцепившись обеими

ми руками в запястье помогавшего ему наемника. – Ни клюва! Ни глаз! Ни черта, кроме пустой черепашки. Чтоб мне пусто было!

Из-за тумана никому другому из присутствующих так и не удалось толком рассмотреть улетевшую птицу. Но даже так, наемникам, как и предсказателю было сложно поверить, что птица без глаз, мозга и клюва могла бы спокойно, как ни в чем не бывало летать по округе.

– Пить надо меньше и не будет тебе мерещится всякая гадость. У нас тут у всех нервишки гуляют, но мы же не визжим на всю округу как резанные свиньи! – посыпались закономерные упреки на проштрафившегося бедолагу. – Кто бы тут ни был, теперь он точно знает, что мы здесь.

– В состоянии стресса, да еще и в условиях плохой видимости коварный разум может обманывать нас самыми разными иллюзиями, – примирительно прошептал Вебер, хлопнув перепуганного гвардейца по плечу.

– После того дерьма что мы пережили ты мне не веришь? Куча гребаных насекомых, жрущая все у себя на пути звучит как что-то более правдоподобное чем птица с мертвой башкой? – обидчиво протянул наемник, оттолкнув руку предсказателя от своего плеча.

Верго уже открыл было рот чтобы ответить, как вдруг, в воцарившейся на мгновенье тишине сразу с нескольких сторон раздался шелест рыболовных сетей, колыхавшихся словно в такт зловещей симфонии. Пятерка мужчин насторожен-

но замерла. Пот, смешиваясь с осевшей от тумана влагой устилал им лица, предательски заливая глаза.

– Ветер, – на выдохе простонал гвардеец, кривясь в жалостливой гримасе, – сука, ветра нет. Кто трогает сети?

Одеревенелыми руками гвардейцы выставили вперед себя мечи на манер копий. Вебер вжался в кладку колодца, вслушиваясь в глухую тишь деревни. Вся группа затаила дыхание, заполняя давящую тишину звуками своего учащенного сердцебиения. Сети зашелестели вновь, задевая собой разные деревянные поверхности с характерным пощелкиванием. Воображение Верго живо нарисовало ему картину оплетающей всю деревню единой сетью паутины, потревоженной забредшей в нее, ни о чем не подозревающей добычей. Если паутина исправна, то где же ее хозяин и по совместительству охотник?

– Блиц... Блиц, это ты там? – почти что шепотом спросил наемник расстилающуюся перед ним туманную бездну.

– Блыц... Блыц, эсо сы сам? – донеслась из глубин преисподней жуткая искривленная пародия, изувеченная скулящим басом неизвестного шутника.

Никто из пятерки ничего не сказал. Слова были здесь излишни. В их головах осталось лишь одно слово – «бежать». Бежать как можно дальше от этого места, не останавливаясь и не оглядываясь. Предсказатель был уже готов броситься наутек, но немая непоколебимость спутников остановила его. Не смотря на очевидный испуг, никто из них даже не по-

шевелился. Серая сталь клинков уверенно прорезала плоть зловещего тумана, держа оживший кошмар на расстоянии.

– Судя по звуку оно где-то в стороне нашего дома. Сейчас, как подам сигнал, рванем к скотному двору. Уведем его подальше. Держим формацию и не опускаем мечи, – холодным железом прозвенел в воздухе план гвардейца. Пускай голос его едва заметно дрожал, озвученный лаконичный план быстро привел группу в чувство, отрезвляя разум.

Прошло порядка трех секунд, показавшихся мужчинам вечностью, перед тем как их временный предводитель что было силы завопил, знаменуя криком начало реализации наспех сформированного плана:

– ОСТИН! ЭТО ЛОВУШКА!

Сумбурный путь к скотному двору совершенно не запомнился Веберу. Казалось сам туман вел их к этому месту, расступаясь на заветной дороге и сгущаясь позади. С виду прочная стена, состоящая из множества плохо обтесанных бревен внушала взволнованным мужчинам некоторую уверенность, – теперь по крайней мере с одной стороны можно было не ожидать нападения. Верго хаотично ощупывал влажную деревянную поверхность, пока наконец не провалился в заветный темный проем.

Двое гвардейцев перекрыли вход снаружи, в то время как вторая двоица осторожно обследовала помещение изнутри. К счастью кто-то позабыл у проема керосиновую лампу. Повозившись в потемках с пол минуты, с трудом удерживаю-

щий в руках огниво предсказатель сумел-таки зажечь фитиль. Бледно-белый свет озарил пустые, мрачные стойла. Вьючный жук отсутствовал. Учитывая его габариты это было заметно даже не смотря на проникший в здание туман и скудное освещение. Одинокó болталась вязь перекушенных веревок, свисающих с той самой балки к которой привязывали жучьего принца.

Предсказатель молча переглянулся с ближайшим из своих спутников. Им обоим было ясно что мирная животина даже будучи смертельно перепуганной, физически бы не смогла этого сделать, ввиду особенностей строения своей головы. Вертки крепились к сбруе насекомого таким образом, чтобы всегда находится над головой, вне досягаемости мандибул. Тут же, при приближения прекрасно было видно, что концы конопляной привязи были кем-то сильно пожеваны, о чем так же свидетельствовала скапывающая с них тягучая влага.

Должно быть где-то в этот момент в головах друзей по несчастью должна была пронестись единая по смыслу, но такая разная по форме мысль следующего содержания:

«Похоже дела приняли поистине скверный оборот – все даже хуже, чем кажется».

Эта внезапно возникшая мысль была на редкость точна, и беднягам, оказавшимся столь несвоевременно в стенах заброшенной фермы еще только предстояло в этом убедиться.

Осматривая дальнюю стену длинного помещения, куда

едва добивал свет от лампы, гвардеец тихо подозвал предсказателя энергично жестикулируя, тем самым демонстрируя что нашел нечто серьезное. Едва не упустив светильник, широким шагом приблизился Верго к взволнованному наемнику. Открывшийся вид вызвал у присутствующих рвотный спазм, – закрывая носы рукавами, мужчины как вкопанные таращились на россыпь кровавых ошметков, тонким слоем покрывающую каменный пол. Определить кому или чему принадлежали мелкие бесформенные кусочки уже было совершенно невозможно. Но что было ясно точно, так это то что появились они здесь совсем недавно. Хоть запах и был отвратен, но со смрадом гнили или же тухлятины он не имел ничего общего. Это был обыкновеннейший запах крови, хорошо знакомый всем, кто хоть раз посещал мясной рынок.

Грустно осмотрев свои сапоги, к подошвам которых по неосмотрительности их владельца налип плотный слой кровавой кашицы, предсказатель отринул от неприятной находки. На сегодня ему и так стресса хватает, чтобы стоять здесь и дальше, наслаждаясь столь нелицеприятным зрелищем.

Негромкий писк привлек внимание всех троих мужчин, заставив Верго осветить дальний угол, уставленный ржавыми вилами. Из мрака выглянула облезлая старая крыса, чередой мелких шажков приближавшаяся к куче кровавого меса.

Вебер поморщился, представляя себе с каким удовольствием грызун будет рыться в гадких алых кусочках. По

всей видимости не одного предсказателя смутило обнаглевшее животное, и крупный с виду наемник, стремясь отогнать охотника за падалью шагнул в его направлении, уже занеся ногу для пинка. Секундная заминка наемника смутила Верго, и тот, слегка приблизившись остановился рядом, изумленно наблюдая за вторым «хвостом», тащившимся вслед за крысиной тушей. В отличии от своего основного, мясистого собрата, второй «хвост» совершенно не изгибался, прямой линией следуя за своим хозяином. Когда же грызун оказался достаточно близко, в свете лампы и вовсе стало ясно что за лишним отростком от самого темного угла из которого и выползло существо тянется темно-красная линия.

Крыса остановилась в полуметре от застывших мужчин, встав на задние лапы и издав звук отдаленно напоминающий шипение. Раскрывшееся брюхо озадачило присутствующих ничуть не меньше мясного месива за их спинами. Из распоротого живота тянулась тонкая линия кишок, оставляющая за собой скудный кровавый след.

Зашипев еще громче крыса неожиданно прытко прыгнула, набросившись на спутника Вебера. Жуткий зверек, покрасовавшись в воздухе колыхающимся нутром, вцепился в шею гвардейца, нещадно кромсая беззащитную кожу острыми коготками и зубами. Наемник болезненно всхлипнул не то от неожиданности, не то от боли, ухватил зверька за холку, со всего духу запуская шерстяную тушку в воздух. Вместе с ожившим трупом крысы в воздух отправился и кусо-

чек выгрызенной плоти бравого бойца. Из открывшейся на шее раны тотчас хлынула кровь, темными потоками заливая кожаный воротник. Ранение выглядело ужасно, но у троицы не было времени его рассматривать, – ловко извернувшись в воздухе, кровожадный крыс успешно приземлился на лапы. Не тратя впустую времени он бросился уже на Верго.

Предсказатель довольно поздно сообразил, что вообще не взял с собой чего-нибудь пригодного в роли оружия, отбиться же хрупкой и пожароопасной лампой ему совершенно не хотелось. Здоровый и более опытный в этом деле наемник, на счастье Вебера оказался смысленее и проворней, умелыми движениями пригвоздив вилами пушистую машину для убийств к земле. Неистово пища, зверек трепыхался будучи нанизанным на двое из трех зубьев.

– Схаррат! Что за дерьмо?! – возмущенно обратился к твари солдат, дивясь тому что искра жизни в изувеченном тельце все никак не угаснет.

Раненный гвардеец плавно осел на землю, безуспешно зажимая трясущимися руками жуткое отверстие на шее. Вся его одежда уже была в крови. Алая жидкость выбивала фонтанчиками из-под его пальцев, окрашивая собою близлежащую пустую бадью. Под телом еще трепыхающегося наемника уже растекалась немалая темная лужица. Предсказатель сломя голову бросился к нему, пытаясь молниеносно сорванным рукавом кафтана зажать рану. Все было напрасно – жизнь угасала в глазах бедняги, по обилию крови и си-

ле кровавого напора Верго безошибочно определил, что была прокушена, точнее бессовестно разворочена, сонная артерия, также, судя по хрипам и странному бульканью досталось и трахее, в которую безостановочно заливалась кровь. Гвардейца было уже не спасти, даже если бы при Вебере был весь необходимых хирургический инструментарий.

Содрогаясь, раненный умирал, хватка его ослабевала, и вскоре руки плетью шлепнулись на холодный каменный пол. Наспех наложенная перевязка, побагровев и разбухнув, красным посмертным шарфом оплела шею бойца.

– Что там? Эй, вещун, что там происходит? Что с Генри?! Пережми ему рану! Сука, пережми ему рану! – с каждым словом все больше повышая тон кричал наемник, побелевшими руками сжимая вилы. Пригвожденная тварь все никак не унималась, на редкость сильными рывками вынуждая гвардейца и дальше удерживать импровизированное оружие, отдаляя окровавленные клыки грызуна от своих сапог.

Верго беспомощно встал, безвольно опустив вниз окровавленные руки. Тем самым он открыл своему еще живому спутнику обзор на неподвижное тело.

Генри. Только сейчас предсказатель услышал это имя. Нет, безусловно за все время пути оно не раз проскальзывало мимо него. Разумеется, он слышал многочисленные обращения путников друг к другу. Слышал, но не слушал. Зачем забивать себе голову именами людей, с которыми по истечению сотрудничества тебе не придется никогда более иметь

дела? Зачем проникаться симпатией к тем, от кого не зависит ни планирование миссии, ни размер гонорара?

– Генри... – тихо вторил имени погибшего Вебер. Неподвижно лежащий юноша, метр семьдесят ростом, был обладателем коротких русых волос, длинного изящного носа, слегка узкого разреза голубых глаз. Глаз, что никогда более не сфокусируют свой взгляд. Пустым взором Генри бороздил чертоги посмертного, глядя куда-то далеко сквозь дырявую крышу обветшалого скотного двора.

Предсказатель повернувшись к своему спутнику хотел сказать что-то еще, на этот раз достаточно громко чтобы тот смог его расслышать, но непомерный грохот самым наглым образом расстроил его планы. Заскрипев и опасно покосившись, громадный сарай в котором они находились сильно содрогнулся, словно нечто огромное и очень массивное влетело в его стену. Удерживавшие крышу прогнившие балки предательски сдвинувшись, посыпались, с грохотом заваливая все помещение, обрушивая многочисленные стойла и сминая брошенную тут утварь. Мигом взвившаяся пыль не хуже тумана заволокла собой все видимое пространство.

Верго успел лишь закрыть руками голову, бросив стоявшую у его ног лампу. Что-то тяжелое и большое ударило ему по спине, повалив на землю и чудом не переломав хребет. Древесные щепки вперемешку с сеном и засохшим птичьим пометом посыпались ему на голову. Судя по звукам, большая часть обветшалого сарая обрушилась, погребая под со-

бой всех, кто был внутри.

К удивлению предсказателя, он открыл глаза под все теми же обломками. Болезненно корчась от саднящей боли в ребрах, опираясь на руки он сумел приподнять свое тело, скидывая все что на нем лежало. Тугой струйкой древесная труха посыпалась с его волос, когда Верго отряхнул головой, пытаясь осмотреться.

«Что? Почему? Это же наверняка видение. Так почему я еще здесь? Почему оно не закончилось?» – силился найти ответы на свои вопросы Вебер. Слегка прихрамывая он окончательно выбрался из-под завала, пытаясь разглядеть в клубах тумана хоть что-нибудь. Очень смутно, с большим трудом, но он все же сумел усмотреть у края обломков сильно покосившуюся изгородь. Судя по его воспоминаниям этот и до завала изломанный забор вел куда-то в сторону мельницы.

«Генри. Интересно, как звали второго? И жив ли он?» – продолжив мысленно рассуждать, предсказатель медленно пробираясь сквозь завалы и обминал опасные от избытка торчащих ржавых гвоздей бревна. Добравшись до начала изгороди он облегченно положил на изъеденную осами древесину руку, пытаясь опереться. Словно только того и ждав, ограда со скрипом рухнула, не выдержав веса предсказателя. Верго схватился за вновь задетые при падении ребра, пытаясь не дышать чтобы не вызывать более болезненных спазмов. Немного полежав на земле он смог утихомирить боль, поднявшись сначала на четвереньки, а после и на обе, слегка

неустойчивых ноги.

Далеко впереди раздался чей-то вопль. Тянущийся вой полный боли без всяких сомнений принадлежал человеку. Шатаясь, предсказатель уставился в ту сторону откуда доносился звук, тщетно пытаясь что-то разглядеть в неестественной дымке. Поблизости вновь так знакомо зашелестели рыбацкие сети. Это событие вызвало у Вебера неконтролируемую улыбку, плавно переросшую в громкий смешок. Он сам был не в состоянии объяснить, что можно найти смешного в подобной ситуации. Скорее всего, несвоевременный смех был вовсе не следствием извращенной шутки, но истерической реакцией, которую Верго был не в силах унять.

– Это видение. Точно же видение. Как плохой сон, кошмар. Да, кошмар, – невнятно бормотал предсказатель медленно хромая в направлении источника крика. – Когда осознаешь, что это кошмар, ужасы рассеиваются. Если это только иллюзия, к чему мне чего-то бояться? Пора развеять эти бредни. Пора проснуться. И есть... Есть для этого только один способ. Кошмар должен достичь своей кульминации...

И далее бормоча все более бессвязные и невнятные речи, периодически отпуская совсем уж несвоевременные смешки, Вебер целеустремленно двигался навстречу своей гибели. Вскоре от громких размышлений вслух он перешел к обрывкам старых полузабытых песен:

– Отважно ступая в последний поход, – Достаточно отдалившись от деревни, Верго ступил на порог окутанной туманом

ном как никогда зловещей роши. – Ни яд, ни клинок его не берет, – все громче напевал смертник, пробираясь глубже в ряды деревьев. – Солдат не сыскал себе славы в траншее...

Нечто массивное затрещало ветками позади предсказателя, но тот и не думал оборачиваться, все так же ошалело пробираясь сквозь засохшие, полные острых шипов кусты и длинные ломкие ветви.

– Теперь же веревка свисает на шее! – крича вышагивал Вебер, выбравшись из зарослей на небольшую поляну. Проскользнувший на мгновенье сквозь клубы тумана неяркий солнечный свет выцепил расстилающуюся перед предсказателем мерзкую картину, написанную человеческими останками. Теперь стало понятно, что случилось с двумя гвардейцами, оставшимися сторожить сарай снаружи. Верго быстро отвернулся, пресыщенный затянувшимся кошмаром. Никак не утихающий треск раздался совсем уже рядом с обезумевшим Вебером. Утихнув на пару мгновений, он сменился чудовищным ревом, практически оглушившим мужчину. Источник неопишуемого звука был лишь в нескольких метрах от предсказателя. Тот не стал оборачиваться, расплывшись в нездоровом оскале.

– Нет, ублюдок, в песне не так было. Давай уже, покончи со мной и не мучай мой тонкий музыкальный слух...

Неприятный влажный хруст разнесся по округе, словно кто-то переломал о колено связку молодого и упругого лука-пороя. Безвольной куклой предсказатель рухнул на зем-

лю. Прямо перед его лицом, в грязи смешанной с еще теплой кровью лежала чья-то нога. Несколько секунд понадобилось Верго чтобы осознать, что это лежала его собственная конечность. Могильный холод вместе со странным онемением начал расползаться по телу, поднимаясь со стороны задних, уже отсутствующих членов до груди, и быстро распространяясь по рукам и вдоль шеи.

Сияясь высказать пару грязнейших из известных ему ругательств, Вебер удивленно слушал как из его рта вместо ожидаемых звуков доносилось лишь тихое хрипение, заточенное в границах надувавшихся на устах кровавых пузырей. Но вскоре утихло и оно, ведь новый вздох предсказателю почему-то так и не удалось сделать, легкие как будто отказывались работать.

Жалкая укороченная тряпичная кукла была легко поднята над землей неизвестной силой. Руки мужчины свободно болтались нам манер раскачиваемых ветром веревок. Будучи поднятым метра на два в воздух, Верго удивленно разглядывал торчащий из его груди острый предмет, чем-то напоминающий железный крюк на котором на рынках вывешивают туши забитых свиней и овец. Словно ощутив на себе излишнее внимание, крюк ожил, задергавшись из стороны в сторону, все больше расширяя рану. Предсказатель ощутил, что теряет сознание. Нарастающий гул в ушах уже подбирался все ближе, возникающие из ниоткуда белые пятна заполняли собой весь мир.

«Наконец-то, – облегченно подумал умирающий, изувеченный кусок плоти, еще недавно бывший человеком, – как же долго на этот раз...»

Теплый желтый свет ударил в глаза Веберу. Запах пряного печеного картофеля безжалостно атаковал его обоняние. Тяжелый гул, все больше стихая, освобождал место для звуков праздной болтовни и на редкость громкого чавканья.

Он спокойно сидел за столом, удерживая в руках наполовину съеденного вяленого караса. Между его пальцами скапывал сильно пахнувший рыбий жир, малыми каплями падая на деревянную тарелку. Ни о чем не подозревающие гвардейцы задорно обсуждали жизненные уставы ловакийцев, а живой и невредимый наемник Генри в кругу своих товарищей весело попивал из кружки разбавленный дешевым пойлом ржаной квас. Все ужасы и кошмары остались где-то там, в еще не наступившем будущем.

Кусок не пережеванной рыбы выпал из широко открытого рта предсказателя прямо на стол, дрожащие руки, не сумев удержать свою ношу, обронили аппетитную рыбешку. Гомон, круговорот звуков, запахов и яркого света безжалостно охватывал и удушал, мешая предсказателю сделать вдох полной грудью.

– Мистер Вебер, вам дурно? Мистер Вебер, вы меня слышите? – подоспел озабоченный Голдберг, с тревогой уставившись на мертвенно бледное лицо предсказателя.

Верго вырвало. Вся только что поглощенная пища вернулась обратно в мир, смешавшись с желчью она покрыла участок пола под столом. Начавшие было возмущаться гвардейцы быстро остудили свой горячий нрав, обратив внимание на выражение и цвет лица спутника. Им без лишних разъяснений стало ясно что стряслось нечто очень серьезное, и сейчас явно было не до шуток и упреков. Небывалая пронизательность как для людей, привыкших работать в жизни сугубо кулаками.

– Смерть. Нас здесь ждет только смерть, – бормотал Вебер доставая из кафтана карманные часы, чтобы зафиксировать время своего возвращения. – Вся деревня – это одна большая ловушка. И с пришествием тумана она захлопнулась. На этот раз за нас взялись силы совсем другого порядка...

Восемь часов и сорок три минуты – вот когда видение застигло предсказателя. Двое наемников уже отправились за водой, с тех пор прошло чуть больше пяти минут, а значит время еще есть, все еще можно предотвратить. Вебер до звона в ушах сжал зубы, от напряжения у него потемнело в глазах, но разум, напротив, изрядно прояснился. Еще ничего не произошло и пережитые ужасы еще можно сделать просто туманным жутким воспоминанием. Воспоминанием о дурном сне.

На редкость резвый рывок Верго к двери был нагло прерван нахмурившимся Остином. Ох, как же не вовремя главарь гвардейцев прервал прыткого спасителя! Каждая се-

кунда была на счету, но уговор есть уговор. Предсказатель обязался сообщать обо всем увиденном как можно скорее, без заветных пояснений его никто из дома не выпустит, и это было кристально ясно по недоброму взгляду преградившего ему путь напряженного мужчины. Раздосадовано съевшись, неудавшийся герой стал сумбурно пересказывать увиденное. Он путался, опускал некоторые подробности, излишне акцентируя внимание на других, не столь важных деталях.

По мере того как в своем рассказе он подбирался к финалу мрачной истории, напряглись все, от энергичной и жизнерадостной Арчи до перепуганного Генри, которого особенно потрясло известие о его грядущей кончине. Бодрый, но скромный пир в мгновение ока превратился в средоточие болезненного ожидания и мрачных предчувствий. Терпеливо слушавший Остин за все время повествования предсказателя лишь несколько раз переспросил, словно будучи не в состоянии поверить в услышанное. Спустя секунду как рассказчик закончил, громко выдохнув, главарь наемников разразился громкими и четкими приказаниями:

– Забаррикадировать двери и окна! Раус, тащи доски и гвозди! Взведите все самострелы что у нас есть и подоприте мебелью стены!

Подумав, что с ним закончили, предсказатель решил незамедлительно проскользнуть мимо Остина, направившись к дверному проему, но быстрее чем он успел сориентировать-

ся, Барон со своей двойцей телохранителей решительно перекрыл ему путь, заслонив собою дверь. Вебер беспомощно оглянулся, наблюдая как мечущиеся вокруг гвардейцы подпирают шкапами и другой утварью стены, закрывая окна ставнями и выворачивая сумки с оружием. Вновь обернувшись к Голдбергу он обвинительно вскинул руки.

– Там же наши люди!

– И мне жаль, что их ждет такая участь, но всех на свете не спасешь, – жестоко ответил Барон, стоя на своем.

– Но если я пойду сейчас я еще успею!

– Может и успеете, а может вас растерзают, как в вашем видении. Риск не оправдан, – необычайно серьезно проговорил Голдберг, но видя, что его слова не возымели достаточного действия, добавил: – Посмотрите на всех этих людей, мистер Вебер. Они не паникуют и не геройствуют, не смотря на то что им тоже страшно и им жаль своих собратьев. Они выполняют данные им приказы. Все подписавшиеся на это дело знали, что шли на опасную авантюру, это было оговорено. И главная цель этого предприятия вовсе не дойти всем составом, но довести наследника живым до Ганои. Точка.

«Сейчас готов геройствовать, но когда сбегал с того лагеря в Као ты даже не попробовал помочь другим. Бежал в гордом одиночестве, даже не думая о своих сослуживцах. Чем эти двое, которых ты так порываешься спасти лучше товарищей с которыми ты провел полгода на службе, с которыми заучивал песни и шутки, работал рука об руку, с которыми делил

одну пищу и одну выпивку?» – внезапно возникло и угасло в сознании предсказателя. Верго не смог определить был ли это голос благоразумия, или же шепот давно загубленной совести. Голос был так же туманен, как и его перспективы спасти тех двоих. Предсказатель устало сполз по стене, усевшись на полу и подтянув к себе свою походную сумку. В его голове творился настоящий бардак, а сейчас ему как никогда нужен был чистый рассудок чтобы разобраться в сложившейся ситуации. От трезвости его мысли и его же сообразительности зависела жизнь всех его компаньонов. Возможно ли что в жутком видении был сокрыт ключ к их спасению?

Преодолевая страх, предсказатель мысленно вернулся назад, тщательно анализируя увиденное. Деревня была практически безлюдна с самого начала, но хозяин дома все же беспечно по ней шастал. Значит ли это что противник прибыл в деревню после их группы? Пропажа двоих гвардейцев что отправились вместе с ним – они были найдены бездыханными и изувеченными в лесу. Мертвые, но на редкость агрессивные животные, словно выбрались из детских страшилок. Кто-то не просто убил вьючного жука, но утащил его тушу. Вся картину дополняло загадочное, достаточно крупное и мощное создание, что смогло с одного удара обвалить пускай и обветшалое, но все же немаленькое строение. Туман. Вне всяких сомнений туман был как-то с этим всем связан. Еще ловакийцы были им перепуганы, могли ли их рассказы были хоть немного правдивы?

Голова Вебера кипела от размышлений, суесящиеся вокруг люди перестали для него существовать, позволяя сосредоточиться на соединении воедино множества кусочков паззла. Погруженный в глубокие думы предсказатель поймал себя на том, что его рука, энергично бороздившая уже пару минут глубины сумки, ухватилась за маленький, хорошо знакомый флакончик с восковой крышечкой и мутно-красным содержимым. Будто живя своей жизнью, конечность вытянула находку на свет, предъявляя взору владельца заманчивую альтернативу самотерзаниям. Соблазн было очень велик – флакон манил обещанием спокойствия и умиротворенности. Все страхи отринут, а тревоги пройдут, по крайней мере пока грибное зелье будет действовать.

Восковая крышечка мягко стукнулась о пол, в то время как жгучее содержимое пузырька уже вливалось в жадно раскрытые уста предсказателя. Тепло озарило его, изгоняя из тела неумемную дрожь и могильный холод. Весь мир стал несоизмеримо ярче и насыщенней. На этот раз Верго и не думал скрывать свой поступок. После пройденного ему было наплевать что подумает Голдберг, а остальные, что же, они были слишком заняты чтобы обратить на него внимание. Единственными оставшимися в предсказателе неприятными ощущениями были разве что муки совести. Да и те, вскоре угасли, истлев под воздействием чудодейственной настойки.

«Как занятно, я всегда думал, что лишится рук или ног это до безумия больно, но когда испытал все на себе то не

ощутил совершенно ничего, за исключением холода, страха и странного помутнения рассудка. Так вот он оказывается какой – болевой шок. Интересно, если бы мне оторвало голову, я бы что-то почувствовал?» – такие мысли едва ли закрались бы в трезвый рассудок Вебера, но теперь, будучи гостеприимно приглашенными принятой на пустой желудок грибной настойкой, они смело бороздили его сознание.

Детское любопытство пришло на смену тревоге, вынуждая повеселевшего предсказателя неустанно следить за разворачивающимися перед ним подготовительными действиями. Длинные лавки, под углом приставленные к стенам упирались в небольшие расщелины между досками в полу. Перевернутый боком стол, как и крупный шкаф, послужили подпорками, плотно прижимающими закрытые ставни. Несколько мечей были воткнуты в дверные щели у выхода таким образом, чтобы дверь было невозможно открыть, не сорвав ее с петель. Дополнительно, дверь подперли тяжелым ларцом, таким массивным, что двое тащивших его парней едва не надорвали спины. Растерянно рыщущий по закуткам своего дома Раус, вопреки всему своему рвению так и не смог подсобить своим гостям с нужными материалами, но находчивый Голдберг с молчаливого согласия хозяина принялся шустро разбирать любую попадавшуюся под руку деревянную утварь, ловко орудуя ножом. Полученные таким образом гвозди и доски пускались в ход, становясь частью укреплений и баррикад.

Когда же все самострелы были взведены, нагромождения деревянного барахла надежно блокировали все ведущие на улицу отверстия, а боевая экипировка заняла свое законное место на телах готовых к обороне гостей, подошла очередь самой тяжелой части любого серьезного приготовления – ожидания.

Даже ожидание грядущего экзамена или выговора может стать пыткой, чего уж говорить о неестественно долго тянувшихся минутах, предшествующих битве за жизнь. Как скрипач тянущий на своем инструменте одну тревожную ноту за другой, напряжение связывало всех путников, натягивая до гудящего звона их нити-нервы. Воздух загустел, как если бы тяжесть тревоги могла сказываться на его свойствах.

Сидящие на полу люди тревожно переглядывались, молчаливо вслушиваясь в каждый шорох, доносящийся снаружи. Вебер периодически поглядывал на часы. Двигавшаяся стрелка была чуть ли не единственным свидетельством того, что время вообще шло, а не застыло в злой насмешке над укрывшимися в доме людьми.

На пятнадцатой минуте десятого часа, долгожданные, но в тоже время такие пугающие перемены наступили. Из-за стены донесся знакомый Верго шелест сетей. Почти что сразу что-то заскреблось крохотными коготками по древесине с внешней стороны постройки. В гробовой тишине негромкие звуки звучали громогласно, пробуждая гвардейцев от тревожного оцепенения.

– Нас нашли, – шепотом отрапортовал предсказатель. Вставая с пола он положил правую руку на черенок заранее заготовленной лопаты, которой суждено было стать настоящим оружием. Его слегка пошатнуло. Характерный румянец, как и колеблющаяся интонация и так с головой выдавали нетрезвое состояние Верго, но его нездоровый оскал был красноречивей всех этих сигналов вместе взятых. Вебер был почти что рад – что бы их не ждало, это будет всяко лучше невыносимого ожидания.

Глава 8. Наперегонки со смертью

Каждая грамотная осада начинается с аккуратных попыток прощупать почву, выяснить силы обороняющихся, их возможности и слабые стороны. Осаждающая сторона как правило прекрасно осознает, что у ее противника всегда будет тактическое преимущество, обусловленное знанием местности, хорошей подготовкой, заранее обустроенными укреплениями и ловушками. Ринутся всеми силами, пытаясь численно задавить хорошо подготовившихся защитников – не самая лучшая затея. По возможности, перед основным сражением следует хорошенько разведать укрепления, выведать уязвимости и как можно сильнее минимизировать преимущество оппонента. Для этих целей нередко используют разведывательные и диверсионные отряды, немногочисленные и в крайней степени специализированные.

Сложно представить себе грамотную орду чудовищ разбигающихся в премудростях осад, но ведь для всякого правила может найтись свое исключение, не так ли? Ожидаемому хаотичному штурму, скрывающиеся в тумане твари предпочли совсем иную тактику, куда как более человеческую.

Десятки мелких лапок щепетильно обследовали облицовку дома, издавая противные скрежещущие и пощелкивающие звуки, когда острые когти соприкасались со старой древесиной. С крыши же доносился гулкий топот множества но-

жек, а может и лапок, кто их по звуку сквозь толщ крова разберет? Давящие на психику звуки облепили хибару. Гвардейцам казалось, что они доносятся даже из-под половиц, хотя хозяин и отрицал наличие подвала.

Довольно быстро к первичной разведке подключились и более крупные участники: стены заходили ходуном, когда нечто в достаточной мере массивное начало применять к ним недюжинную силу. Связки подвешенных трав заплясали над головами взволнованных людей, их тени, порождаемые светом нескольких походных ламп, тревожно замельтешили у стен. Нещадно скрипя, удерживавшая стены старая утварь исправно исполняла возложенную на нее задачу – назло всем чудовищным усилиям дом держался, осыпая головы наемников пылью и выпадающими из кровли многочисленными соломинками, быстро устилающими собою пол. Увы, радоваться было рано, ведь довольно очевидно, что тварь снаружи лишь пробовала свои силы, проверяя крепость постройки. Настоящей атакой тут и не пахло.

Раздался звук битых стекол, сопровождаемый резкими всхлипами вжавшегося в угол дома наследника. Чьи-то зубы принялись стачивать подпертые ставни. Не зная, чего ожидать, гвардейцы оборачивались то к одному источнику звука то к другому, беглым взглядом осматривая укрепления и баррикады на предмет брешей в обороне. Остин, оставаясь невозмутимым внешне концентрировал все свое внимание на дверном проеме, буквально не сводя с него взгляда. Он

уверенно держался, твердо стоя на ногах и крепко сжимая простой, но практичный палаш. Голдберг, напротив, достал из переплетения исходивших из прокладки пиджака ремешков короткий увесистый тесак в защитном тканевом чехле, встав ближе к кладовке и сосредоточив все свое внимание на содрогающихся ставнях.

Тихо, и в тоже время на редкость грязно выражаясь, перешептывались гвардейцы с тревогой наблюдая за происходящей чертовщиной. В процессе слежки за дверьми, ставнями и осыпающейся соломой крышей, никто из них не обратил внимание на странные шорохи со стороны печки. Пускай настойка и притупила страх и тактичность Вебера, его драгоценный ум все так же оставался при нем, моментально притягивая пытливым взгляд предсказателя к узкому дымоходу, выходящему из печи. Труба была узка даже для кошки, не говоря уже о человеке. Наверное, именно по этой причине никто не обратил на нее должного внимания. А зря...

– Мне кажется по трубе что-то спускается, – как бы невзначай выпалил Верго приблизившись к Остину. Едва ли не в последний момент успел главарь гвардейцев окликнуть Арчи. Девушка быстро сориентировалась, развернувшись к печной заслонке она замахнулась коротким мечем.

Крутясь словно юла выпорхнул из отдушника крошечный феникс, разбрасывая во все стороны столпы искр и распространяя противный запах жженных перьев. Одним умелым взмахом разделила Арчи порхающую тварь на несколь-

ко независимых друг от друга частей. Оба телесных фрагмента, словно отдельные живые существа принялись извиваться на полу, поджигая тлеющими огоньками рассыпанную солому и всячески пытаясь обжечь ноги обороняющихся. По всей видимости, до того как стать пламенным исчадием ада, трепыхающееся тельце принадлежало прекрасной молодой голубке, пускай и слегка подгнившей.

Мощным пинком телохранитель Барона разmozжил верхнюю часть птицы, но даже этого не хватило чтобы утихомирить разбушевавшуюся мертвечину. Пятками сапог принялись наемники гасить легко воспламеняемую солому, пока источник поджога, точнее его составные части, продолжали разносить пламя.

Подхватив всеящий у стены чугунный котелок, Вебер накрыл согнанные в кучу беспокойные останки. Без доступа воздуха они быстро погасли, хоть и не перестали всячески демонстрировать неприсущую мертвечине подвижность. Тяжелый котелок надежно припечатал незваного гостя к полу, давая гвардейцам мгновение передышки.

Наученная горьким опытом Арчи попыталась прикрыть печное отверстие заслонкой, да только плохо подогнанная по размеру, лишенная каких-нибудь креплений и замков железяка совершенно не хотела держаться на месте. Из дымохода раздался новый, на сей раз более энергичный шорох. Гвардейцы сгрудились у пламенного отверстия, смело готовясь отражать новые угрозы.

– Затухните печь! Здесь же соломы полно, загоримся! – весьма своевременно посетила Голдберга здравая идея.

Ошивавшийся в метре Райс трясущимися руками отодвинул перегородку и раскаленные угли ссыпались сквозь крупные прутья решетки вниз, в специальный глиняный лоток. Вновь задвинув перегородку он изолировал горнило от углей, отдергивая обожженные руки. И как раз вовремя – все новые и новые гости прибывали, выскакивая из отверстия.

Пара костлявых, дурно выглядящих крыс, едва не застряв в отверстии отдушника, бросилась на стоящего ближе всех гвардейца, широко распахнув пасти с гниющими, плотно облепившими желтые зубы деснами. Первого грызуна наемник спешно прибил к земле пяткой сапога, но вот второй, изловчившись сумел вонзить длинные острые зубы в незащищенную голень. Стоящий в шаге от него гвардеец взмахом клинка отделил голову от туловища зверька, срубив при этом тонкую ножку лавочки. Тем не менее, зловещая черепушка так и не разжала челюсти, продолжая короткими рывками все глубже вгрызаться в нежную плоть.

Арчи в отчаянии попыталась вновь закрыть отдушник заслонкой, но неестественно сильные эмиссары армии мертвых без труда отодвинули кусок металла, плотным напором проникая в помещение. Мелкие тени замельтешили между ногами горе-защитников. Все помещение заполонил сладковатый трупный запах. Ползающие гады грызли ступни, вслепую подпрыгивая, цеплялись за рукава. Летающие – неуме-

ло метили в лицо своими цепкими острыми когтями.

В помещении воцарилась знатная суматоха: мечи, пускай даже и короткие, все время полосовали стены и крупные балки, застревая в них. Поток мелкой нежити, толкая своими хаотичными движениями множества лап, крыльев и хвостов все в пределах досягаемости, умудрялся активировать взведенные самострелы. Несколько болтов уже вонзились в стены, один даже серьезно оцарапал бедро Остина.

Взмахи клинков, приглушенная ругань, шорох сотен конечностей, всхлипы боли и противный звук рвущегося мяса, подгнившего, или вполне себе еще свежего, и будто всего этого было мало, мощный удар сотряс одну из стен, почти выбив из нее увесистое бревно, повалив при этом все чем стена была подперта. В образовавшуюся от сдвига бревна щель тут же была спущена телохранителями Барона пара болтов, отозвавшаяся по ту сторону глухими ударами о податливую плоть. Сквозь новообразованное отверстие в здание стал проникать туман, а с ним – еще больше мелких, жадных до крови тварей.

Уже спустя несколько минут творившейся в доме резни стало ясно, что живые в этой битве планомерно сдают позиции мертвым. Весь пол был покрыт еще трепыхающимися останками, и люди Остина раз за разом преодолевая боль и страх пополняли их число. Но сколько бы тварей не было повержено, изо всех щелей лезли все новые их представители, более крупные и свирепые исчадия преисподней.

С улицы донесся громкий топот, свидетельствуя о следующем разбеге громадной машины для убийств.

– К стене!!! – взревел Остин, припадая к испещренной следами сражения стене, вместе с тем он отмахивался от вцепившегося в запястье мертвого хорька без лапы. За недолгое время борьбы, шрамов на главаре гвардейцев прибавилось: все его лицо было безжалостно исцарапано, походной плащ разлезся от множества повисших на нем тварей, бедро, разодранное уже пригвожденным к полу кольпом, сильно кровоточило, заливая темной кровью изорванные штаны.

Менее половины от прежнего отряда было еще в состоянии выполнить приказ. Голдберг, красуясь разодранным виском и парой прокушенных пальцев, навалился на бревна, пытаясь содрать с груди трепещущую ворону, намертво вцепившую свои когти в плотную ткань его пиджака. Его слипшиеся от крови усы тяжело вздымались, испуская испод себя болезненные всхлипы. Примеру Барона последовала израненная Арчи, а за ней и придерживающийся за нее, хромающий Вебер. Пятеро человек вцепились в деревянную поверхность, ожидая грядущего удара. В этот момент ставни окна напротив не выдержали напора созданий. С треском развалившись они пропустили в дом труп лысого пса с распоротым брюхом. Едва животное оказалась внутри, как выпущенный рядом стоящим гвардейцем болт рассек ее поедаемую опарышами голову. Отмахнувшись от болта, как от назойливой мухи что залетела в ухо, тварь оскалившись на-

бросилась на державшего арбалет бедолагу. Ни выставленная вперед рука, ни серия ударов, пришедшаяся псине по спине, не спасли его от гнилых клыков, впившихся в нежное горло.

Последовавший вскоре удар сотряс весь дом, приведя к тому что несколько крупных балок обвалилось, придавливая бесчисленное множество дергающихся созданий вместе с изувеченными человеческими телами, неподвижно застывшими на полу. Массивное нечто, расширив наконец разлом в стене до размеров небольшого окна, просунуло вовнутрь свою конечность. Мясистое средоточие рогов парнокопытных, острых когтей, скрепленных чьей-то плотью, и обилия гноя, что как смазка наполнял собой весь проклятый механизм шевелящейся гадости, вцепилось в плечо Остина, вытягивая его наружу словно ребенок вытаскивающий через щель в окне свою любимую тряпичную куклу. Верго услышал лишь парочку глухих ударов, приправленных хрустом. И вот, от их предводителя не осталось и следа, лишь воспоминания, подпитываемые душераздирающими воплями Арчи.

Пролезшие сквозь щель останки дикого крупного кота вонзили острые когти в шею Голдберга. Барон захрипел, кровавые пузыри плотно обволокли его губы. Вяло отмахиваясь он оседал на пол, пока шевелящийся покров окончательно не покрыл содрогающееся дородное тело.

Предсказатель беспомощно смотрел на гибель своих това-

рищей. Он почти не чувствовал боли от укусов, хоть и видел сеть кровавых узоров, покрывающих каждый сантиметр его открытой кожи. Жуткое, совершенно невероятное зрелище предстало его взору: от общего количества путников, в числе еще борющихся осталось лишь пятеро. Пять израненных, отчаявшихся бедолаг, инстинктивно цепляющихся за угасающую жизнь.

Одним ловким движением предсказатель влил себе в окровавленное горло еще несколько доз заранее заготовленной настойки. Это должно было облегчить его последующую участь. Быстро пришедший эффект одурманивал, лишая возможности чувствовать боль, как и вообще, чувствовать что-либо. Вебер осел на пол, позволяя бурлящему потоку унести себя.

«Провал. Полный провал. У нас не было и шанса».

В других обстоятельствах Верго сам бы удивился своей смиренности и спокойствию, но едва ли в этом была хоть доля его заслуги. Как и ожидалось, настойка работала превосходно. Предсказатель вяло вслушивался в нарастающий звон, совершенно не обращая внимания на десятки зубов и когтей, безуданно копошащихся в его теле. Умиротворяющая тьма заволокла его взор, она гасила звуки чавканья и неприятный хруст, уносила мужчину вдаль от скрежета зубов и звуков порождаемых царапающими деревянными половицы обломанными ногтями, защищала и обволакивала, заменяя все и вся вокруг резонирующим гудением.

Пришедший на смену гудению яркий свет керосиновых ламп неприятно резал глаза. Мимо сидящего Вебера проскочил гвардеец, уверенными движениями приставляя перевернутую темно-коричневую лавку к стене. Предсказатель с любопытством оглядел свои члены – ни одного лишнего отверстия, ни одной раны и даже царапины им не было замечено. Слегка растянутый кафтан более-менее опрятно сидел на нем. Из-под его полов проглядывались слегка запылившиеся штаны и порядком стертые сапоги, давно утратившие товарный вид. В своих руках Верго обнаружил уже открытый и опустошенный пузырек, пустота коего чудно объясняла отсутствие у предсказателя даже намек на волнение.

Будучи съеденным заживо, любой, даже самый храбрый и стойкий представитель человеческого рода визжал бы как дитя, бившись в неудержимой истерике, но одурманенный Вебер лишь задумчиво осматривал свои конечности. Перед его глазами еще плясали туманные отголоски отвратных маленьких созданий, ветром перемен уносимые в архивы памяти.

«Это была худшая из всех попыток», – признался себе предсказатель. Все погибли, у них не было и малейшего шанса на выживание, и что печальнее всего, он так и не сумел выяснить ничего нового, ничего что могло бы помочь в борьбе с чудовищами. Ясно было лишь то, что в этом доме всех их ждет только гибель.

Таящийся где-то в глубинах сознания «трезвый Верго» мысленно поблагодарил себя за принятую настройку. Одному только богу известно, что бы стало с его сознанием не находишь он все это время в наркотическом угаре. На службе в армии ему доводилось видеть возвращающихся с фронта бедняг с пустыми взглядами. Своими глазами уличезрев гибель друзей в расставленных повстанцами бамбуковых ловушках, или же по роковой случайности запечатлев студящую кровь резню, слабые духом ломались, помутившись рассудком. От них оставалась лишь пустая человеческая оболочка: тело, что было способно ходить, выполнять несложные приказы, спать, и даже изредка выдавливать из себя что-то членораздельное, но вот глаза их надолго, а у кого и навечно, застывали, смотря в никуда. Среди бойцов ходило поверие, что чистые души, будучи не в состоянии вынести нечеловеческую жестокость покидали тела, стремясь спасти свою первозданную невинность. Вебер не верил в эти сказки, но парочка встреч с такими несчастными, совершенно беспомощными созданиями, иногда не способными даже самостоятельно поест, заставила его углубиться в медицинские трактаты.

«Посттравматическое стрессовое расстройство» – вот как упоминалось это состояние в книгах. Лечение закономерно отсутствовало. Одни, находя в себе силы вновь возвращались к жизни, со временем самостоятельно приходя в себя, другие же, навсегда утрачивали свое я в недрах искалеченного сознания.

Предсказатель представил себя восседающего здесь на полу, с пустым взглядом, глупым выражением лица и слегка приоткрытым ртом, с которого крупными каплями скатывалась слюна, заливая брюки. Слегка потрусив головой, отгоняя настойчивую мысль, он достал карманные часы, тщательно рассматривая свое отражение в их до блеска отполированной внешней стороне крышки. Два нормальных, пускай и немного расширившихся зрачка уставились на Верго с серебристой поверхности. Глубоко вдохнув пару раз он открыл крышку, выловив глазами заветные стрелки. Восемь часов, пятьдесят семь минут. На этот раз у него было намного меньше времени.

Следовало поторопится.

Тяжело поднявшись, широким шагом предсказатель направился к Остину, осторожно потянув вояку за оттопыренный рукав. Когда главарь гвардейцев соизволил обратить на предсказателя внимание, тот, вплотную придвинувшись зашептал, все никак не желая отпустить грубую ткань рубахи своего собеседника.

– Тут вот какое дело, я был удостоен привилегии вновь заглянуть в будущее, и оно оказалось к нам не очень... благосклонным. Если мы останемся здесь, то здесь мы и поляжем, – притянув Остина еще ближе, практически дыша ему в лицо, Вебер слегка повысил голос, что было силы нахмурившись. – Я видел, как десятки мелких уродов, мертвых, но жуть как падких до крови, жрали наши тела. Как извивались

во внутренностях. И ни огонь, ни сталь, ни болты, не были им страшны. Мы рубили и кромсали их, но то что уже мертво, второй раз на тот свет не отправишь – все без толку. А в тумане... Там сидит что-то просто невообразимое. Оно сомнет эту хибару как несчастный карточный домик, и ничего мы с этим не поделаем...

– Думаешь стоит попробовать удрать? – судя по лицу гвардейца, Верго удалось впечатлить Остина. Наемник слегка побледнел, на его испещренном морщинами лбу появилась едва заметная испарина.

– Ну, может и сумеем. Только выступать нужно прямо сейчас, на сборы у нас нет времени, – разжав руку, уже куда добродушнее проронил предсказатель. Его лицо прояснилось, приняв безучастное и даже слегка отрешенное выражение. Он отступил на шаг и демонстративно развел руки в стороны.

Остин кивнул, собираясь с мыслями. Уже мгновение спустя по комнате разносились его негромкие приказы. Гвардейцы умолкли, терпеливо вслушиваясь в слова своего лидера. Новости о бегстве озадачили наемников. Переглядываясь они неуверенно косились на своего главаря.

– Но если там куча мелкого и шустрого зверья, то как мы от них скроемся? Они же мертвые, не устают, сон и прокорм им не нужен. Как мы удерем от них в тумане? – озвучил вполне себе резонный вопрос один из гвардейцев, почесывая затылок.

– Верно, слишком уж наивно полагать что чертовы твари нас просто так возьмут и отпустят. Поэтому мы пойдем тремя группами. Первая и вторая группа, под командованием меня и Арчи соответственно, выйдут одновременно, двигаясь в разных направлениях и всячески привлекая к себе внимание. Наследник же пойдет в третьей, заключительной. Их группа двинет спустя пятнадцать минут после нашего выхода. Двигаться будем независимо, принимать решения в зависимости от ситуации. Встречаемся у подножия большой скалы с раздвоенной вершиной, у этих самых вершин берет начало зигзагообразный ручей. Скала находится к северу от деревни, заметить будет несложно, после того как вы пройдете за мельницу и покинете прилегающую к Поркени рошу. Группа что встретит сопротивление мертвечины должна будет двигаться в противоположном направлении, уводя гадов за собой. Да, это рискованно. Скорее всего одна из групп эту деревню уже никогда не покинет, но идеи лучше нет. Будем надеется, что особым интеллектом мертвые твари не отличаются, – сухо изложил план Остин, прыгая взглядом по головам спутников, вероятно, подсчитывая оптимальную численность каждой группы.

Идея главаря действительно звучала разумно, и это оценили все – тот факт, что нежить до сих пор не атаквала дом в котором они скрываются ярко свидетельствует в пользу того, что расположение наемников мертвечине не известно. Черт его знает по чему они ориентируются, но уж точно

не при помощи зрения, в противном случае зверье давно бы уже заметило выбивающиеся из-под закрытых ставен полоски света.

С другой стороны, план фактически служил смертным приговором для трети, или даже двух третей их отряда, ведь за кем-то мертвые создания да погонятся. Две группы первопроходцев не просто привлекли бы к себе внимание, но и заставили силы противника разделится, уводя их как можно дальше от наследника. У последнего при таком раскладе изрядно прибавляется шансов покинуть деревню живьем. Перспектива безрадостная, но других идей и правда не было.

Верго с Бароном, его телохранителями и Марком оказались в третьей группе, собственно из них пятерых группа и состояла. Остин посчитал что малый состав привлечет меньше внимания со стороны мертвечины. Сложно было сказать насколько он был прав в этом своем суждении, но Голдберг с Вебером покорно согласились с планом. Для них затея казалась обнадеживающей.

Молчаливыми взглядами спутники прощались друг с другом. Каждый из них прекрасно понимал, что именно его группа может оказаться роковой.

Когда тяжелый топот сапог унялся за дверьми, лишь пятеро оговоренных человек остались в помещении. Хозяин дома, не смотря на все свое возмущение и препирательства был спроважен вместе со второй группой. Постороннему человеку естественно было невдомек, почему целая группа хорошо

вооруженных, закаленных невзгодами мужчин искренне верит байкам чудного предсказателя. Покидая порог родного дома он не раз окинул Верго удивленным взглядом, и читалось в этом взгляде что-то очень недоброе. И правда, кому понравится, что его выгоняют из собственного дома?

После всего того пути что конвоиры наследника преодолели вместе, оставшейся в хибаре пятерке было даже немного непривычно находится в помещении столь малым числом. Последние несколько дней казались им если не месяцами, то неделями, за которые путники успели пообвыкнуться друг с другом. Вебер научился мириться со специфическим нравом наемников и их похабными шутками, а они в свою очередь перестали смотреть на него как на пятое колесо у телеги. Пускай дружбой, да что там, товариществом, между ними и не пахло, определенный уровень взаимопонимания и терпимости был налажен. Без увешанных оружием громил вокруг, Верго чувствовал себя беззащитным. Бардак в доме и вид заколоченных окон давили на него.

Голдберг задымил прямо в помещении, неотрывно глядя на любезно предоставленные предсказателем часы – если они слишком уж затянут с выходом, то кровожадные твари по ту сторону могут что-то и заподозрить.

Головорезы Барона топтались у порога, то подступаясь к дверям, то отходя на пару шагов. Все чувствовали себя неловко в этот момент, но хуже всего стресс сказывался на юном Марке. Нервно поглядывающий в щели между ставня-

ми наследник систематически укорачивал зубами свои ногти, вероятно, оставив все нормы этикета в той карете-скорлупе, из которой его вытащили. Женоподобный юноша не мог усидеть спокойно, он то менял позу, то выкручивал собственные руки, все время поправляя чрезмерно зализанные волосы и отряхивая ни в чем не повинную рубаху. Примерно пятая минута ожидания добила его, вынудив отринув от окна и неуверенно обратиться к Веберу:

– А умирать, это больно? – словив на себе вопросительный взгляд предсказателя, наследник поспешил добавить: – Ну, в своих видениях вы же испытывали такое явление как смерть? Не так ли?

– Тебя когда-нибудь кусала крыса? – углядев явное недопонимание, Верго беспристрастно повторил вопрос, даже не меняя интонации.

– Однажды. В детстве, мне тогда было шесть... Нет, семь лет.

– Тогда ты понимаешь, как болен укус. А теперь представь, что десятки крыс вонзают свои передние длиннющие резцы прямо тебе в икры, прокусывают бедра, перерезают трахею. При всем при этом, по всему телу расползается могильный холод. Ты чувствуешь, как тепло толчками покидает твои члены. В глазах темнеет, ты начинаешь задыхаться, и... Оп, ты уже мертв.

Наследник побледнел, его зрачки расширились до совершенно невообразимых размеров, подбородок задрожал, а

глаза едва заметно намокли. Уже хотел было вмешаться Голдберг, утихомирив готовившегося расхныкаться юнца, но вновь заговоривший предсказатель не дал Барону и пары секунд чтобы высказаться:

– Представил? Хорошенько запомни это ощущение, что сейчас выворачивает тебя наизнанку. Ты спрашивал каково же это – умирать? Так знай, и вполовину не так дерьмово, как ты сейчас себя ощущаешь. Да, это больно, и да, это страшно, но прямо перед тем, как кажется, что боязнь грядущего вот-вот и достигнет своей кульминации, страх пропадает. За ним будет только умиротворение и покой. А если тебя беспокоит физиологическая сторона вопроса, то как бывший санитар могу заверить – получив достаточное количество повреждений организм сам обезболит весь процесс. Это называют болевым шоком, это же помутит тебе рассудок, и все перестанет казаться столь уж мрачным. Скорее всего, в случае смертельного исхода, именно болевой шок станет твоим последним спутником, – предсказатель сделал паузу и подойдя к Марку взял его за плечи. – Но то что трясет тебя сейчас... Этот вязкий, липкий страх, он гораздо хуже смерти. Уж поверь мне. Нет ничего ужасней тягостного ожидания какой-нибудь гадости. Именно поэтому мы сейчас сыграем. Правда, мистер Голдберг?

– Сыграем? – Барон едва не подавился собственным недоумением, забавно выпучив глаза и приоткрыв от удивления рот, из которого практически выпала догорающая папироса.

– Именно, и сыграем мы в... Подвесного Писаря. Правила просты: я начинаю с короткой фразы, следующий после меня игрок должен придумать ее логическое продолжение, но оно должно быть в рифму. В рифму, и не лишено смысла. Запомнили? Это важно! Нусс, тогда я начинаю – люблю я по лесу гулять... Ну же, Марк, ты следующий. Давай, не тяни парень, нужно ответить за минуту!

– Я... В-вы уверены? Но как же... – Юноша совершенно не ожидал такого поворота, его лицо разгладилось, подбородок застыл на положенном ему месте, а глаза задумчиво закатились. – Хорошо, пускай будет... Люблю портреты рисовать.

– Не ленись, умник, ты же голубых кровей, ничего лучше придумать не смог? Какие к черту в лесу портреты? Да и портреты пишут, не рисуют!

– Ну да, вы правы. Люблю грибы я собирать – так лучше? Ну теперь я веду, так? Но нет грибов во всей округе... Дядюшка, ваш черед.

Недоумение так же быстро покинуло лицо Барона, как на нем и появилось. Ехидно улыбнувшись, Голдберг одарил предсказателя едва заметным дружеским подмигиванием и тоже переключился на игру.

– Пусты корзинка и потуги. Найду грибы я в роще темной...

– В глубокой чаще, потаенной. Глухая темень не пугает... – задумчиво продолжил игру Верго.

Однажды, много сезонов тому назад ему в руки попала весьма любопытная книга. Пускай предсказатель и не был заядлым читателем, интригующее название «Секреты человеческого разума» сумело завлечь мужчину. Вебер смог осилить примерно половину печатного издания до того, как ему пришлось расстаться с диковинкой. В книге было написано много чего любопытного, но главным откровением для предсказателя стал тот факт, что человеческое сознание и близко не такое многозадачное каким кажется. У мозга на удивление плохо получается работать с несколькими вещами одновременно, и чем большей концентрации требуют занятия, тем хуже он их будет совмещать.

Неокрепший разум Марка, вынужденный придумывать рифмы одну за другой, попросту не успевал собирать из фантазий юноши пугающие образы. Удивительно, как сложно напряженно размышлять и быть напуганным одновременно. По мере взросления, мозг, с опытом учась расставлять приоритеты постепенно лишает своего носителя возможности затенять первобытные инстинкты размышлениями так просто. Но вот с детьми и подростками фокус срабатывает отлично.

Наследник все еще был напуган, но нынешнее тревожное волнение было не сравнить с паническим ужасом, сковывавшим юнца парой минут ранее. Голдберг, являясь человеком жизнью умудренным, без труда раскусил хитрость своего спутника и охотно подыгрывал Марку, стремясь успокоить тревожного юношу.

В этот самый момент, в разгар игры, мозг предсказателя неустанно трудился, да только не над рифмами, кирпичик за кирпичиком пополняющими складывающуюся историю похода за грибами. Настойка лишила Верго страха, пускай и только на время. Такой побочный эффект опаснее чем кажется, вкупе с безрассудством он может привести к крайне печальному исходу. Но Вебер и о печальных исходах не думал, его мысли были в легком отдалении от тела, вместе с туманом бороздя окрестности.

Туман – все дело было определено в нем. Бережливо перебирая в голове сцену сражения с воинством мертвого зверья, Верго наконец начал подмечать любопытные закономерности. В явившемся ему по прибытию в Поркень первом видении, когда предсказатель вместе с четверкой гвардейцев прогулялся к колодцу, мертвые твари быстро отыскивали их, да что там, они игрались с перепуганными людьми, загнав тех в скотный двор и обвалив всю постройку на их головы. При этом к дому доверху забитым шумящими наемниками, создания не проявляли и малейшего интереса, хоть тот и находился в нескольких минутах ходу. Твари прибыли в деревню скрываясь в тумане, значит ли это что туман необходим для их существования? Нет, кровожадное зверье сохраняло свою активность даже оказываясь в изолированном помещении дома, но в нем они вели себя хаотично, словно лишенные всех органов зрения и слуха хищники, пытающиеся зацепить все до чего только смогут дотянуться. В скотном дворе

воскресшая крыса была невероятно ловка, точна и изворотлива – будто она и вовсе не имеет ничего общего с той дикой неумелой сворой что штурмовала дом.

Туман. Если предположить, что они ориентируются в пространстве с его помощью, тогда все стаёт на свои места. Твари не могли узнать, что в доме были люди, ведь они не могли их учуять. Вероятно, они проверяли каждый дом, один за другим, наткнувшись на убежище наемников случайно. Но тогда остается еще один вопрос – как нежить узнала, что наследник находится в деревне? Его ни разу не касался туман, значит ли это что пришествие зловещей дымки в Поркень это простое совпадение?

– Пахучих сыроежек вслед. Грибами полнится корзина... Мистер Вебер, ваш черед, – выбил Голдберг предсказателя из колеи напряженных размышлений.

– Туман, – прервал ход игры очнувшийся Вебер. – Я понял, как эти твари ориентируются, что является их глазами и ушами. Где бы вы ни были, и как бы тихо вы не сидели, если вы находитесь в тумане, то они прекрасно знают где вы. В тот самый момент как мы покинем дом, наше местоположение будет раскрыто.

– Так значит нам лучше остаться? Отойти от плана? – заинтригованно приблизился к предсказателю Барон, взволнованно поправляя растрепанные усы.

– Нет, рано или поздно они проверяет дом. Честно говоря, я даже и не знаю, как лучше поступить. Наверное, нам

все-таки лучше придерживаться плана. Остин не дурак, он подобрал отличную тактику. Все упирается сугубо в стратегические способности нашего противника. Додумается ли он придерживаться часть сил в деревне, в качестве резерва, чтобы минимизировать шанс нашего побега? Вот в чем вопрос.

– Способности противника? Позвольте, неужели вы думаете об этой стихии как о разумном существе?

– Разумная она или нет, нам это предстоит выяснить на собственной шкуре, – проговорил Верго вертя в руках раскрытые карманные часы, танцующими бликами разукрашивающие увешанные коврами стены. Прервав свои игры с предметом, он грустно окинул взглядом неумолимо движущуюся секундную стрелку. – Наше время почти вышло. Готовьтесь.

Без излишнего шума и суматохи их небольшая группа выбралась из дома. Лишь заволаживающая густая дымка встретила людей. Сориентировавшись по памяти, они быстрой походкой двинулись на север. Туман послушно расступался, устилая капельками влаги дорогу что вела к старой мельнице. Гнилая деревянная громадина еле слышно поскрипывала, гулкими звуками отзываясь на волнение беглецов.

Предсказатель отнесся к звукам настороженно – что могло заставить рухлядь так стенать при отсутствующем то ветре? Тем не менее, группа успешно миновала местную достопримечательность. Отдалившись от центра деревни в достаточной мере, они оказались в окружении едва различимых

среди дымки, полуразрушенных строений. Где-то вдалеке, со стороны покинутого ими дома донесся шорох рыболовных сетей. Группа тревожно переглянулась, во всяком случае им показалось что они это сделали, ведь отличить лицо от затылка в тумане было проблематично. Они прибавили шаг, и уже спустя пять минут, запинаясь о неразличимые во мгле камни, спотыкаясь о поваленные жердины что когда-то были частью забора, практически бегущие соратники уперлись в стену.

Увиденное ими не было стеной в привычном смысле слова. Стена непроницаемой темно-коричневой дымки застыла перед ними аккурат на выходе из деревни. Даже не смотря на густой туман, обнаруженная ими стена была прекрасно различима, отличаясь что плотностью, что оттенком, что консистенцией. Даже свет не проникал через завесу. Если сошедший с гор туман еще мог бы быть принят за чудное природное явление, то преградившая путь группе завеса походила скорее на фантасмагорическую аномалию, прямиком из страны грез.

Путники неуверенно топтались у грани стены, не зная, как дальше поступить. Крайне быстро к ним пришло пренеприятное осознание – опоясывающая деревню пелена двигалась, сужая свои границы.

Попытка преодолеть преграду напролом не увенчалась успехом. Плотная пелена душила путников, не позволяя им набрать в легкие воздуха. Ощущая себя так, словно бы они

находились в безвоздушном пространстве, спутники были вынуждены бегством вернуться в деревню.

Мужчины пятились, боясь лишний раз соприкоснуться с инородным явлением. Они попытались обойти преграду, но пара сотен метров их блужданий продемонстрировала всю тщетность этой затеи. Внеземное нечто плотно стиснуло свои объятия, намертво запечатав Поркень. Ни плещи, ни малейшего просвета в темной поверхности – не было абсолютно ничего что могло бы обнадежить беглецов обещанием спасения из зловещей ловушки.

Набродившись вдоволь, мужчины обреченно вернулись к мельнице, не то надеясь покинуть деревню с другой стороны, не то окончательно сдавшись на волю заточившего их в Поркени кошмара. Скрипя и стелая хохотали оставляемые ими позади лачуги, насмехаясь над тщетными усилиями обреченных людей. Сразу с нескольких сторон донесся знакомый шелест сетей, начавшийся с юга поселка, и постепенно охвативший собой всю деревню. Мелкие шажки затарабанили по крышам. Воздух наполнился скрежетом когтей и скрипом прогнивших суставов.

Загнанные в угол люди отчаянно метались, пытаясь заслониться от вездесущих звуков звонкой сталью. Их силуэты то и дело возникали и пропадали, то отдаляясь друг от друга, то снова сближаясь.

Проницательный Верго, уже знакомый с необычным звучанием исполняемого мертвыми созданиями реквиема, бла-

горазумно, а что самое главное, заблаговременно, влил в себя тройную дозу настойки, тем самым опустошив свои запасы. Он не предложил жгучий напиток ни наследнику, ни Барону, ни даже его свите. Чудотворное снадобье ему было нужнее. В конце концов, к чему образам из видений сильнодействующий наркотик? Из всех них, настоящий здесь только он один. Очередной кошмар близится к своему завершению, и ему еще только предстояло пройти самую жуткую его часть.

Жестокое решение, бессердечное и тягостное. В других обстоятельствах быть может его бы болезненно уколола за такое совесть, но свежи были еще воспоминания о кровавых тварях, пирующих его еще трепыхающимся телом. Слишком уж велики были его муки, чтобы променять их облегчение на потакание добросовестному позыву.

«Насколько же плачевна наша доля, если предложение легкой смерти здесь сродни милосердию. Будь ты трижды проклят, ублюдский Помонт!» – предсказатель не был уверен, сказал ли он это в слух, или же произнес только у себя в уме, но ничего уже это бы не изменило. Душераздирающий гомон вытеснил собой все другие звуки.

Вебер видел, как быстро исчезают в тумане очертания его товарищей, но не услышал их криков. Он чувствовал, как смерть подбирается к нему все ближе, оседая от интоксикации на землю еще до того, как его тронули ее маленькие посланцы, послушные вестники гибели.

Уже знакомая Верго сила приподняла его над землей, разгоняя своими массивными взмахами клубы тумана. Из левого плеча предсказателя торчало несколько алых шипов, отдаленно напоминающих острые пальцы. Так вот они какие – костлявые руки смерти.

В тумане показалось несколько внушительных силуэтов. Два, три, четыре, пять... Пять кошмарных исчадий, и каждое размером с их выючного жука, все выстроились полукругом. Черты чудовищ были сокрыты дымкой, но туман был не в силах укрыть тошнотворный аромат смерти, коим разило от гигантов за версту.

Неспешно подняли великаны свои конечности, и у каждого, нанизанной безвольной куклой висел на вытянутом отростке человеческий силуэт. Среди дымки смутно проглядывались дородные очертания Голдберга, худощавое и изящное тело Марк, и еще дергающееся тело телохранителя Барона. Оболочка второго телохранителя безвольно свисала, будучи подвешенной за ногу.

Глаза предсказателя слипались, в ушах звенело, а мысли тугой нитью сматывались в неразделимый спутанный клубок. Но даже в таком состоянии видел он как чудище приблизило его тело к себе. Будто пытаясь в последний раз напугать его перед тем как рассеяться, кошмар развеял клубы тумана, скрывавшие до этого момента тело монстра. Вблизи неестественное создание походило на произведение большого на голову скульптора, творившего плотью убитых су-

ществ. Кости, рога, когти, мышцы, головы и мех – все это органично сплеталось воедино, из множеств крупных тел формируя единое создание. Ни один ученый муж на целом свете не смог бы сказать где у твари был рот, а где глаз, и были ли они вообще, но одно было ясно точно – исчадие было рукотворным. Слишком уж хорошо были подогнаны и сплетены части, слишком уж противоестественны и чужды всему живому.

Низкий звук, отдаленно напоминающий рык, донесся из одной из многочисленных полостей создания. Поднесенный вплотную Вебер уперся носом в содрогающуюся плоть конечности чудовища. Крепкие пальцы, бывшие некогда козими ногами, сошлись на затылке предсказателя, постепенно сдавливая его голову все сильнее. Темная, волосатая и зловонная плоть закрыла собой все что видел Верго. Мужчина поспешил прикрыть постепенно выдавливаемые глаза, догадываясь что будет дальше.

Вам когда-нибудь доводилось слышать с каким глухим водянистым звуком лопаются арбузы? Совершенно незабываемое звучание. Нечто подобное пришлось услышать и самому предсказателю, что, будь он в трезвом уме, его бы неслабо удивило. В реальной жизни навряд ли услышишь звуки собственной лопающейся головы, но вот в видении такая возможность может и представится. Разумеется, мало кто будет ей рад.

Девятый час, двадцать третья минута. Осталось меньше получаса до того, как мертвые всерьез возьмутся за укрытие единственных живых созданий в этой деревне. Полностью забаррикадированное жилище скрывало в себе шестнадцать человек, отделенных не такими уж и толстыми стенами от обители смерти снаружи. Все были на взводе, но лишь один человек осознавал, что их на самом деле ждет. Первый раз в своей жизни предсказатель был не рад тому, что узнал будущее.

Работая на мафию, многочисленные бандитские группировки и даже просто на могущественных богачей, Верго всегда имел план. Он всегда знал, что делать, как решить любую кризисную ситуацию. Способность заглянуть в будущее давала ему возможности, которых были лишены простые смертные. Какой убийца или похититель может преуспеть в своем деле, когда все его действия заранее известны жертве?

Даже самая опасная авантюра грозила Веберу не более чем испугом, ну или испорченным аппетитом на худой конец. Не смотря на все происходящее в видениях и на реальность ощущений, как правило, по окончании дела и царапины не оставалось на его теле. Зная это предсказатель был готов спустится хоть бы и в сердце преисподней, ведь все невзгоды обернутся лишь кошмаром – пускай и крайне неприятным, но все же просто сном которому суждено бесследно развеяться.

Нынешняя ситуация не была похожа на сон. Безжалостная

реальность шаг за шагом подбиралась к Верго, незавидный рок уже дышал ему в затылок. Впервые с того момента как будучи напуганным, беспомощным мальчишкой, он сбежал с сокрытого в жаркой республике Као военного лагеря, Вебер осознал, что хорошей концовки у этой сказки может и не быть. С каждым видением все ближе был момент невозврата. Сколько еще у него осталось попыток? Да и осталась хоть одна?

Может ли следующая гибель обернуться не радостным пробуждением от кошмара, но настоящей смертью, окончательной и бесповоротной?

– Безвыходных ситуаций не бывает. Ведь не бывает? Верно, Нил? – не пойми к кому тихо обратился предсказатель, вертя в руках закрытые часы. – Это ведь так удобно, если в передрыге человек погиб – значит просто вовремя не нашел выход. Если же выжил, то это только подтверждает негласное правило. А то, что выхода может и вовсе не быть – об этом говорить не принято. Так неужели мы с тобой больше не увидимся?

По спине Вебера пробежал холодок что мог бы стать и чем-то большим, будь предсказатель трезв.

От зверья не удрать, но и в деревне не выжить. Весь поселок надежно окружен зловещим куполом, и даже последнему кретину ясно, что перспективы, преступивших его черту путников крайне плачевны. Отвратительная видимость не даст людям и шанса на слаженный бой, в непроглядной и

удушающей дымке завесы речи уже не идет не просто о слаженном, а о бое как таковом. Да и с кем же сражаться? С уже мертвыми чудовищами? Как еще одна пара отверстий помещает этим исполинам превратить путников в фарш? Но должны же быть хоть какие-то силы с которыми считаются и мертвецы... Не может же оживший труп бежать быстрее ветра, или прыгнуть выше неба? Одна такая сила как раз есть под боком, и имя этой силе – вода.

«Поркень ведь является рыбацкой деревней, я не раз слышал это от Голдберга. Значит расположена она у реки. Как бы ни были грозны чудовища, едва ли они смогут воспользоваться лодкой. На воде, у людей, вооруженных веслами и веской тягой к выживанию, будет существенное преимущество в скорости передвижения. Они нас просто не догонят. Остаются летучие гады, но вот от них, как-нибудь да отобьемся. Из всего встреченного нами бестиария это не самая грозная напасть. Да и за счет развитой скорости должно получится проскочить завесу не задохнувшись», – созрел в голове у Верго план за то время как он прятал свои драгоценные часы. Постанывая от усталости, Вебер встал с пола.

Настолько емко насколько предсказатель только мог он поведал свое видение Остину, приправляя рассказ вставками из своего плана. Находясь в довольно сложном для описания состоянии духа (чем-то средним между смирением с гибелью и предсмертным азартом), Верго не раз и не два усилием воли подавлял в себе коварную улыбку, возникающую

от вида бледневших на глазах спутников, побросавших свои дела и внимательно слушавших предсказателя. Вебер опасался что его и без того странное поведение вкупе с безумной ухмылкой может быть истрактовано совсем не так как ему бы хотелось. Все и так были напряжены, к чему давать им лишний повод для беспокойства?

Предшествовавшая действу фаза размышлений и планирований заняла не более пяти-шести минут, вобравши в себя и вмешательство Голдберга и ворчание Остина и даже вопиющую некомпетентность Рауса. Как выяснилось, хозяин дома даже не мог определиться с тем, какое количество лодок присутствовало в деревне. Показания последнего колебались от двух до четырех, притом разница во времени меж озвученными числами не составляла и минуты. Ну что за кретин!

Верго смог убедить спутников что выступать стоит немедленно – одним плотным отрядом двинулись люди к реке. Единственным ухваченным имуществом для большинства стал меч, крепко сжимаемый в руках. Вебер, тем не менее, успел ухватить свои настойки. Ввиду последних событий он старался не выпускать их из рук.

Двигаясь где-то в центре группы, предсказатель размышлял вовсе не о тумане, и даже не о тех, кто в нем скрывался. Несколько странной частью этой попытки спасения было поведение Рауса, ведь тот наотрез отказался следовать за путниками, хоть и не пытался их отговорить от задуманного.

Конечно, хозяин лачуги не мог знать о способностях Верго, и уж тем более о нависшей над деревней угрозе. Для него туман был лишь туманом, а странное поведение гостей – очередной загадкой Помонта. Должно быть Раус считал путников настоящими безумцами, терпя их выходки сугубо из-за врученной ему Остином суммы. Этого уже было никак не узнать. Станный тип, этот обитатель деревни. Спасибо хоть на том что сказал куда впадает река.

Беспрепятственно добравшись до причала, наемники обнаружили три лодки. В спешке не было времени проверять их целостность. Посудины были тотчас сброшены на воду, громким «хлюп» оповестив всю округу о намереньях беглецов. Путникам оставалось только положиться на удачу, молясь чтобы среди лодок не оказалось дырявой. Течь была бы в такой ситуации губительной.

Ухватив все имевшиеся весла, наемники сиганули на свои спасительные челны, с небывалым энтузиазмом принявшись грести.

Едва выглядывавший из зарослей рогоза, старый прогнивший причал доходил почти что до середины реки – настолько она была узка в месте соприкосновения с деревней. Такое недоразумение и рекой сложно было назвать. Хорошенько разбежавшись на причале ее можно было безо всяких проблем перепрыгнуть.

Предсказатель совершенно искренне надеялся, что далее русло реки расширится, в противном случае, монстрам, для

того чтобы стащить людей с лодок даже в воду заходить не придется.

Стоило наемникам отчалить, как в густой прибрежной растительности раздался шорох, сопровождаемый достаточно громким попискиванием.

«Уии уии уии, – донеслось с одной стороны реки, после чего похожие звуки раздались уже с другой: – Уии уии уии».

Между звуками практически не было паузы. В них не читалось явной угрозы, но было нечто нехорошее. Они чем-то напоминали...

– Смех. Смеются, суки, – совершенно не контролируя себя выпалил Верго. Молниеносно обращенные к нему взгляды спутников тут же заставили предсказателя пожалеть о выскочившем комментарии.

– А ведь и правда похоже, – дрожащим голосом подлил масла в огонь Марк, побелевшими пальцами вцепившись в края лодки.

Интенсивные гребки здорово способствовали быстрому продвижению лодки, уже вскоре беглецы выплыли на крупную заводь, предшествующую вытянутому овальному озеру. Шум в прибрежных кустах утих.

Плавательные средства находились буквально в метре друг от друга. Гребцам приходилось прилагать немалые усилия, чтобы в спешке не налететь на своих товарищей. Вздорженная поверхность озера покрылась мелкой рябью, прерываемой невысокими волнами, что лениво выползали

из-под увесистых весел.

Туман надежно окутывал лодки, скрывая от их пассажиров неровные очертания берега. В какой-то момент путники углубились в неприветливые воды настолько, что впору было подумать, что каким-то чудом они оказались посреди моря – настолько бескрайним виделся им водоем.

– Со слов Рауса это просто заводь. Гребите усердней, здесь уже должен быть приток! – шипел Остин самым громким шепотом что предсказателю только доводилось слышать в своей жизни. Был бы приказ еще немного громче, и его можно бы было без труда разобрать и у самой мельницы.

Хлюпанье весел в воде участилось. Несколько минут хватило гвардейцам чтобы преодолев водную преграду вновь оказаться у берега, на этот раз противоположного. Гребцы направили свои посудины вдоль раскидистого камыша, едва не задевая его листву бортами лодок.

– Где?! Лич тебя подери! Ну где же чертово продолжение реки? – негромко проговорил сопящий от напряжения Голдберг, энергично орудуя старым веслом. Три лодки уже успели описать полукруг по канту озера, но ничего похожего на приток или канал так и не было обнаружено.

– Нет никакого продолжения... Этот подонок солгал нам, – поникнув, выдал из себя Остин. Главарь гвардейцев выглядел неважно, он совершенно не контролировал ситуацию и оттого переживал пуще других. Хоть Остин и старался держатся мужественно, подавая своим подчиненным при-

мер для подражания, по скривившимся скулам и потупленному взгляду было понятно, что мужчина подавлен и сбит с толку. – Разворачиваемся и гребем в обратную сторону, попробуем проплыть к руслу.

– Опять через те заросли? Да еще и идти против течения... – донесся взволнованный ропот с лодки позади. Ответом на это последовало несколько нелестных комментариев от Остина, достигнув своего адресата они сумели ловко утихомирить вспыхнувшее недовольство. Грязная солдатская ругань была как панацея в такой ситуации. Дополнительная пара крепких словечек от Арчи подбодрила наемников, если не сказать, что подогнала.

Верго хмуро вглядывался в прибрежные заросли. Прямо за ними безошибочно угадывалась непроницаемая завеса. Ловушка захлопывалась аккурат за озером, на редкость предусмотрительно перекрывая жертвам последнюю возможность пройти сквозь завесу по воде.

«Неужели сила что стоит за этими тварями настолько умна?» – подумал предсказатель, перехватывая у Голдберга весло. Пыхтящий усач выбился из сил, осев на правый борт лодки. С годами он явно не прибавил в силе и выносливости. Вебер поднажал, натужно разворачивая посудину вместе с еще несколькими гребцами. Весла то и дело задевали дно, да только податливый илистый грунт не давал наемникам и шанса оттолкнуться от себя, лишь еще больше мешая их усилиям.

Сопровождаемые аккомпанементом из отборнейшей ругани и остервенелого сопения, путники успешно добрались примерно до центра озера, на глаз направляя лодки к каналу из которого еще недавно и прибыли. За создаваемым ими же гомоном они не расслышали негромкого бульканья что донеслось со стороны левого берега. Подозрительная рябь, идущая перпендикулярно водным возмущениям от гребков, тоже осталась вне поля их видимости. Туман надежно скрыл все следы приближающейся угрозы.

Гонимые страхом, озабоченные тягучим неведеньем, наемники приблизились к руслу, неоправданно близко подплыв к пологому берегу. Идущая первой лодка неожиданно встала, перекрыв собой весь путь. Два плывущих следом челнока по инерции врезались в образовавшуюся преграду, противным треском взыв при столкновении. Застывшая лодка даже не шелохнулась, намертво перекрыв собою единственный путь к отступлению.

– Какого черта встали?! – начал было возмущаться Остин, но быстро умолк, заметив насколько недвижимой была лодка. Плавающие в воде объекты даже при столкновениях или вхождении на мель не могут быть настолько неподвижны. Течение и небольшие создаваемые гребцами волны обязаны были раскачивать посудину, хоть бы и немного. Но лодка стояла как вкопанная, будучи неестественно зафиксированной на водной глади.

Ругань умолкла. Недоумевающие люди удивленно разгля-

дывали странное явление, не находя подходящих слов чтобы описать случившееся или же дать пригодный совет. Может быть молчание и затянулось бы на подольше, но сила припечатавшая суденышко решила внести в ситуацию свои коррективы.

Сначала Верго услышал оглушительный треск, сопровождаемый чьим-то воплем, и лишь затем почувствовал холодные водяные брызги, тонкими струйками оседающие на его лице. Силуэт лодки сложился вдвое. Нос судна соприкоснулся с кормой, после чего вся структура, состоящая из гнилых мокрых досок и еще трепыхающихся тел, за считанные секунды ушла под воду, оставляя за собой лишь россыпь пузырей. И те вскоре перестали подниматься со дна, положив конец любым свидетельствам того, что изначально на озере было три лодки. Пассажиры оставшихся суден вцепившись в трухлую древесину своих плавательных средств, дикими, полными ужаса взглядами выискивали своих собратьев в пучине темных вод.

Остин не стал дожидаться развязки событий и что есть мочи завопил, приказывая бойцам грести к дальнему берегу. Солдатская выдержка взяла свое, и еще минуту назад трясущиеся от волнения руки уверенно впились в мягкую древесину скрипящих весел, что есть сил отдавая лодки от страшного места гибели товарищей.

Верго уже почти не чувствовал рук от усталости, как его лодку сотряс сильный толчок, пригвоздив судно к месту. Да-

же удвоив усилия, четверым гребцам так и не удалось сдвинуть челнок с места. До убедившихся в тщетности своих усилий гвардейцев стала доходить вся плачевность их положения. Интуитивно они понимали, что сейчас произойдет.

– Покинуть лодку! Все к нам! Быстро! – надрывался в отдалении главарь наемников, беспомощно пытаясь затормозить свое судно чтобы спасти товарищей.

Несколько человек, откликнувшись на приказ своего командира выпрыгнуло за борт, их силуэты тотчас скрылись в воде, а тела так и не всплыли на поверхность. Начавшееся внезапно бултыхание так же быстро и затихло.

На лодке остались двое: шатающийся от страха Голдберг, что еще десять минут назад признался, что не умеет плавать, и остолбеневший Вебер, тщательно провожавший взглядом каждого скрывшегося под водой бойца.

Слегка отступив от борта, предсказатель поднял на манер чаши несколько открытых пузырьков с настойкой, театрально выдавив своеобразный жест, будто чокаясь с невидимым кубком.

– Ваше здоровье! – недолго думая ляпнул Верго, опрокидывая содержимое флаконов себе в рот и одним большим глотком направляя их в желудок. В сложившейся ситуации такой жест мог показаться насмешкой, но право слово, предсказатель не имел намерений кого-либо оскорбить. Невинный при почти любых других обстоятельствах тост – это первое что пришло ему на ум. Веберу резко захотелось выку-

ритель сигаретку. После стольких лет воздержания, здесь, посреди проклятого озера он бы с удовольствием оприходовал и пол пачки. Можно было конечно попросить у Барона, помня о его расчудесном вычурном портсигаре, но что толку – все равно жадные до крови водные пучины загасят папиросу еще до того, как предсказатель выкурит и четверть ее длины. Верго сделал глубокий вдох, с удовольствием вбирая в себя свежий озерный воздух. Что же, по крайней мере перед смертью ему не придется вдыхать смрад мертвечины.

Голдберг, казалось, совершенно не разделял философского подхода своего спутника к вопросам смерти. Усач озадаченно крутил головой, переводя взгляд то на предсказателя, то на утихомирившуюся водную гладь. Все застыло в почти абсолютной тишине. Лишь отдаленные крики Остина разрушали чудную идиллию.

Печально знакомый хруст – предвестник гибели, ознаменовал собой конец. Деревянные зубы-доски схлопнулись на телах двоих пассажиров. Длинные мясистые конечности, на секунду показавшись из глубин ловко подцепили утопающих, утаскивая их на самое дно.

Верго закрыл глаза. Мутное илистое месиво вовсе не тот вид, что предсказатель хотел лицезреть при своей смерти. Экстракт гриба сделал свое дело и Вебер практически не чувствовал удушения, лишь разносящееся по остаткам тела тепло.

Насколько же это все-таки странное ощущение – внезапно обнаружить себя в самой гуще событий. Сперва предсказатель даже не понял, что за хаотичная суматоха творится вокруг него. Бегающие из стороны в сторону люди то и дело натывались на стены и приставленные к ним части баррикад, десятки мелких объектов носились по помещению, едва касаясь укрытого чем-то шевелящимся пола. Хаотичные тени, падающая сверху солома вперемешку с темными щепками и стоящий в помещении гомон окончательно сбили Вебера с толку, смазывая общую картину, мешая ему сфокусироваться на чем-то одном.

Вот мимо Верго проскочил кричащий Барон, толстыми пальцами вцепившись в облезлого хорька, что вонзил свои зубы в его роскошный пиджак. Дорогое одеяние с двойной прокладкой сумело удержать резцы создания в себе, намертво заключив их в свои объятия. Теперь же Барон изо всех сил пытался отлучить мертвое создание от любимого предмета гардероба. Сразу за Голдбергом, брезгливо морщась, гвардеец Генри (чье имя не так давно запомнил предсказатель), крупным плечом прижал изъеденную опарышами псину к стене, попутно прописывая твари увесистые удары по морде. Буквально в метре, Остин точными взмахами клинка делил прибывающие в дом тела на все большее количество частей. Стоящая обок Арчи, обмотав руки полосками ткани раскидывала подступающую со всех сторон живность, не давая ей подобраться со спины к брату. Телохранители

Барона в другом конце дома обступили вжавшегося в стену Марка, пятками ботинок лопая черепушки подползающих грызунов. Для тварей покрупнее у них на вооружении был увесистый тесак и сверкающая в пламени лампы сабля. Измельчая созданий, они расчленили их суставы, что не давало фрагментам нежити свободно шевелиться.

Широко раскрытыми глазами застывший Верго созерцал жуткое зрелище, пытаясь собраться с мыслями. Обычно после видения ему требовалось хотя бы несколько минут побыть в спокойствии и тишине чтобы хоть частично прийти в себя и унять тошноту с головной болью. Но в этот раз мертвое воинство решило помочь предсказателю включится в происходящее. Как известно – боль отрезвляет. Резкие болевые ощущение в ключице вырвали Вебера из оцепенения, заставив одернуть руку и несколько раз, со всей дури припечатать прицепившегося к ней грызуна о стену.

Когда мутные мозги уже пару дней как мертвого зверька наконец стекли по стенке, а его хрупкие челюсти отвратно развалились, лишившись удерживавших их вместе суставов, Верго смог-таки восстановить циркуляцию мыслей, крепко схватившись за голову. Полное осознание плачевности его положения было даже болезненней недавнего укуса.

Мертвое зверье уже напало, а значит времени у него совсем не осталось! Еще каких-то жалких десять минут, а может и того меньше, и громадные чудовища развалят дом, не оставив сражавшимся за свою жизнь людям и шанса на спа-

сение!

Наивно предполагать, что за эти несчастные десять минут он увидит еще одно видение. Да и что толку? Он лишь еще один раз испытает предсмертные муки, чтобы бесславно погибнуть в пастях мертвых исчадий ада. Предсказатель израсходовал все свои попытки – больше никто и ничто не поможет ему. В своей алчности и жадности он взял дело что ему не по плечу. Не смотря на все намеки судьбы он не сбежал, пока была такая возможность. Горделиво и свысока смотрел он на встречающиеся преграды.

«С моими то силами, все мне нипочем. Со всем справлюсь», – ранее убеждал себя самоуверенный глупец. И вот, на пороге своей гибели, настоящей и бесповоротной, одурманенный наркотической гадостью, он трусливо сжимает в руках столь манящие пузырьки. Он даже не заметил, как его руки самостоятельно забрались в сумку, нащупав там заветные емкости. Верго сжал зубы до звона в ушах. Даже своей храбростью, что позволяет ему сейчас не биться в истерике подобно наследнику, он обязан тем самым настойками. Но кто он без них? Без наркотика и видений? Умеет ли самоназванный предсказатель умело орудовать мечом? Нет. С тех самых пор как он покинул армию, вещицы острее хлебного ножа не касались его руки. Выучился ли он на врачавателя, став тем, кем всегда мечтал быть? Нет. Оттягивая раз за разом поступление в академию он давно закрыл для себя эту дорогу. За напыщенностью, напускной дерзостью и дешевой

лестью вышестоящим скрывалась столь неудобная правда – он никто. Просто обманщик, не солдат, не врач, и даже не земледелец, как его родители. И даже храбрецом назвать он себя не может, обманывая свой разум дорогостоящими снадобрями. За все эти годы Верго так и не смог накопить в себе достаточно мужества чтобы показаться на пороге дома своей родной семьи. Его родители, должно быть, похоронили сына в день получение печального известия из армии, давно свыкнувшись с мыслью что он никогда не вернется. Утратив одну семью, он не сумел завести иную. Ни любви, ни ненависти, – только работа. Бесконечная погоня за неутолимой жадой денег и славы. В том единственном умении, что позволяло мужчине назвать себя уникальным, не было и капли его заслуги. Без чудесных видений он не только не стал бы столь известен, но и попросту не выбрался бы из злосчастного лагеря, будучи сожженным в жуткой яме с трупами. Но теперь даже чудо предсказаний не смогло перевесить его посредственность. Это конец, абсурдный, но закономерный. Наказание за череду непростительных ошибок, что мог допустить только законченный слепец.

Сумбурный ворох его мыслей своей хаотичность смог затмить даже кошмарную реальность. Ноги Верго подкосились. Предсказатель осел на пол, прямо в кучу шевелящихся останков, безразлично усевшись на что-то еще трепыхающееся.

«И кому я помогаю? Ради чего я здесь? Все это время я

работал на убийц, воров и коррупционеров. Спасал их детей, друзей и подчиненный, но зачем? Чтобы в будущем могло пролиться еще больше крови? Прав был Голдберг, мы с ним похожи. Что я, что он, оба всю свою жизнь ищем оправдания своей отвратности. Есть что-то символическое в том, что мы оба погибнем здесь, вместе. Вот уж и правда, если у Бога и есть чувство юмора, то это ирония, – отстраненно размышлял Вебер, безразлично наблюдая за усилиями обреченных товарищей. – Убийцы, торговец оружием, и один очень одинокий обманщик – всем нам тут самое место. Жалко только, что Марк, Блиц и Раус тут погибнут. Они заслуживают лучшего. Даже Раус, пускай он и подвел нас с притоком реки... Нерасторопный идиот... Но даже он...»

Мысленный голос Вебера умолк, предсказатель нахмурился, повернувшись в сторону хозяина дома.

Сам же Раус все это время настороженно вжимался в подпирающий стены шкаф, всем своим видом стараясь не привлекать к себе лишнего внимания. Мертвечина задорно пробегала мимо него, бросаясь под ноги сражающимся гвардейцам. Проникший сквозь щели и разломы туман к этому моменту уже достаточно загустел чтобы позволять этим созданиям худо-бедно ориентироваться в пространстве. Их когти и клыки более не орудовали хаотично, в слепой попытке зацепить хоть кого-нибудь, но целеустремленно впивались в лодыжки и бедра, еще больше усложняя жизнь обороняющихся. Хозяина дома поток тварей как бы невзначай избе-

гал, то промахиваясь мимо мужчины, а то и вовсе, в открытую оббегая.

Верго всем своим естеством сконцентрировался на трясущемся в шести метрах Раусе. Шестеренки в голове предсказателя тронулись, медленно, кусочек за кусочком пережевывая пришедшую ему мгновение назад мысль. Утрачивая свою абстрактность и обретая все более конечную и завершенную форму, мысль красной нитью проходила сквозь все события этого порядком затянувшегося дня.

«Деревня была уже пуста, когда мы пришли. Мы были слишком уставшие и заморенные дорогой чтобы это заметить, ведь не было ни следов бойни, ни даже беспорядка. Но их не было как раз потому, что расставившие эту ловушку убийцы заранее готовились к нашему приходу. Раус – одинокий рыбак. На кой черт ему этот достаточно крупный дом, если он живет без семьи? Его хаотичные метания отлично показали его неспособность разобраться в собственном жилище. Он попросту не знает толком что и где лежит. Либо наш новый знакомый фирменный идиот, либо он и сам гость в этом доме. На этом странности не заканчиваются: почему за все свои попытки в видениях я ни разу не видел Рауса ни раненым, ни мертвым? Я был невнимателен? Нет, здесь что-то другое. Мертвые выродки избегают его, это заметно невооруженным взглядом. Почему он, якобы давний обитатель этого места, так плохо знает местность? Случайно ли он отправил нас к несуществующему каналу реки? Не ду-

маю», – мысли пронеслись роем в голове озаренного Вебера. Ни лязг железа, ни людские крики, ни даже беспрестанно извивающиеся под ним ошметки мертвечины не смогли сбить его с уже вполне себе четко сформированной мысли.

Предсказатель молниеносно вскочил с пола, неловким пинком отправив прицепившуюся к ноге тварь в полет. В несколько шагов он преодолел все расстояние, разделявшее его с хозяином дома. Пользуясь замешательством последнего, предсказатель с широкого замаха заехал Раусу кулаком в челюсть. Опешивший мужчина едва успел повернуться в сторону нападавшего, беспомощно наблюдая как вытекающая из носа струйка крови марает его рубаху. Вебер немного промахнулся, зарядив хозяину по переносице, а не по подбородку. Не успел Раус обмолвиться и словом, как Верго всем своим весом прижал его к стене, попутно ударив коленом сконфуженного мужчину в пах.

– Как это остановить?! – проревел предсказатель прямо в багровое лицо избиваемого.

Зажимая кровоточащий нос, Раус попробовал освободиться, как заведенный качая головой из стороны в сторону. Почувствовав неприятный укол в районе щиколотки, Верго едва ли не с мясом на клюве оторвал от себя птенца с пробитой грудной клеткой. Со всей дури он прижал барахтающееся создание к щеке лжехозяина дома, но тварь, будто и не замечая живую плоть под собой, все пыталась извернуться чтобы клюнуть в руку своему обидчику.

Теперь сомнений не оставалось. Верго отнюдь не показалось что исчадия избегают этого чудака.

– Ах ты ублюдок! Да ты на одной стороне с ними! – закричал предсказатель все сильнее вжимая мертвого птенчика в лицо хозяина дома. В бешенстве, Верго отбросил мертвое создание, предварительно до хруста сжав его в побелевших пальцах. После чего он ударил крепко сжатым кулаком в живот отказывающегося выдавить из себя даже слово предателя. К удивлению Вебера, под рубахой вместо упругой гладь живота его кулак встретило нечто мягкое и подозрительно сильно пищущее при надавливании. Локтем левой руки прижимая горло Рауса к стене, другой рукой предсказатель приподнял полы рубахи.

Верго думал, что сегодня его уже ничем не удивить – как же он ошибался. От увиденного было впору потерять дар речи.

На месте живота предателя красовалось крупное отверстие с аккуратными обожженными краями. Внутри этой определенно несовместимой с жизнью дыры и сидел источник внезапного писка – огромный, просто непомерно огромный представитель рода змеевиков.

Похожие на личинку создания, состоящие из пяти-шести мягких белых секций и твердой головы с острыми как бритва жвалами, обычно не доходили и до размеров небольшой крысы. Сидящее же в Раусе насекомое было немногим меньше кошки. Раздувшиеся сегменты брюшка были настолько

велики, что крошечные лапки, едва выходящие за их пределы, были почти неразличимы. Просто невероятно как эта личинка только смогла уместиться в теле еще живого человека! В довершение всего, немалую часть поверхности змеевика украшали едва различимые в потемках символы. Но и без них, там было на что посмотреть.

Верго застыл с краями приподнятой рубахи, плотно зажатыми в руке. Он был не в силах отвести свой взгляд от непостижимого зрелища. Будто только поджидая момента, массивное создание по ту сторону дома всей своей увесистой тушей налегло на стену хибары. Несколько бревен повыскакивали из стены, обнажая крупную брешь в обороне. Удар был настолько силен, что все находившиеся в доме люди едва не утратили точку опоры, попадав на четвереньки. Раус только и ждал такого шанса – всеми имеющимися у него силами он оттолкнул сбитого с ног Вебера, что есть мочи удирая в направлении новообразованной бреши.

– Хватай его! Раус с этими тварями заодно! – кричал Верго, искренне надеясь, что его вопли не потонут в общем гомене. Конечно, творившееся побоище вовсе не способствовало чуткому восприятию его спутников, но Вебер, сам того не ведая сорвал с предателя кусок рубахи в следствии того, что так и не разжал намертво вцепившуюся в ткань руку. Убегающий предатель на весь дом красовался своим необычным гостем, закрепившимся на месте пищеварительного тракта. И он не остался незамеченным.

Первая его заприметила Арчи, но ее попытки схватить убегающего мужчину за ноги не увенчались успехом благодаря усилиям так не вовремя навалившейся на нее мертвечины. Последующие попытки вставших на его пути наемников тоже были бесплодны, слишком уж прытким оказался беглец.

В момент, когда спина предателя уже почти скрылась за крупной расщелиной, расторопный Остин умудрился выпустить из самострела роковой для беглеца болт. Снаряд вошел ровно в позвоночник, чуть выше копчика, предположительно задев и гадкую личинку. Раус тотчас рухнул, скрывшись за стеной. Тут то и стали происходить первые за день приятные сюрпризы: стоило болту пронзить спину предателя, как мертвое воинство, будто утратив всякую опору, безвольными куклами стало оседать на заваленный трупами пол. Визжащие, царапающиеся и кусающиеся твари камнем рухнули вниз, как и положено любой добропорядочной мертвечине.

Знакомый путникам громкий треск, такой же, как и при сожжении повелевавшей воинствами насекомых проклятой карты, разлетелся по округе.

Еще порядка минуты гвардейцы топтали и протыкали мечами бесчисленные трупы, пока окончательно не осознали, что опасаться затихших созданий уже не стоит. Комнату заполонило тяжелое дыхание собравшихся, пришедшее на смену оглушительным звукам боя. Неужели все наконец за-

кончилось?

Уже спустя пять минут сквозь разлом в стене в дом проник первый солнечный луч – вестник конца кошмара. Туман не просто рассеивался, он таял на глазах. Бурые силуэты домов за считанные секунды обретали однажды утраченные четкие формы. Но окончательно, до смерти перепуганные путники смогли выдохнуть только тогда, когда вновь услышали вдали завывание ветра, насыщенное далеким, но столь радостным птичьим пением. Несущие в себе неискоренимую жизнерадостность птички трели растопили остатки тревоги наемников, позволяя наконец измученным и запуганным людям выпустить из рук окровавленные мечи. Да, кошмар подошел к концу.

Глава 9. Где-то в закулисье

Как для города, находящегося в пределах Помонта, Ганоя была на редкость разумно спроектирована. Высокие стены поселения огибали практически все отведенное под застройку горное плато, отступая от опасных краев обрыва чуть больше чем на два десятка метров. Имеющий прямоугольную форму город располагался углом к наиболее высокой вершине таким образом, чтобы примерно его треть всегда оставалась в тени. Обилие вымощенных брусчаткой узких улочек с лихвой компенсировалось просторными площадями, расположенными преимущественно по светлую сторону поселения. Вдоль каждой мало-мальски важной для логистики полиса мостовой, устланной тысячами отполированных ногами и колесами каменных плит, едва заметною змеею вился неглубокий канал, ведущий прямо в городские стоки. Теневая сторона города была тщательно освещена. В ней не было ни единой улицы, ни единого закутка где не стоял бы внушительного вида бронзовый уличный фонарь. Необъятные запасы газа удерживали административный центр княжества в тепле и надлежащем уровне освещенности.

Ганоя была едва ли не единственным местом во всем Помонте, где многоэтажные здания являлись обыденностью. Крыши шестиэтажных каменных гигантов устилала роскошные сады, глубокие дождевые коллекторы, и чуть чаще двух

предыдущих вариантов – крупная черепица, отдающая оранжевой помпезностью города. Да, оранжевый цвет был извечным пискom моды в Ганое. Легковесным песчаником и зернистым, слегка багровым порфиром разносился оттенок оранжевого по закоулкам горного города-убежища. Даже в формирующих бордюры пористых булыжниках можно было без труда найти горячо любимый горожанами цвет.

Планировка городских кварталов надежно ограждала обитателей Ганой от холодных горных ветров. Вытянутые, сплетенные в единую артериальную систему полиса, улицы обеспечивали поселение плавной циркуляцией воздушных масс, что прогревались укрытыми под брусчаткой теплотрассами. Центральное водоснабжение и централизованная отопительная система (небывалая роскошь для Помонта) здесь воспринимались горожанами как неотъемлемая данность.

Все денежные каналы княжества и практически все коррупционные схемы проходили именно через Ганую. Город жадно вдыхал финансовые потоки Помонта, ненасытно пережевывал несчастные судьбы граждан, изрыгая неинтересную ему рвань прямиком в уродливые нищие кварталы. Если бы поселение можно было бы охарактеризовать одним только запахом, то запах Ганой представлял бы из себя дикую пометь из ноток контрабандных, слегка помятых сигар, едкого смрада дешевого пойла, и затхлой вонищи невымытых, порядком уставших тел, чьими силами и приводились в движение шестерни жадной до денег громадины.

Душная коварная клетка – так для себя видел Ганою Аттикус. Это был белокурый, курносый юноша семнадцати лет, облаченный в короткие, нарочито невзрачные брюки, темно-багровый жилет и надетую под низ, расшитую золотом белоснежную рубашку. Голову парня венчал новомодный хомбург – широкополая шляпа из плотного фетра, с одной вмятиной, и узкими, слегка загнутыми полями. Вычищенными до блеска налакированными туфлями, чья стоимость затмевала собой годовой оклад чернорабочего, щеголял он в окружении нескольких менее претенциозных в своем облике, но не менее дорого одетых компаньонов-одногодок.

Город без сомнения мог произвести серьезное впечатление на новоприбывшего, но Аттикус чудесно знал его истинный облик. В налакированных туфлях, помимо напускной роскоши и архитектурной монументальности отражались силуэты десятков несчастных, что будучи запряженными подобно скотине в телегах, везли по мостовой многочисленные тюки с каменным углем или еще каким-нибудь собственным княжеству грузом. Черная кровь Ганои безостановочно циркулировала по улицам-артериям, находя свой конец в крупных угольных генераторах и единственном на все княжество вокзале.

Проходя мимо многочисленных перронов, мальчишки слегка сбавили ход, практически остановившись у привокзального почтового ящика. Самый смуглый из них, именуемый Корво, поправив и без того хорошо сидевший на голове

котелок, вышел вперед, подбрасывая в руке небольшой камень.

– Джентльмены, – начал он свою речь юношеским ломающимся голосом, – хочу поблагодарить вас за участие. Я полагаю, мистер Бордо будет приятно удивлен обнаружив в окнах своего дома на пару отверстий больше чем полагается. Надеюсь, обеспеченная нами вентиляция хоть немного остудит его горячую голову.

– Да ну вас к черту, и тебя, Корво, в особенности, – недовольно бормотал низкорослый кареглазый парень, кутаясь в болотного цвета пиджак. – Мы и так были на плохом счету, а теперь, после этой выходки декан обязательно прознает о порче имущества профессора. Нас вышвырнут из колледжума, это вне всяких сомнений! Помяни мое слово!

– Никто никого не вышвырнет. Свидетелей не было. Как известно, бездоказательные обвинения не могут послужить основой для исключения. Да и в конце то концов, мы же не дом ему сожгли. Бордо своими выходками на экзамене усложнил жизнь нам – мы ответили взаимностью. Не считаете ли вы, господа, что нашими руками восторжествовала справедливость? – манерно, гордо держась заявил Аттикус, одарив своего друга многозначительным взглядом.

– Во как запел, да я смотрю ты уже как заправский оратор вещаешь, – все не унимался кареглазый юноша, надевая на руки плотные кожаные перчатки. – Но тебе, Пальмонтский, ничего и не угрожает. Ну пожурят тебя твои «инвесторы»,

все равно выгнать тебя у декана духу не хватит. Мне же отец за такие делишки может немалых проблем устроить!

– Если бы тебе по три часа в день уроки этикета устраивали, я бы посмотрел, как ты бы заговорил, Чарльз, – пропустив два последних предложения собеседника мимо ушей, саркастично заметил Аттикус.

– Полно вам, – прервал спутников Корво. – Что сделано, то сделано. Не знаю, как ты, Чарли, но я вполне доволен. Мой неуд отомщен, а сожаления предлагаю оставить неудачникам. Вы мне вот что лучше скажите, не хотите ли вы, парни, навестить сегодня наш с вами любимый паб? Помните ту рыжую красотку со званого ужина Кастро? Ну, ту танцовщицу которую Чарли облил вином, по пьяни перепутав будуар с уборной? Сегодня она выступает, да не где-нибудь, а в нашем пабе. Ну, как вам планы на конец дня?

– Черт, Корво, а ты не мог это сказать пораньше? Знаешь ли, общество девушки мне милее вонючего дома Бордо, – застонал Чарльз настолько громко, что на мгновенье приковал к себе взгляды десятка прохожих.

– Тогда бы ты не оправился с нами и уж точно не стал соучастником акта вандализма. Я же тебя знаю, как никто другой, Чарли. Тебе нужно очень грамотно оглашать возможные опции. В правильном порядке, так сказать. А ты Аттикус, идешь с нами, или будешь опять нудить с со своим опекуном? – на одном выдохе протараторил Корво, мощным броском закинув камень на крышу вокзала.

– Я бы с радостью, ты же знаешь, но не хочу, чтобы мне опять урезали карманные расходы. Сегодня состоится очередная «важная» встреча с друзьями моего спонсора. Боюсь обстоятельства вынуждают меня там присутствовать. Если вы понимаете, о чем я, – извиняющимся тоном проговорил Пальмонтский, с легкой грустью во взгляде оглядывая своих товарищей.

– Да, знаю я одно такое твое обстоятельство. Жирное такое, имя ему – Гедройц. Желая тебе неумемного веселья в обществе этого высокопоставленного господина. Не захлебнитесь там чаем, ваше сиятельство, – язвительно, но в пределах приемлемого в их дружеском разговоре, отозвался Корво, подавая Аттикусу руку для рукопожатия.

– Если таки вырвешься, то ты знаешь где нас найти, – добродушно добавил Чарльз, присоединившись к жесту своего спутника.

Обменявшись с друзьями рукопожатиями на прощанье, Аттикус уверенным шагом двинулся прочь от вокзала. Обминая торговую площадь и растянутые ремесленнические центры, возведенные вперемешку с кабаками и блеклыми гостиницами, он пересек длинную, усаженную карликовыми елями аллею, направляясь прямиком к внушительному мраморному гиганту, опирающемуся на пятиметровые резные колонны.

«Акционерное Сообщество Пасквиль» – гласила надпись, освещенная по канту лампами накаливания. Громадное зда-

ние принадлежало местным магнатам, официально числясь как главный офис газовой корпорации, по факту же являясь на редкость удобной площадкой для праздничных мероприятий.

Подбираясь к порождаемой каменным гигантом исполинской тени, Аттикус не без доли презрения наблюдал за резвившимися неподалеку детишками лет одиннадцати-двенадцати. Но в его взгляде читалось и что-то еще, быть может зависть? Даже в раннем детстве ему не позволяли беззаботно резвиться на улице. Юноша был обязан безукоризненно соблюдать все нормы этикета и меры приличия, среди которых, как нетрудно догадаться, не было места для ребячества.

Одарив гонящую мяч малышню испепеляющим взглядом, Пальмонтский не сбавляя ходу вошел в прихожую гиганта, вальяжно сделав швейцару соответствующий знак, чтобы тот пошустрее отворил тяжелые деревянные двери. Внутри юношу уже поджидали поросычьи глазки и не менее поросычьи щечки дородного Олафа.

Сказать, что низенький, животастый обладатель сверкающей залысины, Олаф Гедройц был человеком гадким – значит ничего не сказать. И дело тут было совсем не в его внешнем виде. Толстяк имел гнусную привычку подобострастно лебезить любому, кто был хоть немного выше его в социальном статусе. В то же время Олаф относился с презрением и злобой к тем, кто был хоть на ступень ниже. Второй характерной чертой этого нелицеприятного человека была

необычайная жадность, жадность ко всему: власти, деньгам, почестям, и даже вниманию. Ради получения выгоды он готов был пойти на что угодно. Совокупность всех этих факторов могла бы сделать из толстяка действительно опасного и расчетливого психопата-манипулятора, которого стоило бы опасаться, если бы не одно существенное «но» – сказочная трусость Олафа. Стоило хотя бы кому-то дать толстяку отпор, или же пригрозить чем-нибудь, как пухленькое создание начинало вжиматься в стены, заикаясь и всячески пытаясь уладить конфликт мирным, пускай даже и унижительным для него путем.

О жадности и трусости Гедройца в Ганое уже давно ходили шутки, плавно обзаводящиеся щепетильными подробностями и перерастающие в легенды. Чего только стоило данное ему прозвище – Звонкая Свинка. Красноречиво и исчерпывающе, как и любят граждане Помонта. Никто уже и не помнил почему именно это словосочетание прикрепились к Олафу. Быть может оно образовано от двух других выражений, звонкой монеты и подопытной морской свинки? А может и вовсе, связано с тем, что толстяк будучи сильно взволнованным издавал громкие хрюкающие звуки из-за дефекта носоглотки? Никто уже не скажет.

Разодетый в дорогой, но на редкость безвкусный оранжевый пиджак, посапывающий Олаф едва не навалился на Атикуса всем своим весом, практически повиснув на руке парня. Обдавая юношу невыносимым запахом отродясь не чи-

ценных зубов, толстяк извиняющимся тоном защебетал:

– Ну что же вы, господин Пальмонтский. Собрание уже пол часа как началось. Посмотрите, и все гости уже пришли. Одного вас ожидаем. Такой пристойный и умный юноша, ну вы же явно не забыли? Нет, такой достойный молодой человек никогда бы не забыл о столь важном мероприятии. Уверен, у вашего опоздания была серьезная причина! Пройдемте, пройдемте! Вот так, оставьте ваш головной убор мне, я отнесу его в гардероб. Вижу вы без фрака – вам раздобыть один экземпляр? Я мигом! – Видя, что Аттикус отмахивается от него, стремясь поскорее завершить неприятную встречу, дородный Олаф решил зайти сразу с козырей. – Ну так идите, Джошуа вас ждался.

Юноша почувствовал, как у него на спине зарезвился целый муравейник. Джошуа. Это имя внушало ему если не страх, то волнение, декларируя неизбежную необходимость подчинения. Воля его покровителя влияла на юношу даже через призму имени, сковывая и вынуждая послушно прибавить шаг. Теперь Аттикус спешил, поднимаясь на второй этаж здания по роскошной мраморной лестнице. Дорогостоящие портреты, внушительные мозаики и молчаливая прислуга смотрели ему вслед. Олаф шествовал тенью за парнем, не отставая ни на шаг. Как для его комплекции, Гедройц больно резво поднимался по ступенькам. Если бы не его тяжелое сопение, можно было бы и вовсе подумать, что под жировой прослойкой скрывается ловкий атлет. Ну, может не

очень ловкий. Хромой, зловонный и немного задыхающийся, но атлет.

Второй этаж встретил юношу сладковатым запахом ванили и нотками розмарина. Залитое искусственным светом, празднично украшенное помещение разверзло свои гостеприимные стены, приняв в себя новоприбывшего юношу. Десятки дорого одетых гостей, сбившись в стайки подобно рыбам, обсуждали последние светские сплетни и новости политики, пока кучка слуг маневрировала между ними, разнося напитки и закуски. Размеренный гомон окружил Аттикуса.

Человек впервые посетивший такое собрание мог бы подумать, что на месте парня стоило бы развесить уши и вслушиваться в каждое слово – как-никак в здании собрались отборные сливки общества, должно быть они обсуждают необычайно существенные вещи из которых и для себя можно вынести что-то полезное? Увы, это в корне не так. Обсуждать на подобных мероприятиях дела или попросту важные темы считалось дурным тоном. Гости целенаправленно обговаривали всякую чушь и светские сплетни, что в сущности одно и то же. Можно сказать, что так они расслаблялись, получая удовольствие от самого факта общения с равными себе по статусу.

В течении минуты появление Пальмонтского было замечено собравшимися, и вот, все больше и больше народу окружало парня, приветствуя его крепкими рукопожатиями,

заранее заготовленными фразами и натянутыми улыбками. Аттикус знал к чему это все идет, но по всем мерам приличия был вынужден терпеливо и последовательно отвечать любезностью на каждое приветствие.

Из-за статных силуэтов собравшихся тут магнатов, политиков и олигархов робко проглядывали изящные молодые фигуры, закованные в безжалостные клетки разномастных корсетов, упакованные в пестрые обертки дорогих платьев – гости не упустили возможности прихватить с собой своих дочерей, ведь каждый из них в глубине души лелеял надежду урвать кусок призрачного пирога. Аттикуса уже тошнило от этого сватовства. Театрально застенчивые, избалованные девушки-фальшивки, что скрывали свои истинные лица за приторными, натянутыми масками, не вызывали у него никаких чувств, кроме раздражения. Он был готов поклясться, что рыжая красotka о которой говорил Корво, как и любая из ее подруг, будет в тысячу раз живее этих хрупких фарфоровых кукол.

Джошуа уже давно научил его как правильно реагировать на многочисленные попытки сватовства, не обижая лишний раз знать. Пальмонтский мило улыбался в ответ на комплименты, той же улыбкой отвечая и на обещания щедрого наследства. Плавнo пожимая облаченные в перчатки руки политиков, достаивая каждого встреченного гостя надлежащим вниманием, легким поклоном отвечая на приветствия дам, он продвигался сквозь толпу.

Заинтригованные образовавшимся столпотворением гости все активнее стягивались к юноше, замедляя его ход. Внезапно группа крупных предпринимателей впереди почтительно расступилась, в их глазах на мгновение возник и погас огонек страха, что не осталось незамеченным Аттикусом. В образовавшемся пустом пространстве прямо перед парнем высилась необычайная фигура.

Пришедший, не выделяясь особым ростом умудрялся каким-то чудом возвышаться над всеми гостями. Его ярко-желтый пиджак с черными манжетами несколько выбивался из общего стиля нарядов цветовой гаммой. На собрании больше не было ни одного человека, облаченного в желтый, ведь все знали под кого зарезервирован этот цвет.

Глава крупнейшего в Помонте ресурсного картеля и возможно самый влиятельный человек княжества – вживую перед присутствующими предстал Джошуа Каламадж. Как всегда, одетый с иголки, с не покидающей его уста легкой улыбкой и презрительным, властным взглядом, встречал юношу его наставник, спонсор и приказчик в одном лице. Слегка резкие черты лица вкупе с глубокими темно-серыми глазами выдавали в нем хищника, но вот аккуратная козлиная бородка с окрашенной под блондина короткой шевелюрой были призваны напротив, создавать видимость радушия и добродетели. Добродетель. Вот уж слово поистине несовместимое с сущностью Каламаджа.

Плавным отточенным движением он протянул руку юно-

му Пальмонтскому, не сказав и слова, совершенно не изменившись в лице. Чувствуя себя в крайней степени неуютно, Аттикус поспешно пожал руку наставнику. В секунду длинная тощая конечность Джошуа оказалась за спиной юноши. Со стороны могло показаться что мужчина по-дружески приобнял парня за плечи, но ощущалось это мертвецки крепкой хваткой. Сомкни Каламадж на плече юноши пальцы еще сильнее, и тот почувствовал бы боль.

Они направились к просторному окну, вдали от скопления гостей. Точнее направлял только один, второй же безропотно следовал, боясь сказать и слово. Дорого выглядящие благородные фигуры бережно расступались, стремясь и секунды не стоять на пути Джошуа.

– Молодой человек, к вашему сведенью, слабое рукопожатие прямым текстом говорит о вашем пренебрежении к приветствуемому. Вы определенно не хотите, чтобы ваши будущие деловые партнеры узнали о вашей незаинтересованности во встрече. Вам следует быть внимательнее, – донеслись до слуха Аттикуса отдающие железом слова. Не смотря на то, что Джошуа шептал произнося все это, Пальмонтский слышал каждое слово, как если бы они были в помещении наедине, вдали от людского гомона.

– Буду внимательнее в следующий раз.

– Не сомневаюсь, – ласково проговорил Каламадж, опустив тональность голоса еще ниже. – В конце концов это все мелочи. Пускай и важные, но мелочи. Как бы ты ни старался,

а я вижу, что ты стараешься – не быть тебе идеально готовым к получению власти. Ни один правитель мира не был полностью готов к моменту своей коронации. Состояние полной готовности крайне... труднодостижимо, – в мгновение ока выражение лица Джошуа переменялось, его брови сползли вниз, слегка прикрывая глаза, а и без того худые щеки впали пуще прежнего. – И все же, меня слегка удручает твоя легкомысленность. Ты опоздал более чем на пол часа. Такое опоздание не видится мне случайностью.

– Я... Я просто не могу понять к чему весь этот фарс и...

– Понимать тебе и не нужно. Князь не обязан быть всезнающим гением, для этого у него есть советники и аналитики. Тебе нужно только и всего: держать себя достойно, быть пунктуальным, вежливым, и делать то, что я прошу. Ничего невозможного, как видишь. Можешь оставить свои заранее заготовленные оправдания при себе, меня они мало интересуют. Советую тебе научиться признавать свою вину открыто, это свойственно зрелым и благоразумным господам.

– Признаю, мог бы и прийти вовремя, но что бы это изменило? Все эти люди, они пришли сюда просто посудачить. Ни веской причины, ни существенного повода... Меня уже воротит от их высосанных из пальца тостов и натянутых пожеланий. Эти чертовы званые ужины, собрания, пустые празднества. Зачем все это?

Джошуа вызывающе и несколько насмешливо оглядел юношу, после чего достал из нагрудного кармана пиджака

толстую заграничную сигару. Удивительно, как только эта скрученная колбаска умещалась в небольшом карманчике, совершенно не выпирая. Отрезав сигарными ножницами запечатанную верхушку, глава картеля властно подозвал жестом прислугу с керосиновой зажигалкой.

Выпустив из уголка рта струйку горьковатого дыма он обратился к Атиккусу совершенно невыносимым тоном. Именно таким тоном раздраженные родители объясняют особенно нерадивым и несмышленным отпрыскам нечто, по всей видимости всем крайне очевидное и понятное, даже можно сказать по-детски простое.

– Если обращаться к людям только тогда, когда есть на то серьезная причина, или же, когда тебе что-то от них нужно, то в их глазах ты быстро превратишься в ходячую проблему, которую они всеми силами будут избегать как чумы. Именно поэтому все эти «бессмысленные» собрания и встречи так необходимы. Не думай, что собравшиеся здесь так и мечтают бросить все свои дела ради встречи с тобой. Все это мероприятие им столь же неприятно, как и тебе, но в отличии от тебя они благоразумны и дальновидны. И к слову, пунктуальны. Ты единственный из приглашенных кто опоздал, – проговорил Каламадж. Промолчав следом с пол минуты, он резко решил озадачить собеседника вопросом: – Ты слышал что-либо о Янусе Кратском?

– Это четвертый князь Помонта, – Пальмонтский озадаченно приподнял бровь, совершенно не понимая к чему ве-

дет его наставник. Тот, Впрочем, не смотря на явное недовольство проступком юноши, был в предельно хорошем расположении духа. Даже не обратив внимания на жест парня, Каламадж начал свой рассказ, задумчиво глядя в окно:

– Шестой, он был шестым по счету князем. Историю о Янусе проходят еще в младшей школе. Но я не стану осуждать тебя за недостаток знаний. Это просчет твоих преподавателей, твой лишь в меньшей степени. Не углубляясь в дебри биографии Януса, позволю себе заметить, что вышеупомянутый Кратский был немногословен и неприветлив. «Человек чести», как он сам себя называл. Он не закатывал пиры, не приглашал на дни рождения своих детей местный бомонд, не ходил на столь нелюбимые тобой званые ужины, не рассыпался в комплиментах, не поддерживал дружеских связей, и самое страшное – он не брал взяток. Жил скромно, жил ради других, – презрительные нотки так и сквозили в речи Джошуа. Невооруженным взглядом было заметно что глава картеля был невысокого мнения о Янусе и совсем этого не скрывал. – Жаль, что князь не осознавал в полной мере простую, старую как мир истину – мы живем в социуме и вынуждены с ним считаться. Знать, почувствовав, что князь стал от них отдаляться, что он более с ними не считается и к ним не прислушивается, в один прекрасный день устроила Кратскому весьма необычайное пробуждение. Янус проснулся от того что не менее десятка клинков проткнуло ему грудь. Как оказалось, его прислуга и телохранители не были столь же

благородными и честными как их предводитель. Звон золота без труда смутил их сердца. История, как ни посмотри, весьма поучительная. Надеюсь, будущему князю мораль разъяснять не нужно?

Аттикус поежился, он определенно улавливал суть в рассуждениях наставника, но юношеский максимализм не давал ему покоя, вынуждая воспротивиться хоть в чем-то:

– Но ко мне то это как относится? С чего вы, да и все вокруг вообще взяли что именно я буду следующим правителем? Я лишь двоюродный брат почившего князя. Уже всю Ганою облетел слух о том, что его родной, пускай и незаконнорожденный сын направляется сюда. Он же князем и станет, это очевидно! В законах княжества черным по белому написано, что наиболее близкий родственник по мужской ветви наследует власть. Кто может быть ближе сына?

– О, не сомневайтесь, князем станете вы, и тут это уже всем ясно, – сказал подкравшийся сзади Олаф, попутно опустошая поднос с закусками. – У нас все схвачено! Правда, мистер Каламадж?

– Именно так. Аттикус, знаешь, что происходит, когда десятки магнатов, дельцов и политиков делают ставку на одного человека? Вопрос риторический. Я отвечаю за тебя. Происходит чудо: разверзаются горы и расходятся небеса, идет дождь в пустыне и высыхают моря, вот что происходит. В тебя были вложены не только наши надежды, но и очень внушительные финансы. Твой конкурент не доберется до Ганои,

мы об этом позаботились. Ради такого дела мы обратились к профессионалам, к лучшим из лучших. Марк Пальмонтский уже мертв, хоть он об этом еще даже не подозревает, – размеренно, с удовольствием высказался Джошуа.

– Верно, верно! Ни один человек не справится с такими силами! Все уже предрешено, как только эти чернокнижники... – залепетал Гедройц, поперхнувшись на слове, когда Каламадж буквально пронзил его крайне красноречивым взглядом. Поняв, что он едва не сболтнул лишнего, Олаф молча принялся изничтожать запасы сырных палочек, так и не продолжив свою бойкую тираду.

– Последнее, о чем тебе сейчас стоит думать, так это о своих конкурентах. Судьба, в лице нас, преподнесла тебе великий подарок – власть, поданную на серебряном блюде. Помни, что только в крайней степени безответственные и безнравственные люди способны отринуть власть, когда у них появляется возможность ее заполучить. Лучше дурно управлять, чем быть дурно управляемым. Все что от тебя требуется, так это вести себя соответственно статусу власть имущего. И ты достаточно умен, чтобы прекрасно понимать это. Обернись, – закончив проповедь просьбой, Джошуа терпеливо дождался пока Аттикус развернется, уставившись на бесчисленные, пестрые наряды гостей. – Все эти люди пришли сюда ради тебя. Они сделали для твоего будущего больше чем ты можешь себе представить, и пока просят взамен лишь чуточку внимания. Иди к ним и чудесно проведи вре-

мя. Я бы напомнил тебе о необходимости вежливого поддержания бесед, легкого, едва заметного, но дарящего надежду флирта с их дочерями, и обязательного смеха над каждой, даже самой нелепейшей шуткой, но ты ведь и сам прекрасно все это знаешь? Ты умен, и мне нет нужды объяснять тебе эти основы основ. А теперь, иди, и не забывай сначала думать, и только потом действовать. Не опозорь меня.

Пальмонтский уважительно поклонился, послушно растворившись в толпе. Спор с Каламаджем был бы заранее проигрышной затеей. Он никогда не слышал, чтобы кто-то смог переспорить главу картеля, слишком уж тот был начитан и убедителен. Как правило никто и не пытался. По мере удаления юноши, ему послышалось ехидное блеянье Гедройца, едва не растворившееся в людском гомоне:

– Здорово вы сопляка обработали.

Аттикус сжал зубы, но виду не подал. Он и так все прекрасно понимал. У жирной свиньи были все основания для такой насмешки. Ничего, как только юноша станет князем, за такие слова любому наглецу придется ответить.

Не ведая куда бредет, Пальмонтский оказался в кругу престарелых архитекторов, обсуждавших нечто весьма заумное. Заметив будущего князя, джентльмены рассыпались десятками лестных поздравлений и пожеланий, совершенно позабыв о предмете своей беседы. Словестные бессмыслицы на удивление быстро сменились оживленным обсуждением политического курса княжества, и юноша был несказанно рад

такому повороту. Проведя две трети своей жизни за учебниками по политологии, теологии и дипломатии, он чувствовал себя на просторах данной тематики как рыба в воде. Начни господа с ним дискуссию о науках точных, так пришлось бы Аттикусу срочно идти на попятную — избыливающие цифрами и формулами дисциплины никогда не давались парню.

Стоило юноше закончить одно обсуждение и вежливо откланяться, как он тут же попал в окружение десятка дорого одетых политиков. Среди них парень даже узнал несколько сенаторов, и оттого нутром напрягся, приготовившись умело уклоняться от каверзных вопросов и коварных просьб. Вопреки ожиданиям Аттикуса, политическая элита и словом не обмолвилась о будущем юноши, равно как и не стала у него чего-либо выспрашивать. Слегка полный сенатор, пахнущий горьковатым новомодным парфюмом, с упоением рассказывал о недавней рыбалке, где ему якобы удалось вытащить рыбный образчик весом не менее десяти килограмм. В разговоры о хобби активно включились его спутники, повествуя о коллекциях сигар лимитированного выпуска и необычных насекомых, раздобытых в тропических краях. Справедливости ради, предмет разговора действительно смог заинтересовать Пальмонтского. Едва сдерживая удивление, юноша слушал о необычных созданиях дальних стран и редких предметах экстравагантных коллекций. Но задержаться в обществе этих господ надолго он не мог — его обязанность, уделить внимание как можно большему числу гостей.

Для парня время шло необычайно медленно, тянулось как сильно загустевшая патока, едва-едва стекающая с мерной ложки. Одинаковые в своей манерности приветствия, безвкусные шутки, заезженные истории, – от общей праздности разговоров юношу начало воротить уже после первого часа, но мероприятие все никак не желало закругляться. Общее уныние слегка разбавил музыкальный ансамбль, прибывший в концертный зал. Заинтригованные этим сливки общества неспешно стекались в просторный, залитый искусственным светом зал, увлекая за собой Пальмонтского. Когда все заняли свои места и царивший до этого словестный шум утих, прибывшие музыканты начали свое выступление.

Ссохшийся и сильно облысевший дирижер задал тон представлению, вскинув вверх дирижерскую палку. Первым в игру включился самодовольного вида скрипач. Протяжно и меланхолично он обволакивал нотные ряды чувственными звуками. Резкий взмах палицей, и вектор композиции резко переменялся, став интригующим и динамичным. К скрипачу подключился пианист, умело оживляя инструмент отменной игрой. В следствии к сотворению мелодии присоединилось несколько бандуристов, одна чудесная молодая особа с флейтой, и крайне энергичный трубадур, особенно успешно попадавший в такт композиции.

На первых парах, с момента как в игру вступил пианист, мелодия казалась рваной, но каждый новый инструмент все больше огранял ее звучание, придавая отдельным циклич-

ным фрагментам плавность перехода, но в то же время в достаточной мере отделяя их друг от друга. Музыка словно повествовала о загадочном живом действе, что протекало где-то там за кулисами зала. Воображение само рисовало сказочные сюжеты героизмов и невероятных приключений. Привыкшие к размеренному и предсказуемому звучанию мелодий гости завороченно слушали приглашенных артистов, не в силах оторваться от представления.

Да уж, в этот раз Каламадж определенно не пожалел денег на ансамбль, даже более того, сумел откопать поистине впечатляющий самородок мира музыкальных искусств. Атикиус с благодарностью оглянулся, уставившись на то место где как обычно гордо и своевольно восседал глава картеля, вот только увиденное слегка встревожило юношу. Джошуа сидел мрачнее тучи, из последних сил поддерживая на лице фальшивую улыбку, немигающим взглядом он смотрел куда-то сквозь сцену. Над ним грозно нависала незнакомая Пальмонтскому женщина, не весть что нашептывая наставнику юноши.

Необычайный облик гостьи сильно заинтриговал парня, ведь на празднестве не было больше никого, кто был бы одет подобным образом: темная накидка на манер платья обволакивала изящную фигуру черноволосой дамы, из-под нее проглядывали высокие кожаные сапоги, явно непредназначенные для праздничных церемоний; волосы, вопреки всем царившим в княжестве устоям моды были распущены, но

особое внимание Аттикуса привлек именно макияж незнакомки – со своего места он сумел разглядеть угольно-черную помаду особы, контрастирующую с белым, словно обескровленным лицом.

Пальмонтского разрывало на части любопытство. Что столь необычная и не вписывающаяся в местный бомонд личность могла делать рядом с Каламаджем? И что более важно, что такого нужно было сказать его наставнику, чтобы настолько испортить тому настроение? За всю свою жизнь юноша видел Джошуа хмурым от силы три раза, каждый из которых не предвещал окружающим ничего хорошего.

Парень хотел было незамедлительно подойти к главе картеля, но вовремя опомнился – у него не было никакого морального права портить гостям представление своими блужданиями по очарованному музыкой залу. Аттикус уселся поудобнее, терпеливо дожидаясь конца выступления. Теперь и он, не находя себе места от беспокойства, не мог больше наслаждаться представлением, прямо как его наставник.

С трудом дождавшись антракта, юноша встал со своего места, засеменя к расположению главы. Вот только Джошуа на месте уже не оказалось, он покинул зал досрочно, вероятно, дело и вправду не терпело отлагательств. У пустующего, оббитого ажурной тканью кресла, подобно сторожевому псу куковал Олаф, периодически поглядывая на громадные настенные часы. Едва заметив Аттикуса он загадочно оскалился, придав своему голосу противное шипение:

– О, мистер Пальмонтский! Устали от выступления? Ну и правильно, что толку слушать потуги этих музыкантишек? Лучше бы свежим воздухом подышали, а то что-то больно измороженным выглядите. Поди вас все эти встречи порядком утомили, так теперь еще и нескладное бречанье доконало?

– Где мистер Каламадж?

– Нету. Отсутствует. Сейчас я за него.

Парень открыл уже было рот чтобы спросить о том, чтостряслось, но тотчас его захлопнул, а причиной тому послужило весьма специфическое выражение лица ушлого Гедройца: толстенькие щечки расплылись в гнусной улыбке пуще прежнего, свинячьи глазки, искрясь ехидством едва не скрылись за оплывшими веками, а все три подбородка, выстроившись в ряд лишь дополняли насмешливую гримасу. Атиккусу стало ясно что ничего нового он от Олафа не узнает. Тот будет увиливать от ответа до последнего. Юноша бесильно сжал кулаки у себя за спиною.

– В таком случае, если наш с вами дражайший глава будет интересоваться – я буду на веранде. Мне и вправду здесь душновато, пойду подышу свежим воздухом. – Пальмонтский не дождавшись и слова от Гедройца повернулся к тому спиной, зашагав к выходу из зала. Он испытывал совершенно искреннее презрение к «правой руке» Джошуа, и совершенно этого не скрывал. Сейчас парню хотелось простого людского – удалится от всей этой суматохи и побыть наедине со своими мыслями.

«Да, Гедройц та еще гадюка, – не единожды поговаривал юноше Каламадж за закрытыми дверьми, – но не забывай, он моя гадюка».

Аттикус не разделял доверия своего наставника к этому отторгающему типу, но в то же время вынужденно признавал, что у главы картеля было редкостное чутье на полезных ему людей. Могло ли статься, что сформированное многолетней практикой чутье, на этот раз дало сбой? Отчего-то Аттикусу хотелось верить, что еще как могло.

Парень уже успел пересечь весь гостевой зал, что по своей протяженности составлял полторы сотни шагов. Оказавшись у входа на веранду, юноша занес руку чтобы резким уверенным толчком отворить дверь, но задумчиво притормозил ее у ручки, в итоге открывая дверь настолько плавно, что дверной замок и не подумал звонко щелкнуть, как ему бы полагалось. Беззвучно выбравшись на свежий воздух, парень поспешно застыл, не желая сделать и шагу.

Кажется, на этот раз предусмотрительность юноши была с толикой вознаграждена. Его силуэт был надежно сокрыт за чередой проходящих сквозь веранду колонн, а сам парень оказался невольным слушателем диалога, явно непредназначенного для его ушей. Разговаривали две женщины, голос одной из них был Аттикусу незнаком, но вот край ее темного одеяния, слегка выступая за обозримую границу колонны с головой выдавал ту самую даму что недавно разочаровала своими вестями главу. Пальмонтский превратился в пару

очень чутких ушей, попутно едва не разучившись дышать в своем стремлении остаться незамеченным.

– Проверили не меньше трех раз, это точно он.

– У вас есть хотя бы примерный портрет? Что-то с чем я могла бы работать?

– Только с его юношеских лет. Как я и говорила, в каждом из случаев контакта его лицо было сокрыто.

– Думаешь его нанял Риганец?

– Это навряд ли. У нас есть все основания полагать что это именно он совершил ту резню в Глари. Вероятно – преследовал нанятых Риганцем людей.

– И сейчас преследует тоже?

– Этого нельзя исключать, но в любом случае, в Поркени он не показывался, тут уж люди Каламаджа постарались.

– Хм... Люди?

– Ты меня поняла. Прости, но мне больше нечего тебе сказать, сама знаешь, я должна лично доложить все Каламаджу. Я тоже не в восторге от того как стремительно все развивается, но что уж тут поделать, такая уж она, грызня за власть.

– Хорошо, если что узнаешь, то не забудь поделится со мной. Я пока побуду в городе какое-то время. И... Удачи тебе с Каламаджем, надеюсь он тебя там не растерзает.

– Да, спасибо, и тебе успехов с поимкой этого твоего предсказателя.

Звук приближающихся шагов вывел Аттикуса из оцепенения. Нужно было что-то предпринять, и срочно. Юноша

беспомощно оглянулся в поисках решения. Когда казалось, что вот-вот и его уличат в подслушивании, он таки сообразил, как выйти из ситуации. Молниеносно протянув руку, он нарочито громко хлопнул дверью, после чего придал своему телу непринужденное положение, громким зевком осведомив окружающих о своем «прибытии».

Кажется, хитрость сработала. Участницей тайного разговора оказалась одна из помощниц главы картеля. Она была хорошо знакома Пальмонтскому, периодически донося ему указания его наставника. Проходя мимо юноши, помощница мило, но сдержанно улыбнулась, скрывшись за дверью. Парень с облегчением выдохнул, когда понял, что раскрытие ему более не грозит. Поправив рубашку и одернув скомкавшиеся штанины, Аттикус прошел к перилам веранды. Глубоко вдохнув полной грудью, он вежливо поприветствовал таинственную незнакомку в черном. Та смерила юношу весьма неоднозначным взглядом, едва заметно поведя бровью.

– Все услышал?

– Услышал... что? – растерянно промямлил парень, старательно изображая удивление. Поймав на себе насмешливый взгляд он утратил остатки своей веры в то что подслушивание сойдет ему с рук.

– До твоего прихода мы были последними посетителями веранды. Зайдя, я старательно закрыла дверь, довела механизм ручки до щелчка. Таким же щелчком должно было сопровождаться последующие открытие двери, но я услыша-

ла только громкий хлопок. Словно кто-то подкрался подслушивая, открыл дверь как можно более бесшумно, а после, забыв предусмотрительно закрыть ее, громко хлопнул дверцей, чтобы в последний момент симитировать свое недавнее пришествие, – проговорила черноволосая гостья, не сводя глаз с пристыженного Аттикуса. – Не волнуйся, услышанная тобою информация довольно скоро утратит свою актуальность. Уж я на это надеюсь. Все и близко не так плохо, как кажется. Да и в целом, Каламадж лично сказал мне, что ты один из тех кому можно доверять. Нет ничего страшного в том, что ты что-то там услышал...

– Глава никому не доверяет, это отлично известно всему его окружению. Зачем вся эта лесть? Неужели я похож на глупого наивного ребенка? – разгоряченно выпалил Пальмонтский. Юноше осточертело что все вечно держат хоть сколь-нибудь важную информацию в тайне от него, все еще воспринимая своего будущего правителя не иначе как ненадежного мальчишку. – Я без пяти минут князь, и когда обряд инициации состоится, глава службы разведки и шпионажа лично будет докладывать мне обо всем. И думаете тогда, через несколько дней, когда я стану правителем, во мне чудесным образом прибавится осознанности и мудрости?! – на повышенных тонах убивался Аттикус, совершенно позабыв, что еще недавно не был столь уверен в том, что займет место князя. Пряный, столь манящий вкус власти уже был у него на губах, и юноша точно не собирался с ним расставаться.

– А ты смысленный молодой человек, и я не сомневаюсь, что из тебя действительно выйдет состоявшийся правитель. Но, посмотри-ка сюда, – незнакомка вытащила из глубин своей накидки небольшое удостоверение, темные металлические листы которого были оттеснены столичными печатями. – Я подчиняюсь приказам избранных единиц федерации и обладаю куда большими полномочиями чем ты можешь себе представить. Так что, юноша, играй своей властью как мускулами, да не заигрывайся. Я совершенно искренне не хотела бы, чтобы мне пришлось однажды явится по твою душу. Для твоего же блага позабудь о услышанном. Удачи тебе с твоей инициацией, или что там у тебя... И прощай.

Удалившись, дама оставила Аттикуса совершенно разбитым. Тот едва мог поверить своим глазам – чтобы здесь, на краю цивилизованного мира объявился столичный Каратель! Расскажи он кому, так никто и не поверит. Но тесненное удостоверение все еще стояло у него перед глазами, словно навек отпечатавшись на сетчатке парня.

«Что же, черт его побери, тут такого происходит, что в дела княжества вмешиваются цепные псы столичного магистрата? Знает ли об этом сенат Равии, или это личный указ кого-то из истинных владык федерации? Во что же впутался на этот раз Каламадж?» – многочисленные вопросы не давали юноше покоя, разрывая его разум на части. Испытывая горечь, свойственную только нежеланной правде, он понимал, что едва ли получит на них ответы в скором времени.

Смирившись с такой неопределенностью, Пальмонтский облокотился о красивое резное ограждение мраморных перилл. Он безо всякого интереса уставился вниз, провожая взглядом вереницу ползущих по земле дилижансов. Какие-то из них были запряжены псами, другие – здоровенными вьючными жуками, редкие извозчики и вовсе рисковали, запрягая в упряжь пронырливых жучьих воинов, что будучи надежно скованными по крыльям и мандибулам, послушно перебирали своими многочисленными сегментированными лапками. Аттикус слышал что им подмешивают что-то в корм, чтобы те были как можно более пассивны. Даже так, примерно раз в полгода в печатных изданиях проскакивали заголовки, повествующие о восставших против своих хозяев жуках-воинах, с печальным исходом для людей, разумеется. Именно благодаря таким новостям большинство извозчиков предпочитало спокойных и уравновешенных жуков-принцев, что даже в стрессовых ситуациях не выказывали признаков агрессии. Парадокс состоял в том, что в течение календарного года, погибших от лап неловких гигантов людей было примерно в девять раз больше чем съеденных взбесившимися воинами – жучьи принцы попросту растаптывали своих хозяев, не замечая их под лапами. Такие несчастные случаи по мнениям газетчиков даже не заслуживали того чтобы оказаться в первых трех страницах изданий. Обычно их печатали ближе к концу газетенки, в разделе «Другие яркие события недели».

Вот из-за многочисленных повозок показалась парочка чумазных трубочистов, шагая наперевес со своим длинным инструментом. В нескольких метрах от них, одетый в вещи определенно ему великоватые, малец лет десяти упорно пытался всучить прохожим вшивую газетенку, завлекая их озвучиванием интригующих заголовков. В шаге гудел людской поток уставших работяг, не поднимающих взгляда от мостовой. Пальмонтский давно заметил эту чудную закономерность: люди свободные и богатые, не обремененные изнуряющим трудом, шествуя по улицам мечтательно разглядывают белизну облаков или же вычурность крыш, но чем ниже по социальному статусу был человек, чем больше трудов и тягот припадало на его долю, тем реже его взгляд отрывался от дороги под ногами. Измученный и уставший простой люд попросту не находил в себе сил на мечты и жизнерадостность. Грустная правда жизни.

– Суется там внизу, как муравьи. Власть над ними, ну разве она не очаровательна? – низкий, слегка приглушенный голос вырвал Аткиуса из пут размышлений. К своему удивлению юноша обнаружил что он на веранде уже не одинок. Проникла ли загадочная фигура сюда мгновение тому, или же была здесь все это время, скрываясь между колонн, было совершенно неясно.

Уловленные краем глаза очертания темно-оранжевого плаща успокоили юношу. Вероятнее всего это кто-то из гостей решил проветрится, застав здесь будущего князя за

угрюмыми размышлениями. Пальмонтский не стал разворачиваться и приветствовать незнакомца как того требовал этикет. Хоть Каламадж и был бы этим недоволен, но то что главе не станет известно, ему не повредит. Аттикус был не в настроении. Последние события выбили его из колеи и неслабо подпортили ему впечатление от праздника. Теперь еще и какой-то гость решил донять парня своими разглагольствованиями.

– Не могу сказать каково это – властвовать. Еще не имел такого опыта. Но одно я уже понял, ради власти люди готовы совершать по-настоящему ужасные поступки. Убивать и отнимать, обманывать и фальсифицировать. Вот только мне все еще не ясно, а стоит ли оно того? – задумчиво проговорил Пальмонтский, не отрывая глаз от едущего внизу, ярко разукрашенного дилижанса.

– Однозначно стоит. И чем хуже тебе доводилось жить, тем лучше ты это понимаешь.

Недобрые нотки и необычная гулкость голоса потянули юношу обернуться и оглядеть своего собеседника, но к удивлению парня, помесь небывалой усталости и апатии не дала ему это сделать. Каждое, даже малейшее движение давалось ему с большим трудом. Он едва смог незначительно повернуть голову. Очертания оранжевой фигуры стали более ясными, но что-то в ней было не так. Как Аттикус не вглядывался, он никак не мог различить каких бы то ни было черт лица гостя.

Внезапно нахлынувшая сонливость едва не повалила Пальмонтского, он с трудом держался на ногах, практически разлегшись на перилах. Его дыхание участилось, перед глазами все плыло. Попробовав заговорить, парень обнаружил что вместо своего обычного, ровного и звонкого голоса, изо рта доносится лишь презренный слабый хрип в котором едва ли можно было различить отдельные слова.

– С кем честь имею... Та ксо фы? – язык отказывался вочащаться как следует, коварно предавая своего носителя. Понимая, что с ним происходит нечто ужасное, парень попробовал позвать на помощь, но уже было слишком поздно. Теперь он не мог издать и звука.

– Не беспокойся, я пришел освободить тебя от охватившей твой ум дилеммы. Властвовать тебе и не придется, – это были последние слова, донесшиеся до слуха угасающего Атикуса.

Окружающие звуки быстро затухали, оставляя парня в тревожной тишине. Безвольным взглядом он скользил по тому месту где у собеседника должно быть лицо, но лишь странная маска предстала его взору. Опустившись взглядом еще ниже и постепенно сползая по перилам, юноша удивленно наблюдал как набухают темные пузыри у него на руках, расплываясь болезненной синевой по проступающим сквозь тонкую кожу венам. Когда же пелена окончательно заволочла его взор, лишь жалкие остатки солнечного света блеклыми пятнами пробивались сквозь неестественно раз-

бухшие веки. Но вскоре потускнели и эти дары безучастного солнца.

Этому самому солнцу доводилось быть свидетелем множества убийств. Какие-то из них совершались из-за ревности, другие, в следствии ненависти, третьи – по безвкусуному расчету. Бывало конечно и что-то вовсе экзотическое, начиная от роковой случайности и заканчивая фатальной ошибкой. Но сегодняшнее убийство претендента на престол не было случайностью или ошибкой. Холодный расчет и бездушное планирование направляли того, чье лицо скрывала маска.

Где-то там, двумя этажами выше, от недоброго предчувствия содрогнулся Каламадж. Он не мог понять, что послужило причиной внезапно выступившей на лбу испарины, как и холодку, пробежавшему по спине. Вьющийся подле Гедройц, заметив смятение главы едва смог сдержать зловещую ухмылку – сегодня все прошло в точности так как он и планировал.

Глава 10. Слабость рода человеческого

Покинувший зловещую деревню туман оставил за собой горы звериных трупов, устлавших собою не только половицы полуразрушенного здания, но и обширную территорию вокруг. Смрад исходящий от мертвечины сложно было описать словами. Если в разгаре боя, находясь в необычайно стрессовой ситуации его еще можно было игнорировать, то теперь, когда адреналин более не бурлил в крови, выносить гнилостно-сладковатые нотки стало совершенно невозможно. Укутав нос и рот тканью, гвардейцы едва сдерживали рвотные позывы, разгребая трупные завалы с целью изъятия своего добра, что было буквально погребено под слоем наконец-то упокоившихся незваных гостей. Пропитавшаяся трупными соками одежда вызывала резь в глазах своим незабываемым ароматом. Путники полоскали свои вещи в реке, надеясь хоть немного приглушить запах, и некоторые даже добивались в этом определенных успехов. Благодаря знаниям одного из гвардейцев, из связок сушившейся в доме травы удалось выудить хорошо мылящееся растение. Кажется, на этот раз вещи были спасены.

По окончанию боя, Верго лично осматривал каждого члена команды, обрабатывая даже самые незначительные ране-

ния. Когда ты имеешь дело с трупам, даже небольшая царапина может привести к печальному финалу. Трупный яд необычайно опасен.

Теперь к множественным воспалениям, мозолям, ушибам и укусам насекомых прибавились следы от зубов, когтей и острых обломков костей мертвечины. Пускай не иначе как чудом среди наемников не оказалось серьезно раненных, выглядели эти измызганные и искусанные бедолаги весьма жалко. Погибших не было, но двоица, отлучившаяся по приказу Остина за водой, бесследно пропала – тяжкая утрата и сильный удар по боевому духу команды. Следов их тел так и не было обнаружено, они как в воду канули. Наемники заглядывали в колодец, бросая туда камни и по-дикарски аукая, но лишь глухое эхо отвечало им.

Перевязанные первыми же попавшимися под руки лоскутами ткани, охающие и ахающие бойцы старались лишней раз не приближаться к злосчастному дому с которого все это началось. Верго не мог их в этом винить. Хоть выживших и можно было назвать условно невредимыми (царапины и ссадины не в счет), но вот сказать подобное о их психическом состоянии было никак нельзя. Для большинства, произошедшее стало если не умопомрачительным кошмаром, то настоящим испытанием воли и духа. Руки отдыхающих бойцов едва заметно тряслись, своей дрожью чем-то напоминая старческий тремор, а те немногие изнуренные гвардейцы что таки умудрились заснуть, содрогались и едва заметно всхли-

пывали во сне. Не было и единого человека из группы, для которого произошедшее прошло бы бесследно.

Теперь, при свете солнца можно было наконец более детально осмотреть громадных созданий, что ранее ломались в дом, сокрушая стены. Умолкшие навеки гиганты мутно-зелеными холмами возвышались на фоне раскиданной тут и там мертвечины. Их запутанная мясная структура и величественный размер при свете солнца вызывали скорее недоумение, – не было ясно как настолько непропорциональные создания вообще могли удерживать равновесие и худо-бедно передвигаться. Громадины по своей сути были огромным конструктором, ассорти из крупных мертвых тварей. Рога, копыта, зубы, когти и даже надломанные кости – все в них служило своеобразным оружием. Поблекшие глаза и очертания морд животных тонули в жутком месиве. Смотреть на такое дольше нескольких минут определенно было вредно для психического здоровья, к такому выводу можно было прийти уже на второй минуте их осмотра. Слишком уж они были инородны и омерзительны человеческому глазу.

Верго также не забыл уделить внимание навеки застывшему в неловкой позе Раусу, а точнее его передней части тела что находилась несколько ниже груди. Предсказатель с долей праздного любопытства и немалой толикой отвращения разглядывал упитанную личинку, слегка вываливающуюся из расprostертого на земле тела. Но не сам змеевик был интересен предсказателю (хоть его размеры и были по-на-

стоящему беспрецедентны), и даже не то, как Раус мог ходить и говорить с этой штукой, покоившейся на месте его желудочно-кишечного тракта. Заинтересовали предсказателя мелкие символы, что тонкой вязью покрывали упитанную личинку. Они были словно выжжены на ее поверхности.

Верго определенно видел такие знаки и ранее, вот только где? Чем дольше он их рассматривал, тем более знакомыми они ему казались. Словно когда-то, быть может даже в прошлой жизни, он уже видел их, и даже более того – они намертво запечатлелись в его воспоминаниях, будучи связанными с чем-то важным. Но с чем же?

– Такое и в мыслях вообразить сложно! А тут оно вот так вот просто лежит перед тобою. Не знаю, что породило эти... создания, но это точно не божьи твари, – плавно, с расстановкой и долей трепета в голосе проговорил подошедший сзади Голдберг. – Пойдемте отсюда, вы уже и так обеспечили свои кошмары сюжетами на несколько лет вперед. Не стоит это усугублять.

Когда даже Барон, любитель мерзких подробностей и жутких историй, предлагает убраться от необычной диковинки подальше – тут ты понимаешь, что наткнулся на нечто поистине омерзительное человеческой природе. Отходя в сторону, Голдберг старался лишней раз не задевать взглядом хрустящие под ногами тушки, в том направлении где возлежали павшие гиганты он и вовсе предпочитал не смотреть.

Верго привстал над телом Рауса, отряхивая колени, после

чего принялся массировать гудящие виски. Две поочередно принятые дозы наркотика, так еще и столько невыносимых видений со зверскими концовками – предсказатель был на пределе своих возможностей. От перенапряжения вместе с висками начала гудеть и вся голова, постепенно превращаясь в единый сгусток боли. Трупная вонь лишь усугубляла положение, вызывая у мужчины сначала слабую, а после и вовсе нешуточную тошноту, неприятно поднимающую горький комок прямо к горлу.

Больших усилий предсказателю стоило отдалиться от гор тел не потеряв сознание по дороге. Он тяжело облокотился о покосившийся забор и старательно вдохнул полной грудью, изгоняя из легких последние следы зловоний. Ему стало немного легче.

Одно из неприятнейших последствий настойки – сильная светочувствительность, проявляется, когда действие наркотика подходило к концу. Предсказателю все время хотелось закрыть глаза, но прикрытые веки приносили только еще больше страданий, ведь во тьме мужчину начинало сильно укачивать, словно он стоял на палубе не крупной яхты, опасно раскачивающейся на все нарастающих волнах. Метания из одной крайности в другую продлились порядка получаса, после чего Вебера таки вырвало. Желчь неприятно жгла небо и носоглотку, но рвота принесла с собой долгожданное облегчение. Вебер устало осел на землю, бережно поддерживая стремящуюся уплыть куда-то вдаль голову обеими ру-

ками. Мысли, роившиеся все это время в голове предсказателя, безостановочно отсылали его к отпечатавшимся в памяти загадочным символам. Попытки эдак с двадцатой он сумел припомнить где же ему доводилось встречать их ранее. Предсказатель горестно простонал от пришедшего осознания: именно этими символами был разукрашен зал где на нем ставили бесчеловечные эксперименты в душном лагере Као. Более нигде не мог он видеть столь необычные геометрические вязи фигур, сплетающиеся в загадочные узоры. В этом не было никаких сомнений.

Почти все время пока Вебер отлеживался на земле, вкушая все прелести передозировки, до него доносились обрывки ожесточенного спора Голдберга с Остином. Верго и не думал подслушивать, и более того, не желал даже вслушиваться, но одна за другой, реплики на повышенных тонах достигали его слуха, барабанной дробью отзываясь в висках. Против своего желания он был осведомлен о предмете спора. Хотя, логичнее было бы назвать эту конфронтацию чередой обвинений, направленных в адрес Барона. Тот, в свою очередь, едва успевал отвечать, настолько быстро главарь наемников обрамлял свои мысли в слова.

Претензии Остина были ясны как день: ни Голдберг, ни Риганец, и словом не обмолвились о возможной встрече с полчищами зомбированных насекомых и звериной армией мертвых, как и с любой другой чертовщиной. Изначально оговаривалась защита наследника от более человекообраз-

ных угроз. Наемники были готовы защитить паренька от подосланных убийц, встретить лицом к лицу хорошо вооруженный отряд грабителей, вывести его из смертельной западни в лице заготовленной засады, но о сверхъестественных напастях речи не шло. Барон, тяжело дыша и бессовестно надрывая свой глубокий голос, утверждал, что в подписанном гвардейцами договоре говорилось о любой возможной угрозе, и о том, что в невнимательном прочтении бумаг виноват один только Остин. Далее поток аргументов обеих сторон перетек в практически бессвязный бред, ну или по крайней мере таковым он Веберу показался. Находясь на грани потери сознания, Верго без зазрений совести пропускал половину сказанного мимо ушей. В какой-то момент предсказателю даже примерещилось что красный как рак Остин подошел к нему самому, пытаясь не то что-то высказать, не то пожаловаться, но заметив пустой взгляд Верго и неспособность предсказателя и двух слов связать, быстро оставил его в покое.

Вебер слегка улыбнулся. Скорее всего он улыбнулся только у себя в мыслях, так как мышцы лица, по ощущениям, отказывались ему подчиняться. Даже не выслушав жалоб главаря гвардейцев, он прекрасно понимал какого толка они были. Для предсказателя все последние события выглядели как череда закономерных, и по большей части логичных попыток вытащить себя и товарищей из лап смерти, но окружающие его люди ведь смотрели на все со своей перспективы.

Как должно быть странно и нелепо выглядел предсказатель, мечась из стороны в сторону, кардинально меняя текст своих предсказаний, как и план действий, каждые пятнадцать минут. Такого чудака впору было признать за безумца. Вероятно, если бы не успехи Вебера с полчищами жуков, то заприметив такое его поведение, недоумевающие гвардейцы связали бы его по рукам и ногам, от греха подальше. Было в этом что-то забавное. Верго рассмеялся бы, если бы очередной рвотный позыв не заставил его согнуться пополам. Настойка напористо желала покинуть тело предсказателя. Что же, ее норма на эту неделю явно была перевыполнена. Давно Верго не принимал разом таких конских доз.

О том, как выглядела внезапная слабость предсказателя, еще недавно прытко сновавшего меж трупов и несколько позже умело обрабатывавшего и промывавшего раны, самому предсказателю совершенно не хотелось думать. Разумеется, позже он сообразит, что нужно сказать наемникам, сочинит ладную сказку о последствиях частых ведений. Вот только Барона провести так просто не получится. Голдберг видел флаконы с настойкой и вероятно знает о возможных симптомах передозировки. Сопоставить парочку элементарных фактов ему труда не составит. Это уже было похоже на серьезную проблему с работодателем. Закроет ли усач глаза на прием наркотика в благодарность за свое спасение? Это еще предстоит узнать. Неловким движением, Верго стер со лба выступившую испарину, теперь в его голове крутилось

только одно:

«Когда же это все закончится?»

Спустя примерно вечность ожиданий (по меркам потерявшего счет времени Вебера), или же двух с половиной – трех часов, по ощущениям более трезвых его компаньонов, предсказатель осознал себя лежащим на животе жалким созданием, бережливо обхватившим вбитую в землю деревянную сваю. Оклемавшись и умывшись речной водой, Верго смог-таки привести себя в чувство. Это было самое его тяжелое пробуждение за последний месяц. Голова болезненно гудела, но в терпимых пределах. Мысли, кажется, ворочались в голове с обычной, свойственной им скоростью, послушно выстраиваясь в стройный ряд. Это уже было неплохо.

Во рту стоял противный горький привкус, что Верго поспешил смыть, воспользовавшись предложенною Голдбергом флягой, наполненной жгучим содержимым. Вкусовыми качествами напиток не выделялся, крепкое пойло напоминало грибной самогон первой фракции.

– Столичный ром, – гордо заявил Барон, рассматривая скривившегося предсказателя.

– Это худший ром что я когда-либо пробовал.

– Ну я же не сказал, что он лучший, я сказал «столичный», – шутя отозвался Голдберг, после чего ткнул Веберу заляпанную кровью бумажку под нос. – Нате вот. Ознакомьтесь.

– Что это? – проямлил предсказатель с трудом разбирая

выведенные на бумаге каракули.

– Это письмо нашли в сапоге нашего мертвого друга, – сухо ответил Барон, подразумевая убитого Рауса.

Назвать клочок бумаги полноценным письмом у Вебера язык не поворачивался, на обрывке листа было всего три коротких предложения. В сообщении некий загадочный автор, подписавшийся инициалами «Д.К.», приказывал получателю подготовить деревню к прибытию гостей. Под гостями, по всей видимости, как раз-таки и подразумевались нанятые Риганцем гвардейцы. Раус должен был ликвидировать немногочисленных жителей, припрятав их тела, переодеться, подготовить дом и встретить обреченных на смерть путешественников. Заканчивалось письмо таинственным: «остерегайся человека в маске». Никаких приписок или же иных пояснений на бумаге не было.

– Вы попробовали подержать его над пламенем, или же намочить?

– Мы не в шпионской пьесе, провидец. Нет никаких тайных посланий, все было яснее некуда. Я должен был догадаться, заметить подвох. Слишком уж деревня была безлюдной. – Выбредший из-за угла дома Остин был необычайно разговорчив, его лицо разгладилось и приняло обычное, всем недовольное выражение. – Как бы там ни было, мы уже нашли тех бедолаг что попались фанатикам под руку. Точнее, нашли то что от них осталось. Мои люди осмотрели выгребные ямы скотного двора, вперемешку с компостом и

дерьмом там лежали настоящие хозяева этих лачуг. Схаррат! Столько странностей и несостыковок, но мы все пропустили! Будто чье-то колдовство отняло у нас остатки рассудка, согнав в деревянную хибару как слепой и безвольный скот...

– Люди измучены, – заметил усач, оглядывая развалившихся на траве гвардейцев. – Не думаю, что тут имело место колдовство. Скорее обычная усталость лишила нас ясности разума. После столь изнурительного пути мы бы и в пасти шакала заночевали, не заметив подвоха.

– Может и так, – безучастно пожал плечами наемником. – Ну что, ясновидец, ты пришел в себя? Через час мы выдвигаемся. Тебя неслабо помотало, сможешь идти?

Верго кивнул, задумчиво замерев, секунду спустя встрепенувшись. Так одергиваются люди, внезапно вспомнившие о чем-то важном. С легким испугом, предсказатель хлопками прошелся по внутренним карманам кафтана. Нащупав заветную металлическую безделушку он бережно достал ее, аккуратно приподнимая крышечку. Ему повезло – не смотря на многочисленные нападения мертвецов и неловкое барахтанье в наркотическом бреду, часы уцелели. Лишь пара едва заметных царапин легла на крышку устройства. Заведя механизм, Вебер вернул вещицу на ее законно место, не без печали оглядывая изорванный и измазанный всевозможными гадостями кафтан. Любимому одеянию предсказателя конец, никакая стирка и никакое штопанье не могли спасти его излюбленный элемент гардероба. По окончании работы

кафтан придется выкинуть, заменив чем-то более новомодным и прагматичным.

– Как же я вас понимаю, – словно прочитав его мысли, с брезгливым выражением лица уставился Голдберг на собственный пиджак. – Ну ничего, ни одна вещь не служит вечно.

Остин промолчал, но от его спутников не смог укрыться быстрый взгляд главаря гвардейцев, проскользивший по изъеденным кожаным элементам своего обмундирования и остановившийся на крупной дыре в штанине, располагающейся аккуратно в районе паха. Из дыры проглядывал фрагмент сильно волосатой, грязной ноги, уходящий в уцелевшее нижнее белье. Верго приложил все силы чтобы скрыть свое удивление – скажи Остин что жители княжества вообще носят исподнее, так предсказатель бы и не поверил.

– В течении часа я буду искать Блица и Аса (тех двоих что пропали). По его окончанию мы покинем это место, с ними, или без них. Я не стану лишний раз рисковать жизнями всех ради призрачной надежды, – со всей свойственной ему серьезностью отчеканивая каждое слово проговорил главарь гвардейцев. Покидая общество предсказателя и Барона он удалился в сторону мельницы. Двоица молча смотрела ему в след, пока силуэт их предводителя окончательно не скрылся за грубой геометрией деревянной махины.

– У вас, мистер Голдберг, как я понял, состоялся с ним не самый приятный разговор? – пытаюсь хоть как-то возоб-

новить внезапно затихший разговор, вкрадчиво поинтересовался Вебер, внимательно следя за реакцией Барона.

– Да что вы заладили? Мистер Голдберг, да мистер Голдберг! За эти несколько дней мы с вами вместе прошли через большее, чем мне доводилось пережить с любым из своих вернейших подрядчиков за последние лет десять! Для вас я Филипп. Эти излишние любезности уже ухо режут, право слово! – мастерски ушел от вопроса Голдберг, демонстративно сблизившись с собеседников.

– Ну, в таком случае и меня тогда зовите по имени, будьте так добры, – отмахнулся Верго, вновь вернувшись к потрепанной записке, что все так же покоилась у него в руке. Да, похоже усач не желает обсуждать свой с Остином конфликт, но с другой стороны, предсказателя он и не касается. Голдберг ничего не обязан ему докладывать. Вебер решил сменить тему: – Как думаете, все эти нападения... Чьих это может быть рук дело? Меня скорее интересуют исполнители, а не заказчики. В чьих это возможностях, повелевать такими силами?

– Я долго думал об этом. И боюсь, пришел к неутешительным выводам. На моей памяти такими вот фокусами в Помонте промышляла лишь одна группировка. И Лич меня побери, хотел бы я ошибаться, но больно уж это похоже на подчerk Нового Ковена. Если бы мне пришлось делать ставки, угадывая кто послал чудовищ по наши души, то я бы поставил все именно на них.

– Новый Ковен? Это как та былинная сказка о которой талдычат каждое третье сентября? Праздник знаменующий победу над захватчиками федерации порядка сотни лет тому назад? Вы об этом говорите? – искренне недоумевал предсказатель. Ни о каком Новом Ковене ему ранее слышать не доводилось. Разве только в военной академии, во время краткого курса истории федерации упоминался некий давний ковен. Верго благополучно проспал все занятия где говорилось о нем хоть что-то. Кажется, ковенем в простонародье называлось собрание ведьм. Вот только какое отношение это могло иметь к известнейшей попытке государственного переворота в Равии? Этого предсказатель не помнил.

– Новый Ковен не имеет ничего общего ни с политикой, ни с государственностью. Это сборище маргинальных личностей, фанатиков, безумцев и чернокнижников, изгнанных из своих жилищ озлобленной от их зверств толпой. Эти выродки не гнушаются любой грязной работой, лишь бы хорошо платили. Проплаченные убийства, похищения, подстроенные несчастные случаи, вымогательства и даже торговля людьми – они ничем не брезгают. Не смотря на то, что среди этого сброда немало просто отчаянных подонков, способных только заточкой орудовать, есть среди них и поистине устрашающие личности. Говорят, что в их рядах укрываются беглые демонологи, удравшие с Корсана, также ходил слух и о бесчинствующих шаманах Ловакии, пополнивших число этой швали. Одно время я скептически относился к

этим слухам, высмеивая необразованность челяди. До той поры пока сам не столкнулся с их работой, – на Голдберга было страшно смотреть пока он проговаривал эту тираду. Тень легла на его лицо, брови напряженно сошлись воедино, а усы практически наползли на нос, полностью прикрыв собой ноздри. Всем своим видом Барон демонстрировал серьезность обсуждаемых им вещей, и Верго как зачарованный внимал, не отрывая от собеседника взгляда.

– То есть они уже пытались вас убить раньше?

– Нет. Все гораздо хуже. Они на меня работали, – расширившиеся зрачки усача впились предсказателю прямо в душу, вызвав у того поток мурашек, дружной оравой пробежавших по спине. Заметив удивленное выражение лица своего спутника, усач решил подробно объясниться: – Не мне вам говорить, Верго, вы наверняка и сами понимаете, что на войне все средства хороши. Семь лет назад меня приперли к стенке. Каналы поставок оружия и материалов обрывались один за другим. Моих постоянных клиентов кто-то бесцеремонно уводил. Мои верные сборщики задолженностей, которых я с руки кормил, внезапно ополчились против меня. Мне стало ясно что это никакое ни совпадение, – Голдберг сделал драматическую паузу, глубоко вдохнув, пытаясь запасти побольше воздуха для продолжения своей речи. Что-то в его лице дрогнуло, ну или по крайней мере так предсказателю показалось. – Три дня. Три дня ушло у моих информаторов чтобы определить источник всех бед. Его имя... Оно вам

ничегошеньки не скажет. Он был моложе меня, проворней, злее. Я сразу понял, что уже не смогу составить ему конкуренцию – не я нынешний, то бишь, тогдашний, – Барон говорил медленно, с расстановкой и достаточным количеством пафоса чтобы окутать Вебера завесой интриги. – Я пришел к нужным людям, заплатил им сказочную по тем временам сумму, и получил от них гарантию что судьба заказанного мною человека уже предрешена. Мои знакомые были лишь посредниками, я и понятия не имел к кому они обратятся, да и важен мне был только результат. И он не заставил себя долго ждать. Известие о гибели конкурента застигло меня всего через день после рокового заказа. Он... Я бы и не поверил, если бы не увидел все лично. Бедный ублюдок... Он при всех сожрал собственные пальцы. Прямо на форуме в Ганое, когда обсуждалась очередная мелочная застройка, он бросился грызть свои руки, откусывая и заглатывая от них ломти. Одним таким куском он и удавился насмерть. Жуткое было зрелище. Не поймите меня неправильно, я был рад что избавился от своей проблемы, но то что случилось на той площади... Это впечатлило даже меня. Уже после, в разговоре с посредниками всплыл тот факт, что они наняли Новый Ковен. Н-да, я лично убедился в правдивости ходивших слухов. И теперь, вне всяких сомнений, вновь узнаю подчerk этих подонков. Но в этот раз мишенью колдовства стал я. Какая ирония...

Верго уже был готов нагло поправить усатого собеседни-

ка, заявив, что настоящим убийцей был сам торговец оружием, а группировка всего лишь взяла на себя роль исполнителя, но вовремя прикусил язык, дойдя своими нехитрыми умозаключениями до не самого приятного факта, игнорировать который уже не представлялось возможным: сам предсказатель был ничуть не лучше. Помогая нанявшей его двоице, убийце и интригану жаждущему власти, он является полноправным соучастником их преступлений. И что самое страшное, его пособничество нельзя было оправдать невежеством. Нет, с самого начала он знал достаточно. Так кто он такой чтобы судить Голдберга?

Верго горестно пнул ни в чем не повинный камень, что так своевременно оказался у его ног. Серый многогранник, затайливо отлетев от стены деревянной избы, закатился куда-то в высокую траву. Вслед за камнем последовали и сожаления предсказателя на счет его участия в деле. Уже было поздно отступать и раскаиваться.

– Новый Ковен значит... Что же, боюсь даже представить, что может ждать нас впереди. Что дальше? На нас упадут свинцовые небеса? Земля уйдет из-под ног, или быть может демоны преисподней явятся по наши души? – истерично высказался Верго, обращаясь скорее к себе и собственным мыслям, чем к хмурому Барону.

– Вы прямо словами Остина говорите. Клянусь усами, он тоже что-то лепетал про демонов и преисподнюю. Но вы оба упускаете важный аспект дела. Да, не исключено что подон-

ки могут что-то сделать с землей и небом, может даже и что с демонами придумают, кто их разберет, но в любом случае они сами останутся людьми, и планы их будут такими же людскими. Они не всезнающие боги, да и как мы видим, ошибки и небрежность им не чужды. Первые покушения провалились. Они зашли с другой стороны, настав на нас орды насекомых, но и тут оплошали. Столь грозная сила всецело зависела от целостности одной единственной хрупкой вещицы. И даже сегодня, слабость казалось бы неостановимого мертвого воинства, крылась в трусливом и очень даже смертном подонке. Методы Нового Ковена чудовищны, но отнюдь не всеильны. Вы, вы мой дорогой Верго – вот настоящее чудо. Вы видите всю это чертовщину насквозь...

– Вы не понимаете, о чем говорите... – грубо перебил уса-ча предсказатель с неприязнью наблюдая за лихими огоньками, пляшущими в глубоких глазах торговца оружием.

– Нет, отлично понимаю. Я говорю о возможно лучшей инвестиции в моей жизни!

– Это просто везение. Вы что ослепли? Да нам же просто повезло что мы еще не кормим собою червей! – Вебер схватился за внезапно разболевшуюся голову, практически зажав ладонями уши и отведя взгляд от собеседника.

– Чушь! Везение? Один раз я еще мог бы в это поверить. Но теперь я точно уверен, вы смотрите куда-то за грань, видите нечто недоступное простым смертным. Да кому нужен чертов Новый Ковен, кому нужна армия, когда можешь за-

глянуть в будущее! Да вы не иначе как ангел, мой ангел хранитель! Человеку не может быть доступно грядущее, только посланцу господнему!

Предсказатель скривился, отступив на шаг он с неприязнью и опасением наблюдал за воодушевленным Бароном. Тот все никак не унимался, широко раскинув руки, как перед объятием, Голдберг не отрывал свой безумный взгляд от съездившегося Верго.

– С такими то силами нас с вами ждет поистине великое будущее! Вся Ганоя, да что там, весь Помонт склонится перед нами!

На этом заявлении терпение Вебера лопнуло. Едва уместившаяся в нем смесь обиды на мир, бессильной злобы, и нечеловеческих страданий, прорвала тонкую оболочку предсказателя, отделявшую его учтивое и вежливое поведение от того как хотел вести себя Верго на самом деле. Его налитые кровью глаза выглянули из-под прикрывавших их век, глухой ненавистью впившись в разгорячившегося Барона. Пальцы предсказателя, словно сведенные судорогой, непроизвольно сжались, руки отнялись от головы. Распалющееся пламя гнева обжигало Вебера, и с каждым вдохом он лишь подпитывал бушующий огонь.

– Власть? Ангел? Да я лучше сдохну, окончательно и бесповоротно, чем соглашусь на подобную работу еще раз! Это же ад. Вы все, вы и понятия не имеете с чем мне приходится иметь дело! Что ты, что этот гребанный узколобый кре-

тин Остин, вы оба одинаково слепы и самодовольны. Думаешь при очередном видении я просто вижу картинки перед глазами? Просто наблюдаю за заранее записанными событиями, будто книгу читаю?! Каждый раз, каждый чертов раз я переживаю настоящую пытку! Я чувствую это, вижу и слышу, я живу этим. Каждый синяк, каждая рана, каждый испуг и каждая смерть в моих видениях для меня настоящие!!! Да ты хоть знаешь... Знаешь сколько раз я уже пережил свою смерть?! Знаешь каково это, когда тебя ломают надвое, когда отгрызают ноги, когда ты видишь свои конечности, валяющиеся в нескольких метрах от себя?! Нанятые тобою солдаты дрожат от одной единственной встречи с нежитью, отделавшись царапинами и испугом, а меня эти твари сжирали заживо, и даже не один раз! – плохо контролируя тон своего голоса, предсказатель фактически орал на всю округу, не забывая каждую свою реплику сопровождать тычком пальца в воздух, всего в нескольких сантиметрах от носа Голдберга. – Филипп, блять, да ты за всю свою жизнь не перенес столько страданий, сколько выдержал я за последние пол дня. И каждый хренов раз, когда меня перекусывали напополам, сжирали заживо, ломали как куклу, я должен был думать не только о себе, но и о вашей безопасности, о вашем выживании! – практически простонав последнюю фразу, Верго на мгновение застыл перед молчащим Бароном, чье лицо в этот момент не выражало абсолютно ничего. Усач превратился в восковую фигуру, статичную и безразличную

ко всему. Восприняв это не иначе как упрек, Вебер взорвался новым потоком обвинений: – Твой взгляд... Я видел, как ты посмотрел на меня, когда узнал о грибной настойке. И все эти твои многозначительные взгляды после... Да, я принял эту дурманящую дрянь, и принял ее не раз. Даже не стану этого скрывать. И это далеко не первый раз. У меня всегда лежит в запасе парочка флаконов. Это, – предсказатель достал из внутреннего кармана упомянутый сосуд, слегка потряхивая им перед молчащим Бароном, – единственная причина почему я еще нахожусь в здравом рассудке. Я принимаю эту гадость не потому что она мне нравится, а потому что не хочу стать постанывающим, безразличным ко всему овощем. Думаешь, человек может вынести все это своими силами? Вынести, и не свихнуться?

– И это ваше оправдание?

– А я и не оправдываюсь! Я констатирую факт того, что если бы не содержимое этой стекляшки – мы все уже были бы мертвы. – Закипая от злости, Верго едва не раздавил драгоценный флакон у себя в руках. Слегка опомнившись, предсказатель бережно упрятал пузырек вглубь кафтана, расправив после этого складки своего одеяния, как если бы готовился ко встрече с кем-то важным. Его дыхание постепенно приходило в норму, пульс замедлялся. То пламя, что еще недавно испепеляло предсказателя изнутри, начало утихать, оставляя за собой лишь едва ощутимое тепло пепелища. – В тот самый момент как моя задача будет выполнена, и я полу-

чу свои кровью заработанные деньги, наше с вами сотрудничество будет окончено, раз и навсегда. Никогда более, ноги моей больше не будет в Помонте.

Воцарившаяся после одностороннего скандала тишина даже чем-то напугала предсказателя. Настолько необычно было кричать, клясть и обвинять человека лицом к лицу, но ничего не слышать в ответ. Вебер опешил, не в силах поверить в спокойную реакцию торговца оружием, а тот и глазом не повел. Голдберг держался достойно, даже не шелохнувшись с момента начала монолога спутника. Одну руку держа за спиной, а другую запустив на пол ладони за полы лацкана, мужчина выглядел почти что заскучавшим. Как предсказатель ни старался, определить был ли собеседник зол, разочарован, или даже обижен, ему не удавалось. Выдержка торговца оружием творила чудеса. Дополненная долгим опытом работы, она создавала непроницаемый барьер, мешающий прочесть эмоции Голдберга.

Примерно минуту Барон молчал, направив свой взгляд на горные вершины. Можно было уже подумать, что он окончательно забыл о собеседнике, но вот пышные усы слегка приподнялись, выпуская изо рта парочку слов:

– Хорошо. Я вас услышал.

«Хорошо? В каком смысле – хорошо? Хорошо, я согласен на скорое и безвозвратное прекращение нашего сотрудничества, или же хорошо, вы наговорили лишнего, и я вам это еще припомню?» – терялся в догадках озадаченный Верго.

– Тут вы полностью правы, – словно прочитав мысли предсказателя, решил объясниться усач. – У нас с вами есть уговор, и мы должны ему следовать. Как и в любом краю где царствуют всеблагие законы капитализма, все что связывает нанимателя и нанимаемого – это заранее оговоренные обязанности и следующая за ними оплата. Я не должен был говорить вам лишнего, и уж тем более возлагать на вас такие надежды. Прошу меня простить, недавнее происшествие вскружило мне голову, – тон Филиппа был холоден и лишен каких-либо эмоций. Было в этом что-то пугающее. Вебер бы почувствовал настоящее облегчение, если бы вместо этого сухого и безжизненного обращения, Барон накричал бы на него. Но Голдберг и не думал потакать надеждам предсказателя. – Раз уж у нас сугубо деловые отношения, я, как ваш полноправный наниматель вынужден требовать от вас отказ от любых веществ способных повлиять на вашу трезвость мышления, по крайней мере, до завершения нашего дела.

Если предсказатель был сметен ранее, то теперь у него и вовсе едва не пропал дар речи. Маленькая запланированная им сценка скандала пошла совсем не по плану. В глубине его сознания возникла мысль, что возможно следовало лучше продумывать план общения с человеком столь сложной профессии, привыкшем к истерикам неординарных клиентов. Уж за всю свою жизнь Барон точно не раз оказывался в одном помещении с кричащими, потенциально опасными людьми, должно быть он давно уже выработал для таких слу-

чаев особую тактику. Перебрав в голове несколько совсем никудышных вариантов, отмечая их один за другим, все что Верго смог из себя выдавить звучало как:

– Вы что, обиделись? Обиделись потому что я не хочу до конца своих дней за вас страдать?

– Как же быстро «ты» превратилось в «вы», стоило мне затронуть тему вашей зависимости. И нет, я не обиделся, Верго. Я вам не юная девица, чтобы менять свой настрой и отношение к окружающим каждые несколько минут.

– Но... Но я же объяснил, настойка мне нужна для дела.

Голдберг издал пару нечленораздельных звуков, чем-то напоминающих ту канонаду с которой крышка от кастрюли с закипающей водой, приподнимаемая паром, молотит по ободку. Предсказателю понадобилось несколько секунд чтобы осознать, что странные звуки являются чем-то вроде гортанного смеха усача. Голдберг не просто смеялся, он давился смехом.

– Сколько раз я уже слышал эту басню, – с трудом выдавливал из себя Барон. – Будь то всего несколько безобидных бутылочек рома, чтобы лучше работалось, или же маленький мешочек с сушеными мухоморами, для креативности мышления. Чушь это все собачья. Я не работаю с забулдыгами!

– Да я ведь не зависим! – обидчиво промямлил Верго.

– Ну конечно. Найдите мне хоть одного пьяницу что признает себя пьяницей! Ха! И всегда одна и та же песня – это все нужно для дела. Ну вот мне вы врете, да и пусть. Но вам

не противно обманывать своими оправданиями самого себя? Возможно последние события вызвали у вас небольшой провал в памяти? Ха, это я допускаю. Стремлюсь напомнить, что в подписанном вами договоре, в числе прочего был указан полный запрет на любые наркотические вещества, и даже алкоголь, пускай запрет последнего и действует на усмотрение нанимателя. В общем, меня вы слышали, если желаете продолжить наше сотрудничество и получить-таки свой гонорар – при мне, своею рукою избавьтесь от этой гадости. Сейчас же!

– Ну может хоть один пузырек оставлю? Только для исключительной ситуации! Помните, как один такой помог нам с насекомыми? – жалостливо начал предсказатель, прекрасно осознавая, что его аргументы не несут в себе достаточной силы, чтобы переубедить собеседника. Словно в подтверждение его догадок, Барон ехидно улыбаясь плавно покачал увесистой головой. Этот жест вызвал у Верго сильное желание послать спутника куда подальше, но он сдержал позыв. Лишь уголок рта Вебера предательски дернулся, выдавая отчаяние своего хозяина. Голдберг был непреклонен.

Возникшую между этими двоими напряженную атмосферу разорвал призывный клич, раздавшийся всего в нескольких десятках метров от них. Предсказатель молниеносно развернулся к источнику звука, готовясь к нему ринутся со всех ног, но нечто в него вцепившееся помешало возникшим планам. Удерживающим мужчину фактором оказалась схва-

тившая его предплечье рука Барона.

– Сначала разбейте флаконы, а потом пойдем смотреть, что там, – вернул Вебера к реалиям жесткий голос хмурого Голдберга.

Смерив нанимателя многозначительным взглядом, Верго поспешно достал все три имевшихся у него пузырька, наглядно зажав их в руке. Он был не настолько глуп чтобы попытаться обмануть торговца оружием, припрятав стекляшку – Барон запросто мог установить их количество пока предсказатель был без сознания.

– Хорошо. Будет по-вашему.

Долетающие из-за гор солнечные лучи играли на гладкой поверхности стекла, отбрасывая на стены близлежащих хижин красные солнечные зайчики. Ярко-алые флаконы завораживали, не позволяя оторвать от себя глаз. Только под ярким солнечным светом настойка раскрыла всю красоту своей цветовой палитры. Вебер медлил, разглядывая свое сокровище, но желание узнать причину раздавшегося минуту тому оклика становилось все сильнее с каждым мгновением. Рука предсказателя начала дрожать. Наконец, собравшись с духом он швырнул пузырьки на ближайший придорожный камень.

Звонкий звук отразился от деревянных построек, донося до вехи предсказателя и Барона весть о безвозвратном забвении наркотика. Не желая больше тратить попусту время, Верго отправился в ту сторону, с которой, как ему помни-

лось, донесся крик. Барон последовал его тенью.

Жалких два десятка шагов отделяли двоицу от склонившегося над входом в погреб наемника, что-то высматривавшего в широких щелях деревянной крышки. Гвардеец оставил новоприбывших безо всякого внимания, хоть безусловно и заметил их приближение. Двоица не успела обмолвиться и словом, как из-под тяжелой крышки донесся подозрительно знакомый, раздражающий юношеский голос.

– Да не поднимем мы ее! Мы от греха подальше на замок тут закрылись! Все обыскали, ключа и в помине нет! Может вы как-то эту дверь раскурочите, а?

Едва слышный голос Блица по всей видимости обладал некими свойствами, противоположными притягательным – своей раздражающей манерой глотать гласные, паренек нестерпимо резал окружающим слух.

– Может оставим его там? Я только-только начал наслаждаться тишиной, – пошутил гвардеец при виде подоспевшего Остина. Главарь наемников выглядел взволнованным, можно даже сказать воодушевленным.

– Блиц, ты меня слышишь? Ас там тоже с тобой? Как вы там? – прохрипел Остин, ощупывая крышку погреба руками.

– Да здесь я, здесь. Мы то в порядке, я слегка подвернул ногу, но ничего такого... – раздался еще один голос, приятно выигрывающий на фоне раздражающего бормотания Блица.

– Отойдите от крышки! Борис, держи палку, сорвем эту хрень с петель при помощи старого доброго рычага, – ска-

зал главарь гвардейцев, вырывая из находящегося рядом чостокола одну жердь, кидая ее компаньону, затем отделяя от ограды и другую, уже для себя.

Поддев увесистую крышку палицами, наемники изо всех сил стали выламывать старую рухлядь. Ржавые петли не выдержали и трех попыток, с громким треском выскочив из рыхлой древесины. Дело одной минуты, и вот: крышка уже болтается на одном единственном замке, выпуская из погребка затхлый запах плесени и сырости. Барон, оказавшись к отверстию ближе всех, подал наемнику, именуемому Асом, руку, помогая выбраться из выдолбленной в грунте норы. Недолго думая, Верго последовал его примеру, вытаскивая на свет пропахшего сыростью Блица.

Скользнув от локтя ближе к запястью, ладонью предсказатель нащупал под одеждой юноши нечто твердое, плотно облегающее руку. Для удобства, Верго схватился за дивный предмет чтобы остановить скольжение потных ладоней. Как только он ухватился за скрытую за рукавом вещицу, граничащее с болью, резкое и крайне неприятное чувство охватило всю его руку, вплоть до предплечья. Он едва удержался чтобы не разжать хватку.

Секунды прикосновения хватило чтобы неестественный, чуждый живому телу холод расползся по всему организму предсказателя. Противный липкий страх, пробираясь по мокрой от пота спине впился в шею мужчины, мешая нормально дышать. Охватившее вострепнувшегося Верго чув-

ство отдаленно напоминало пугающее предчувствие, не покидавшее его с того момента как он посетил Гларь. Вот только новое ощущение было в десятки раз сильнее. Не в силах воспротивится, предсказатель издал едва слышный стон, отступив на два шага назад.левой рукой он вцепился в свою правую, разминая затекшую от мистического холода конечность. Пальцы, дотронувшиеся до таинственного предмета на запястье Блица, жили своей жизнью, произвольно сжимаются и разжимаясь.

На радостях, странное поведение предсказателя осталось незамеченным: Остин с гвардейцем осматривали спасенных, побросав свои деревянные орудия труда. Голдберг тоже был на редкость беззаботен. По виду Барон очень тешился тому, что никто так и не погиб в свете произошедших событий.

– Как только мы услышали, как что-то в тумане демоническим голосом повторяет нашу речь, тотчас бросились наутек! – гордо докладывал юнец, с деловитым видом отчитываясь за свое исчезновение. – И дураку понятно, что биться в тумане не пойми с чем, идея хуже не придумаешь! Решили мы значит спрятаться в этом подвальчике, да только страшно нам стало. Все вокруг шуршит, скрипит – чертовщина одним словом! Ну и на всякий случай закрылись найденным внутри замком, а то вдруг чудовища решат дверцу открыть? А тут бац! А у нас все схвачено, и держать ее руками не надо. Только вот, ключи мы потом так и не нашли... Ну, славно, что вы искать нас отправились. Ас все боялся что

нас оставят, а я ему говорю: «Не таков наш командир! В беде нас точно не бросит!»

– Да брешет он, гаденыш! Ничего я не боялся! Слыхали бы вы как он мне тут ныл. Честное слово, ни на секунду не затыкался, – отозвался гвардеец, услышав свое имя.

– Блиц, покажи, что у тебя на левой руке, – холодно прервал Верго всеобщие радости.

– О чем это вы? – выдавил из себя парень самое неубедительное удивление, что только доводилось предсказателю слышать. Бегающие из стороны в сторону глаза, неловкая улыбка, дрогнувший подбородок – так неумело, свойственно играть лишь детям, не имеющим и малейшего представления о том, как должна выглядеть настоящая озадаченность. Сегодня у Вебера и так уже были проблемы с эмоциональной устойчивостью, равно как и с терпением, а оттого мужчина не стал затягивать никчемное представление: одним шагом подобравшись к Блицу, он обеими руками ухватился за грязный рукав юноши, мощным рывком приподняв его, оголяя руку. Зрачки парня предательски расширились, выдавая неподдельный испуг.

Запястье юноши плотно охватывал вычурный браслет. Бледно-серебристый металл ювелирного изделия отдавал мутной зеленью. Безделушка была выполненная в виде множества сплетшихся телами змей, заглатывающих собственные хвосты. Детализация вещицы поражала воображение – не смотря на то что браслет состоял из более чем трех де-

сятков тонких серебристых созданий, у каждого такого ползуна можно было без труда разглядеть едва выпуклые глазки, как и отдельно взятые чешуйки, тут и там выступавшие на гладкой поверхности змеиных тел. Аксессуар настолько плотно прилегал к коже парня, что совершенно не представлялось возможным определить, как такая вещь вообще могла быть надета на его руку.

Верго затаил дыхание. Для него, как для человека неоднократно посещавшего дорогостоящие ювелирные заведения, было ясно, что такому предмету было не место на руке нищего юного наемника. Браслет стоил целое состояние. Остин, Ас и Борис, хоть и не были умудрены в вопросах красивых безделушек, тоже быстро сообразили, какой может быть стоимость такого предмета.

– Это не просто красивая железка, Остин, – сказал предсказатель, бережно ощупывая браслет.

– Да, у меня глаза на месте. Я и сам вижу, что непростая. Сынок, ты где эту штуку спер? – угрожающе поинтересовался глава гвардейцев, подойдя к побелевшему Блицу вплотную.

– Не знаю, как именно, но браслет связан со всей той чертовщиной что с нами творится. В этом я уверен – я чувствую это. От него веет могильным холодом... – предсказатель неслабо постарался чтобы предать своим словам убедительности. Каждое прикосновение к аксессуару еще отдавало в его руках слабым покалыванием, как напоминание того

что он ощутил при первом контакте с мистической вещью.

Недобрые огоньки заплясали в глазах Остина, он грубо ухватился за руку Блица, притягивая ее к себе поближе для детального изучения диковинной вещи. С обратной стороны браслета располагалась небольшая выемка с характерной замочной скважиной. Такие встречаются на кандалах. Вокруг скважины тремя кругами вились аккуратные ряды символов. К этому моменту всем присутствующим они уже были хорошо знакомы, так как каждый имел удовольствие ознакомиться с исписанной такой вот символикой, отъевшейся личинкой в животе Рауса. Сходство символов было очевидно.

– Я... Я м-могу все объяснить! – заикаясь промямлил парень, вяло попытавшись вырвать руку из цепкой хватки своего командира. Попытка была обречена на провал. Остин молча смотрел на юношу, нагоняя на того жути. Сглотнув, парень продолжил: – У меня последнее время было очень туго с деньгами. И я решил... Ну, подумал, что может хоть на этот раз... Ведь рано или поздно должно же было повезти?! Но я облажался, как же я облажался! Вся моя последняя получка, все до последней монетки, все ушло. Да что там! Я влез в большие долги, по-настоящему большие.

– Чертов кретин! Блиц, да когда же до твоей пустой башки дойдет? Тебе нельзя садиться за игральный стол! Недоумок, у тебя же совершенно нет чувства меры! – вскипел от злости Ас. Кажется, до данного инцидента товарищи Блица уже имели дело с его страстью к азартным играм, и имели не

раз. – У тебя больная сестра с утра до ночи в кабаке надры-
вается, а ты, сволочь, все деньги на игры продолжаешь вы-
брасывать!

– Умолкни, – властно приказал Остин, жестом утихоми-
рив гвардейца. Все это время главарь наемников неотрывно
смотрел на юношу, даже не повернувшись в сторону разго-
рячившегося коллеги. – Блиц, сейчас ты мне скажешь корот-
ко и внятно, откуда у тебя этот браслет, – Остин отчеканил
каждое слово, намекая своей интонацией на масштаб непри-
ятностей, в которые вляпался юноша.

– Мне правда очень жаль! Я не думал, что все может так
обернуться...

– Да он вообще не думал. Ты никогда не думаешь! – не
удержался от комментариев Ас, но тут же был остановлен
молчаливым жестом Остина.

– Кратко. И по делу. – На этот раз главарь гвардейцев бо-
лезненно вывернул запястье парня, усиленно мотивируя то-
го к необходимой лаконичности.

– Ай! Хорошо, хорошо, я скажу! Примерно неделю назад
я сильно сглупил. За пару минут оказался с пустыми карма-
нами. Будто чертовы карты мне голову задурили! Мне пред-
ложили отыгаться. Сказали, что если я выиграю – простят
долг и вернут половину от утраченного, а если проиграю, бу-
ду носить эту штуку пока не отдам все что задолжал. Это все,
клянусь! – извивался Блиц, пытаясь уменьшить давление на
свою руку. На щеках юноши играл болезненный румянец, по

которому к подбородку уже проложили дорожку две одинокие слезы. – Я же не знал! Прошу, я же не знал, что все так обернется!

– Так вот как они нас выслеживали, – буркнул себе под нос задумчивый Голдберг. Судьба парня казалось его совершенно не волновала. – Если насекомые зависели от той карты, мертвые твари от личинки, то должно быть, уродливые псы что нас преследуют, связаны как раз с этой вещицей. Вроде так выходит?

Верго, не смотря на согласие с выводами Барона немного сочувствовал Блицу. Юноша и правда был несмышлен и знать о принципе работы артефакта не мог. Но, он ведь мог хотя бы заострить внимание на подозрительности требования ношения столь специфичной вещицы? Ну не мог же он быть полным идиотом, слепым и глухим ко всему? Или мог?

Неопределенность, порождаемая молчащим Остином начинала пугать уже не только Блица, но и всех окружающих. О том, что творилось на уме у этого человека можно было только догадываться. Выглядел мужчина довольно грозно.

– Ас, давай сюда ту мыльную траву, быстро! Борис, принеси воды, – хоть и тихо, но весьма убедительно раздал приказы Остин. Без промедления его приказания были исполнены. Никто не хотел попасть ему под горячую руку.

– Я пробовал снять его, и не раз! Что только не делал! Эта штука практически приросла мне к руке. Так его точно не снять, – взволнованно проговаривал Блиц, в то время как

Остин шаманил с его рукой. Будучи влажной и скользкой, вещица все равно никак не хотела покидать руку. Чрезмерными усилиями гаваря гвардейцев ее удалось спустить еще ниже, расцарапав при этом все запястье. Браслет уперся в основание ладони, не в силах преодолеть изгиб руки, переходящий в большой палец. Не было и намека на возможность удаления артефакта.

Прохрипев себе под нос изобилующие тонкостями местных диалектов, неперебиваемые ругательства, Остин совершил резкое движение рукой, сопровождаемое противным хрустом. Блиц зашелся воплем, мокрыми глазами наблюдая за неестественно вывернутым большим пальцем. Вывихнутый палец быстро набирался пунцовым цветом, сильно выделяясь на грязной ладони юноши.

Осознав, что произошло, Верго болезненно вздрогнул, как если бы палец вывихнули ему. Хруст все еще стоял у него в ушах. Остин тем временем, совершенно не обращая внимания на негромкий вой подчиненного, стаскивал браслет, безжалостно задевая и царапая настрадавшийся палец. Пол минуты мучений и артефакт наконец покинул тело Блица.

– На счет три я вправлю его обратно, – бесцеремонно бросил Остин, все никак не отпуская руку скулящего юноши.

– Н-на счет три? – всхлипнул Блиц, с ужасом ожидая грядущего момента.

– Три! – резко выдохнул гаварь, еще одним грубым движением вправив палец обратно. Юноша согнулся от боли,

оседа на землю он все никак не отпускал многострадальную руку, постанывая и то и дело всхлипывая при каждом движении конечностью.

– Это – бросить в колодец, – потеряв всякий интерес к скорчившемуся на земле парню, отдал приказ Остин, передавая вещицу в руки Борису. После чего он оглянулся на двух других свидетелей сценки, окидывая их пустым взглядом. – Через пол часа мы выступаем. Чтобы к этому моменту вы были готовы.

Краткость Остина и его практически полное отсутствие сочувствия уже пугали предсказателя ничуть не меньше оживших мертвецов. Главарь никак не прокомментировал происшествие, не наказал Блица, даже не отругал его. Было в действиях Остина что-то методичное, стихийное, словно вода, что безразлично, систематически, веками истачивает камни, прогрызая себе путь. Стихии нет дела до всего что не касается ее основного замысла. Ну или по крайней мере стихия хочет, чтобы так о ней думали. Впрочем, проводя параллели, было бы разумнее сравнить Остина с другой стихией – ветром. Целеустремленный и неуправляемый, ветер плевать хотел на ваши чувства и взгляды, он переменчив, бывает несносно строптив в своих порывах, но в нем нет и тени мелочной обиды на тех, кто ему докучал. И дело не в том, что стихия всепрощающа, она просто не умеет обижаться.

Что бы Верго или кто-либо другой ни говорил Остину, как бы ему ни досаждали, едва ли тот хоть раз за весь их

совместный путь припомнил обиду. Его немногочисленные вспышки гнева бесследно исчезали, оставляя предсказателя в совершенно искреннем недоумении – как человек вообще может быть столь безэмоциональным и ко всему безразличным в долгосрочной перспективе?

Проходя мимо валявшегося в траве Блица, Верго краем уха услышал озвученную Асом фразу, предназначавшуюся по все видимости как раз заплаканному юноше:

– Если я еще раз когда-нибудь узнаю, что ты играешь – я лично отрежу тебе этот палец.

Бывает, взаправду не стоит вмешиваться в чужие дела. Осознание таких моментов приходит к людям с возрастом. В своей молодости Вебер встрял бы в эту конфронтацию. Теперь же, оценив ситуацию с разных перспектив, он предпочел молчаливо пройти мимо. Все же, иногда, проявляемая к людям жестокость может быть вполне заслуженной, как бы бессердечно это ни звучало. Предсказатель не понимал действий Остина, на его месте Верго не смог бы столь просто закрыть глаза на случившееся.

Вернувшись к тому месту где он оставил свои вещи, Вебер стал свидетелем организованных сборов наемников. Лишенные главного средства для перевозки грузов (в лице выючного жука), гвардейцы перераспределяли содержимое тюков и сумок. Большую часть клади им придется оставить здесь. Часть посуды, сменная одежда, немалый боезапас самострелов, и еще куча всякой всячины достанется первому же при-

шедшему в эти места бродяге, если конечно это все не придет в негодность до того, как у мертвой деревни появятся новые посетители.

Большинство гвардейцев уже пришли в себя, оправившись от недавних кошмаров. В их глаза вернулся задорный блеск, а в движения – уверенность и последовательность. Из всего разнообразия занятых делом фигур выделялся разве что понурый наследник, бледным пятном прильнувший к куче оставляемого добра. Потеря жука означала для Марка необходимость передвигаться впредь на своих двоих. Но далеко не перспектива физических нагрузок пугала юнца. Истинной причиной его переживаний была дальнейшая невозможность укрыться от пронзительных взглядов его сопровождающих, так же, как и от их язвительных шуток. Лакированная древесина кареты более не упасет его от компании грубых мужланов, коих парень не то ненавидел, не то презирал, скорее всего и боялся до кучи. А может и все вместе.

«Хочешь научить ребенка плавать, брось его в воду», – подумал предсказатель, беспристрастно проходя мимо перепуганного наследника. Сейчас Верго волновали совсем другие вопросы, и он был не в том настроении чтобы утешать изнеженных детишек.

Быстро собрав свои нехитрые пожитки что умещались в одной единственной сумке, и пополнив запасы воды в фляге, предсказатель бесцельно блуждал по центру деревни, в пол глаза наблюдая за суесящимися людьми. В крайне за-

думчивом состоянии он сам того не подозревая практически подкрался к мирно сидящему к нему спиной Голдбергу. Усач разглядывал некий небольшой объект, кусочек бумаги, бережно зажатый между пальцами. Заглянув Барону через плечо, Вебер увидел, что в своих руках Голдберг держал нечто иное, как фотоснимок.

Бумажный снимок, наклеенный на картонную подложку, слегка искажая цвета содержал на себе изображение женщины с ребенком. С расстояния в несколько метров предсказатель не мог рассмотреть их лиц, лишь позы и элементы гардероба. Несложно было догадаться кто изображен на снимке: фотосъемка была необычайно дорогим и муторным удовольствием, цветной же ее эквивалент и вовсе, стоил непомерных для обычного жителя федерации денег. Вряд ли кто станет тратить время и средства на дороговую и крайне недолговечную нитроцеллюлозную пленку для едва знакомых людей, да и хорошего мастера найти было проблематично. Логически предположив кого именно хотел бы увидеть Голдберг в свете последних событий, несложно было установить, что на фотографии находится его дочь и жена. Барон был на удивление немногословен в вопросах своей семьи.

Верго притворился что смотрит в другую сторону, нарочно громко ступая по иссохшей траве, чтобы привлечь внимание Голдберга. Одним ловким движением усач упрятал дорожную его сердцу фотографию в потрепанный пиджак, встав и повернувшись к предсказателю. Вебер заготовил па-

рочку вопросов, и успел даже открыть рот для их озвучивания, но собеседник его опередил:

– А ведь все дело в теории вероятности.

– Простите, что? – недоумевая выпалил предсказатель, будучи совершенно сбитым с толку.

– Говорю, что многие проблемы в жизни могут быть решены элементарным пониманием того как устроена вероятность. Вы же человек образованный, слышали должно быть о такой теории?

– Нууу, – задумчиво протянул Верго. – Да, что-то такое припоминаю. В военной академии мне приходилось слышать о чем-то подобном. Там было что-то о прогнозировании погоды, так? Или это одна из теорий свободного рынка?

– Человеку свойственно заблуждаться, дорогой мой, – философски заявил Барон, поглаживая свои усы. – Раз за разом проигрывая, люди ошибочно полагают, что вот теперь то, после стольких поражений им обязательно должно повезти, что с каждым проигрышем их шансы на победу растут. Горькая правда состоит в том, что шансы каждый раз неизменны. Именно на этом и держатся все игорные заведения, уж в этом вы можете мне поверить! Человеческая склонность к риску и врожденный азарт, загубили немало славных душ, и все они допускали одну и ту же ошибку. Ее же допустил и малыш Блиц. Пускай и косвенно, но все мы страдаем от несовершенства человеческой природы и ее недостатков. Так ведь?

– Если я правильно помню, на несовершенстве человеческой природы держится ваш бизнес.

– Верно подмечено. Я и не спорю. Ха, смешно как раз то, что приносящий мне деньги аспект жизни, едва меня и не погубил, – добродушно ответил Голдберг, негромко посмеиваясь.

Вебер не стал смеяться. В этот самый момент его одолевала одна единственная мысль: здесь, на краю света происходят поистине невероятные в своей непостижимости вещи, но, кажется, до этого даже по-настоящему никому нет дела. Все в округе философствуют, закрывают глаза на чудовищные проступки, боятся какой-то мелочной чуши, словно не осознавая в полной мере насколько же плачевна их ситуация.

«Меня окружают безумцы», – подумал предсказатель, медленно удаляясь от все еще хохочущего Голдберга.

Глава 11. Что скрывается под маской?

Дорога влияла на путников благотворно, помогая отвлечься от не самых приятных воспоминаний. Вяло бредущая группа наконец выбралась из череды затененных предгорий и впервые за долгое время уже приевшиеся декорации скалистых склонов сменились травянистыми равнинами и ухоженными полями. Главной позитивной переменной стали солнечные лучи, простираясь на десятки километров вперед они освещали каждый квадратный сантиметр пути наемников теплым, столь непривычным для этой каменной пустоши светом. Тепло и яркие краски природы согревали тела и сердца путников. То и дело кто-то чихал, не без участия поднимавшейся от грунтовой дороги пыли и яркого солнечного света.

Хорошая новость состояла в том, что согласно ощущениям Барона и Вебера, скверное мистическое предчувствие, о котором ранее талдычил Голдберг, осталось где-то позади, вместе с брошенным в колодец демоническим браслетом. Плохая же новость была в том, что путники находились уже достаточно близко к самому опасному для них месту княжества, а видимых угроз при этом все еще не наблюдалось, что само по себе нагоняло параноидальные мысли. Благо, постое-

янная усталость умудрялась вытеснять и их.

Безлюдные пустоши остались позади: вся прилегающая к Ганое территория была испещрена фермерскими угодьями, как едва ли не единственное место во всем Помонте, пригодное для выращивания хоть чего-нибудь. От вытоптанной тропы по которой шли наемники и вплоть до порядком отдалившихся силуэтов гор, тянулись ровные ряды пестрых цветов. Там были рододендроны, невысокие маки, розоватая герань, оранжево-желтые (как пламя) купальницы и красивые голубые колокольчики, что едва возвышались над вспаханной землей. Несколько поодаль дозревали поля с разными злаками, преимущественно с многолетним овсом и ежой. В паре километров на запад проглядывались поляны, засаженные чем-то смутно напоминающим лен, – без ближайшего рассмотрения растения было не опознать.

Объемы выполненных работ, как и масштабы посадок, поражали воображение. После всей серости княжества, уголок упорядоченного буйства жизни казался чем-то сказочным. В воздухе витали приятные цветочные ароматы вперемешку с запахами чего-то пряного. Жадно поглощая глазами раскинувшиеся здесь виды, Вебер испытывал странное, довольно сложное для описания чувство. Эти места напоминали ему родину. Было бы здесь раза в два солнечней, так поля вполне могли бы сойти за знаменитые тангольские луга, разве только величественные горы выдавливали своим присутствием всякое сходство.

Как бы предсказатель ни сопротивлялся, его мысли произвольно возвращались к воспоминаниям о доме. Изнуренность последними событиями и долгой дорогой делала свое дело: мужчина клевал носом, то и дело проваливаясь в состояние близкое ко сну. Путаясь и расплываясь, его мысли как назло принимали тот самый злополучный вид, вид родной деревни Верго, жаркой, светлой и пахучей, местом что ему не доводилось видеть уже более пятнадцати лет. Встряхивая головой чтобы отогнать коварную дрему, предсказатель переставлял искусанные, стертые до мозолей ноги, с каждым шагом вздымая на буро-коричневой дороге небольшое облачко пыли.

Во времена своей юности, Веберу как-то довелось на себе испытать незабываемый опыт сна стоя. Учебный военный лагерь обычно не имел проблем с тем чтобы утомить бедных курсантов до полусмерти. Там то, во время принудительных нарядов, человеческий организм преподносил удивительные сюрпризы, погружая тело в состояние сна независимо от его положения в пространстве. Стоял ли утомленный бедолага по струнке, маршировал ли широким шагом, это уже не имело значения. До военной службы предсказателю не верилось, что идущий человек, чьи движения были хорошо отточены и скоординированы, может спать посреди этого самого процесса. Но Верго имел возможность убедиться в истинности этой байки на собственной шкуре.

Спустя столько лет его организм вновь проворачивает

этот трюк, погружая предсказателя в состояние схожее с трансом. Беспомощно озираясь, Вебер убедился, что не он один засыпает на ходу – по меньшей мере треть гвардейцев двигалась с подозрительно плотно прикрытыми глазами, словно щурясь.

Широко зевнув, Верго плеснул немного воды из фляги себе на ладонь, размазав жидкость по лицу. Импровизированное умывание ненадолго отогнало берущую над мужчиной верх сонливость.

Слипающимися глазами предсказатель выцепил выделяющийся на поле объект, нечто крайне похожее на человеческую фигуру. Вебер прищурился и приставил руку козырьком ко лбу, чтобы защитить глаза от непривычно яркого света. Принятые меры позволили ему разглядеть желанное: это была девушка, примерно метр семьдесят ростом, ее длинные светлые волосы свободно развевались на ветру, резвясь и переплетаясь в его потоках. Дама неподвижно стояла между рядами ярко-желтых маков, облаченная в просторное белое платье. Но стояла она на что-то опираясь. Остановившись и вглядевшись повнимательней, Верго смог разобрать таинственный, отблескивающий на солнечном свету предмет – это был невесть откуда тут взявшийся крупный якорь (такой обычно используют на среднего размера рыбацких судах).

– Опять ты... – проямлил предсказатель, убирая руку ото лба. – Я и так делаю что могу. Чего же ты от меня еще хочешь?

– Увидели кого? – поинтересовался подоспевший Голдберг, заметив вставшего посреди тропы Вебер.

– Нет, – задумчиво ответил Вебер, продолжая свой путь. – Просто кое-что вспомнил.

Предсказатель не хотел об этом говорить. Такие вещи он вообще не привык обсуждать с кем-либо. Разумеется, женскую особу, как и сам якорь, видел лишь он, далеко не первый раз, и, вероятно, не в последний. Но и послание предназначалось сугубо для него, нечего остальным о нем распространяться.

Со слов Остина их группа находилась менее чем в дне пешего пути от Ганои. Такие новости не могли не радовать – осталось подождать не более суток, и Вебер получит свои деньги, навсегда убравшись из княжества. При условии, конечно, что за эти сутки ничего не произойдет. Впрочем, приближаясь к административному центру княжества, избегать случайных встреч более будет невозможно. Чтобы попасть в Ганою путникам придется выйти на главный тракт, а там, никто не знает, кто или что может их ожидать. Совершенно ясным было другое – им всем необходим отдых. Не какие-то жалкие пару часов привала, а полноценный, долгий сон и горячий ужин, и это уже не просто прихоть, но необходимость – истоптанные ноги неприятно гудели, а пустующие желудки то и дело изрыгали звуки сродни китовому пению. Как бы ни была крепка воля путника, всякое тело имеет свои лимиты.

Продвигаясь вглубь рассад и полей, наемники встретили

безобидного фермера, перевозящего при помощи псов крупную тележку с собранным урожаем. За несколько звонких монет гвардейцы выкупили у разговорчивого деда пол мешка зерен овса и ведро только что собранной земляники. Вот теперь то перспектива вкусного ужина была близка как никогда.

Буквально пять минут спустя главарь гвардейцев подтвердил догадки своих подчиненных: он ищет место для привала. Обрадовавшиеся наемники подключились к поискам Остина, во все глаза высматривая среди зелени и ярких цветов очертания хоть каких-нибудь построек.

Невнятные темные силуэты неохотно выглядывали из своих растительных укрытий, возникая, и так же быстро исчезая в глубине полей. Боятся их не было причины, как объяснил бредущий следом Барон – это всего лишь охрана, высматривающая незадачливых воришек. До тех пор, пока наемники не решат прикарманить что-либо из тянущейся по округе рассады, охране не будет до них дела.

Постепенно Вебер привык к оценивающим взглядам таинственных сторожевых. Ему и в мыслях бы не пришло набивать и без того тяжелую сумку бесполезными цветами, но, по всей видимости не все местные жители были с ним солидарны, так как число неустанно бдящей охраны и правда впечатляло. Временами казалось, что целый отряд партизан скрывался среди невзрачных злаковых или же в предательски красивых цветочных лепестках, готовясь к смерто-

носной атаке. В реальности, горе-стражи не были готовы даже к простецкой ревизии – рассевшись у нагретых солнцем камней, примерно половина стражей мирно посапывала, периодически сонно чихая от разносимой ветром вездесущей пыли. От такой картины и самого Верго потянуло в сон пуще прежнего.

Стоило кому-то одному из гвардейцев зевнуть, как в течении нескольких минут вся группа была охвачена непрекращающейся зевотой. Правду говорят, что зевота заразна. Свежий воздух, приятное солнечное тепло и непередаваемый цветочный аромат не хуже заправских саботажников косили утомившихся наемников.

«Если кто-то еще хочет нас убить, то сейчас самое время, – сонно подумал Вебер, массируя слипающиеся веки. – Если я сейчас усну, меня даже острое ножа вогнанное в сердце не разбудит. Да и сопротивляться совсем не хочется. Хочется лечь, вытянуть ноги, и наконец провалится в сон, что будет глубже самой смерти».

Внезапно, в игристых цветочных нотках затесался хорошо знакомый аромат. Точнее было бы его назвать вонью, ведь мало кто найдет специфический запах керосина приятным. Вмиг широко раскрытые глаза предсказателя принялись хаотичными движениями высматривать источник противного зловония. Долго искать не пришлось, запах отчетливо усиливался по мере приближения к крупной, возвышающейся над всем и вся, кучей добра, сваленной на расчищенной от

растительности площадке.

Слезаящиеся, мутные от полудремы глаза отказывались показывать Верго четкую картинку, он все никак не мог разглядеть из чего же это, собственно, куча состояла. Когда же взгляд таки сфокусировался, а сокращенное расстояние позволило выцепить детали, Верго чуть было не застыл от удивления.

Девятиметровая куча, скрывающая в своей тени еще несколько кучек поменьше, состояла целиком из самых разных съедобных продуктов. Чего там только ни было: аппетитные груши, мешки, лопающиеся от переизбытка зерен, примятые лотки с ягодами и толстые кукурузные початки. Все что объединяло это обилие съестного, так это растительное происхождение и достаточно помятый вид. Продукты были навалены друг на друга, хаотично смешиваясь. В десяти метрах от первой кучи негодовало целое сборище зевак. Часть из них что-то возмущенно обсуждала, другие безуспешно пытались подобраться к добру поближе, раз за разом будучи отброшенными тяжелыми дубинками охраны, третьи и вовсе, безучастно стояли поодаль, грустным взглядом впившись в раздавленные ягоды, фрукты и злаки. В воздухе помимо явственной вони горючего витало и еще кое-что менее уловимое – обида и... отчаяние?

Взобравшийся на самую вершину кучи одинокий охранник тащил у себя за спиной парочку тяжелых канистр. Смахнув пот со лба, работяга неспешно снял ношу с устав-

ших плечей, отвинчивая металлическую крышку. Маслянистая пахучая жидкость ринулась вниз, стекая по мешкам и ящикам, пропитывая собой плоды и зерна. Вонь значительно усилилась.

В пол глаза оглянувшись, Верго заметил, что он единственный зажал руками нос. Кажется, на других этот запах так сильно не влиял. Почему-то при виде всей этой картины предсказателю сделалось не по себе. Противный холодок пробежал по его разгоряченной спине, колени едва заметно подкосились. Сам того не заметив, Вебер слегка попятился. Ему казалось, что в гадком, все проедающем запахе таится и нелюбимый завсегдатай его кошмаров – незабываемая вонь мертвечины. Конечно, никакой мертвечины в куче слегка подпортившихся продуктов быть не могло, да и керосин вонял не так уж и невыносимо.

Осознав, что разум сыграл с ним злую шутку, предсказатель поспешил взять себя в руки, придав себе как можно более безмятежный вид.

– К чему это все? Зачем все это сжигать? – нарочито беззаботным тоном поинтересовался предсказатель у приостановившегося Остина.

– А ты спроси у своего дружка. Голдберг тебе доступно все объяснит, а то у меня культурных слов тут не найдется...

– Неужели вы ранее такого не видели, Верго? Я то думал это общемировая практика, – встрял Барон, услышав свое имя.

Предсказатель лишь покачал головой, неотрывно наблюдая за все большим количеством горючего, что выплескивалось на горы съестного.

– Ну что тут сказать? У местных предпринимателей по всей видимости выступил некий переизбыток продукции. Делов-то!

– Предложение превысило спрос? – все никак не мог взять в толк происходящее Верго.

– Ну, не то что бы... Скорее, предложение товаров на рынке превысило платежеспособный спрос, – отчеканил Голдберг, сделав особый акцент на предпоследнем слове.

– Но если всякий кто хотел и мог купить пищу, приобрел ее, зачем уничтожать остаток? Можно же раздать его нуждающимся, пока он не испортился? Ну или продать по более дешевым ценам, на худой конец...

– Ха, скажете тоже! – прыснул со смеху усач. – Если компании будут раздавать свой товар за бесценок, то их клиентам вообще не будет смысла что-либо покупать по нормальным ценам! Зачем тратить деньги на фрукты, если их где-то задаром раздают? Это совершенно невыгодно, подумайте сами! Чистый убыток для любого предприятия.

– То есть затраты на доставку этих товаров сюда, на их охрану от голодных бедолаг и на весь этот керосин, меньше чем убытки что понесут торговцы раздав все это добро? – в недоумении застыл предсказатель, широко раскрытыми от удивления глазами уставившись на Голдберга.

– Совершенно верно, – сухо бросил Барон, безо всякого интереса наблюдая за суетящейся у куч толпой. – Почему это предприниматель что кровью и потом производил свои товары, должен нести убытки из-за кучки голодных лодырей? Пусть лучше уж этот полусгнивший продукт закончит свое существование в пламени, чем достанется этому сброду за так.

Тем временем, закончившая свое непыльное дело охрана вальяжно подошла провиант, отступая от всепоглощающих языков пламени и жара. Голодные соглядатаи испустили звук подобный вою, с горечью осознавая, что всю эту снедь уже не спасти. Пламя поглощало продукты с чудовищной скоростью, даже быстрее чем оборванцы успевали их поедать полными отчаянья и злобы глазами.

– Все мое детство я жрал один только подножный корм, – прорычал Остин сквозь зубы. – Каждый раз, когда у отца так появлялись деньги что он умудрялся не пропить и не проиграть, я шел на продуктовый рынок и покупал не то что хотел, не то что было вкусно или же полезно, а то, на что хватало этих копеек. Самое дешевое, самое дерьмовое. Заплесневелые зерна, черствый хлеб, гнилой картофель. Каждый раз я смотрел на наливные яблоки, на румяную выпечку, на сочные сливы, и давился слюной. Я сжимал зубы до скрежета, лишь бы найти в себе силы прожить еще один день, зная, что буду жрать лишь пустую похлебку. И каждые пару месяцев я видел это – как кучка ублодков притаскивает целую гору

слегка утратившей товарный вид жратвы, и сжигает ее. Они ржали, пили свое дешевое пойло из фляг, но никогда и ни за что не подпускали нас к этим обреченным продуктам. Мы были вынуждены смотреть как сгорает наша надежда набить брюхо, и наконец-таки, хотя бы раз за весь год заснуть сытыми. Мои сестры довольствовались вареной крапивой, зная, что на том конце поселка жгут то, о чем они могли только мечтать. Подонкам, видите ли, было жалко возможных убытков. Сильно бы опустели их кошельки от того что мы разок бы досыта поели?

– Поели бы досыта вы, пришлось бы кормить и остальных. О каких прибылях тогда можно говорить? А я вам напомню, сама суть любого предприятия в получении прибыли. Это же основы основ! – закатив глаза парировал Голдберг.

– Да, я почти забыл, чем вы торгуете. Мы же для вас лишь мишени на которых ваши клиенты смогут использовать приобретенный товар? Я что-то не припомню, почему нынче жизнь обычного рабочего скота? Хоть пару крат за одного дадут? – огрызнулся нахмурившийся Остин. Его брови сползли на глаза, а лицо налилось кровью. Было видно, что он из последних сил сдерживает закипающий в нем гнев.

Барон в свою очередь ответил что-то не менее едкое, но Веберу не было дела до их ругани. Он неспешно брел, задумчиво наблюдая за чернеющей и оседающей горой съестного. Он смотрел как скукоживаются фрукты, как сухие зерна на глазах обращаются в пепел, как закипающий сок груш брыз-

гает во все стороны, моментально обращаясь в струйки пара. Вместе с тлеющим провиантом мрачнели бедняки, пришедшие следуя зову пустого желудка. Мрачнели их лица и тускнели глаза, пальцы в безвольном отчаянии сами собой сжимались в кулаки. Смерд горящего керосина постепенно полностью вытеснил все другие запахи.

Интересно, если бы чувства можно было выразить подобно весу, что было бы тяжелее: обида обделенных предпринимателей, или тяжесть в пустующих желудках крестьян? И что узнать было бы более интересно – задавался ли Голдберг хоть раз в жизни подобными вопросами?

– Может это не меня окружают сумасшедшие, может просто это я не заметил, как сошел с ума? – неслышно для всех проямлив предсказатель, найдя наконец в себе силы чтобы отвернуться от громадного пепелища.

Приятный теплый ветер одним могучим порывом снес с пути наемников запах гари вместе с немногочисленными фрагментами пепла, долетавшими аж до предсказателя. Сотни маленьких, переливающихся на солнечном свете серебристых точек завертелись в безумном круговороте, разлетаясь по невидимым глазу воздушным завихрениям. Поднявшись высоко в воздух, подобно снегу они начали плавно оседать, покрывая собой волнующиеся на ветру океаны зелени.

– Какой кретин решил, что жечь этот мусор вблизи выращиваемой продукции, это хорошая идея? – донесся до Верго негромкий голос наследника, как напоминание, что робкий

юнец все еще идет с ними.

«Яблоко от яблони недалеко падает», – не то усмехнулся, не то ужаснулся про себя Вебер. Естественно, глупо было ожидать что ребенок выросший в роскоши и достатке поймет возмущение Остина. Занятым здесь было то, что это, пожалуй, первый раз, когда предсказатель застал Марка говорящим вне кареты. Обычно молчаливый парнишка просто шел за Голдбергом следом, не отрывая глаз от земли под ногами. Должно быть наследник подсознательно чувствовал эпоху своего приближающегося правления по мере сближения с Ганоей. Центр княжества был настоящим средоточием злостных интриг и политических игр, и нет ничего удивительного в том, какое влияние он оказывал на людей.

Говорят – власть меняет людей в худшую сторону. Предсказатель был в корне не согласен с этим утверждением. Согласно его опыту, власть лишь раскрывала истинное лицо человека. Получив в свои руки бесценную возможность не считаться с чужим мнением, людям более нет нужды лицемерно улыбаться своему бывшему начальству и лебезить перед коллегами по работе. Человек наконец скидывает свою наигранную маску, в кои-то веки становясь самим собой. Неудивительно что это непопулярное мнение, ведь мало кто захочет признать, что абсолютное большинство людей ужасно само по себе, и никакая власть их и не портила. К такому выводу Вебер пришел примерно на тридцатом году жизни. Нет, в тот самый роковой тридцатый год не случилось ничего экс-

траординарного, не было ни потрясения, ни злостного предательства со стороны. За три десятка лет Верго насмотрелся и на яркие взлеты, и на позорные падения. Миловидные, еще вчера добродушно улыбавшиеся товарищи, ныне же лишь презрительно кривились, когда им на глаза попадался кто-то ниже социальным рангом. Но правда была в том, что семена этой гордыни были в их душе всегда: подозрительно мягкие рукопожатия, вечные отговорки и оправдания, наигранное подобострастие и маниакальная одержимость мнением окружающих – ничто иное как попытка угодить всем и сразу. Осознание пришло мягко, надежно укрепившись корнями в глубинах разума предсказателя. Теперь ему кажется странным что никто другой не замечает всех этих мелочей, величая очередного участника попойки «братом», лживо клянясь ему в вечной верности и надежной дружбе до гроба. Все эти клятвы и обещания лишь забавляли предсказателя. Он хорошо знал, что людским словам нет веры, и куда надежней формальный договор. Иногда ему казалось, что если бы все человеческие отношения в мире регулировались бы строго выверенными и недвусмысленными контрактами и формальными документами, то мир был бы действительно отличным местом. Отличным, и до неприличия скучным.

Философские мысли терзали Вебера недолго. Не прошло и получаса, как вопрос поисков места для привала был решен. Гвардейцы остановились в старой заброшенной обсерватории, надежно скрытой от чужих глаз густыми заросля-

ми дикого хмеля и пластами бледного мха, укрывавшего стены снаружи. Здание располагалось в километре от идущей сквозь поля тропинки. Небольшая хвойная роща обступала обсерваторию со всех сторон. Даже удивительно что утомленный не меньше других Остин умудрился заметить покинутую постройку что была так хорошо сокрыта.

К тому моменту как группа приблизилась к каменному чуду, пустующий желудок предсказателя уже мог бы участвовать в музыкальном ассамблее на правах трубадура. Никогда еще Верго не был так рад безвкусной каше, аппетитно побулькивающей в закопченном котелке, на втором этаже здания. Один только запах варева вызывал у него легкое головокружение, заставляя нетерпеливо сглатывать слюну.

Наемники расположились на втором этаже неспроста. В порядке мер предосторожности весь первый этаж был отведен под несколько топорных, но вполне себе эффективных ловушек, что должны были оповестить гвардейцев о неожиданных гостях. Лестничные пролеты были тщательно забаррикадированы найденными в отсыревших помещениях обломками мебели. Согласно указаниям главаря наемников у пустующих оконных рам каждой из сторон здания был выставлен дозор, экипированный заряженными и готовыми к применению самострелами. Беря во внимание последние происшествия, Остин решил перестраховаться, сразу подготовившись к худшему.

Было принято решение развести костер прямо внутри по-

мещения, благо выбитые окна способствовали необходимой вентиляции. Лакированные остатки мебели не подходили для желаемого костра, здесь была нужна чистая древесина, никто ведь не хочет задыхаться от невыносимого запаха гари. Прочесывание округи не принесло обнадеживающих результатов – никакой древесины кроме хвойной, наемники найти так и не смогли. Из-за большого содержания смол, как известно, дрова из хвойных деревьев сгорают быстро, порождая темный дым, хорошо заметный издалека. И дураку понятно, что это может легко выдать расположение путников. Смерив еловый валежник взглядом, Остин махнул рукой – другого варианта все равно не было, ведь большая часть припасов была утеряна еще в Поркени.

Итак, костер был разожжен, и в единственный уцелевший котелок отправились все ингредиенты хоть как-то подходящие для каши. Исключение составила только земляника, ее, как водится, добавляют в самом конце, чтобы не разварить ароматную ягоду до состояния безвкусной кашицы. Десятки грязных вспотевших лбов нависли над одиноким котелком, считая каждую прошедшую секунду и внимательно наблюдая за тем, как Голдберг помешивает душистую булькающую субстанцию.

Решив прекратить эту пытку, Вебер неспешно удалился от источника запаха в надежде занять оставшееся время просмотром диковинок в обсерватории. К его глубочайшему разочарованию все ценное барахло давно уже поки-

нуло стены здания. Судя по следам, оставшимся на дощатом полу, оборудование было вывезено в спешке. Сейчас вся обсерватория представляла из себя череду пустых, сильно обветшалых помещений с загаженным полом и россыпью древесных обломков, в малой части которых еще угадывались очертания некогда дорогой мебели. Время от времени под половицами раздавался протяжный скрип, а в области изобилующей отверстиями под громоздкое астрономическое оборудование крыши, раздавался завывающий свист. Вся обсерватория ощущалась достаточно неприятным местом. Сквозняк гулявший в пустующих дверных проемах был единственным обитателем всеми покинутой постройки. В его компании предсказатель изучил остатки полуразрушенных помещений, уделяя особое внимание каменным стенам с едва заметными остатками былых пестрых узоров. Время не пощадило это место. Лишь конусовидная форма здания да необычная крыша еще напоминали о его первоначальном предназначении.

Закончив свою инспекцию, Верго вернулся к месту готовки, с радостью приняв из рук Барона горячее варево. Несмотря на свою температуру, содержимое миски исчезло в глотке предсказателя за считанные минуты. Слегка обожженный язык немного пощипывал, но это не помещало Веберу насладиться приятным чувством насыщения, в то время как он поудобнее располагался в углу комнаты. Найдя место, покрытое относительно сухим мхом и расположив свою сум-

ку там, где должна была бы быть подушка, предсказатель без промедлений улегся, натянув воротник кафтана себе на нос, для сохранения тепла. Верго показалось, что он заснул еще до того, как его голова коснулась мягкой сумки.

Отягощающая усталость, боль от многочисленных ссадин, царапин и укусов – все это отошло на второй план. Приятное тепло, распространяющееся от наполненного желудка охватывало предсказателя. Последний и не был против, расслабившись, Верго позволил сну поглотить себя.

Какое же это все-таки облегчение: отстранившись от тягот переживаний, позволить себе наконец просто отдохнуть. Настоящее наслаждение для тех, чья сознательная часть жизни обременена постоянными заботами.

Из расплывчатых тепло-желтых ореолов неспешно выплыли размытые очертания старой деревянной парты, голубая краска которой давно уже отстала, оставляя за собой лишь едва заметный голубоватый налет на грубо отесанной древесине. Вслед появились и другие предметы интерьера, дополняя собой смутную картину.

Ощущение чего-то знакомого. Мимолетная ностальгия и всеохватывающая безмятежность. Как же это все непривычно для юного Верго. Юного. Юного? Вебер с легкой долей любопытства оглядел свои молодые руки. Пальцы расплывались и едва заметно меняли свою длину, то укорачиваясь, то снова удлиняясь. Все это почему-то совершенно не вол-

новало облаченного в старый изорванный китель парнишку. Все вокруг воспринималось само собой разумеющимся, будто возникающие из ниоткуда сопящие студенты и вырывающиеся из желтой дымки увешенные плакатами стены всегда были чем-то естественным.

«Где я? Как я сюда попал?», – не то подумал, не то сказал вслух Верго, дивясь чудному наваждению.

Попытка вспомнить дорогу в это подозрительно знакомое место не увенчалась успехом, хотя юноша и был уверен, что его появлению здесь явно что-то предшествовало. Чем бы ни были эти события «до», их эфемерность сейчас могла конкурировать только с заинтересованностью сидящей вокруг аудитории в скучных и бесчувственных речах лектора.

Почтенный старец в непомерно широких очках восседал за установленной у самой доски кафедрой. Лишь латунная оправа очков да сверкающая лысина выглядывали из-за древнего деревянного постамента. Кафедра, должно быть, застала еще прапрадедов этого учителя, а может быть и их предков. Впрочем, сиплый голос дедули вполне соответствовал антуражу заведения.

Все-таки это до боли знакомое место для Вебера, можно сказать памятное. И как только он не узнал его с первого взгляда? Не одну сотню часов он провел за этой самой партой, просиживая штаны в седьмом лекционном зале позабытой военной академии. Был на месте и тот самый призануднейший старческий голос, от первых же ноток которого хоте-

лось заснуть прямо на парте, подложив под голову несколько учебников поувесистей. Конечно же, такое не забывается.

– ...полагать в основе ее структуры. Как ныне известно, другие миры, существующие в пространстве, так же имеют шарообразную форму, наряду с нашим. Но говоря о мирах обитаемых, имеется и фундаментальное отличие, выводящее наш мир в особую группу беспрецедентных аномалий, – монотонно вещал старик, едва не засыпая на каждом втором слове. – Большинство пригодных для обитания миров вращаются вокруг природных светил, известных вам как звезды. Вы уже проходили классификацию солнц по краткому курсу астрономии? – лектор сделал вид что осматривает свою аудиторию, даже не удосужившись выглянуть из-за кафедры. – Нет? Ну тогда не будем заострять на этом внимание. Наше же обиталище, как вы прекрасно знаете, не лишено природных спутников в лице трех относительно массивных объектов, среди которых лишь двое подходят под категорию лун, но при этом оно не имеет собственной звезды, дрейфуя по предположительно пустому пространству, меж так называемых солнечных систем. Согласно информации из актуальнейших научных источников, жизнь на нашем мире поддерживается теплом, порождаемым интенсивной геотермальной активностью и разными видами излучений, исходящими из семнадцати искусственных светил, находящихся на расстоянии более километра над землей каждое. На данный момент освещение искусственных солнц покрывает пример-

но шестьдесят процентов поверхности разведанной человечеством территории. Пригодные же для жизни условия за пределами освещенных территорий поддерживаются за счет постоянной конвекции воздушных масс и...

– А с чего он взял что другие миры являются спутниками звезд? Я читал что температура настоящего солнца без труда испепелит что угодно, – донеслось негромкое ворчание с задних рядов.

– Нил, опусти руку, не мучай деда. Он и какое сегодня число ответить не сможет, не лезь со своими расспросами! – не без удивления узнал Верго собственный, еще ломающийся юношеский голос.

Вебер обернулся чтобы разглядеть ворчливого однокурсника. В одной парте от него, прямо у полки с целой кучей потрепанных книг, сидел курносый белобрысый юнец, держа в руках открытый учебник по астрономии. Ничего и никого не замечая, глуховатый дедушка продолжал тем временем свою лекцию, рассказывая что-то о активности в ядре и сильном магнитном поле, защищающем их всех от вселенского вредоносного излучения. Старания старика были прямо пропорциональны вниманию к преподаваемому материалу – его совершенно никто не слушал.

Юный Верго неотрывно разглядывал книжного червя что привлек его внимание дерзким комментарием. Завеса скользящей мысли праздности наконец слегка отступила, и будущий предсказатель смог опознать парня к которому ми-

нута назад обратился:

– Нил! Нил де Голль! Это же ты! Другище, на кой черт тебе эта астрономия? Ты же будешь фермером, успешным грибным фермером! Хотя постой. – Вебер замер, обдумывая свои слова. – Будешь? Но почему ты такой молодой? Да тебе же уже за тридцать! Ха, если подумать, и я не молод... Я, что это получается, сплю?

Громогласное осознание встряхнуло юношу, заставив по-новому взглянуть на окружающую его действительность. И вот, все то неизмеримое множество мелочей что еще секунду назад были незаметны, бросились парню в глаза, приковывая к себе взгляд. Деревянные декорации парт и стульев теперь походили на жалкую бездушную подделку, на которую не купился бы и слепой. С тех мест где у студентов должны были быть лица, на Вебера смотрели лишь размытые овалы, на которых едва проглядывались очертания глаз и носа. Но удивительнее всего были скачущие буквы, что перетекая из одного слова в другое порождали несуразные глупости, красовавшиеся на обложках учебных книг. Весь этот мир был предательски фальшив.

– Я сплю... – вдумчиво проговорил Верго с интересом разглядывая размытую картинку, сконструированную его памятью и воображением. Предсказатель однажды читал в газете о так называемых, осознанных сновидениях. Тогда он посмеялся со складной байки, сославшись на разыгравшуюся фантазию автора статьи. И кто бы мог подумать – вот он

сам главный ведущий своего же сновидения.

В ожидании команды своего распорядителя декорации и безликие актеры замерли, беззвучно застыв на своих местах, как застывают шахматные фигуры в ожидании следующего хода.

– Ха, скажете тоже! – внезапно усмехнулся Нил голосом Барона. – Если компании будут раздавать свой товар за бесценок, то их потребителям вообще не будет смысла что-либо покупать по нормальным ценам!

Щеки напыщенного де Голля вдруг стали ощутимо набухать, в то время как под его носом за считанные мгновенья отросли пышные, закрывающие рот усы. Вот уже и толстые брови полностью закрывают глаза юноши, все больше уподобляя его звучащему Голдбергу.

В воздухе запахло чем-то жженым. Запах гари дополнял рвотный смрад керосина, заставляя глаза Вебера слезиться. Стены помещения посветлели, им на замену приходила синева ясного неба. Однокурсники пропадали один за другим, уступая места потрепанным гвардейцам. Сказочный мир растворялся без следа, в то время как слух предсказателя охватил столь неожиданный к этому моменту звон. Это был тот же звон, что сопровождал конец каждого его видения, но здесь и сейчас, во сне, как такое возможно?

– Зачем тратить деньги на фрукты, если их где-то за даром раздают? Это совершенно невыгодно, подумайте сами! Чистый убыток для любого предприятия, – закончил свою

мысль Барон, глядя на сжигаемую гору продуктов.

Верго стоял, боясь шелохнуться.

«Это тоже сон? Может мираж или видение?» – безвольно проносились его мысли. Шокированный, обескураженный, совершенно сбитый с толку, он медленно обернулся, оглядывая чернеющую гору фруктов и кучку голодных людей, беснующихся неподалеку. Он снова был здесь, на тропинке по которой вся их группа шла до нахождения заброшенной обсерватории. Он снова вдыхал отвратительный смрад горючего, наблюдая как совершается преступление против человечества и здравого смысла.

– То есть затраты на доставку этих товаров сюда, их охране от голодных бедолаг и на весь этот керосин меньше чем... чем убытки что понесут торговцы раздав все это добро? – машинально высказался Вебер, пуская события по ранее накатанным рельсам.

– Совершенно верно. Почему это предприниматель что кровью и потом производил свои товары, должен нести убытки из-за кучки голодных лодырей? – как по нотам ответил Голдберг не думая и секунды над сказанным.

Стоп. Весь мир для Верго замер. Это уже было не смешно.

«Что же, теперь никаких сомнений быть не может. Все произошедшее в последствии было видением. Но как такое может быть? Ничего же страшного не произошло, так к чему было это видение? Почему я его увидел?» – предсказатель оставил сцепившихся в словесной баталии Барона с Ости-

ном, пройдя в конец тянущейся вдоль дороги вереницы из наемников. Вопросы буквально разрывали его рассудок, мешая видеть и слышать происходящее вокруг. Да оно и без толку – все это он уже видел, слышал каждый аргумент, лицезрел каждое действие. Но вот чего у него еще никогда не было, так это подобных видений. На всякий случай мужчина ущипнул себя пару раз, чтобы убедиться, что он не спит.

– Сказать Остину? Да что толку? Что я ему скажу – что возможно произойдет что-то плохое, но может и не произойдет? Чушь, у меня нет никакой толковой информации, – раздраженно шептал себе под нос Вебер, будучи поглощенным собственными раздумьями. – Я заснул, и непосредственно перед моим сном все было спокойно. Так значит меня убили во сне? – В размышлениях предсказатель закусил собственный палец, совершенно не замечая того что с каждой секундой его зубы все сильнее впиваются в кожу. Боли от укуса он совсем не чувствовал. – Быть не может, хоть бы и на секунду, но я бы очнулся если бы меня пытались умертвить. Я бы почувствовал хоть что-нибудь, хоть малейший дискомфорт. Нет, я мог и вовсе ничего не почувствовать если меня отравили. Некоторые яды убивают безболезненно. Могла ли отравка быть в еде? Наверное, все же не стоило есть из общего котелка. – Обратив наконец внимание на закусенный палец, Верго разжал зубы, без интереса наблюдая за розоватыми следами от укуса. – Может со мной как раз-таки все было в порядке, а убили кого-то из моего окружения? Хм, таки-

ми необоснованными предположениями я ничегошеньки не выясню. Мне определенно нужно больше информации, куда как больше. Ну, по крайней мере на этот раз обошлось без демонических собак и орд мертвецов. Уже неплохо. Должно быть из всех моих видений, это было самым безболезненным, да и как бы не хотелось этого признавать – самым неинформативным. Надеюсь это я смогу исправить...

Не сказав спутникам ни слова, предсказатель продолжил свой путь, придав себе беззаботный вид. Согласно его плану, сейчас он должен был делать все в точности как в прошлый раз, за исключением парочки корректив что будут необходимы уже в обсерватории. Предсказатель собирался выяснить что именно должно произойти, и идея того как это можно проверить буквально плавала на поверхности. Все что ему нужно сделать, так это любой ценой не дать себе уснуть в древней развалине. Он должен своими глазами увидеть те таинственные события что были укрыты от его взора в видении.

Шагая по истоптанной тропе, Верго все время тайком пощипывал себя за руку, словно никак не желая верить своему восприятию реальности. Вебер не смог бы объяснить зачем он это делает даже себе, так что от посторонних взглядов он скрывал крошечный акт самоистязания с особой щепетильностью. Еще не один десяток шагов он третировал кожу запястья, пока окончательно не уверовал в реальность происходящего.

«Если я все делаю грамотно, то это – уже видение. Мне нечего бояться, ну, кроме как боли, страданий, и вызванных ними психических расстройств, конечно. Н-да, без настойки будет туговато, – неторопливо вел свой внутренний монолог предсказатель. – Черт, и все равно страшно. Хоть бы руки не начали трусится. Стыдоба какая...»

Находясь среди такого количества храбрых, уверенных в себе солдат, решительно отчеканивающих шаг даже перед лицом смертельной опасности, и самому хочется соответствовать их уровню. Нет, они не были бесстрашными: в критических ситуациях, в их глазах отчетливо читался испуг, а чело украшала вереница из соленых капелек концентрированного ужаса, но все это не мешало наемникам до последнего бороться за жизни свои, как и за жизни своих товарищей. Такая выдержка дорогого стоила. Забившаяся ранее в уголок сознания предсказателя мысль, все больше тревожила его в последнее время – как это им удастся? Ладно он, переживший уже не один десяток фантомных смертей. Каждую его гибель облегчало осознание того, что все самое страшное подойдет к своему концу даже скорее, чем кажется. Кошмар рассеется, оставив после себя лишь дурное предчувствие и охапку туманных воспоминаний. Легко рисковать имея подобную страховку, но как они, обычные смертные без возможности заглянуть за завесу времени, спасали себя от всепоглощающей паники? Как смогли они обуздать страх смерти, не имея ни божественной страховки, ни чудодейственно-

го наркотика? По какой-то причине такие мысли вызывали в Вебере неконтролируемое чувство стыда. Предсказатель неуютно ежился, пряча взгляд, словно чем-то провинившись перед своими спутниками.

Тем временем дорога ожидаемо вела наемников к обрешей мхом обсерватории. Верго расчетливо играл роль, исправно повторяя все свои действия из видения. Тяжелее всего было дотошно припомнить что и кому он говорил, точно подбирая слова. Как оказалось, люди уделяют на удивление мало внимания тому что доносится из их рта.

Реагируя на обнаружение обсерватории, отвечая на неуместные шутки Барона и даже комментируя процесс затянувшейся подготовки каши, Вебер все никак не мог отделаться от ощущения что что-то делает не так, что допускает незаметные, но потенциально значительные ошибки что могут повлиять на исход грядущих событий. К счастью, подавлять свои неудобные мысли и ощущения – вот уж в чем предсказатель был хорош.

Когда с необходимой последовательностью действий было покончено и Верго проглотил содержимое переданной ему миски с кашей, он демонстративно прилег в том же углу где в видении его застал самый крепкий сон в его жизни. Сон, который так и не состоялся в реальности. Сейчас, разлегшись на холодном полу, предсказатель усмехнулся тому как же это было странно, приятно отдохнуть в видении, после чего очнуться в своем уставшем и изнуренном теле уже в реальности.

Едва уложив голову на мягкую сумку, Верго столкнулся с ожидаемой проблемой. Его клонило в сон с непомерной силой. Тело, будто бы запомнив каково это – спать в этом самом углу комнаты, используя свою же одежду в качестве подстилки, совершенно не желало мириться с целями и планами Вебера. Никакая концентрация мыслей здесь не помогала, ведь стоило только предсказателю подумать хоть о чем-то, как мимолетная мысль, руководствуясь отнюдь не интересами своего хозяина, так и норовила перетечь в манящий сон. Несколько раз встрепенувшись и едва не заснув два раза, Верго досадливо перевернулся на другой бок, лицом к стене. Плавными, незаметными движениями он принялся ощупывать поверхность пола, пока его обветренные пальцы не сомкнулись на небольшой острой щепке. Долгожданная находка приободрила Вебера. С нетерпением он сжал ее в ладони правой руки таким образом, чтобы острое деревяшки было направлено в уязвимую мякоть запястья.

«Что-то это мне напоминает, – сонно подумал предсказатель, раздраженно стиснув зубы. – Вот уж не думал, что мне когда-то придется проворачивать этот фокус еще раз».

С того момента как он подобрал свою находку, с периодичностью примерно раз в четыре минуты, Верго болезненно вгонял острую щепку в неприкрытую плоть руки, умело вырывая себя из зыбких объятий сна. Вебер прекрасно понимал, что если сейчас заснет, то напрасно потратит дарованную ему возможность разобраться в происходящем, а ес-

ли начнет бродить и всячески отклонятся от событий своего видения, то гарантированно повлияет на его исход, и еще не факт, что в лучшую сторону. Пока еще, не смотря на всю свою усталость он ставил свое желание докопаться до истины превыше мирских потребностей, не говоря уже о том, что от этого вероятнее всего зависела его собственная жизнь и жизни его компаньонов. Предсказателю оставалось только терпеливо терзать себя, проклиная каждую минуту за которую не произошло ничего нового. Чем дольше он этим занимался, тем более невыносимой становилась эта изобретательная попытка, но издевательски долго тянущееся время было как всегда безразлично к чужим страданиям. Сражение со сном продолжалось.

В какой-то момент тело адаптировалось к систематическому самоистязанию, и впивающаяся в руку щепка не стала приносить больше ничего кроме едва заметного чувства отягощения с легким сопутствующим онемением. Дабы не усиливать давление на исцарапанную кожу запястья еще сильнее, предсказатель попробовал незаметно переложить свое оружие в другую руку, собираясь продолжить свое неприятное дело. Вот только трюк не остался незамеченным.

– Тоже не спится? – донесся до его ушей негромкий шепот находящегося рядом с ним человека.

Поняв, что его раскрыли, Верго аккуратно уселся, облокотившись о сколькую от влаги стену. Буквально в шаге от него сидел уставшего вида гвардеец, безразличным взглядом

бороздивший комнату. Помимо их двоих бодрствовал только одинокий часовой у окна, да и то, последний скорее спал с открытыми глазами, опираясь о остатки подоконника.

– Холера, устал что ногами едва-едва могу двигать, а вот заснуть никак не получается, – начал негромко причитать знакомый предсказателю голос. Несколько секунд подумав, Вебер пришел к выводу что он знал имя этого наемника. Это был Борис, тот самый громила что помог Остину вытащить двух гвардейцев из запертого погреба.

– Думаю, пару глотков бормотухи помогли бы решить эту проблему. Вряд ли ваш командир будет против нескольких безобидных глоточков, – промямлил предсказатель устраиваясь на полу поудобнее.

Борис демонстративно снял с пояса бурдюк, отвинтил крышку и потряс пустым сосудом горлышком вниз. Ни капли не упало на покрытый древесной трухой пол.

– Сегодня закончилась последняя заправка. Теперь пьем только воду.

– Какая жалость, – натянуто проговорил предсказатель, подкидывая в руке острую щепку. – Видимо быть нам трезвыми до конца похода.

На несколько минут воцарилась тишина. Не зная, что сказать, уставшие мужчины с безразличным видом упивались негромкими завываниями ветра за окном. Когда неловкое молчание перешло уже все границы приличия, Борис решил первым взять на себя инициативу разговора:

– Скажи, ясновидец, а ты когда-нибудь использовал свой дар, чтобы убить... человека? – Видя легкое замешательство спутника, гвардеец решил кое-что добавить в свое оправдание: – Мы с парнями уже не раз об этом говорили... Ну интересно нам, вот только до того чтобы тебя спросить все никак дело не доходило. Вот я и...

– Нет, не убивал, – как ни в чем не бывало ответил Верго скучающим тоном. – По крайней мере напрямую. Своими руками я еще никого не отправил на тот свет. Но...

– Но?

– Полагаю, последствия моих действий погубили уже столько, что меня заслуженно можно назвать настоящим бедствием. Наверное, из всей нашей команды больше народу погубил разве что Голдберг, – Вебер сам удивился тому насколько спокойно и умиротворенно он все это проговорил. Тихие беспристрастные слова сами лились из него рекою. Быть может именно осознание того что все происходящее было не более чем видением, развязало ему язык, а может причина была в отягощающей усталости, не той что острыми спицами впивалась ему в мышцы, сковывая движения, но той, с которой он раз за разом повторял свою заученную мантру о причине и мотивах своей отвратительной работы. – Борис, верно? Раз уж мы тут откровенничаем, проясни и мне кое-что. Как после всего увиденного ты и твои товарищи еще можете все это продолжать? Неужели те деньги что вам платят окупают эти... риски? Неужто оно того стоит? Какого

черта вы еще не развернулись, пустившись во весь ход к своим семьям?

– К семьям, да? – прохрипел Борис, когда его уста тронула едва заметная улыбка. – А что будет есть моя семья если я приду с пустыми руками? Кто накормит моего сына? Кто даст деньги на его образование, чтобы малец мог выбиться в люди и избежать моей судьбы? Ты мне тогда заплатишь, ясновидец? Боюсь дорого выйдет, даже для тебя. Ведь тебе придется содержать меня и моих родных до самого последнего вздоха. Как ты думаешь, кому нужен наемник что бросил свое дело на полпути? Кто меня потом наймет? Репутация, она ведь такая сука, всю жизнь на нее горбатишься, а стоит хоть раз оступиться, так в мгновение ока развалится. А ведь помимо этого нехитрого дела я больше ничего толком и не умею. Не знаю, как ты, провидец, но там, где я родился не было школы. Письму и счету не обучен. И кому я такой буду к черту нужен, а?

– Так значит дело не в бесстрашии?

– Знаешь провидец, я от одной мысли о тех мертвых выродках содрогаюсь. Мне глаза закрыть страшно – я их морды перед собой вижу. Страшно мне. Я не буду этого скрывать. Но потерять мою семью, подвести их, это еще страшнее. Если я тут сдохну, этот сноб Риганец по крайней мере вышлет моим родным пару крат, хоть поживут как люди. А если сбегу, то не будет мне оправдания ни здесь, на земле, ни там, на небесах. Смекаешь?

– Храбр не тот, кто не боится, но тот, кто преодолевает страх, – припомнил не пойми откуда взятую цитату Вебер. – Да, я тебя понял.

– У нас то выбора особого нет: смерть в нищете, или любая опасная работа что подвернется Остину. Хотя, я вообще-то думаю, что итог всяко будет один. Но ты то здесь что делаешь? На голодающего ты не похож. Ты недешево одет, еще недавно был гладко выбрит и ухожен. И все эти твои «благодарю», «пожалуй», да «извольте», – люди нашего по-мола так не говорят. Ты здесь явно не в своей тарелке, и острой необходимости рисковать своей жизнью у тебя тут нет. Почему тогда еще плетешься с нами? Только не говори, что тебе нас жалко, а то я смехом могу и пол лагеря разбудить...

– Я больше, – нахмурился Вебер, глядя на собеседника пустыми глазами, – больше не вынесу эту работу. Ты вот подумай, а что если бы канцелярия Риганца не была бы столь проворной, что если бы меня наняли те, кто натравливает на нас этих чудовищ? Все просто – вы были бы уже все мертвы. Тут нечего и думать, – Верго отвернулся от Бориса, выхватывая взглядом узкую полоску неба, видневшуюся через проем окна. – Иногда я задумываюсь над тем сколько человек умерло из-за моих действий. Скольким еще придется умереть? Каждый раз, когда я помогаю сынку какого-нибудь богатенького ростовщика уйти от руки правосудия, или же спасаю перевозимый товар торговцев дурью от облавы, я при-

творяюсь что все это меня не касается, делаю вид что просто исполняю то, за что мне заплатили. Когда я наконец умру и предстану перед всеми этими жертвами озверевшего богатого отребья, что я помог спасти, когда встречу лицом к лицу с погибшими от передозировки детьми, что я им скажу? Что это просто была моя работа? А ведь я когда-то хотел стать доктором. Хотел спасать и лечить людей, а не отсылать их на тот свет. – Предсказатель сделал паузу, переведя дыхание. Прохладный воздух обжигал его горло при монологе, вынуждая приостановиться. – Даже смешно что первая моя работа, результат которой хотя бы на первый взгляд не сулит людям бед, обернулась кошмаром. Я знаю, это моя расплата. Расплата за все что я уже сделал.

– Веришь в богов?

– Верю в то, что рано или поздно все мы встретимся с последствиями своих действий. Так или иначе. Можешь называть это судьбой, кармой, или еще чем. Сути это не меняет. Я должен отработать все те кровавые деньги что получил. А после, навсегда покончить со своей ужасной работой. Лучше уж я буду жить размеренной и спокойной жизнью без излишеств, но моя совесть будет чиста.

– Знаешь, что я думаю? Чушь все это! Меч в руке воина не виноват в пролитой крови. Он просто инструмент. Как и все мы тут, инструменты. Никто тут тебя, умник, намеренно не мучает. Просто тебе не повезло. Если хочешь сделать доброе дело, то возьми эти, как ты их назвал, «кровавые» деньги, и

отдай их кому-то на кого тебе в этом мире не наплевать. Матери там, сыну может, ну или кто там у тебя есть? Сделанного не воротишь, но по крайней мере ты можешь сделать этот мир хоть чуточку лучше, хотя бы для тех, кого любишь...

– Да заткнитесь вы наконец! Черт, под ваше нытье спать невозможно! – негромко прошипел лежащий неподалеку гвардеец, решив не дожидаться конца их дискуссии.

Прислушавшись к жалобе спутника, мужчины притихли, демонстративно отвернувшись в разные стороны. Борис прилег на землю, положив лохматую голову на согнутую в локте руку. Верго же, смирившись с тем что его прежний план был сорван, привстал, неспешно подойдя к кивающему носом часовому.

– Иди спать, я постою. Мне что-то не спится, – прошептал предсказатель пошатывающемуся мужчине.

Бросив на Верго полный презрения взгляд, костолом продолжил нести свою вахту, демонстративно выпрямившись и задрав голову повыше, словно пытаясь что-то разглядеть вдалеке. Наемник определенно не доверял предсказателю, либо же, что было куда как более вероятно, боялся послушаться приказа Остина.

Вебер пожал плечами, опершись руками о остатки деревянной рамы окна. Он тоже не планировал покидать облюбованное им место. Из окна открывался по-настоящему красивый вид, что даже через призму усталости умудрялся вызывать в предсказателе нотки захватывающего дыхания востор-

га. Верго всегда считал, что именно такие виды должны были вдохновлять художников на написание своих шедевров: ковровая дорожка из невысокой бледно-зеленой травы плотным слоем опоясывала каменистую землю; череда могучих хвойных гигантов, надежно укрывающая вьющуюся вдали тропу от старой обсерватории; пологие, но оттого не менее величественные горы своими заснеженными вершинами плавно перетекали в белесые, безоблачные небеса. Пелена блеклой дымки, приспускаясь с небес тонким одеялом укрывала спящих скалистых гигантов. Отдельно взятые, особенно высокие вершины что были покрыты вековыми снежными шапками, благодаря своей белизне и легкому туману практически сливались с небесной гладью, становясь с ней единым целым. Каждый порыв ветра оживлял величественную картину, заставляя зелень нетерпеливо покачиваться в такт неуловимому звучанию мелодии предгорий, в то время как холодные горные ветра протяжно подпевали ей в такт. Порождаемая этим местом симфония была жестока и беспощадна к невнимательным путникам, но завораживающе сладка.

Где-то там, за ближайшим хребтом уже ждет своего будущего князя вечно голодная до власти Ганоя. Дыхание города ощущалось даже здесь, преимущественно в едва уловимых отзвуках колоколов, что изредка доносились до чутких ушей предсказателя.

Веберу еще не доводилось бывать в Ганое. Пускай и так, Верго уже презирал этот город. Все хоть раз побывавшие в

Ганое люди соглашались в одном – этот город является сердцем Помонта, своеобразным воплощением духа княжества. Если это и правда так, если административный центр на самом деле собрал в себя всю жадность, безжалостность, алчность и невежество княжества, то это и правда ад на земле, – думал про себя Вебер, не в силах оторвать взгляд от убийственной красоты расстилающейся прямо за окном. Это ад, и ему предстоит спуститься в самое его сердце.

Сияясь ухватится за образ берущих за живое горных пик еще раз, Верго вдохнул полной грудью, с удивлением обнаружив неожиданное препятствие: от ожидаемого объема воздуха он получил в лучшем случае две трети. Повторив свою попытку он с долей нарастающей паники уткнулся в еще более близкий барьер – на этот раз он сумел заполнить свои легкие не более чем на половину. Нечто незримое стягивало грудную клетку предсказателя подобно удаву. Каждый последующий вдох было делать все труднее и труднее.

На мгновенье перед глазами предсказателя отчетливо возник громадный хищный змей. В голове тотчас всплыли пыльные байки о длинных и могучих созданиях напрямиком из джунглей Као: хладнокровные чудовища монотонно оплетали свою жертву витками собственного тела, сжимали смертоносные кольца стальных мышц с каждым выдохом уже обреченного бедолаги, не давая ему сделать и единого глотка воздуха. Подобные истории всегда заканчивались жутким комментарием о предсмертном треске ребер жертвы, наго-

няя страха на желторотых новичков в военном лагере.

В панике, Верго принялся ощупывать собственные ребра, после чего пустил свои судорожно сжимающиеся пальцы по кожному покрову шеи, липкой от выступившего пота. Когда предсказатель не обнаружил никаких следов эфемерного удава, он беспомощно уставился выпученными глазами на стоявшего рядом часового, попробовав позвать на помощь. Из рта Вебера донеслись лишь едва слышные хрипы, но даже если бы гвардеец и сумел разобрать наспех брошенное «помоги», тот едва ли бы смог что-то сделать.

Посиневший наемник держался дрожащими руками за свое горло. В его широко раскрытых глазах с десятками красных полопавшихся капилляров, предсказатель увидел отражение агонизирующего, посиневшего ничуть не меньше бедолаги. Это было его отражение.

Сползая на пол, Вебер попробовал удержаться руками за остатки подоконника, вцепившись пальцами в рыхлую древесину, но с удивлением обнаружил свои окровавленные отростки, еще недавно бывшие пальцами, сползающими вниз по стене. Большая их часть уже была лишена ногтей, а на тех немногих где они еще были, подногтевое пространство было заполнено свежееобразованными гематомами. Вены на руках вздулись, отчетливо проглядываясь через стремительно бледнеющую кожу. Всего через десяток секунд ее остатки стали напоминать слегка запеченный плавленый сыр, весьма непривлекательно вида.

Не в силах больше удерживать стремительно набирающую вес голову, Верго уселся на пол, облокотив верхнюю часть тела о холодную поверхность стены. Его руки упали куда-то вниз, в то время как слипающиеся глаза впились в остатки того человека, что еще несколько минут назад, живым и здоровым стоял в паре шагов от предсказателя. Теперь гвардеец напоминал собой вяленную мумию, полоски кожи с которой свободно сползали на пол, укладываясь друг на друга и марающая все стремительно чернеющей кровью. Оголенная плоть наемника еще слабо подрагивала, пульсируя разветвленной сетью сосудов и артерий. К этому моменту Вебер понял, что он не может закрыть свои веки, даже более того, он не может пошевелить ни единой мышцей тела. Предсказатель беспомощно наблюдал за жуткими метаморфозами что претерпевало лежащее перед ним тело. Своим боковым зрением он видел, что нечто подобное происходит и с другими. Комнату заполнил невыносимо-тошнотворный сладковатый запах. Сзади что-то начало противно булькать.

Когда предсказатель уже смирился со своей участью и приготовился к грядущему звону в ушах, в его поле зрения возникла вальяжно вышагивающая среди трупов особа. Некто ростом выше среднего, одетый в черную ворсовую накидку и стеганные кожаные штаны, встал прямо перед теряющим сознание Верго. Как предсказатель ни старался рассмотреть лицо гостя, ему никак это не удавалось, ведь что-то черное и овальное закрывало собой большую часть го-

ловы незнакомца. Упавший на темную поверхность солнечный зайчик подтвердил догадки погибающего мужчины – на пришедшем была плотно облегающая маска, лишенная даже прорезей для глаз. Ее темная глянцевая поверхность напоминала собой отшлифованный обсидиан, отражая попавший на нее солнечный луч.

– Так ты и есть тот самый Верго Вебер? – донесся из-под маски приглушенный голос. – Что-то ты меня не впечатлил.

Картина мира погасла, в то время как последняя фраза незнакомца еще какое-то время отзывалась эхом в сознании предсказателя, пока ее не заглушил знакомый звон.

Глава 12. Ставки сделаны

Надежно укрытое среди валежника, неподвижное тело Вебера изнывало от длительного оцепенения, но разум его ликовал. В попытках отвлечься и унять свое жгучее нетерпение, предсказатель целеустремленно и методично разжевывал кусок найденной им, еще мне успевшей окаменеть древесной смолы, на манер жвачки.

Другие члены его команды тоже маскировались в том или ином виде. Одни укрывались в ворохе сухой травы, другие – прятались в наспех вырытых канавах, будучи присыпанными землей. Все они выжидали. Любой шорох заставлял натянутые до глухого звона нервы болезненно резонировать, так что наемники старались лишний раз не шевелиться. Верго напряженно посматривал в приоткрытые часы, находящиеся прямо перед ним. В рамках приготовлений даже их пришлось немного присыпать землей, дабы шальной отблеск не выдал местоположение предсказателя. Трижды проклятая стрелка бездушного механизма отказывалась следовать своему обычному распорядку, смещаясь куда как дольше обычного – так уж казалось тогда Веберу.

Ловчие не сводили немигающих взглядов с руин обсерватории, из окон которой тонкой струйкой поднимался ввысь черный дым. Здание выглядело незащищенным, практически гостеприимным, разве только легкий, едва-заметный за-

пах керосина мог намекнуть незваному гостю на поджидавшую его западню.

Хоть в руках предсказателя и не было оружия, он был полон решимости, без тени сомнений вытесняя ею подбирающиеся со всех сторон страхи. Выбор был сделан, все успешно подготовлено, и отступать уже было поздно. Почему-то именно абсолютная неизбежность грядущего внушала Верго наибольшее спокойствие. Тело Вебера ощущалось скованным. Эмоционально он был практически на пределе, но вот его настрой, вот уж где наблюдалось чудесное умиротворение. Верго был в какой-то степени рад тому что в кои-то веки засаду устраивают не на его группу. Нет, это они сами теперь выжидают в засаде. Такая перемена ролей была ему определенно по душе.

Порядка часа назад, когда он оклемался после красочного видения и вновь обрел дар речи, предсказатель решил рассказать о увиденном своим компаньонам. Разумеется, при всем при этом он не упустил возможности умолчать о своем предыдущем, более неудачном видении. Говоря слаженно и последовательно, с легким остервенением в голосе он поведал Голдбергу и Остину о том, что им уготовило хмурое будущее. В свете последних событий поданная информация была воспринята сдержанно. Перспектива скорой гибели более не удивляла наемников, как это было ранее.

Начальная реакция окружающих была вполне предсказуемой, но Вебер даже не догадывался во что она в последствии

перетечет.

«Ты уверен, что нападавший был один?» – спросил тогда задумчивый и порядком подуставший главварь гвардейцев у пошатывающегося предсказателя.

«Нет, не уверен. Но видел я точно всего одного», – не раздумывая выпалил Верго.

«Дадим ублюдкам бой», – после недолгих раздумий подвел черту Остин, позволив ненадолго хищному оскалу овладеть своим лицом. От сказанного у присутствующих отнялся дар речи, Барон даже решил переспросить, боясь что ему послышалось.

«Вы обезумели? – едва не вскричал тогда Голдберг, удостоверившись что все услышал верно. – Мы едва пережили несколько последних дней, чудом выбираясь из передраг, а вы теперь хотите, чтобы мы сами, добровольно засунули головы зверю в пасть?»

Остин пропустил все претензии мимо ушей. Уставший солдат всем своим видом выражал полное нежелание тратить даже лишнюю минуту на бессмысленные с его точки зрения рассуждения, но немногим позже все же решил снизить до разъяснений своему заказчику.

«Оглянись вокруг. Мои люди падают с ног от усталости и голода. Да, до Ганои осталось недалеко, но не настолько недалеко чтобы туда можно было добраться одним рывком, – главварь гвардейцев прошел мимо Барона, обводя рукой потрепанных жизнью собратьев. – Еще часов пять хода и с на-

ми справиться даже кучка облезлых псин. У нас уже не будет сил чтобы отбить еще одно нападение. Разве ты не видишь, куда бы мы ни пошли – эти сволочи найдут нас всюду! – Остин повернулся к Голдбергу лицом, перекошенным от помеси злобы и изнурения. – Но сейчас у нас появилась возможность застать их врасплох. Да будь на их стороне демоны из преисподней и все чертово колдовство ада, у нас есть преимущество внезапности! Мы знаем, когда и куда они явятся, и даже более того, – мы знаем, что они ни черта не ожидают такого поворота событий. Мы заманим ублюдков, перекроем им все возможные пути к отступлению, а затем прикончим», – последнюю фразу Остин проговорил почти что шепотом, да таким, что по спине его товарищей пополз неприятный холодок.

«Но если они могут без единого прикосновения убить человека своим колдовством, что же мы им сделаем?» – отчаянно пытался контраргументировать Голдберг, сотрясая воздух своими толстыми пальцами.

«Если бы они были такими уж могущественными, им бы не было нужды являться за нами лично. Человеческая природа всегда стремится исключить лишний риск. Но все же они придут, и что более важно – попробуют подобраться как можно ближе. Значит не так уж они и всеильны. Мы можем воспользоваться этой их необходимостью в сближении», – подключилась к разговору Арчи, всецело встав на сторону своего брата.

«Безумие! Да вы рассудка лишились! Верго, да скажите же им! Мы должны уносить ноги пока можем!» – обратился тогда к предсказателю Барон.

Наверное, тогда Веберу стоило сказать воодушевляющую речь, или же сухо подбить все озвученные аргументы, беспристрастно взвесив их у всех на виду. Можно было даже заострить внимание на откровенно маловероятном утверждении Остина о том, что убийцы якобы не могут ожидать такого подвоха, или же высказать предположение, что раз они выследили наемников в обсерватории, то выследят и за ее пределами, и ухищрения тут могут и не помочь. Вот только предсказатель в тот момент просто молча стоял, ничего не выражающим взглядом впившись в округлые глаза усача. Не издавая и единого звука, даже не шевелясь, он продолжал нерушимо изображать из себя безучастную статую, наблюдая за тем как багровеет лицо Барона.

А что до того что было после... Так и не смирившись с решением лидера группы, Голдберг позволил себе оспорить его авторитет, сославшись на старое доброе – «кто платит, тот и музыку заказывает», вот только на этот раз Остин был совершенно неуклонен. Недавние события несколько состарили его, добавив к изуродованному шрамами лицу пару неприглядных морщин. Имел ли главарь наемников на уме лишь хладнокровный расчет, или же руководствовался в том числе и желанием отмщения за все то что им довелось пережить, это та еще загадка.

В любом случае, план действий был определен, с каждой прошедшей секундой обрастая все большим числом деталей и сопутствующей им спешкой. Путникам нужно было успеть сделать целую кучу вещей за оставшийся им час. Лишь разделение их отряда на независимо действующие группы, разумно организованное командование со стороны Остина, и умело раздаваемые пинки от Арчи помогли им все успеть: маскировка, взведение самострелов, баррикады, несколько умелых ловушек и даже раздобытый у сжигателей провианта керосин – все было готово к назначенному времени. Все что им оставалось теперь, так это ждать, и надеется, что их расчеты были в достаточной степени верны.

Как обычно это и бывает, осознание каких-либо важных закономерностей всегда приходит спонтанно, таким образом оно явилось и к предсказателю. Прокрутив в голове образы из своей памяти он наткнулся на нечто определенно заслуживавшее его внимания.

Еще во время своего видения он заметил, нет, скорее почувствовал некое сходство в том, во что превращались у него перед глазами люди с чем-то из кошмаров уже им просмотренных. Тогда, находясь в крайне стрессовой ситуации, Вебер так и не сумел определить природу этого сходства, да и было ему не до этого. Но теперь, в издевательски длинный отрезок времени, отведенный под болезненное ожидание, у него была пара лишних минут на размышления.

Стоило предсказателю сконцентрироваться на противных

глазу образах как словно только и ждавшая этого момента память тут же отправила его в оставленную далеко позади Гларь. То, что ему довелось повидать в злополучной деревне имело подозрительно много общего с последними событиями. Освежая память, Верго невольно вздрагивал, подмечая все больше жутких сходств. Да, тогда ему так и не удалось докопаться до истины и выяснить что угрожало его товарищам, но вот сцена их кончины была практически идентична последнему видению: похожие на мумии тела, лоскуты кожи, свисающие до самого пола, и даже неестественно вздутые вены – все сходилось. Значило ли это что те агрессоры, и убийцы что придут вскоре, это одни и те же люди? Это оставалось неясным, но очень уж на то намекали обстоятельства.

Вебер обнаружил себя неистово закусывающим иссохшие на ветру губы. Тонкая струйка крови потекла по его подбородку, стекая аккурат к лежащим в нескольких сантиметрах от него часам. Предсказатель нетерпеливо слизал покидающую тело жидкость, накрыв верхними губами нижние в попытке остановить кровотечение. Рот наполнился неприятным металлическим вкусом, что лишь усилил уже как десять минут терзавшую Верго жажду. Мужчина не мог позволить себе потянуться за покоившейся на поясе флягой, слишком уж была велика вероятность того, что его маскировка будет испорчена. Предсказателю оставалось лишь утешать свой разум обещаниями своему же организму опорожнить в себя содержимое желанного сосуда, когда все закончится. Жаль, но

обещать подобное касательно пищи он не мог, так как перспектива утоления голода была туманной как никогда. Потерявшись в приготовлениях, поужинать наемники так и не успели.

Негромкий шелест опавших хвойных иголок оповестил ловчих о прибытии гостей, вынуждая их молиться чтобы внезапно возникший звук урчащего желудка не выдал подготовленную засаду.

К обсерватории приближалась группа из четырех человек. Идущий во главе обладатель скрывающей лицо маски осторожно оглядывался, предположительно выискивая оставленных на улице сторожевых. Бредущая за ним троица также имела свои маски, но прикрывали они только рот и нос. Укутанные в меха из-под которых проглядывал прочный хитиновый панцирь, головорезы ступали беспечно, слепо следуя за своим предводителем. Скорее из любопытства, чем из осторожности они вертели головами, разглядывая неприметные руины. У каждого громилы на поясе покоилось по клинку, который они даже не соизволили высвободить из плена импровизированных кожаных ножен. Не было похоже, чтобы убийцы кого-то здесь опасались.

Верго затаил дыхание, терпеливо наблюдая за беспечными гостями. Ему показалось что с их пришествием утих сам подлесок. Умолкли птицы, перестали потрескивать многолетние ели, и даже ветер прекратил трепать засохшие древесные ветви. Гибельная тишина сгустилась у старой, всеми

покинутой обсерватории.

Самонадеянно, совершенно беспечно ступили головорезы на порог обветшалого здания, безо всякого интереса пройдя сквозь настежь открытые ржавые двери. Стоило им укрыться в недрах зловещей постройки, как Вебер впился взглядом в медленно ползущую стрелку часов, отсчитывая ровно шестьдесят секунд. Двигаясь глазами вслед за ритмично смещающейся стрелкой он и думать забыл о происходящем вокруг, слившись со своими часами воедино. Когда отмеренное время прошло, предсказатель резко вздернул руку, тем самым подавая сигнал.

Быстро и умело была натянута укрытая дерном конопляная веревка, внезапным рывком закрывая металлическую дверь. От мощного хлопка с дверной рамы осыпались остатки штукатурки, а громкий звук оправился путешествовать по ближайшим склонам гор, отдаваясь многоступенчатым эхом. Привязанная к ручке двери веревка надежно выкручивала железную рукоять таким образом, что открыть дверь изнутри более не представлялось возможным.

Телохраниитель Голдберга не теряя времени намотал морской самозатягивающийся узел на ствол ближайшей ели, натягивая веревку до предела. Теперь покинуть обсерваторию через единственный ведущий на улицу проход, не перерезая веревки, уж точно никому не удалось бы.

Верго облегченно выдохнул – именно эта часть плана вызвала у него наибольшие опасения. Стоило убийцам пол-

ностью прикрыть дверь, или хотя бы на мгновение заглянуть за нее, как ловушка наемников была бы тотчас раскрыта.

Не став дожидаться ответной реакции со стороны укрытых зданием гостей, вставший в полный рост Остин размахисто махнул рукой, призывая арбалетчиков спустить курки. Несколько человек поодаль повторили его жест, тем самым подавая сигнал гвардейцам по другую сторону здания. Пять наспех подоженных кресалом болтов отправились прямо в основание крыши обсерватории, выцеливая прикрытые мхом бочонки. Три из пяти огненных снарядов попали в цель, поджигая хрупкие деревянные вместилища керосина. Через считанные секунды по крыше и стенам здания полились огненные струи, поджигая все чего касались.

После примерно минуты ожиданий, ручка железной двери беспомощно задергалась. Убедившись в невозможности ее провернуть, паникующие убийцы замолотили ногами в бездушную железяку. С каждым ударом многострадальная веревка слегка вздрагивала, но упрямо продолжала блокировать дверь.

Видимо осознав бесполезность своего занятия, попавшие в ловушку головорезы бросились к окнам, расположенным в обсерватории на верхнем этаже. Едва различимые в потоках дыма силуэты суетились у пустых оконных проемов, мельтеша из стороны в сторону и периодически выглядывая наружу в попытках оценить расстояние до земли.

Наконец, кто-то особо отчаянный, собравшись с духом

взобрался на обветшалые остатки подоконника, неподвижно застыв на мгновение. Укрытые в подлеске арбалетчики насторожились, напряженными взглядами сопровождая собиравшегося покинуть здание гостя, но стрелять не спешили. Солдатская выдержка, боевой опыт и инструкции Остина недвусмысленно говорили им повременить с действиями. Между окнами второго этажа и землей было не больше шести метров – небольшое расстояние, вот только вся прилежавшая к обсерватории земля была усыпана осколками кирпичей, потрескавшимися бетонными блоками и брошенными ржаветь остатками железного забора. Старыми, но от того не менее острыми.

Долго выбирать между перспективой напороться на что-нибудь внизу и щекочущими спину горячими языками пламени убийце не пришлось, он решительно сиганул вниз, прикрыв голову руками и прижав к груди ноги. Стремительное, но недолгое падение закончилось плачевно: упавший еще подавал признаки жизни, но явно был не в наилучшем состоянии. Головорез ворочался среди бетонных громадин, обеими руками впившись в неподвижную ногу. Среди звуков потрескивающего пламени явственно проступали болезненные стоны.

Теперь то и было самое время для стрельбы. Сразу несколько болтов вонзились в обездвиженного доходягу, пробив ему правую руку, горло и грудь. Убийца еще трепыхался какое-то время, но довольно быстро затих, окрашивая

давно растрескавшийся бетон содержимым своих артерий.

Едва ли его товарищи не заметили смерти побратима, уж услышать его непродолжительные вопли они должны были. Как бы там ни было, после нескольких быстро показавшихся и так же быстро исчезнувших в оконных проемах голов, ведущие в недра здания отверстия окончательно опустели.

Отказались ли головорезы от идеи выпрыгивать из окон, или просто решили попытать счастья с другой стороны здания – Верго не знал. Он был заморожен живописным пожарищем, поглощающим остатки строения. Оранжево-красные языки оплетали собой почти что все доступные глазу поверхности обсерватории, выглядывая из окон и танцуя на быстро чернеющих стенах. Дряхлая древесина, будучи изрядно отсыревшей, шипя раскаленными капельками влаги, горела, заволакивая здание плотными клубами дыма, словно закрывая непроницаемым занавесом сцену роскошного театра. Прогнившие балки трещали и осыпались, прекращая поддерживать стены, в то самое время как трескался изъеденный сыростью скрепляющий кирпичи раствор. Здание стонало, заглушая звуками пожара все и вся вокруг.

В конечном итоге, минут через десять вся пылающая конструкция превратилась в места просвечивающийся оранжевыми сполохами, столб плотного черного дыма. Поднимаясь все выше, понемногу светлевшие клубы были отчетливо видны издалека. Вероятно, что сама Ганоя могла лицезреть черную полосу неба.

Едва выдерживая все нарастающий жар и мешающий нормально дышать дым, Верго продолжал наблюдать за неистовством огня, попивая из своей фляги и смачивая водою лицо. Он терпел все это вовсе не из рациональных побуждений, ведь было очевидно, что из подобного ада человеку не выбраться, но предсказатель, как и все остальные члены его команды хотел убедиться, удостоверится в том, что это был конец злополучной истории. Нет, он не мог уйти сейчас, он бы этого себе не простил, не смог бы заснуть, зная, что есть хотя бы малейший шанс того, что преследовавшие их убийцы уцелели. Верго намеревался ждать столько, сколько потребуется, пока последняя несущая стена обсерватории не обвалится, навечно хороня под собой его мучителей. В каком-то смысле он даже наслаждался происходящим, словно это было отмщением за то, что ему довелось перенести.

Закусив нижнюю губу, силой удерживая слезящиеся глаза открытыми, предсказатель жадно поглощал постройку взглядом, наблюдая за обрушивающимися потолками и разваливающейся кирпичной кладкой. Верго чувствовал триумф, ликовал, смакуя долгожданную победу. Вот уже не он в отчаянии бросается из стороны в сторону, как загнанная в угол крыса, но его недоброжелатели.

«Надеюсь, ублюдки, перед смертью вы сполна прочувствовали, какого это – быть в моей шкуре», – злорадно подумал предсказатель в очередной раз отпивая из порядком опустевшей фляги.

Пол часа спустя ненасытный пожар окончательно покончил с остатками здания, едва не перебравшись на беспечно раскачивавшиеся на ветру сосны. Пепелище все еще отдавало более чем ощутимым жаром, неслабо дымя и покрывая округу неплотным слоем пепла.

Ветер игриво разносил белесую золу, так и норовя укрыть расплзшийся слой гари светлой пеленой. Кафтан предсказателя уже был насквозь пропитан потом и едким запахом дыма, а его плечи и голова устланы белыми хлопьями. Отстранившись от дерева на которое он все это время опирался, Верго стряхнул с себя часть бледного осадка, с тоской вслушиваясь в громкое урчание желудка, что умудрялось даже заглушать собой мерное потрескивание пламени. Верго явственно чувствовал удовлетворение. Удовлетворение и голлод.

Смутно оглядев свои исцарапанные и искусанные руки он безучастно отметил свое нынешнее безразличие – все эти мелкие ранения отнюдь не перестали болеть, но по какой-то таинственной причине мужчина почти не ощущал исходившего от них дискомфорта, словно свыкнувшись со своим новым спутником в виде постоянной ноющей боли. Что же, по крайней мере у него ничего более не чесалось. Кто бы мог подумать, что зуд является более существенным отвлекающим фактором в сравнении с болью.

Потирая раздраженную и иссушенную кожу рук, предсказатель неспешно подошел к рассевшемуся в кустах Голдбер-

гу, не с целью поговорить о чем-то конкретном, скорее с потребностью просто обменяться несколькими праздными фразочками, как бы в напоминание того, что они все еще одна команда.

– Кажется я уже готов убить за горячую ванную...

– Н-да, а вы только представьте, наши древние предки проживали весь свой век, так и не помывшись ни разу! – ободрительная реплика усача разбилась об унылую и недовольную мину Вебера.

– Неудивительно что они жили в лучшем случае до сорока лет, – колко прокомментировал Верго, неумелыми движениями разминая затекшие кисти. – Подумать только, и когда это я успел стать брызгой?

– Стало быть, после тридцати, – сказал Голдберг, выбираясь из укрытия и приводя в порядок растрепанные усы. – Да это еще что. Вот поживете с мое, вот тогда и посмотрим, как вы запоете. Готов биться об заклад, с потрясающим феноменом непрекращающихся болей в пояснице и периодически приступами невралгии вам еще не посчастливилось познакомиться?

– Ааа, Филипп. Скажете тоже...

Под звуки шутиливой беседы наемники стали неуверенно выползать из своих укрытий, с опаской поглядывая на покрытое оранжевыми сполохами пепелище. Смелея с каждой секундой, они начали складывать оставшееся снаряжение, разряжая по указу Остина взведенные самострелы. Негром-

кий, практически робкий гомон заполонил почерневшую поляну. Копившееся все это время напряжение понемногу спало, уступая место нетерпению и усталости истощенных солдат.

– Отойдем немного на запад и там разобьем лагерь. Тут нельзя больше оставаться, – сухо выдавил из себя главарь наемников, словесно отвечая на множественные вопрошающие взгляды.

Услышав команду, гвардейцы засуетились, наспех запихивая небогатые пожитки в свои изношенные сумки. Покончив со сбором своей клади, пошатывающийся от усталости Борис не спеша подобрался к тлеющим обломкам обсерватории, пытаясь спасти остатки обгоревшей конопляной веревки. Присев на корточки, он запустил руку за пазуху в поисках ножа, вероятно желая обрезать торчащий из-под лежавшей на земле железной двери конец веревки.

Наблюдая за вялыми потугами бойца, Вебер невольно поморщился, выдав:

– Я надеюсь нам хотя бы хватит сил дойти до места следующего лагеря?

Риторический вопрос предсказателя был оставлен без ответа. Большая часть наемников занималась тем, что пыталась набрать в свои фляги родниковую воду из ближайшего источника, старательно выбирая из крохотного водяного потока частички упавшего туда пепла, которые никто по всей видимости заглывать не желал. Барон, в свою очередь, от-

правился за укрытым среди крупных валунов наследником, о существовании коего в течении последнего часа, Верго и не вспоминал.

Оставшись наедине с собой, предсказатель достал свои драгоценные часы, принявшись изо всех сил оттирать налипшую на них грязь и сажу краями своей рубахи. Пять минут усердного труда и поверхность вещицы вновь красиво блестя, отражая в себе грязное лицо владельца. Всмотревшись в свое отражение, Вебер оценивающе оглядел свою жесткую, колкую щетину, отметив про себя необходимость в скором посещении городского брадоброя. Впрочем, прежде всего нужно было еще как-то добраться до города.

Закончив осматривать свою потрепанную шевелюру и обветренное лицо, предсказатель хорошо отработанным движением отправил маленький механизм в глубины кафтана. Помимо следов недавних происшествий он заметил на своем лбу кое-что более тревожное. Среди корок грязи и россыпи мелких царапин теперь пролегали совсем еще свежие морщинки. Ну а чуть выше, в слипшейся челке проглядывалась целая вереница седых волосков. Вебер мог бы поклясться, что до того, как он взялся за это дело, седины у него не было.

«Эта работа буквально откусывает куски от моей жизни», – безрадостно заметил про себя Верго.

Еще раз пробежавшись глазами по дымящимся остаткам здания, предсказатель слегка пошатнулся, а сердце его екнуло – прямо у почерневшей от гари железной двери лежал

некий крупный, мешковатый предмет, и это при том, что еще десять минут назад там его не было.

Осторожно делая один неспешный шаг за другим, Вебер приближался к своей находке, пытаясь разглядеть что же это все-таки лежит там, среди тлеющих обломком. К счастью, в отряде наемников нашлись люди более зоркие чем он:

– Борис! – громко вскрикнул кто-то из числа гвардейцев.

Несколько секунд предсказатель оглядывался, пытаясь найти не откликавшегося на зов Бориса. Наемника нигде не было, он словно испарился. Вернувшись взглядом к недавно возникшему предмету, Верго не без труда опознал в нем крупное тело искомого товарища.

Внезапно, лежавшее до этого неподвижно тело затрепыхалось, в судорогах пытаясь ухватится обожженными пальцами за все еще догорающие обломки здания. Заметив это, один из наемников тотчас бросился на помощь агонизирующему собрату. Успев пробежать не больше пятнадцати метров, гвардеец упал, осев сначала на одно колено, а после и вовсе, подобно мешку с картошкой развалившись на усеянной пеплом земле. Болезненно вздрагивая и хватаясь за собственное горло, горе-спасатель отчаянно тянул руку в сторону сбитого с толку Вебера, беззвучно умоляя последнего о помощи. Губы бойца еще двигались, но ничего кроме негромких хрипов не могло покинуть его уст.

Хотевший было ринуться за ранеными предсказатель застыл на месте, беспомощно наблюдая за погибающими

спутниками. Не знающая милосердия рациональная сторона Верго сковала его по рукам и ногам – подходить к пепелищу еще ближе было бы самоубийством.

«Но как же так? Проклятые убийцы, неужели мы их недооценили?» – промелькнуло в пустой голове предсказателя. Как назло, в столь критический момент, когда нужно было действовать решительно и быстро, поток здравых мыслей покинул мужчину, оставляя его наедине с собственной паникой. Беспомощно оглянувшись, Верго не придумал ничего лучше, чем завопить:

– ОСТИН! Они еще живы!

Что именно должно было значить это «они», предсказатель не успел придумать. Шла ли речь о врагах, или же о товарищах – это было совершенно неважно. Единственное что сейчас имело значение, так это необходимость привлечь внимание их предводителя. Уж он то должен был знать, что делать.

Запыхавшийся главарь гвардейцев на пару со своей сестрой прибежал лишь мгновением позже, застав двоих своих подчиненных в фактически предсмертном состоянии.

– Ни шагу ближе! Что-то убивает всех, кто подойдет к завалу! – только и успел выпалить предсказатель, с надеждой глядя на пришедших.

На размышления у Остина ушло не более пяти секунд. Не церемонясь, одним рывком тот сорвал с себя сумку, выворачивая ее содержимое на землю. Среди одежды и скудных

припасов Остин выхватил веревку подобную той, за которой ранее отправился Борис. Слегка дрожащими руками он обвязал один ее конец вокруг небольшого камня, после чего метким броском отправил его в сторону ближайшего содрогавшегося на земле наемника. Крепившийся к концу веревки камень приземлился рядом с запрокинутой головой бедолаги.

– Хватайся! Просто схвати чертову веревку! – проорал Остин.

С трудом управляя конечностями, наемник таки смог зацепиться за брошенный ему конец, дерганными движениями наматывая веревку себе на руку. Как только несколько колец легли на его запястье, Остин с Арчи потянули второй конец веревки, изо всех сил упершись в землю ногами.

Получив в свою сторону порцию отборной ругани, нерасторопный предсказатель также подключился к общему делу, внося свой посильный вклад. К этому моменту на крики стали сбегаться другие гвардейцы, искренне недоумевая с происходящего.

Кряхтя и выпучивая глаза до предела, троица умудрилась вытянуть еще живого бедолагу менее чем за минуту. Оказавшись подальше от руин, боец практически мгновенно стал нормально дышать, жадно хватая ртом воздух. Его судороги утихали прямо на глазах, а движения конечностей приобретали плавный и осмысленный характер.

Остин не стал тратить время, разбираясь с самочувстви-

ем наемника. Он оставил это своим товарищам. Как только спасенный гвардеец оказался в безопасности, главарь наемников бросил камень еще раз, докинув его до ног Бориса. Вот только сам Борис на это никак не отреагировал – наемник лежал животом вниз, совершенно неподвижно. Закрепленная у него на спине сумка возвышалась над застывшим мужчиной, подобно надгробной плите.

– Хватайся! Хватайся, мать твою! – безуспешно кричал Остин, пытаясь достучаться до лишнего сознания тела. Но лежащий гвардеец даже не шелохнулся.

Столпившиеся вокруг наемники тревожно роптали, боясь подобраться к творящемуся действию поближе, чтобы ничего не испортить. Арчи несколькими короткими фразами смогла предупредить их об опасности остатков обсерватории, но полной картины происходящего у зевак все еще не было.

Быстрыми, отточенными движениями главарь гвардейцев подтянул веревку с камнем. На мгновение он закрыл глаза, словно задумавшись над чем-то.

– Есть еще взведенный самострел? – на удивление спокойно, пускай и несколько торопливо спросил у подчиненных Остин.

– 3-зачем? – донеслось со стороны глазающих гвардейцев.

– Есть или нет, псы поганые?! Не по делу рты свои будете потом раскрывать! – неожиданно для всех взревела похожая на мегеру Арчи.

Испуганный Блиц протянул девушке среднего размера ар-

балет, вздрогнув, когда та буквально вырвала оружие у него из рук.

Получив в свои руки желанный инструмент, Остин без промедления принялся затягивать узел веревки у наконечника заряженного в самострел болта. Когда он закончил, оружие было направлено прямиком на лежащее неподвижно тело, быть может самую чуточку выше. Под всеобщий вскрик необычный снаряд отправился в свое недолгое путешествие, пронзив в итоге сумку Бориса.

Остин осторожно натянул веревку, после чего позволил Арчи и Верго взяться за ее концы. Не было до конца понятно, насколько хорошо она сидит в сумке, и получится ли вообще осуществить задуманное, но времени на размышления не оставалось.

Троица затаила дыхание, боясь вырвать резким движением снаряд из непрочной ткани изношенной сумки. Плавными движениями начали они подтягивать веревку за ее конец. Сумка слегка шелохнулась, после чего медленно съехала на бок. Перекинутая через руку гвардейца лямка натянулась до предела, сместившись в сторону спасателей.

– Сильно, но плавно, – прошептал в назидание товарищам Остин, стирая тыльной стороной руки проступивший на лбу пот. – Если поспешим, она не выдержит.

Первое совместное усилие троицы привело к тому, что тело Бориса немного сдвинулось. Покачнувшись, оно развернулось ногами в сторону от гвардейцев. Напряжение немно-

го спало. Раз сумка выдержала это, то вполне может выдержать и еще несколько рывков.

Перехватив веревку поудобнее, команда на выдохе потянула за ее конец. Негромкий треск донесся до их ушей. Острие болта безвольно выпало из раскучуроченной сумки, позволяя ее содержимому хаотично высыпаться наружу. Скрип зубов издаваемый троицей мог заглушить только громкий вздох разочарования остальных наемников, разнесшийся вперемешку с еще более громкой руганью.

Машинально работая руками, Остин подтянул к себе несчастный болт. Воцарилось тягостное молчание. Тяжело дыша он повернулся в сторону стоящего позади Вебера.

– Ты же у нас врачеватель? Беря во внимание что его руки отсюда я не смогу выщелить, что я могу ему проткнуть этим, – главарь слегка приподнял болт, — чтобы острие гарантированно застряло в теле, и это его не убило в итоге?

Верго взволнованно сглотнул, сначала уставившись на острие болта со множеством зазубрин, следом переведя взгляд на лежащего вдали товарища. Время замедлило свой ход для предсказателя, мысленно он представил себе анатомический атлас человеческого тела, пробегая внутренним взором по сетям сосудов и артерий снизу-вверх. Держа в голове приблизительную карту кровеносной системы, Вебер старательно охватывал как можно больше внешних факторов, включая аспекты наличия одежды и расположение самого тела. Ступни быстро были забракованы, так как по-

пасть в них с нынешнего положения Остина было бы слишком сложно даже если бы на аэродинамику болта и не влияла прикрепленная к нему веревка, помимо этого, предсказатель не был уверен, как на пробивную способность снаряда повлияют оббитые железом подошвы сапог Бориса. Даже если болт и проткнет голень, то велик шанс образования закрытого перелома, а значит наемник не сможет продолжить с ними дальнейший путь. Бедро Верго даже не рассматривал – слишком уж близко пролегла ветвь глубокой бедренной артерии. Мысленно пройдясь по корпусу, Вебер лишь печально нахмурился: о стрельбе в него не могло идти и речи.

– Ты должен попасть либо сюда, – предсказатель указал пальцем на фрагмент собственной руки, ниже плечевого сустава, но выше локтевого, – либо вот сюда. – Палец устремился поближе к шее, указав на ключицу. – Лучше конечно первый вариант, так ты точно не заденешь горло, – подытожив свой вердикт, Вебер подчеркнул интонацией последнее предложение, после чего добавил: – И еще, если не хочешь, чтобы он умер от гангрены, промой острие и древко спиртом, или хотя бы раскали его на огне.

Остин ничего не ответил, он быстро подобрался к еще тлеющему куску балки, разворошив его, тем самым вызволяя покоившиеся внутри языки пламени. Острие болта быстро оказалось среди них, отливая красными и оранжевыми огнями.

Главарь не стал терпеливо дожидаться полного покрасне-

ния металла, параллельно с нагревом острия заряжая болт и с пыхтением взводя арбалет. Предсказатель тревожно наблюдал за небывалым зрелищем. Он еще никогда не видел, чтобы кто-то был способен голыми руками взвести крупный самострел, даже не уперев его в твердую поверхность. Он прекрасно понимал насколько там тугая тетива, и оттого у него в голове не укладывалось, как обычный человек из плоти и крови может без каких-либо приспособлений совершить нечто подобное.

В его молодые годы, инструктора по физической подготовке в военной академии любили потешаться над курсантами, якобы предлагая поставить зачет за курс тому, кто сможет голыми руками, на весу взвести предоставленный им самострел. Из всего потока предсказателя (размером в триста человек), за все время, проведенное им в академии, никто так и не смог получить зачет таким способом. Сейчас же, прямо у Верго на глазах, Остин плавно и целеустремленно натягивал тетиву, даже не обращая внимание на скапывающую с посиневших пальцев кровь.

Когда с приготовлениями было покончено, главарь гвардейцев уверенно направил взведенный самострел на неподвижное тело, присев на одно колено и уперев в него правую руку для стабилизации оружия. Палец Остина тревожно поигрывал спусковым крючком, в то самое время как он сам едва заметно корректировал направление острия болта, ожидая подходящего момента. Когда очередной порыв вет-

ра стих, болт с негромким свистом отправился вгрызаться в неподвижную плоть. Доля секунды, и вот уже снаряд вонзился в руку Бориса чуть ниже плеча, практически задевая сустав. Острие глубоко вошло в тело гвардейца, оставив снаружи лишь фрагмент древка с обвязанной вокруг веревкой. Почти что сразу из раны засочилась кровь, окрашивая бледно-серые рукава наемника. Темное пятно довольно быстро расплзлось вокруг снаряда. Это было видно даже издалека.

На этот раз к вытягиванию товарища подключилась почти что половина группы, и слегка вздрогнув от натяжения веревки, тело планомерно начало курсировать в направлении гвардейцев. Мокрый от крови пепел быстро облепил руку Бориса. К тому моменту как тело вытянули наконец в безопасную зону, за счет налипшей со всех сторон к мужчине золы и почерневших щепок, забившихся у него в сальных волосах, наемник походил на обугленную мумию.

Увидев беднягу вблизи, Верго невольно поморщился, отпустив одновременно с Остином парочку отменных крепких словечек. Состояние Бориса было незавидно, и не нужно быть врачом чтобы это понять: из-под неестественно бледной кожи проступали набухшие голубоватые вены; под глазами мужчины красовались огромные посиневшие мешки, они были практически так же сини, как и его губы, вокруг которых пролегли остатки засохшей кровавой пены.

Гвардеец лежал неподвижно, не подавая никаких видимых признаков жизни. Глаза его были плотно закрыты, а

грудь совершенно не вздымалась, будто бы позабыв, каково это – прогонять по легким воздух.

– Черт, он что же это, копытца отбросил? – пронесся у Вебера над ухом неосторожный вопрос какого-то гвардейца.

Отмахнувшись от пары идиотских вопросов, предсказатель закатал измаранный пеплом рукав Бориса, прощупывая его пульс. Холодные пальцы Верго скользили по влажному от крови запястью в попытке ощутить слабые, едва пробивающиеся из-под кожи толчки. Не менее двадцати секунд нависал Верго над неподвижным наемником, после чего, не скрывая удивления, хрипло огласил:

– Пульс есть. Он жив. – Протерев рукавом зеркальную поверхность своих часов, Вебер приставил их к носу гвардейца. Он облегченно вздохнул, когда мгновение спустя металлическая поверхность слегка запотела. – Еще дышит, пускай и слабо.

– Что с ним? – встревоженно спросила Арчи. – Как ему помочь?

– Да кто ж его, блять, знает? – небрежно бросил Остин. – Что бы с ним ни было, оставаться здесь дальше мы не можем. Предсказатель, можешь быстро вытащить из него болт и обработать рану?

– Мне нужно... Ну, двадцать минут.

– У тебя есть десять.

Верго поспешно захопотал над раненым, пытаясь на глаз прикинуть шансы последнего на выживание. Осторож-

но пройдясь кончиками пальцев по краям паршиво выглядевшей раны, предсказатель уперся подушечками в древко болта, торчащее из плоти бедняги. Дела были плохи, Вебер не имел и малейшего понятия что произошло с организмом пострадавшего гвардейца, он сильно медлил, опасаясь своими действиями навредить мужчине.

Собравшись с мыслями, предсказатель перетянул руку наемника наспех сделанным из подола кафтана жгутом, промыл водой из фляги покрытое пеплом ранение и зафиксировал пальцами выступающее из тела основание древка снаряда. Он хорошо знал, что попытка изъять снаряд сейчас, еще до перемещения тела, станет для гвардейца губительной, открыв еще большее кровотечение и практически гарантированно занеся глубоко в рану какую-нибудь инфекцию. Нет, болт извлекать было никак нельзя, оставалось только укоротить выступающую его часть и обездвижить руку.

— Кровь все никак не останавливается. Дайте мне что-нибудь раскаленное, — спеша проговорил предсказатель, направив свою реплику в ряды столпившихся вокруг гвардейцев.

Второй раз просить не пришлось, ведь уже через минуту ему протянули единственную уцелевшую суповую ложку. Разогретый на пепелище столовый прибор отсвечивал оранжевым, излучая пренеприятный жар. Кто-то вдумчиво обернул ручку ложки тканью, уберегая тем самым пальцы Вебера от ожогов.

Ухватившись за импровизированный инструмент, предсказатель принялся тщательно обрабатывать выступающие из-под кожи островки плоти, кривясь от омерзительного смрада жженой человечины.

Когда он уже заканчивал, хладнокровно и неумолимо орудуя раскаленной ложкой, из уст лежавшего до того безмолвно мужчины донесся слабый, едва слышный стон. Не выказавши внешне и толики удивления, про себя Верго восхитился живучестью наемника – тот потерял не так уж и мало крови, еще минуту назад выглядел ничем не лучше трупа, но теперь, по всей видимости приходил понемногу в себя.

Вебер бережно согнул руку раненного в локте, формируя из остатков своего одеяния подобие фиксирующей руку повязки. Закончив свою работу, он с трудом привстал над наемником, смахивая со лба выступившие капли пота. Предсказатель оценивающе оглядел объект своих трудов, словно пытаясь понять, будет тот жить, или все-таки отправится к праотцам в ближайшие полчаса.

Гвардеец же ко всеобщему удивлению и впрямь заметно порозовел. Его грудь потихоньку вздымалась, разнося по ослабленному телу живительный кислород, вперемешку с окружающим путников дымом. Собравшиеся вокруг наемники переглядывались и негромко роптали, буравя многозначительными взглядами то неподвижного собрата, то нависшего над ним предсказателя, а периодически и вовсе, украдкой поглядывая на хмурого предводителя.

– Он не пойдет, – тяжело выдохнул Верго, словно с дыханием были проблемы у него, а не у раненного гвардейца.

– Значит потащим, – отрезал Остин, умываясь водой из фляги. Главарь гвардейцев выглядел взвинченным до предела. Его волосы стояли дыбом как у разъяренного дикого зверя. Раскрасневшееся лицо было изрезанно сетью мелких морщинок, тщательно оббегающих безобразный шрам. Стресс и постоянное напряжение сказывались и на нем, и теперь это мог бы заметить даже самый невнимательный член их команды. Образ непоколебимого каменного изваяния рассеивался на глазах, обнажая нервного, озабоченного, и дьявольски уставшего человека из плоти и крови.

– Если не хочешь дотащить до места следующего привала его холодный труп, то придется соорудить носилки. Без этого никак... – хрипло сказал Вебер, промывая пересохшее горло живительной влагой из фляги.

Остин ничего не ответил, он лишь едва заметно кивнул, после чего раздал своим подчиненным несколько емких указаний, тем самым дав понять предсказателю что его участие здесь необязательно – с этим гвардейцы уже справятся сами.

Не совладав с тяжестью своих ног, Верго уселся прямо на сырую землю, облокотившись о невысокий, поросший мхом старый пенёк. Его больше не заботили состояние и чистота своей одежды, да что там, такие лохмотья и одеждой называть грешно. Сейчас он выглядел немногим лучше тех бедняков, что толпились у сжигаемых куч с провиантом. Гряз-

ный, изодранный и искусанный, мужчина с горечью оглядывал огрубевшую и растрескавшуюся кожу рук, напомнившую ему увиденную когда-то картинку испещренных трещинами пустынных солончаков.

– Да что же вы в самом деле? – запричитал невесть откуда возникший Голдберг. – Разлеглись тут будто на пикнике! Там, на месте сгоревшей обсерватории еще кто-то есть, вне всяких сомнений! Чертов колдун как-то выжил! Что если он сейчас выберется из-под завала и доберется до нас? Да что эти дураки вокруг все копаются? Чего ждут? Смерти своей?! Надобно уносить ноги, да как можно скорее!

– Мои ноги придется уносить отдельно от меня, – пробубнил Верго, будучи не в силах заставить себя подняться с земли. – Если кто-то там собрался нас убивать, пусть сделает это быстро. Честное слово, Филипп, я настрадался достаточно чтобы заслужить быструю смерть.

– Да вы никак ополоумели! – зашипел Барон, схвативши предсказателя за воротник и что было мочи приподняв над землей. – Вставайте немедленно! Я говорю не-мед-ля!

– Встану, встану. Я сделаю что угодно, только не вопите так, – меланхолично отозвался Вебер. – Я просто... Так устал... Понимаете, Филипп? Фатально устал. А этому всему все конца-края не видно. Мне просто нужно немного отдохнуть. Совсем чуть-чуть...

Барон ободряюще похлопал с трудом державшегося на ногах предсказателя по спине, другой рукой придерживая ша-

тающееся тело спутника.

Не смотря на весь свой пессимистичный настрой и общую изнуренность, Верго прекрасно понимал, что оставаться здесь еще дольше никак нельзя. Колдун и правда был жив, умудрившись каким-то неведомым образом спастись под тлеющими обломками обсерватории. И даже опуская этот факт, и дураку очевидно, что столб дыма от пожарища был хорошо виден на всю округу. Вскоре сюда стянется целая куча любопытствующих зевак, а вслед за ними, может прийти и кто-то похуже.

Превозмогая страдания, усталость и болезненно сжимающие пустой желудок спазмы, нужно было двигаться дальше. Если они хотят выжить, то у них нет и малейшего права на бездействие.

Предсказатель машинально запустил руку в свою потрепанную сумку, ощупывая скудные пожитки. Не найдя желаемого, рука безвольно застыла на дне тканевого вместилища, а вместе с ней застыл и сам мужчина. Тщательно пройдясь по стенкам и внутренним кармашкам сумки еще раз, Вебер озадаченно вынул оттуда свою конечность, пронзительным взглядом уставившись на пустую ладонь.

Несколько секунд он так и стоял, пялясь на пустую ладонь, скрюченную почти что у самого его лица, после чего мужчина раздосадовано вздохнул, переведя в конце концов взгляд на сооружающих импровизированные носилки наемников.

«Один. Всего один глоток моей расчудесной микстуры сейчас бы вернул меня к жизни. Хватило бы всего одного...» – думал Верго, безучастно наблюдая за снующими по округе гвардейцами. Он отчаянно закусил фалангу пальца, отвернувшись от Голдберга чтобы тот ничего не увидел. Предсказатель ощущал себя как разрывающийся от избыточного давления паровой котел, предохранительные клапаны которого были надежно заткнуты неизвестным вредителем. Распирающее в груди давление все никак не желало уходить, заполняя собой абсолютно все: самую грудь, потяжелевшие мышцы, и даже гудящую голову. На секунду, покачивающемуся человекообразному котлу показалось что он слышит специфический звук стонущего от напряжения металла.

– Мы выступаем, – прервал металлические стоны чей-то сдержанный голос. – Все уже готовы. А вы?

– Секунду. Мы с Верго уже идем, – мягко ответил Арчи усач, плавно обходя предсказателя с правого боку. Он остановился как раз перед его лицом, загородив своей тучноватой фигурой Веберу обзор. – Мы же уже идем? Верно, Верго?

– Я знаю, о чем вы думаете – я совсем раскис. По вашим глазам вижу.

– Да нет, что вы...

– Я в полном порядке. В полном. Абсолютный порядок. Сплошной порядок.

– Уж не мне судить о порядках, но вот палец изо рта я бы все же вам советовал вынуть, того и гляди перекусите его.

Предсказатель плавно достал окровавленную фалангу изо рта, разглядывая кровавые следы от зубов на месте сгиба пальца. На фоне всех тех неприятных ощущений, что доносились изо всех уголков его тела, боль в пальце совсем не ощущалась. Даже будучи слегка надкушенным, палец бодро сгибался, собираясь радовать дееспособностью своего владельца и дальше.

Все что произошло далее, было для предсказателя как в тумане. Их группа отправилась в дальнейший путь, хотя тут было бы правильной сказать – заковыляла прочь от остатков обсерватории. Наемники попеременно сменяли друг друга, водружая на содрогающиеся от напряжение плечи носилки с неподвижным товарищем. Что было удивительно, впервые с момента знакомства Вебера с гвардейцами, группу вел не Остин, но Арчи. Главарь наемников плелся замыкающим, в оба глаза высматривая, нет ли за ними слежки. В этот момент он напомнил Верго вожака волчьей стаи, что также имеет привычку замыкать путешествующую колонну своих собратьев, гарантируя их безопасность.

Спутники по большей части молчали, не умолкал лишь Голдберг, осыпаящий хмурого предсказателя историями из конца эпохи пластинчатых металлических доспехов. Он неустанно приводил одну байку за другой, рассказывая то о несъемных доспехах осужденных смертников, вооруженных

федерацией для своего последнего сражения, то о диковинном оружии, представляющим из себя крепящуюся цепью к длинному древку дубинку. Где-то на пятой или шестой истории, Вебер перестал различать слова, практически полностью игнорируя жужжание Барона. Когда же он поднял свои глаза от пыльной каменистой дороги, решив усмирить бредущего под рукой спутника если не словом, то взглядом, то обнаружил на его месте вовсе не жизнерадостного, извечно снисходительного непоседу-усаца, но едва шагающего, запинаящегося бедолагу. Визуально Голдберг состарился лет на пять. Его слипшиеся от грязи и пота усы едва вздымались, выпуская натянутые, исполненные стараний шутки. Барон говорил с прилагаемым усилием, едва шевеля языком.

«Так это он для нас так старается? Такое подбадривание – что мертвому припарка», – улыбнулся про себя предсказатель, но ничего не произнес вслух.

Впрочем, казалось, что это дошло не только до него. Бредущие наемники жадно вслушивались в старческое бухтение, цепляясь за эти истории как за спасительную ниточку, что позволяла им не уснуть на ходу.

Какой бы длинной ни казалась дорога, рано или поздно она подойдет к концу. Мучения путников закончились, когда в сени размеренно потрескивающих на ветру хвойных гигантов, Арчи объявила о привале. Пускай при выборе места она и словом не обменялась со своим братом, тот не стал возражать. Остин перекинулся с сестрой многозначительны-

ми взглядами, после чего поспешил к бережно уложенному на земле Борису.

После стольких передрыг и долгого пути, предсказателю хотелось просто упасть в объятия столь уютно выглядящих, выступающих из-под земли корней деревьев, забывшись крепким сном. Даже голод оставил его. Но он знал, что у него еще есть одно незавершенное дело. То, с чем мог справиться только он один.

Верго поспешил к неподвижно лежащему на земле гвардейцу, бережно проверяя состояние раны. Импровизированная перевязочная ткань слегка набухла от крови, но все же активного кровотечения в этот момент не наблюдалось. Раненый дышал тяжело, размеренно.

Избавившись от ставших бесполезными кровавых тряпок, Вебер оглядывал желеподобные сгустки загустевшей крови, оценивая масштабы кровопотери.

– Видал и похуже. Он может выжить, но я не берусь приступать к операции без стерильных инструментов. Это просто его погубит. Мне нужен костер, пойдет и самый крохотный. Еще нужна чистая вода и как можно больше плотной ткани. – Предсказатель выжидающе уставился на Остина.

Все необходимое было предоставлено Верго довольно быстро, никто не стал ни спорить, ни донимать его расспросами. Усталость, изученность и постоянна тревога, обеспечили путникам небывалый уровень взаимопонимания, по крайней мере на этот раз.

Операция длилась не дольше получаса. Горе-хирург в меру своих способностей орудовал имевшимся у него небогатым инструментарием, плавно изымая инородный предмет из лежащего перед ним тела и аккуратно прижигая кровеносные сосуды. Раненый оказался тем еще везунчиком – кость была задета незначительно. Разумеется, пробивший руку насквозь наконечник болта без всяких сомнений оставил в кости не одну трещину, но по опыту Верго, руку вполне возможно будет сохранить в действующем состоянии. Если наемник выживет, кость должна будет срастись, хоть шрам и останется чудовищный.

Закончив с перевязкой, предсказатель вяло отстранился от тела, отдав товарищам раненного необходимые указания по уходу. Это было последнее на что у Вебера еще хватило сил. Доползти до намеченного, отдаленно похожего на лежанку изгиба корней ему так и не удалось. Бедняга уснул буквально в метре от него, положив голову на согнутую в локте, плохо отмытую от крови руку. Ни ветер, ни гомон спутников, ничто не помешало ему провалиться в глубокий, практически бездонный сон. В последние мгновения ясности рассудка, Верго показалось что он падает во что-то до жути беспросветное. По привычке он не стал противиться.

Глава 13. Когда торг неуместен

Как часто мы осознаем, что находимся во сне? И что более важно, почему это не происходит каждый раз, когда мы спим? Стоит лишь немного призадуматься – как правило сны абсурдны, их детали непостоянны, а логика непредсказуема. Почему же непосредственно во сне нам не бросается в глаза его вопиющая несуразность? В чем кроется различие между бодрствующим, трезвым разумом, с легкостью распознающим даже филигранную фальшь реальности, и его неприхотливым, ленивым аналогом, что сопровождает нас во снах?

Иногда создается ощущение, что во сне мы видим зыбкую фантазию не глазами своего разума, но его жалким, ограниченным осколком, оставленным нам, чтобы поддержать хоть какую-то видимость нашего существования. Как должно быть странно этому ограниченному фрагменту сознания изредка осознавать иллюзорность мира, в пределах которого он существует. Как немислимо тяжело принимать, что все твое существование не более чем тень чего-то большего.

Такое ощущение невольно загнало маленького Вебера в тупик. Он непонимающе оглядел свои расплывающиеся крохотные ручки, подняв глаза на реальность простирающуюся за их пределами.

Он спал. Эта мысль осенила его, но в ней не было и тени

испуга.

Осматривая порожденный его же разумом зыбкий пейзаж, юноша пытался понять где же он находится. Это место определенно было ему знакомо: обшарпанные деревянные стены, холодный бетонный пол, протертый ковер, высокие своды. Нет, они были высокими лишь для него, лишь для крохи что едва доставал макушкой до ручки двери.

«Это место, разве оно всегда было настолько большим?»

Дом. Такой, каким юный Верго его запомнил. Небольшой, но безмерный, прохладный, но такой теплый. Это место дышало уютом, заигрывая пастельными тонами с разыгравшейся памятью предсказателя.

Странно извиваясь и петляя, коридор вел его куда-то. Мальчик готов был поклясться, что обычно, этот фрагмент дома не позволял себе таких бесчинств, но учитывая столько лет разлуки, Верго был готов простить неодушевленной структуре подобную вольность.

И вот, Вебер оказался у большой дубовой двери. За ней находилось что-то ему знакомое. Что-то, что зловеще нашептывало сквозь небольшую замочную скважину:

«Держись подальше. Уходи».

Мальчик неподвижно стоял в нерешительности, а вот стены подбадривающе изгибались, на пару со старым ворсяным ковром поддерживая остолбеневшую у дверей кроху. И все же Верго не спешил хвататься за ручку двери, что-то в нем упорно настаивало на том, чтобы немедленно убраться от

зловещей дверцы.

Раздумья мальчика были прерваны опустившейся на его плечо крупной рукой, чей владелец, казалось, стоял за спиной мальчика все это время.

– Давай, ну же. Мы же с мамой хотим посмотреть, чего там добился наш сыночек. Открывай скорее!

– Но пап, я не могу ее открыть, я не дотягиваюсь! – без труда узнал Вебер свой писклявый детский голос, доносящийся откуда-то со стороны.

– Глупости. Опять ты просто не хочешь. Не хочешь нам показывать! – Крупная рука потянулась к ручке двери, в то время как вторая сильнее сжала плечо Верго, не давая тому и шелохнуться. – Ты убежал от нас, но от себя не убежишь. Посмотрим, что скрывает мой сын-трусика!

Огромная дверь была распахнута, открывая взору мальчика окруженную тропической растительностью могилу. Большая недавно вырытая яма приковывала к себе взор напуганного Вебера.

– Нет, пап, я не хочу туда!

– Конечно не хочешь, трусика. – Рука плавно пододвигала мальчика все ближе к жуткой могиле. – Ты ведь и от них сбежал, как от нас. Ты бросил их там гореть заживо. Ты всех бросаешь, мое ты маленькое разочарование. Но ведь взгляни правде в глаза, тебе самое место среди них!

Непреодолимая сила столкнула крошечное тело прямо в яму. Верго попытался закричать, он отчаянно открывал рот,

но не был в силах издать и звука. Безвольной тряпкой он упал на самое дно. Его приземление было на удивление мягким. Мальчик в ужасе перевел взгляд на то, что смягчило его падение. Десятки, сотни не весть откуда взявшихся мертвецов, лежащих в самых разных позах, смотрели на него с нескрываемым отвращением. Их скрюченные, обожженные конечности извивались, пытаясь ухватить ребенка за ноги.

Вебер беспомощно закрыл глаза, обхватив уши руками чтобы хоть частично сбежать от этого ужаса. Сотни холодных рук впились в него, утягивая во тьму.

Предсказатель вскочил с земли, тяжело дыша. Неспособным сфокусироваться взглядом он бешено обегал обступившие его стволы деревьев, вылавливая краем глаза, лежащие среди них человеческие фигуры.

На ватных ногах он подобрался к ближайшей, дрожащей рукою поворачивая неподвижное тело в свою сторону.

– Иди к черту. Какого хрена тебе надо? – сонно пробубнило тело, вновь погружаясь в свои тревожные грезы.

Верго облегченно вздохнул. Постепенно к нему возвращалось осознание того, кто он, и где находится. Остатки сна вместе с предательской тревогой неохотно уползали в дальние закутки сознания. Он был жив, цел и невредим. Он стоял среди соснового подлеска в практически полной тишине, прерываемой лишь негромким храпом и постаныванием спутников, и в меньше мере, доносящимися откуда-то непо-

далеку обрывками беседы.

Большинство наемников ожидаемо плохо спало в свете последних событий. Они вздрагивали, тихонько постанывая, изредка зовя кого-то или же издавая нечленораздельные звуки. Оставалось только догадываться какие кошмары им снились в эти мгновения.

Осмотрев свое изрядно отдохнувшее тело, мужчина обратил внимание на влажность своей одежды и волос. Стоило оглядеться, как он заметил вокруг россыпь мелких капелек воды, покрывающих все в округе.

«Что-то не припомню, чтобы я засыпал таким мокрым. Это что получается, пока я спал прошел дождь?» – подумал предсказатель, присматриваясь к странным бугоркам, незначительно возвышающимся над ковром из застилающих всю округу, пожелтевших сосновых иголок. Вне всяких сомнений, россыпи бугорков были грибами, и когда наемники сюда приволокли свои ноги, никаких грибов здесь еще не было. Пока предсказатель спал, не только прошел дождь, но и выросла целая грибная рассада! Сколько же он проспал?

Верго засуетился, в спешке доставая из влажных одеяний часы. Окинув взглядом циферблат он едва не выронил драгоценный механизм из рук – прошло практически полных девять часов!

Неужели что-то случилось, и их было некому разбудить? Непохоже. Большая часть наемников еще мирно спала, а за несколькими крупными древесными стволами прогляды-

вались слегка вздрагивающие спины бодрствующих товарищей. Все было спокойно, никаких признаков явной угрозы не наблюдалось. Получается, Остин решил дать им всем настолько большую передышку? Веберу с трудом верилось в это, но другого объяснения он не находил.

Жадно отхлебнув из фляги он обнаружил тревожный сигнал, что предположительно и мог быть истинной причиной его пробуждения, – полный мочевого пузыря. Хоть его разум на время сна и решил взять отгул, потерявшись в болезненных фантазиях, слепленых из воспоминаний, но вот почки, казалось, работали все это время на пределе своих возможностей.

Быстро покончив со своей проблемой у ближайшего дерева, Верго еще раз прислушался к своему телу. Мышцы раздражающе ныли от пережитых недавно нагрузок, намекая что девяти часов для их полного восстановления было недостаточно. Царапины и укусы на их фоне отошли на второй план, хоть все еще и давали о себе знать. Но было что-то еще. Что-то не дающее предсказателю покоя. Возмутившись недостатком внимания, это нечто разразилось громогласной серенадой, представляющей из себя что-то среднее между урчанием и завыванием. Вебер ощутил нестерпимое сосание под ложечкой. Это был не просто легкий голод, он готов был без соли и перца съесть собственные сапоги от всепоглощающего чувства истощения, базирующегося где-то на самом дне его желудка.

Ведомый неутоленным чувством, предсказатель направился к уже пробудившимся товарищам, по пути прихватив свою валявшуюся на земле сумку. Сидящее поодаль спутники что-то живо обсуждали, но вот что интересовало мужчину в тот момент куда больше – с их стороны доносился дивный запах съестного. В аромате прослеживались грибные нотки, но было и нечто мясное, весьма аппетитно пахнущее.

Окрыленный предвкушением сытного завтрака Верго прошел уже две трети пути как вдруг застыл, помедлив со следующим шагом. Припомнившиеся обязательства заставили предсказателя нехотя развернуться на девяносто градусов, проследовав в укромный уголок, образованный двумя крупными соприкасающимися валунами.

Облокотившись на один из таких камней, с задумчивым видом на подушке из пожелтевших сосновых иголок сидел Остин. Арчи беспечно дремала у него на плече. Неподалеку, свернувшись калачиком лежал тот самый бедолага которого девять часов назад оперировал Вебер.

– Он пришел в себя, даже встать смог. Сейчас спит. Думаю, он сможет идти с нами, хоть рана и выглядит паскудно. Если, конечно, тебе есть до этого дело, – негромко сказал главарь наемников, совершенно не переменявшись в лице.

– Значит, таки выжил... – тихо протянул предсказатель, подобравшись к раненному поближе, чтобы осмотреть перевязки. – Знаешь, честно говоря я даже удивился тому что вы аж сюда его потащили. Не в обиду будет сказано, но это

не то поведение что ожидаешь от наемников самого дикого княжества федерации.

– Дал бы тебе в морду за такие слова, да боюсь, что что-то в голове у тебя может щелкнуть, и еще того гляди перестанешь будущее видеть, а это еще может пригодиться, – не то в шутку, не то всерьез прошипел Остин, смерив предсказателя взглядом. – Думаешь мы между заказами грабежом на трактах промышляем?

– О вас ничего не думаю, мне за это не платят.

– У каждого из этих людей дома есть семья что ждет их возвращения. И знаешь, что мне придется сделать, если кто-то из них все же не вернется? Придется объяснять чьим-то жене и детям, почему их папа не пришел домой, и почему никогда больше не придет. У тебя когда-нибудь... Хоть раз, ребенок спрашивал, почему он не может даже попрощаться с отцом?

– Я видел смерть, Остин. Я чувствовал ее дыхание у самого своего лица, и я сейчас говорю даже не о том, что произошло за последние пару дней. Не нужно мне твоих нотаций. Все что я хотел сказать, что вы не такие уж и ублюдки. – Верго глубоко вздохнул, закатив глаза. – Такая работа как у нас с тобой, накладывает на тебе свой отпечаток. Как и ты, как и любой из вас, я просто человек что пытается выжить. Друзьями нам с тобой не стать, но и смотреть друг на друга как на дерьмо тоже ведь необязательно. Знаешь, сначала я думал, что не понравился тебе из-за той твоей истории о

волхве из твоей деревни. Ну, о том мужике что погубил твою сестру. Но смотря как ты буквально выдавливаешь каждое слово при разговоре со мной, как едва сдерживаешься чтобы чего не высказать, чтоб не выбить из меня все дерьмо, понял, что тут дело в чем-то другом. Чем я тебе так невзлюбился?

– Ты дорого одет, сыт, образован, привычен к дорогому алкоголю, к общению с этими снобами, вроде Риганца. Ты по своей сути такой же, как и Голдберг. Для меня ты из другого мира. Мира, что испоганил детство меня и моих людей. Мира, что отравил мою страну и вытягивает из нее все соки. Мира, что отнял у нас работу, заставляя здесь за копейки рисковать своими жизнями в этом дерьме.

– Да уж. И правда, если у Бога и есть чувство юмора, то это ирония, – горько усмехнулся Верго. – Когда я прибываю на встречу с очередным заказчиком, он и его свита смотрят на меня так же, как сейчас смотришь ты. Все эти дорого одетые дамы и господа со скрежетом зубов буквально терпят мое присутствие, как что-то необходимое, но неприятное. Стоит мне закончить свое дело, получить деньги, как двери их зажиточных домов наглухо захлопываются за моей спиной. Ну разве не иронично? – Предсказатель позволил себе пустить негромкий смешок. – Они считают меня грязной продажной бродягой, а тебе подобные – богатым высокомерным снобом. Вот и получается, что я недостаточно хорош чтобы быть с ними, и слишком уж хорош чтобы быть с вами. Так, где прикажешь мне быть?

Остин ничего не ответил, пустым взглядом он устремился вдаль, может обдумывая сказанное собеседником, а может просто погрузившись в свои мысли с головой. Всем своим видом он показывал, что разговор окончен.

– Вот и поговорили, – подытожил Верго, закончив с осмотром раненного. – Прямо гора с плеч, правда? Я пошел завтракать с нашими дражайшими спутниками. Усядусь где-то между моим усатым заказчиком и твоими вооруженными коллегами. Займу свое место, так сказать.

Предсказатель решительно засеменил прочь от Остина, оставляя последнего сидеть в неловком молчании. Вебер не чувствовал ни гнева, ни обиды, лишь легкое удовлетворение от того что этот неприятный разговор таки состоялся. Одной загадкой для него стало меньше.

Приближаясь к разведенному костру он заметил у себя легкий насморк, граничащий с неприятной заложенностью носа.

«Черт, все-таки спать на сырой земле было паскудной затеей. Как бы не заболеть чем... Нужно как можно скорее съесть чего-нибудь горяченького», – промелькнуло в голове у Верго, когда он пробрался в полукруг восседавших у костра спутников.

Небольшие языки пламени ласково облизывали округлые бока удерживаемого несколькими обожженными жердинами котелка, в котором томно булькало манящее съестное. Содержимое посуды плавно помешивал бровастый лысый

громилась с на удивление добрым лицом. Имя спутника с которым предсказателю довелось пройти уже столько всего вместе, как назло выскочило у мужчины из головы. Ценой немалых умственных потуг, Веберу удалось припомнить что здоровяка звали то ли Гарри, то ли Грэмор. Все же, предсказатель больше склонялся к первому варианту, ему казалось, что имя Гарри подходило этому добродушному лицу куда как больше, чем жесткое и в чем-то даже пародийно-рыцарское – Грэмор.

В полушаге от гвардейца, на трухлом поваленном полене сидел снявши накидку один из телохранителей Барона, монотонно вода переливающимся на свету кинжалом по темно коричневой коже своего ремня, таким образом поддерживая остроту оружия.

Практически плечом к плечу на том же бревне сидел и занятый необычным делом Ас. Гвардеец измельчал на найденном плоском камне небольшое насекомое, тщательно запихивая его труху вместе с неизвестными предсказателю высушенными травами в топорную самокрутку, основой для которой послужил изорванный кусок пожелтевшей типографской бумаги.

Остатки насекомого напоминали истрицу – дальнего родственника скорпионов, обитающего в здешних широтах. Верго не раз слышал, что жители Помонта выкуривают сушеные хвосты этой ядовитой гадости, но воочию он такое наблюдал впервые. Впрочем, после всего увиденного им в

княжестве, подобные предпочтения местных предсказателя уже совершенно не удивляли.

Несложно было предположить, что вдыхаемый дым с частичками яда мог служить чем-то вроде импровизированного седативного препарата, ну или и вовсе, своеобразного стимулятора. К своему удивлению, Вебер словил себя на мысли, что, пожалуй, и сам был не прочь попробовать диковинку если это поможет хоть немного успокоить расшатавшиеся нервишки.

Закрывающими членами собрания были сидящие на чьей-то сумке Голдберг и понурый наследник. Усач не церемонясь, голыми руками закидывал в рот еще дымящиеся кусочки пищи, выложенные на небольшой деревянной миске, что покоилась у него на коленях. При этом Барон не забывал что-то увлеченно рассказывать своим собеседникам, сопровождая все это невыносимым чавканьем:

– Но что самое смешное... Нет, нет послушайте. Что самое забавное, так это то, что скончался тот епископ на следующий же день! Ха, ха! Можете себе это представить? И как думаете от чего?

– Дай угадаю, его отравили на банкете? – с неподдельным интересом включился в беседу Ас.

– Куда там! Тогда бы эта история не была и вполонину столь забавной! У его святейшества, кто бы мог предугадать, – отказал желудок! Он съел тогда... Дайте подумать... Ну порядка дюжины цыплят, целое блюдо фазаньих языч-

КОВ...

– Целое блюдо... – зачарованно вторил закончивший создание своей самокрутки наемник.

– Да-да, но это еще не все! Такой вот «легкий» перекус епископ дополнил чашей гусиной печени, девятью мясными кексами, подносом с карамелизированными грушами, ну и под конец пригубил самую малость орехов в меду вместе с небольшим количеством сладчайшего щербера. Уж извините, но учета того сколько его святейшество выпил в тот вечер вина, никто не вел. – Усач смешно хрюкнул, едва не подавившись своей едой. – Я как подумаю о том, как его публично отпевали, так не могу удержаться от смеха! Право слово, ну просто представьте: тысячи голодных, нищих прихожан с серьезными выражениями лиц выслушивали что их ценнейший, светлейший и мудрейший из живущих, откинул, пардон, копыта, от переедания! Ха! Более показательной смерти во всей Равии не сыскать!

– Ну уж если вы это говорите, то думаю так оно и есть, – пробормотал предсказатель, присаживаясь у костра на понравившийся ему, поросший сухим мхом камень.

– О, Верго! Вы проснулись! Знаете ли, вы ведь сами того не ведая совершили еще одно чудо! Тот раненый бедолага... Как там его? – увлеченно залепетал Барон.

– Борис, – подсказал выпускающий облачко дыма Ас.

– Да, верно, он самый. Я на своем веку многое повидал – уйму разных ранений. И признаюсь вам, вчера готов был по-

клясться, что шансов у нашего друга было немного. Неважно он выглядел, думаю вы то со мной согласитесь? А вы, без надлежащего инструмента, без спирта, эфира и каких-либо лекарств, удалили ему зазубренный болт, разворотив все предплечье. И подумать только, сегодня он уже по лагерю шастал! Живее всех живых. Да у вас талант!

– Просто повезло, – отмахнулся Вебер, принимая из рук Гарри тарелку с аппетитно пахнущей снедью. – В моей врачебной практике... Ну, еще в юношестве, на одного такого выжившего приходилось порядка трех погибших. Тут все скорее от организма пациента зависит. Вполне могла начаться гангрена, да и вызванная потерей крови лихорадка могла не дать ему больше проснуться. – Предсказатель отведал несколько кусочков предложенного ему яства, жадно заглатывая их, и тем самым нещадно обжигая слизистую рта. – Ммм, что это тут помимо грибов?

– Одному особо любопытному кольпу не повезло попасться нам в руки. Нечего добру пропадать – отправился прямиком нам в похлебку, – гордо ответил Гарри. – Может соли у нас и не было, но лесными травами скрасить вкус и убрать горечь мне удалось.

– Вполне недурно, – подтвердил предсказатель, опустошая содержимое своей тарелки с чудовищной скоростью.

– Соли у него не было... – насмешливо протянул Ас, сверкая изрядно покрасневшими и слегка слезящимися глазами. – Да я до пятнадцати лет вообще соли не пробовал. И

ничего. Помнится, бабка моя, царствие ей небесное, кидала в чугунный котел для вкуса дикий чеснок или горсточку подсушенного сельдерея, бывало и уксуса чуть подливала. И каша выходила знатная! Никакой соли там было и не нужно.

– В смысле, соли не пробовал? – удивленно поднял бровь Верго, вмиг покончив с душистой похлебкой. – Так, а что, вам сюда морскую соль не завозят? Нельзя ее, скажем, на рыке купить?

Тут со смеху прыснули все. Даже телохранитель Барона (до этого совершенно не менявшийся в лице с самого момента их знакомства) едва заметно улыбнулся. Голдберг даже закашлялся, не совладав со своим чудаковатым смехом. Один только предсказатель непонимающе смотрел на спутников, терпеливо ожидая пояснений.

– Ты же вроде из Танголлы, верно? Вот у тебя на родине что можно за килограмм соли купить? – сквозь слезы прохрипел обхохатывающийся Ас, придерживая самокрутку так, чтобы она не выпала из содрогавшегося от смеха рта.

– Купить за килограмм? Ну в денежном эквиваленте килограмм соли равняется где-то... – задумчиво начал говорить предсказатель, все еще не понимая, что именно послужило предметом для смеха его спутников.

– Да не мучьте его, – встрял в разговор Голдберг, вытирая усы от остатков похлебки. – Родина Верго имеет непосредственный доступ к морю. Благодаря опреснительным установкам и соляным плантациям, соль там стоит сущие копей-

ки, дешевле чем розмарин или тимьян.

– Видишь ли, ясновидец, еще каких-то сорок лет назад соль использовалась в Помонте наравне с любой другой валютой. Она была настолько ценна, что кубиками спрессованной соли можно было спокойно расплатиться в лавке у перекупщика, за, скажем, ту же парчу или жемчуг, – добродушно пояснил Гарри, смерив Вебера снисходительным взглядом.

– Ну сейчас конечно с этим туго, – внес свою лепту в разговор Ас. – Но вот на северных окраинах страны такой вот бартер все еще встречается. Да что там, в пригороде Стропыги мой сосед как-то выменял четыре килограмма порошковой соли на молодую козу. Сглупил конечно, я бы мог того простака у которого он животину брал, и за три, самое большее – три с половиной, уломать. Тут уж как у кого язык подвешен.

– Да что с него взять, – указал суповой ложкой на предсказателя Гарри. – Весь путь с отвисшей челюстью на местный быт поглядывает. Мы же для него чудаки как-никак. Да только мы здесь тоже не пальцем деланные, наслышаны, какой в Танголле странный народ, почуднее нашего будет. Они же там вино как воду пьют. Видел я купцов из твоей республики, и как они алкоголь круглые сутки хлещут. Что не бурдюк или бочка – то выпивка внутри.

– Нет, нет. Никто там одно только вино не пьет. Мои земляки всего лишь добавляют немного спиртного в воду, чтобы она не протухла раньше срока. И вам, к слову, того же

советую. Хватит каких-то жалких двадцати грамм набрать в бутылку, и не придется каждый день беспокоиться о обновлении его содержимого. Если не оставлять его на солнце, то и за неделю вода не протухнет, – терпеливо разъяснил Вебер, невольно восстанавливая в памяти образы своей солнечной родины.

– Добавлять вино в каждый бурдюк? Тут я всеми руками за. Обязательно нужно будет предложить Остину эту идею! – рассмеялся Ас, выпуская одно облачко дыма за другим.

Верго тоже улыбнулся. Он был искренне рад что может сейчас так просто посидеть за костром, болтая о всякой чепухе, не вспоминая ни о чудовищах, что вполне возможно идут по их следу, ни о тех, кто этих чудовищ послал. Абсурдная, совершенно необязательная беседа приносила ему странное чувство покоя, унимая тревогу и позволяя отвлечься. Он знал, что этот момент не продлится вечно, а оттого и совершенно его не торопил, наслаждаясь мгновениями беспечности до последнего.

– Глупо конечно прозвучит, но я вам, случаем, забавную историю о моем давнем пациенте с ножевым ранением не рассказывал? – сам себе дивясь выпалил Вебер, совершенно не понимая причин своей небывалой говорливости.

– Да вы как-то не особо разговорчивы были последнее время. Уж забавных историй от вас не припомню, – задумчиво проговорил Барон, удивившись риторике спутника не меньше его самого.

– Рассказывай давай! Всяко поинтересней баек Голдберга будет, – одобрительно кивнул Ас, слегка закашлявшись от едкого дыма.

– Ну, справедливости ради, речь пойдет не о моем пациенте, – неуклюже начал свою историю предсказатель. – Но я присутствовал, когда все это произошло. Был тогда практикантом, вместе с однокурсниками наблюдал за работой настоящих врачей. К нам в санитарную часть доставили одного сумасбродного сержанта с небольшим ножом в бедре. Главный врач осмотрел его и говорит: «Мы сейчас тебя быстренько подлатаем. Ты, приятель, только нож не трогай, артерия все-таки рядом». Пациент попался нервный, доктора не слушал, и как с дуру вынет нож, словно назло. Кровь забрызгала во все стороны. Мы, совсем еще зеленые мальчишки, в шоке, и слова сказать не можем. «Ну я же просил не трогать нож, он должен был закупоривать рану и не позволять начаться серьезному кровотечению. Ты зачем его достал?» – сказал доктор и невозмутимо попросил побольше марли, на секунду отвернувшись и чертыхаясь про себя. Тут он слышит чавкающий звук, поворачивается обратно к пациенту и как заорет: «На кой черт ты воткнул нож обратно?!»

Верго удалось уже второй раз за день рассмешить своих спутников. Чересчур громко гоготающий Ас даже умудрился разбудить пару спавших наемников, сыскав в свою сторону несколько не очень ласковых словечек. Сам Остин пришел к ним чтобы разузнать по какой причине они так шумят, что

их слышно далеко за пределами лагеря. Не стоит и говорить, что специфически пахнувшая самокрутка Аса, строгого гвардеец отнюдь не обрадовала. Попытавшийся отшутиться наемник быстро схлопотал сильный подзатыльник, после чего не меньше десяти минут выслушивал нотации от своего предводителя. На этой ноте испортивший всем веселье Остин и завершил собрание, призвав всех оставшихся наемников скорее завтракать и известив их о необходимости скорого продолжении похода.

Гвардейцы по привычке ворчали, но исправно исполняли все приказы гвардеец, отлично осознавая их обоснованность. Пришла пора продолжить путь.

Им предстоял последний рывок. Больше никаких разбитых лагерей в пустынных предгорьях и никакого сна в подлесках. К концу дня они уже будут в Ганое, сытые, согретые, и с изрядно потяжелевшими карманами. Сама мысль об этом придавала путникам мотивации, подгоняя их, позволяя бодро шевелить ногами.

Единственный кто был не очень-то этому рад, это понурый наследник. Никто не знал, что было у недовольного мальчишки на уме, и юный отрок отнюдь не горел желанием поделится этой информацией.

Помня об их разговоре в карете, Верго догадывался о причинах морального упадка Марка, но держа в голове то, что ему самому довелось в своей жизни пережить, не очень то парню сочувствовал. Он был бы готов многое отдать чтобы

оказаться на месте избалованного мальчишки.

Путь наемников лежал через рассаженные под сруб хвойные леса, обхватывающие региональный центр с юга. В них ветер беспокоил путников не очень сильно, иногда ласково обдувая бредущих людей прохладным воздухом, наполненным запахами душистых смол, подгнившей древесины и влажного дерна. Солнце то и дело пробивалось сквозь перистые облака, нежно окропляя своими узкими лучами лица людей. Беря во внимание весь предыдущий отрезок их дороги, этот фрагмент пути можно было законно назвать приятной прогулкой. А дальнейшая дорога, ввиду близости к Ганое, обещала быть еще более легкой.

В высящихся над головами наемников ветвях приятно щебетали птицы, а мерный хруст колышущихся на ветру стволов деревьев перемежался с непрекращающимися трелями дятлов. Где-то вдалеке слышалось уханье занятой своими делами кукушки. Лес шелестел, стрекотал, сопровождая своих гостей успокаивающим пением, окружая их россыпью робко выглядывавших из-под подзола шляпок грибов. Широкие и узкие, маленькие и совсем крошечные – грибные семейства оккупировали собой всю лесную землю, на широкую ногу заявляя о своих правах среди представителей местной флоры.

Никаких животных путники не встречали, и немудрено, ведь эти территории вплотную прилегали к хорошо обжитым землям княжества. Что бы тут ни бегало еще каких-то десять

лунных лет назад, оно уже давно попало в котелки оголодавших жителей пригорода. Лишь птицы, гордо возвышаясь над всем этим действием могли позволить себе беспечное, не отягощенное соседством с голодными двуногими, существование. И то, до поры до времени.

Примерно через четыре часа неспешного пути лес вывел наемников к широкому, основательно вытоптанному тракту. Как пояснил Остин – это главная торговая дорога княжества, соединявшая Ганюю с другими крупнейшими населенными пунктами. Именно по ней колонны повозок, заполненных углем, железной слюдой, древесиной, а иногда и людьми, стягивались к региональному центру, наполняя город-сердце Помонта черной, затхлою кровью, вперемешку с остальными, «вторичными» примесями.

Большей части содержимого повозок уже вскоре было суждено навсегда покинуть границы княжества. Они устремятся на юг, вслед за людскими надеждами и ожиданиями, оставляя в Помонте лишь удручающий звон монет, побуждающий доведенных повальной нищетой до безумства бедняков вскидывать головы, с трепетом и благоговением вглядываясь в высоты особняков представителей торговой палаты. Скорее по привычке, чем по мановению совести, они бросят несколько едких ругательств к порогу роскошных жилищ своих хозяев, но по первому же мановению руки последних вопьются друг другу в глотки, жадно выгрызая себе путь в обещанное светлое будущее. Будущее, которому совершен-

но не суждено наступить.

Но, разумеется не одному только невзрачному убожеству доводится курсировать по артериям княжества: иногда, словно посланники самих небес, дороги продавливают массивные, элегантные, вычурно стилизованные инкассаторские кареты, яркими мигалками и не менее ярким военным эскортом оповещающие окружающих их смертных о своей священной миссии. Выбор налогов был вторым любимым делом правящей олигархии, первым же любимым делом были, как и водится, азартные игры. И правда, если уж любишь сорить деньгами – будь добр найди надежный источник их получения. А что может быть надежней людской раболепной смиренности?

Извозчики и охранники инкассаторских экипажей, жадно вживаясь в роли своих бывших обидчиков с совершенно искренним презрением бросали косые взгляды на проезжающий мимо них сброд, к числу которого и сами принадлежали совсем еще недавно.

Главный тракт был совершенно удивительным местом. Где еще сборщики податей, жаждущие наполнить желудки чернорабочие, злые от голода и усталости солдаты, удрученные безденежьем купцы, и напыщенные сливки общества могли встретиться, вынужденно терпя присутствие друг друга? Воистину, тракт объединял самые разные прослойки общества, заставляя каждую из них вспомнить, что существует и другой мир: богатый или бедный, омерзительный или пре-

красный, сытый или голодный, но другой.

Выход наемников на эту дорогу был неизбежен. Они слишком близко подобрались к городу и дальнейший путь по бездорожью сулил им крайне нежеланную встречу со скаутами городской гвардии, неустанно патрулирующими окрестности Ганой в поисках разбойников, мигрантов, или же просто очередного повода поразвлечься. Никто не желал встречи с прикормленными псами городского гарнизона, и желание избежать оной и повлекло за собой решение вступить на главный тракт, примкнув к десяткам других невзрачных путников.

Периодически останавливаясь для коротких передышек (вызванных нытьем непривыкшего к дальним переходам наследника и потребностями в отдыхе раненного бойца), наемники неспешно продвигались по уходящему вдаль тракту, по возможности сливаясь с другими путниками.

Чем ближе они подбирались к городу, тем большим становился поток людей. Казалось, что страждущие бродяги стягиваются отовсюду, желая попасть в Ганую к какому-то празднику или значимому событию, но по заверениям Барона подобная оживленность здесь наблюдалась всегда. Разумеется, после пустынных горных тропинок Помонта, по которым наемники курсировали последние несколько дней, все это выглядело дико и крайне непривычно.

Верго никак не мог унять тревогу, осторожно оглядываясь по сторонам он выискивал малейшие знаки опасности

в поведении бродяг. Впрочем, другим путникам не было до наемников никакого дела. Они размеренно брели с понурым видом, обмениваясь между собой последними сплетнями и похабными бородатыми шутками от которых покраснел бы даже самый бесцеремонный сапожник.

Запряженные собаками (куда как реже большими жуками), повозки проносились мимо, унося на себе каменный уголь, тюки обработанных шкур, бочки с маслом и топленым салом. После себя грохочущие громадины с изношенными рессорами оставляли только взвешенную в воздухе дорожную пыль да шлейфы разнообразнейших запахов, как правило довольно неприятных.

В то время как в развитом центре федерации движение по всем крупным трактам давно уже было строго организовано, вынуждая всех участников движения придвигаться к правой, относительно них, стороне дороги и тем самым разграничивая всех движущихся на два непересекающихся потока, здесь же все двигались так как им заблагорассудится. Повозки то и дело норовили на кого-то наехать, петляя вдоль дороги и чудом избегая столкновений с другими транспортными средствами. Вебер был до глубины души недоволен таким положением дел, беспрестанно фыркая, когда очередной извозчик негромким возгласом требовал освободить для его корыта дорогу. Подчас, движение главного тракта походило на настоящий хаос. Удивительно что за столько лет никто так и не взялся за решение столь насущной проблемы.

Пытаясь отвлечься от забивающейся в ноздри дорожной пыли, Верго во все глаза таращился на окрестности, выглядывая хоть что-нибудь достойное внимания. Здесь, в самом центре княжества, из-за крупной горной гряды что последние несколько дней затеняла путникам солнце, проступал раскидистый ледник, своим голубовато-белым цветом плавно уходящий ввысь к небу. Его гладкая светлая поверхность заметно контрастировала с темным камнем гор и слегка блеклой зеленью редеющих хвойных лесов. Умопомрачительного размера массивы льда безудержно блистали на солнце, своими бликами вынуждая путников щуриться, отводить взгляды в сторону.

Ледник этот систематически таял, уменьшаясь в размерах. Во всяком случае именно это вычитал Вебер в посвященных географии федерации трактатах еще во времена своей учебы в академии. Но теперь, представ перед этой громадиной вживую, сложно было поверить, что что-то столь исполинское, столь незыблемое, может безостановочно уменьшаться, рискуя однажды исчезнуть без следа. Ледник выглядел куда как внушительнее его выцветшего схематического изображения в пыльных книжках.

С трудом оторвав взгляд от ослепляющей громадины, Вебер обратил свой взор на вещи менее масштабные – охватывающие дорогу со всех сторон посевные поля, разграничиваемые вытоптанными ровными тропинками и огражденные от жадных рук путников хлипкими символическими за-

борчиками. Да, там определенно было на что посмотреть. Меж рядами ржи и еще зеленого овса, а также сразу за убогоньким заборчиком, притягивая взгляды окружающих и вызывая неподдельное очарование возвышались алые кассажи, своим необычайно ярким цветом неизменно напоминая жаркие языки пламени.

Эти удивительные растения попали в федерацию прямоком из темных земель, доставленные бесстрашными и совершенно бесстыжими в вопросах цен пилигримами, каким-то чудом выживающими за пределами освещенных солнцами территорий. Растение визуально отдаленно напоминало высокие, полностью алые кусты роз. Оно прижилось в землях федерации, принося своим хозяевам немалую прибыль. А дело все было в двух его крайне любопытных особенностях: первая из которых состояла в бесподобном свойстве существенно повышать плодородность земель где растение было посажено, – растущие рядом культуры плодоносили едва ли не в два раза обильней обычного, что само по себе уже не плохо; вторая же особенность представлялась одним благословением в той же мере, сколь проклятием для других – растение было довольно ядовито, оно жалило любого прикоснувшегося в десятки раз сильнее даже самой грозной крапивы, и пускай и не убивало, отбивало всякое желание работать с ним без защитной экипировки.

Предприимчивые господа быстро смекнули, что стоит им высадить кассажи вдоль рядов любой другой культуры, и они

не только выиграют от обильных урожаев, но и уберегут свое имущество от незадачливых воришек. Вся проблема состояла в том, как потом обрабатывать такие поля – защитные костюмы, будучи довольно плотными и практически герметичными, были еще и дорогими, жаркими и неудобными, а значит, теперь приходилось раскошелиться не только на их покупку, но и на доплаты работникам что будут вынуждены часами потеть в них на полях под палящим солнцем.

Именно поэтому такие аграрные нововведения могли позволить себе только самые зажиточные землевладельцы. И по всей видимости, оно им окупалось.

Как-то в детстве Верго видел изжаленного кассажами парнишку. Бедняга в течении целой недели не мог спать лежа в постели, вынужденно засыпая в ваннах с добавлением обезболивающей травяной настойки.

Из всей череды бредущих вдоль тракта путников никто даже и не думал перелезть через невысокий заборчик, чтобы нарвать овса – слишком уж велика была бы цена такой авантюры. Бредущим людям оставалось только молчаливо любоваться притягательной красотой завезенных растений, проклиная про себя и закупивших диковинку толстосумов, и пилигримов в придачу.

И все же было в этих полях что-то странное. Спустя несколько часов пути, лениво оглядываясь по сторонам, Вебер таки уловил, что – за все это время он не увидел и единого человека, работавшего в поле. Никто не собирал урожай,

не вспахивал землю, не выдергивал сорняки. Поля были совершенно безлюдны, и со временем осознание этого факта начало действовать предсказателю на нервы.

– Филип, вы тоже это заметили?

– Заметил? А что я должен был заметить? – беспечно отозвался пыхтящий Голдберг.

– Людей нет, совсем нет.

– Вокруг одни люди. Верго, вы на солнце перегрелись? – саркастично бросил Барон обводя череду путников руками.

– На поля посмотрите.

– На поля? Ну никого нет. Так и не мудрено. Суббота ведь.

– Только не говорите мне что профсоюзы выгрызли для местной челяди еженедельную парочку выходных, я в жизни не поверю.

– Не слышал о бортницах? – бесцеремонно вклинилась в разговор Арчи, тоже заскучавшая от монотонности дороги.

– Это праздник такой, или может название паразитов? Я уже не знаю, что и думать. – Демонстративно закатил глаза предсказатель.

– Тех, кто осмеливается в субботу осквернить землю пахотой или любой другой работой, ждет гнев хозяйки поля – бортницы! – подал голос Блиц, постаравшись придать своим словам веса при помощи загадочной интонации.

– Чепуха. Суеверный вздор, – ни секунды не колеблясь выдавил из себя Барон. – Чертовы лодыри искали себе повод откосить от работы, и они его нашли, а чтобы оправдать-

ся перед нанимателем придумали баек пострашнее! Кровь, пролитая на поле, видите ли, никого не злит, а работа в субботу – это да! Это непростительно! Каким нужно быть олухом, чтобы верить в такие рассказы?

– Говорят, – зашла издалека Арчи, полностью пропустив тираду Голдберга мимо ушей, – что у каждого поля есть свой дух. И дух этот подобно любому человеку иногда жаждет отдыха. Всю неделю он работает не покладая рук чтобы обеспечить рост урожая, но если кто-то потревожит его отдых в субботу, то навлечет на себя очень большие неприятности.

– Большие неприятности? Так разве духу не положено быть бесплотным? Что он сделает? Будет преследовать тебя, пока ты не помрешь от раздражения? – едко прокомментировал байку Голдберг.

– Бортницы предстают перед своей жертвой в облике статной девы, облаченной в белоснежное подвенечное платье. Но стоит к ним приблизится, как перед тобой раскроется ее истинная натура: под платьем скрывается сморщенное жуткое отродье, – неспешно продолжала свой рассказ Арчи.

– Стоит единожды услышать ее зов или заглянуть ей в пустые глазницы, и тебе уже не спастись. Только к следующему сезону при прополке поля найдут твои изгрызенные кости! – робко поддакнул Блиц, выглядывая из-за плеча Арчи. А после негромко добавил: – Во всяком случае так говорят...

– Пресветлое солнце! Верго! Послушайте меня, внимайте гласу разума. Каждый необразованный селянин расскажет

вам десятки историй о том, как домовый украл у него носок, а банный дух шлепнул его женушку по заднице. Но никто, слышите, никто в здравом уме в эти низкопробные сказки не поверит! – Голдберг едва сдерживал смех проговаривая все это.

– А в то что что мы на днях сражались с ожившим табуном мертвечины кто-то поверит? – безучастно парировал предсказатель слова Барона.

Блиц энергично закивал, всем своим видом выражая солидарность с позицией Вебера.

– Да, дерьмо случается, – осторожно подошел к вопросу торговец оружием, – и я знаю это получше других. Мы с вами, Верго, относимся к категории людей что многое повидали. И некоторые вещи в этом мире, признаю, не поддаются рациональному объяснению. Но знаете какую одну вещь я уяснил для себя уже давно? Если сказочные рассказы подозрительно выгодны кому-то, если они буквально идеально вписываются чтобы оправдать чью-то лень, жадность, гнев, похоть – то это именно что, просто сказочные рассказы! Я говорю это не потому что хорошо разбираюсь в мистике, отнюдь, но потому что хорошо разбираюсь в людях.

– Если вы так уверены в своей правоте, то перескочите через этот горе-заборчик и пройдитесь с десятков минут по земле поле! – загорелся духом азарта Блиц. – Как увидите, что из-за зарослей кассажа торчит колосок, то сорвите его, этого будет явно достаточно чтобы разозлить хозяйку поля!

– Щенок, ты думаешь, что я настолько беспросветно туп, что полезу через ограду и изжалю себе руки об эти заросли только чтобы что-то тебе доказать? – побагровел Барон.

– Ага, боитесь! Если аккуратно выдернуть пару колосков, то ничего с вами не станется, но дело ведь и не в кассаже! Вы боитесь хозяйку поля! А с нас смеетесь только чтобы потешить свое самолюбие! – использовав последние резервы своей смелости, заявил Блиц.

– Ты меня в пугливости и суеверных страхах упрекать будешь, деревня? – не на шутку завелся Голдберг, подходя все ближе к пятящемуся юноше.

Верго в это время отстранился от неловкого спора. Он был выше того чтобы полностью становится на сторону заносчивого сноба, равно как и на сторону сопливого мальчишки. Слегка прикрыв глаза и сосредоточившись на своем внутреннем мироощущении, предсказатель обнаружил глубоко внутри себя неутолимое жжение, что подобно едва распалившемуся лесному пожару, становилось все сильнее.

Это была жажда которую и райской водой не утолить. Тут помог бы только один напиток. Именно, лишь один напиток смог бы сделать его мир таким же ярким как раньше, затупить боль ноющих укусов и небольших ранений.

Сжав зубы до скрипа и укрыв слегка дрожащие руки в своем одеянии, Вебер решил попрактиковать глубокое дыхание, пытаясь думать, о чем угодно, но только не о освежающей, успокаивающей, бесподобной, придающей сил и утоляющей

боль с усталостью настойке из Красного Гриба. Как бы ни хотелось, как бы ни было невыносимо, о чем угодно, но только не о настойке...

Сконцентрировавшись на своем внутреннем сражении с неумным желанием, Верго не сразу заметил, что его спутники понемногу замедляют ход. Осознал он это только тогда, когда по своей невнимательности налетел на идущего впереди Аса, едва не плюхнувшись на ухабистую пыльную дорогу лицом вниз.

Некое столпотворение впереди мешало продвинуться им дальше. Что было вдвойне обидно, они уже были практически у своей цели. Примерно в километре от их места задержки уже виднелись массивные ворота, ведущие в город. От них, собственно, и тянулась длинная очередь вплоть до того места где остановились наемники.

Вебер взглянул на часы, с досадным вздохом показав их Остину. Половина девятого – комендантский час только-только начался. Теперь стало совершенно ясно, что в ближайшие часов восемь в город им не попасть. Чтобы пройти через городские ворота во время комендантского часа нужно либо быть членом городских административно-правоохранительных структур, либо иметь ксиву купца, либо же пропуск подписанный комендантом города лично. Разумеется, ни первым, ни вторым, ни третьим наемники не располагали, а значит, им оставалось только ждать.

Окружающие их люди были морально готовы к такому по-

вороту. Большинство из них устраивалось на обочине дороги, разводя костры и перебирая свой товар. Некоторые и вообще устанавливали шатры. Продолжала движение только колонна транспорта, ведь ее участники как правило располагали вышеупомянутыми торговыми ксивами.

Предсказатель был проинформирован о местных практиках комендантского часа еще до приезда в княжество, а оттого перспектива длительного ожидания у ворот города не была для него чем-то новым. С небывалым смирением и безразличием смотрел он на возвышающиеся у самого начала горного плато внушительные стены, чья тень покрывала собой примерно половину оставшейся наемникам дороги до города. Длинные тени, длинные стены, длинная очередь людей, длинная дорога – здесь все было длинным, включая отрезок времени что им придется вынужденно провести в шаге от своей цели.

Не намереваясь терпеливо ждать своего часа, сопровождаемый телохранителем Барон отправился к воротам, попутно расталкивая попавшихся ему под руку людей и недовольно ворча что-то о своем невезении. Хотел ли он подкупить городскую стражу, или, быть может, попросить их сделать исключение для будущего князя? Этого никто не знал.

В то же время Вебер, стараясь не упускать своих товарищей из виду, с любопытством глазел на сотни собравшихся здесь путников, подмечая их необычные наряды и странно выглядящие товары.

Совсем недалеко от стоянки наемников расположилась крупная повозка, оснащенная здоровенной, наспех закрепленной клетью. Внутри, подобно скоту, заготовленному на убой, кривыми рядами были усажены связанные по рукам и ногам худощавые рабы, пустым, лишенным всяких надежд и ожиданий взглядом буравившие бесстрастное небо. Полное отсутствие какой-либо одежды на них, чумазый вид истощенных тел и бледный оттенок кожи не самым лучшим образом свидетельствовали о их нынешнем владельце. Судя по всему, некоторые из них не ели ничего уже несколько дней.

Измощенные взгляды бедолаг чем-то напомнили предсказателю вид глаз что был свойственен обреченным больным в военном лагере Као. Судорога встряхнула тело Верго, и тот поспешил отвести от доходяг свой взгляд, переключившись на то, что было ближе.

Словно в издевку над безнадежными рабами, в пяти метрах от них уже успел разложить все необходимое для готовки какой-то предприимчивый малый. Парень одетый в старый, измазанный засохшим жиром церковный балахон, выкладывал на закрепленную над керосиновой лампой металлическую поверхность скверного вида потроха, позволяя заигрывающим с голодными путниками запахам шкворчащего месива распространится по округе. Не прошло и двух минут как рядом с ним образовалось небольшое столпотворение голодных с дороги путников, уставших от вкуса окаменелых дорожных сухарей.

Достав из сумки охапку пресных овсяных лепешек, молодой повар принялся заворачивать подгорающее нечто в импровизированные хлебные мешочки, быстро обменивая яства на тусклые монеты. Первая партия разошлась менее чем за десять минут, и вот, обладатель измаранного балахона уже вытряхивает из прихваченного с собою ведра еще больше каких-то внутренностей, разделявая и приминая ножом поджаривающиеся почки, сердца, печень и другие органы загадочного происхождения.

Не растерявшись, рядом с молодым поваром остановил свою телегу толстоватый лысый бугай, стаскивая на землю бочонки полные квашенной капусты. Вслед за капустой в продажу отправились ломти низкокачественного хлеба, сделанного из перемолотых косточек винограда. Вслед за ними все больше торговцев, по тем или иным причинам вынужденных дожидаться конца комендантского часа за пределами города, начали выставлять на продажу свои товары, образуя у ворот своеобразный стихийный рынок. Со всех сторон стали доноситься запахи пищи и кислой выпивки.

Разумеется, наибольшим спросом среди путников пользовались именно те товары, которыми можно было набить брюхо или же промочить глотку, но были и исключения: собравший вокруг себя нескольких безостановочно кашляющих граждан, пожилой фармацевт успешно впихивал доверчивым зевакам гомеопатические настойки, не забывая при этом всячески заверять своих новых клиентов в крайней эф-

фektivности предлагаемой им подкрашенной водички.

Забавно, но товар старушки торгующей поодаль смесью масла с прополисом (действительно помогавшей при ангине и других бактериальных заболеваниях) не пользовался таким же спросом. Быть может сказывался непритягательный вид продаваемой ей смеси – куда ей было тягаться с ярко-бирюзовым средством харизматичного торговца гомеопатическими настойками.

Говорят, Помонт – это на одну треть уродливый бореальный лес, на вторую, холодные скалистые горы, а его третья часть хуже двух предыдущих вместе взятых, ведь это его люди. Трудно было оставаться непредвзятым к этому изречению, наблюдая за творящимся тут будничным безумием. А еще труднее было поверить, что все эти облезлые бедолаги, отъявленные мерзавцы и сломленные души – это люди. Такие же люди, как и высокомерные, аккуратно одетые господа, разъезжающие в своих роскошных экипажах по самому центру столицы. Впрочем, поставь одного на место другого, позволь ему вжиться в роль, и через года три-четыре, различия ты и не заметишь.

Палаточный город возникал на глазах, обрастая все большим количеством временных убежищ. Между шатрами и наметами, тем временем, не останавливаясь шастали крайне подозрительные личности, вынуждавшие Верго все время быть настороже. Запустив руку в свою сумку, предсказатель крепко-накрепко сжал ею кошель, не намереваясь делиться

его содержимым с окружающими.

Увлекаемый потоками людей и неожиданно привлекательными запахами, предсказатель сам того не заметил, как оказался в сотне шагов от места остановки его группы. Верго не спеша осматривал крупные тюки, доверху забитые переливающимися в лучах столичного солнца полудрагоценными камнями. Среди множества неровных кусочков яшмы и россыпи маняще-темного оникса проглядывала яркая бирюза, порождая приятный глазу контраст что и привлек предсказателя. Все камни лежали вперемешку, словно их владелец собирался продавать их на вес, совершенно не обращая внимания на достоинства и вид отдельно взятых экземпляров.

Верго неспешно достал свои часы, прикидывая как бы они выглядели будучи декорированными крупным, хорошо отполированным ониксом. Слишком поздно предсказатель осознал свою ошибку, покрутив драгоценный карманный механизм в руках дольше нескольких минут. Этого вполне хватило чтобы привлечь нежеланное внимание.

– Красивые у тебя часы. Это ж серебро будет, не иначе? – донесся со стороны грубый баритон.

– Да у тебя, Чапа, глаз наметан! Коле не серебро, то пусть меня волки обоссут! – угрожающе просвистел сквозь отверстия от выбитых зубов еще один недоброжелательный гражданин.

– А дай поглядеть, мужик. Давай-давай, я человек серьез-

ный. Мой братишка соврать не даст – с элегантными вещами обращаться обучен, – протянул свою волосатую лапу тот, кого называли Чапой.

Над Верго нависало двое чумазых проходимцев. Загоривший первым имел внешность классического увальня-уголовника, щеголявшего безвкусным рабочим нарядом, из-под которого на смуглой коже проглядывали слегка выцветшие татуировки. Второй зачинщик выглядел немного ухоженней, будучи одетым пусть и в поношенный, но все же в пиджак. Они оба излучали угрозу примерно в равной мере, но увальень-уголовник при этом был на целую голову выше своего коллеги, и в два раза шире его в плечах.

Вебер смерил гостей обжигающим взглядом, прикидывая свои шансы, а с шансами все было не так уж и хорошо: брата Чапы он может бы и смог уложить, сойдись они один на один, но вот с самим бугаем ему, скорее всего, в одиночку не справится, не говоря уже о плачевной перспективе противостояния сразу двоим воротилам. Предсказатель сделал осторожный шаг назад, намереваясь стремглав понестись в сторону наемников, но что-то острое уперлось ему сзади под ребро.

– Куда это мы собрались? – раздалось у Верго под самым ухом. – Еще даже не представился, а уже уходишь?

– Я бы тебе не советовал рыпаться, сучара. У Лодыря ножик шустрый, и кровью он не брезгует. Да и гонор не больно кроткий, шуток он терпеть не будет.

– Нрав, – прошипел стоящий позади предсказателя бандит. – Кроткий нрав, а не гонор, кретин.

Чапа закатил глаза и поспешно фыркнул на поучение, после чего как ни в чем не бывало вновь потянулся за приглянувшимся ему часами.

– Что ж вы как крысы поганые – втроем на одного? А в честную схватку вступить вам размер бубенцов не позволяет? – с напускным безразличием выдал Вебер, отчаянно пытаясь выиграть время для размышлений.

– А за честные схватки нам никто не платит, – съязвил стоящий за его спиной головорез, еще плотнее прижав нож к предсказателю. – Ты часы отдай, с тебя не убудет. Вон какой – спина прямая как осина, на руках ни одной мозоли, и все пальцы целы. Руками, должно быть, в своей жизни ни разу и не работал. Да и сам знаешь, Бог велел делится...

– А еще велел не брать чужого, – раздался сзади знакомый женский голос, за которым последовал смачный хлопок.

Головорез мешком осел на землю, выронив нож из безвольно разжавшейся руки. На его руку не без доли презрения наступила появившаяся из ниоткуда Арчи.

– Баба уложила Лодыря! Ха! А он еще говорил, что это я посмешище! – пропищал сообщник Чапы, радостно тыкнув пальцем в лежащего без сознания коллегу.

Сам же Чапа неуверенно переминался с ноги на ногу, многократно переводя взгляд с Арчи на лежащего мужчину. Он многозначительно покосился на своего названного брата и

произнес:

– Ну, я это... Бабу то бить не буду.

– Так не бей, ну хоть скрути! Сука, ты когда голову использовать по назначению начнешь? – взвизгнул бандит в пиджаке.

Пару секунд поразмыслив над предложением, здоровяк кивнул, ринувшись в направлении готовой к бою Арчи. Увалень быстро приближался, выставив вперед готовые сомкнутся на чьем-то теле руки-молоты. Вебер в это время благоразумно отступил в сторону, решив не геройствовать.

Стоило здоровяку броситься в сторону женщины, как выскочивший из человеческого потока Ас от души врезал громиле, попав аккуратно по подбородку. Не успевший среагировать Чапа едва удержался на ногах, схватившись за ушибленное место и боязливо отступив на несколько шагов назад.

– Да откуда вы все повылазили? – злобно выпалил бандит в пиджаке, выхватывая из кармана хорошо заточенный нож, сделанный из осколка какого-то лезвия, одна сторона которого была засажена в грубо обтесанную деревянную рукоять.

Ответ на его действие последовал незамедлительно – Арчи с Асом хорошо отточенными движениями оголили клинки, обступив предсказателя с обеих сторон. За ними показался задумчивый Гарри, угрожающе поигрывая в руках взведенным самострелом.

Глаза визгливого разбойника едва не вылезли из орбит, не столько от удивления, сколько от обиды на безвыходную

ситуацию, в которую он сам себя и завел. Вздохнув, он примирительно поднял руки вверх, демонстративно взяв нож за лезвие.

– Хорошо, хорошо, мы уйдем. Дайте только Лодыря... Ну, этого лежачего забрать.

Наемники, отнюдь не стремясь проливать чужую кровь лишний раз, не стали препятствовать разбойникам, уволакивающим обмякшее тело своего товарища вдаль. Они лишь проследили за удаляющейся бойкой парочкой, не пряча при этом своего оружия. Стоило бандитам исчезнуть из виду, как внимание гвардейцев обратилось на стоявшего неподвижно предсказателя.

– Я конечно понимаю, провидец, – размеренно протянул Ас, убирая клинок в ножны, – что мы уже почти закончили, и до города рукой подать. Хочется расслабиться и наконец выдохнуть, вот только наша работа еще не завершена. И не стоит забывать где ты находишься. Может у главных ворот, ведущих в города твоей родины и спокойно, может там городской гарнизон следит за правопорядком, да только тут тебе не родина. Тебе перережут глотку и глазом не моргнут, просто чтобы посмотреть, что там у тебя в кошеле. Так что, впредь не отходи от нас далеко.

– Ты хоть понимаешь, что бы могло случиться если бы я вовремя не заметила, что тебя нет? – Арчи разъяренно впилась в кафтан предсказателя рукой, выкручивая изношенную ткань. – В лучшем случае, ты бы остался без всех своих

вещей. В худшем – отправился бы в клетку к другим рабам.

– Ну, еще бы меня могли просто убить, – попробовал пошутить Вебер, но быстро удостоверился в неудачности этой идеи только взглянув в помрачневшее лицо Арчи.

– Да ладно вам нотации ему читать, – подал голос Гарри. – Ну сглупил, да с кем не бывает? Помните вот, как Ас как-то свой меч случайно в деревенском толчке утопил? Мы его еще неделю потом подначивали. Ну так никто же тогда не ворчал: «Ты хоть понимаешь, что могло бы случиться если бы на тебя напали, а твой меч в дерьме плавает?»

– Черт, и не напоминай, – отмахнулся Ас. – Я тот многозначительный взгляд Остина до конца своих дней не забуду. Хуже любых нотаций, уж поверь мне на слово!

Каким-то чудом Гарри удалось смягчить обстановку, умирив при этом гнев Арчи. Судя по улыбкам, окрасившим лица наемников, они все вспомнили ситуацию что однажды принесла им немало смеха. Все четверо отправились к лагерю гвардейцев, лавируя между шастающими тут и там путниками.

Теперь наемники буквально конвоировали предсказателя, не позволяя тому ступить и шагу в сторону. Слегка униженному Верго оставалось только смиренно переставлять ноги. Как бы ни было неприятно это признавать, но его спутники были совершенно правы – его поведение было крайне неосторожным и необдуманым. Если бы наемники не пришли ему на помощь, а бандиты решили бы приобщить его

к прелестям рабовладельческого строя, избегая при этом нанесения ему каких-либо тяжких увечий, то его способность к предвидению определенно бы не сработала, и кто знает, что бы тогда с ним стало.

Уже на подходе к лагерю гвардейцев наемники встали как вкопанные, пропуская целую процессию продвигавшихся к воротам города людей, одетых в длинные, закрывающие собой все тело (включая лицо), подпоясанные голубые балахоны.

– Пусть солнца свет нас не оставит... – чуть ли не в унисон пробормотали путники, символически прикрывая рот рукой. Особо суеверный Ас даже решил на всякий случай закончить фразу-оберег:

– И пусть всю скверну он опалит!

Те же формулировки слышались еще с нескольких сторон. Встречая голубые балахоны, каждый добропорядочный гражданин федерации считал своим долгом защитной фразой обезопасить себя и своих близких от заразы скрываемой за этими одеяниями. Впрочем, некоторые предпочитали сплевывать через левое плечо, а другие просто крестились. Увы, не было задокументировано ни единого подтвержденного случая, когда какой-либо из вышеупомянутых ритуалов действительно возымел бы осязаемое действие, но это совершенно не останавливало простой люд от их использования.

– Прокаженные выродки... – тихо сплюнул старый помощник извозчика, стоящий в пяти метрах от Вебера.

– Да чтоб эту нежить тьма пожрала! – донесся до слуха наемников женский возглас.

В сторону Голубых Балахонов всегда прилетало немало оскорблений и обвинений. Таков был порядок вещей в федерации. Большим презрением пользовались разве только сектанты Кровавого Бога, практикующие ритуальное кровопийство, но те хоть могли успешно скрываться, ведь их внешность ничем выразительным не отличалась от внешности любого заурядного прохожего. Голубым Балахонам в этом плане повезло намного меньше. Могло показаться что в федерации жизнь людей, скрывающихся за голубыми тканями своегнущее уродство, была совершенно невыносима, но поразительная правда состояла в том, что по меркам мира, в котором Верго довелось родиться, законы Равии были одними из самых гуманных в вопросах Голубых Балахонов. Насколько было известно предсказателю, федерация была единственной страной, где изувеченные нележкой долей бедолаги вообще с законодательной точки зрения были равны в правах со здоровыми людьми. Та же Ловакия еще давным-давно объявила Голубые Балахоны вне закона, ежегодно устраивая их публичную травлю и организовывая на них бесчеловечную охоту, итогом которой, как водится, была умопомрачительная в своей жестокости расправа.

К сожалению, равенство прав на бумаге – это отнюдь не то же самое что и равенство прав в реальной жизни. Люди с опаской и ненавистью относились к изувеченным собратям,

природы увечий которых они не понимали. Сколько бы прогрессивных ученых мужей федерации ни предпринимало попыток развенчать въевшиеся в культурный код граждан мифы о обладателях голубых балахонов, сколько бы ни убеждало детей в школе о сравнительной безопасности недуга и весьма специфических условиях пробуждения патогена, люд продолжал впитывать с молоком матери суеверный страх перед всем неведомым.

Ненавистные и презираемые, Голубые Балахоны шли своей дорогой высоко подняв головы, совершенно не отвлекаясь на царящий вокруг них шум и активную жестикуляцию недовольных путников. Процессия довольно быстро исчезла вдаль, оставляя после себя неприятный сладковатый запах, витающий в воздухе. Вебер не хотел даже думать о том, что могло его породить.

На месте стоянки гвардейцев, идущих обратно наемников ждал неожиданный сюрприз – в двух шагах от донельзя хмурого Остина стоял дорого одетый мужчина. Переходящая в зачесанные бакенбарды, короткая и аккуратная бородка опоясывала подбородок незнакомца, в то время как компактный оранжевый котелок, хорошо подходящий к не менее оранжевому, сшитому на заказ пиджаку, прикрывал его голову. Чистые, практически нетронутые пылью сапоги и белоснежно белые перчатки красноречиво свидетельствовали, что к шастающим по округе чумазым странникам незнакомец не имел никакого отношения.

– Мистер Вебер, я полагаю? – низким приятным тоном поприветствовал незнакомец предсказателя. – Мое имя Иммор Касторский. Я посланник достопочтенного господина Джошуа Каламаджа. Мой господин приветствует вас у врат Ганой и в срочном порядке приглашает вас и мистера Голдберга на разговор. Мне велено довести до вашего ведома что дело срочное и не терпит отлагательств, но я не имею права сообщать вам, о чем именно пойдет беседа, могу сказать лишь одно – это связано непосредственно с вашими нынешними обязательствами.

– Джошуа Каламадж... – вторил предсказатель, пытаюсь вспомнить, знакомо ли ему это имя.

– Вы и ваше сопровождение в сборе, но как я вижу, мистер Голдберг отсутствует. Где бы я мог его найти? – невозмутимо продолжил Иммор, не став дожидаться ответного приветствия.

– Скоро должен вернуться. Вот как придет, пусть он и решает – идти с тобой, или нет, – сухо ответил Остин своим классическим недружелюбным тоном.

Иммор кивнул, принявшись терпеливо ожидать прихода торговца оружием. К счастью, того и правда не пришлось долго ждать. Примерно через семь минут запыхавшийся и чертовски раздраженный Голдберг уже стоял у лагеря наемников, рассерженно бурча себе под нос проклятия:

– Грязные выродки! Схаррат! Да как они посмели? Меня! Меня не пустить в город?! Да весь этот затупленный мусор

что они называют оружием, оказался у них в руках только потому, что я продал его чертовому городскому совету! Без меня охраняли бы они эту клоаку с палками в руках!

Когда посланник Каламаджа объяснил цель своего визита Барону, на лице последнего проступила непостижимая смесь самых разных эмоций, главенствующей из которых, по всей видимости, было недоумение.

Видя замешательство торговца оружием, с надлежащим поклоном Иммор поспешил передать тому шелковую белую перчатку своего господина – общеизвестный жест мирных переговоров.

Недолго поразмыслив и обменявшись своими умозаключениями с главарем наемников, Голдберг решил-таки отправиться на встречу, взяв при этом обоих своих телохранителей и оставив наемников охранять Марка в лагере. Приглашение от своего заклятого врага определенно выбило Барона из колеи, и теперь тот буквально разрывался между осторожностью и жгучим любопытством.

Путь к расположению главы картеля не был долог – тот решил покинуть черту города, временно обосновавшись в крупном, особенно хорошо охраняемом шатре. Не меньше двух десятков солдат безостановочно патрулировало периметр убежища Каламаджа, состоящего из двух больших секций.

Приблизившись к временному сооружению, Голдберг и Верго были обысканы, а сопровождающие их телохранители,

по требованию начальника охраны дома Каламаджей, были оставлены нести вахту за пределами шатра.

– Если бы он действительно хотел убить нас здесь и сейчас, то эти двое бы нас не спасли, – безразлично выдал предсказателю свои мысли Барон, первым ступая в шатер.

Первый сегмент шатра представлял из себя походную кухню: вместе с несущим там свой пост часовым, в нем располагалось несколько поваров, безустанно что-то варящих в походных котлах, установленных поверх переносных угольных печей, дымоходы от которых устремлялись ввысь, через ткань шатра, выводя нежеланный дым наружу. На установленном рядом столе уже располагалось несколько аппетитных яств, находящихся где-то на стыке между этапом готовки и этапом сервировки. Золотистая копченая семга, только что запеченная свиная нога, покрытая аппетитнейшей коричневатой корочкой, и в довершение – серебряное блюдо, заполненное до краев паштетом из гусиной печени. Под столом виднелись множественные бутылки различных алкогольных напитков, а за печками покоились ящики с другой провизией.

Божественно приятный запах так и манил обратить свое внимание на аккуратно расположенные на столе блюда, но Барон был непреклонен. Будто и не замечая ничего вокруг, он прошел в следующий сегмент шатра, заботливо отделенный от первого препоной из роскошной ворсовой ткани, отлично поглощающей звук.

– Приветствую вас, господа. Надеюсь вы сегодня в хорошем здравии? – раздался из полумрака пробирающий до костей властный голос.

Обитающая в глубинах шатра тьма обступила гостей со всех сторон, неприятно давя на привыкшие к яркому солнечному свету глаза. Во мгле шатра можно было разглядеть разве что смутные очертания находящихся там предметов.

– Джошуа, – грозно прохрипел Голдберг. – Ну встреча так встреча. Решил позлорадствовать лично, или собственноручно желаешь отправить нас в могилу?

– Изволь – я с почтением отношусь к древним обычаям Помонта, Филипп. Тебе передали мою перчатку. У тебя есть мое слово что здесь ни один волос не упадет с твоей головы, как и с головы твоего друга, – меланхолично, с нотками скуки вещал голос из глубин шатра.

– Твое слово для меня ничего не значит! – сказал Барон, решительно разрезав воздух перед собой правой рукой.

– Лжешь мне, или обманываешь себя? К чему нам это, Филипп? Мы же не рабочий класс, к чему нам заниматься самообманом? Если бы ты мне так уж не доверял, то не пришел бы сюда, не оставил бы своих верных людей снаружи, не зашел бы в шатер безоружным, – убедительно рассуждал Каламадж.

– А кто сказал, что в моих поступках была к тебе хоть тень доверия? – парировал Голдберг, кивая в сторону предсказателя. – Если бы ты действительно хотел отправить меня на

тот свет, мой человек бы уже мне об этом сообщил.

– «Твой» человек? – усмехнулся глава картеля, выходя из зыбких потемок на пробивающиеся сквозь входную препону лучи света. – Что же вы, мистер Вебер, неужто безвольно позволите приравнять себя к чьей-то собственности?

– Я... – начал было Верго, но не успел даже выдать из себя второе слово, так как его опередил таинственный собеседник:

– Мы с вами еще незнакомы, мистер Вебер, и учитывая тот факт, что вы не местный, наверняка о мне вам известно немного. А если что и известно, то слышали вы лишь осколки истины, – статный Каламадж сделал два шага в сторону своих гостей. В правой руке он держал едва дымящуюся сигару, в левой – толстую папку с бумагами. Мужчина был одет в угольно-черную рубашку с тонким, ярко желтым узором, расплзающимся по всей ее поверхности. Под стать рубашке были подобраны и штаны – что бы это ни была за ткань, она была темнее даже самого темного оникса.

– Мне... – попробовал возобновить свою робкую попытку высказаться предсказатель.

– Меня зовут Джошуа Каламадж, – прервал потуги Верго глава картеля, чеканя каждое слово. – И я из тех, кто предпочитает сразу прояснять существенные для понимания положения дел вещи. Я – сердце Ганои. Я решаю кого впустят в город, а кого нет. Я решаю кто озолотится в попытках здесь заработать, а кто умрет пытаясь. Мое имя вы услыши-

те, когда спросите у любого доходяги в городе – кто удерживает это место от полного коллапса. Запомните это имя, мистер Вебер, в нашем дражайшем могильнике, что по какой-то нелепой случайности еще зовется княжеством, оно имеет вес.

– Ты сама скромность, – язвительно заметил Голдберг.

– Мы живем в джунглях, Филипп. Скромность здесь не в почете, – Джошуа сделал короткую затяжку от сигары, струсив образовавшийся пепел в стоявшую на письменном столе фарфоровую пепельницу. – Я могу быть с вами откровенен, джентльмены? – Не дав своим собеседникам и нескольких секунд на ответ, Каламадж кивнул, словно отвечая самому себе, после чего решительно продолжил: – Три тысячи крат. Жалованье моего адъютанта за практически целых сто десять лет непрерывной работы без выходных, отгулов и отпуска – столько я готов был отдать за то, чтобы вы, господа, не добрались сюда живыми. И хорошо еще что я заплатил подрядчику только половину суммы авансом.

– Новый Ковен? – выдавил из себя раскрасневшийся от гнева Барон.

– Какая пронизательность... – Мило улыбнулся Каламадж, разводя в стороны руки. – Мой план был претенциозен. Марк Пальмонтский погибает где-то в забытых богами лесах при таинственных обстоятельствах, а мой фаворит прибирает власть к моим, экхем... своим рукам, – как бы невзначай оговорился глава картеля, после чего резко

помрачнел, выдохнув вязкое облачко табачного дыма. – Но возникла одна проблема.

– И под проблемой ты подразумеваешь... – Барон окинул оценивающим взглядом предсказателя.

– Нет, нет, что ты! Дражайший мистер Вебер был пускай и существенным, но все же просто препятствием. На проблему он никак не тянет. Мой жирный ассистент просто недостаточно глубоко копнул, – проговорил Джошуа сотрясая в воздухе папкой с бумагами. – А играть партию не зная особенностей всех фигур... Сами понимаете. Но это дело исправимое. Возможность видеть будущее пускай и очаровательна, но сама по себе еще не гарантирует вам способность его изменить.

– Ближе к делу, – торопливо проворчал старый торговец оружием.

– Вам что-то говорит имя Кассиус Пекос? Полагаю, что нет. Да что там, до недавнего времени оно мне тоже ничего не говорило. Несколько дней назад этот человек убил моего Аттикуса – он убил моего фаворита. Пожалуй, если за всю свою жизнь я и испытывал к кому-то симпатию, то только к нему. Идеальный кандидат. Он был смышлен, благоразумен, хитер и красноречив. Из мальчика бы вышел чудесный правитель. Он был мне как сын. Я с пеленок готовил его к этой роли, и он сам и близко не осознавал того, насколько выдающимися характеристиками обладал. Но теперь он мертв. И я не могу ничего с этим поделать, – в речах Каламаджа

проскользнули грозные металлические нотки. – Я узнал о ублюдке что убил Аттикуса все что было возможно. Я знаю его настоящее имя, знаю откуда он взялся, я даже знаю какого дьявола этот недоносок всегда ходит в маске.

– Это все конечно любопытно, но какое отношение твои рассказы имеют к нам? – спросил Голдберг.

– А такое, Филипп, что вышеупомянутый Кассиус превратил обитателей чудной деревеньки Гларь, через которую вы проходили, в подгнивших мумий, и сделал он это только потому, что думал, что вы находитесь среди местных жителей. Такое, что он вместе со своими подельниками напал на вас совсем недавно, в заброшенной обсерватории, где вы чудом избежали, прямо-таки скажем незавидной участи, – проговорил не без доли раздражения Джошуа.

– Так Гларь и обсерватория это не твоих рук дело? – удивился Барон.

– Его имя, его настоящее имя, не имеет ничего общего с псевдонимом под которым он известен. Его зовут Игори, Игори Пальмонтский.

– Был еще один наследник? – наконец вмешался в разговор Верго.

– Быть не может, – опешил Голдберг, прикрывая свои усы рукой. – Мы с Самюэлем все тщательно перепроверили – у князя не было других детей по мужской линии.

– А это и не ребенок князя, – грустно проговорил Джошуа, забрасывая небольшой окурок сигары в фарфоровую

пепельницу. Он достал из своей папки прямоугольную медную пластину с тонким напылением серебра, сквозь которое проглядывало изображение какого-то мальчишки. Он протянул ее своим собеседникам, после чего продолжил: – Игори Пальмонтский был бастардом отца почившего Ремуса Пальмонтского, то есть его братом. С детства сохранился только один его дагеротип, других уцелевших изображений нет. Официально ребенок погиб в двенадцатилетнем возрасте, от ветрянки. В действительности же все указывает на то, что тридцативосьмилетний Кассиус Пекос и Игори Пальмонтский это один и тот же человек. Он настоящее чудовище: жесток, безжалостен, амбициозен и очень жаден ко власти. На протяжении более чем пятнадцати лет он возглавлял крупную воровскую шайку на севере княжества. Сейчас этого ему стало мало. Не знаю, как давно он планировал данную затею, и был ли он причастен к гибели последнего князя, но стоит ему покончить с вашим фаворитом, как у него появится неиллюзорная возможность стать следующим князем Помонта. Если самую малость пораскинуть мозгами, то становится очевидно, что именно этого он и добивается.

Верго внимательно изучил протянутый ему дагеротип – на нем был изображен худощавый юный мальчишка с ломкими короткими волосами и крайне недовольным выражением лица. На вид тот ничем принципиально не отличался от любого другого мальчишки своего возраста.

Тонкая металлическая пластина переливалась, меняя

цветовую гамму изображения от малейшего наклона. Чтобы увидеть изображение в хоть сколько-нибудь приемлемых цветах, приходилось смотреть на пластину под строго определенным углом.

Старый фотографический процесс, основывающийся на светочувствительности йодистого серебра, и требующий дорогостоящих и сложных в производстве пластин меди, покрытых тонким слоем того же серебра, а нередко и защитным слоем золота в придачу, давно уже утратил свою актуальность в центральных регионах федерации, уступив место более дешевому и доступному методу камеры-обскура. Все же, как и ожидалось, до княжества прогресс добирался с весьма ощутимой задержкой.

Предсказатель слегка поморщился разглядывая занятный раритет, согласно его мнению таким вещичкам давно уже пора опрарвиться в музей, заняв там свое место в качестве пыльных экспонатов.

– Жестокий, безжалостный, жадный ко власти – не понимаю в чем проблема, ты отлично с ним сработался, – саркастично подметил Барон. – Да и к тому же, по дороге к Ганое мы успели похоронить твоего Игоря вместе с еще дымящимися обломками обсерватории. Не думаю, что он еще представляет нам какую-то угрозу.

– Боюсь ты преждевременно радуешься. Девять часов назад в одну из лечебниц Ганой с ожогами попал некто, кого записали в учетной книге как «К. Пекос». Когда мои люди

пришли навестить нашего недожаренного гостя, он уже растворился в черте города, – Джошуа сделал драматическую паузу, воспользовавшись ею чтобы тревожно обойти по кругу весь сегмент своего шатра. – Я даже подумывал о том, чтобы вновь прибегнуть к услугам Нового Ковена, но, поразмыслив о их последних просчетах, все же решил обратиться к более надежному подрядчику. Благо, одно крайне удачное знакомство с парочкой Карателей позволяет мне это сделать.

– Сначала ренегаты Нового Ковена, а теперь еще и Каратели? Что дальше, Джошуа? Ударишь по рукам с самим дьяволом? Зачем... На кой черт ты мне все это рассказываешь?

– Я посвящаю тебя в детали, Филипп, чтобы ты в полной мере осознал с кем мы имеем дело и на что мне приходится идти. Кассиус психопат, настоящий маньяк, получающий удовольствие от убийства и пыток. Он действительно опасен. Только по предварительным сводкам на его руках кровь порядка трех сотен человек. И я говорю не о работе его банды, а сугубо о нем, о тех, кого он прикончил собственноручно. В скольких убийствах он поучаствовал косвенно, и предположить не берусь. С таким бешеным зверем мне не по пути, – совершенно серьезно заметил Каламадж. – Выбирая между твоим бесхарактерным сопляком и этим чудовищем, я предпочту поддержать первого.

– Поддержать? Я верно расслышал? Ушам своим не верю! Ты предлагаешь нам с Риганцем союз?

– Радуйся, Филипп. Не каждый день твой заклятый враг

признается тебе в проигрыше. Меня переиграли, но я хочу, и я могу сделать еще по крайней мере две вещи: отомстить, и удержать свои позиции.

– Но на кой черт ты нам нужен? Мы в шаге от Ганои и стоит Марку стать князем, как весь городской гарнизон послушно присягнет ему в верности. Мы изловим и выпотрошим эту паскуду и без твоей помощи.

– Я сильно сомневаюсь, но даже если и так... Может ваша озабоченная электрификацией коалиция и имеет какое-то влияние на задворках княжества, но здесь вы ни на что не способны. Даже когда гарнизон присягнет Марку в верности, ты думаешь, то же сделают представители торговой палаты? Неужели ты настолько наивен, что полагаешь будто все те магнаты с которыми я наработывал связи годами, тотчас встанут на твою сторону, что посветят тебя в тонкости своих схем? Я ухожу корнями глубоко в торгово-экономическую сферу города. Каждый крупный откат, каждое проведение публичных торгов – все проходит через меня. Тебе не приручить город построенный на кровавых деньгах одной только силой и лояльностью к князю, и ты это понимаешь. Но когда ты заключишь со мной союз, когда пойдешь на этот шаг, то получишь все и сразу. Сотни идеально налаженных логистических сетей, десятки чиновников что будут приходить к тебе не поклон, внимая каждому твоему слову, широчайший рынок сбыта где ты сможешь продать все что захочешь, даже свое оружие. Вместе, собрав наши силы

и возможности в единый кулак, мы раздавим этого Пекоса. Только представь себе это, впервые за последние две сотни лет дом Каламаджей и дом Риганцев может оставить позади свои распри и править княжеством вместе, без соперничества. Мы сможем построить здесь небывалую монополию. Мы сами будем устанавливать цены на продаваемое сырье, а не следовать этим унижительным ценовым квотам, которыми заботливо обложило нас правительство федерации. Мы сами будем диктовать свои условия столице! – уже начав говорить на повышенных тонах, Джошуа закончил свою тираду практически крича. – Я готов всецело поддержать вас и вашего кандидата. Готов закрыть глаза на все те конфликты что между нами возникали. И со своей стороны я прошу достаточно немногого: сохранение моего большинства в городском совете, равно как и сохранения позиций моей энергетической компании «Пасквиль» на рынке. Так уж и быть, я готов даже закрыть все дочерние компании, – все в угоду вашей утопической электрификации и нашему новому плодотворному сотрудничеству. Решайся Филипп, более выгодное предложение уже никогда не последует!

Барон опешил, он не был готов к такому предложению. Несколько секунд он и вовсе не знал, что ответить. На секунду его рот приоткрылся, казалось, готовясь выдать ответ, но тут же молниеносно захлопнулся, заставив пышные усы Голдберга заходить ходуном. На морщинистом лбу торговца оружием проступило несколько увесистых капелек пота.

Наконец, собравшись с мыслями он смог выдать из себя несколько слов:

– Но как же Самюэль? Я не могу принять решение и за него. Мы должны поставить его в известность о предложении.

– Брось, Филипп. Письмо будет доставляться Риганцу не один день и на обратный ответ придется ждать не меньше. А у нас есть одна проблема в маске, которую нужно решить здесь и сейчас. Да и в конце концов, все мы знаем, что решающее слово в вашем «дружеском» союзе остается именно за тобой. Этому трусливому блондину не хватило смелости даже покинуть пределы своего поместья. И что мы видим? Его дела поехал улаживать именно ты. Учитывая все что ты для него сделал за последние десять лет, ты имеешь такое же право представлять его дом, как и любой из его членов. Я уверен, он примет любое твое решение.

Вебер оказался отстраненным зрителем разворачивающейся у него на глазах драмы государственного масштаба. Отстраненный, безучастный и всеми игнорируемый, он с интересом вслушивался в разговор, исход которого мог решить судьбу всего княжества. Такого поворота он определенно не ожидал. Да что там, еще неделю назад все это дело виделось ему простой и вполне себе тривиальной задачей. Всего-то и требовалось: доставить разумный двуногий груз из одного места в заднице мира, в другое место, все также в заднице мира. Так во что же он впутался?

Будто прочувствовав искреннее недоумение своего хозяина, желудок предсказателя разразился жалобной китовой песнью, достаточно громкой, чтобы привлечь к себе внимание достопочтенных господ, определявших будущее Помонта в нескольких шагах от него. Две пары глаз уставились на немного смущенного Вебера.

– Риман! Где твои обещанные семги да паштеты? Гости голодны, тащи блюда сюда! – слегка повышенным тоном потребовал Каламадж, немного приподнимая рукой подол, разделяющий сегменты шатра.

Свет поспешил проникнуть сквозь образовавшуюся щель, позволяя привыкшим к царившему тут полумраку глазам двоих гостей, получше разглядеть внутреннее убранство личного шатра главы картеля. Землю укрывал теплый круглый ковер, сделанный из шкур каких-то зверьков. Посреди комнаты располагался массивный письменный стол, на котором, как выяснилось, стояла не одна только фарфоровая пепельница – он был завален картами, письменными принадлежностями и всевозможными бумагами, лежавшими вперемешку со вскрытыми письмами и чьими-то конторскими книгами. На бумагах красовались многочисленные таблицы, ровные ряды чисел, и нередкие пометки, сделанные размашистым, слегка неряшливым подчерком Джошуа.

Стол окружали вычурные лакированные стулья, изготовленные не иначе как из красивейшей древесины акации. У стульев была нагромождена целая череда подсвечников и

ламп. Все как один были потушены. Наконец, особняком на краю шатра стоял маленький круглый столик, удерживавший на себя бутылку дорогого бурбона, распечатанную пачку действительно толстых сигар, и несколько красивых широких бокалов.

– Я дико извиняюсь, – вкрадчиво начал предсказатель, придав своему лицу серьезное выражение, – но меня вы зачем сюда позвали? Кажется, прозвучавшая тут информация не предназначена для посторонних ушей, а лишние проблемы мне, разумеется, ни к чему, и своих хватает.

– Вы, мистер Вебер, основательно увязли в этой истории, – недобрым тоном проговорил Каламадж, раздраженно заглядывая за разделяющий сегменты шатра подол. – Мои друзья, что должны прийти сюда с минуту на минуту, очень-очень вами заинтересовались. – Одним резким движением Джошуа полностью отодвинул подол, представ перед пустующим местом для готовки. Помимо главы картеля и его двоих гостей в шатре не было ни души. – Риман! Какого дьявола охрана не на посту?

Недоброе предчувствие посетило предсказателя, он перекинулся быстрым взглядом со встревоженным Бароном, увидев в глазах последнего отражение своей тревоги.

– Мы в заднице, – только и успел подытожить торговец оружием перед тем как безвольно осесть на пол.

Верго ухватился за сжимаемое спазмами горло, безвольно опускаясь на четвереньки, будучи не в силах более удержи-

вать вес резко потяжелевшего тела на своих двоих. Вместо членораздельных слов, из его глотки раздался сухой спазматический кашель.

На его глазах, судорожно хватаясь за ткань шатра, на землю сполз удушаемый все теми же симптомами Каламадж. Лицо главы картеля было перекошено от гнева.

Предсказатель уже морально подготовился к грядущей отключке, с нетерпением ожидая характерного звона в ушах, что принес бы ему облегчение, но сознание все никак не желало ускользнуть. Верго продолжал все видеть и слышать, пускай и был сокрушен бессилием и непрекращающимся кашлем.

Слегка прихрамывающая фигура зашла в шатер, неспешным шагом приблизившись к корчащимся на земле мужчинам. Незнакомец оглядел своих жертв, после чего проследовал к столу с документами, запустив руки в стопки бумаг.

– И каждый из них должен ему денег? – раздался глухой голос из-под маски. Незнакомец приподнял раскрытую конторскую книгу над столом, позволяя сложенным в нее листам бумаги свободно разлететься по полу шатра.

– Только половина, остальным должен он сам, – донес еще один голос. Этот принадлежал упитанному округлому тельцу, неуверенно переминавшемуся с ноги на ногу у входа в шатер. Громко посапывая и издавая раздражающие хрюкающие звуки при произнесении согласных букв, тельце заковыляло вглубь шатра. Лицо второго незнакомца было тща-

тельно замотанно в пропитанный травами плотный шарф, из-под которого едва-едва проглядывали крохотные поросы-чьи глазки.

– Гедройц, ты жадная свинья... – с трудом прошипел Ка-ламадж, впившись в пришедшего хищническим взглядом.

– Видите, все как и обещано, они все здесь. Так чего ждем? Убьем этот мусор и дело с концом! – прощebetал тол-стяк боязливо обходя стороной своего бывшего хозяина.

– Раз я сказал, что они сдохнут, значит сдохнут, но не сей-час. Мне не нужно больше подобных сюрпризов, – сказал человек в маске, сотрясая в воздухе тщательно замотанной в слегка окровавленные бинты рукой. – Видящий будущее ублюдок заставил меня поволноваться, а я не люблю излиш-нее волнение.

– Эмм... Но, как бы это сказать... Как я помню, уговор был таков, что я занимаюсь временем и местом, а вы... – немного раздраженно запричитал Олаф, поправляя прилип-ший к толстым щекам шарф.

– Ты меня сейчас что, поучать собрался?

– Нет, я только...

– Ты думаешь, что я тупой кусок дерьма, который не пом-нит, что и кому он гарантировал?

– Нет, нет, я такого не...

– А мне показалось что ты именно это и хотел сказать. Знаешь, что? Закрой свою свинячью пасть, пока я ее сам не захлопнул раз и навсегда. В следующий раз, перед тем как

что-то сказать – подумай трижды, ублюдок. Ты не будешь диктовать мне свои условия! – грозно и остервенело продекларировал Кассиус, сделав несколько резких шагов в направлении пятывшегося Гедройца и ухватив того своей правой рукой за воротник. – Кивни, если ты меня понял.

Потерявший дар речи Олаф боязливо кивнул, опасаясь лишний раз пошевелится. Он даже задержал дыхание чтобы не раздражать убийцу в маске своим сопением.

– Хорошо, так и молчи. Если мне нужно будет твое мнение – я его у тебя сам спрошу. – Убрал руку от желтых одежд толстяка Пекос. Отойдя от Олафа он присел на корточки у едва дышащего предсказателя, повернув голову последнего так, чтобы тот смотрел убийце прямо на маску. – До вчерашнего дня я в жизни бы не поверил, скажи мне кто, что человек может видеть будущее. По-настоящему его видеть, во всех деталях. Но тот факт, что ты добрался сюда живым, красноречивее некуда это доказывает, везучий ты ублюдок. За сегодня мне пришлось перевернуть пол города чтобы найти твоего старого заказчика и выбить из него информацию о том, как именно работает твоя сила. Сказать по правде – держи ты свой рот на замке почаще, и у меня бы не было и шанса против тебя. Но это не только твоя беда, я считаю, что всем в этом чертовом княжестве стоило бы чаще помалкивать. – Пекос занес свой кулак над лицом предсказателя, сжав пальцы для удара. – Прощай, сукин сын, больше мы не увидимся.

Тяжелый удар погрузил ослабленного Вебера в долгожданное беспмятство, временно освободив его от оков страданий и страха. Тьма приняла его как старого знакомого, распахнув свои холодные объятия навстречу уставшему мужчине.

Глава 14. Предложение от которого не отказываются

Сорвавшаяся с потолка холодная капля скопившегося там конденсата плюхнулась предсказателю прямоиком на чумазый лоб, пробуждая того от тягостного беспамятства. С трудом раскрыв слипшиеся глаза, Вебер сразу же заметил, что в ширине обзора левый глаз значительно уступал правому. По всей видимости сказывался отек в месте удара. Верго обнаружил себя скованным по отведенным за спину рукам, подвешенным на такой высоте, что его ноги едва касались земли. Он был прикован к вмонтированным в стены толстым металлическим скобам, где-то в темном влажном помещении, хорошо продуваемом шальными сквозняками.

О характере тюрьмы предсказателя можно было судить по трем признакам: уходящему вдаль от места заточения Вебера узкому тоннелю, заполненному журчащей темной водой, тянущемуся по полу глубокому желобу, и самое главное, по характерной вони.

«Канализация. Ну почему именно канализация?» – подумал Верго, попробовав издать возглас полный досады и отращения. Вот только из его рта донеслось лишь жалкое мычание. В попытках пошевелить в пересохшем рту языком, предсказатель уперся в надежно закрепленный на его рото-

вом аппарате кляп. Кожаный ремешок дьявольского приспособления надежно обхватывал его голову, не оставляя даже малейшей возможности издать сколь-нибудь членораздельный звук.

Последовавшие попытки освободить руки также не увенчались успехом. Глупо было надеяться, что жалких силенок предсказателя хватит на то, чтобы разорвать стальные оковы, что так плотно обхватывали его запястья. Отказавшись от этой затеи, мужчина попробовал вырвать из стены крепления, стараясь расшатать их, но и тут его ждала неудача. Кто бы его здесь ни заковал, сделал он это с особой щепетильностью. Металлические крепления были нерушимой частью стены, не было и малейшей возможности их оттуда вырвать.

Посуетившись с пол часа, предсказатель оставил свои бесплодные попытки, издав недовольное мычание. В одиночку ему было никак не выбраться, это уж точно.

Жирная навозная муха села мужчине на нос, заставив того активно замотать головой – в свете последних событий Вебер начал испытывать нездоровый страх перед мелкими насекомыми. Слишком еще свежи были воспоминания о всепоглощающей орде этих созданий, с которой ему едва удалось справиться.

Пытаясь отвлечься от летающих тут мух, болезненно затекших суставов рук и разбухшего от жажды языка, Верго сознательно удалился в свой внутренний мирок, наглухо захлопнув ставни восприятия жестокого окружающего мира.

У него не было и тени сомнения в том почему он был заточен в подземелье. Учитывая вполне себе конкретные реплики убийцы в маске, произнесенные им незадолго до того, как предсказатель потерял сознание, сделать соответствующие выводы было не сложно.

«Кассиус каким-то чудом сумел-таки выбраться из-под завалов обсерватории. Вероятно, когда мы еще находились у ее обугленных остатков он воспользовался своей силой не только чтобы прикончить нас. Нет, смысл был в другом: этим он надеялся привлечь внимание отправившихся за ним следом людей. Они то его, наверное, и вытащили оттуда, – мысленно рассуждал предсказатель, устало нахмутив лоб. – Его везли по главному тракту, отсюда и его преимущество в скорости. Вот почему он добрался к Ганое раньше нас. И это только пол беды. То, что я вижу здесь как беспомощная кукла, а не переживаю видение собственной гибели, свидетельствует о том, что он действительно нашел человека что ранее со мной работал. Пекос разузнал что мои видения проявляются только тогда, когда мне или кому-то из моего окружения грозит смерть или увечье. Поэтому он и явился в шатер с твердым намереньем никому пока не вредить. Поэтому я и скован здесь целым и практически невредимым. Он узнал о условии работы моих сил, но вероятно не был уверен в сроках их срабатывания, для того и перестраховался, решив держать меня здесь живым, подальше от моих спутников, и от себя, разумеется. Черт, никогда бы не подумал, что кто-

то сможет так меня переиграть. И правда, стоило трепаться о своих силах поменьше. Все виноват мой чертов длинный язык. Вот же редкостное скотство. Мне конец. Если у него есть хотя бы зачатки мозга, а они есть, то мне живым отсюда не выбраться. Учитывая мое положение, тут и сотня видений не поможет. Все равно я ничего не смогу сделать, чтобы я в них ни увидел».

Грустно вздохнув, Верго позволил себе пустить одинокую слезу, не столько по плачевности своего положения, сколько от обиды на свою говорливость. Ему виделось что именно она привела его к краху.

«Вот же, отец бы сейчас позлорадствовал. Он ведь всегда говорил, что в ином деле, кроме как в деле фермера, мне не преуспеть, что не выйдет из меня доктор. А мать, должно быть, просто посмотрела бы своим укоризненным взглядом мне прямо в глаза, грустно покачав головой. Хорошо, что они меня сейчас не видят. Хотя, все равно для них я уже давно мертв. За мою прошлую смерть им хотя бы пришла компенсация из военной канцелярии федерации. За эту же им ничего не придет, – позволял проникать в себя все более пессимистичным мыслям Верго. – Интересно, им тогда досталась какая-то лицемерно-патриотическая медалька или грамота, свидетельствующая о моем самоотверженном героизме, или все-таки федерация поскупилась на почести?»

Приглушенный нервный смешок предсказателя отправился бродить по зловонным тоннелям канализации, пугая

прогуливающих по ним облезлых крыс. За ним последовал второй и третий, замещая собою звуки журчащей воды.

Не смотря на царившую в канализации прохладу, Вебер весь покрылся испариной, покрасневшись подобно сваренному раку. Волна тревоги, смешанной с горькой беспомощностью, сотрясла его подвешенное тело, прервав удушающий смех. Ранее он чувствовал себя стоящим на краю пропасти, сейчас же он стремительно несся вниз, с ужасом ожидая противный звук с которым его тело разобьется о самое ее дно.

«Заниженные ожидания никогда не приведут к разочарованию, – невольно пронеслась в голове у предсказателя хорошо знакомая ему фраза. – Но разве я многого хотел? Спокойная жизнь в достатке – и это завышенные ожидания? За это я пострадал, или же все дело во всех тех бедолагах, которых я был вынужден оставить позади себя чтобы выжить? Я должен был поставить их жизни превыше своей? Вздор. Чертов бред. Да ответь же мне! Я же знаю, что ты слышишь мои мысли! Ответь мне, в чем моя вина?! Почему я?! Появись, черт тебя побери, появись и взгляни мне в глаза!»

Лишь удаляющееся гулкое эхо его собственного заглушенного крика ответило ему. Кого бы предсказатель мысленно ни звал, никто не поспешил к нему. Преисполнившись обиды, плавно перетекающей в бурлящий в груди гнев, Верго резко откинул голову, болезненно ударившись о холодный камень стены затылком.

Спустя минуту он повторил странный акт самовредитель-

ства. Снова и снова методично колотя стену собственной головой, он остановился только тогда, когда темные пятна заволокли взор, на пару с проступившими слезами мешая смотреть на унылые подземные декорации. Его голова буквально раскалывалась от глухой боли.

Отведя голову вниз для очередного удара, Верго остановился, тяжело дыша. Он явственно почувствовал рядом чье-то присутствие. На секунду ему показалось что мрак канализации отступил, пропуская в уходящие вдаль тоннели лучи призрачного света.

«Я читал о тебе. Я проштудировал десятки книг и таки выяснил символом чего является якорь. Моряки тысячелетиями отправлялись в дальние плавания не зная вернутся ли они когда-либо еще или нет. На своих кораблях, на своих флагах, и даже на своих телах они оставляли твой символ. Они всегда держали тебя в своих сердцах. Но морем здесь дело не ограничивается. Нищие и богатые, счастливые и несчастные, люди и животные – все они одурманены тобой. Все они хранят тебя, все они живут тобой. Я знаю кто ты», – возобновил свой внутренний диалог предсказатель, будучи уверенным что он будет услышан.

Журчание воды притихло, затихли и шуршащие вдали крысы. Вся канализация погрузилась в могильную тишину, едва разбавляемую неровным дыханием подвешенного за руки человека.

Краем глаза предсказатель заметил плавное движение:

из ниоткуда грациозно выплыла таинственная особа. Словно развеваясь на ветру, длинный и довольно широкий ярко-желтый пояс элегантно обхватывал талию пришедшей гостьи, приятно гармонируя с ее мешковатым девственно-белым одеянием. Одной рукой появившаяся девушка придерживала покрывающую ее голову широкополую соломенную шляпу, увенчанную столь знакомым предсказателю символом – железной эмблемой якоря.

Как и всегда, гостья сохраняла единую цветовую гамму своего наряда, пускай и слегка экспериментируя со своим образом. Но отнюдь не ее одеяния приковали к себе взгляд Верго. Мужчина тщетно силился разглядеть ее лицо, предательски расплывающееся перед глазами.

«С самого момента моего спасения из лагеря в Као я знал, что за это придется платить... Так чего ты от меня хочешь? Разве я недостаточно сделал для тебя? Сколько душ я спас? Если ты недовольна тем, кого я спас, то почему все еще позволяешь мне пользоваться этой силой? А если довольна, то сколько спасенных жизней еще ты от меня ожидаешь? Я давно уже отдал свой долг, – размеренно произносил слова в уме предсказатель, не отрывая взгляда от явившегося ему образа. – Я устал, правда устал. Я устал умирать в твоих видениях, я устал что меня убивают раз за разом, устал быть съеденным, устал быть разорванным на части, устал быть переломанным и утопленным. Я больше так не могу. Я хочу спокойной и тихой жизни. Я больше не хочу страдать ради

призрачного блага других!»

Немного склонив голову на бок, девушка протянула свою руку к щеке Верго, но тот резко отдернул голову, впившись в гостью полным боли взглядом.

«Мне не нужна твоя жалость. Хватит уже играть в эти игры. Просто объясни, чего ты от меня хочешь», – обратился в мыслях к девушке Вебер.

Призрачная фигура неспешно отступила на шаг, убрав руку от предсказателя. С секунду она просто стояла, сомкнув руки у живота, после чего вытянула их перед собой, тем самым протянув мужчине внезапно появившийся странный предмет.

В изящных руках гостьи виднелось нечто темное, инородное. В зловещем предмете угадывались очертания хорошо знакомой предсказателю маски. Мужчина нахмурился, напрягшись всем телом. Протянутая ему темная маска Кассиуса Пекоса была окровавлена и исцарапана. Стоило Веберу взглянуть на то место где должны были бы быть прорези для глаз, как его сознание заполнили сотни и тысячи невыносимых криков. Детский плач по утерянным родителям и женский рев по утраченным детям, мужские завываний, пронизанные нестерпимой болью и страхом, – все это, сливаясь в единую какофонию заполонило разум предсказателя, истязая его.

Мольбы и просьбы, неудержимый плачь и болезненные выкрики доносились со всех сторон, но тотчас пропали, сто-

ило Верго отвести от маски взгляд. Отдышавшись, предсказатель вновь посмотрел на пришедшую к нему девушку.

«Да... Ну конечно. Если он придет ко власти, то утопит княжество в крови. Так значит вот чего ты хочешь. И ты сообщаемшь мне об этом только сейчас?» – вопрошал в уме мужчина, непонимающе вздымая к гостье уставшие глаза.

Таинственная девушка плавным движением сняла с головы шляпу, позволяя удерживаемым до этого длинным волосам высвободиться, обхватив ее плечи. Воздух содрогнулся, наполнившись неуютным звоном, складывающимся в два отдельных слова. Сами слова было не разобрать, но их длинна, как и приданная им интонация, намекнули предсказателю на наиболее вероятное их значение:

«Так нужно».

Верго устало опустил голову, закрыв глаза, тем самым показав, что их своеобразное общение подошло к концу. Ни одно слово не могло бы описать тот хаос что творился сейчас у него в голове. Когда же он наконец вновь открыл глаза чтобы окинуть взглядом свою тюрьму, гости уже не было.

«Я не буду твоей игрушкой вечно, – подумал на прощание предсказатель, безвольно обвисая в неудобных кандалах. – Если ты не припасла для меня еще один козырь, то скорее всего здесь я и умру».

Не смотря на циркулировавшие в его сознании безрадостные мысли, слабое дуновение надежды все еще чувствовалось им в воздухе. Предсказатель помнил, что его гостя не

любила действовать открыто, предпочитая темнить в своих намереньях и планах до самого конца.

Много лунных лет назад, когда Верго был больным и обесилившимся узником военного лагеря, таинственная незнакомка не спешила исцелять его. Она предпочла дожидаться пока Вебер сбежит из-под своего заключения, только после этого избавив его от жуткого заболевания. Впоследствии мужчина не раз задавался вопросом, чего же она тогда ждала?

В конце концов, осмыслив известные ему факты и перебрав множество возможных концепций и идей что могли послужить источником ее мотивации, предсказатель пришел к выводу, что она не желала, чтобы кто-то из экспериментаторов лагеря выяснил, что у него появились способности к предвидению. По всей видимости она не хотела, чтобы через предсказателя федерация воспользовалась дарованными ею силами в своих интересах. С какой-то стороны, для нее это был естественный план. Когда твоей целью является спасение людей, ты явно не захочешь давать безжалостному, ненасытному ко власти государственному механизму возможность заглянуть в будущее.

Но значило ли это, что у нее есть план и на этот раз? Стоило ли Верго и дальше хранить в глубине сердца стремительно затухающую искру надежды? Предсказатель не знал ответ.

Всяк час за часом в удручающих потемках канализации, постепенно ощущая, как сдают свои позиции его почки, на-

полняясь холодом от склизкой каменной стены, мужчина предался давним воспоминаниям как единственному средству, что могло бы помочь ему скоротать время. Картины давно забытого прошлого предстали перед его глазами.

Вот он, одетый в приличного вида новехонький жакет, молодой и амбициозный, восседает в пропахнувшем сигаретным дымом кабаке. Приглушенный свет освещает дышащее размеренной деловитостью место ровно настолько, чтобы заядлые игроки в вист могли разглядеть свои карты. Где-то в стороне раздается звук кия, отправляющего крупный бильярдный шар из кости морских титанов напрямиком в узкую лунку. Мелодичная, слегка заигрывающая с оживленными посетителями музыка, доносящаяся от стоящего в углу фортепиано, заполняет собой помещение. В воздухе отчетливо считывается острота мимолетного азарта, смешанная со страхом потери. Да, потери. В этом месте можно было потерять многое. Некоторые даже теряли в нем себя.

Едва не дрожащий от возбуждения Верго Вебер, мокрой от пота рукой неспешно поднимает со стола крупный наперсток, обнажая слегка потертые игральные кости. Две тройки и единица. Предсказатель запускает свои скрюченные пальцы себе в волосы, едва не вырывая их с корнем от досады. Чьи-то смуглые ухоженные руки, появившиеся напрямиком из облака сигаретного дыма, плавным движением утаскивают себе половину его фишек. Дело было плохо.

Нил де Голь, сидевший по правую руку от Верго, успокаивающе похлопывает того по плечу. Он что-то тихо говорит, но предсказатель его не слышит – ему легко говорить, это не он только что потерял половину от своих годовых сбережений.

Сжав зубы до появления шума в ушах, предсказатель сгребает остатки своих фишек в охапку. Неровным шагом он идет в уборную, ударом распахивая дверь и обливая себя потоком ледяной воды, прямо из-под слегка проржавевшего крана. Он оглядывает себя во вмонтированном в стену серебряном зеркале. Верго мертвецки бледен. Он хочет отыграться, он готов на все чтобы отыграться, но ставки так чертовски высоки...

Дрожащими руками мужчина проворачивает на себе галстук, уже затягивая узел. Привстав на умывальник, он цепляет галстук за острые края газовой люстры. Тяжело дыша, он топчется на скользкой керамике, застыв в нерешительности.

«Один раз. Только один. Я просто один единственный раз отыграюсь и уйду. Пожалуйста», – пробормотал предсказатель, готовясь спрыгнуть.

Что-то останавливает его. Не просто примитивный животный страх, что в последний момент сковывает всех самоубийц, заставляя бороться за свою жизнь. Нет. Это было поистине дурное предчувствие.

Сдернув галстук с люстры и спрыгнув на кафельный

пол, мужчина крепко выругался, схватившись побелевшими пальцами за горло.

«Что если это не видение? Что если я просто умру? Она хочет, чтобы этой силой я спасал жизни, так с чего же ей помогать мне, когда я сам готов отнять свою?» – пронеслась в голове предсказателя устрашающая череда мыслей.

Нет, так рисковать собой он не будет. Даже его годовой заработок этого не стоит. Но как на счет того, чтобы рисковать другими? Раньше, когда страдал кто-то из числа тех людей, на судьбу которых ему было не наплевать, все жуткие события всегда оказывалось видением, лишь яркой предварительной демонстрацией грядущего будущего. Может, впервые ему самому стоит стать инициатором своих видений?

В кабаке был только один человек, жизнь которого что-то для него значила. Вебер побелел пуще прежнего. Хватит ли у него силы воли чтобы отнять жизнь друга? Убить его только для того, чтобы отыгаться самому?

«Это будет просто видение. В реальной жизни никто ведь не пострадает? Убийство кого-то из своих видений, сродни убийству воображаемого приятеля – шалость, да и только, – пробормотал ошарашенный своими же мыслями предсказатель, доставая из кармана тонкий канцелярский нож. – У образов в видениях нет чувств, им не может быть больно, ведь они же не реальны. А я реален. Мои проблемы реальны...»

Находясь в состоянии близком к иступлению, мужчина покинул комнату, вернувшись в помещение, служившее им-

провизированным игорным залом. Срывая дыхание, быстрым шагом пошел он в сторону стола, за которым сидел его друг, пряча в кармане правую руку, все так же сжимающую острый предмет.

«Ну это и гадость», – едва не сплевывает предсказатель, слегка отпив из предложенной ему фляги.

«Дело здесь не во вкусе. Ты подожди немного. Позволь настойке сделать свое дело, – деловито проговаривает де Голь, протягивая другу бокал с красным игристым вином, чтобы тот мог смыть неприятное послевкусие. – Это хит сезона. Вне всякой конкуренции, уж поверь мне. Спрос настолько велик, что мне пришлось переоборудовать всю мою грибную ферму только под выращивание Красного Гриба».

Верго откидывается на спинку плетеного кресла, позволяя приятному теплу распространиться по всему его телу. В голове слегка прояснилось, краски мира стали чуточку ярче. На лице мужчины появилась едва заметная улыбка.

«Я слышал, что в медицине экстракт из этих грибов используют как мощный седативный препарат. Если поиграться с дозировкой, то он может быть и отменным транквилизатором. Но я вот нашел ему другое применение. Думаю, ты со мной согласишься, было бы грешно оставлять это чудо только для лечения тела, тогда как душа, подчас, требует лечения ничуть не в меньшей степени», – продолжал говорить Нил, тоже отхлебывая из фляги.

«Если у тебя она еще есть...» – с трудом шевелил языком одурманенный Вебер.

«Если она у тебя еще есть, – с улыбкой согласился с ним друг, задумчиво окидывая собеседника взглядом. – Знаешь, Верго. Я ведь хотел поговорить с тобой сегодня и о кое-чем важном. Для тебя есть работа. Это хорошие заказчики, я давно с ними сотрудничаю. Ничего сложного – сопроводить конвой, пронаблюдать чтобы с грузом ничего не случилось. Работа на пару дней. Это легкие деньги».

«Я... Нет, у меня дела...» – неуклюже облачал свои мысли в слова предсказатель.

«Дела? У тебя то? Я так не думаю», – усмехнулся Нил, привставая с кресла и неспешно подходя к раскрытому настежь буфету.

«Нет... Нужно... Нужно посетить родню. Я давно хотел. Завтра поезд...» – До Вебера начало доходить что он отхлебнул слишком уж много настойки для первого раза. Он размеренно и неумолимо приближался к состоянию овоща.

«Твоих родителей, надо полагать? Нет, тебе это не нужно. Ты же не маменькин сынок? Тебе ведь больше не нужно прятаться за мамину юбку? У тебя нет семьи. У нас ее быть и не может. Но у тебя есть работа. Давай, отдыхай, завтра возьмешься за дело. Я уже обо всем договорился, – мягко, но настойчиво проговорил де Голь, копошась в забитом под завязку буфете. – И еще, в дорогу я дам тебе еще одну склянку настойки, и если сделаешь все как следует – после дела

получишь еще парочку. Ну? Что ты на меня так смотришь? Мы же друзья. А друзьям полагается помогать друг другу. Именно поэтому я тебе и помогаю».

Одетый в одну только длинную конопляную рубаху, маленький мальчик со всех ног бежал вдоль пологого берега пруда. Грязь с пылью липли к ногам ребенка, но тот совсем не обращал на это никакого внимания.

Оббежав крупный амбар, справившись с полуметровой оградой и пересекши обширное вспаханное поле, мальчик оказался наконец у порога старого кирпичного дома. Облюбовавший тенистые влажные стены постройки хмель оплетал каменное жилище, укрывая собою стены, извечно находящиеся в тени. Зеленый каменный гигант манил собой ребенка, но тот не спешил пересекать порог.

Помявшись у входа, мальчик решил-таки осуществить задуманное и не без труда приоткрыл тяжелые деревянные двери, запуская в дом ласковые лучи столичного солнца. Пройдя мимо гостиной и спальни он остановился на старом потертом ковре, прямо перед входом в кухню. Оттуда доносился неприятный его носу запах кислой выпивки.

Чихнув и утерев рукой нос, юный Верго предстал перед сидящим с недовольным видом отцом. Мужчина, чье грубое загорелое лицо закрывала пышная борода, перерастающая в слегка неопрятные бакенбарды, держал в руках полупустой глиняный кувшин, что обычно использовался для заготовок

яблочного сидра.

«А где матушка?» – выпалил мальчик, словно позабыв за чем пришел.

«Ее сейчас нет», – отрезал мужчина, отхлебнув из кувшина.

«Я тогда попозже зайду...» – извиняющимся тоном выдавил ребенок, пятясь к выходу.

«Что тебе нужно? Живо выкладывай», – резко сказал отец нахмутив брови.

«Ну... Сегодня к нам на рынок опять пришел тот почетный господин... военный интендант...» – робко начал Верго, едва не вжимаясь в стену.

«Даллас? И что этому выблядку было нужно?» – будто бы без интереса спросил отец, но в его голосе явно проскользнули недобрые нотки.

«Он сказал, что когда мне исполнится пятнадцать, я смогу пойти на службу в тот самый пехотный взвод с которого мой брат когда-то начинал! Представляешь? Там меня научат и письму, и грамоте, и все задаром! А когда я отслужу пять лет, то моего жалованья хватит даже на то, чтобы поступить в настоящую академию! Даже в ту, о которой рассказывала матушка!» – пропищал ребенок, совершенно не скрывая своего восторга.

«Письму и грамоте? Академия?! Ты, щенок, уже забыл, что случилось с твоим старшим братом? – побагровел отец, едва не выпустив из рук драгоценный кувшин с пойлом. – В

какой погребальной яме он сейчас валяется?!»

«Но он же стал героем!» – сумел выдать из себя ребенок.

«Героем? Какая к черту разница, герой ты или нет, если ты мертв?! Ублюдок Даллас! Отобрал у меня одного сына, а теперь хочет отобрать и другого?! – взревел мужчина, мгновенно выбравшись из-за стола. – А ну иди сюда, сопляк, я покажу тебе что такое армия! Я выбью ремнем из твоей дурацкой башки саму идею идти на треклятую службу!»

Мальчик съежился, практически осев на пол. Что было ног он рванул из дому, чуть не врезавшись в дверной косяк у самого выхода. Он бежал пока не закончились силы, преодолев и вспаханное поле и все те поля что шли за первым, остановившись только на самом краю поселения. Оглянувшись он убедился, что отец не гонится за ним.

И поделом – в гневе мальчик ударил себя кулаком по голове. Он был сам виноват, что рассказал все именно отцу. Следовало молчать, как и всегда. Молчать, и делать по-своему.

Пелена грез унесла сознание предсказателя даже слишком далеко. Глухой и слепой ко всему, он безостановочно предавался слегка потускневшим от времени воспоминаниям, совершенно не обращая внимание на творящееся вокруг него действо. Тем временем, местная незамысловатая жизнь шла своим чередом: водяные клопы пожирали слизистые зеле-

новатые образования у кромки воды только для того, чтобы быть пожранными облезлыми исхудалыми крысами. Грызуны, будучи местной вершиной пищевой цепочки, совершенно ничего не опасались, вальяжно ползая у самых ног подвешенного за руки мужчины и изредка пробуя подошвы его изношенных сапог на вкус.

Вдруг, наполненную шорохом и крысиной возней идиллию прервал неровный шаг появившегося из тоннеля незнакомца. Закутанный в изодранный плащ бродяга неспешно подошел к Веберу, держа в одной руке тускло светящую керосиновую лампу, а в другой, увесистый бурдюк с водой.

Кое-как вытащив кляп изо рта предсказателя, незнакомец едва ли не насильно влил полтора литра воды в захлебывающегося мужчину, после чего вернул кляп на место, не позволив последнему проронить и слова.

Молчаливый пришелец деловито развернулся, зашагав прочь, но стоило ему скрыться из виду, как из той стороны куда он отправился донесся громкий всплеск, будто кто-то сбросил особенно крупный предмет в местную болотистую жижу. Крысы нетерпеливо засуетились, преодолевая страх они бросились к новому потенциальному источнику пропитания, совершенно позабыв о безвкусной обуви Верго.

– А почему здесь ламп нет? – пронесся громким эхом по канализации чей-то полный любопытства возглас.

– А что тут освещать? Крысиный помет, или людской? – раздался мелодичный женский голос неподалеку от места за-

точения предсказателя. – Гляди. Вот где они его держат. Какое облегчение что мне не придется больше бродить в этих смрадных потемках.

Вебер резко потрусил головою, пытаясь понять, являются ли возникшие перед ним образы плодами его воображения, или же это реальные люди из плоти и крови. Образы, тем временем, подобрались в нему вплотную, позволяя хорошенько себя разглядеть.

С правой стороны от Верго стоял здоровенный лысеющий бугай, беспечно почесывающий затылок. Он вынужденно пригибался чтобы не ударится головой о не очень то и низкие своды тоннеля. Его простоватый взгляд слегка насто-раживал, в отличии от вида его совершенно монструозных кулаков, который уже насто-раживал довольно сильно.

С левой стороны на предсказателя глядела в крайней степени необычайная черноволосая особа. Довольно привлекательная женщина лет тридцати была разодета словно на поминки – один только черный цвет. Черная накидка, черные зауженные штаны, черные сапоги, да что там, даже ее помада была угольно-черного цвета. Столь темные одежды вопиюще контрастировали со снежно-белой кожей пришедшей мадам.

Молча освободив предсказателя при помощи ключа (по всей видимости раздобытого у брошенного в канализационные каналы тела), двоица тактично позволила мужчине отдышаться и размять до одури затекшие конечности, перед тем как донимать его какими бы то ни было разговорами.

– Вебер? Верго Вебер? – скорее из простой формальности, показательно поинтересовалась явно узнавшая его женщина. – Я Эмилия. Мой спутник предпочитает, чтобы его звали Лео.

– Да, я Лео, – радостно и слегка неуместно подтвердил увалень, лучезарно улыбаясь.

– Спасибо. Огромное спасибо. Кто бы вы ни были, я вам жизнью обязан, – совершенно искренне поблагодарил спасителей предсказатель, растирая распухшие и посиневшие запястья. – Но как вы здесь оказались? Кто вы?

– О, сейчас твоей радости поубавится. Мы здесь по просьбе мистера Каламаджа. Мы уполномочены проинспектировать твою персону на наличие способностей к предсказанию будущего, а также сопроводить тебя к Ганое. Чтобы избежать ненужного недопонимания я сразу уточню в какую государственную организацию мы входим, – ровным голосом проговорила Эмилия, выудив из своей накидки матовый металлический значок, выполненный в виде специфической столичной печати.

У предсказателя подкосились ноги. Он беспомощно оглядел своих спасителей, переведя взгляд со значка на их беспристрастные лица, постепенно осознавая свое новое положение. Из смертника в узники. Да и у кого! Можно ли сыскать во всем белом свете конвоиров более устрашающих, чем опаснейшие из чудовищ федерации – овеванные слухами и сплетнями, полулегендарные Каратели? Что же, это была

разительная перемена.

– Но, позвольте, зачем вам я? Ну какое такое предсказание будущего? Да я же просто людям сказки рассказывал, голову морочил, чтобы подзаработать немного, да и только. Если бы я действительно видел будущее, то разве позволил бы себя так бесцеремонно схватить и упрятать в подземелье? – попытался выкарабкаться Верго, отчаянно подбирая аргументы на ходу.

– На этот счет мы тоже получили указания. Чтобы избежать ситуации в которой неподконтрольный сенату человек, способный с чудовищной точностью предсказывать будущее, будет свободно расхаживать по землям Равии, творя что ему вздумается, мне было приказано, видишь ты будущее или нет – убить тебя, если откажешься сотрудничать. Так, на всякий случай. Ну так что, будем сотрудничать, или повесить тебя обратно, но уже головой вниз, чтобы ты смог ближе познакомиться с голодными крысами? – на редкость холодно подвела черту Эмилия, оснатив металлическими нотками свой последний вопрос.

– Я... – едва не проглотил язык, не ожидавший такого поворота предсказатель. – Я всецело готов к сотрудничеству.

Хмыкнув, развернувшись на каблуках, женщина отправилась к выходу из тоннеля, не забыв окликнуть своего спутника, что за прошедшие несколько минут уже успел усесться у некрупного водостока, из любопытства тыкая большими пальцами в склизкие зеленые комочки, вымываемые

сточными водами из-за ржавой решетки. Веберу ничего не оставалось, кроме как послушно последовать за своими новыми тюремщиками.

Мысли о попытке сбежать неоднократно посещали его голову по пути к выходу, но он тщательно душил их на корню. Против Карателей у него не было и единого шанса. Все разумные обитатели федерации, от малолетнего разносчика газет и до последнего портового чернорабочего, знали насколько устрашающей силой обладал сенат в лице этих неприметных с виду ребят. Работоторговцы сумеречных зон, столичная мафия, Новый Ковен, – все они меркли на фоне Карателей. Именно эта подконтрольная власть имущим Равии группировка в древности свергла настоящий Ковен, остановив величайшую гражданскую войну. Именно они сорок лет назад разбили тридцатитысячное войско ловакийцев менее чем за неделю, не позволив дикарям даже проникнуть на территорию федерации. В сказках и преданиях простого люда эти чудовища занимали места даже не героев и злодеев, но сил соизмеримых со стихийными бедствиями.

Как однажды написала одна из тангольских газет, крупнейшая страховая фирма в Равии даже ввела отдельный полис, покрывающий стоимость сопутствующего ущерба, наносимого Карателями при исполнении своих заданий. Потенциальные выплаты ничуть не уступали компенсациям за имущество уничтоженное землетрясениями. Когда столь крупные игроки рынка приравнивают тебя к разрушитель-

ным силам природы, то тебя и правда стоит опасаться.

Впрочем, пришедшая по душу предсказателя парочка еще не успела натворить ничего откровенно ужасного, если конечно не брать во внимание одинокое тело, плавающее в сточных водах. Вебер брезгливо поджал губы, наблюдая как десятки пищащих и безостановочно соперничающих между собой крыс взбирались на еще теплый труп, все никак не желающий уйти под воду. Держа в голове эту жуткую картину, предсказатель послушно позволил вывести себя из канализации.

Стоило троице выбраться на свежий воздух, как Верго резко остановился, внимательно осматривая ближайшие кусты.

– Что ищешь? Там что, кто-то прячется? – искренне поинтересовался Лео, принявшись осматривать блеклую зелень.

– Мне нужно отлучится на секунду.

– Это зачем? Хочешь сбежать? – вытаращил глаза верзила, все никак не унимаясь.

– Я черт его знает сколько провисел в этом подземелье со скованными руками, а штаны у меня, как видно, сухие. Мой мочевой пузырь сейчас лопнет, если я не отлучусь, – Вебер чувствовал себя крайне неловко, объясняя такие очевидные вещи здоровяку, но все же он решил с ним не шутить, придерживая все едкие комментарии при себе.

– Оставь его, Лео. От нас он не сбежит, – дала добро женщина, снимая с волос налипшую на них за время прогулки

по канализации паутину. – Делай что нужно, да только не медли. Помимо тебя у нас с напарником есть еще одно важное дело что не терпит отлагательств.

– Так пусть он нам поможет! – радостно выкрикнул ува-лень, совершенно не заботясь о громкости своего возгласа.

– Поможет? Думаешь стоит? – скептически задумалась на секунду Эмилия, продолжая приводить себя в порядок. – Ну, может это и имеет смысл. По крайней мере мы выясним, так ли он хорош как о нем говорят...

Разрываемый на части любопытством Верго поспешил покончить со своей маленькой проблемкой. Выбравшись наконец из кустов дикой малины, предсказатель осторожно спросил:

– С чем это я должен помочь?

– Согласно моей информации, ты все еще связан узами некого контракта. Полагаю, ты прекрасно понимаешь, о чем идет речь? – медленно проговорив это, женщина дождалась от Вебера кивка, после чего продолжила: – Чудно. Ты все еще должен доставить одного сопливого мальчишку в Ганую. А мы с Лео, в свою очередь, должны разобраться с одной проблемой что является главной этому преградой. Стало быть, с проблемой ты тоже знаком?

– Вы хотите убить Кассиуса?

– Мы не хотим убить Кассиуса, нам вообще без разницы умрет он, или будет жить. Нам приказали убить его. Желание или личное отношение здесь ни причем. Приказ – есть при-

каз. И ты нам с ним поможешь, – Эмилия говорила о таких вещах совсем без интереса. Создавалось впечатление, что ее нынешние обязанности, равно как и вся эта ситуация, ее безмерно раздражали.

– А потом пойдем есть печеные яблоки, – совершенно невпопад выпалил громила, мечтательно закатив глаза и пуская слюни.

– Да, Лео, обязательно пойдем, – слегка смягчившись обратилась к спутнику женщина, едва заметно улыбнувшись. – Но только когда работа будет сделана.

Увалень радостно заулыбался, по-детски прикусив нижнюю губу и даже слегка подпрыгнув от нетерпения. Было совершенно очевидно, что вопрос судьбы княжества занимал этого бугая не больше чем конфликты этического дуализма занимали оставшихся в канализации крыс, а может и того меньше. Верго в ступоре потупил взгляд, не зная, как реагировать на подобный подход своих новоприобретенных спутников.

«А я еще считал Голдберга странным», – пронеслось у предсказателя в голове в тот момент.

– Ладно, идем к барже. Раз уж ты решил остаться с нами, в мире живых, то нам нужно будет обсудить еще несколько важных вещей, но совершенно необязательно делать это здесь, среди камней, кустов и грязи. У нас еще будет время в дороге, – с облегчением сказала женщина, направившись на восток. Ее крупный спутник хвостиком последовал за ней,

все так же витая в мечтах о сочных сладких яблоках.

Канализационный сток ожидаемо выводил нечистоты в небольшую протоку, впадающую в широкую реку, что была известна в княжестве под названием Парида. Дождевая вода, постоянно стекающая с крутых склонов гор и холмов, хорошенько подпитывала реку, гарантируя ее полноводность в любой из сезонов лунного года. Неудивительно, что по ней так любили сплавлять свой товар горнодобытчики, забывая до краев старые размашистые судна.

Одна из таких посудин дожидалась путников, упершись своими изрядно проржавевшими бортами в крутой речной берег. Трюм баржи пустовал, Каратели явно предпочитали путешествовать налегке, не считаясь с интересами команды корабля, что предпочла бы и дальше курсировать тоннаж каменного угля подобным неприбыльным путешествиям. Все же, команда терпеливо ждала возвращения злосчастной двоицы, боясь перечить воле Карателей.

Погрузившись на борт и усевшись на старую дубовую бочку, Верго с интересом принялся осматривать ранее недоступные его взору окрестности. Близко к реке, практические упираясь в ее затоки, раскинулся крупный, неизвестный предсказателю город, в канализации которого ему пришлось провести невесть сколько времени. В одном Верго был уверен точно – это была не Ганоя.

Баржа отчалила, быстро набирая ход. Имея возможность лицезреть поселение в движении и с довольно широкого

спектра ракурсов, мужчина внимательно обегал взглядом представший перед ним вид.

Простоватая неровная застройка, полное отсутствие мощеных дорог (как и единого городского стиля построек в целом), и это все не говоря уже о том, что знаменитый ганойский ледник отсюда уж точно не проглядывался, уступая вакантное место густым хвойным лесам.

Заметив недоумение предсказателя, его догадки подтвердила Эмилия, усевшись на длинный ящик обок:

– Он настолько тебя боялся, что приказал доставить аж сюда, как можно дальше от Ганои.

– Мы так уж далеко?

– Да, в нескольких днях пешего хода. Вот только пешком, к счастью, мы не пойдем. Надеюсь, пустые трюмы прибавят этой развалине подвижности.

«Но не прибавят ее команде денег», – подумал про себя предсказатель, но вслух сказал иное:

– Так, как скоро мы окажемся в Ганое?

– А мы держим курс совсем не в Ганую.

– То есть как это? Но ведь наследник и Кассиус...

– Они давно уже не там. Разумеется, мы с Лео прибыли в Помонт далеко не вчера, и отнюдь не вдвоем. Наши коллеги перекрыли этому психу путь в город, и он сбежал поджав хвост. Впрочем, не то чтобы нам было неизвестно куда...

– Так просто? Так вот взяли и перекрыли вход в город законному наследнику-психопату со способностью убивать

людей взглядом и целой армии убийц за плечами?

– Ты не хуже меня знаешь, что убивает он никак не взглядом, да и армия убийц – это большое преувеличение, там и полсотни человек не наберется, особенно после стараний Лео. Этот Кассиус Пекос конечно опасен, но мы имели дело и с ребятами пострашнее, побогаче, и уж точно поумнее.

– Тогда что касательно меня?

Женщина оценивающе оглядела сидящего в лохмотьях Вебера. За последнюю неделю приключений его одежда изрядно поизносилась, будучи изорванной в одних местах и неисправимо замаранной в других. В купе к этому, предсказатель не принимал ванную уже не меньше десятка дней, в следствии чего даже его кожа заметно потемнела от скопившегося слоя пыли и грязи. Какое же он должно быть представлял из себя печальное зрелище, раз Эмилия осмотрела его со столь плохо скрываемой долей брезгливости и шепоткой жалости. Верго невольно поежился, визуальнo еще убавив в мужественности.

«Могло быть и хуже. По крайней мере на мне сухие штаны», – позволил себе в мыслях отшутиться предсказатель.

Неизвестно, о чем в этот момент думала женщина, чей внешний вид был донельзя опрятен и ухожен, но ее слегка перекошенные губы явно свидетельствовали далеко не о восхищении обликом своего нового спутника. Придав своему лицу приторно-учтивое выражение, она заставила себя выговорить:

– Беря во внимание твои... особенности, проистекающие из участия в эксперименте в Као, сенат решил предложить тебе место среди Карателей.

– Что ты сказала? – вместе с ускользнувшими от него мерами приличия, от предсказателя отделились и остатки самообладания, резко омрачив его побагровевшее лицо.

– Тебе предлагают...

– Да плевать мне на ваше предложение! Какого к черту «эксперимента»? Это так вы называете ту бойню? Сколько солдат гнили заживо в дьявольском гадюшнике?! Скольких там сожгли с молчаливого согласия сената? Ублюдки... И это называется «участие в эксперименте»? Откуда... Да откуда ты знаешь, что я там был?! Что ты знаешь обо мне?

Надменно усмехнувшись, женщина произнесла несколько коротких слов, заставив предсказателя потерять дар речи. Остекленевшими глазами он смотрел сквозь свою собеседницу, не в силах поверить услышанному. Как же давно он не слышал звучания своего имени. Своего настоящего имени.

– Как я вижу, теперь ты предпочитаешь, чтобы тебя называли иначе? Мистер Верго Вебер. Вы такой выдумщик. – Хозяйке положения явно нравилось ее информационное преимущество. Она кокетливо подмигнула, продолжив свою речь: – Ты хорошо постарался, замечая за собой следы. Столько лет после твоего дезертирства тебя действительно считали мертвым. Но можешь быть уверен, помимо твоей нескромной персоны есть и другие уникамы, способные за-

глянуть за недоступную обычному смертному грань. Ты заигрался, и пора бы начать играть по правилам. По правилам сената.

– Если я откажусь? – отстраненно спросил предсказатель, в глубине души прекрасно осознавая наиболее вероятный ответ на свой вопрос.

– От предложения стать Карателем не отказываются. Боюсь, у тебя нет такой опции. Если в обозримом будущем я смогу удостовериться в твоей способности к предсказанию будущего, и если ты все еще планируешь избежать участи корма для крыс, то ты станешь Карателем. Прими мои поздравления. Не стоит злиться или печалиться, через это прошел каждый из нас. Если тот кому предлагают место Карателя отказывается, на него просто натравливают его более стоворчивых коллег, а как бы ты ни был силен, в одиночку всех не победишь. Таков порядок вещей.

– Да ладно тебе, волшебник! – Выскочил из-за плеча предсказателя задорный Лео. – Быть Карателем, это здорово! Тебе дают столько сладостей сколько захочешь! Ну... после работы. Ты можешь жить в любом месте Равии! Даже у моря! Можешь делать всякое! Крушить! Ломать! Брать себе то, что понравится! И никто тебя не накажет. Представь, это как кататься на коньках, но... эм... но тебе можно сбивать любого из катающихся с ног! Никому больше нельзя, а тебе можно! Почти все можно! Давай с нами, будем Карателями вместе!

– Да, Лео прав. Есть и свои преимущества: крупное жало-

ванье, неприкосновенность, широкий спектр полномочий... очень широкий. И конечно же полная амнистия. Все что от тебя требуется, так это не покидать границ федерации и выполнять данные тебе указания. Даже то, как именно их выполнять, выбираешь ты. Не говоря уже о том, что стоит тебе показать кому-либо это, – Эмилия плавным движением вытащила свой значок из-под накидки, – и все твои проблемы мигом испаряться. Никто не осмелится бросить вызов Карателям, а те, кто когда-либо осмеливались, впоследствии долго не прожили.

Вебер позволил приятному речному ветерку, полному прохладной свежести, беспрепятственно встретить свое лицо, вместе с жаром унося с него недавний румянец. Он остыл. Во всех смыслах остыл. Здесь и сейчас, все с ним происходящее показалось ему абсурдной комедией. Чудовища, армия мертвецов, мистический убийца в маске, а теперь еще и Каратели – жутких событий было слишком уж много чтобы и дальше воспринимать их серьезно.

– Так этого ты от меня хотела? Хотела, чтобы спустя все эти годы я все же стал их марионеткой? Чтобы корячился над чужими приказами до конца своих дней? – смеясь пробормотал предсказатель, обращаясь к светлому длинноволосому образу из своих воспоминаний. Его слова смутили спутников. Точнее было бы сказать, они заставили недоумевать Эмилию, ее коллеге до чудных бредней Вебера и близко не было никакого дела, тот был слишком занят ловлей крупной

стрекозы.

– Это ты о чем?

– Неважно. Хорошо, я докажу, что могу видеть будущее, а потом, примкну к вам. Но прямо сейчас, мне нужно уладить одну насущную проблему.

Даже не попытавшись отразить на лице интригу, женщина слегка наигранно приподняла бровь.

– Дорога ведь еще займет какое-то время, так? Я могу здесь рассчитывать на бадью с теплой водой? – холодно поинтересовался Верго, оглядывая пустую палубу.

– Похвальный порыв. Но если уж дело на то пошло, то одним только мытьем тут никак нельзя ограничиться, – сказала женщина, привставая с облюбованного ею ящика. – Ступай вниз по той лестнице, Верго, рядом с кухней найдешь все что нужно. Я тем временем подберу тебе более-менее приличную одежду. И не смей возражать. Я уверена, что еще задолго до того, как на твоём кафтане образовалась первая прореха, он уже выглядел устаревшим и безвкусным. И что это за цвет? Только не говори, что он выцвел за время пребывания в княжестве! Нет, он был столь уродливо-бурым с самого начала! Если уж ты будешь путешествовать в моем обществе, то и выглядеть ты будешь соответствующе. Я лично подберу твой гардероб.

Предсказатель не стал возражать, униженный, он молча отправился по указанному ему пути, с нетерпением ожидая возможности освежиться и смыть с себя недельную грязь. Он

был не в том положении чтобы пререкаться из-за одежды.

– Камбуз, – хихикнул Лео, нелепо прикрыв рот своей здоровенной рукою. Ему удалось поймать стрекозу, и теперь он развлекался, аккуратно рассматривая ее трепыхающиеся крылья.

– Что? – его спутница не сразу поняла, о чем идет речь.

– Я слышал, что матросы называют кухню на корабле камбузом. Именно так будет правильно.

– Да, как угодно, – раздраженно отмахнулась Эмилия, отправившись на поиски пристойной по ее мнению одежды.

Верго довольно быстро нашел искомое им место, не без помощи со стороны команды судна, разумеется. Матросы выглядели взволнованными, вся эта затея с Карателями только прибавляла им хлопот да переживаний, но, ни как-либо перечить, ни задавать предсказателю вопросы, они не стали. Вебер был благодарен им за это.

Вместо ожидаемой деревянной бадьи, мужчину дожидалась вполне себе приличная, пускай и серьезно устаревшая в дизайне, чугунная ванная, подогреваемая снизу двумя керосиновыми горелками. По всей видимости, беря во внимание наличие рядом стиральной доски, ванная использовалась матросами сугубо для стирки одежды, но сейчас предсказателя это мало заботило.

Набрав в нее достаточное количество воды и запалив фитили нещадно чадящих ламп, мужчина принялся ждать пока вода наконец прогреется, неспешно стягивая с себя лохмо-

тъя, что он когда-то мог назвать одеждой.

Любимый кафтан предсказателя пришел в полную негодность, и дело было даже не в отсутствии одного рукава, или же в держащимся на нескольких нитях воротнике – вся ткань одеяния была словно изрешечена, изобилуя неровными отверстиями и потертостями. Штанам мужчины повезло не больше. Было настоящим чудом, что прокушенный в двух местах ремень еще удерживал отлично вентилируемый сквозь множество отверстий элемент одежды на Верго.

Более-менее сохранили свою целостность только сапоги, хоть их подошва и была порядком изношена, а в некоторых местах, и вовсе, отмечена следами от зубов.

Сложив свою одежду на прикрученный к палубе столик, предсказатель на секунду замер, после чего прошелся целой чередой поспешных похлопываний по карманам снятых им одеяний. Отчаянные поиски не принесли результатов. Впрочем, не было ничего удивительного в том, что у мужчины изъяли все ценное, перед тем как подвесить его за руки в канализации.

«Ну что же, теперь мудрость, нацарапанная на моих многострадальных часах, будет поучать кого-то другого», – грустно подумал предсказатель, прикидывая в уме стоимость утраченной вещи. Карманные часы, будучи довольно сложным и детализированным механизмом, всегда стоили в федерации недешево, чего уж было говорить о тонкой работе, выполненной на заказ! Стоимость такого образчика мог-

ла доходить до шести-семи крат. Маленькое состояние для любого селянина-земледельца.

Погрузившись в слегка теплую ванную, Верго принялся смывать с себя недельную грязь, быстро заставив прозрачную воду помутнеть. Его мысли в этот момент были далеки от процесса мытья: пять пар пристойных, пускай и в меру скромных парадных костюмов; новенькую лакированную повозку с крытым верхом; или же половину комплекта хитинового доспеха ручной работы, – вот что можно было бы купить за сумму, вырученную в следствии продажи таких часов. Горькая потеря, как не посмотри.

Покончив с гигиеническими процедурами, предсказатель выбрался из ванной, подойдя было к тому месту где должны были лежать остатки от его одеяний, но их там не оказалось. На простеньком деревянном столе, аккуратной стопкой лежал комплект целой и довольно ухоженной одежды.

Верго не заметил, чтобы кто-либо заходил в каюту, пока он был в ванной. С другой стороны, он не то чтобы сильно глядел по сторонам, так что это его не сильно удивило.

Предоставленный ему Эмилией набор одежды был на удивление гармоничен: простой серо-бежевый пиджак с зауженными рукавами и элегантным скругленным воротником хорошо смотрелся вместе с такого же цвета широкими брюками. Также в стопке присутствовали слегка поношенные, но вполне еще себе целые кальсоны, дешевая белая рубашка, аккуратный, плотно сидящий жилет, и лакированные тем-

но-коричневые туфли с закругленным носком. Для полноты образа не хватало разве что котелка с тростью, после чего предсказатель вполне мог бы сойти за коренного обитателя столицы, пускай и довольно небогатого.

Туфли немного жали, а брюки были определенно ему длинноваты, вынуждая предсказателя подвернуть штанины. И все же Вебер вынужденно признавал, что учитывая свое положение, о подобном подарке ему не приходилось и мечтать, и разумеется, это было многим лучше хождения и далее в оставшихся после приключений обносках. И откуда только Эмилия смогла раздобыть на барже, среди простого рабочего люда, такой то наряд? Не с собой же она его тащила из-за границ княжества?

Конечно Верго понимал, что доставшаяся ему одежда еще недавно была имуществом кого-нибудь из команды суда. Скорее всего капитана, или старпома. Но сейчас не это волновало предсказателя.

Выбравшись обратно на верхнюю палубу, чистый и нарядный Верго без труда разыскал там парочку своих пленителей. Набрав полную грудь воздуха, он с силой выдохнул, повторив эту процедуру несколько раз.

«Будем решать проблемы по мере их поступления, и никак иначе», – снабдил себя в мыслях наставлением предсказатель, направившись напрямиком к неразлучной парочке Карателей.

– Так, так, так – ну это намного лучше. Костюм сидит как

влитой, ну почти... – не то всерьез, не то в насмешку сказала Эмилия, оглядев Верго с головы до ног.

– Я хочу знать больше об этом Кассиусе. Если уж мне придется еще раз с ним столкнуться, а мне придется, ведь я должен завершить свою работу и показать вам свои силы, то я обязан знать, чего мне стоит ожидать от этого монстра.

– Какой настрой. Когда мы вытащили тебя из той зловонной ямы, такого героизма в тебе точно не было. Подумать только, что делает с человеком теплая ванная и приличный наряд!

– Просто скажите мне как он это делает! Вы же знаете! Как я могу противостоять чудовищу, если у меня нет даже базовых сведений о его возможностях?

– Монстр? Чудовище? Как грубо, а ведь он такой же как ты, Верго. Может быть вы даже встречались, когда еще служили в Као? – в своей дразнящей манере продолжала играть с предсказателем женщина, все никак не желая переходить к сути.

– Что? То есть... Как? Так, он получает свою силу не из маски? В каком таком смысле он такой же как я?

Женщина равнодушно вздохнула, достав из-под накидки крошечную металлическую флягу и отхлебнув из нее, после чего она придала своему лицу серьезное и сосредоточенное выражение, заговорив резко, даже в некоторой степени строго:

– Восемь лет назад сенат признал эксперименты, частью

которых тебе пришлось стать, незаконными. Естественно, этическая сторона вопроса была здесь ни при чем. Те немногие, что выживали, становились носителями части того, что они называют эгрегорами. Говорят, свой эгрегор есть у всего во что люди верят, чему отдают свои эмоции: у богов, у идеологий, даже у чувств. Один такой сидит и в тебе, точнее лишь его фрагмент. Сенат полагал, что помещая части эгрегора в людей, они смогут косвенно заимствовать их силу, но как оказалось, у того что помещалось в подопытных была и своя воля, свои цели. Такие как ты для эгрегоров своего рода инвестиция. Эти сущности позволяют пользоваться людям своей силой, но отнюдь не из филантропических соображений...

– Филантропических соображений! – воскликнул впервые услышанным выражением Лео.

– Эгрегор войны станет делиться своими возможностями только с теми, кто разжигает войны. Эгрегор милосердия – лишь с теми, кто помогает облегчить страдания. Понимаешь, в чем дело? Как оказалось, заполучить в свое распоряжение такую силу, это не то же самое что ее контролировать. Сущности выбирали лишь своевольных людей. Тех, кто потакал их видению мира. Такими сложно управлять. К сожалению, технология, позволяющая насильно помещать эти сущности в неразумных животных, вроде встреченного тобой змеевика, и неживые предметы, как в случае той повелевающей жуками карты, или драгоценного браслета, что притягивал к се-

бе демонических собак-ищеек, дорабатывалась слишком уж долго. Десятки лет небезопасных экспериментов с людьми привели в наш мир многих носителей эгрегоров. Помимо тех, кто волей-неволей помогал людям, вроде тебя, были и такие как Пекос.

– Так значит, я такой не один? – искренне удивился предсказатель, вспоминая все те вопросы, которыми он задавался, сбегая из военного лагеря.

– Согласно моей информации, Кассиус заполучил в свое распоряжение силу эгрегора отчаяния. Но исходя из того, что я о нем слышала, как носитель он едва-едва подходит своему эгрегору. Предположительно, он не способен контактировать с сущностью, да и более того, он практически не контролирует свои же собственные силы. Оттого он вместе со своими приспешниками и носит маски – чтобы не попасть под влияние своей силы. Полученные мною от разных источников сведения разнятся. Одни считают, что его сила подобно спорам распространяется респираторным путем, другие, что проникает сквозь слизистые поверхности как электростатическое поле.

– Сила... сквозь слизистые? То есть, как вирус?

– Я сделала свои выводы о нем, как о никудышным пользователе этой силы, не на пустом месте. Я лично знавала другого носителя эгрегора отчаяния, и прекрасно понимаю, на что они могут быть способны. Их силы, чем бы они ни были, в определенном радиусе от носителя проникают в челове-

ский организм, многократно ускоряя развитие любых болезнетворных микроорганизмов, что уже находятся в кровеносной системе. Ты ведь учился на военного врача, верно? Ты должен иметь представление, о чем я говорю? Внутри каждого из нас всегда находятся тысячи вирусов, бактерий, простейших, но в подавленном состоянии. Силами иммунитета они надежно изолированы и не представляют угрозы здоровому телу. Вот только носители эгрегора отчаяния способны влиять на них, многократно ускоряя их развитие. Съедаемые заживо множественными заболеваниями, люди погибают за считанные минуты. Совершенно безумная картина. Против таких сил наш иммунитет беззащитен. В умелых руках, способности даруемые эгрегором отчаяния позволяют выборочно применять свою силу, а не убивать все в округе. Этот психопат, Кассиус, даже себя защитить от нее не может, вот и прибегает к разным ухищрениям, вроде маски. Он бездарность, больной на голову убийца, размахивающий оружием, которым он и сам едва владеет. Поэтому то сенат и хочет, чтобы мы расправились с этим психом. Кому такое чудо нужно в качестве князя Помонта?

Несколько секунд потребовалось предсказателю чтобы в полной мере осмыслить услышанное. Постепенно, шаг за шагом, кусочки мозаики складывались у него в голове в единую монолитную картину. Было даже что-то забавное в том, насколько просто он воспринял столь невероятную историю. Должно быть, спустя все эти годы предсказатель наконец

привык к тому, чтобы быть частью невероятных событий.

– А, вы тоже...

– Мы с Лео?! – женщина едва не поперхнулась собственным смехом, залив звонким, быстро угасающим хохотом всю округу. Хоть она и не ответила прямо, ее совершенно искренний приступ смеха был более чем красноречив.

Верго едва заметно поежился, совершенно не понимая, что в его вопросе могло быть смешного. Подойдя к борту баржи он выглянул за его пределы, наблюдая как размеренно расходятся небольшие волны от плывущего против течения судна.

Согласно приказу Эмилии, паровой двигатель корабля работал на пределе, выпуская в воздух столб белого облака. Команда судна трусливо скрывалась на нижней палубе, выбираясь на свежий воздух только по крайней необходимости, и изредка, просто чтобы удостовериться в том, что жуткие Каратели все еще тут, не развеялись туманом и не разлетелись стаей черных воронов.

Предсказатель, в свою очередь, по какой-то причине предпочитал оставаться наверху, рядом со своими пленителями, хотя насильно его там никто не держал – он был волен скрыться в недрах корабля в любую минуту.

В компании двух донельзя странных людей, на непривычно безлюдной палубе он ощущал дивное чувство, чем-то отдаленно напоминающие ностальгию.

«Должно быть я и сам уже больше похож на них, чем на

любого члена команды баржи», – подумал Верго, провожая удаляющиеся кроны деревьев на берегу взглядом.

– Это забавно, – внезапно обратилась к предсказателю задумчивая Эмилия. – Нет, ну сам посуди, разве не забавно, что учитывая то, носителем какого эгрегора ты являешься, тебе предстоит противостоять именно вместилищу эгрегора отчаяния? Вы же, получается, природные противоположности.

– Природные противоположности, да? И правда символично... – горько усмехнулся предсказатель.

Глава 15. Кто заказывал бурю?

Спустя примерно семь часов нуднейшего плавания (число которых Вебер скрупулезно высчитывал при помощи крупных капитанских часов, размещенных у самого штурвала баржи), терпение предсказателя было уже на исходе. Он успел сытно отобедать густой корабельной похлебкой, троекратно насладится до жути однообразными, пускай и живописными, видами княжества, и что даже более важно, услышать целую оду, что болтливый Лео посветил печеным яблокам.

Никогда еще в свое жизни Верго не слышал столько искренних, но в то же время нелепых комплиментов румяности шкурки фрукта, и его чудному аромату. Самому же вкусу лакомства Каратель посветил не менее часа, разглагольствуя о том, как он невероятно преображается в зависимости от того было ли использовано в приготовлении варенье или же

тростниковый сахар.

К концу седьмого часа предсказатель и сам уже давился слюной, видя эти треклятые яблоки в своих грезах. Про себя он отметил что если бы Лео и был носителем какого-либо эгрегора, то уж точно эгрегора раздражения, ну или на худой конец – занудства. Такого несносного и неестественно детского характера у взрослого мужчины, Верго никогда еще не доводилось встречать. Предсказатель буквально утопал в невысказанных вопросах о том, как только спутница Карателя выдерживала своего напарника все это время?

Впрочем, ее, казалось, вся это ребяческая болтовня совсем не раздражала. С умиротворенным видом женщина сидела на самом носу корабля, купаясь в воздушных потоках. И верно, до нее ведь рассуждения о прелестях вкуса термически обработанных яблок едва-едва долетали, с чего бы ей бесится?

Свыкнувшись со своим новым нарядом, предсказателю практически удалось почувствовать себя изысканным джентльменом. Раздобыв среди полупустых ящичков потертую газетенку годовалой давности, он принялся читать ее сидя, деловито закинув ногу за ногу.

Трехстраничный пожелтевший буклетик со всей беллетристической несуразностью, что только была доступна его редактору, повествовал о самых разных событиях, произошедших как в федерации, так и за ее пределами.

Устаревшие статьи, датированные 19 февраля 922 года,

доносили до читателя разящую правду о сильной засухе в Танголле, очередной волне ветряной оспы, свирепствовавшей на севере Равии, разоблачении культа, занимавшегося похищением детей в солнечных долинах карликовой республики Саддоба, и пугающем неурожае томатов в столице. Самое интересное, что составитель новостной сводки ставил все четыре происшествия на один уровень важности, совершенно серьезно сравнивая эпидемию оспы с массово гниющими помидорами в центре федерации. Был ли этот абсурд изысканной шуткой, или же предметом личной заинтересованности его создателя в рынке томатов – оставалось интригующей загадкой.

Заострив свое внимание на короткой статейке о загадочном культе и многозначительно фыркнув, Верго отложил печатное издание в сторону. Он был перенасыщен вычурной писаниной и более не желал тратить свое время на изжеванные псевдо-новости, многократно приукрашенные и переписанные каким-то усатым снобом из редакции газеты.

Все это время пока предсказатель изображал из себя вальяжно скучающего странника на прогулке, в душе у него бушевал настоящий ураган. Страх и нетерпение слились воедино, одновременно заставляя его предвкушать грядущую встречу с Кассиусом, и до едва заметной дрожи в руках, бояться ее.

Не в силах более спокойно сидеть, Верго принялся шагами мерять палубу баржи, то и дело спускаясь в трюм что-

бы бросить полный тревоги взгляд на медленно ползущую стрелку крупных часов. Не смотря на все его усилия по приданию себе как можно более безмятежного вида, его метания и излишне дерганые движения с головой выдавали копившуюся в нем нервозность. Близилась развязка всей этой порядком затянувшейся истории, и он это чувствовал.

Когда капитан судна огласил что они находятся в получасе хода от места назначения, Верго был готов плакать от счастья и рыдать от страха в одночасье. Две перемалывающие его остатки спокойствия противоборствующие силы стали бесноваться пуце прежнего.

Заметив его терзания, Эмилия о чем-то призадумалась, принявшись рыться в большой походной сумке, что, по всей видимости, принадлежала ее спутнику. Оттуда она выудила небольшой сверток, пройдя вместе с ним к предсказателю.

– Чуть не забыла. Один твой знакомый попросил передать это тебе. А как я вижу, сейчас самое время... – загадочно улыбнулась женщина, оставляя сверток Верго.

– Один мой знакомый? – недоумевал Вебер разворачивая тонкую льняную ткань в которую были тщательно замотаны странные мелкие пузырьки. Когда содержимое свертка оказалось наконец у мужчины в руках, тот заскрежетал зубами, не в силах оторвать взгляда от подарка.

У него в ладонях лежали маленькие стеклянные колбочки, надежно закрытые знакомыми предсказателю восковыми пробками. Красное содержимое пузырьков безмятежно

плескалось внутри, заманчиво обещая Веберу избавиться от того от любых переживаний. Мужчина облизнулся, сверля глазами полупрозрачную жидкость. Кто бы мог подумать, настойка из Красного Гриба нашла его и тут!

«Но от кого?» – застрял вопрос у предсказателя в горле. Вебер не стал его озвучивать. Он знал от кого был этот сверток. Характерный размер бутылочков, специфическая восковая крышка что запечатывает их содержимое, и самое главное – то, откуда Каратели знают кто он такой, как звучит его настоящее имя, и что с ним произошло в военном лагере Као. О таких вещах предсказатель не распространялся в малознакомых компаниях, один только человек мог знать обо всем этом.

В этот момент скрежет зубов предсказателя был слышен даже на нижней палубе.

«Заниженные ожидания никогда не приведут к разочарованию? Это такие у тебя были в отношении меня ожидания?!» – громогласно пронеслось в голове у Верго. Что-то треснуло в предсказателе, наполнив его голову оглушительным звоном. Этот звон был значительно громче своего аналога из видений. Он не стремился заполнить собой весь мир, нет, набирая силу и резонируя в пределах тела мужчины он разгонял кровь по венам, заставляя сердце биться чаще. Он сжимал собою глазные яблоки, наливая их кровью, срывал дыхание, болезненным спазмом отдаваясь в районе диафрагмы.

Резким взмахом руки предсказатель отправил злосчастные пузырьки на дно реки, позволив себе ненадолго примерить звериный оскал, когда звук негромкого всплеска воды достиг его слуха. Воздух со свистом вырывался у него изо рта пока мужчина пытался отдышаться от внезапного порыва гнева.

Чертово княжество! Оно лишило его изрядной доли имущества, лишило спокойствия, лишило надежды, все это время намеривалось лишить его свободы, а теперь лишило и друга. Закипающая в Верго глухая ярость постепенно вытесняла собой страх вместе с остатками беспокойства. Каждая его мысль, каждый вывод, лишь подбрасывали больше хвороста в распалляющееся пламя.

Он не кричал и не плакал, внешне его лицо более ничего не выражало. Неспешно усевшись на старый бочонок, предсказатель впал в состояние близкое к оцепенению, совершенно неподвижно и беспристрастно ожидая, когда наконец баржа достигнет заветного места назначения, причалив к берегу. Лишь недобрые искорки в его глазах выдавали в нем какое-то едва уловимое намеренье.

Вскоре баржа прибилась к заросшему рогозом илистому берегу. Все шло согласно с планом вмиг оживившейся Эмилии. Не теряя ни минуты, двоица Карателей и необычайно молчаливый предсказатель быстро скрылись в прибрежных зарослях. Их целью были расположенные далее по течению доки.

Когда-то давно это место было выбрано для постройки обслуживающей суда станции по двум причинам: близость главного тракта по которому можно было оперативно доставлять все необходимое, и наличие вблизи крупной рудной жилы. Вот только железный рудник давно уже иссяк, оставляя после себя лишь пустынные, периодически обваливающиеся шахты. Баржи, однажды сплавленные по реке грузы, ныне вросли в речной ил, став неотъемлемой и совершенно статичной частью местного пейзажа.

Старая станция уже более пяти лет как не выполняла своего главного предназначения в виде обслуживания проплывающих тут кораблей и погрузки добываемого в руднике сырья. Вместо этого, работники захохотав приловчились перекрывать старыми рыбацкими судами речной канал у самых доков и немного поодаль, тем самым отлавливая и бессовестно грабя проплывающие тут частные беззащитные суденышки.

Речным пиратам хватало мозгов не трогать промышленные суда и груженные рудами исполинские баржи, курсирующие от дальних районов княжества вплоть до ненасытного жерла Ганои, тем самым уже какой лунный год кряду они успешно избегали проблем с местными властями. Ныне здесь укрывался сам Кассиус Пекос, вместе со своими воротилами скрываясь в выросшем вокруг доков поселении, сборище грабителей, пьяниц и убийц.

Официально поселок не существовал, как следствие соб-

ственным названием был обделен, но это не мешало преступному сообществу ласково называть его Ржавой Водицей. В оправдание криминального контингента можно было и правда провести вполне себе очевидные параллели между обезкураживающим названием захолустья и ржавым железом заброшенных государством доков, визуальнo окрашивающeм прибрежные воды в темно-коричневый оттенок.

В полном молчании брела троица путников через невыносимые заросли двухметровых сорняков и бритвенно-острой луговой травы что укрывала собою все от самого берега и до едва видимых вдали холмов. Местная флора заметно разнилась от того к чему привык предсказатель блуждая в предгорьях. По всей видимости, всему виной служил образовавшийся вокруг живительной реки микроклимат вкупе с застаивающeмся в низине теплым воздухом, чудесно прогреваемым столичным солнцем что выглядывало из-за череды возвышающихся вдали гор.

Все дальше продвигались путники в стан врага, внимая каждому шороху, каждому странному шелесту травы. Казалось, сегодня княжество благоволит им – никто не был встречен ими по пути в поселение. Только у глиняной насыпи, что служила своеобразным трапом на вросшую в ил баржу, они слышали расслабленные голоса. Было очевидно, что никто их не ждал.

Вблизи судна, навеки ставшего частью береговой линии, Каратели вели себя пускай и осторожно, но в то же время

слишком уж спокойно. Странной двоице было не привыкать к подобным ситуациям, ввиду чего к настоящему моменту их лица не несли и тени беспокойства, только крайнюю сосредоточенность.

Осторожно ступая по мягкому глинистому берегу, скрываясь за высокой растительностью и частично утопленными в грунте валунами, троица принялась тщательно обследовать Ржавую Водицу. Благо, местные обитатели и не думали скрываться, они беспечно шастали по улице, выглядывали из окон, прогуливались по ржавым палубам забытых тут посуды, совершенно не заботясь об издаваемом ими шуме.

Покончив с предварительной разведкой, Эмилия совершенно обыденно прошептала своим спутникам:

– Тут не меньше десяти человек в поселке и по крайней мере еще трое на корабле. Придется их всех устранить.

– Убить? – прошипел Верго.

– Я сказала устранить, то есть позаботится о том, чтобы они не помешали нам в нашем деле. Но да, если придется – то убить. Ожидал чего-то другого?

Предсказатель промолчал. Он посмотрел на стоящего обок Лео, ожидая от того хоть какой-то реакции на прозвучавшее заявление, но Каратель только простовато лыбился, явно не занимая свою голову этическими дилеммами.

– Намереваешься их всех отправить на тот свет? – робко спросил Верго.

– Ну они же преступники! – с неким раздражением ото-

звался Каратель. – Это невиновных людей убивать нельзя, а преступников не только можно, но и нужно! Правильно, Лия?

– Верно, молодец Лео, – сдержанно прокомментировала высокоинтеллектуальные рассуждения своего спутника женщина.

Будучи неформальным лидером их крохотного отряда, Эмилия, недолго думая, собственноручно распределила кто и чем займется: она отправится зачищать поселок, в то время как Верго с Лео должны будут обезвредить людей, скрывающихся на самой крупной барже, попутно высматривая где могут держаться захваченных Кассиусом пленников.

– Глаз с него не спускай, – сказала Эмилия Лео на прощанье, недвусмысленно кивнув в сторону предсказателя. – И постарайся в этот раз не наделать шума.

Женщина крайне быстро скрылась в густых зарослях, оставляя мужчин наедине. Вебер скептически покосился на своего временного напарника. До этого момента все сколь-нибудь серьезные решения за громилу принимала Эмилия, но как тот себя поведет предоставленный самому себе? Этот чудак взаправду является Карателем? Предсказатель не знал, что и думать о странном воротиле, ведь поведение последнего, подчас, нельзя было назвать ни здравым, ни вменяемым. К сожалению, особого выбора у Верго и не было.

– Ну пошли! – радостно выдал Лео, проворно удаляясь в сторону баржи и крепко удерживая при этом предсказателя

за рукав. Хватка была железной – ни малейшего шанса вырваться.

На удивление, дальнейшие действия громилы были крайне последовательны и изобретательны. Вместо того чтобы проследовать на борт судна непосредственно через насыпной трап (чего от Карателя и ожидал Верго), Лео приволок своего спутника к противоположному от трапа борту баржи. Подсадив предсказателя, он позволил Верго зацепиться руками за край борта, снабдив его перед этим конопляной веревкой. Как только мужчина взобрался на судно то сразу же продел веревку в отверстие для швартовки в фальшборте, завязав узел покрепче и скинув Карателю длинный конец веревки.

Мужчины сумели пробраться на баржу без лишнего шума, укрывшись за насыпью, состоящей из отсыревших корабельных тросов и погрузочных крюков. Примерно в этот момент предсказатель заприметил прогуливавшегося по противоположной стороне палубы бандита, что раскуривал наспех сделанную самокрутку и лениво перетаскивал небольшие тюки во внутреннюю палубу судна. Верго не успел и осмыслить что произошло, как Каратель с силой запустил увесистый стальной крюк в воду, всплеском привлекая внимание погрузчика. Заинтересовавшись источником странного звука, курильщик неспешно подобрался к фальшборту, по всей видимости высматривая чудо-рыбу, что могла породить такой силы всплеск.

Этим минутным замешательством и воспользовался Лео, подбежав вплотную к бандиту и аккуратно стукнув того еще одним стальным крюком по затылку. Бедолага не успел среагировать, беспомощно выронив тлеющую самокрутку и осев в крепких руках Карателя. Настоящим чудом было то, что Лео не только подобрался к мужчине со спины настолько быстро, что тот даже не имел и шанса его заметить, но и успел подхватить руками стремительно обмякающее тело, во избежание ненужного шума.

Напарникам хватило одной минуты чтобы укрыть неподвижного мужчину среди кучи тросов, после чего они в полном молчании проследовали ко входу в трюм.

Сердце Вебера колотилось так сильно, будто было готово выпрыгнуть из грудной клетки, но внешне предсказатель все еще умудрялся сохранять хладнокровие, подстраиваясь под жуткого Карателя, что все это время не убирал с лица все той же нелепой улыбки.

Лео сделал первые шаги во внутреннее помещения баржи, поманив предсказателя за собой рукою. настолько бесшумно, насколько это возможно, мужчины спускались по прогнившим металлическим ступеням, ежесекундно опасаясь предательского скрипа.

Ступени привели их в сухой душный трюм, заполненный горьким табачным дымом и пьяной агрессивной речью местных обитателей. Проглядывая сквозь щели в корабельной переборке (образовавшиеся от коррозии), лазутчики вы-

смотрели троицу мужчин, игравших в карты за крупногабаритным ящиком, что служил им игральным столом. Все трое безбожно дымили. Передаваемая ими по кругу тлеющая папирота да тусклая и крайне вонючая лампа на жиру морских титанов – вот и все источники освещения в трюме. Впрочем, судя по азартным возгласам, удовольствие от игры мужчинам это совершенно не портило.

Речные бандиты выглядели довольно увлеченными, и все же, взведенная пара самострелов, чьи рукояти торчали из неглубокой деревянной бадьи, быстро привлекла внимание Лео и Верго, заставляя задуматься над тем, зачем расслабленным игрокам было держать при себе готовое к бою стрелецкое оружие? Во всяком случае об этом задумался предсказатель. По лицу Карателя было сложно судить о ходе его мыслей.

Стараясь выудить из своего неудобного положения на хлипкой лестнице максимум, предсказатель прильнул к ржавой переборке судна, упершись в нее обеими руками. Не выдержав веса мужчины, обветшалая перегородка тотчас осыпалась, вмиг лишившись нескольких килограмм отпавшей ржавой трухи, обнажая кривую арматуру. Раздавшийся грохот тотчас переполошил игроков, заставив их подпрыгнуть на месте от внезапности.

– Анкер, это ты там шастаешь? Какого черта?! Я сотню раз говорил тебе не опираться на эту рухлядь! Чтоб тебя! Да я чуть сердце не высрал! – запричитал старый коренастый

бандит, глядя в тьму трюма.

Свет лампы не доставал до лестницы, и хотя лазутчики прекрасно видели сидящих за столом игроков, те, в свою очередь, едва-едва различали проступающие во тьме очертания гостей. По крайней мере одного гостя.

Верго перевел напряженный взгляд на стоящий впереди от него силуэт Лео. Каратель застыл на месте, не шевелясь и не издавая никаких звуков. По всей видимости, из-за импровизированного игрального стола был виден один только спутник предсказателя, по своим габаритам вполне сопоставимый с убитым ими бандитом, что должен был сейчас перетаскивать тюки в трюм. Именно из-за отдаленного сходства силуэтов, соратники убитого и приняли Лео за уже почившего Анкера. Но было совершенно очевидно, что одним только визуальным сходством и молчанием бесконечно выигрывать время не получится.

– Вот дерьмо, у меня с этим вашим Пекосом, дышащим нам в затылки, и так нервы на пределе. А еще и ты, идиота кусок, чудись! Хочешь, чтобы мы тут все поседели? – совершенно невыразительно прохрипел щуплый и крайне измаранный доходяга, сидящий по правую руку от бандита что заговорил первым.

С каждой секундой молчания Лео, с точки зрения бандитов ситуация становилась все более и более подозрительной. Верго осознавал, что нужно что-то срочно предпринять, но опасался даже сделать шаг, чтобы шумом не привлечь к себе

внимание и без того насторожившихся разбойников.

– Что ты там торчишь? Язык проглотил? – Привстал со своего места коренастый бандит, шагнув навстречу лазутчикам. Он изо всех сил щурился, совершенно не зря пытаясь удовлетворить свое все возрастающее любопытство. – Анкер?

Третий мужчина, до того момента хранивший молчание, резким движением выбрался из-за стола, взмахом руки выхватив из бадьи взведенный самострел. После чего он прошипел:

– Схаррат! Да это не Анкер! У нас тут гости!

Ситуация накалилась до предела. Верго бесшумно присел за прутьями арматуры, на всякий случай задержав дыхание и приготовившись что было мочи рвануть в сторону выхода, если того потребует ситуация. Лео при этом все так же неподвижно стоял, не отвечая ни на возгласы вооруженных мужчин, ни на вопрошающий взгляд своего напарника.

Уже двое бандитов держали наставленные на Карателя самострелы, третий же их сообщник ограничился крепко зажатым в руках металлическим прутом из которого торчали десятки слегка погнутых, ржавых гвоздей. По погнутости его оружия как такового, так и отдельных его элементов, было видно, что оно уже было применено на чем-то или ком-то далеко не один раз.

– Выходи вперед, и руки держи перед собой, так, чтобы мы их видели! Живо, сволочь! Давай, шевелись! – заорал ко-

ренастый, выражая общее пожелание своих коллег.

Его подельник выудил из кармана некий белый небольшой предмет на цепочке, поднеся его к губам. Противный свист, практически разрывающий барабанные перепонки на части, заполнил трюм, вырываясь и за его пределы. Столь высокий и интенсивный звук должно было быть слышно по всей округе.

«Ну вот, так глупо попались. Они еще и сигнал тревоги подать успели. А я только было начал радоваться, что все идет гладко», – раздосадовано подумал предсказатель, с нетерпением ожидая развязки.

Немного помедлив и поразмыслив о данном ему приказе, Лео сделал несколько неспешных шагов навстречу свету лампы, вытянув руки перед собой. В момент, когда свет озарил его лицо, оно не выражало ни страха ни даже свойственной храбрецам решительности – только с трудом скрываемую озорную улыбку.

– Это еще кто? – сказал один из вооруженных мужчин.

– Да какая к черту нам разница? Что, ведем его к Гедройцу?

– Этого бугая? Ты на ручищи его глянь – там один кулак размером с твою башку! Лично я этого ублюдка никуда не поведу! Мне своя шкура дороже!

– Тогда решено. Раз никто из нас сопровождать его не собирается... А Гедройца и сами знаете, его и мертвец устроит... – решил за всех коренастый разбойник, собственноруч-

но спустив курок самострела.

Свист вырвавшегося из оружия болта в мгновение ока утонул в глухом мокром звуке. Примерно с таким звуком перезревшие кабачки разбиваются о каменный пол. Верго интенсивно заморгал, пытаясь убрать с ресниц внезапно появившуюся там кровавую влагу.

Болт пробил голову Карателя насквозь, войдя в тело мужчины через левую глазницу и выйдя в отверстие, образовавшееся на затылке. Кровавые капли вперемешку с крайне малыми кусочками серого вещества забрызгали ржавую переборку баржи, а месте с ней и лицо предсказателя.

С ощутимым грохотом тело Лео упало на палубу, так и оставив в себе торчащее из области глаза окровавленное древко арбалетного болта. Выпустивший снаряд разбойник подошел к неподвижному телу, неведомо зачем пнув его ногой.

– Эй! Тут еще один! – вскрикнул бандит, тыча морщинистым пальцем в предсказателя, оттирающего лицо от ошметков мозга. – И его отправьте вслед за первым! Потом будем разбираться.

Вебер попытался быстро улизнуть, но предательски зацепившийся за торчащую арматуру карман жакета ему этого не позволил. Несколько раз дернув за плотную ткань, предсказатель так и не добился какого-либо успеха. Бездушная железяка мертвой хваткой держала одежду мужчины.

– Ну, чего ты сука ждешь? Стреляй! – прикрикнул коре-

настый на своего приятеля, что все это время держал в руках взведенный самострел. Но тот и не думал наставлять оружие на Верго. Вместо этого бандит неожиданно лукаво заулыбался, пропустив все комментарии своего соратника мимо ушей.

– Стрелять?

– Стреляй!!!

– Хорошо, – коротко ответил его соратник спуская крючок.

Вебер сжался всем телом, со всем свойственным невыносимому ожиданию неотвратимой боли напряжением готовясь к моменту, когда острие арбалетного болта пронзит его плоть. Зажмурившись и сильно вздрогнув при звуке выстрела, он удивленно выдохнул, когда никакой боли вслед за звуком не последовало.

Осторожно приоткрыв залитые чужой кровью глаза, предсказатель стал свидетелем поистине неожиданной картины: коренастый главарь бандитов стоял в пяти шагах от него, бросив самострел, он судорожно зажимал открытую рану в горле, елозя влажными от артериальной крови пальцами по торчащему из трахеи гладкому древку стрелецкого снаряда.

Неистово хрипя и бешено вращая глазами он осел на палубу, так и не убрав рук от горла. По старой истертой поверхности, что служила трюму полом, спешно растекалась вторая лужица крови, смешиваясь с недавним содержимым головы Карателя.

Держащий в руках металлический прут бандит ошалело глазел на сообщника-предателя, чье лицо озаряла чертовски неуместная ребяческая улыбка. В то что случилось после, и вовсе, трудно было поверить даже повидавшему всякое Веберу, настолько невероятное зрелище разыгралось перед ним.

Ведомый не иначе как помешательством разбойник с разряженным самострелом выхватил из-за пояса небольшой нож, принявшись неистово кромсать свою глотку. Его хватило примерно на три удара, после чего, пускающий кровавые пузыри безумец обрушился всей тяжестью своего залитого еще теплой кровью тела на импровизированный игровой стол. Потертые карты быстро набухли от крови, меняя свой цвет.

В тишине, прерываемой лишь хрипами из изрезанного горла умирающего бедолаги да размеренным потрескиванием пламени лампы, молчаливо смотрели друг на друга Верго и выживший бандит.

В глазах приспешника Пекоса отчетливо читалось недоумение, поровну смешанное со страхом. Внезапно его взгляд словно потух, расфокусировался. Несколько секунд пустые глаза бандита смотрели куда-то вдаль, сквозь Вебера и ржавую рухлядь судна. Леденящая душу пустота этих глаз пробрала предсказателя до мурашек.

Так же быстро взгляд немолодого мужчины вновь стал живым. Его зрачки сузились, а лицо приобрело осмысленное

выражение. Улыбнувшись, бандит прохрипел:

– Что-то ты какой-то слабенький волшебник. Если и правда можешь будущее видеть, то зачем такие глупости творишь? Лия же сказала, что мы должны шуметь поменьше... Ну да ладно, зато я придумал как тебя проверить! – Мужчина спрятал левую руку за спину. – Ну-ка! Скажи, сколько пальцев я держу за спиной согнутыми? Нет, погоди, несогнутыми! Верно, сколько пальцев не согнуто?

Верго опешил, не зная, что и сказать, и как на это все реагировать. Он беспомощно подергивал все никак не желающий отцепиться от острой арматуры жакет, не отводя взгляда от обезумевшего бандита, что как заправский визионер, будто бы вещал от лица кого-то, кого предсказатель знал лично.

– Ты что меня не узнал? Фу! Ну точно никакущий волшебник! Лия вот, хоть и не колдует, а меня всегда узнает! Решено! Не видать тебе печеных яблок, когда мы тут закончим. Не заслужил.

– Печеных яблок? – простонал предсказатель, после чего схватился обеими руками за голову. – О боги!!! Да какого черта? Лео?! Лео, это ты?

– И часа не прошло! – недовольно фыркнул бандит, достав наконец из-за спины руку, так как осознал, что на его нелепый вопрос о количестве загнутых пальцев отвечать никто не будет.

– Это точно ты? Мне не кажется? Я не сошел с ума? Но

как... Да как такое может быть?! – предсказатель все никак не мог поверить в открывшуюся ему истину.

С каждой секундой для него все яснее становился тот факт, кто на самом деле стоял перед ним. Но не смотря на то, что, и как, говорил бандит, не смотря на то, насколько кардинально поменялось его поведение менее чем за минуту, в полной мере уверовать в произошедшее было необычайно сложно. Даже спустя несколько минут Верго все еще с опаской поглядывал на спутника, все ожидая какого-либо подвоха. Но тот, как ни в чем не бывало, безмятежно вел себя подобно Лео. Нет – идентично Лео!

Та же манера речи, та же улыбка, даже выражение лица в точности переключалось напрямиком из тела убитого Карателя. Создавалось весьма необычное впечатление, будто бы Лео сменил тело, вот так просто – как одежду! В самую возможность чего-то подобного с трудом удавалось поверить, но как-никак, это только что произошло у предсказателя прямо перед глазами.

«Морок? Одержимость? У меня помутился рассудок? Может это какой-то фокус Пекоса? Нет. Ну не может же быть в самом деле... Конечно, о Карателях ходят разные слухи, но чтобы такое...» – неумолимо вились мысли в голове у пораженного до глубины души Вебера. В конце концов он усилием воли вернул-таки себе сосредоточенность и порядок мысли.
– Все Каратели могут... менять тела?

Лео задумался. Скривившись морщинистым лицом и де-

монстративно поднеся палец к заросшему недельной щетиной подбородку он проговорил:

– Нет. Я не знаю. Но, думаю, что не все. Лия точно не может. Хотя, честно говоря, я не то чтобы много других Карателей встречал. Помимо Лии, всего двоих: одного молодого и строгого зануду из столичной гвардии, да мерзкого жука из какого-то важного банка, и все. Хотя постой, если ты станешь Карателем, то получается, что уже трех! Ты же не умеешь перескакивать в тела других людей, правда? Это конечно печально, но по крайней мере ты волшебник, хоть и слабенький.

– Я не волшебник.

– Даже не волшебник? Не понимаю, зачем тебя тогда хотят сделать одним из нас? Хотя постой, Лия что-то говорила о твоей особой силе, ну кроме виденья будущего. Там же еще что-то было? Блин, я толком и не слушал. Так, если ты не волшебник, то что у тебя за сила такая?

– Видеть будущее. Это все. Никаких других сил у меня нет. Тебя же послали это проверить, разве нет? Твоя напарница об этом всего двадцать минут назад говорила.

– Ну, мало ли, – добродушно пожал плечами Лео, – она много о чем говорит. Если все подряд слушать, то и голова распухнет!

– Постой, если ты попал в... Ну, как бы это сказать? Захватил тело другого человека, то разве ты не получил доступ к его воспоминаниям? Разве ты не знаешь где держат плен-

ников?

– Ну нет. Такого я сказать не могу. Лия говорит, что я как бы замещаю собой личность того, в кого вселяюсь, и никакой памяти в теле уже не остается. Все занимает моя память! Или нет? Слушай, а как проверить, что вся моя память – это действительно моя память? Может все это время я думал, что это мои собственные воспоминания, но на самом деле они были...

– Ты знаешь где пленники, или нет?

– Эммм... Дай секунду. Хммм... Думаю, что нет. А спроси еще что ни будь?

Их беседу прервал гулкий звук шагов доносящийся с верхней палубы. Как и стоило ожидать, поданный свистком сигнал не остался незамеченным среди обитателей Ржавой Водицы.

У входа в трюм отчетливо зазвенел металл. Разбавляемые разными ругательствами звуки возни, неожиданно возникнув, стали доноситься все ближе, пока сразу несколько вооруженных воротил не ворвалось в трюм старого судна. Тяжело дыша они застыли у лестницы, с нескрываемым ужасом смотря на то что осталось от их соратников. Пока только-что прибывшие бандиты нерешительно мялись у кромки лужи крови, за их спинами возникло подкрепление в виде еще пятерых человек. Все пришельцы были вооружены чем попало: заостренными топорами для колки дров, острыми железными клиньями, кривоватыми самодельными арбалетами, и

даже ржавыми ножами для разделки рыбы.

Недолго думая, они наставили свое оружие на медленно птящегося Верго. И все же, не смотря на численное преимущество, что-то удерживало головорезов от поспешных действий. Они словно чувствовали некий витавший в воздухе подвох, необъяснимый, но крайне весомый.

Всеобщее замешательство первым прервал Лео: прогулочным шагом он подобрался к ничего не подозревающим бандитам. Те, обманувшись захваченным Карателем телом, посчитали его собратом. Когда же он подобрался достаточно близко к вопрошающим мужчинам, то не став медлить рассек припрятанным в кармане ножом горло ближайшему разбойнику.

Не ожидавшие такого поворота событий головорезы не сразу сумели перевести свое внимание с предсказателя на того, кто по-настоящему представлял для них угрозу, что стоило жизни еще одному из них – захлебывающийся кровью оборванец обмяк тряпичной куклой, когда нож для очистки овощей плотно вошел ему в затылок.

Преодолев свое смятение, один из бандитов сумел ухватить Карателя за руки, отделавшись лишь неглубоким порезом лица. Его союзники не стали терять времени зазря, вогнав сразу несколько острых металлических предметов одержимому соратнику в грудь. Впрочем, порадоваться своему успеху они так и не успели. Дьявольская озорная улыбка в считанные секунды перекочевала с лица уже мертвого бан-

дита на удерживающего его за руки детину. Резня возобновилась с новой силой.

В оцепенении предсказатель наблюдал как один за другим головорезы падали, судорожно пытаясь перекрыть свои кровоточащие раны. В их глазах читалось искреннее недоумение, постепенно вытесняемое первобытным страхом смерти. Ближе к концу, взгляд барахтающихся на палубе мужчин становился совершенно пустым, в то время как руки, механически, словно живя своей жизнью, еще пытались остановить покидавшую тело толчками кровь.

Палуба все больше походила на гигантскую разделочную доску, а зловещая, совершенно безразличная к чужим страданиям улыбка продолжала менять своих владельцев. В панике последняя пара выживших бандитов попыталась покинуть баржу, но Лео умудрился взобраться на ведущие наружу ступени, перекрывая все возможные пути к отступлению.

Один из загнанных бедолаг, в безумной резне утратив всякое понимание того, кто был ему врагом, а кто союзником, попытался пристрелить из самострела своего уцелевшего напарника. Болт пролетел в нескольких сантиметрах от головы что должен был поразить, оправившись вдаль и едва не пригвоздив к переборке неподвижного Верго, заметно оцарапав тому шею. Впрочем, вскоре из живых на палубе остались лишь Вебер и Лео.

Воздух наполнился тяжелым запахом крови и размеренным, зловещим звуком дыхания Карателя, что ютился уже в

третьем теле из числа разбойников. Он был слегка оцарапан и помят, но такие мелочи нисколько не сказывались на состоянии духа Лео. Тот принялся с интересом выворачивать карманы своей захваченной оболочки, с упоением разглядывая их содержимое.

Весь бой (что надлежало бы назвать бойней) не продлился в итоге и шести минут. Только теперь до предсказателя дошла вся полнота сути произошедшего. Безусловно, все те многочисленные сказки и легенды о Карателях бессовестно лгали – в реальности эти чудовища были гораздо ужаснее.

Вебера впечатлил не столько тот факт, что его спутник был способен менять тела (с чем предсказатель уже почти успел морально свыкнуться), сколько совершенно нечеловеческая безмятежность, которую излучал Лео замещая собою сознание очередной своей жертвы. Для Карателя этот процесс был таким же простым, столь же обыденным и неинтересным, сколь для обычного человека была, скажем, смена надоевшего костюма. Сколько жизней нужно было отнять чтобы начать относиться к этому настолько безразлично?

«Будь у Лео больше амбиций и мозгов, он бы был фигурой куда страшнее Пекоса», – подумал про себя Верго, вздрогнув всем телом.

– Блин. Кажется, мы всех тут переполошили. Ну что, тогда другого выбора нет, придется доделывать работу в открытую, – будто бы разочарованно проговорил Каратель, поманив предсказателя за собой рукой. – Надеюсь Лия не разо-

злится...

Стараясь не смотреть на еще кровоточащие тела, Верго засеменял по палубе, оставляя за собой следы из содержимого артерий убитых головорезов.

– Нам нужно еще осмотреть судно. Вдруг заложников держат именно здесь? – крикнул предсказатель, заглядывая в одну каюту за другой.

– И правда. Это Лия тоже сказала? Да, что-то я сегодня в облаках летаю... – без особого интереса отозвался Каратель, так и не присоединившись к поискам спутника. Лео больше интересовали пожитки зарезанных им людей, которые тот тщательно осматривал, после чего отбрасывал в сторону, не обращая внимание ни на ценность вещей, ни на их функциональность. – Какие тут все скучные! Ничего любопытного с собой не носят – один хлам! Знаешь, не-волшебник, вот в Ловакии у людей в карманах всегда какая-то любопытная всячина лежит – разноцветная, красивая. Не то что у этих болванов! Какая глупость – сознательно нарушать закон, так еще и не разжиться интересными вещичками при этом! Ну зачем, зачем грабить кого-то, если в итоге в карманах у тебя только табак да сушеная рыба?

– Здесь никого больше нет, – подытожил предсказатель, стараясь не обращать внимание на откровенно странные монологи Карателя. – Ты слышишь? Их держат в другом месте.

– Слышу, слышу. Эй! Постой, у тебя всегда были такие красные глаза? – Вмиг оживился Лео, оставив наконец тела

разбойников в покое. – Смотри-ка! И ручищи какие раздул! А еще говоришь, что не волшебник!

– Что? Ты о че... – недоумевающе начал Верго, так и не закончив фразу. Язык отказывался ворочаться во рту полагающим образом, он явственно разбух. Предсказатель осмотрел свои руки, подмечая пугающие перемены что с ними произошли. Конечности раздулись, как если бы они были искусаны целым роем разъяренных пчел. Примерно в этот же момент мужчина заметил с каким трудом ему даются вдохи и выдохи. Воздух покидал тело Вебера нехотя, с каким-то неестественным свистом, словно что-то блокировало ноздри.

Общее ухудшение самочувствия быстро прогрессировало: задыхающийся мужчина заелозил руками по набухшей шее, словно пытаясь стянуть с себя невидимую удавку. Пальцы скользили по сжимаемому спазмами горлу пока не покрылись тонким слоем еще свежей крови. Только теперь предсказатель обратил должное внимание на крошечный порез на шее, что ранее счел незначительным. Маленькая царапина подозрительно сильно кровоточила. Кровь же, в свою очередь, совершенно не спешила сворачиваться, заливая воротник Верго и затекая тому за шиворот.

Слабеющий на глазах предсказатель упал сначала на одно колено, после чего, спустя каких-то пять секунд спустился и на второе, едва удерживая свое тело от бесконтрольного падения в лужу чужой крови.

– Ой-ой! Да, волшебник, да ты же отравлен! Это, получа-

ется, они тебя стрелой задели? Ну, то есть болтом? Да, плохо ты выглядишь. Но постой, мне один дядька в Ганое все рассказал о местных ядах. Сейчас я припомню что там было про опухание всего тела... – с видом никудышного знатока бубнил Каратель, вмиг закрыв глаза на страдания спутника и сосредоточившись на своей попытке вспомнить чьи-то байки. – Да, да, вне всяких сомнений, аллергическая реакция и пониженная коагулятивность крови... Знаешь, что такое коагулятивность? Это показатель сворачиваемости крови! Постой, показатель, или критерий? Этого я не запомнил. Какая вообще разница между показателем и критерием? Ну да ладно, в любом случае тебя отравили ядом местного мелкого насекомого. У него еще было такое нелепое название – не то «кистица», не то «кирица».

«Истрица, – подумал предсказатель, с трудом ограждая свой разум от подступавшего все ближе мрака забвения. – Дерьмо, значит шансов у меня особо нет. Мне и пяти минут не продержаться».

Угасающий секунда за секундой Верго, будучи не в силах более громко говорить, поманил к себе Лео рукой, что-то тихо шепча. Заинтригованный Каратель присел у умирающего мужчины, склонившись над его лицом.

– Расскажи... Расскажи свой самый большой секрет... – с трудом выдавливал из себя слова предсказатель.

– Самый большой? Ну уж нет! – наотрез отказался Каратель, показательно задрал нос. – Такого я доверить какому-то

не-волшебнику не могу!

– Я без пяти минут... мертвец, – простонал Верго, подмечая как темные круги в глазах поглощают все больше обозримого пространства, постепенно оставляя его в полной темноте. – Я унесу твою тайну в могилу...

– Пстой, и правда! Ты же ничего и никому не расскажешь! Ну тогда слушай внимательно, так как повторять второй раз я не намерен. Моя тайна, ну не то чтобы прям тайна, но мое желание... Намеренье? Мечта? Сложно определится, но это что-то такое что очень для меня важно! Так вот, слушай... Ты слушаешь? Так вот, однажды я обязательно, совершенно точно, хоть что бы там ни было, – женюсь на Лии. Правда она пока об этом не знает. Ну это детали, сущие мелочи! Я никогда не допущу, чтобы какой-то другой мужчина... – последующие слова Лео предсказатель так и не услышал. Широко раскрытыми пустыми глазами он вглядывался в глубь пыльных, затененных кают, всецело отдаваясь на волю распространившемуся по округе всепоглощающему звону.

Словно ведомая шепотом смерти вереница белых, вьющихся в воздухе хлопьев влетела в трюм судна через ведущий наружу открытый настежь клинкет. Вычурные хлопья нетерпеливо осели перед лицом предсказателя, растворяясь в парящей луже крови. Каратель, тем временем, совершенно не замечая отсутствия признаков жизни у спутника, увлеченно о чем-то разглагольствовал, мечтательно запрокиды-

вал голову, яростно выдыхал, излишне выразительно жестикулировал, пока наконец звон не растворил в себе и его.

Приятный прохладный ветер оведал короткие волосы предсказателя, стоявшего, широко расставив ноги, на корме плывущей по реке баржи. Где-то недалеко бубнил несуразную чушь скучающий Лео, а ближе к носу судна, закутавшись в свой теплый плащ, что надежно защищал от суровых помонтских ветров, восседала на ящиках Эмилия.

Верго сделал глубокий вдох, задержал воздух в себе достаточное количество времени чтобы почувствовать легкий дискомфорт, и завершил начатый цикл не менее глубоким выдохом. Его лицо не выражало ничего кроме усталости.

«Вот как, значит. Хорошо, этого должно быть достаточно, – безразлично подумал предсказатель, неспешно прогуливаясь по палубе. – На этот раз никаких больше заниженных ожиданий. Я покину Помонт свободным человеком, или не покину его вообще».

Вместе с крепчающим ветром крепчала и решимость Верго. Методично и предельно хладнокровно он перебирал в голове различные варианты развития событий, прикидывая свои шансы и заранее заготавливая отдельный план действий под каждый обдуманый им сценарий. Все это время мужчина с хмурым видом расхаживал по палубе, не ведя учета времени и лишь изредка оглядываясь на доносившийся до него звук шагов, только чтобы проверить, не пришел ли это

капитан судна сообщить о их скором прибытии.

Положение Вебера справедливо можно было назвать затруднительным: с одной стороны, с него глаз не спускало способное менять тела чудовище и Карательница, способностей которой он еще не знал, а с другой, его явно не оставит в покое кровожадный психопат Кассиус, низводя на нет любые планы предсказателя о долгосрочной мирной жизни; с третьей же стороны, свобода без денег – понятие весьма относительное, а значит в и без того сложное уравнение следовало включить вопрос взыскания с заказчиков сего мероприятия положенной суммы. Что же, подобное положение могло бы показаться совершенно безвыходным, но предсказатель был совсем другого мнения, ведь он знал, что какими бы ужасными ни были его враги-преграды, видеть будущее было дано только ему.

На протяжении всего его путешествия по Помонту он без замедления выкладывал все доступные ему козыри в пользу своей команды, но, кажется, пришло время наконец попридержать парочку козырей в рукаве и для себя. Представив всю доступную ему информацию в виде игральных карт, предсказатель тщательно взвесил и перетасовал доступный ему ресурс, избирательно исключив несколько карт из колоды и подготовив оставшиеся для своего плана. Конечно, многое все еще было ему неизвестно, но он не мог позволить этому обстоятельству поставить крест на своем стремлении к свободе.

Судно начало сбавлять ход. Словно в повторяющемся сне Верго проживал уже знакомые ему события: вылазка на берег, осторожное продвижение по прибрежным зарослям, разделение их команды. Но на этом этапе Вебер решил отклониться от намеченного судьбой курса, попридержав целеустремленного Карателя от поспешных действий и отведя того в сторону для задуманного разговора.

– Ну чего тебе? – раздраженно процедил Лео сквозь зубы.

– Как ты знаешь, Лео, я волшебник. Но знаешь ли ты, насколько я могущественный волшебник?

Каратель с недоверием воззрился на спутника, нетерпеливо ответив вопросом на вопрос:

– Настолько, что не смог сам выбраться из железных кандалов?

– Я оставался в той канализации намеренно. Ждал прибытия вас двоих, ждал, когда вы пригоните ко мне судно, ведь именно так я бы смог быстрее всего добраться к Пекосу. Я расчетливо подтасовал нужные мне события. Об этом ты не подумал? Неужели ты считаешь, что абы кому могут предложить стать Карателем? Я все знал заранее... Абсолютно все. Я даже знаю в чем заключается твоя особая сила. Это же не твое родное тело, не так ли? – вкрадчивым и самоуверенным тоном проговорил предсказатель, всячески пытаясь давить на наивность и доверчивость Карателя.

– Да ты что... – все еще хранил в себе искру недоверия Лео. – О моих силах ты мог и от Лии услышать. Да, точно! Ты

улучил момент, пока я гонялся за той классной стрекозой! Или, когда я спорил с капитаном о том насколько большими вырастают морские титаны, или...

– Слушай меня внимательно, Лео. Я не просто улучил момент чтобы что-то разузнать о твоих силах. Такому выдающемуся таланту как мне – это без надобности. Я напрямую заглянул тебе в голову и выудил все что мне нужно оттуда!

– Даже так? Если... Если ты и правда можешь читать мои мысли, то скажи, о чем я сейчас думаю?

– Я не цирковой фокусник чтобы размениваться такими мелочами. Я скажу больше, я назову то, о чем ты мечтаешь. Назову твою главную цель, – все продолжая нагнетать ауру таинственности, зловеще шептал Верго, понемногу приближаясь к сбитому с толку Карателю. – Ты влюблен в Эмилию и собираешься на ней жениться... Да-да Лео, я все о тебе знаю.

Здоровяк вмиг удивленно вытаращил глаза, залившись румянцем. Последний аргумент предсказателя действительно оказал на Лео желанный эффект. Всем своим видом Каратель свидетельствовал о крайнем замешательстве, постепенно переходящем в суеверный страх.

– Нет! Не лезь ко мне в голову! – запищал громила, закрыв голову своими громадными ручищами, словно пытаясь защититься от невидимого магического влияния. – Не смей! А не то... Я все Лии расскажу!

– О, так теперь ты мне веришь. Знаешь, а ведь чтение мыслей – это далеко не все что я умею.

– Правда? Что еще? – моментально убрав руки от лица, с детским восторгом спросил Лео.

– Как уже говорила твоя драгоценная Эмилия, я могу заглядывать в будущее. И знаешь, что? Вы помогли мне добраться сюда в кратчайшие сроки, и за это я, величайший из волшебников, помогу вам. Даже более того, ранее, практикуясь в моем искусстве я заглянул в разум Эмилии и могу тебе сказать, что она на самом деле о тебе думает. Могу. Но мне потребуется от тебя кое-что взамен...

– Что? – едва не выкрикнул Лео, на секунду вызвав у предсказателя опасения что они могут быть услышаны людьми Пекоса, ведь они все еще находились недалеко от вросших в береговую линию ржавых барж.

– Торжественная клятва, что Эмилия ничего не узнает о нашем с тобой разговоре, даже о том, что он вообще состоялся. Понял?

– Клянусь, торжественно клянусь! – в ту же секунду выпалил Каратель, еще сильнее покрасневшись.

– Знай, нарушение клятвы данной волшебнику приведет к тому что до конца твоей жиз... твоего существования вся еда что ты будешь употреблять, будет на вкус как самая мерзкая, самая противная болотная тина!

– И даже печеные яблоки? – с ноткой искреннейшего отчаяния проблеял Лео.

– И даже печеные яблоки. Но ты уже дал клятву, так что пути назад уже нет. А теперь, я хочу, чтобы ты отправил-

ся на ту баржу, и обезвредил там всех, кого встретишь, как твоя подруга и приказывала. Используя свой чудодейственный дар предвиденья, сейчас я сообщу тебе, что тебя ждет! – Верго театрально сложил руки у висков, принявшись издавать пугающие нечленораздельные звуки.

– Давай волшебник! примени свое волшебство, скажи, что же меня ждет! Постой, если ты видишь будущее, то ты можешь сказать, когда мы с Эмилией поженимся, верно?

– Скажу, все скажу, но только после дела, а теперь не мешая мне предсказывать! – Вебер закричал пуще прежнего, закатив глаза и слегка отклонившись назад.

– После дела? Вот же жалко! Ну почему всегда все только после, а не до? Прямо как с печеными яблоками! Они мне тоже достанутся только после дела!

– На верхней палубе баржи ты встретишь одного бандита, перетаскивающего разный хлам. Отвлеки его брошенным в воду стальным крюком, а после оглуши чем-нибудь тяжелым по затылку. Внутри баржи тебя ждут трое, они будут играть в карты. Там темно, так что постарайся не шумя подобраться к ним как можно ближе, перед тем как напасть. Знай, в трюме, в бадье у ящика на котором эти бандиты играют в карты, находятся взведенные арбалеты – не дай бандитами ими воспользоваться. И еще одно, самый старый из них держит в кармане жакета свисток что способен переполошить весь этот поселок, так что разберись с ним в числе первых. Все запомнил? Хорошо, тогда иди. А я займусь здесь более

серьезным колдовством...

Каратель уже хотел было отправиться выполнять данное ему поручение, как моментально развернулся на пятках, услышав о более серьезном колдовстве.

– Что ты наколдуешь? – зачарованно пробормотал доверчивый простак.

– Вскоре я вызову настоящий снегопад! – едва сдерживая улыбку проговорил предсказатель, для пущего эффекта подняв над собой руки.

Оставшись под глубочайшим впечатлением от услышанного, Каратель немедленно отправился в сторону баржи (видимо боясь прервать могучее колдовство), как вдруг застыл в пяти метрах от Вебера, что-то тягостно обдумывая.

– Лия сказала, что я во что бы то ни стало не должен дать тебе сбежать, – неуверенно пробормотал Лео, неспешно возвращаясь к своему спутнику.

– Я не могу идти с тобой, мне нужно завершить свое колдовство! – предпринял попытку блефа предсказать, придав своему голосу как можно больше строгости и таинственности.

– Нет. Я должен убедиться, что ты не сбежишь. А значит... – Каратель запустил обе руки в свою походную сумку, доставая оттуда веревку.

– Вздор! Это не поможет удержать мою могучую магию. Я бросаю веревку в пыль, а вместе с ней и тебя! – отчаянно шипел Верго с горечью наблюдая как колеблющийся Лео

нехотя привязывает его к старой опоре пирса, торчащей из илистого грунта.

– Не надо превращать меня или веревки в пыль! Пожалуйста! Ведь мне тогда придется захватить твое тело для выполнения моей работы! – оправдывающимся тоном скулил Каратель.

По спине предсказателя побежал холодный пот. Такого поворота он не ожидал. С одной стороны, уловка удалась. Лео искренне ему верил и был готов следовать данным ему указаниям, но даже так для этого загадочного Карателя авторитет его спутницы был в разы более значим чем любые магические угрозы Вебера. Громила буквально разрывался на части между суеверным страхом перед колдовством и желанием услужить Эмили. И самое печальное, что второе так перевешивало.

Словно извиняясь за свой поступок, Каратель старательно прикрыл связанного спутника снопами вырванной с корнем пожухлой растительности, тем самым замаскировав его. После этого Лео поспешил удалиться чтобы своим присутствием не разгневать великого волшебника еще больше.

И все же, Верго был доволен своей работой – все прошло сравнительно гладко, в глубине души он был готов и к развитию куда как более неблагоприятного для него сценария.

«Неужели он и правда во все поверил? Я настолько впечатлил его упомянув женитьбу с этой женщиной, или же дело в чем-то другом? Как же странно он себя ведет. На по-

лудурка не похож, но чтобы взрослый человек был настолько наивным и доверчивым и в то же время настолько исполнительным, безжалостным и верным... Взрослый?» – думал про себя предсказатель, задумчиво глядя спутнику вслед.

Внезапно Верго осенило. Чрезмерная наивность, простодушие, увлечение несуразными глупостями – у этого всего могло быть одно крайне простое объяснение. Лео ведет себя подобно ребенку, как раз потому что он и есть ребенок! Ну разумеется! Ребенок, скачущий по телам взрослых. Ребенок, что естественным для своей природы образом ставит сладости и развлечения превыше любых дел. Отсюда же вытекало и странное отношение Эмилии к нему, ведь фактически для него она выступала не кем иным, как фигурой опекуна, может быть даже матери, хотя последнее было крайне маловероятно. Детская, совершенно нелепая и бестолковая влюбленность Карателя в свою спутницу теперь виделась Веберу более чем объяснимой.

В юношеские годы, в военной академии совсем еще незрелые мальчишки, только что поступившие на службу, нередко пускали слюни по обворожительным дамочкам из военной администрации, пускай те и были их старше как минимум на десяток лет. Разумеется, настоящей любовью там и не пахло – детская влюбленность беспощадна и неумолима, как горячка, благо, держится в неокрепших умах она не дольше.

Но сколько лет было Лео на самом деле? Был ли он уже юнцом, или быть может совсем еще ребенком? Одни его дей-

ствия поражали своей чистосердечностью, другие же, совершенно нечеловеческой жестокостью и непреклонностью. Но вот предсказателя посетила и другая мысль:

«А человек ли он вообще? Был ли он рожден человеком, или же все-таки чем-то иным? Каким было его первое, начальное тело?»

Таковыми вопросами можно бы было задаваться до бесконечности, но у Верго не было на это времени. Он знал, что каким бы маленьким ребенком ни был Лео в душе, на то чтобы хладнокровно разделаться со всеми на корабле, у того много времени не уйдет. Все-таки, в первую очередь он был Карателем, таинственным и совершенно ужасающим чудовищем, что не смотря на все свое простодушие способно отнять жизнь человека не колеблясь и мгновенья. И все же, страшно было даже представить себе через что ему однажды довелось пройти, чтобы обрести такое хладнокровие. Сколько раз нужно отнять жизнь, чтобы относиться к этому настолько спокойно и привычно? Сколько раз нужно умереть самому...

Вебер провел в своих размышлениях без малого десять минут, прислушиваясь к каждому подозрительному шороху и шелесту в траве. В Ржавой Водице царила тишина – не было слышно ни далеких голосов, ни пьяных возгласов, ни звука сигнального свистка. Значило ли это что Каратели преуспели в своих планах и им удалось расправиться с местным людом так и не подняв тревоги? Верго хмуро смотрел вслед

ушедшему Лео, искренне надеясь, что это так.

Еще пять минут хрупкой безмятежности принесли в речную низину сильный шальной ветер. Резкие, перекрывающие друг друга ветреные порывы терзали речные травы, испытывали на прочность гниющий тут и там металлолом. Небо быстро помрачнело, залившись монотонной серостью.

Верго поднял голову после того как что-то мелкое и твердое приземлилось тому в районе макушки. Следующее дивное соприкосновение непойми-чего состоялось в области глаза предсказателя, вынудив того прищуриться и опустить голову как можно ниже. Твердый и холодный кусочек льда тонкой струйкой стек по щеке Вебера, оставляя за собой едва видимый след.

Со всех сторон слышались монотонные звуки постукивания, возникающие при попадании ледяных шариков по старому металлу. Почти сразу же крошечный град перешел в свою более мягкую форму, сменившись красивыми белыми хлопьями, неспешно спускающимися с небес.

Снег падал плавно, периодически подгоняемый нетерпеливыми ветрами. Хоть белые хлопья и начинали таять едва затронув землю, и все же, все возрастающая интенсивность снегопада привела к тому что округа оказалась припорошенной за считанные минуты.

Белый цвет подходил Помонту. Холодный и безжизненный, он подчеркивал личину княжества, изгоняя тепло и уют даже из самых отдаленных его мест. Ржавый пейзаж на гла-

зах предсказателя превратился в стерильную белую пустошь.

Вебер поежился. Покрывший его снег вкупе с разыгравшимися холодными ветрами, что так не вовремя спустились с гор, пронимали его до костей. Хуже всего в этом было то, что будучи связанным он даже не мог толком отряхнуться, с горечью чувствуя, как мокрый снег пропитывает ледящей влагой его одежду. К счастью, долго эту пытку терпеть не пришлось, ведь к нему наконец вернулся довольный Каратель. Он вернулся в том же теле в котором и ушел, что могло значить только одно – благодаря подсказкам предсказателя никаких проблем в устранении бандитов у него не возникло.

Довольно лыбясь, увалень поспешил развязать промокшего и задубевшего Вебера, не переставая осыпать того по ходу дела самыми подхалимскими комплиментами:

– Ну волшебник! Целую бурю наколдовал! И правда, это так умно! Из-за снегопада они все попрятались по домам! Да что там, и тот главный гадина... Ну, тот, за которым мы пришли? Пекос! Он теперь точно далеко не уйдет от нас! Вот Эмилия удивится, когда узнает, что это ты снег вызвал! А, точно, не узнает – я же пообещал, что ничего ей не расскажу... Но все равно потрясающе! А дождь из лягушек ты мог вызвать? Я слышал, что бывают и такие. А из рыб?

Предсказатель лишь поспешно кивнул, растирая свои подмерзшие конечности и стараясь унять стук зубов. Хоть теперь он и мог отряхнуть свою одежду от снега, особого толку в этом уже не было, ведь все и так промокло.

– У теббб-бя есть что-то гор-рячительное? – с робкой надеждой спросил Верго.

Каратель выудил из своей сумки дорогую алюминиевую флягу, протянув ее предсказателю, после чего, подумав, добавил:

– Только все не выпивай. Лия эту штуку очень любит.

Отхлебнув из фляги часть ее содержимого Вебер скривился, едва не согнувшись пополам от нестерпимого жжения. Ему доводилось пить по всей федерации разный алкоголь, но в плане крепости – у этого образчика не было равных. Крепче только чистый спирт. Но и это только пол беды, ведь какому-то гению пришла в голову светлая мысль добавить в этот и без того жгучий напиток изрядную порцию острого перца, благодаря чему пойло приобрело совершенно невыносимые для малопьющего человека качества. И все же, свое дело алкоголь сделал – жгучая волна тотчас разогнала тепло по дрожащему телу, наполнив собою желудок.

Верго тяжело отдышался, после чего вернул Карателю флягу, так и не отважившись сделать еще один глоток.

– Нам нужно идти, – сухо бросил он, пробираясь через заснеженные травы к поселку. Лео послушно поплелся следом, не переставая дивиться внезапно выпавшему снегу.

Снег хрустел под ногами спутников в то время как они осторожно пробирались через опустевшее, мертвенно-белое поселение. Окна небольших глиняных домиков с соломенными крышами были темны, двери многих —распахнуты на-

стежь. Гонящий снежинки ветер заглядывал в пустые жилища в погоне за остатками тепла что еще ютились в их недрах.

У некоторых домиков сразу у входа можно было заметить свежие сугробы, подозрительно напоминавшие по форме человеческие силуэты. Подобравшись к одному такому, предсказатель подтвердил свои догадки – тело все еще было теплым. Оно принадлежало тому самому бандиту что в видении случайно задел шею Верго, выстрелив из арбалета. Свое оружие мертвец крепко сжимал в руках. Курок так и не был спущен.

Присев над трупом, Вебер заметил торчащий из его шеи тонкий дротик, может быть раза в два толще швейной иголки, не более. На конце дротика крепилось темное оперение что призвано стабилизировать снаряд в полете. Более никаких следов ранений на теле не было обнаружено.

– Работа Эмилии? – беспристрастно спросил предсказатель у Лео, вынимая самострел из еще мягких и податливых рук, торчащих из сугроба.

– Угу, – без интереса бросил Каратель, выворачивая карманы трупа. – Ого! Смотри какая яркая брошка! Как думаешь, Лии понравится?

– Пошли, – не стал потакать праздной болтовне спутника Вебер. С тела он забрал только небольшой запас болтов, предварительно тщательно осмотрев их смазанные темной субстанцией наконечники.

Двоица продолжила свой путь. Вьюга практически сразу

заметала следы что они за собой оставляли. Завывая нена-
сытными ветрами и вымачивая каждый доступный клочок
земли белой пеленой, снегопад постепенно перерастал в на-
стоящую бурю.

Глава 16. Кровь и снег

В двухстах метрах от заснеженного берега, у самой кромки леса гордо и обособленно возвышался темным прямоугольником, переделанный под придорожную корчму старый рыбацкий склад. В таких злачных хибарах обычно сушили бычков, карасей да грибы. Как жилые здания их никто не использовал. Неровными изгибами тянулась от корчмы едва заметная тропа, удаляясь куда-то в сторону леса.

Вросшая в мягкий грунт деревянная постройка выглядела исключительно убого: плохо отесанные кривые срубы бревен, из которых состояли ее стены держались, казалось, на одной только обожженной глине в составе которой явно проглядывалась отсыревшая солома; простая пологая крыша, сделанная из той же глины и соломы, закрывала собой всего-то треть постройки, оставляя сверху сравнительно небольшую площадку, заставленную всякой всячиной – бочками, мешками и ящиками. Площадка на крыше была до того ущербной, что единственным возможным путем забраться туда представлялась старая, заставшая еще рассвет федерации, трухляя деревянная лестница, наспех приставленная к покосившейся стенке питейного заведения. Один взгляд на это жуткое и хлипкое орудие подъема уже заставлял ощущать эфемерные занозы, безжалостно впивающиеся в незащищенную кожу рук.

И все же один безумец таки решился забраться по вероятно самому древнейшему артефакту княжества напрямиком на устланную свежим снегом крышу. Часто выдыхая внушительные клубы пара и размахивая зажженным факелом у себя над головой, этот чудака не переставал что-то вопить, то забираясь на многочисленные бочки, угрожающе свешиваясь при этом с крыши, то отступая вглубь площадки чтобы укрыться за неподвижным навалом ящиков.

Скрестив руки и деловито взирая на разворачивающийся на крыше корчмы акт абсурда, всего в пяти метрах от здания стояла невозмутимая Эмилия, терпеливо дожидаясь бредущих издалека путников. Узнав силуэт подруги, Лео прибавил шагу, безнадежно оставляя промерзшего предсказателя болтаться позади.

– Ты как раз вовремя. Вот, посмотри-ка – и кто это у нас никак не желает уgomонится? Узнаешь физиономию? – расслабленно проговорила женщина, кивнув в направлении толстой фигуры что металась из стороны в сторону с зажатым в руках факелом.

– ...из всех, из всех них! – начали доноситься до Верго выкрикиваемые чудаком обрывки фраз. – Я заслуживаю этого как никто другой! Да я... Да я... Я этими руками взрастил Пасквиль! Сколько... Сколько сотен тысяч кровавых крат вы получили благодаря мне? Да без малого половина столичной казны прошла через мои руки! И что я за это получил? За десятки лет своей службы? Верной службы федерации?! Мое

место... Мое законное место заменит какой-то ставленник Риганца, а на трон усядется чертов сопляк что ради нашего дела и пальцем о палец не ударил? А теперь... – толстяк задыхался, неистово сопя и кряхтя, но при этом не прерывая своей тирады. – А теперь вы меня выкинете как бесполезный мусор? Да пошли вы к черту, ублюдки! Подонки недоношенные! Кучка исполнительных отбросов, Лич вас всех побери! Ни шагу в мою сторону! Сволочи! Одно движение, всего одно, и я спалю эту лачугу к чертям собачьим! Смотри! Смотри! – Здоровяк похлопал пухлой ручонкой по ряду едва укрытых снегом бочонков. – Здесь хватит керосина и жучьего масла чтобы за считанные секунды весь этот хренов сарай превратился в настоящее пекло! Ваш молокосос-недоносок обуглится тут вместе со всеми своими дружками! И даже Голдберг, эта плешивая скотина, завизжит как молочный поросенок на вертеле, когда пожар хорошенько прожарит ему бока! Не подступайте, сволочи! Я вами, подонками, по горло сыт! Это моя земля! Моя корпорация! Моя Ганоя! Мое! МОЕ И НИЧЬЕ БОЛЬШЕ!!!

– Полагаю у вас все прошло гладко? Я в вас и не сомневалась. Нет, правда. У меня все тоже шло весьма гладко, пока это свинка не забралась на сарай и не начала распинаться мне тут о драме своей жизни. Посмотрите только, он уже минут десять успокоится не может, – как ни в чем не бывало, преспокойным тоном проговорила Карательница, деловито указывая на беснующегося толстяка.

– Это что, Гедройц? – не без доли удивления задал риторический вопрос предсказатель, наблюдая за выходками бывшего заместителя Каламаджа. – Это он самосожжением нам угрожает?

– А пусть толстячок загорится! – засиял Лео, едва не хлопав в ладоши. – Эй, ты, давай! Поджигай себя! Ну давай!

– Лео, уймись, – осадила радостный запал спутника Эмилия. – Его жизнь нам не очень то важна, но если в бочках действительно столько горючего, пленники внутри могут серьезно пострадать. Вероятнее всего они связаны или скованны. Такое количество обездвиженного народу нам быстро из лачуги не вытащить. Собственно, поэтому я вас тут и дожидалась, выслушивая его бредни. Уже в ушах звенит от визга этого недоумка...

– Так почему ты его со своей духовой трубки не... – начал было Каратель, но довольно быстро, и главное самостоятельно, осознал всю глупость своего предложения. – Ааа... Так он может упасть и той огненной палкой бочки зацепить! Вот же! А я так хотел посмотреть, как толстячок поджарится!

– Для этого ты мне, Лео, тут и нужен. Заберись в это чудо, потуши факел и спускайся к нам поскорее. Чем быстрее мы тут закончим, тем быстрее отправимся в Ганою за печеными яблоками, – интригуяще зацепила тончайшие струны души Карателя женщина.

На Лео упоминание любимого лакомства подействовало чудотворно. И без того энергичный малый практически под-

прыгнул на месте, весь в предвкушении награды. Конечно, после такой то мотивации долго ждать действий с его стороны не пришлось – одним мощным порывом он вырвал у Верго из рук самострел, до смерти напугав при этом Олафа. Толстяк завидев стрелецкое оружие мертвецки побледнел, принявшись скакать на крыше и размахивать факелом в два раза энергичнее. Интересно, если бы Каратель впоследствии помедлил со своими действиями, на сколько бы Гедройца хватило в таком-то темпе?

Верго слегка вздрогнул и поморщился, глядя как только-что выпущенный из арбалета болт глубоко входит в основание черепа Карателя. Бывшее вместилище Лео, не оценив такого жеста со стороны своего недавнего хозяина, мешком песка осело на влажный снег, окрашивая его багровыми тонами. Давно привыкшая к подобным вещам Эмилия вмиг утратила интерес к использованному материалу, всецело переключившись на затихшего Гедройца. Впрочем, от самого Олафа в теле толстяка уже немного осталось.

Определенно было что-то ироничное в том, что Олаф, всю свою карьеру будучи услужливой марионеткой Каламаджа, спустя всего несколько дней своей самостоятельности стал марионеткой Лео, на этот раз буквально и посмертно. Не то чтобы за Звонкой Свинкой Помонта кто-либо стал бы грустить. И даже более того, едва ли через месяц-другой хоть один бывший коллега заместителя директора А.О. «Пасквиль» помянет его добрым словом. Хорошо будет, если его

вообще упомянут каким бы то ни было словом, даже самым прескверным.

Любой житель княжества без труда назовет имя своего нынешнего князя и его предшественника, если повезет, то даже вспомнит парочку имен господ что держали бразды правления народом и до его рождения. Но вот что касается министров, советников, представителей торговой палаты и знатных вельмож – едва их робкое пламя жизни угасает, угасает и всякая о них память. Таков уж он, беспамятный народ Помонта – сегодня вкрадчиво лебезит перед тобой, смиренно ползая на коленях, а завтра и звука твоего имени не припомнит. Возможно, именно поэтому каждый следующий правитель княжества может позволить себе быть куда хуже предшественников. Если их деяния не помнят, то и сравнивать ведь не с чем. Во все времена короткая память прислуги была благословением для власть имущих.

Необычайно тихий и смиренный, пережиток прошлого послушно забросил факел подальше, вскрыл несколько бочек, без интереса оглядев их содержимое, после чего принялся спускаться по скрипучей старой лестнице. Наконец оказавшись обеими ногами на твердой земле, присыпанной менее твердым снегом, он недовольно выдал:

– Там засоленная сельдь и ничего больше. Никакого керосина, никакого жучьего масла!

– Тс! Я так и знала. У жирной сволочи духу бы не хватило рисковать, ставя свою шкуру на кон – он просто блефовал

чтобы выиграть время. Получается, я зря терпела его визжание? – произнесшая это Эмилия выглядела по настоящему удрученной, как будто десять минут потраченного времени действительно для нее что-то значили. – Ладно, пора уже нам заглянуть внутрь. Нас там уже заждались.

С ее последним утверждением никто не стал спорить. Троица без промедления проследовала ко входу в корчму. У самой двери Вебер заметил лежавшее неподвижно тело. Торчащий из руки дротик красноречиво обрисовал ему что именно случилось с невезучим бандитом что преградил Карательнице путь. Глядя на такую жуть, оспаривать эффективность оружия и навыков Эмили не приходилось, да и не было желания. Вне всяких сомнений, в случае надобности она смогла бы опустошить весь поселок, включая вросшие в берег баржи, и без помощи кого-либо. Верго поспешил перешагнуть через труп, стараясь не задеть его ногами.

Теплый спертый воздух ударил в ноздри вошедшим, вынудив их оставить дверь приоткрытой. Кривой дощатый пол, уставленный тухлой утварью, встречал путников с особым, душераздирающим скрипом. Тут и там валялась пустая грязная посуда и еще более пустые, вылизанные до последней капли бутылки, пахнущие чем-то кислым и крепким. Уже окаменевшие, прилипшие к исцарапанной жестяной посуде остатки пищи были настоящим пиршеством для орудующего тут роя мух. Грязь, объедки, смрад прокисшего алкоголя да летающие насекомые, вот и все завсегдатаи корчмы, дру-

гих не нашлось.

Маленькое уродливое заведение, с деревянных перекладин которого все еще свисали оставшиеся после сушки, обглоданные рыбы хвосты, было пустым, душным, и откровенно говоря отвратительным местом. Что-то такое представляешь себе визуализируя в мыслях выражение «зловонная дыра». И пустота этого места являлась самой странной его особенностью, ведь все другие постройки поселка уже были осмотрены и пленникам полагалось быть здесь. Им больше нигде было находится!

Лео скучающе почесывал новоприобретенную лысину, даже не делая вид что принимает участие в поисках. Эмилия относилась более серьезно к стоявшей перед ней задачей. Женщина сновала по помещению взад-вперед, выискивая хоть какую-нибудь зацепку, но на этот раз Верго опередил ее своим проворством мысли. Предсказатель прекрасно понимал, что корчма, какой бы убогой и захудалой она ни была, просто-таки нуждается в подвальном помещении. Оно могло бы быть довольно ущербным погребом, или же и вообще, вырытой под половицами ямой, но так или иначе, быть оно должно.

Мужчина принялся простукивать носком обуви каждую нещадно скрипящую половицу, отодвигая мусор из-под ног и высматривая возможные очертания люка. Долго ему искать не пришлось. Парочка особенно хлипких досок легчайше приподнялась с пола, стоило применить к ним хоть чу-

точку силы. В открывшемся проеме тотчас раздались горестные стоны и тягостное мычание.

Как и ожидалось, все до последнего, пленники были там, в погребке. Измученные, голодные, промерзшие от холодной земли, но все же живые. Они были привязаны к удерживающим своды погребка балкам. Балки сами по себе не внушали доверия своей массивностью, но только безумец стал бы пытаться их выломать в попытке освободиться – быть заживо похороненным под толстым слоем холодного грунта никто бы не хотел. Разумеется, во избежание особо шумных представлений, приспешники Кассиуса заткнули рты пленников понадежней, кому чем попало. Меньше всего в этом плане повезло Остину, словно бы в насмешку в рот ему отправились чьи-то старые дырявые портянки, закрепленные на челюсти обрывком длинного носового платка.

На многих наемниках красовались свежие синяки, порезы и ссадины. Уж точно можно было сказать, что без боя они не сдались, а в плену не раз и не два столкнулись с издевательствами со стороны людей Пекоса. Но наиболее печальное зрелище из себя представляла именно Арчи. Увы, ни ее короткая прическа, ни мужская одежда, ни чумазое лицо, не смогли скрыть от людей Пекоса тот факт, что она была женщиной. Участь пленниц в княжестве всегда была печальной, и изорванная одежда девушки была этому прискорбным подтверждением.

Пленники выглядели жалко, удрученно, но стоило им раз-

глядеть среди пришедших лицо предсказателя, как взгляды их прояснились, засияв новой надеждой. Верго вместе с Карателями поспешил избавить бедолаг от веревок, стараясь не задевать лишний раз их никем не обработанные раны. Спустя пять минут вся команда предсказателя, включая светившегося от радости наследника и без усталости кряхтящего Голдберга, была освобождена от пут. Они осторожно выбирались из глубокого погребца, разминая затекшие конечности и ощупывая свои потрепанные тела.

Только завидев снежную белизну в дверном проеме, гвардейцы бросились набирать полные пригоршни снега, пытаясь утолить свою жажду. Никто не стал дожидаться разведенного костра: топили снег прямиком в своих ртах, болезненно охая от пренеприятного холода. На лицах большинства воцарилась если уж не робкая улыбка, то выражение крайнего облегчения – судя по всему, многие уже давно про себя попрощались с жизнью, оставив всякую надежду. Дарованный им второй шанс, не смотря на все невзгоды и трудности, казался чудесным сном.

Не спуская глаз с Карателей, Вебер так и улучил момент, когда те отвлеклись на разговор с Остином. Схватив жадно поглощавшего снег Голдберга, он уволок того за крупный платяной шкаф, ранее служивший в корчме подобием стойки для хранения солонины. Воровато оглядываясь, предсказатель достал из своих карманов припасенную еще с баржи желтоватую бумагу, оттуда же выудив огрызок карандаша.

В течении трех минут Верго что-то интенсивно нашептывал Барону, в конце всучив тому исписанную мелким извилистым подчерком бумагу. Филипп поморщился, пригладил усы, после чего одобрительно кивнул, расписавшись на предоставленном ему документе. Обрадовавшийся Вебер хотел было уже выбраться из-за своего укрытия, но Барон придержал того за руку, отпустил парочку комментариев и принявшись перебирать пальцами свой старенький кожаный ремень. Нащупав нечто едва-едва выступающее на гладкой белой поверхности, Голдберг воспользовался острым гвоздем чтобы распороть вещицу, вытащив из нее ни много ни мало – целый перстень. Уловка торговца оружием окупилась сполна, ведь обманувшись неказистым видом потасканного ремня, сделанного на заказ под совсем уж специфические размеры Барона, люди Кассиуса не стали излишне досматривать этот экстравагантный, пожеванный и довольно потертый элемент гардероба, упустив в нем настоящее сокровище.

Голдберг в спешке осмотрелся, после чего, пожав плечами плюнул на найденный им гвоздь, протер его краешком рукава и сморщившись вонзил себе в палец. Тонкая струйка свежей крови вереницей стекла по ладони мужчины. Барон тщательно измазал в ней печать перстня, а затем осторожно приложил ее к подписанной бумаге. Только после этого он отпустил предсказателя, вальяжно выбравшись из укрытия первым. Верго с неверием и вкраплением совершенно детской, искренней радости, глазел на подписанный документ.

Глазел не долго, поспешив упрятать ценную бумагу во внутренние карманы пиджака. Только что он стал на шаг ближе к своей цели.

Вебер подошел к безусловным главарям их заново сформированного отряда – Эмили и Остину, и подошел он крайне своевременно. Они как раз обсуждали план дальнейших действий, едва ли считаясь с мнением окружающих.

– Вот уж действительно больной на голову ублюдок. Это чудо что вы его тут не застали, – сквозь зубы прошипел главарь гвардейцев, вероятнее всего отзываясь о Пекосе.

– Как бы там ни было, мы уходим. Я не могу подвергать наследника такой опасности. У меня прямой приказ – доставить его в Ганою. Умерщвление Кассиуса вторично. Так что, снимайте одежду с валяющегося на улице сброда, если конечно не желаете окоченеть в бурю, и будем выдвигаться, – флегматично и размеренно проговорила Карательница таким тоном, словно наставляла маленьких детей в яслях.

– Мы не можем, – нагло вмешался в разговор предсказатель, обратив на себя всеобщие взоры.

– Почему? – сухо поинтересовался Остин.

– Действительно, что нам мешает? – поморщилась Эмилия, содрогнувшись от одной мысли о том, что ей придется провести в этом зловонном свинарнике еще хоть минуту.

– Все дело в том, – неуверенно начал Верго, стараясь за нарочито грубым тоном скрыть свое волнение, – что у меня только-что было видение.

Карательница закатила глаза, показательно скривив губы и фыркнув. По ее виду можно было сказать, что для нее все необходимые решения давно уже были приняты вопреки мнениям любых других субъектов, но тут, совершенно неожиданно вмешался Лео:

– Он действительно волшебник, Лия! Из-за одного обещания я не могу рассказать тебе все детали, но поверь мне! Он творил просто невероятные вещи! Вот, смотри какой у меня благодаря его колдовству теперь есть классный свисток! Ну просто чудо! Он настоящий волшебник, как в сказках!

– Ну и что ты там видел? – весьма недовольно, даже стоило бы сказать зловеще, спросила Карательница, адресовав вопрос предсказателю.

– Я видел, что если мы попробуем сбежать, то все умрем. Все, ну, быть может кроме него, – палец Вебера указал на лыбящегося Лео. – Кассиус выследит нас и без труда похоронит. И буря ему не будет помехой.

– Что конкретно ты видел? Когда это произойдет? Сколько у нас времени? – главарь наемников засыпал конкретикой покрывшегося испариной Вебера.

– Ну... Часов у меня теперь нет, так что указать время я больше не в состоянии, но я точно видел, как Пекос догоняет нас, и мы все погибаем от его силы. Буквально сгниваем заживо. Такой кошмар...

– Ну хоть приблизительно то ты время сказать можешь? Сколько прошло по твоим ощущениям, пол часа или час? В

какую сторону мы пошли в твоём видении? Просто пойдём в другую, и проблемы больше нет, – резко и бескомпромиссно отрезала Эмилия.

– Честно говоря, в видениях сложно точно определить время... Прошло... Не очень много, но и не пару минут, конечно. А что касательно направления – это не важно. Он всюду нас найдёт. Я видел... Видел сразу несколько вариантов будущего. Куда бы мы ни пошли, нас ждёт смерть! – все больше нервничал предсказатель, сбиваясь и заминаясь в своём рассказе. С каждой последующей заминкой Карательница хмурилась все больше. Было совершенно очевидно, что доверия к Веберу у неё и раньше было немного, а теперь стало и того меньше.

Верго пробил холодный пот. Он не знал, что ещё добавить, чтобы убедить Эмилию, но при этом прекрасно понимал, что каждое мгновение его неловкого и неуверенного мычания лишь подливает масла в огонь, ухудшая складывающуюся для него ситуацию. Сейчас это выглядело так, что его задумка обречена на провал. На этом её этапе это было вдвойне обидно. Ранее Вебер предполагал, что ему удастся хоть как-то убедить свою суровую и своенравную спутницу. Сейчас же он горько жалел, что не уделил данному пункту плана больше времени тогда, когда это время у него ещё было. Неужели его ждёт неудача?

– Значит так и будет, – неожиданно заявил Остин, особенно серьёзным тоном. – Этот мужик не раз спасал наши шку-

ры. Его предсказания всегда до одури точны. Если он сказал, что в попытке уйти мы погибнем – то так оно и есть. Я ему верю. Мы не можем просто уйти.

Предсказатель не верил своим ушам. Он ошарашенно застыл, пытаясь понять не послышалось ли это ему. Что это могло значить? Остин ему подыграл?

Все встало на свои места, когда Вебер посмотрел на главаря гвардейцев, когда таки взглянул ему в глаза. Во взгляде старого наемника читался молчаливый и беспощадный гнев, жажда крови, что была куда сильнее той физиологической жажды что терзала гвардейца десятью минутами ранее. Разумеется, зол он был отнюдь не на предсказателя. Тяжкий плен, многочисленные издевательства, избиения, голод, и наконец, надругательство над сестрой, последним родным ему человеком – Остин был в бешенстве. Он, равно как и любой другой член его отряда, желал отыграться на обидчиках, отомстить чудовищу что стояло за всем этим. И конечно же главарь гвардейцев прекрасно понимал, что шанса лучше, чем сейчас, когда на его стороне эффект внезапности, человек способный видеть будущее и два Карателя, уже никогда не будет.

Глупо было бы считать, что он и Голдберг приняли слова Верго на веру, слишком уж много раз они видели предсказателя в деле, слышали, как, и в каких подробностях оглашал Вебер свои видения. Они оба понимали, что он лжет. Понимали, но все равно строили из себя самую наивность, разыг-

рывающая перед скептически настроенной Карательницей реалистичный спектакль. На секунду Верго даже показалось что когда его с Остином взгляды встретились, в глубине глаз наемника промелькнул след не то благодарности, не то солидарности. Предсказатель был озадачен – уж чего, но сантиментов в образе главаря наемников ранее не наблюдалось и в помине.

– Прошу вас, мисс, прислушайтесь к словам нашего друга. Мы находимся здесь живыми только благодаря его совершенно чудесному таланту. Спросите у кого угодно из нашей группы, есть ли у кого-либо хоть тень сомнения на счет того видит ли мистер Вебер будущее, и я гарантирую вам что вы услышите один единственный ответ – нету, и быть не может, – мягко обратился Барон к Эмилиии, одарив предсказателя многозначительным взглядом.

Верго облегченно выдохнул, внимательно наблюдая за развитием ситуации. Выражение лица Карательницы свидетельствовало о том, что совместными усилиями им таки удалось заместить ее упрямую уверенность в верности своего выбора весомыми сомнениями. Глубоко внутри предсказатель ликовал, ведь теперь его план действительно мог сработать.

Кассиус Пекос не оставил бы Верго в мире и спокойствии. Для одержимых контролем и всеобъемлющей властью людей вроде него, мысль о том, что где-то рядом существует человек способный разрушить все его планы и предвидеть каж-

дый его шаг, была просто невыносимой. Ликвидация больного на голову психопата являлась совершенно необходимой ступенью плана предсказателя. Плана, что должен был принести ему долгожданную свободу. Ведь вечная жизнь в страхе что однажды он проснется задыхающимся, хватаящимся гниющими на глазах руками за сжимаемое жуткими спазмами горло, ничем не лучше жизни в худшей из темниц. Страх та же клетка, но в отличии от своих стальных аналогов, она всегда с тобой.

Поставить точку в этом деле было совершенно необходимо. И сейчас, вероятно, было лучшее для этого время.

– Нелепость, – недовольно фыркнула Эмилия слегка запрокинув голову назад. – Если мы умрем куда бы мы не пошли, то чем лучше оставаться здесь?

– Тем, что Пекос не ждет здесь засады, – деловито принялся размышлять в слух Остин. – Он придет в поселок, но не застанет людей на улице, даже часовых. В обычных условиях это бы вызвало в нем подозрения, но сейчас там в разгаре снежная метель. Никто не станет торчать снаружи в такую погоду, а значит, без каких-либо подозрений он зайдет сюда, оказавшись лицом к лицу со всеми нами. Один раз из-за своей беспечности этот ублюдок уже попался в нашу ловушку. Тогда мы сплеховали – не проследили чтобы подонок отдал Богу душу. Теперь мы не допустим такой ошибки.

Со всех сторон раздались одобрительные возгласы. Наемникам понравился план своего главаря, они буквально пыла-

ли жаждой мести.

– С чего ты взял что он явится именно сюда, что не обнаружит снаружи тел? – все еще храня в себе долю скептицизма спрашивала женщина.

– Тела то мы спрячем, а вот над тем чтобы он заглянул именно в эту лачугу и правда следует поработать. Хотя, если уж Олаф, правая рука этого психа, все это время сидел тут, вкупе с совершенно маниакальной тягой Пекоса все контролировать, в следствии которой он явно захочет проверить как там пленники, то бишь мы, шанс того что он заглянет сперва именно сюда крайне велик, да и к лесу это самая близкая постройка, все же, – хмыкнул Голдберг, приводя растрепанные усы в порядок. – Жаль, что Верго не может сказать откуда он прибудет, это бы здорово помогло делу. Да и в целом, если его нет в поселке, то куда это он запропастился? Жалко, что вы убили всех его людей, допросить их не помешало бы...

– Лично я никого еще тут не убила, – высокомерно отозвалась Эмилия, после чего повернулась к своему спутнику. – Лео, притащи пожалуйста того отброса что лежит в снежном сугробе рядом с дверью. Эх, надеюсь он еще не замерз там на смерть...

Услужливый Каратель молча отправился выполнять приказ женщины, едва протиснувшись своей новой тушей в узкий дверной проем.

– Ты же не хочешь сказать, что все эти люди на улице...

– удивленно начал говорить Вебер, так и не успев закончить свою мысль.

– Без пяти минут мертвецы, с такой то погодой. Впрочем, если бы было потеплее, часов через восемь они пришли бы в себя. Вероятнее всего... – безразлично пожала плечами Эмилия, доставая из карманов черной накидки закупоренный крохотной пробкой пузырек с прозрачной жидкостью. – Сейчас одного мы разбудим. А потом – он все нам расскажет.

Возможность возвращения бездыханных тел к жизни казалась Веберу удивительной, но отнюдь не невероятной. В прочитанных им медицинских трактатах не раз и не два упоминалось особое состояние бессознательного пациента, когда у того не прощупывался пульс и не было заметно ярко выраженного дыхания. Обычно такое состояние было следствием неблагоприятного течения комы, но его можно было вызвать и намеренно, если иметь в распоряжении ассортимент необходимых веществ.

Некоторые мошенники на юге федерации даже использовали подобный трюк чтобы инсценировать свою смерть, спасаясь от слишком уж рьяных кредиторов. О нескольких подобных случаях даже писали в столичной газете, так что начитанного жителя Равии этот фокус не должен был повергнуть в шок.

К счастью, слегка заолодевший сторонник Пекоса оказался вполне себе живым. Он был бесцеремонно сброшен в кучу объедков, покоившуюся в углу корчмы. Морщившаяся

от отвращения Эмилия склонилась над ним, набирая в принесенный с собою стеклянный шприц загадочную прозрачную жидкость. От момента введения неизвестного препарата в кровеносную систему бандита и до того мгновенья как его грудь стала плавно вздыматься в такт ровному дыханию, прошло не больше десяти минут. Наемники в это время рыскали по Ржавой Водице, пряча едва живых жертв Карательницы по закуткам убогих хижин и присваивая себе их небогатые пожитки.

Подождав еще немного, Верго проверил пульс посапывающего головореза, сообщив Эмилии о готовности мужчины к допросу. Последним необходимым средством для его пробуждения стал совсем крохотный темный пузырек, бережно извлеченный Карательницей из походной сумки Лео. Женщина откупорила сосуд и поднесла его поближе к слегка раздутому от пьянства носу бандита. Последний скривился, инстинктивно попробовав отвернуться, но Эмилия не позволила ему этого сделать, крепко держа за челку. Веки мужчины начали ритмично и часто вздрагивать, после чего он резко откинул голову, широко открыв глаза и обхватив руками заросшие виски.

«Не зря говорят, что нашатырный спирт и мертвеца разбудит», – подумал про себя предсказатель не сводя взгляда с пробудившегося преступника.

Эмилия не стала особого церемониться и уже через минуту, когда бандит стал выказывать минимальные признаки

мыслительного процесса, начался жесткий допрос. И слово «жесткий» в этом случае было скорее деликатным преуменьшением. Опытной хваткой женщина заломила приспешнику Кассиуса руку, прижав того лицом к покрытому грязью полу. Надавив ему коленом на спинные позвонки в районе таза, она принялась приказным тоном задавать короткие простые вопросы, один за другим. Стоило сонному бедолаге хоть на секунду помедлить с ответом как женщина начинала заводить его руку за спиной в совсем уж болезненное положение, подолгу оставляя ее под крайне неестественными для конечности углами. Бандит ныл и визжал, но ни его слезы, заливавшие грязные щеки, ни мольбы о помиловании, не могли достучаться до ледяного сердца Карательницы. Напротив, углы залома руки стали только острее, а динамика их перемен существенно увеличилась.

Чувствуя себя крайне неловко от подобного зрелища, Верго время от времени бросал секундные взгляды на наблюдавшего за всем этим Остина. Матерый вояка держался беспристрастно. Неизвестно с какой жестокостью стал бы он вести допрос, будь у него такая возможность. И все же, в выражении лица главаря наемников было нечто занятное – слишком уж он хмурился, кривя губы, когда его немигающий взгляд переключался на свирепствующую женщину.

«Ну конечно, он ведь ненавидит Карателей. Помню, кто-то рассказывал мне историю о том, что именно из-за них эти гвардейцы и лишились своей старой работы, своего родно-

го города, – осенило Вебера. – Должно быть он в крайнем отчаянии, раз готов молча и без всяких возражений сотрудничать с этими чудовищами. Что же, я в ничуть не лучшем положении».

Единственным человеком из всей группы кто получал некое моральное удовлетворение от увиденного был Голдберг. Торговец смертью, известный своим особым отношением к щепетильным темам, мерзким подробностям казней и пыток, с упоением наблюдал за развернувшимся зрелищем, иногда комментируя происходящее. Уж ему-то методы Карательницы очень приглянулись.

Видимо оказавшись неудовлетворенной ответами визжащего бандита, Эмилия решила сменить тактику: ослабив хватку на руке своей жертвы она обвила вокруг ее запястья тонкую, едва отсвечивающую на свету нить, концы которой крепились к двум отдельным деревянным ручкам с вырезами под пальцы. Натянув эту струну, женщина принялась постепенно разводила руки в стороны, крепко держа в них упомянутые деревянные ручки.

– Матушки, да это же гаррота! Вот уж не ожидал увидеть здесь такую экзотику! – восхищенно воскликнул Барон, пожирая глазами необычное орудие пыток. – Сынок, если ты сейчас не заговоришь, то она оттяпает тебе запястье!

– Эта струна взаправду может отрезать руку? – с отвращением поинтересовался предсказатель, поспешив отвести взгляд от столь неприятного зрелища.

– Ну, чтобы прям отрезать – это маловероятно, – принялся шепотом разъяснять собеседнику нюансы оружия Голдберга. – Видите ли, изначально гарроты использовались для удушения, а не отрезания чего-либо. Впрочем, я своими глазами видел, как достаточно тонкими и прочными нитями разрезали арбуз, так что кожу и плоть она точно прорежет. Я уже и сам в нетерпенье! Вот бы увидеть все своими собственными глазами!

Бандит, к сожалению, не разделял восторга Барона по поводу отделения своей конечности. Едва почувствовав, что теплая кровь струится у него по запястью, тот принялся сбиваясь и повизгивая выкладывать все что знает, настолько быстро, насколько только мог. Выслушав лепетание свой жертвы до конца, женщина таки убрала жуткое оружие от еще сравнительно целого запястья головореза. Одно мгновение, и вот бандит уже пускает слюни, находясь в бессознательном состоянии, а из его шеи торчит заботливо вогнанный туда Карательницей дротик.

– Вы все слышали, – громко произнесла Эмилия.

– Я в его тарабарщине ничего не разобрал. А вы, господа? – добродушно признался Голдберг, закончив свою реплику вопросом.

Верго утвердительно кивнув головой, заметив подобные жесты и за некоторыми другими безмолвными свидетелями пытки. Энергичнее всего кивнул Лео, заставив подобно вздрагивающему от тряски желе, плясать все свои многочис-

ленные подбородки.

– Порядка трех часов назад Кассиус вместе с двумя своими поделщиками ушел к ближайшей грибной ферме за припасами и информацией, – в своем коронном сухом стиле поведствовал расслышавший все что ему было нужно Остин. – Учитывая, что подобные вылазки он совершал и ранее, и они всегда занимали примерно одно и то же время, у нас есть до его возвращения не больше часа.

В помещении воцарилась тишина. В воздухе повис неозвученный, но вполне заурядный и ожидаемый вопрос: «Так что же будем делать?»

– Как только Пекос придет, пускай Лео захватит его тело. Это же не трудно для него? – первым подал голос Вебер, озвучив, как ему казалось, довольно очевидную и логичную мысль.

– Не выйдет. Он не сможет, – отрезала Эмилия, приводя свои слегка помятые одеяния в порядок. Женщине определенно и самой не нравилось высказанное ею же утверждение.

– Не смогу? В самом деле не могу?! – вскрикнул Каратель, едва не переполошив своим возгласом всю округу.

– Мы такое уже видели. – Эмилия поморщилась, будучи не в силах пальцами оттереть пятно жира, отпечатавшееся в области колена. – Лео не сможет забраться в того, в ком уже находится какая-то инородная сущность. Кассиус – носитель эгрегора, с ним этот фокус не пройдет.

– Значит все-таки все не так и просто. – Верго выдохнул.

Оказывается, все это время замещение его личности призрачным Карателем ему не грозило. Какое облегчение! Хорошо, что свою маленькую радость ему ловко удалось укрыть за напущенной задумчивостью и многозначительной фразой.

– Преимущество неожиданности у нас будет только здесь, в помещении. Значит и нападать на него нужно отсюда, – заявила Арчи, обегая взглядом грязную конуру, именуемую корчмою. Девушка все еще выглядела не лучшим образом, ее взгляд был понур, а ее вздрагивающие пальцы сжимали изорванные края одежды, проглядывавшие из-под накинутого поверх плаща. И все же, пересиливая себя она старалась внести свою лепту в общее дело, сжав зубы и нацепив на лицо маску безразличия и отрешенности.

– В замкнутом помещении ему хватит считанных секунд чтобы отправить нас на тот свет, – парировал предводитель наемников.

– Значит, мы не должны дать ему этих нескольких секунд, – отозвалась Эмилия, все так же продолжая стряхивать со своей одежды пыль и налипшую с пола грязь. – Воспользуемся самострелами, захваченными у этой швали, и продырявим ему грудь, как только он войдет.

– Звучит как план! – радостно поддакнул Лео, спуская крючок воображаемого арбалета.

На Карателя хмуро покосился Голдберг. Спутница Лео успела в двух словах рассказать пленникам о необычных воз-

возможностях своего коллеги, и все же наемникам и самому Барону в частности было крайне непривычно видеть по-детски кривляющегося Гедройца на своей стороне. Большинство гвардейцев даже не скрывали своего недоверия к Карателю, зловеще перешептываясь у того за спиной.

– А что, если первым войдет не он? – предположил Остин, задумчиво облокотившись о грязную стену корчмы. – Что если кто-то из его людей заметит нас и поднимет тревогу? Тогда мы покойники, и самострелы нам не помогут.

– Никто не поднимет тревогу, – уверенно заявила Эмилия. – Когда они войдут сюда их встретит не группа пленников-оборванцев, а сам Олаф Гедройц. Он заманит их поглубже в помещение, а когда они все окажутся внутри, мы высунемся из того погреба и нашьпигуем их болтами.

Все умолки, взвешивая озвученное предложение. Конечно у такого плана были свои недостатки – стреляющие наемники могли бы попросту не попасть в цель, или ранить Пекоса несмертельно, что грозило бы им полным фиаско. Психопат мог бы и вовсе не заявляться в корчму самолично, доверив ее проверку подчиненным. Хватит ли в таком случае Лео смекалки чтобы так заманить его в помещение? Так или иначе, более разумного предложения на тот момент еще не прозвучало. Все приступили к необходимым приготовлениям. Тишина корчмы сменилась топотом, лязгом металла и негромким обсуждением деталей засады.

Снегопад тем временем только усиливался. Неожиданно

свирепая пурга заносила все в округе слепящей белизной, как если бы хотела стереть все следы грязи и крови в Помонте. Плотным слоем покрывались старые крыши хибар, исчезали в толщи снежного ковра следы сапог, укрывались под плотной белой шубой потесненные свирепством природы растения. Несмотря на все свои старания, девственно белый снег не был в состоянии очистить душу княжества.

Возможно, эта буря не более чем попытка небес хоть ненадолго сокрыть от себя глухой лязг рабских кандалов и порочный звон чеканных монет, беспрестанно доносившихся из жерла Помонта. Вой ветра поглощал в себе не только их, распространившись до самой Ганой, стихия заглушала звуки человеческого горя в той же степени, в какой и укрывала звук неровной поступи человека в жуткой темной маске, уверенно приближавшегося к Ржавой Водице. Он был не один, помимо двух его приспешников, сама смерть следовала за ним в тот день, не намереваясь уходить без столь желанного ею трофея.

Резко отворилась скрипящая деревянная дверь, запуская жалящий холод внутрь здания. Пришедший человек, весь занесенный тающим на глазах снегом, проследовал вглубь помещения, стряхивая с себя холодную белую массу. Вразвалку путник прошествовал к сидящему у грязного стола Олафу. Немного погодя в корчму зашли еще двое.

Каждый пришедший держал в руках по холщевому меш-

ку, столь же мокрому и холодному, как и сами путники. Мешки были заполнены чем-то доверху. Долго гадать о их содержимом не пришлось, ведь практически сразу оно было высыпано в уродливый деревянный ларец, располагавшийся в дальнем углу корчмы. Ценным грузом оказались бледно-коричневые губчатые куски крупных грибов. Каждый кусок был размером с кулак взрослого мужчины, и пускай внешний вид добычи нельзя было зачислить к категории аппетитных яств, приятный грибной запах довольно быстро заполнил собою помещение, пробиваясь даже через вонь подгнивших объедков. Запахло лесной сыростью, и в условиях разведенного тут зловонного свинарника, запах этот был ниспосланным свыше спасением.

Гости зябко переминались с ноги на ногу, стягивая с себя промокшие вещи и пытаясь хоть как-то согреться. Пришедшие с Кассиусом громилы немедля избавились от пропитанных влагой, тяжелых походных плащей, но вот снимать укутывающие нос и рот платки они не спешили, скорее наоборот, умелыми движениями они затянули влажную ткань потуже. Воздух в комнате заметно потяжелел, и запахи были здесь ни при чем.

– Три мешка низкокачественного грибного сырья. Схаррат! Три жалких мешка – это все что они нам дали. И даже это с их стороны выглядело как подачка, одолжение убогому, – донесся из-под массивной маски Пекоса его искаженный голос, изобилующий недоброжелательными нотками. –

Они смотрели на меня так же, как в детстве глядели разоде-
тые в дорогие тряпки прохожие – как на мусор. Стоило де-
лам пойти наперекос, как они тут же отвернулись от ме-
ня. Забыли свою присягу. Все они оставили нас... – убийца
нездорово покачал головой из стороны в сторону, попутно
придавая уныния своему и без того не самому жизнерадост-
ному голосу. Вздрогнув и оглядевшись, он словно бы вспом-
нил что в помещении помимо него находится еще пара че-
ловек. Опомившись, Кассиус обратился напрямую к Лже-
Олафу:

– Где часовые? Почему никто не стоит у двери?

– За домом, полагаю. Вы, должно быть, разминулись, –
старательно отыгрывал свою роль Лео, всячески придавая
голосу толстяка расслабленное и спокойное звучание. Пожа-
луй, даже слишком расслабленное и спокойное – Каратель
откровенно переигрывал.

– Ты что, пьян? – Кассиус сделал шаг в сторону толстя-
ка, оказавшись всего в пятнадцати сантиметрах от сегмента
комнаты, что проглядывался наемниками через особо круп-
ную щель в ведущем в погреб люке. – Почему ты не в маске?

– Тяжело в ней дышится, а здесь и так дышать нечем, –
с вопиюще наигранным безразличием ответил Лео, скорчив
мину, что как ему казалось, лучше всего передает атмосферу
будничного разговора подчиненного со своим начальником.
Зрелище было откровенно убогим.

– Ты же понимаешь, что если я почувствую малейшую

угрозу, один только намек на опасность что грозит мне – ты сдохнешь первым, ведь ты будешь ближе всего. Жирный недоносок, ты слышишь меня?

– Чему быть, того не миновать, – по-философски заметил Каратель, непонятно почему посчитав подобную фразу уместной при таких обстоятельствах. – Слушай, а ты не мог бы подойти, посмотреть на кое-что? Я тут невероятно интересную вещь нашел и специально дожидался тебя, чтобы ее показать... – Конечно, такую дешевую уловку, призванную заманить убийцу поближе к Карателю, трудно было назвать ловкой как таковой, но, по меркам не очень-то сообразительного Лео, она была вполне себе сносной. Подслушивающему весь этот разговор Веберу даже было почти за него не стыдно.

Вот только Кассиус не шелохнулся, он буквально застыл с заведенными за спину руками и слегка склоненной головой, словно испытывающее высматривая что-то. После примерно двух минут обременяющего молчания, он заговорил, на этот раз совсем уж жестким тоном:

– «Слушай? Ты? Тебя?» – ты, скотина, забыл свое место? Ты забыл, как стоит обращаться к законному наследнику Помонта? Может ты тоже теперь воротишь от меня свой нос? Я же такой урод, верно?

В этот момент Пекос был вне досягаемости укрытых за половицами самострелов. Скромный вход в промерзший погреб находился аккурат за тяжелой, наглухо приколоченной

к полу скамьей, ввиду чего, оттуда не простреливалась и половина помещения. Словно что-то предчувствуя, обладатель жуткой маски держался в пределах злосчастной недоступной половины, как на зло не покидая ее границ. Выстрел в такой ситуации предполагал бы необходимость основательно высунуться из своего укрытия, широко открыв крышку погребка. В столь напряженной обстановке, когда кровожадный психопат опасался каждого шороха, любой резкий звук мог бы заставить его немедля воспользоваться своими силами, сначала погубив породившее этот звук существо, и только после удостоверившись в природе незваного гостя. Этот факт вынуждал побелевших от напряжения наемников сидеть в своем укрытии тише некуда, даже не подумывая о импровизации и активных действиях. Тяжелее всего приходилось сидевшей в пустой дубовой бочке Эмилии, что в это мгновенье находилась всего в полутора метрах от Кассиуса. Женщина чувствовала в вибрации ветхой древесины его поступь, даже слышала его неровное дыхание, но набрасываться на свою цель не спешила – слишком уж была велика цена ошибки.

– Сначала тот чертов пророк, из-за которого я едва не подох под завалами, потом провал у самого порога Ганои, а теперь пропавшие у входа часовые... Это ни черта не похоже на череду совпадений. Я знаю в чем дело... Вы решили от меня избавиться, – завывая, рассуждал вслух психопат. Нервно наворачивая круги у входа в корчму, он все так же держал руки сложенными за спиной. – Как только вас перестал

устраивать Ремус, вы отравили старика. А теперь, вас перестал устраивать и я, потому как мне не сопутствует удача. Никогда не сопутствует...

– О чем ты говоришь? – совершенно искренне поинтересовался Лео, едва не выйдя из своего и так не самого удачного образа.

– Закрой свою пасть!!! – неожиданно резко проорал Пекос, вскинув руки. Быть может внешне ничего и не изменилось, но в то же мгновение что-то тяжелое и вязкое, едва различимое, повисло в воздухе. Каратель схватился пухлыми руками за горло, неистово хрипя и сползая со стула на грязный пол. Наемники тоже резко ощутили неестественное недомогание, стиснув зубы они старались не испустить и единого стога. – Ты меня сдал ублюдкам из сената! Ты их подговорил, чтобы они прислали Карателей. Но ты слишком тупой и трусливый чтобы повернуть что-то такое самостоятельно. За тебя кто-то все это придумал и просчитал. Это же был он? Тот самый человек от которого ты получаешь письма, подписанные одной буквой – «Л»? Да, я знаю об этих письмах. Так это он приказал тебе? А меня... Он же приказал избавиться и от меня, так? Приказал, чтобы ты предал меня, также, как и твоего предыдущего хозяина?

Психопат вопил все громче, невольно заставив своих перепуганных подчиненных вжаться в стены, задержав дыхание и отведя взгляд. Этот человек и в спокойное время совершенно определенно не отличался уравновешенностью и

сдержанностью, но теперь и вовсе, после всех выпавших на его долю тягот, он едва-едва держался на грани вменяемости. В два быстрых широких шага он оказался на несколько метров ближе к содрогавшемуся в засохших объедках телу Гедройца, указав на того дрожащим пальцем.

– Не думай, что я позволю собой помыкать! Я никому не позволю! Все вы, грязные свиньи, были рождены чтобы ползать передо мной на коленях. Я и не верил тебе, никому не верил. – Пекос застыл, словно окаменев в своей осуждающей позе. Он резко менял темы, теряя нить повествования, и в тот же миг переключаясь на иные, будто не поспевая за ходом собственных больных мыслей. – Если вы хотите моей смерти, если хотите заменить меня Каламаджем, или этим подонком Риганцем, то только попробуйте! Ну же, пусть самый смелый ублюдок скажет мне какой я никчемный неудачник прямо в лицо. Я хренов князь этой земли, и никто не смеет упрекать мою власть из тени! Ни он, ни ты. Никто! Никто из вас не имеет и малейшего понятия, чего мне стоило забраться так высоко! Вы не жили в трущобах, не жрали подножный корм! Вы сытые, жирные, привыкшие к роскоши свиньи! – Резким взмахом правой руки, окончательно сбрендивший Кассиус рассек воздух в шаге от себя, словно совершив удар невидимым клинком по не менее невидимому противнику. – Дай угадаю, вы тоже думаете, что я утратил хватку? Там, когда мы просили выдать нам еды, вам было стыдно что вы на моей стороне? – Повернулся психопат в

сторону двух молчаливо стоявших приспешников. – Конечно. Я увидел это в ваших глазах. Думали, посмеяться с меня за моей спиной? С меня?! Сукины дети, да я еще буду плясать на костях ваших внуков!

Растерявшиеся люди Кассиуса примирительно подняли руки, залепетав что-то о своей ему верности, когда он приблизился к ним с острым охотничьим ножом в руке. И могло бы это беснование закончиться для них крайне печально, но припадок разъяренного Кассиуса был прерван глухим кашлем – кто-то из числа гвардейцев не выдержал влияния болезнетворной силы.

Не став дожидаться закономерной развязки, Остин первым высунулся из проема погреба во весь рост, открыв хлипкий деревянный люк настежь и выпустив арбалетный болт напрямик в темный силуэт неменяемого Пекоса. Снаряд ударил убийцу в область лба, отскочив от слишком уж прочного материала маски. Но наемники предполагали такой исход, а оттого вслед за первым болтом отправилось еще двое, в свою очередь попавшие в грудь и живот противника. С глухим щелчком поразили они цель, не пробив ее, но лишь застряв в толстой прослойке плаща. Специфический звук однозначно указывал, что под плащом скрывалось что-то покрепче дубленой кожи, при этом, что-то определенно неметаллическое. Слишком уж далек был звук от скрежета или звона стали.

Снаряды сумели если не погубить, то пошатнуть безум-

ца, вынудив того сделать пару шагов назад. Этого было достаточно чтобы он сблизился с той самой бочкой, в которой ждала своего часа Карательница.

Крышка деревянного сосуда отлетела, и лишь мгновением позже тонкая струна-удавка обвила горло Кассиуса, но по неизведанной причине, вопреки всем усилиям женщины, не смогла стянуться плотнее. Что-то под воротником плаща мешало смертоносному инструменту. Убийца не дал Эмили времени на выяснение причины неудачи. Одним ловким движением он ухватился за горло женщины, потянув ее на себя, другим же вогнал зажатый в руке нож ей в живот, прямо через подставленную для защиты руку.

Сила убийцы приумножила в своем действии, – если его недавние попытки были призваны лишь наказать подчиненного, то теперь он всерьез рассматривал возможность убийства всех, кто был в корчме. Люди в считанные мгновения покрывались сетью проступающих через кожу синеватых вен, оседая на пол, будучи не в силах сделать и единого вдоха. Часть гвардейцев даже не успела вытащить на свет оружие, а орудия боя уже просто попадали из хаотично сокращавшихся рук.

Словно позабыв о ставших беспомощными наемниках, Пекос с особой жестокостью расправился с удерживаемой им женщиной, раз за разом нанося ей все более яростные и глубокие ножевые ранения. Когда с ней было покончено, он приказал остолбеневшим от увиденного приспешникам, что

были спасены носимыми поверх носа платками, вытащить всех, кого только было можно из погребца, пока содрогавшиеся в агонии тела еще окончательно не разложились. Бандиты ступали осторожно и боязно, опасаясь любым своим резким движением разозлить помыкающее ими чудовище. В этот момент они прекрасно осознавали, что ввиду обострения состояния Кассиуса, их положение было немногим лучше от положения полумертвых гвардейцев. Страх смерти вызывал в них особую исполнительность, заставив позабыть о собственной усталости, работая методично и безостановочно, с несвойственным людям их толка усердием.

Веберу едва удалось удержать слипавшиеся глаза открытыми, когда его вытянули из погребца. Безвольно лежащий в луже собственной, вытекающей изо рта пены, предсказатель старался не сводить взгляда с фигуры нависавшего над ним противника. Он внимательно рассмотрел, что скрывалось под одеждами склонившегося Кассиуса. Неудивительно, что ни болты, ни дротики, ни даже бритвенно-острая удавка не смогла навредить этому человеку: под слоем продырявленной саржевой ткани находился полный комплект отличнейшего хитинового доспеха. Плотные пластины наслаивались одна на другую, умело учитывая и дополняя анатомические особенности человеческого тела. Гладкая темно-бурая поверхность слегка отсвечивала в свете разожженных в помещении ламп, как если бы была недавно отполирована. Пластины не просто охватывали корпус убийцы, их на-

дежно скрепленные сегменты оплетали собой его руки, ноги, и даже его шею, формируя непроницаемый воротник, что все это время скрывался от чужих взглядов за обыденной тканью плотного плаща. Вне всяких сомнений, такой доспех, будучи столь идеально подогнанным под пропорции Пекоса, должно быть, стоил целое состояние.

– Ты, – удивленно пропыхтел убийца, всматриваясь в лицо предсказателя. – Не понимаю. Если ты освободился, ты же мог просто уйти? Зачем ты пришел за мной? Он послал и тебя тоже? Чертов Ли... – кто именно должен был послать Верго, последний уже не сумел расслышать. Шла ли речь об ранее упомянутом безумцем человеке, или о ком-то другом, чье имя тоже начинается на букву «Л»? Да и имя ли это? Знакомый звон заглушил собою все звуки. В глубине души предсказатель даже был немного разочарован что не успел добраться до столь любопытной информации. Разумеется, все сказанное Кассиусом могло оказаться обыкновенным бредом сумасшедшего маньяка, окончательно съехавшего с катушек после свалившейся на него череды неудач, но не узнав подробностей, об этом едва ли можно было рассуждать.

На этот раз видение подошло к концу еще до смерти предсказателя. Хоть, судя по всему, и не дотягивая до нее каких-то жалких нескольких минут. Все же Верго был в определенной степени доволен что на этот раз ему не пришлось особо мучаться. Подумать только – его никто не съедал зажи-

во, никто не копошился в его внутренностях, и никто даже не пытался оторвать у него ноги. Не видение, а прелесть.

– Ну что там, – нетерпеливо поинтересовался Голдберг, взглядываясь в сосредоточенное лицо предсказателя. – Что увидели? Мы потерпели поражение?

Вебер поморщился. Послевкусие его предсказаний всегда было малоприятным, едва уловимой атмосферой страха и отчаянья оно могло не оставлять мужчину часами, влияя на восприятие всего вокруг, в особенности, на восприятие глупых вопросов.

– Если бы мы победили, Филипп, моего видения бы не было, – Верго многозначительно фыркнул, собираясь с мыслями и оборачивая эти самые мысли в презентабельные словесные выражения. – На нем самый дорогой комплект хитинового доспеха что мне только доводилось когда-либо видеть. Болты его не берут, да и удавкой до его защищенной шеи не добраться.

– Вот же хренов параноик! – закатила глаза Эмилия. – Интересно, спит он должно быть тоже в своем панцире, не снимая. И пьет, пожалуй, только из своей фляги.

– Такая его одержимость безопасностью усложняет дело, – серьезно задумался Голдберг. – Но ведь у доспехов есть какие-то крепления-шарниры там, где должны располагаться суставы. Он же сгибает как-то руки и ноги, верно? Значит и бить нужно будет в эти менее защищенные области.

– Сложно будет подобраться так близко, – покачал головой предсказатель. – Этот человек абсолютно невменяем, он готов разорвать в клочья все и вся что к нему приблизится. Я даже не знаю...

– Постой, но ведь его прихвостни от этого колдовства не страдают? – с надеждой в глазах спросила, не иначе как у себя же, Арчи. – Значит нам нужно просто нацепить на себя такие же платки, закрыть нос и рот тряпками, и тогда мы будем с ними на равных. Нет, мы будем гораздо опаснее и сильнее, ведь нас больше!

– Ну, без своих сил Пекос определенно поубавит в опасности, так что, почему бы и не попробовать? – пожала плечами Карательница, следом переключив свое внимание на Верго. – Нам же все равно не придется испытывать это на своей шкуре, так? Наш прорицатель все нам расскажет.

В иной ситуации Вебер едва ли бы смог сдержать скрип зубов, вызванный такой ненамеренной колкостью. Но в этот момент он отлично понимал две грустные истины: первая состояла в том, что в случае неудачи их плана, он испытает на себе все прелести своих болезненных видений вновь, хочет он того или нет; вторая, устанавливала приоритет иначе – устранить Кассиуса было совершенно необходимо, и ради этого можно было и пострадать еще немного. Конечно, ехидно ухмыляющаяся Эмилия не имела и малейшего понятия, каково это – переживать один болезненный кошмар за другим, испытывая раз за разом те предсмертные ощущения,

что обычному человеку за время своего брэнного существования встретить доведется не более раза. Да и откуда ей было знать? Должно быть она полагала, что события предстают перед взором предсказателя подобно череде ярких картинок, а его реакция, не более чем результат впечатлительности мужчины.

«И пусть. Я слишком много трепался о своих силах. Достаточно. Пусть оставит при себе этот ошибочный образ. Какая мне разница?» – утешал себя Вебер, скрывая свое недовольство за плохо натянутой озадаченной гримасой.

Отстраненно, с несвойственным ему бесчувствием он наблюдал за приготовлениями своих взволнованных товарищей. Каждый стремился сделать себе маску понадежнее, осознавая, что от куска грязной тряпки которой он вскоре укроет себе нос и рот, будет зависеть его жизнь. Кто-то рвал собственную одежду, складывая поношенную ткань в несколько слоев, а кто-то рыскал по закромам, выискивая пылящиеся там платки и тряпки. Мало кто из их группы имел представление о принципе работы сил Пекоса, возможно, что помимо Эмилии и вовсе никто не имел. Наемники представляли себе распространение его колдовских невидимых спор, рисуя в головах клубы пыли и разного рода воздушные взвеси. Как итог, каждый стремился смочить свою уродливую маску в воде, помня о том, как подобный фокус помогает защититься от мелких частиц в воздухе.

Добрая половина гвардейцев охраняла когда-то склады с

мукой и злаками. В часы погрузки товара, дышать там без мокрой повязки поверх рта было решительно невозможно. Ну а некоторым посчастливилось поработать в свое время в княжеских угольных шахтах – вот уж кто видел, как выглядит настоящий ад. Пренебрегавшие защитными повязками шахтеры не выдерживали там и полугода, в то время как их более осторожные собратья могли продержаться и до пяти лет, пока наконец измученные спины не начинали своей нестерпимой болью мешать бедолагам ходить прямо.

Но помогут ли эти методы сейчас? Верго не знал. По примеру других он обмакнул свой носовой платок в воду из талого снега, обвязав ромбовидный кусок белой ткани вокруг шеи и водрузив поверх скрученную жилетку. Защита была готова и теперь оставалось только слепо уповать на ее эффективность.

Предсказатель принялся помогать другим с приготовлениями, совместными силами взводя тугие самострелы. Во всяком случае, так ему казалось, виделось, ощущалось. На самом же деле он так и застыл с повязанным поверх носа мокрым платком и зажатым в руках дешевым жилетом. Глаза его были широко открыты. Зрачки бешено резвились, едва не выпрыгивая из глазниц. Из рта Верго доносился едва слышимый набор нечленораздельных звуков. Конечно, такая картина не осталась незамеченной:

– Так сейчас он видит будущее? И много это обычно занимает времени? Будет как в прошлый раз, стоять так минуты

две? – поинтересовалась Эмилия, любуясь быстро сменяющимися друг друга сумбурными выражениями лица Вебера.

– Плохо дело, – резюмировал Голдберг, бережно вынимая жилетку из скрюченных рук предсказателя. – Если Верго сейчас видит будущее, значит пошла прахом наша затея...

– Может маски таки сработали, но пошло наперекосяк что-то другое? – робко поинтересовался Лео.

– Может. Все может быть. Дождемся его комментариев, – спокойно ответил Остин, крепя найденные в корчме ножи на позаимствованной у кого-то из бандитов португее. Решительности этому человеку было не занимать. Не смотря на довольно пессимистичный настрой его окружения, он держался на удивление спокойно и стойко, как и подобает лидеру. – Говорите потише, не мешайте ему.

Спустя какое-то время лицо предсказателя обрело осмысленное выражение, при этом позеленев. С воем он впился все еще скрюченными пальцами в свои веки, едва не повалившись на пол.

– Черт! Дерьмо! Какое же скотство! Тряпки ни черта не помогли! Мои глаза! Я чувствовал, как вытекают мои глаза! Пресвятая тьма, как же мерзко и больно!

– Может они их пропитывают чем? – подал голос, стоявший в двух шагах от предсказателя Борис. – Травяными отварами? Соляным раствором?

– Неважно, – нисколько не убавив в своем спокойствии и сосредоточенности сказал главарь наемников. – У нас уже

нет времени на поиск трав и проведение экспериментов. Наши самодельные маски не сработают, и это факт. Нужно исходить из этого. У кого еще есть идеи?

Идеи нашлись. Говоря по правде, их было гораздо больше чем времени, отведенного на их реализацию. Миг пришествия кровавого тирана с ужасающей скоростью все приближался. Если ранее, закрыв глаза на ложь предсказателя о невозможности побега, еще можно было попробовать удрать, и это скорее всего бы всем им удалось, то теперь эта возможность семимильными шагами двигалась в категорию неисполнимых вариантов. Неужели Верго сплеховал, принял неверное решение, поставив все на карту? Быть может еще можно попробовать отступить?

«Я лучше сдохну, чем всю свою оставшуюся жизнь буду существовать в страхе. Если сейчас, с двумя Карателями, целым боевым отрядом и моим виденьем будущего убить это чудовище так сложно, то не исключено, что кроме нас никто не сможет более его остановить. Он и правда станет князем или же отправит на тот свет тысячи, пытаясь им стать. Да, может и существуют Каратели сильнее этих двоих, может сенат и найдет способ убрать Пекоса, но знать наверняка мне этого не дано. Я бы многое отдал за такие сведенья», – размышлял Верго, стараясь не упускать нить вившейся вокруг него беседы, с переменным успехом дополняя ее своей критикой и разнообразными предложениями, пока наконец одна поразительно очевидная идея не пришла ему в голову:

– Да ведь нам и не придется защищаться от его силы! Все что нам нужно, так это снять маску с него!

Внезапно все замолчали, обдумывая внесенное Вебером предложение. Изначально отдававшая безрассудством идея с каждой последующей секундой осмысления выглядела все привлекательней. А ведь и правда, если верить словам Эмили, Пекос не способен контролировать на кого именно повлияет его сила, ему подвластны только радиус и мощь ее воздействия. Стоит избавить его от маски, и он сам станет уязвимым к своему же оружию. Тогда то ему придется, хочет он того или нет, но воздержаться от использования своих сверхъестественных сил.

Идея и правда была неплоха. Недолго думая, спутники предсказателя согласились с его предложением, принявшись продумывать способ кражи маски. С этим аспектом формирующегося на ходу плана все было сложно. Как стянуть маску с помешанного на ее ношении психопата? Как она вообще держится на его голове? Если что и можно было сказать точно, так это то, что к доспеху маска точно никак не крепилась, слишком уж свободно Кассиус вертел головой во время своих припадков безумия. С виду этот необычный предмет обхватывал всю голову психопата, смыкаясь на его затылке. Не были видны даже прорезы для глаз, что свидетельствовало о ее очень уж специфической конструкции. По всей видимости, она состояла из какого-то металла с неметаллическими, прозрачными вставками в области глаз.

Верго суетился и нетерпеливо поторапливал своих товарищей. Пускай у него более и не было часов, но он все же мог оценить сколько времени осталось до прихода их цели, хоть и крайне приблизительно. И времени оставалось немного. Невозможность точно ориентироваться по ставшей столь привычной для него минутной стрелке циферблата, сводила предсказателя с ума, ведь точно сказать сколько уже прошло минут более не представлялось возможным, и можно было ожидать, что в любую секунду дверь в корчму откроется, пропуская вовнутрь Пекоса, вместе со своими приспешниками. Наемники, как и Каратели были лишены даже примерного представления о том, сколько времени им осталось на подготовку, а оттого чувствовали себя более расслабленно, пускай все же и пребывали в заметном глазу напряжении. Казалось, что каждая пройденная секунда стоила Веберу сотни нервных клеток. В попытках унять волнение он стал глубоко дышать, то и дело бросая косые взгляды на неплотно прикрытую дверь. В шуме бушующей за стенами хибары вьюги ему то и дело слышались шаги неприятелей. Это была настоящая пытка для предсказателя. Пытка, что для всех других членов его команды оставалась совершенно незамеченной. Чего уж там говорить, если некоторые, а точнее сказать кое-кто в частности, вообще не переживал за ход общего дела и судьбу Помонта. По виду скужавшего от безделья Лео можно было сказать только одно – он совершенно искренне молился в душе на то, чтобы активные действия начались

как можно скорее, даже если они будут подразумевать смертельную опасность для его спутников. И правда, непоседливый ребенок в теле взрослого – это та еще картина...

К счастью, ни одно ожидание не может длиться вечно, и вот, все приготовления были завершены, а роли распределены. Участники хитроумного плана заняли свои места, смутно предчувствуя что все вскоре может пойти совсем не по плану.

Скрипящая под натиском замерзших путников дверь, тяжелая поступь, звуки комьев влажного снега, опадающего с одеяний пришедших мужчин прямо на деревянный пол – все это было предсказателю уже знакомо. Но сразу после того как грозного вида троица проникла в дом, их поведение резко отклонилось от намеченного вектора, и тому была веская причина, ведь в прошлый раз они застали в корчме одного только Олафа, ну а теперь, рядом с бывшей правой рукой главы крупнейшего промышленного конгломерата княжества стояла незнакомая Кассиусу женщина, крайне экстравагантного вида. Черный макияж дамы и не менее черные одеяния выглядели необычно, если даже не сказать вызывающе. Ее дорогие одежды сильно выбивались из общей атмосферы этого затхлого места.

– Ты еще кто? – поинтересовался Пекос, не ступив от порога и шагу. Хоть обмундирование убийцы и скрывало за собой каждый сантиметр его кожи, но его манера держать-

ся, его повадки и малейшие неосознанные движения рук, все же выдавали в нем заметное наметанному глазу Карательницы напряжение. Он нервничал. Было очевидно, что столь необычная гостья не вписывалась в планы Кассиуса, а все что не вписывалось в его планы, виделось ему препятствием и потенциальной угрозой.

– Здравствуйте, повелитель, – мило улыбнулась женщина, придав своему лицу как можно более дружелюбное выражение. Говоря по правде, это выражение настолько сильно контрастировало с ее вечным насупленным недовольством, что его вид вызывал в следившим за нею Верго неопишуемое чувство дискомфорта. Вот уж кому явно улыбка не подходила под образ, так это его новой знакомой. – Я ждала вас, ваше сиятельство. Господин Гедройц любезно согласился устроить встречу с вами, и я не смогла устоять перед соблазном лично предстать перед нашим новым правителем, ведь...

Со всем доступным ей мастерством лести Эмилия неспешно прокладывала себе путь к неподвижному убийце, маленькими плавными шагами сокращая расстояние между ними двоими. В этот момент ее излучавшее благоговение ангельское личико скрывало за собой сущность дьяволицы. Умело складывая в слова приторное подхалимство, Карательница трещала без умолку.

Неизвестно, заметил ли Пекос недобрые огоньки в ее лучезарных, широко открытых глаза, или же просто сработала его интуиция, но он резко занес перед собой руку, выстав-

ляя ее, как заправский сказочный рыцарь выставляет перед собой щит:

– Ни шагу. Не двигайся, – проговорил убийца, будучи совершенно невпечатленным усилиями женщины. – Немедленно назови себя, шваль.

– Мой повелитель, не гневайся. Я не более чем грешная слуга твоя. По зову долга пришла я поддержать тебя в столь непростой час для владыки Помонта. Позволь мне помочь тебе, хотя бы немного облегчив твою ношу... – залепетала Эмилия, склонив голову и смиренно вытянув руки перед собой. В то мгновение предсказатель мог бы поклясться, что увидел, как по ее щеке, немного размазывая угольно-черную тушь, стекала одинокая слеза. Ну что за картина!

К сожалению, Кассиуса не устроило и это представление. Он стоял совершенно неподвижно и молчаливо, и это его поведение пугало предсказателя даже больше чем тот его психоз, что Вебер видел в своих видениях ранее. Замерший, беззвучный сгусток мрака – вот чем был убийца в тот момент. Подобно готовящейся к броску гремучей змее, он застыл, не позволяя своему телу совершить даже малейшего, едва заметного движения. Тусклый свет в корчме выдавливал из грозной фигуры длинную прямую тень. Поддавшись напряженной атмосфере Эмилия тоже остановилась, боясь приблизится к убийце. Пускай ее выражение лица и манера подобострастно держаться не изменились, но расширившиеся зрачки и учащенное дыхание с головой выдавали набира-

ющий в ней силу испуг. Она боялась, и совершенно не зря – стоит ей совершить всего одну оплошность, и Пекос не станет с ней церемониться.

– Постой. Где-то я уже тебя видел... – задумчиво пророчил Кассиус.

– Простите, ваша светлость. Это я пустил сюда эту женщину. Она моя старая знакомая. Ранее она была надежным информатором Каламаджа, но мне удалось просветить ее в том, насколько важно занять «правильную» сторону. Она сослужит вам хорошую службу, – вовремя вмешался Лео, в точности повторив то, что пятнадцатью минутами ранее его заставила наизусть заучить Карательница.

Женщина облегченно выдохнула, когда услышавший разъяснения Пекос вновь ожил, неспешными шагами приближаясь к сидящему за столом толстяку. Напряжение в воздухе немного спало, но это отнюдь не значило что убийца расслабился или утратил свою бдительность – невооруженным взглядом было заметно напряжение, переполняющее его тело и сковывающее движения.

– С чего ты взял, что тебе позволено приводить сюда кого вздумается? Кому ты еще сообщил о том, что мы здесь? Сколько человек об этом знает? – грозно принялся за допрос Кассиус, остановившись в трех метрах от сидящего Лео и отставив мешок с грибным провиантом в сторону.

– Больше никто! – не задумываясь выпалил Каратель. – Она и правда человек достойный доверия! Именно она сооб-

щила нам о маршруте группы наемников, когда они прибыли в старую лабораторию. Если она не солгала нам тогда, то и сейчас нас не подведет! – судя по сверкающим глазам Лео, тот был крайне горд своей импровизацией. Должно быть, для него все им сказанное звучало более чем логично и связно. Увы, только и исключительно для него.

Эмилия помрачнела в лице, а Вебер едва не испустил болезный стон – таково было их разочарование. Они были готовы разорвать Карателя на куски еще до того, как за него возьмется Пекос. Простофиля не только перепутал слова «лаборатория» и «обсерватория», чего жонглировавший всю свою жизнь словами Гедройц едва ли мог бы допустить, но и совершил ошибку куда как более существенную, предположив, что Олаф по какой-то неведомой причине не осведомил ранее своего нового господина о их источниках информации.

– Что ты несешь, кретин? – закономерно возмутился Пекос. – Тебе пошло, что ты постоянно хлебаешь, совсем голову отшибло?! Это дозор моих людей засек наемничью свору у подступов к Ганое! Я спрашиваю тебя еще раз, и лучше бы тебе было ответить внятно, – что это за баба?

Дело было хуже некуда. Неумелая игра Лео настолько взвинтила Кассиуса, что того едва ли можно было теперь успокоить мирными методами, в особенности беря во внимание насколько плохо помогли в этом деле лезть и крокодилы слезы Эмилии. Доведенный до крайности своими неудачами, выведенный из себя неумелой ложью Олафа, это чело-

век был готов надеть глупостей, и навряд ли кто-либо смог бы его остановить. Маска все еще на нем и доспех все так же надежно защищает его тело. И что же тогда делать?

В полной мере осознавая плачевность ситуации и понимая насколько сильно она может ухудшиться в ближайшие несколько минут, Эмилия пошла на отчаянный шаг, выхватив припрятанный за пазухой узкий клинок, она бросилась на недоумевающего Лео, целясь тому лезвием прямоком в глаз.

Возможно, человек хорошо знакомый с умениями женщины и смог бы заподозрить, что слишком уж медленно она заносила клинок как для натренированной убийцы, но Пекос этого заметить не мог и оттого охотно клюнул на уловку. Бросившись вперед, он перехватил руку Эмилии, выворачивая ее запястье. Пока в нем была хоть толика веры в то, что Гедройц был на его стороне, он еще был готов вступить за союзника, сдерживая при этом свою силу, так как союзник то был без маски. Беспечно оставляя своего толстого приспешника позади, убийца всецело сконцентрировался на женщине, второй рукой впившись ей в горло. При этом Лео оказался ровно за спиной Кассиуса, и это уже была своего рода победа.

Одним уверенным движением толстяк сорвал с ошарашенного убийцы маску. Этого Пекос явно не ожидал. Инстинктивно повернув голову в сторону похитителя столь важной для него вещи, психопат ослабил бдительность, в

следующую секунду будучи атакованным сразу с двух сторон: крепким ударом, Лео подправил кровавому наследнику форму носа, а Эмилия изо всех имевшихся у нее сил поразила своей прямой ладонью кадык убийцы, умудрившись сразу за этим выудить у того из-под плаща охотничий нож, отскочив на два шага.

Пошатывающийся Кассиус пятился, схватившись одной рукой за свое настрадавшееся горло, а второй рыская в одеяниях, в попытках нащупать злосчастный нож. Опомниться ему никто не дал – наемники вмиг повыскакивали из своих укрытий, запустив сразу несколько болтов в сторону Пекоса и в считанные секунды расправившись с двумя его перепуганными прислужниками, что так и не успели оголить свое оружие.

Снаряды прошли в непосредственной близости от горла судорожно пытающегося вдохнуть убийцы, так и не задев его. И все же, он был окружен. Как бы ни был силен и ловок Кассиус, но в этот момент он, лишенный преимущества своей силы, стоял посреди комнаты, будучи буквально окруженным вооруженными до зубов людьми. Сочащаяся из разбитого носа кровь заливала лицо отчаявшегося ублюдка. Это был первый раз, когда наемники могли увидеть это лицо. Короткие русые волосы, недельная щетина, острые черты лица и полный неукротимой злобы немигающий взгляд, вот что запомнилось им во внешности этого чудовища.

Судорожно оглянувшись и едва не ставши жертвой оче-

редного запущенного болта, который удалось отразить только за счет того, что защищенными доспехом руками он заклонил свою голову, Пекос безудержно закричал, даже следовало бы сказать завыл, как воют загнанные в угол волки.

Перепуганный и туго соображающий, он прибегнул к единственному средству что пришло ему на ум – в отчаянии он таки воспользовался своими силами.

Едва приобретенный азарт наемников, свойственный охотникам, загоняющим свою добычу, сменился сквернейшим самочувствием. Да, на этот раз кожа бедолаг не сползала с них лоскутами, а глаза не вытекали из глазниц, ведь в страхе за собственную шкуру Кассиус не мог использовать данные ему эгрегором силы на полную мощь. Но даже части его возможностей хватило чтобы наемники, лишаясь сил и способности к нормальному дыханию, шатаясь оседали на пол, выпуская из обессилевших рук тяжелые палаши и самострелы.

Сам Пекос был в немногим лучшем положении, и все же, благодаря своей поистине выдающейся физической подготовке он полз по полу, упрямо двигаясь к дверному проему и сплевывая сгустки крови по дороге.

Оказавшийся у него на пути Ас попробовал уцепиться руками за доспех убийцы, но последний смог избавиться от непрошенного якоря двумя неловкими тычками локтя. Назвать эти тычки ударами было бы преступлением, и пускай на большее сил у Кассиуса не хватало, этого оказалось впол-

не достаточно чтобы отвязаться от закрывающей путь преграды.

Тут на психопата набросился Остин. Подползший со стороны главарь гвардейцев навалился на Пекоса всем своим весом, обхватив и без того крупную тушу своими крепкими руками. Убийца попробовал перевернуться, но потерпел неудачу, так и не сумев оттолкнуться от липкого пола руками. Двоица неистово барахталась, пытаясь не то удушить, не то запинать друг друга.

Ослабевший Вебер едва переставлял ноги, крохотными шажками приближаясь к ползающим по полу мужчинам. Единственное что удерживало его от падения – стена, что через призму возникшего головокружения и общего недомогания, казалось, ходила ходуном. Не вынеся качки, предсказатель рухнул на пол, споткнувшись обо что-то. На несколько секунд его главной задачей стала борьба с рвотными позывами, стремящимися вывернуть его желудок наизнанку.

У большинства других участников схватки дела обстояли ничуть не лучше: шатаясь и барахтаясь на полу, едва удерживая свои бранные тела в сознании, они мало чем могли помочь сцепившемуся с психопатом Остину. Единственным, кто не иначе как чудом сумел доковылять до этой пары барахтающихся мужчин, оказался Лео. По всей видимости, после многочисленных смертей и ранений, что ему довелось перенести на своем веку, Каратель уже давно привык к таким страданиям, стойко перенося их.

Трясушимися руками занеся палаш над головой убийцы, Лео готовился нанести решающий удар, но заметивший это Кассиус оказался проворней. Он подвернул вцепившегося в него Остина прямо под стремительно приближающееся лезвие. Не смотря на то, что в последний момент Карателю удалось немного отклонить клинок, его палаш все равно рассек бровь главаря наемников, заливая обезображенное шрамами лицо свежей кровью.

Пекос воспользовался заминкой, выскользнув из-под удерживавшего его мужчины и ударив ногой в лодыжку толстяка с достаточной силой, чтобы тот повалился на пол. Завывая, психопат полз к двери с удвоенным рвением. Едва удерживая себя в сознании, Верго оставалось только дивиться воли к жизни и силе духа своего врага. Кассиус боролся за свое право жить с совершенно невообразимым свирепством.

Даже попытавшийся воспользоваться самострелом Борис так и не смог спустить курок, ведь озверевший психопат буквально впился зубами ему в кисть, вынуждая бросить оружие. Набрав полную ладонь устилающей пол грязи, Пекос метнул мерзкий ком в глаза противника, тем самым выведя его из строя. Второй рукой убийца выхватил небольшой ножик для очистки овощей из пояса наемника, не забыв полоснуть тем же ножичком Борису по руке.

И вот, неудержимый кровавый наследник Помонта уже у самой двери, поднимается с пола, опираясь о стену. Перед ним последняя преграда – добравшийся туда секундой ра-

нее Лео. Толстяк перегородил своей тушей выход. Тяжело и часто дыша он просто вцепился обеими руками в дверной косяк. Так он определенно не мог сражаться, но и не позволял Кассиусу покинуть корчму. Не придумав ничего лучше, Каратель просто стал живым щитом, перекрывающим собою дверной проем.

– Сво-олочь! С доро-оги по-одонок! – на одном дыхании прохрипел убийца, повиснув на грузном теле недавнего союзника.

Как он ни старался, ему так и не удалось сдвинуть молчаливо преграждающего путь Лео. Тогда, занеся руку с ножом за спину, Пекос принялся наносить колющие удары по туловищу Олафа, один за другим.

Первый. Второй. Третий. Собрав остатки силы воли в кулак, Верго смог приподняться, опершись руками о расплывающийся у него перед глазами предмет интерьера и невольно сбрасывая с полок шкафа хранящуюся там утварь. Четвертый и пятый удары пришлись толстяку уже в область шеи, но тот все еще стоял. Вебер ухватился обеими руками за выступающее из стены сухое полено и разом подтянулся, вставая на ноги. Шестой. Седьмой. Восьмой. Удары ножом сотрясали пускавшего кровавые пузыри Лео. Вся его одежда уже насквозь просочилась кровью, его ноги и руки дрожали, а глаза закатились, но он все равно не отпускал дверной рамы, тем самым закрывая путь своему вредителю.

Шатаясь как от самой серьезной в своей жизни попойки,

предсказатель вынул из кармана пиджака обломок арбалетного болта.

Примерно на пятнадцатом ударе бездушное тело толстяка таки обмякло, оставляя свой пост. Радостный Кассиус уже навалился на дверь, но добравшийся до него Вебер решил повторить проделанные убийцей ранее трюки, сначала пнув неприятеля в колени, а после впившись зубами в держащую нож руку, тем самым не позволяя ей замахнуться. Взмахом руки предсказатель направил острие болта прямоком в висок Пекоса, но убийца умудрился приоткрыть весом своего тела входную дверь чуть ранее, вываливаясь наружу. Болт лишь слегка оцарапал ему щеку, так и не добравшись до намеченной цели. Ударом ноги припечатав лицо Верго, кровавый наследник окончательно скрылся за пределами корчмы.

Секундой позже, когда двери под напором вьюги закрылись, находящиеся в помещении люди почувствовали облегчение. Сила Пекоса уже не доставала до них, и они постепенно стали приходить в норму, поднимаясь на ноги и прочищая сжимаемое спазмами горло. Верго бросил быстрый взгляд на зажатый им в руке обломок болта, удостоверившись, что острие окрашено в чужой крови.

– Нужно бежать за ним! Все за ним! – завопил предсказатель едва отдышавшись, и первым выскочил за двери. Следом выбрались и другие участники потасовки. Выскакивая они с облегчением обнаруживали что ничто более не душит и не мучает их. Едва выбравшись из западни, за ненадоб-

ностью Кассиус унял свою силу. Теперь он во все ноги несся прочь, протаптывая влажный, свежевыпавший снег. Сражаться он уже явно был не намерен.

– Схаррат! Не дайте ему уйти! – закричал Остин, рванув вслед за беглецом.

Наемники, Каратели и телохранители Голдберга – все, за исключением самого Барона и опекаемого им наследника, ринулись в погоню за бегущим в сторону леса убийцей. Прорываясь сквозь плотный снег и безжалостные ветра, они самоотверженно гнались за своей добычей.

Верго стремительно бежал вперед, чувствуя, как холодный воздух наполняет его легкие, выметая оттуда остатки затхлого духа корчмы, как освежает его голову, унимая все недомогания. Улыбаясь, он бежал во всю прыть, вот только ни за кем он на самом деле не гнался.

Все больше удаляясь от корчмы, мужчина немного сбросил скорость у самой опушки леса. Оглянувшись он в последний раз окинул взглядом своих товарищей: как и ожидалось, впереди всех бежал сосредоточенный на погоне Остин, его волевое лицо было сурово как никогда; слегка отставая от него, гналась на удивление шустрая Эмилия, черные как смоль волосы вместе с плащом развивались у нее за спиной, оставляя за ее быстро перемещающимся силуэтом темный шлейф, отлично различимый на фоне снега; еще поодаль в одну ногу двигались Ас и Гарри, эта двоица атлетически сложенных громил походила в своем беге на неуклюжих цирко-

вых силачей, что пытаются рассмешить публику своей грацией платяного шкафа; за ними едва поспевал задыхающийся от бега Блиц, юнец выкладывался на полную, но даже на пределе своих возможностей он не мог бежать быстрее раззадоренной азартом возможной расплаты Арчи, чье лицо было искажено в равной мере как обидой, так и совершенно нескрываемым гневом; не до конца оправившийся Борис, телохранители Голдберга и группа наиболее избитых наемников замыкали собой погоню, плетясь в самом ее хвосте, хромая и пошатываясь, они все равно двигались к намеченной цели. В самом конце, позади всей этой вереницы спешащих загонщиков была еще одна фигура. Широкополая шляпа и легкое платьице, что было совсем уж не по погоде, подсказали Верго кем могла бы быть загадочная гостья, неподвижно стоящая у входа в корчму. Она с любопытством наблюдала за тем, как гнали прочь ныне беззубого и униженного, а некогда грозного и непобедимого зверя Помонта. Трудно было сказать, что она испытывала в тот момент, и испытывала ли хоть что-нибудь. Было ли ее появление своеобразным жестом благодарности предсказателю, или же обычным любопытством? С уверенностью сказать можно было лишь одно – каждое ее появление в жизни Верго всегда сопутствовало большим переменам. Оставалось только надеется, что на этот раз, перемены будут к лучшему.

Отвернувшись, предсказатель скрылся за рядом укрытых снежной пеленой деревьев. Он шел на юг, подальше от

кровожадных психопатов, чудовищ и дикарского княжества. Удаляясь, Верго больше не оглядывался, не вслушивался в шелест ветвей и скрип снега под ногами. Теперь все его мысли были заняты известнейшим ловакийским медицинским институтом. После завершения одной последней важной мелочи, его путь будет лежать именно туда. Пускай и не идеально, но план Вебера все же сработал.

Вьюга постепенно утихала, пока ветер наконец не умолк полностью, оставляя наемников в хрупкой тишине, свойственной лесам после снегопада. Окружающий мир словно застыл, заморозив в себе страсти погони. Спустя час изнурительных поисков, под слоем свежего снега был обнаружен бездыханный Пекос. Тело убийцы неестественно раздулось, посинев, а края небольшой царапины на щеке уже успели почернеть в следствии некроза тканей. Даже источаемый талым снегом холод не смог сильно замедлить неотвратимый процесс.

Когда все участники забега собрались вокруг неподвижного тела, и Эмилия обследовала труп, был вынесен окончательный, посмертный приговор психопату – яд истрицы сделал свое дело. Кому-то удалось раздобыть этот яд и применить на кровожадном тиране, никому не рассказав о своих замыслах. Кассиус смог отбежать от корчмы всего-то на жалкие пятьсот метров, после чего рухнул под дерево в предсмертных судорогах. Если бы не слой укрывшего его снега, то мертвеца бы удалось заметить значительно быстрее, избе-

жав пустой беготни по лесу.

Припомнив симптомы отравления ядом истрицы, Карательница пришла к выводу, что в последние минуты своей жизни кровавый наследник испытывал примерно то же, что обычно чувствовали перед кончиной его многочисленные жертвы. Вероятно, в иных обстоятельствах она нашла бы это занимательным, но сейчас ей было не до этого, ведь даже последний простофиля из числа ее спутников заметил, что предсказатель куда-то запропастился.

Пол часа поисков и зазывающих криков не принесли желанного результата – всем стало очевидно, что исчезновение Вебера носило отнюдь не случайный характер. Мужчина сознательно сбежал, воспользовавшись всеобщим замешательством. Все что от него осталось, так это лежащий неподалеку от двери корчмы обломок того самого отравленного болта что порезал щеку Кассиуса. Постепенно до участников погони стало доходить, как именно предсказатель обвел их вокруг пальца. Впрочем, как оказалось, единственной кого не устраивал такой исход была разгневанная Эмилия. Наемники были скорее уж благодарны что им не пришлось вновь столкнуться с грозной силой столь опасного противника, хоть невозможность отыгаться на Пекосе и вызывала у них легкое неудовлетворение.

Выбравшись на улицу, Голдберг задымил раздобытой невесть где курительной трубкой, добродушно посмеиваясь над замыслом Верго. Усач был осведомлен о планах пред-

сказателя в большей мере чем кто-либо другой, но даже он до самого конца не имел полной картины, и только теперь Барон мог сполна оценить замысел своего необычного знакомого.

Заготовленный отравленный снаряд, блеф, удержавший их всех в пределах корчмы до прихода Пекоса, неряшливый, будто брошенный невзначай, призыв погнаться за их врагом – теперь все события складывались в цельную картину. Веберу удалось и ловко расправится со своим противником и удрать оставшись незамеченным. Впрочем, было и кое-что еще.

– Вот сукин сын! Ну ничего, он не уйдет далеко, – бесновалась Карательница расхаживая из стороны в сторону у стен корчмы. – Я побеспокоилась обо всем заранее. Его имущество арестовано, а счета в столичном банке заморожены. Я разослала его данные и словесный портрет во все отделения национального банка федерации! Стоит ему только показаться там, и его схватят в ту же секунду. И даже если ему хватит наглости вернуться к Риганцу, и там его ждут наши люди! Вот же я молодец, что так подстраховалась. Ему точно не уйти!

– Вы так себя успокаиваете? – хихикнул Барон, вслушиваясь в монолог разгневанной бестии. – Я полагаю, что Верго не настолько глуп чтобы попасться в столь очевиднейшую ловушку. Нет, я знаю, что он не настолько глуп.

– А деньги? Да куда он денется без копейки в кармане? С

такой то славой, какой я его обеспечу, предсказывать в Равии оставаясь незамеченным у него больше не выйдет! – прошипела Эмилия, принявшись вытаптывать снег с удвоенным усердием.

– Что же, с деньгами у Верго более не будет проблем. Свою оплату он ведь уже получил, – спокойно ответил торговец оружием, выпуская облачко дыма.

– Как это, получил? – Глаза женщины округлились до небывалых размеров. – Когда?!

– Примерно два часа назад, когда вы с достопочтенным Остином обсуждали детали вашей миссии. – Голдберг определенно получал удовольствие, наблюдая за тем как каждый его последующий ответ во все большей степени находит свое отражение на вытянувшемся от удивления лице Эмилии. – Ах, вы же тогда были заняты и не обратили внимания? Какая жалость. Позвольте маленький урок из сферы финансов? Знаете ли, вексель согласно монетарному праву Равии может быть написан от руки и подписан единолично, одним человеком, без нотариального заверения со стороны. Ах да, чтобы бумага вступила в полную силу, требуется снабдить ее уникальным отличительным символом, котирующимся в среде финансовых институций. – Барон вытащил из кармана крупный перстень, в то же время представляющий из себя и печать. – Ну, вроде этого вот. Нужно ли говорить, что нет никакой нужды продавать вексель именно в Равии? Зачем ему рисковать, он может это сделать и в любой другой стра-

не. Ну что вы так смотрите на меня? Человек честно заработал свои деньги. Сказать по правде, он моя самая выгодная инвестиция в жизни! Ха, ха!

После этих слов на Эмилию было жалко взглянуть. Женщина поникла, утратив свой запал. Усевшись прямо на снег и облокотившись на холодную стену здания она безразлично высматривала расплывающиеся образы в медленно ползущих по небу облаках. Ее взгляд был пуст, а мысли блуждали где-то очень далеко. Со стороны могло показаться что она впала в крайне апатичное состояние, утратив какой-либо интерес к своим спутникам, но на самом деле Карательница кое-кого ждала, пускай и не скрывая своего разочарования.

Женщина провела в таком виде не менее получаса, бросая весьма недружелюбные взгляды на всякого кто пытался с ней заговорить, и изредка отпивая из припрятанной под плащом фляги нечто очень крепкое. Ждать дольше ей не пришлось, она оживилась заметив, как из леса неспешно выбралось небольшое светлое создание. С трудом переставляя лапы (как если бы зверек пользовался ими впервые) мохнатый гость приблизился к Эмилиии, виляя хвостом и радостно шурясь. Это был славный, крупный и крайне пушистый манул, обладатель роскошных усов, пушистых полосатых ушей и жутко неловкой походки.

– Долго ты провозился, – едва заметно улыбнулась Эмилия. – Ты же мог взять тело одного из бродяг, сопровождающих Голдберга. Ты же это понимаешь?

Кот уселся в полушаге от женщины, уставившись на нее совершенно осознанным, немигающим взглядом.

– Да, знаю, они не преступники... – понимающе отозвалась Эмилия, ласково потрепав зверька по загривку. – И все равно, это же вопрос времени, когда они ими станут. Сам видишь, что Помонт делает с людьми.

Пушистый компаньон закономерно не отвечал, продолжая интенсивно, но слегка неумело вилять хвостом. Его взгляд все так же был направлен прямо в глаза женщины, словно заглядывая ей в самую душу.

– Ладно, ладно. Не смотри на меня так. Дождемся, когда они свернут на кривую дорожку, а потом уже поговорим. Но помяни мое слово, исходя из моего опыта – это почти что неизбежно. Стоит поместить даже самый прекрасный и безупречный на свете плод в яму с гнилью и компостом, как он в считанные часы станет неотличимой ее частью. А это княжество является настоящим кладезем отборнейшей гнили. Не я это придумала. Так уж устроена жизнь. – Карательница в очередной раз отхлебнула из фляги, отведя взгляд от кота и вновь уставившись куда-то в небо. Улыбка медленно сползла с ее лица, а сквозь лоб проложили свой путь едва заметные морщины. – Он ушел. Предсказатель. Нет, в этом нету твой вины. Ты все сделал хорошо. Я виновата. Что же, это будет дорого нам стоить. Сенат не прощает такие оплошности. Возможно, если повезет мы еще сможем напасть на его свежий след, но доставка наследника в Ганою сейчас куда

как боле важная задача. Придется отложить погоню. Эх, ну ладно, пошли, нам еще нужно найти тебе подходящее тело. Жаль конечно, что я не оставила ни одного разбойника в сознании, тогда тебе не пришлось бы так мучаться. Может быть нам все же удастся найти тебе тело получше пока мы не покинули эту дыру? Реанимировать бандитов сложно, особенно учитывая то, сколько времени они уже пролежали в холоде. Смотри как этих наемников много, пропади один, они и возражать не станут... Нет? Ну и ну, и какой же ты все-таки упрямый, Лео.

Неспешной походкой женщина отправилась в сторону готовящих что-то на костре наемников, неся в руках мурчащее пушистое создание.

Эпилог

Чудным воскресным утром пробудившись от громких песнопений птиц, престарелый глава семейства вышел на улицу, покинув чертог оплетенного плющом старого дома. Церковные колокола еще не оповестили своим звоном округу о начале нового дня, но старый Хокинз чувствовал, что проснулся немногим раньше.

Навечно застывшее в одном месте столичное солнце прогревало ноющие кости мужчины, избавляя его от остатков утренней дремы. Он щурился оглядывая столь знакомое ему поле, заполненное на треть сахарной свеклой и на две трети совсем еще зеленой рожью.

Хокинз решил прогуляться до фруктового сада, оглядывая свои владения и составляя в голове список всего того, что ему придется сделать за сегодня. А работы было и взаправду много: куры и гуси как всегда голодны, тля сжирает сливовые деревья чудовищными темпами, на поле даже с крыльца дома проглядываются робкие ростки сорняков, крыша старой постройки, как показал последний дождь, немного протекает, а забор ограждающий территорию хозяйства Хокинзов давно уже покосился.

Тяжелый вздох сотряс понурую спину мужчины. А ведь это был его единственный выходной, остальные же шесть рабочих дней подразумевали тяжкий и довольно низкоопла-

чиваемый труд на земле хозяина поселка. И даже более того, половину от всего выращенного урожая (уход за которым всецело лежал на плечах Хокинза старшего) ему приходилось отдавать на благо церкви. Впрочем, не то чтобы у него был выбор.

Мужчина не привык жаловаться на свою судьбу, закатав рукава и подвязав длинные седые волосы он собирался уже взяться за работу, но тут кто-то его окликнул совсем еще юным, звонким голосом. Это была его только-что проснувшаяся дочь – Марта.

Она была совсем еще юной четырнадцатилетней девчушкой, обладательницей длинных каштановых волос, осиной талии и крайне звонкого голоса. Пускай девушка была еще слишком мала, но в поселке еще с прошлого сезона судачили о том, кому же в итоге достанется эта красавица. Даже детишки хозяина земли украдкой поглядывали на фигуру девицы, чего уж говорить о отпрысках местных батраков.

– Отец, взгляни на то что кто-то просунул нам в окно этим утром, – прошебетала Марта, протягивая мужчине толстый конверт.

Хокинз с интересом осмотрел находку дочери, подметив отсутствие каких-либо почтовых печатей или же надписей на доставшейся им посылке.

«Теперь газеты доставляют так, сложенными и упакованными в конверты? Да нет, глупости. Кто же станет разносить газеты и листовки утром воскресенья?» – подумал озадачен-

ный глава семейства, вскрывая тупым ножом, что он всегда носил с собою, загадочный конверт. Точно нет, последняя недельная газета была доставлена в пятницу, вся ее главная колонка была посвящена громогласной сенсации: старый князь Помонта наконец упокоился и ко всеобщему удивлению его место занял доселе безызвестный незаконнорожденный наследник – Марк Пальмонтский. Следующая же газета должна была прийти никак не раньше вторника. Нет, это было что-то иное.

Как только в плотной бумаге было проделано отверстие, из нее тут же вывалилась толстая пачка купюр, перетянутая единственной тонкой нитью. Отец и дочь смотрели на выпавшее нечто, не в силах поверить своим глазам. Даже без пересчета, по одной только толщине пачки и номиналу верхней купюры было ясно, что там находилось куда больше нескольких крат – совершенно немислимой суммы для их краев.

Все хозяйство Хокинзов вместе с доставшимся им по наследству домом, земельным уделом и всей живностью, стоило не более полутора крат. Бегло пересчитав купюры, отец едва не выронил их из дрожащих рук. Шестьдесят крат.

Но как это могло быть правдой? Быть может это чудовищная ошибка, или же чей-то злобный розыгрыш? Откуда здесь могли взяться такие деньги?

– Зови мать. Живо! – непослушным языком проямлил мужчина.

Озадаченная ничуть не меньше своего отца Марта со всех

ног бросилась к их дому, а Хокинз в это время еще раз повнимательнее пригляделся к конверту. Распотрошив его, он обнаружил содержательное письмо на обратной стороне бумаги. Усевшись на старый поваленный ствол груши, мужчина принялся за чтение, щурясь слеповатыми глазами. С каждой прочитанной строкой его лицо принимало все более ошарашенное выражение, а руки дрожали все сильнее, пока наконец, когда он дочитал содержимое конверта, мужчина не выронил бумагу из онемевших пальцев. Слезы катились по его смуглым щекам, скрываясь где-то в основании густой бороды.

Именно в таком виде его застала переполошившаяся миссис Хокинз. Вместо внятных ответов на десятки ее сумбурных вопросов, мужчина просто протянул ей исписанную мелким неровным подчеркиком бумагу, предложив присесть перед прочтением. Миссис Хокинз послушно уселась, ее глаза уже бежали по рядам загадочных строк, а ладонь прикрывала приоткрывшийся от смеси самых неожиданных эмоций рот. Текст письма гласил следующее:

«Здравствуйте,

Надеюсь это письмо застанет вас в добром здравии.

Долгие годы я боялся сделать этот шаг, боялся взглянуть вам в глаза, боялся вновь заявить о себе, показать, что я жив, что еще существую. Я покинул наш дом ослепленный своей гордыней. Я надеялся добиться невиданных высот, стать общепризнанным и уважаемым лекарем и вернуться к вам ове-

янным ореолом славы. Но жизнь определенно имела на меня свои планы, и они разительно отличались от моих.

Как вы и предполагали, военная служба не принесла мне ничего кроме горя и страданий. Я не приобрел ни богатств, ни друзей, ни хороших воспоминаний. Все было настолько печально, что в течении длительного времени я действительно считал, что лучше уж вам получить компенсацию за мою смерть вместе с известием, что ваш сын погиб как герой. Лучше уж поставить точку, оставшись в вашей памяти героем, чем жить в ней неудачником и слепцом.

Но я выжил. Годы шли и с каждым прошедшим днем меня все больше страшила мысль о том, чтобы вернуться к вам, чтобы разрушить эту порочную иллюзию. Вы жили дальше, обзавелись дочерью. Марта, – вы дали ей очень красивое имя. Ваша жизнь все больше отдалялась от моей, ведь день за днем я все глубже погружался во мрак.

Я видел вещи столь ужасные, что предпочел бы забыть об этом. Я участвовал в событиях, воспоминания о которых мешают мне спать по ночам. Мой мир никогда уже не будет прежним, и если я еще чего-то и хочу, так это не втягивать вас в грязь своего мира. Именно поэтому вы сейчас видите перед собой это письмо, а не меня. Впрочем, пожалуй, мне бы все равно не хватило духу показаться вам на глаза спустя все эти годы.

Я был рядом с вами совсем недавно, прошел всего нескольких метров от вас, пока вы прогуливались по рыноч-

ной площади. Конечно, я изменился настолько сильно что вы не могли меня узнать, и все же, это был самый волнительный момент в моей жизни, ведь я вновь увидел вас, мою единственную семью. Я впервые увидел мою сестру, о существовании которой даже не подозревал все это время. Я разузнал о вашей жизни от местных односельчан, и мою душу безмерно согревает осознание того что у вас все хорошо, что вы живы и здоровы. Наш старый дом все так же зелен, а фруктовый сад навевает сладкие воспоминания о детстве. Интересно, наша кузина, тетушка Флинт, все так же печет имбирное печенье по праздникам? Наверное, я уже никогда не узнаю.

Полагаю, поведать вам в этом письме о себе было бы лишним. Я не желаю отягощать вас своими проблемами. Теперь я совсем другой человек, не тот, кого вы знали. Сменилось даже мое имя. Теперь меня зовут Верго Вебер. Единственной хорошей вещью что я могу сообщить вам о своей работе, является то, что она недавно заставила меня пересмотреть свои взгляды на жизнь. Мне всегда казалось, что я на самом начале своего пути, и путь этот будет длиться целую вечность. Так и пролетели мои лучшие года, и вот, сам того не заметив я вполне возможно приближаюсь к его завершению. Я больше не могу тешить себя самообманом, оттягивая написание этого письма.

Знайте, все то что я в сердцах сказал, по своей юношеской глупости покидая отчий дом – не более чем повод для моего безмерного сожаления. Я ценю что вы для меня сделали и

всегда буду любить вас. Поэтому, пожалуйста, примите этот денежный дар от меня. Не беспокойтесь, он был заработан честным трудом. Возможно, если плоды моих трудов сделают счастливыми хотя бы вас, то моей душе еще найдется спасение.

С любовью, ваш,
Ларри Хокинз».